

Субкоманданте Инсурхенте Маркос

Четвертая мировая война

Предисловие

«А что, если Маркос — это не Маркос...»

Читатель!

1987 год. Киев. Разгар перестройки. Время «Огонька», «Взгляда» и хита группы «Наутилус Помпилиус» «Скованные одной цепью». Под горбачевские рассуждения об «общечеловеческих ценностях» скоропостижно кончалась целая эпоха, наступало время больших перемен и мы, политически девственные обитатели одной шестой части суши, с трудом привыкая к отсутствию цензуры, начинали все смелее рассуждать в еще советских трамваях и очередях о «новом мировом порядке». Мы были совершенно искренни и приветствовали крушение стен и гранитных кумиров. «Новый порядок» начинался невинными латиноамериканскими телесериалами и «МақДональдсами» в центре Москвы, чтобы закончиться ракетными ударами по Белграду и Багдаду и агонией российской провинции.

В 1987 году, когда мы слушали о «связанных одной целью» и переполнялись очередными светлыми надеждами о разрыве вышеупомянутой цепи и грядущем без прописок и цензур, в сельве южно-мексиканского штата Чьяпас готовилось одно из последних безумий уходящего века — индейское вооруженное восстание как раз против того, ради чего руками нашего поколения с таким энтузиазмом разрушался Союз.

Потом в мире и жизни каждого из нас произошло много всего разного. История еще раз доказала нелинейность времени, и в мире не осталось учебников, способных объяснить, почему слово «будущее» вызывает сегодня у стольких из нас это неудобное молчание, как будто бы в самом этом слове заключалось что-то неприличное. Но есть у разных историй в истории нечто общее. Нелюбовь к цепям. Независимо от их цвета и материала, из которого они сделаны.

Может быть, поэтому Илья Кормильцев, автор «Скованных одной цепью», издает сегодня этот сборник военного командира мексиканских индейцев. А я в Сантьяго пишу к нему это предисловие, пытаюсь распутать вполне шизофренический клубок мексиканско-украинско-чилийско-российских реальностей. Потому что нынешние цепи оказываются куда тяжелее нашего светлого авторитарного прошлого. Потому что, изменяясь, этот мир уменьшился настолько, что судьба, подготовленная в нем для русского крестьянина, все больше напоминает участь, отведенную мексиканскому индейцу. И речь даже не о России, и не о Мексике. Трагедия и надежда нынешнего мира — в его сегодняшнем объединении. «Антиглобализм» — идеологическая манипуляция, ярлык, успешно навешенный сторонниками «нового мирового порядка» — неолиберализма — на его противников. Глобализация человечества — желанный и неизбежный процесс. Проблема в другом — нынешние хозяева планеты, рыночные фундаменталисты — приучили нас называть глобализацией, то что субкоманданте Маркос более точно назвал Четвертой мировой войной.

Чтобы лучше понять излагаемые в этой книге идеи и мысли — важно учесть, что они результат не только и не столько литературно-политических изысканий самого Маркоса, сколько продукт опыта многолетних размышлений, сомнений и борьбы организованных индейских общин, от имени которых он обычно выступает.

Эта книга — второй и самый полный сборник его эссе, коммюнике и интервью на русском языке. Сюда включена лишь малая часть множества работ субкоманданте, переводимых сегодня на десятки языков мира, потому что то, о чем он говорит нам «из гор

юго-запада Мексики» — стало в последние годы частью нашей с вами реальности. В результате одной из неслучайных случайностей, название индейского селения, возле которого расположен Генеральный штаб Сапатистской Армии Национального Освобождения (САНО), которой командует субкоманданте Маркос, называется Ла-Реалидад — в переводе с испанского — Реальность.

Поскольку тема сапатистского восстания была и остается табу в нынешних российских средствах массовой информации (впрочем, с советскими, наверняка, было бы то же самое), а в Интернете опубликовано немало разных глупостей, попытаюсь дать небольшой контекст.

1. Прогулка в реальность

Каждый день и час пребывания в Чьяпасе, приносили с собой все новые вопросы. Мы понимали, что ничего не понимаем. Ясно становилось только одно — об этой истории нельзя судить исходя из публикаций в Интернете, разговоров с политиками в Мехико или с журналистами в кафе Сан-Кристовалья-де-лас-Касас. Необходимо было срочно ехать в сапатистскую «столицу» — Ла-Реалидад. Ла-Реалидад — это селение индейцев-тохолабалей, в глубине Лакандонской сельвы, возле границы с Гватемалой. Время уже поджимало, и отъезд был назначен на 6 утра в воскресенье. Нашим единственным будильником в постоялом дворе Сан-Кристовалья был жирный попугай цвета исламистского флага, который с рассветом поднимал такой галдеж, что к моменту написания этих строк, я не сомневаюсь, что кто-то из слабонервных туристов уже наверняка свернул ему шею. Но настоящей проблемой был даже не попугай, а то, что рассветало намного позднее шести. Поскольку встреча с джипом наших знакомых сапатистов должна была состояться на одном из перекрестков Сан-Кристовалья, а с будильниками в этих краях гораздо хуже, чем с попугаями, пришлось провести еще одну бессонную ночь. И когда в условленном месте в без пяти шесть утра воскресного дня нас уже ждали, нашему удивлению не было границ (впрочем, как это бывает в Чьяпасе довольно часто). Потому что любой, хоть немного знакомый с Латинской Америкой, скажет, что так не бывает. Все страны региона очень разные — и одна из немногих черт, что их объединяет (кроме католической религии и неудачного соседства с Соединенными Штатами), это то, что все пунктуальные люди уезжают отсюда в лучшем случае с язвой, а в худшем — в состоянии легкого психического расстройства. Пунктуальность всех наших сапатистских знакомых не уступала немецкой. Но если в Германии это обычно немного раздражает, в Мексике это вызывает не меньшие симпатии, чем правое дело за которое они борются.

Другая их замечательная черта — это привычка молчать. После неумеренной разговорчивости некоторых латиноамериканских «левых», склонных вести круглосуточные дебаты о Че Геваре и неделями рассказывать о собственных подвигах в борьбе с той или иной диктатурой (в зависимости от страны), после чего единственное, что остается непонятным, это почему диктатуры длились так долго, сопровождавшие нас все восемь часов пути через сельву обменялись с нами всего несколькими фразами, односложно отвечая на вопросы или говоря ровно столько, сколько следует.

Поездка в Ла-Реалидад закончилась рядом странных встреч и подтверждением наших предположений о том, что сапатистский проект — это всерьез и надолго. Маркосу была передана его первая книга на русском, а на военной заставе, которая делит дорогу в Реальность на две одинаковых части, остались ксерокопии наших паспортов и наши фотографии для какого-нибудь бесполезного досье. Все это происходило во время официального молчания сапатистов, когда больше полутора лет от САНО не было никаких заявлений и, как обычно бывает в подобных случаях, интернет полнился сплетнями о болезни Маркоса, его бегстве из страны, расколе в индейских общинах и прочими «проверенными новостями». В результате поездки мы убедились, что все это — не более чем слухи и что просто сапатисты в очередной раз готовят миру очередной сюрприз. Так и получилось.

Но наверное главная особенность сапатистов все-таки в другом. В полном отсутствии в них претензий на какую-либо особенность. В их человеческой нормальности и обычности. В том, что никто из них не чувствует себя героем.

Отношение к Маркосу следующее: в сапатистских общинах, он пользуется безусловным уважением, которое может быть точнее было бы определить словом «любовь»;

старшие по возрасту относятся к нему скорее, как к сыну, чем к командиру армии. Кстати, никто из его знакомых не называет его Маркосом, все говорят ему «Суп» — производное от «субкоманданте». И, естественно, знаменитые черные маски-«пасамонтаньяс» — это аллегорический атрибут используемый только для общения с «внешним миром».

Часто думают, что все индейцы Чьяпаса — сапатисты. Это не так. Всего около 10–15 % индейских общин штата являются сапатистскими. Поэтому нет в Чьяпасе, как когда-то во время гражданских войн в Никарагуа и Сальвадоре, партизанских «освобожденных территорий». Партизан не видно. Они в горах. Есть гражданские сапатистские общины, выживающие, существующие и развивающиеся, несмотря на постоянное стремление правительства покончить с ними.

Последние годы были периодом целенаправленной дезинформации и клеветы в адрес сапатистов. При отсутствии новостей в средствах массовой информации, большинство из владельцев которых далеки от симпатий к сапатистам, ходят слухи о том, что «сапатисты сложили оружие и Маркос распустил свою армию» (как будто эта армия — собственность Маркоса и у него есть подобные полномочия). Говорят много всего разного, причем даже в самой Мексике. Поэтому...

Попробую по-порядку:

2.Краткий курс истории Чьяпаса от времен Бартоломе де Лас Касаса до договора Нафта

Как известно, «открытие Америки» в 1492 году было началом конца великих американских цивилизаций, в науке и культуре превосходивших своих «открывателей» и уступавших им прежде всего в военных технологиях (любые совпадения с военно-политической ситуацией начала XXI века, разумеется, случайны). Известно также, что для испанских конкистадоров, мечом и крестом проводивших антитеррористическую кампанию тех времен, индейцы были опасной разновидностью диких животных, и те из них, что не поддавались приручению, уничтожались. Дикари — создатели точнейших для своего времени календарей и звездных карт, архитекторы великих городов и хирурги, проводившие операции на мозге, не смогли противостоять огнестрельному оружию и эпидемиям — первым благам европейской цивилизации, завезенным на континент. Уничтожение индейцев считалось делом чуть ли не богоугодным, ибо церковь считала, что у индейцев «нет души».

Одним из первых испанцев, выступивших в их защиту, стал миссионер-доминиканец Бартоломе де Лас Касас, который, сделавшись епископом города Сьюдад-Реаль, впервые добился освобождения индейцев в подвластном ему округе. Александр Мень писал о Лас Касасе и его предшественнике священнике Антонио де Монтесиносе следующее: «30 ноября 1511 года колонисты Санто-Доминго... собрались в своей церкви. Воскресное богослужение должны были совершать приехавшие из Саламанки монахи-доминиканцы. Присутствовали и сам адмирал Диего, сын Колумба, и вся местная знать. На кафедру поднимается человек в поношенной черно-белой рясе. Это отец Антонио де Монтесинос. Темой проповеди он берет слова наставника покаяния — Иоанна Крестителя: «Я — глас вопиющего в пустыне»... Незаметно проповедь превращается в гневную обвинительную речь. «Ответьте, — гремит монах, глядя на испанцев, — по какому праву, по какому закону ввергли вы сих индейцев в столь жестокое и чудовищное рабство? На каком основании вели вы столь несправедливые войны против миролюбивых и кротких людей, которые жили у себя дома и которых вы умертвляли и истребляли в невероятном количестве с неслыханной свирепостью?!»... Сцену эту детально и живо описал сам Лас Касас, бывший ее свидетелем. Скорее всего, именно в тот день в его сознании шевельнулся вопрос: законна ли сама по себе Конкиста?.. Пройдут годы, и взгляды отца Бартоломе станут куда более радикальными. Он уже не будет довольствоваться облегчением участи индейцев и улучшением миссионерской работы. Он объявит военное сопротивление Конкисте справедливым делом, поскольку захваты индейских земель были насильственной узурпацией. «Уроженцы всех земель в Индиях, — напишет он, — куда мы вступили, имеют право вести против нас самую справедливую войну и смести нас с лица земли. Это право они будут иметь до Судного дня»...»

Именно в его честь этот город называется сейчас Сан-Кристобаль-де-Лас-Касас — один из старейших в испанских городах в Америке, основанный в 1528 году, в течение XIX века он

был столицей Чьяпаса и является, несомненно, самым красивым колониальным городом штата.

В течение нескольких веков нынешний мексиканский штат Чьяпас был частью территории Гватемалы. В 1821 г. Мексика добилась независимости от Испании. В 1823 г. чьяпасская элита решает отделиться от Гватемалы и присоединиться к Мексике, потому что «лучше быть хвостом льва, чем головой мыши». Мнения индейцев, естественно, никто не спрашивал. После мексиканской революции 1910–1920 годов, провозглашавшиеся ею гражданские свободы и аграрная реформа коснулись Чьяпаса в меньшей мере, чем какого-либо другого штата. Лучшими землями здесь, как и во времена де Лас Касаса, владеют белые помещики, пользуясь фактически рабским трудом индейцев и, держа частную охрану — так называемые «белые гвардии» — вооруженные банды, готовые выполнить любой приказ хозяев. Телесные наказания и право «первой брачной ночи» по отношению к дармовой рабочей силе индейцев — вовсе не редкость. До 70-х годов двадцатого века в самом «цивилизованном» городе Чьяпаса — Сан-Кристовале можно было видеть обыденные уличные сцены того, как индеец, идущий по узкому колониальному тротуару навстречу белому или метису, спускался с тротуара, уступая ему дорогу. Сидевшие на скамейках рынка Сан-Кристовала индейцы вставали, когда мимо них проходили белые мексиканцы или туристы.

По официальным данным, население Чьяпаса составляет около 3 600 тысяч человек, из которых индейцев — более миллиона. На самом деле эти цифры, особенно вторая, более чем относительно, в большинстве общин нет учета ни рождаемости, ни смертности, и вполне возможно, что индейцев в Чьяпасе значительно больше, чем обычно считается. Следуя той же официальной, то есть насколько можно приукрашенной статистике, — 2/3 населения штата проживает в сельской местности, и доход 90 % из них является минимальным или нулевым. Половина жителей Чьяпаса не обеспечена питьевой водой и 2/3 не имеют водопровода. Электричество есть только в трети жилищ. Из 100 детей 72 не заканчивают даже начальной школы. 40 % населения штата моложе 15 лет. Из 16058 школ, имевшихся в 1989 г., всего 1096 были расположены на территориях проживания индейцев. 1,5 млн жителей Чьяпаса не получают никакого медицинского обслуживания. Поэтому около 15 тысяч детей умирают в год от излечимых болезней: число, сравнимое с количеством жертв недавних гражданских войн в соседних Гватемале и Сальвадоре. В Чьяпасе — 0,2 медпункта на каждую тысячу жителей; это в пять раз меньше, чем в среднем по стране. 54 % населения Чьяпаса страдает от истощения и среди индейцев голодает около 80 %.

При этом в штате производится более 55 % гидроэлектроэнергии страны, 35 % кофе и значительная часть мексиканской нефти, природного газа, ценной древесины, меда, бананов, какао, кукурузы и мяса. Значительная часть всего этого идет на экспорт...

В начале 1980-х годов больше сотни тысяч гватемальских индейцев пересекло мексиканскую границу, спасаясь от геноцида проводившегося властями их страны. Это была одна из самых кровавых и малоизвестных миру страниц новейшей латиноамериканской истории. За 36 лет вооруженного конфликта между «банановыми» правительствами, армия которых обучалась и вооружалась США и Израилем, и левыми партизанами, поддерживавшимися Кубой, в стране с населением в 10 миллионов жителей, погибло более 200 тысяч человек. 93 % погибших стали жертвами правительственных сил и 3 % — партизан. Индейцы составляют 44 % населения страны, среди погибших их — 83 %.

Обилие дешевых рабочих рук из Гватемалы еще больше обострило социальные противоречия Чьяпаса. После экономического кризиса 1989 года, приведшего к резкому падению цен на кофе и мясо, ситуация подавляющего большинства жителей штата оказалась просто критической.

Этот период совпал с апогеем проведения неолиберальных реформ в мексиканской экономике и подготовкой подписания договора о свободном экономическом обмене между Мексикой, США и Канадой — НАФТА. Договор НАФТА открывал двери неограниченному доступу транснациональных корпораций к природным богатствам страны, лишая ее жителей последних ресурсов государственной защиты и полностью исключал из этого процесса индейские общины, являющиеся самой неконкурентоспособной и нерентабельной с точки зрения макроэкономических раскладов, частью населения. Впрочем, точно так же, как и пенсионеры, инвалиды, безработные, больные и прочие сегменты, не попадающие под категорию потребителей или производителей. Кроме того, договор НАФТА являлся

смертным приговором для десятков местных культур, сохранявшимся, несмотря на пять веков конкисты.

Основные индейские народы, населяющие штат это:

цельтали, что в переводе с их языка значит «пришедшие издалека», их более 400 тысяч, они являются потомками майя и живут в Сельве, в Лос-Альтос и на севере штата;

цоцили, в переводе — «люди—летучие мыши», которые тоже майя, их около 400 тысяч и живут в основном в горном районе Лос-Альтос и на севере, красота вышивки их женщин известна во всей Мексике;

тохолабали, в переводе «говорящие на верном языке», они тоже потомки майя, их число — около 100 тысяч и живут в основном в муниципалитете Лас-Маргаритас в Лакандонской сельве. Это народ ставший крестьянским в результате веков проживания в поместьях белых плантаторов в качестве полурабов. Они потеряли значительную часть своих корней и главным образом — язык. Это народ наиболее массово участвующий в САНО;

соке — более 100 тысяч, населяют центральную и северную части штата. Это единственный из индейских народов Чьяпаса, не принадлежащий к группе майя;

мамы — около 10 тысяч представителей этой народности группы майя-киче, очень близких к гватемальским индейцам и живущих в горах Сьерра-Мадре-де-Чьяпас на границе с Гватемалой.

3. Немного о Мексике

Мексика — крупнейшая испаноязычная страна мира, население которой перевалило недавно за 100 миллионов человек. На ее территории, где возделывание маиса началось в V тысячелетии до нашей эры, возникали и развивались культуры ольмеков, теотиуакана, сапотеков, майя, тольтеков, ацтеков и других народов древности. Земля здесь буквально переполнена памятниками истории и археологическими реликвиями.

И это не только история. Несмотря на кажущееся преобладание западных элементов в менталитете и пейзаже крупных городов и туристических центров Мексики, эта страна, как и некоторые другие в Латинской Америке, является не монокультурной, а бикультурной. Хотя 64 индейских народа проживающих в Мексике составляют всего около 10 % ее жителей, по своей общей численности они превышают коренное население любой другой страны континента. Большинство из них говорят на родных языках и сохраняют свои традиции. Несмотря на века разрушения, запретов и отрицания, эта другая культура — мезоамериканская, — порой вступая в различные связи и смешения с культурой Запада, а порой и без этого, мощно присутствует на всей мексиканской территории.

В то же время, Мексика обладает рядом черт, отличающих ее от остальных латиноамериканских стран. В результате революции, свергнувшей диктатуру Порфирио Диаса, Мексика стала и осталась чуть ли не единственным государством Латинской Америки, где церковь действительно отделена от государства. Говорю «действительно», потому что формально она отделена во всех странах, но на практике активнейшим образом участвует в государственной жизни и влияет на нее. В Мексике этого нет. И в то же время мексиканцы — самый религиозный народ континента. Еще Мексика — единственная латиноамериканская страна, где испанские конкистадоры не являются национальными героями; здесь нет ни одного памятника Эрнану Кортесу. Великое прошлое индейских народов Мексики — предмет национальной гордости с точки зрения «официальной истории». Ни одно другое правительство Латинской Америки не выделяло столько средств на археологические раскопки, научные исследования и содержание музеев, как мексиканское. Таким образом, мексиканский индеец оказался превращен в музейный экспонат и окаменелость — где любим и почитаем всеми. И в это же время существовали и существуют сильнейшая дискриминация современного индейского населения и презрение к их нынешней культуре со стороны «белой» и «метисной» части страны. В этом отношении можно — с некоторой натяжкой — сравнить роль индейцев в культуре и быту Мексики с ролью цыган в России или Испании.

Многочисленные черты культурной и исторической близости между Мексикой и Россией — отдельная и малоизученная тема. Не знаю, существуют ли этому какие-то рациональные объяснения, но ни в одной другой латиноамериканской стране наш человек не чувствует себя так «по-домашнему», как в Мексике. Первой новостью дня после нашего

первого прилета в Мексику было столкновение между самолетом и поездом. Где еще, кроме России и Мексики, такое было бы возможно? И как после этого не любить Мексику?

Система правящей государственной Институционно-Революционной партии (ИРП), созданной в 1929 году постреволюционной бюрократией, пришедшей к власти после свержения диктатуры Порфирио Диаса — событиям известным нам по книге Джона Рида «Восставшая Мексика», единолично правившей страной до 1990 года, была весьма похожа на схему правления КПСС. Партийные структуры полностью подмяли под себя государственные и, несмотря на формальную демократию и существование оппозиционных партий, все это время в стране сохранялась жесткая вертикальная система правления, получившая название «дедократии», от слова «дедо» — палец, в смысле — указывающий перст.

Мексика стала первой страной Западного полушария, признавшей Советский Союз и установившей с ним дипломатические отношения. После поражения Испанской Республики, Мексика стала убежищем для сотен тысяч республиканцев. С победой Кубинской революции Мексика поддержала ее, и в течение всего времени правления ИРП сохраняло тесные отношения с правительством Фиделя Кастро. В течение всей бурной истории Латинской Америки XX века, в Мексике находили вторую родину жертвы диктатур и политических преследований со всего континента. Многочисленность проживающей здесь интеллектуальной элиты, множество университетов и первоклассных исследовательских центров, национальный кинематограф, театр, активная издательская деятельность — все это превращало город Мехико в культурную столицу Латинской Америки.

В то же время существовала и другая, менее афишируемая сторона этой реальности. За десятилетия бесконтрольной власти ИРП коррупция в правительственных сферах всех уровней стала неотъемлемой частью национальной жизни. По несправедливости распределения доходов Мексика, несмотря на всю свою прогрессивную внешнюю политику, ничем не отличалась от любой другой капиталистической страны «третьего мира». Нищета и социальное неравенство для многих ее жителей и большинства ее индейцев были вполне сравнимы ситуацией в соседних центральноамериканских странах.

И была у Мексики еще одна особенность, кардинально отличавшая ее от остальных стран региона: ее отношения с Кубой. Особая политика, проводившаяся ИРП в отношении Кубы и других социалистических стран, требовали точно такого же «особого отношения» с Мексикой. Ни Советский Союз, ни Куба никогда не поддержали бы никакого «партизанского очага» в Мексике. На протяжении 1960-х — начала 1980-х годов на Кубе проходили военную подготовку представители революционных движений практически всей Латинской Америки, всей — за исключением Мексики. Соображения «реалполитик» оказывались выше всех прочих. В условиях региональной изоляции и североамериканской блокады Куба не могла себе позволить лишиться единственного постоянного союзника на континенте, поддерживая его врагов, в этом случае — мексиканских революционеров. Более того, весьма вероятно существование обмена информацией между властями Кубы и Мексики, позволявшего политической полиции ИРП, помогавшего подавлять в зародыше любую попытку создания в стране левых вооруженных групп. Поэтому революция здесь была невозможна.

В нескольких известных случаях попыток создания в стране революционных движений, политическая полиция Мексики в самом начале их возникновения проводила хирургические операции по задержанию, а часто и по физической ликвидации их лидеров. Эти репрессии не становились темой обсуждения в прогрессивных кругах, подконтрольные правительственной партии средства информации молчали, а тысячи проживавших в Мексике левых интеллектуалов континента были благодарны мексиканским властям за предоставленное убежище и не могли и не хотели верить в злодеяния своих амфитрионов. Нечто подобное произошло и 2 октября 1968 года, накануне Олимпиады в Мехико, когда войска в самом центре мексиканской столицы расстреляли на площади Тлателолько сотни студентов, требовавших демократических преобразований. В течение долгих лет тема бойни на площади Тлателолько была табу для «мировой прогрессивной общественности». Если многие не хотели верить в преступления Сталина, к чему было забивать себе голову преступлениями ИРП...

4. Транскультуризация, ультраправые боевики, церковь и традиции

Существует ли противоречие между развитием технологий и сохранением космогонизмов культур, отличных от нашей? Насколько справедливы частые обвинения в адрес противников неолиберальной глобализации вообще и сапатистов в частности в том, что они — «новые луддиты, сопротивляющиеся прогрессу»?

Один из интересных ответов (не единственный, конечно) на эти вопросы был дан в интервью 1999 года известного мексиканского журналиста, уже много лет живущего в Чьяпасе, Германа Беллинсгаузена испанскому писателю и политику Мануэлю Васкесу Монтальбану, автору книги «Маркос — властелин зеркал»:

«Васкес Монтальбан : Сегодня уже не остается индейцев, полностью изолированных от атрибутики современности, да и нет в этом необходимости. Если у них появляется телевизор или стиральная машина, влияет ли это каким-то образом на их мировосприятие? В какой степени проникновение всех этих элементов, связанных с одним восприятием мира, способно повлиять на их традиционную космогонию?»

Беллинсгаузен : Лет двадцать или двадцать пять назад предсказания Фернандо Бенитеса, самого уважаемого историка мексиканского индеанизма, отличались пессимизмом и сводились к тому, что эти цивилизационные различия между одними и другими полностью исчезнут лет через пятьдесят или немного позже. Но сегодняшняя тенденция как раз обратная. Жизнь показала, что индейцы могут интегрировать в свой быт стиральную машину, могут пользоваться телевизором и компьютером, и все эти и другие элементы западной цивилизации не только не изменяют, но и напротив, еще больше утверждают их в том, кем они являются. Интересен пример того, что происходило с миштеками, отправлявшимися на заработки в Соединенные Штаты. Они изобрели новую форму писания писем. Поскольку они не умели писать ни по-испански, ни по-английски, ни по-миштекски, но могли купить себе видеокамеры, они снимали окружающую их действительность и отправляли это своим родителям и родственникам в общину. Матери отправляли им письма, наверняка написанные под диктовку деревенским священником, а они отвечали видеокассетами. Элементы, которые, казалось бы, должны были интегрировать их в «другую цивилизацию», лишь усилили их отличие. Левые идеи сапатизма укрепили их особость — и как личностей, и как индейцев. Я думаю, что индейцы в зоне конфликта чувствуют себя сегодня сильнее и увереннее, чем пять лет назад, и это дает им чувство гордости и делает их гораздо терпимее по отношению к отличиям, которые они видят между собой и иностранными наблюдателями, этими молодыми ребятами с кольцами, татуировками, эти культурные меньшинства, которые приезжают сюда чтобы сблизиться с ними и помочь им. Все это индейцы должны были пропустить через свое мировосприятие и в конце концов обогатиться этим.

Васкес Монтальбан : Взгляд другого.

Беллинсгаузен : Первые наблюдатели и добровольцы, приезжавшие сюда с кольцами и татуировками, получали осуждение. Зачем они раскрашивают себе кожу? — спрашивали индейцы. В результате общения и совместного проживания предрассудки были преодолены».

Тем не менее, ситуация в большинстве индейских общин Чьяпаса весьма далека от представлений восторженных индеанистов. Самоуправление организованных повстанческих муниципалитетов — скорее не норма, а исключение, ставшее продуктом сложного и противоречивого процесса. Повседневной реальностью так называемых «традиционных общин» является безраздельная власть престарелых вождей и шаманов, сконцентрировавших в своих руках полный контроль над населением.

В городке Сан-Хуан-Чамула, который находится в десяти минутах езды от Сан-Кристобалья, на башенных часах свое, на час отличающееся от общемексиканского, время. Потому что, по мнению местных властей, «человеку не дано изменять заданное ему богом время». За день до нашего туда прибытия, толпа линчевала четверых местных жителей, обвинив их в колдовстве. Под властью вождей Чамулы — более ста тысяч человек. Эти вожди — высшая религиозная, политическая и экономическая инстанция Сан-Хуана-Чамулы. Политическую карьеру здесь можно сделать, только будучи в родственных отношениях с семейством престарелых вождей и путем медленного восхождения по карьерной религиозной лестнице, начиная помощником помощника какого-нибудь церковного завхоза. В Чамуле всего одна церковь. Все остальные, вместе с домами их прихожан, давно сожжены, а сами иноверцы с семьями изгнаны из чамульских общин. В течение всех 70 лет правления в Мексике ИРП эти религиозно-политические власти обеспечивали голоса всех здешних избирателей всем ее кандидатам. И власть верховная всегда закрывала глаза на беспредел

власти местной. Однажды один из членов клана вождей совершил в окрестностях Чамулы серию изнасилований и убийств. Его вина была доказана и на территорию одной из общин вошла полиция и задержала его. На состоявшихся через несколько месяцев после этих событий выборах все сто процентов голосов чамульцев были отданы за оппозицию. Федеральные власти немедленно освободили арестованного «из-за недостатка доказательств». Вожди Чамулы вновь стали верными союзниками ИРП. За последние двадцать лет около 30 тысяч жителей, то есть почти треть населения, были изгнаны из общин Чамулы за «ересь, идолопоклонство и неуважение к традиции». «Еретики» и «идолопоклонники» — это евангелисты, адвентисты, неверующие и другие католики, просто считающие своим покровителем не святого Иоанна (Сан-Хуана), а какого-нибудь другого святого. В этом — основной принцип религиозной политики властей Чамулы. Связь религии с экономикой здесь достаточно пряма и проста — во всех здешних многочисленных церковных церемониях обязательно потребление *поша* — крепкого алкогольного напитка из кукурузы, немного напоминающего на вкус смесь среднего по качеству самогона с очень плохим ромом. Впрочем, пош здесь активно потребляется и вне религиозных церемоний. Производство и торговля пошем полностью в руках властей. Отсюда и особая необходимость в изгнании евангелистов, которые, как известно, обходятся без спиртного. Такой вот опиум для народа.

Правда, бежавшие из католических общин евангелисты, когда становятся большинством в общинах своей новой дислокации, традиционно забыв о любви к ближнему, в свою очередь изгоняют оттуда католиков и сжигают их дома.

Чтобы зайти в собор Сан-Хуана-Чамулы, необходимо купить билет, деньги за который поступают на личный счет старейшины города. Внутри церкви, где с момента ее построения не было сделано ни одной фотографии, бросается в глаза невероятная в этих нищих краях роскошь, на устеленном соломой мраморном полу — сотни зажженных свечей, на коленях перед которыми — в состоянии молитвенного транс индейцы. Между их лицами и свечами — бутылки кока-колы, поша и другие, неведомые нам предметы. Сопровождающая нас американская журналистка, которая уже 30 лет живет в Чьяпас, тихо объясняет, что все присутствующие — шаманы, «заряжающие» кока-колу и пош божественной энергией для проведения ритуалов и церемоний в окрестных общинах. Все эти шаманы убеждены, что они — единственные истинные католические священники. На входе в церковь — несколько совершенно пьяных прихожан, пьющих из бутылок прямо перед образами святых и что-то со слезами им доказывающих.

Религиозный синкретизм народов майя, проживающих в беднейшем штате Мексики, — настолько богат, разнообразен и неожидан, что это стало темой сотен серьезных научных исследований. Здесь есть десятки католических и протестантских конфессий и сект. Примерно десять лет назад в самом центре Чьяпаса возникла даже первая в Латинской Америке мусульманская община индейцев. И единственное, что объединяет большинство из них, — это религиозный пыл и нетерпимость к другому, отличному. Индейское командование САНО запретило субкоманданте Маркосу высказываться на тему религии. Сапатизм — единственное движение в Чьяпасе, в котором участвуют представители различных конфессий и люди, достаточно далекие от религии, и любое мнение на эту тему, высказанное сапатистским руководством, неизбежно привело бы к обострению религиозных конфликтов в штате.

«Традиционные» общины обладают не меньшей реальной автономией от мексиканского государства, чем сапатистские, представители федеральных властей практически никогда не появляются на их территории, но еще ни разу ни один из мексиканских президентов не обвинил их власти в «нарушении суверенитета мексиканского государства над частью национальной территории», как это происходит с сапатистами.

Вот еще одна иллюстрация из жизни «традиционных» общин. От Овентика нам было нужно добраться до лагеря беженцев в Поло, где проживают сотни семей гражданских сапатистов, бежавших из селения Актеаль и окрестностей, где в декабре 1997 года ультраправые боевики убили десятки мирных жителей (боевики — это те же индейцы из соседних «традиционных» общин, получающие деньги, оружие и военную подготовку от правительства, дабы спровоцировать военные столкновения с сапатистами и оправдать таким образом использование войск для «умиротворения конфликта между индейцами»). Поскольку никакого прямого транспорта не было, мы сели в первый попавшийся грузовик,

который должен был доставить пассажиров в ближайший к Поло муниципальный центр, Ченало. Это название показалось мне знакомым. И только уже подъезжая, я вспомнил, что Ченало — один из главных центров подготовки боевиков и военного присутствия в Чьяпасе. Когда грузовик остановился возле рынка, и мы вышли, и впервые за все время пребывания в Мексике мы почувствовали себя крайне неудобно. На улице было много пьяных или находящихся под действием какого-то наркотика мужчин, очень недружелюбно на нас смотревших, потом некоторые из них начали к нам приближаться, размахивая руками и крича что-то на местном языке. Никто не говорил ни слова по-испански. Мы были единственными иностранцами в Ченало, и было очевидно, что мы — друзья сапатистов, потому что среди иностранцев друзей боевиков не бывает. Надо было бежать. Мы бежали по улицам Ченало в направлении, как нам казалось, центра. Кстати, в этот момент мне впервые пригодились удочки, которые я взял с собой в Чьяпас. Я их взял на случай того, что, если нас поймают в сельве военные или боевики, сделать вид, что мы туристы, увлекающиеся спортивной рыбалкой. Когда я объяснял это мексиканским друзьям, они говорили, что теперь понимают, почему распался СССР... потому что если КГБ всех так готовил... Издалека чехол с удочками весьма смахивал на гранатомет. Но на этот раз удочки помогли отбиваться от подступавшего с разных сторон противника. Нам повезло. Насчет центра мы угадали. После пробежки через несколько кварталов мы увидели квадратную центральную площадь с церковью, которые одинаковы во всех провинциальных городах Латинской Америки от Мексики до Чили. На площади стояли танкетки, военные джипы и солдаты. Кроме нас, это были единственные неиндейцы в Ченало. Пьяная толпа отстала. Увидев военных, я не смог скрыть чувства облегчения, полагая, что, пусть теперь нас арестуют, пусть депортируют из Мексики без права на возвращение, мы раскаемся и пообещаем больше не ездить в гости к сапатистам... все что угодно, лишь бы не быть растерзанными пьяными бестиями в каком-нибудь переулке Ченало... Наверное, я, как всегда, немного утрирую, но было просто страшно. На площади мы успокоились, нашли такси и шепотом предложили водителю очень хорошие деньги, если он отвезет нас отсюда в Поло, где нас ждут. Он сообщнически кивнул, наше путешествие продолжилось, и мы теперь всегда будем помнить, что такое Ченало и почему оно не подходит в качестве промежуточного пункта.

Религиозный фанатизм, усиленный почти поголовным пьянством в «традиционных» общинах является главной причиной конфликтов и вооруженных стычек в Чьяпасе. Поэтому практически с самого начала слияния САНО с автономными общинами, на их территории был введен сухой закон. А законы там соблюдаются. Если вы привезете в какую-нибудь сапатистскую общину хотя бы бутылку пива, вас попросят навсегда покинуть ее.

Как принимаются решения в общинах? Почему военный командир сапатистов должен им подчиняться? Ответы на эти вопросы можно найти в истории сапатистской армии.

5.История САНО, война и мир

Генерал Эмилиано Сапата — выходец из Чьяпаса — был самым популярным героем мексиканской революции 1910–1920 годов. Представляя интересы беднейших крестьян страны, он не стремился к власти (говорят, что другой герой революции, Панчо Вилья, был ближе к коммунистам, идеи же Сапаты напоминали скорее позиции анархистов) и после его убийства в 1919 году Эмилиано Сапата превратился в настоящую легенду, в Чьяпасе до сих пор живы слухи, что он не умер, а ушел с остатками своей армии в горы, что его видели, то здесь, то там. легенда о Сапате смешалась с более древней индейской мифологией.

Сапатистская Армия Национального Освобождения была создана 17 ноября 1983 года группой из трех индейцев и трех метисов, разбивших в Лакандонской сельве свой первый лагерь. Все они были политическими активистами из различных организаций, стремившимися создать партизанский очаг в стиле революционных теорий Че Гевары. Маркоса среди них еще не было, он появился примерно через год.

Там же, в глубине Лакандонской сельвы нашли убежище многие индейцы, бежавшие от религиозных преследований со стороны «традиционных» общин и от террора «белых гвардий» помещиков-скотоводов. Они создали собственные диссидентские общины, резко отличавшие их от большинства других: так, все решения в них принимались коллективно на «ассамблеях», не существовало засилья вождей и шаманов, различные религиозные кредо мирно сосуществовали и не являлись поводом для конфликтов. Процесс этот развивался в

условиях относительной независимости от внешнего мира, места проживания общин были слишком удалены от очагов федеральной власти и источников мракобесия вождей и расизма помещиков.

В результате первых лет скитаний и одиночества, марксистско-ленинское ядро Сапатистской Армии, насчитывавшей в те годы от силы полтора десятка человек, вступает в первые контакты с этими диссидентскими общинами и, согласно «официальной истории» сапатистов, терпит свое первое поражение. «Мы вас не понимаем», — отвечали индейцы на зажигательные революционные речи партизан. Партизаны, в свою очередь, не понимали отношений, существовавших в общинах. Это положило начало долгому и трудному процессу взаимного обучения. Из учителей и, как тогда предполагалось, будущего авангарда революционного процесса, Маркос и его товарищи превратились в учеников индейцев, признав недостаточность своих университетских теорий. Этот процесс совпал по времени с началом крушения социалистического лагеря и распадом Союза. В соседних центральноамериканских странах был очевиден кризис всех революционных проектов: в Никарагуа сандинисты проиграли президентские выборы, в Сальвадоре и Гватемале партизаны вели мирные переговоры и готовились к сдаче оружия. Оказавшаяся без советской поддержки Куба осталась наедине с США и уже не могла поддерживать никакие национально-освободительные движения.

Тем временем мексиканский президент Мигель де ла Мадрид начал проведение в мексиканской экономике неолиберальных реформ, резко обостривших противоречия в сельской местности. Участились нападения на диссидентские общины со стороны «белых гвардий» латифундистов. Общины обратились к сапатистам с просьбой сначала взять на себя функции по их защите от нападений, а затем и обучить их воевать в обмен на питание и обеспечение продуктами первой необходимости САНО, находившейся в горах. Так началось постоянное сотрудничество между сапатистами и общинами, постепенно приведшее к фактическому слиянию и объединению одних с другими.

В 1992 году мир отмечал 500-летие открытия Америки. В этом же году правительство Карлоса Салинаса де Гортари внесло в 27 статью конституции Мексики поправку, позволяющую куплю-продажу общинных земель, что под давлением местной сельскохозяйственной олигархии и транснациональных корпораций, заинтересованных с природных богатствах Чьяпаса ставило под угрозу само существование индейских общин и привело к стремительному росту рядов САНО. В течение одного года число регулярных сил Сапатистской армии выросло от нескольких десятков до нескольких тысяч бойцов. Когда мексиканское правительство приняло решение о подписании договора НАФТА, призванного покончить с остатками мексиканской независимости и передать природные ресурсы страны на волю рыночных стихий, организованные сапатистские общины в результате всеобщей консультации населения принимают решение о вооруженном восстании. В декабре 1992 года командование Сапатистской армии, к этому моменту уже полностью подчиненной гражданским общинам, получает от них приказ о подготовке войны против федерального правительства. Субкоманданте Маркос, являвшийся командиром САНО, просит год срока для подготовки войны. Вооруженное восстание назначено на 1 января 1994 года, дату вступления в силу только что подписанного договора НАФТА.

В условиях глубочайшей секретности, которой способствуют только что принятый сухой закон и удаленность повстанческих общин от основных центров цивилизации, сапатисты весь 1993 год готовят эту войну. В коллективном заговоре участвуют десятки тысяч индейцев. В военной структуре САНО предусмотрены три уровня участия: *базы поддержки* — гражданские участники движения, оказывающие всяческую посильную помощь армии и принимающие участие в мирных мобилизациях, *милисианос* — проходящие курс военной подготовки в рядах САНО, но основную часть времени занимающиеся крестьянским трудом в общинах, готовые к мобилизации в случае тревоги или ведения военных действий, и *бойцы* — военные, постоянно находящиеся на своих базах в горах. Эта схема вовсе не является жесткой, и участники различных уровней могут по собственному желанию переходить с одного на другой. В число обязанностей бойцов САНО входит обучение письму и истории.

Весь 1993 год число рядов САНО растет. В Лакандонской сельве проводятся широкомасштабные военные учения, происходит накопление оружия и сбор информации о силах противника. Разведывательные службы федеральной армии кладут на столы

правительственных чиновников первые донесения о наличии партизан на юге страны, но, поскольку признание этого факта может поставить под угрозу готовящийся к подписанию договор НАФТА, правительство предпочитает игнорировать или приуменьшать значимость этой информации. Никто не в состоянии представить себе масштабов готовящихся событий.

В первые часы 1 января 1994 года — дня, когда вступал в силу договор о НАФТА, — возникшие из ночного тумана и небытия истории тысячи вооруженных индейцев в масках занимают семь муниципальных центров Чьяпаса, включая главный туристический город штата — Сан-Кристобаль-де-Лас-Касас. Восставшие называют себя Сапатистской Армией Национального Освобождения, объявляют войну мексиканскому правительству и обязуются соблюдать международное законодательство о ведении военных действий. Восстание на юге Мексики становится информационной бомбой. Пока власти и мир пребывают в состоянии полной растерянности, сотни вооруженных и едва говорящих по-испански индейцев беседуют на улицах Сан-Кристобалья с удивленными туристами и горожанами. В словах восставших нет призывов к мести или ненависти. Их поведение, их взгляды и их слова значат одно — «Мы здесь». «Мы пришли». «Мы существуем». «Что вы дальше с этим будете делать?!». Единственный метис среди восставших, которого его товарищи называют субкоманданте Маркосом, — военный командир армии. Все въездные пути в город перекрыты сапатистами. Никого не впускают и никого не выпускают. Одна из туристок возмущается тем, что у нее срывается уже оплаченный тур к руинам города майя Паленке, находящимся поблизости. «Извините за неудобства, но это революция», — отвечает ей Маркос.

На следующий день, оправившись от неожиданности, федеральные войска атакуют Сан-Кристобаль и другие города штата, захваченные восставшими. В большинстве случаев, избегая прямых столкновений с войсками, сапатисты отходят в горы. В этот же день, 2 января отборные подразделения САНО атакуют казармы федералов в Ранчо-Нуэво, чтобы отвлечь основные силы противника и прикрыть отход своих товарищей. Бронетехника федералов направляется к индейским общинам, и авиация начинает бомбежки сельвы. На улицы Мехико и других городов страны стихийно выходят сотни тысяч людей, требуя от правительства прекращения бойни и начала переговоров. Имидж правительства, уничтожающего своих индейцев, оказывается для президента слишком дорогой ценой за военные успехи, и 12 января он заявляет об одностороннем прекращении огня, издает закон об амнистии для всех восставших и, получив от сапатистского руководства категорический отказ, соглашается на начало переговоров о мире. К этому моменту в национальной и международной прессе и Интернете уже циркулируют первые декларации и интервью сапатистов, объясняющие причины и цели восстания.

С 21 февраля по 2 марта 1994 года в соборе Сан-Кристобалья при посредничестве городского епископа Самуэля Руиса проходит мирный диалог между командованием САНО и представителем правительства Мануэлем Камачо Солисом. Диалог заключается в передаче властям требований восставших и получении ответа и предложений правительства для их обсуждения в общинах.

12 июня 1994 года, после их обсуждения во всех гражданских общинах, САНО отвергает условия правительственных предложений о мирном урегулировании конфликта, однако при этом она обязуется соблюдать соглашение о прекращении огня и созывает Гражданскую Демократическую Конвенцию, для проведения которой в сельве, в районе селения Гуадалупе-Тепейак строится первый Агуаскальентес — нечто наподобие центра для контактов с гражданским обществом. Цель Конвенции — встреча всех демократических сил страны для создания широкого единого социального движения для свержения диктатуры ИРП. Гражданская Демократическая Конвенция проходит с 6 по 9 августа, в ней участвуют около семи тысяч делегатов со всей страны.

19 декабря в обход военных застав и КПП сапатисты прорывают кольцо военного окружения и мирно занимают позиции в новых селениях, которые раньше находились вне зоны конфликта.

В феврале 1995 года начинается новый раунд переговоров между правительством и САНО. Тем не менее, 9 февраля, в нарушении договора о прекращении огня, федеральные силы неожиданно атакуют Гуадалупе-Тепейак — место, где расположен генеральный штаб сапатистов, с целью физического уничтожения руководства движением. Войска разрушают Агуаскальентес, библиотеку, школы и жилища и оккупируют часть повстанческих общин.

САНО отступает в горы. Вместе с ней в горы, спасаясь от репрессий военных, уходят более 30 тысяч гражданских жителей. Одновременно с военным ударом, правительство «разоблачает» «настоящую личность Маркоса»: это Рафаэль Себастьян Гильен Висенте, 39 лет, выходец из семьи торговцев мебелью города Тампико, закончивший философский факультет Мексиканского национального автономного университета (УНАМ), бывший, до ухода в подполье, преподавателем теории коммуникационных технологий Столичного автономного университета.

В апреле 1995 года в поселке Сан-Андрес-Ларраинсар, переименованном сапатистами в Сакамч'ен-де-лос-Побрес, возобновляются переговоры между сапатистами и правительствам. Повстанческую делегацию возглавляет команданте Тачо. Переговоры продолжаются в течение десяти месяцев, в работе обеих сторон участвуют советники и специалисты самой разной политической ориентации. Подписанные САНО и федеральным правительством первые «соглашения Сан-Андреса», предполагающие изменение конституции Мексики и признания в ней прав и культуры индейских народов, а также права на автономию и самоуправление индейских общин и населенных ими территорий, так и остались на бумаге, и их существование просто игнорируется нынешними властями.

С 27 августа по 3 сентября 1995 года САНО проводит национальную и международную консультацию по поводу методов своей борьбы. На их вопросы отвечает более миллиона человек в Мексике и более ста тысяч за границей. Большинство опрошенных требуют от правительства и сапатистов поиска мирного решения конфликта и заявляют о своей поддержке требований восставших.

1 января 1996 года создается Сапатистский Фронт Национального Освобождения — общенациональная гражданская организация, выступающая с теми же требованиями, что и САНО, но легально и без оружия.

С 27 июля по 3 августа 1996 года САНО проводит на территории пяти новых сапатистских Агуаскальентес Первую Межконтинентальную Встречу за Человечество и против Неолиберализма. В ней участвуют более 5 тысяч делегатов из 42 стран. На встрече принято решение о создании всемирной сети за человечество и против неолиберализма для поддержания связи и обмена опытом между различными участниками сопротивления «новому мировому порядку».

В 1997 году усиливается военное давление на сапатистские территории: с одной стороны, продолжается милитаризация Чьяпаса, а с другой, — власти и местные отделения ИРП проводят подготовку ультраправых боевиков из соседних с сапатистскими «традиционных» общин с тем, чтобы спровоцировать столкновения между индейцами и создать повод для вмешательства армии.

В сентябре САНО отправляет в Мехико 1111 сапатистов для встреч с гражданским обществом и независимыми организациями. Цель этих встреч — организация мирных мобилизаций с требованием выполнения договоров Сан-Андреса, демилитаризация Чьяпаса и освобождение десятков заключенных сапатистов.

Официальные власти все чаще говорят о необходимости «восстановления национального суверенитета» над сапатистскими территориями. Боевики регулярно убивают представителей гражданских сапатистских властей и угрожают иностранным наблюдателям. Жители многих сапатистских селений под давлением боевиков вынуждены бежать из родных мест в лагеря для беженцев, находящиеся под контролем международного Красного креста и неправительственных организаций. 4 ноября, накануне визита Папы Римского, происходит покушение на епископа Сан-Кристобаля Самуэля Руиса — последовательного защитника прав индейцев и через два дня — на его сестру.

22 декабря, несмотря на все предупреждения и заверения властей о «полном контроле над ситуацией», ультраправые боевики учиняют в деревушке Актеаль бойню, жертвами которой становятся 45 человек, в большинстве своем женщины и дети. Расправа длилась больше 6 часов, все это время в 200 метрах от места трагедии находилась полиция, вмешавшаяся только после окончания бойни, чтобы... помочь преступникам спрятать трупы.

1998 год начинается в обстановке крайней напряженности. Войска, полиция и боевики продолжают нападения на гражданские общины, гибнут и пропадают без вести десятки мирных жителей, власти ведут охоту на генеральное командование САНО. Из Мексики депортируют множество иностранцев — журналистов, сотрудников неправительственных организаций и наблюдателей за соблюдением прав человека. Все они обвиняются во

вмешательстве во внутренние дела страны. Пока в Мехико правительство говорит о стремлении к возобновлению диалога и отсутствию у него агрессивных намерений, федеральные силы штурмуют безоружные индейские селения, 38 танкеток по четыре раза в день проводят «военные парады» в самом центре общины Ла-Реалидад и военная авиация ведет постоянные маневры, пикируя на хижины индейцев в сельве. В течение практически всего этого года САНО пребывает в молчании, отдавая приоритет организации ненасильственных гражданских акций давления на правительство с целью выполнения договоренностей Сан-Андреса. В конце года САНО выступает с инициативой о проведении «Национальной консультации для признания индейских народов и прекращения войны на уничтожение». Одновременно с этим САНО заявляет, что в сложившейся ситуации диалог с правительством совершенно невозможен и определяет в качестве своего единственного собеседника гражданское общество.

В воскресенье 21 марта 1999 года, рассредоточившись по всей Мексике, почти пять тысяч сапатистских делегатов — по одному на каждый из муниципалитетов страны и тысячи добровольцев проводят общенациональную консультацию, вопросы которой связаны с необходимостью конституционного признания прав и культуры индейских народов. В ней принимают участие 2 миллиона 800 тысяч человек по всей Мексике и 48 тысяч мексиканцев, проживающих за границей, главным образом, в Соединенных Штатах. Ответ подавляющего большинства: «да» — признанию прав индейцев и «нет» — войне. Реакцией правительства становится телевизионное шоу о «сдаче сапатистами оружия и униформ федеральной армии». Через несколько дней выясняется, что в роли сапатистов-дезертиров были боевики из группы МИРА, и что за выступление в эфире им заплачено натурой (коровами) и деньгами.

Через две недели после проведения консультации спецподразделения полиции штата берут штурмом муниципалитет Сан-Андреса и взамен избранных сапатистских властей, сажают в кабинеты представителей ИРП. Проправительственная пресса сообщает новость о «конце еще одного сапатистского муниципалитета». Тем не менее, на следующий день около трех тысяч гражданских сапатистов мирным путем восстанавливают контроль над административным центром и берут его под свою охрану.

В этом же 1999 году начинается крупнейшая в истории Мексики забастовка главного вуза страны — УНАМ. Студенты и преподаватели требуют ограничить приватизацию образования. Многие из них становятся регулярными посетителями Лакандонской сельвы, где происходит постоянный обмен опытом и идеями. Сапатисты заявляют о своей поддержке студенческого движения и ведут постоянные дискуссии о путях совместного сопротивления.

В феврале 2000 года федеральная полиция Мексики нарушает университетскую автономию и, чтобы положить конец забастовке, входит на территорию УНАМ. Сотни студенческих руководителей и преподавателей оказываются за решеткой. САНО выступает с заявлением, осуждающим насилие и организует акции солидарности с заключенными студентами.

2 июля в стране проходят президентские выборы, кладущие конец 70 годам правления ИРП. Сапатисты, как обычно, не вмешиваются, не препятствуя проведению избирательных кампаний на своей территории и не выражая поддержки ни одному из кандидатов. Они выступают с заявлением, которое отражает позицию, которой они неизменно придерживались все эти семь лет: «Избирательный период — это не время сапатистов. И не только из-за нашего вооруженного сопротивления или потому, что у нас нет лица. Кроме всего этого и прежде всего — из-за нашего стремления найти новую форму делать политику, у которой мало или вообще ничего общего с формой сегодняшней... Согласно сапатистской идее, демократия — это нечто выстраивающееся снизу и вместе со всеми, даже с теми, чей образ мысли отличен от нашего. Демократия — это осуществление людьми власти постоянно и повсеместно». На выборах побеждает кандидат правой Партии Национальный Альянс, бывший управляющий мексиканским филиалом Coca-Cola Висенте Фокс Кесада. Фокс обещает, что решит чьяпасский конфликт за 15 минут и дает слово, что его правительство примет закон о конституционном признании прав и культуры индейцев, согласованный когда-то с сапатистами в Сан-Андресе.

2 декабря, на следующий день после принесения Фоксом президентской присяги в присутствии десятков местных и иностранных журналистов сапатисты проводят в Ла-Реалидад пресс-конференцию. Перед ее началом Маркос читает письмо-обращение к новому президенту: «Для сапатистов, во всем, что касается доверия, вы начинаете с нуля... У вас не

должно быть сомнений — мы ваши противники. Единственное, что под вопросом, — это каким образом будет развиваться наше противостояние: путем гражданским и мирным или же мы должны оставаться с оружием в руках и со скрытыми лицами, чтобы добиться того, к чему стремимся, что является, сеньор Фокс, ничем иным, как демократией, свободой и справедливостью для всех мексиканцев... За эти почти семь лет войны мы пережили двух глав государства (самопровозгласившихся «президентами»), двух секретарей министерства обороны, шесть государственных секретарей, пять уполномоченных «по мирному урегулированию», пять «губернаторов Чьяпаса» и множество чиновников рангом ниже... В течение этих почти семи лет мы все время настаивали на диалоге. Мы делали так потому, что это наша обязанность перед гражданским обществом, потребовавшим от нас заставить замолчать оружие и искать мирного решения... Если вы выберете путь честного, серьезного и уважительного диалога, то докажите на деле вашу готовность. Не сомневайтесь, что со стороны сапатистов ответ будет положительным. Так сможет возобновиться диалог и начнет строиться настоящий мирный процесс...» В качестве предварительных условий для возобновления диалога с правительством САНО выдвигает три условия: ратификация договоренностей, подписанных в Сан-Андресе, освобождение всех заключенных сапатистов в Чьяпаса и за его пределами и ликвидация семи из 259 военных баз в штате.

На этой же пресс-конференции субкоманданте Маркос сообщает о решении сапатистов осуществить мирных поход на Мехико («поход цвета земли») с требованием конституционного признания прав и культуры индейских народов. В походе примут участие 23 команданте и один субкоманданте из подпольного революционного индейского комитета и тысячи добровольцев из Мексики и из-за границы. За три недели до начала похода президент Фокс заявляет: «Мексика больше, чем Чьяпас... Поход так поход. Не хотят похода — пусть не идут. Как хотят». Но проходит всего несколько дней, и под влиянием результатов опроса общественного мнения и интереса мировых СМИ мнение президента резко меняется: «В эти дни мой приоритет — это помочь успеху похода. Я рискую моим президентством и всем моим политическим капиталом. Но надо дать Маркосу шанс», — заявляет Фокс 23 февраля 2001 года. В шесть утра 25 февраля вместе с командованием САНО из Чьяпаса отправились более трех тысяч сапатистов и симпатизирующих. На пути к ним присоединялись многие другие. Поход продолжался в общей сложности 37 дней, в нем участвовали десятки тысяч индейцев и неиндейцев, были пройдены 13 штатов страны, где состоялось в общей сложности 77 массовых встреч и митингов. 11 марта сапатисты прибывают на центральную площадь страны — Сокало. На ней и вокруг нее — около полутора миллионов встречающих. Маркос отказывается от предлагаемой Фоксом личной встречи и вместе с остальными участниками сапатистского командования в течение почти двух недель в Мехико практически круглосуточно проводит сотни встреч с представителями самых разных общественных организаций и движений. Поход на Мехико заканчивается 28 марта выступлением в Конгрессе команданте Эстер, говорящей о тройной дискриминации индейских женщин — как бедных, как женщин и как индианок.

25 апреля мексиканский сенат «единогласно» ратифицирует новый закон о правах и культуре индейцев. Президент Фокс и все три ветви государственной власти аплодируют этому решению. Этот закон не имеет ничего общего с сапатистскими требованиями и соглашениями Сан-Андреса, из него выхолощены все сколько-нибудь значимые пункты. Это пощечина не только сапатистам и индейцам, но и большинству мексиканцев, поддержавших эти требования. Сапатисты заявляют о прекращении переговоров и полном разрыве контактов с правительством и, в качестве последней попытки спасти мирный процесс, обращаются в Верховный суд страны с просьбой о пересмотре этого решения.

Наступает период молчания сапатистов, длящийся более полутора лет. Ходят всевозможные слухи о болезни, смерти или бегстве субкоманданте Маркоса из Мексики. На одном из светских приемов в Мехико Висенте Фокс спрашивает у португальского писателя Жозе Сарамаго, известного своей близостью к сапатистам, о причинах молчания Маркоса. «Они не молчат, — отвечает ему Сарамаго, — это вы не слышите».

6 сентября 2002 года Верховный суд Мексики заявил о своей некомпетентности для внесения поправок в конституцию. Последняя дверь на пути к мирному решению захлопывается. Одновременно с этим ультраправые боевики продолжают нападения на гражданские общины, убийства и похищения сапатистских активистов повторяются по всему штату. Вопреки ожиданиям, САНО не делает никаких заявлений, общины на время

прерывают контакты с внешним миром и закрываются для проведения внутренних консультаций в ситуации, которая кажется безвыходной.

Неожиданно в октябре в прессе появляется письмо Маркоса испанскому музыканту Анхелю Ларе по прозвищу «Русский», в котором субкоманданте... Впрочем, вся эта история и переписка достаточно подробно изложены на страницах этой книги и вряд ли стоит их пересказывать.

6. Сапатизм и левые движения

Очень интересно отношение к сапатистам средств массовой информации. В первые дни января 1994 года практически все они выступили с осуждением и утверждениями «бесперспективности» вооруженного пути. Буквально через несколько дней после публикации первых коммюнике САНО, писем и интервью Маркоса столь однозначные оценки встречаются все реже. Даже правительственная пресса уже через несколько месяцев после восстания вынуждена отказаться от своего первоначального тезиса о «белых профессионалах насилия, манипулирующих индейцами» и начинает признавать, что сапатизм опирается на реальную социальную базу. Потом наступает период моды на сапатизм, так называемой «маркомании», и, как когда-то Куба или Никарагуа, штат Чьяпас превращается в одно из главных направлений «революционного туризма». Некоторые теряют чувство меры. Другие пытаются сделать бизнес. Фирма Venetton тщетно пытается связаться с Маркосом, чтобы сделать эксклюзивный ролик рекламы своей походной одежды. На одной из пресс-конференций в Ла-Реалидад какая-то журналистка пытается подарить Маркосу пачку презервативов с его портретом. Он взрывается: «С индейской кровью не шутят». Пик популярности Маркоса приходится на период «похода цвета земли» на Мехико. Тогда, согласно опросам, его рейтинг составлял более 70 % — это было почти в два раза выше, чем у только что избранного президента Фокса. Благодаря безукоризненной моральной репутации сапатистов и полному отсутствию таковой у всех без исключения политических партий Мексики, в разные моменты различные политики предлагали сапатистами свое «бескорыстное представительство» их интересов. Вспоминая об этом периоде, Маркос отмечал, что особенно больно было еще раз убедиться в цинизме и прагматизме множества различных «левых альтернатив». В то же время многие догматики слева восприняли мирный поход на Мехико как отказ от революционной борьбы и скатывание к реформизму. Многие традиционные политики ожидали в результате похода сапатистов на Мехико превращения САНО в еще одну политическую партию, а Маркоса — в очередного вождя оппозиции. Разрыв всех контактов с правительством и возвращение в сельву казалось политическим самоубийством. В период молчания сапатистов, длившегося с апреля 2001 по октябрь 2003 года (прерванного только одним кратким заявлением в связи с убийством в Мехико правозащитницы Дигны Очоа), тема восстания в Чьяпасе исчезла с первых страниц мировой прессы. Некоторые восприняли это молчание как крупную ошибку в коммуникационной политике сапатистов. Так или иначе, это послужило поводом для многих превратить эту тему в табу и сегодняшние интереснейшие события в общинах не освещаются никем, кроме нескольких мексиканских газет и испаноязычных левых сайтов.

Вообще история отношений сапатистов с традиционными левыми движениями складывалась сложно. Не желая иметь проблем с мексиканскими властями, правительство Кубы — форпост революционного движения — все эти десять лет предпочитало воздерживаться от комментариев. За все эти годы Фидель лишь два раза коснулся этой темы. В первый раз непосредственно после восстания, подтверждая уже известную истину о том, что Куба не занималась и не занимается подготовкой мексиканских партизан, и во второй — во время «похода цвета земли», признав, что идея мирного похода на Мехико — очень удачный политический ход.

В интервью, данном французским социологам Ивону Ле Боту и Морису Нажману, в 1996 году Маркос достаточно подробно излагает свое отношение к краху социалистического лагеря и задачам современной левой:

«С этими идеями — нация, человечество и другие, вы уже довольно далеки от ортодоксального марксизма...»

Маркос: Да, и все это началось уже довольно давно, вместе с процессом перевода с университетской марксистско-ленинской культуры на культуру индейскую. Этот перевод был

скорее превращением. Я помню, что читал где-то, что тот, кто переводит поэзию, на самом деле является поэтом; в этом смысле настоящими создателями сапатизма были переводчики, теоретики сапатизма, такие люди, как майор Марио, майор Мойсес, майор Ана Мария, все те, кому приходилось переводить на местные языки; Тачо, Давид, Севедео — это настоящие теоретики сапатизма... Это они создали новую форму видеть мир.

Бывший преподаватель философии некого Рафаэля Гильена говорит, что в Маркосе от марксизма, по крайней мере, альтюссеррианского, уже ничего не осталось, что в нем уже нет ничего от революционера. Что думает сам Маркос по этому поводу?

Маркос: Возможно, Маркос уже не марксист, и я не знаю, плохо ли это, является ли это поводом для упрёка или для признания. Я думаю, что Маркос, в смысле, этот персонаж, до сих пор мог быть полезным для общин инструментом, и он был нужен им для того, чтобы выражать свои проблемы и продолжать этот сложный переход, в который превратилась война 1994 года. Вопрос, который нужно было бы задать о Маркосе: сможет ли он оставаться таким инструментом, и на протяжении какого времени еще, или же уже подошел момент, когда он должен умереть. Не умереть физически, а умереть, как персонаж.

Но, возвращаясь к вашему вопросу, я думаю, главное то, что начался процесс трансформации, причем, я имею в виду не Маркоса, а вообще левую мысль. Я не говорю, что быть марксистом — это грех, но если быть левым — значит постоянно находиться в процессе движения и обновления, сапатизм является движением революционным и последовательным...

Какую роль в этом процессе идеологических изменений сыграло падение Берлинской стены? Какой была ваша реакция, когда к вам пришла эта новость, и какова была реакция лично Маркоса?

Маркос: Да, падение Берлинской стены означало для нас оказаться в полной пустыне. Мы говорим о периоде нашего абсолютного одиночества в горах. Это значило, кроме всего прочего, задать себе вопрос о том, может ли выжить некая концепция мира без постоянной обратной связи с теми, в интересах кого, как предполагалось, она существовала. То, что нас удивляло, это не столько само падение Берлинской стены, само падение социалистического лагеря, сколько удовлетворение, с которым его восприняли народы, которые, как предполагалось, были освобождены благодаря социализму. А теперь они чувствовали себя свободными от социализма. Все это было для нас очень странно. Мы не могли объяснить это просто так при помощи поверхностного анализа, так как это делалось в средствах массовой информации, ограничившись заявлениями типа «они проиграли потому, что там у людей не было свободы».

Оказалось очевидным, что что-то не удалось. Да, социалистические страны сильно пострадали в период холодной войны, но нас удивляло, что люди даже не попытались защитить то, что, как предполагалось, являлось их завоеваниями. Для нас это значило, что невозможно навязать экономическую модель силой оружия.

Но самые трудные для нас вопросы были в том, что же следует за падением Берлинской стены, то есть какие другие стены возводило ее падение, стены, которые мировой капитализм выстраивал на своей неолиберальной стадии. Однополярный глобализированный мир, границы, которые, исчезая для капитала и товаров, умножаются для людей, чтобы дойти до таких гротескных и трагических ситуаций, как в Югославии, расовые войны конца XX века, когда твоя кровь может стоить тебе жизни, весь этот абсурд.

Этот мир был построен на лжи. Но это не значит, что это предложение потерпело поражение как мировая идея, я имею в виду левую идею вообще. Вместе с Берлинской стеной исчезла лишь модель политической организации этих левых... Необходимо вспомнить, что эта стена и социалистический лагерь получали серьезную критику не только справа, но и слева, всегда были левые, которые говорили, что необходимо многое изменить. Например, преодолеть эту закрытость, при которой «все то, что против меня, служит моему врагу», которая не позволяла социалистическим странам воспринимать какую-либо критику, не навешивая немедленно на нее ярлык критики предательской, реакционной, ревизионистской и так далее. В результате этого все ошибки, недостатки и нерешенные проблемы накапливались и увеличивались, пока все это не начало разлагаться изнутри.

Уроком для нас стало то, что любая политическая система, стремящаяся сохраниться, должна иметь общественную поддержку, должна быть в состоянии постоянного открытого контакта с обществом, и являться более открытой по отношению к критике. Если кто-то тебя

критикует — он вовсе не обязательно является твоим противником, не обязательно это твой враг, что является привычной тенденцией левых — «если ты меня критикуешь — ты или не революционер, или реакционер или невежда, не понимающий ведущей роли авангарда». Все это понимание пришло к нам после падения Берлинской стены. Но самым трудным было ощущение одиночества. Вдруг мы поняли, что нам совершенно не на кого опереться, даже морально. До этого у нас было чувство того, что мир, за который мы боролись, существовал, был реален. И вдруг его не стало, он оказался уничтожен.

— А Куба?

Маркос: Куба — это другая история... Куба очень дорожит своими отношениями с Мексикой и не будет помогать ни одному национально-освободительному движению в Мексике, в частности, нам. Сохраняется та же позиция — дело Мексики заключается в том, чтобы поддерживать кубинскую революцию. Но из-за процесса становления многих из наших товарищей, Куба была или остается, в зависимости от личного видения каждого, одиночим островом достоинства. Несмотря ни на что, нравится это кому-то или нет, ее правительство пользуется поддержкой большинства кубинского населения, и в то же время существует внутренний конфликт, есть процесс разочарования и изменений — все это должно решаться изнутри кубинского общества, это политические вопросы, которые решать самим кубинцам.

По отношению ко всему этому сапатизм занимает дистанцию уважения, но не следования. Мы не фанатики Кубинской революции... точнее, кубинского политического режима, но должны признать, что нам неизвестно, что на самом деле там происходит. Поэтому любое мнение, за или против, было бы ошибочным. Средства информации заявили бы, что кубинцы поддерживают сапатистов, или что «гусанос», — хотя уже нельзя говорить о «гусанос», — что кубинские диссиденты поддерживают сапатистов. В этих условиях, при постоянной манипуляции новостями, которые мы получаем, нет смысла делать публичных заявлений...

— *Однопартийная система, отсутствие свободных профсоюзов... вопрос принципов, правда? Кубинская революция — это другое, но сегодняшний кубинский режим находится в полном противоречии со всем, что вы говорите по поводу демократии, плюрализма, общественных движений...*

Маркос: Да, конечно. Любая власть находится в противоречии с тем, что мы говорим. В мире нет ни одной страны, которая соответствовала бы стремлениям сапатизма, ни одной в мире. Но в этом конкретном случае, при этой ситуации войны, наши товарищи сказали, что мы должны соблюдать дистанцию, ту же дистанцию, что и они занимают по отношению к нам. Они не говорят о нас ни хорошо, ни плохо. Значит и мы тоже не говорим о них. Можно сказать, что мы смотрим друг на друга соблюдая социалистические расстояния, и все.

— *Возвращаясь к теме падения так называемого социалистического лагеря, как вы это видите сегодня, как поражение или как шаг вперед? Был бы возможен сапатизм без падения социалистического лагеря?*

Маркос: Не знаю. Мы рассматриваем это как поражение в военном отношении, в смысле войны политической. Столкнулись две большие силы, и одна из них потерпела поражение. Почему? Очевидно, потому, что сильнее оказалась другая. Но нужно проанализировать, почему социалистический лагерь не смог преодолеть этого. Доказательством того, что он потерпел поражение являются события, происходящие после падения социалистического лагеря, то есть вместо расширения в мире борьбы за демократию начинается повсеместное наступление правых. С исчезновением Советского Союза к власти приходит не открытое и демократическое правительство, а Ельцин. Немедленно после этого начинается война в Чечне. Наступает период новых войн и распада, не наступает обещанный лучший открытый плюралистический мир. Это не значит, что то, что было раньше, являлось чем-то однозначно хорошим, просто его исчезновение не решило ни одного из вопросов. Кроме того, мировые левые силы погрузились в раскаяние, сожаления о прошлом и нередко цинизм, переход в стан правых, весь этот процесс разложения...

Нет ни малейшего сомнения, что речь для левых идет о политическом, военном, общественном, культурном и, прежде всего, моральном поражении.

— *Но, может быть, неосапатизм был бы невозможен в условиях столкновения блоков при биполярности. Тогда было невозможно изобрести что-то новое. Или да?*

Маркос: Нет, думаю, что нет. В той ситуации сапатизма бы не было. Или он пошел бы по пути традиционных партизанских движений и поэтому потерпел бы поражение, или же оставался бы все это время в горах, ожидая подходящего момента. Хотя нет, наверняка не было бы сапатизма, не было бы Маркоса, не было бы ничего, если бы всего этого не произошло. Это еще один момент, о котором можно пожалеть. Проклятые социалисты! Если бы не они, мы бы не торчали сейчас в Ла-Реалидад, страдая от дождя, грязи, москитов и не рассуждали бы обо всем этом.

— *Сапатизм послужил определенным образом для разрушения некоторых схем, и не только в интеллектуальном смысле, но в результате самой практики движения, одно из доказательств этого я вижу на примере книг, которые оставляют в здешней библиотеке. Здесь полные собрания сочинений Мао Цзедуна, Энвера Ходжи... люди оставляют это здесь и уходят налегке, готовые к новой жизни!*

Маркос: Я помню, что в библиотеке Агуаскальентес в Гуадалупе-Тепейак, которая была побольше этой, находилась самая полная коллекция собраний всех классиков марксизма-ленинизма. Нам туда присылали все книги, которые уже никто не хотел читать. Полные собрания сочинений Энгельса, Маркса, Ленина, Мао, Кастро, все это там было, но почти не было ни романов, ни поэзии, ни драматургии...

— *И насчет сапатизма здесь тоже совсем немного.*

Маркос: Это все забирают! И мне было очень смешно, когда я шутил с библиотекарями: «когда сюда придет армия, они увидят, что все самые страшные слухи о нас — это правда», потому, что полки переполнены, и все эти книги старые и им не меньше 20 лет, от них избавились и отправили их нам.

— *Наверняка службы армейской разведки придут к выводу, что вы «албанцы»!*

Маркос: Как минимум. Наверняка они уже совершенно запутались, поскольку не знают, кто мы — троцкисты, маоисты, кастристы, геваристы или сталинисты из Тираны. У нас еще были полные собрания сочинений вождя и учителя Ким Ир Сена».

К этому можно лишь добавить, что с возникновением на исторической арене сапатизма, большинство традиционных партизанских движений континента среагировали на это событие с привычным высокомерием «исторических авангардов». Так, руководство Гватемальского Революционного Национального единства, рассматривавшее соседний Чьяпас как стратегический тыл, отнеслось к выступлению сапатистов откровенно враждебно, а престарелый командир Революционных Вооруженных Сил Колумбии Мануэль Маруанда («Тирофихо»), назвал сапатистов «партизанской комедией». Кто-то из мексиканских ультра изобрел термин «субкомедианте Маркос». Большинство аргументов — наподобие того, что если вы настоящие революционеры, то почему вы до сих пор не погибли?! Многие не прощают сапатистам того, что они живы. Видимо, потому что с мертвыми легче.

Кроме коренного отличия в самих проектах общественного устройства, критики военной культуры и признания абсурдности «вооруженного пути», сапатистами была создана собственная культура, отличная от культуры традиционных левых сил. У них нет культа смерти и стремления к мученичеству. Как точно заметил один чьяпасский журналист, «их не убили вовремя, и они обнаружили, что им нравится жить».

7.3а нами находимся вы

После посещения Лакандонской сельвы Васкес Монтальбан писал: «Какое впечатление от Маркоса я увожу с собой? Он кажется мне университетским товарищем, который лет на двадцать моложе меня и лет на двадцать моложе маразматической левой, из которой я всю жизнь пытаюсь выбраться, как из засасывающей трясины... Сапата, Сандино и Гевара были убиты в 39 лет... В свои 39 он еще молод, но это момент пересечения «теневого черты»... согласно утверждениям... о том, что, начиная с 40 лет, каждый из нас становится ответственным за свое лицо. А как быть в случае маски?.. Писатель Кэмпбелл... убежден, что у Маркоса должна быть «мотивация христианского происхождения, иначе идея самопожертвования и отдачи была бы необъяснима». Меня поразило его внутреннее равновесие. Его спокойствие. В нем не было ни притворства, ни раздражения. Чувствовалось полное согласие между его разумом и его сердцем. Это человек, который много, очень много лет постоянно над собой работает, познает себя. Больше всего мое внимание привлекла, кроме политических синтаксиса и воображения, его уверенность в себе. «Победа, — говорил

он, — будет для других. Для тех, кто придет потом». И мне показалось, что ему уже исполнилось или вот-вот исполнится 39. Маркос старше своей маски. Сейчас ему должно уже быть года 42, а маске всего 5, он преодолел проклятие тридцати девяти, может быть потому, что увеличение средней продолжительности жизни делает нас сегодня ответственными за свое лицо начиная уже с пятидесяти. Я бы лишь отметил противоречивое расхождение-совпадение с Кэмпбеллом в том, где он находит христианские истоки мотивации: я бы вспомнил о теории «фактора сознания», о котором говорил Че Гевара, когда объяснял нам и себе, почему долг должен быть важнее классовых интересов»

Тема маски — отдельный вопрос в этой войне символов и метафор. Почему-то главным символом сапатистов стали не горы, не сельва и не оружие, а именно эта маска — «пасамонтаньяс». Многие их спрашивают или критикуют — зачем вам маски? Почему вы скрываете лица? Как будто до восстания 1994 года лица этих индейцев кого-то интересовали... Маркос отвечает, что они готовы снять с себя маску, когда мексиканское общество ее тоже с себя снимет. Изначальный смысл масок заключался в следующем: поскольку большинство участников движения являются лицами гражданскими, проживающими на территории под контролем федеральных сил, необходимо было защитить их и их семьи от репрессий властей. С другой стороны, маски на лицах сапатистского командования планировались как защита от культа личности: в случае гибели одного его место должно был занять другой, избегая каудильизма, столь характерного для всех латиноамериканских революций. Добиться этого не удалось, по крайней мере, по отношению к «внешнему миру». Как рассказывает сам Маркос, единственная разница оказалась в том, что вместо привычного каудильо с открытым лицом, он стал первым каудильо в маске, благодаря этой самой маске еще более узнаваемым. Это — одна из множества проблем, которую пытаются решить сапатисты. Очевидно и другое, — если в предыдущих революциях центр внимания был сосредоточен на личностях, ее возглавлявших, на лице, на личных характеристиках ее ведущих персонажей, то в сапатизме все происходит как раз наоборот, маска на лицах гражданский властей, военных командиров и простых крестьян делает всех частью единого целого, где нет места официальным портретам и биографиям, где маска является зеркалом, отражением, не сокрытием себя, а открытием другого, то есть своей полной противоположностью. Самое употребляемое слово на сапатистских территориях — это «тик», «мы». По этой же причине все интервью Маркоса даются им только во множественном числе. На любом языке это звучит странно и непривычно, особенно в эти времена торжествующего индивидуализма и одиночества. «За нами находимся вы», — этими словами сапатисты приветствовали в 1996 году представителей гражданского общества, прибывших в Лакандонскую сельву на Межконтинентальную Встречу за Человечество и против Неолиберализма. За нами находимся вы. В этих четырех словах — суть этического и политического проектов, которые не противостоят, а дополняют друг друга.

8. Война продолжается

На непростом пути строительства новых путей сопротивления и новых отношений общества с властью, сапатизм ожидает немало угроз. Одна из них — в изоляции и иллюзии самодостаточности сапатистских общин, которые в силу сегодняшних объективных причин остаются отделенными от остальных частей штата. Другая — в изоляции сапатизма извне, которая, что бы на этот счет ни говорили Маркос и его товарищи, во многом реализуется; сапатисты оттеснены в самые труднодоступные районы Чьяпаса, все окружающие их «традиционные» общины получают массивную экономическую помощь со стороны различных политических сил — как правительства, так и оппозиции, дабы склонить сапатистов к дезертирству. В том, что они, как и было ими обещано, не возьмут от властей ни цента в виде подачек, мы убедились лично. Их общины — беднейшие из бедных. Третья угроза: оставаясь модой и эстетическим искушением для многих, оказаться в конце концов задушенными в дружеских объятиях «международного гражданского общества». «Не следуйте нашему примеру, не подражайте нам, те, кто пытается превратить нас в сверхлюдей и героев, тот просто не понимает нас», — настаивает Маркос. Нерешенной остается и тема беженцев, которые под давлением боевиков продолжают оставаться в импровизированных лагерях, находящихся на большей части территории штата.

Все эти сложности усугубляются тем, что в условиях бурных международных событий последних лет, проблематика Чьяпаса в мировых СМИ оказалась отошедшей на задний план, что полностью совпадает с интересами политического истеблишмента Мексики, уже давно взявшего курс на их изоляцию.

Следуя зеркальной логике установленных сапатистами связей между внутриэтническим и общечеловеческим временами, в которых прошлое и будущее всегда является настоящим, история и опыт этого почти неизвестного нам движения столь же необходим нам, как и им наша помощь. Потому что все попытки разделить человечество на всяческие «мы», «вы» и «они» становятся сегодня частью далекой предыстории. А история, что бы нам не говорили на этот счет умудренные цинизмом обитатели прошлого, продолжается. И мы думаем, что наиболее эффективный вид помощи сапатистам извне должен заключаться в прорыве существующей сегодня информационной блокады. Как этого можно добиться? Давайте думать вместе. Мой электронный адрес: oleg@netexpress.cl

Олег Ясинский

Ла-Реалидад—Сантьяго—Киев

август 2004 года

Декларация Лакандонской сельвы

СЕГОДНЯ МЫ ГОВОРИМ — БАСТА!

Народу Мексики :

Мексиканские братья,

Мы — результат 500 лет борьбы, сначала — против рабства, в войне за независимость от Испании, возглавленной повстанцами, потом — против угрозы быть поглощенными североамериканским экспансионизмом, потом — за утверждение нашей Конституции и изгнание с нашей земли Французской империи, потом, когда порфиристская диктатура¹ отказала нам в справедливом исполнении законов Реформы² и народ восстал, рождая своих собственных вождей, появились Вилья и Сапата, такие же бедняки как и мы, лишенные какого бы то ни было образования, чтобы нас было легче использовать в качестве пушечного мяса и грабить богатства нашей родины, не обращая внимания на то что у нас нет ничего, совершенно ничего, ни достойной крыши над головой, ни земли, ни работы, ни здравоохранения, ни питания, ни образования, ни права избирать свободно и демократически наши власти, ни независимости от иностранцев, правящими на наших землях, ни мира и справедливости для нас и наших детей.

Но СЕГОДНЯ МЫ ГОВОРИМ БАСТА! мы — наследники истинных основателей нашей независимости, мы — миллионы обездоленных и призываем всех наших братьев объединиться с нами, потому что это единственный выход, чтобы не умереть от голода перед неутолимой алчностью диктатуры, уже более 70 лет возглавляемой камарильей предателей, представляющих самые консервативные и продажные группы. Они — те же, кто выступил против Идальго и Морелоса,³ те, кто предал Висенте Герреро,⁴ они — те же, кто

1 Порфиристская диктатура — Порфирио Диас (1830–1915) мексиканский политик и генерал, герой войны с североамериканскими захватчиками, шесть раз переизбирался на пост президента, установив в конце концов единоличную диктатуру, защищавшую интересы крупного иностранного капитала, проводившую репрессии против трудящихся. Свергнут в результате народного восстания 1910 г. Его ближайшее окружение составляли «ученые»-технократы, убедившие диктатора в своем праве на принятия решений об экономическом и политическом развитии страны, без учета мнения населения.

2 Реформа — имеются в виду законы об Аграрной реформе, принятые в 1856 г при президенте Бенито Хуаресе.

3 Идальго и Морелос — священник и мыслитель Мигель Идальго (1753–1811) и его ученик Хосе Мария Морелос (1765–1815), национальные герои, «отцы мексиканской независимости», оба расстреляны испанцами.

4 Висенте Герреро — Герой войны за независимость Мексики (1783–1831), президент страны, отказавшийся продать Техас США, был свергнут в результате заговора, приглашен на званый ужин, там арестован и вскоре расстрелян

продал более половины наших земель иностранным захватчикам,⁵ они — те же, кто возвел на наш престол принца из Европы,⁶ они — те же, кто привели к власти диктатуру ученых порфиристов, они — те же, кто оказал сопротивление Нефтяной Экспроприации,⁷ они те же, кто в 1958 году организовали массовые убийства железнодорожных рабочих⁸ и в 1968 г. — студентов,⁹ они — те же кто сегодня отнимает у нас все, абсолютно все.

Чтобы избежать этого и в качестве нашей последней надежды, после попыток добиться законности, основанной на нашей Конституции, мы вновь обращаемся к ней, нашему Основному Закону, чтобы заставить действовать его 39 статью, дословно гласящую:

«Национальная независимость целиком и полностью опирается на народ. Вся общественная власть проистекает из волеизъявления народа и действует в его интересах. Народ всегда обладает неотъемлемым правом сменить или изменить форму своего правительства.»

Исходя из этого, и следуя нашей Конституции, мы обращаемся с настоящей декларацией к мексиканской федеральной армии, главной опоре правящей в стране диктатуры, монополизированной находящейся у власти партией и возглавленной высшим исполнительным лицом страны, которым является сегодня ее верховный и незаконный лидер — Карлос Салинас де Гортари.¹⁰

Согласно этому Объявлению войны, мы просим остальные ветви государственной власти объединиться с целью восстановления законности и стабильности в стране и свергнуть диктатора.

Кроме того, мы просим международные организации и Международный Красный Крест с целью защиты гражданского населения, взять под свое наблюдение бои, которые ведут наши силы, потому что мы заявляем, что сегодня и всегда обязуемся соблюдать все военные законы, предусмотренные Женевской Конвенцией и что САНО является вооруженным участником этой борьбы за освобождение. На нашей стороне мексиканский народ, у нас есть Родина и трехцветный флаг любим и уважаем ПОВСТАНЧЕСКИМИ бойцами, в нашей военной форме используются красный и черный цвета, символы трудящегося народа и его борьбы за свои права, на нашем знамени — инициалы «САНО», САПАТИСТСКАЯ АРМИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, и с ним мы будем идти в бой всегда.

Мы заранее отвергаем любую попытку исказить справедливые цели нашей борьбы, обвиняя нас в связях с наркобизнесом, бандитизме и прочие лживые предлоги, которые могут

5 Продажа более половины наших земель иностранным захватчикам — вторжение войск США в Мексику во время мексиканско-североамериканской войны (1846–1848) привело к потере Мексикой более половины своей территории. По подписанному мирному договору, США выплатили Мексике компенсацию в размере 15 миллионов долларов в обмен на отказ от территорий, являющихся сегодня североамериканскими штатами Калифорния, Аризона, Нью-Мексико и Техас.

6 Принц из Европы — в 1862 г. Наполеон III попытался превратить Мексику в колонию своей империи, направив туда свои войска. Интервенты были поддержаны членами эксклюзивного клуба мексиканских консерваторов «Клуба Благородных», президент Бенито Хуарес возглавил партизанскую войну против интервентов. В 1864 году из Австро-Венгрии прибыл принц Максимилиан Габсбург и его супруга Карлота, ставшие императором и императрицей Мексики. В 1868 г. Наполеон был вынужден перебросить свою армию из Мексики в Пруссию и императорская пара была свергнута патриотическими силами.

7 Нефтяная Экспроприации — имеется в виду национализация мексиканских нефтяных месторождений в 40-е годы прошлого века.

8 Массовые убийства железнодорожных рабочих в 1958 году — речь идет о подавлении правительство Вальехистского движения железнодорожников в конце 50-х.

9 Убийства в 1968 г. — студентов — в ночь на 2 октября 1968 г. на площади Трех Культур (Тлателолько) в Мехико армия открыла огонь по мирной массовой манифестации студентов, требовавших демократизации страны. Точное число погибших до сих пор невозможно установить, большинство историков сходятся на том, что их было более 400.

10 Верховный и незаконный лидер Карлос Салинас де Гортари — президент Мексики с 1988 по 1994 г, который пришел к власти в результате фальсификации результатов президентских выборов 1987 г.

использовать наши враги. Наша борьба основана на конституционном праве и вызвана стремлением к справедливости и равенству.

Поэтому, и согласно этому Объявлению войны, мы даем приказ нашим вооруженным силам Сапатистской Армии Национального Освобождения следующие приказы:

Первое . Начать наступление в направлении столицы страны, побеждая федеральную мексиканскую армию, защищая в своем освободительном наступлении гражданское население и позволяя населению освобожденных территорий свободным и демократическим путем избирать свои собственные административные власти.

Второе . Уважать жизнь военнопленных и передавать раненых Международному Красному Кресту для обеспечения им медицинской помощи.

Третье . Начать предварительные следственные процессы над солдатами федеральной армии и элементами политической полиции, прошедшими курсы и получившими обучение или оплаченными иностранцами в нашей стране или за ее пределами, по обвинению в предательстве Родины и надо всеми, кто принимал участие в репрессиях или плохом обращении с гражданским населением и воровал или покушался на народные блага.

Четвертое . Создавать новые воинские подразделения из тех мексиканцев, которые выразят желание принять участие в нашей справедливой борьбе, включая и тех, кто будучи солдатами противника, сдадутся без боя нашим силам и поклянутся выполнять приказы этого Генерального Командования САПАТИСТСКОЙ АРМИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ.

Пятое . Всегда до начала атак предлагать казармам противника сдаться безоговорочно.

Шестое . На территориях контролируемых САНО прекратить грабеж наших природных богатств.

НАРОД МЕКСИКИ: Мы, свободные и честные мужчины и женщины, сознаем, что война, которую объявляем — это последнее, но необходимое средство. Различные диктатуры уже давно ведут против наших народов необъявленную войну на уничтожение, поэтому мы просим тебя о решительном участии в поддержку этого мексиканского народного движения, которое борется за *труд, землю, крышу, питание, здравоохранение, образование, независимость, свободу, демократию, справедливость и мир* . Мы заявляем, что не прекратим борьбу пока не добьемся выполнения этих основных требований нашего народа и пока не будет создано свободное и демократическое правительство нашей страны.

Вступай в ряды повстанческих сил

**Сапатистская Армия Национального Освобождения
Генеральное Командование САНО
1993 г.**

За что нас будут прощать?

18 января 1994 г.

Господа!

Вынужден начать с извинений (как говорила моя бабушка — плохое начало). Из-за ошибки нашего департамента печати и пропаганды предыдущее письмо (от 13 января 1994 г.) среди прочих, не было направлено в национальный еженедельник «Просесо». Надеюсь, наша ошибка будет понята в «Просесо» и послание это будет принято без обид и раздражения.

Итак, я обращаюсь к вам, чтобы уважительно попросить о публикации прилагаемых коммюнике ПИРК¹¹ САНО. Речь в них идет о постоянном нарушении перемирия со стороны федеальных войск, об инициативе президента, предложившего Закон об амнистии, и о вступлении в должность уполномоченного по вопросам мира и примирения в Чьяпасе господина Камачо Солиса.

Надеюсь, вы уже успели получить документы, которые мы направили вам 13 января текущего года. Мне неизвестно, какую реакцию они вызовут и какой ответ на наши аргументы последует со стороны федерального правительства, так что не стану касаться

11 ПИРК — Подпольный Индейский Революционный Комитет

этого вопроса. До сегодняшнего дня, 18 января 1994 год, до нас дошло только предложение «прощения», которое делает федеральное правительство нашим силам. За что мы должны просить прощения? За что нас будут прощать? За то, что мы не умерли от голода? За то, что не промолчали в нашей беде? За то, что не приняли со смирением гигантский исторический груз презрения и забвения? За то, что восстали с оружием в руках, когда все остальные пути оказались закрыты? За то, что не придерживаемся Уголовного Кодекса Чьяпас — самого абсурдного и репрессивного из всех, что были в истории? За то, что показали остальной стране и миру, что человеческое достоинство еще живо в самых бедных жителях Мексики? За то, что перед тем, как начать мы сознательно хорошо подготовились? За то, что вместо луков и стрел мы взяли в бой винтовки? За то, что до того, как начали воевать, мы научились этому? За то, что мы все мексиканцы? За то, что большинство из нас индейцы? За то, что мы призвали всех мексиканцев бороться всеми возможными путями за то, что им принадлежит? За то, что боремся за свободу, демократию и справедливость? За то, что не следуем схемам предыдущих партизанских войн? За то, что мы не сдались? За то, что мы не продались? За то, что мы себя не предали?

Кто у кого должен просить прощения и кто кого должен прощать? Те, кто все эти годы садился за переполненный яствами стол и обжирался, тогда как за наш стол садилась смерть, такая будничная, такая наша, что мы потеряли страх перед ней? Те, кто наполнили наши сумки и души декларациями и обещаниями? Мертвые, наши мертвые, такие смертельно мертвые «естественной» смертью, то есть от кори, туберкулеза, лихорадки, денге, холеры, тифа, мононуклеоза, столбняка, воспаления легких, малярии и прочих кишечных и легочных прелестей? Наши мертвые, такие в большинстве своем мертвые, такие демократически мертвые от боли, потому что никто не обращал на них внимания, потому что все мертвые, наши мертвые, уходили просто так, и никто их не считал, никто не говорил, в конце концов, «Баста!», чтобы вернуть их смертям смысл и никто не просил этих постоянных мертвых, наших мертвых, чтобы они умерли еще раз, но на этот раз — чтобы жить? Те, кто лишил наших людей права и дара править и самим решать наши вопросы? Те, кто отказал в уважении нашим традициям, нашему цвету и нашему языку? Те, кто относится к нам, на нашей собственной земле, как к иностранцам и требует от нас бумаг и подчинения законам, о существовании и справедливости которых нам неизвестно? Те, кто нас пытал, бросал в тюрьмы, убивал и скрывал наши тела за страшное «преступление»: желание иметь клочок земли, не большой участок, не маленький участок, а просто клочок, на котором можно что-то вырастить, чтобы утолить голод?

Кто у кого должен просить прощения и кто кого должен прощать?

Президент страны? Секретари штатов? Сенаторы? Депутаты? Губернаторы? Президенты муниципалитетов? Полицейские? Федеральная армия? Хозяева банков, промышленности, торговли и земли? Политические партии? Интеллектуалы? Галио¹² и Нексос?¹³ Средства массовой информации? Студенты? Учителя? Колонисты? Рабочие? Крестьяне? Индейцы? Мертвые бесполезной смертью?

Кто у кого должен просить прощения и кто кого должен прощать?

На сегодня это все.

Примите мой привет и объятия, в эти холода ни то, ни другое не помешает (надеюсь), несмотря на то что исходит от «профессионала насилия».

Субкоманданте Маркос.

Представление Дурито

10 апреля 1994 г.

Мариане Могель

Субкоманданте Мариане Могель.

Рад приветствовать и поздравить вас с новым званием, полученным за этот рисунок. Позвольте рассказать вам одну историю, которую вы когда-нибудь поймете. Это — история...

¹² Галио — Галио Бермудес, государственный секретарь конца 60-х, известный своей демагогией и умением манипулировать «новостями»

¹³ «Нексос» — популярный в Мексике журнал

ДУРИТО

Я расскажу тебе эту историю, что произошла со мной недавно. Она — о маленьком жучке, который носит очки и курит трубку. Я познакомился с ним, когда искал и не мог найти табак для моей трубки. Неожиданно я увидел под своим гамаком горсть просыпанного табака, и уходившую от нее табачную ниточку-тропинку. И я пошел по ней, чтобы разобраться, куда делся мой табак, и кто и какого черта вытащил его у меня и теперь рассыпает. Пройдя несколько метров и заглянув за камень, я увидел жучка, сидящего за маленьким столиком, который читал какие-то бумаги и курил крошечную трубку.

— Гм, гм... — сказал я, чтобы жучок заметил мое присутствие, но тот не обращал на меня никакого внимания.

Тогда я сказал ему:

— Послушайте, этот табак — мой.

Жучок снял очки, посмотрел на меня сверху вниз, и страшно рассерженным голосом сказал:

— Капитан, прошу не отвлекать меня. Разве вы не видите, что я очень занят?

Я немного удивился и собрался было хорошенько пнуть его, но потом успокоился и решил присесть возле него и подождать, когда он закончит. Вскоре он собрал свои бумаги, сложил их в стол и покусывая трубку, сказал мне:

— Все. Теперь я вас слушаю. Чем могу быть полезен, капитан?

— Мой табак, — ответил я ему.

— Ваш табак? — спросил он, — Вы хотите, чтобы я вам дал немного?

Я почувствовал, что терпение мое опять заканчивается, но жучок протянул мне лапку с пакетом табака и добавил:

— Не сердитесь, капитан. Поймите, что здесь негде достать табак, и мне пришлось взять немного вашего.

Я успокоился. Жучок показался мне симпатичным и я сказал:

— Не беспокойтесь. У меня есть еще.

— Ммм, — ответил он.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Навуходоносор, — сказал он и продолжил, — Но мои друзья зовут меня Дурито. Вы можете звать меня Дурито, капитан.

Я поблагодарил его за любезность и спросил, что это он так внимательно изучает.

— Я исследую вопросы, связанные с неолиберализмом и его стратегией по подчинению Латинской Америки, — ответил он мне.

— Зачем это нужно жуку? — спросил его я.

Он рассерженно ответил:

— То есть как это зачем? Мне нужно знать, сколько будет продолжаться ваша борьба и победите вы или нет. Кроме того, жукам положено интересоваться событиями в мире, в котором живут. Разве вы с этим не согласны, капитан?

— Не знаю, — сказал я. — Зачем вы хотите знать, сколько будет продолжаться наша борьба и победим ли мы?

— Я вижу, вы ничего не поняли, — сказал он мне, надев очки и закуривая трубку. Он выпустил первый клуб дыма и продолжил: — Чтобы знать сколько еще времени, нам, жукам, нужно беречься, чтобы вы не растоптали нас своими сапогами.

— А! — сказал я.

— Ммм, — сказал он.

— И к какому выводу вы пришли? — спросил я.

Жучок достал из стола бумаги и принялся перебирать их.

— Ммм, — повторял он, время от времени, просматривая свои записи. Потом остановился, посмотрел мне в глаза и сказал:

— Вы победите.

— Это я и так знаю, — сказал я ему, — Но сколько времени это займет?

— Много, — сказал он, смиренно вздыхая.

— Это тоже знаю. Но сколько именно? — спросил я.

— Это невозможно знать с точностью. Необходимо учесть многие факторы: объективные условия, степень зрелости субъективных условий, расстановку сил, кризис империализма, кризис социализма, и так далее, и так далее...

— Ммм, — сказал ему я.

— О чем вы думаете, капитан?

— Ни о чем, — ответил я. — Сеньор Дурито, мне пора идти. Было очень приятно с вами познакомиться. И можете брать мой табак — когда хотите и сколько хотите.

— Спасибо, капитан. Если хочешь, можешь быть со мной на «ты», — сказал он.

— Спасибо, Дурито. Сейчас я отдам приказ моим товарищам, запрещающий наступать на жуков. Надеюсь, это поможет.

— Спасибо, капитан, этот твой приказ будет для нас очень полезен.

— Несмотря на это, будьте осторожны, потому что наши ребята очень рассеянны и не всегда смотрят под ноги.

— Постараюсь, капитан.

— До встречи.

— До встречи. Приходи, когда хочешь и поговорим.

— Хорошо, — сказал я и ушел в интендатство.

Это все, Мариана. Надеюсь когда-нибудь познакомиться с вами лично, чтобы обменяться масками и рисунками.

Привет и новых фломастеров, потому что в тех, которыми ты рисовала, наверное, уже не осталось краски.

Субкоманданте Маркос

Горы юго-востока Мексики

Когда ручьи спускаются

28 мая 1994 г.

Мы полностью окружены и «героически» сопротивляемся урагану ответных действий, последовавших за событиями 15 мая.¹⁴ К «пасущим» нас самолетам теперь добавляются вертолеты. Повара жалуются, что если все эти птички упадут одновременно, им не хватит кастрюль. Суперинтендант сообщает, что на одно хорошее асадо¹⁵ дров хватит и почему бы нам не пригласить какого-нибудь аргентинского журналиста; аргентинцы — эксперты в приготовлении асадо. Я на мгновение задумываюсь и понимаю, что это бесполезно: лучшие аргентинцы — партизаны (например Че), или поэты (например Хуан Хельман), или писатели (например Борхес), или артисты (например Марadona), или хронопы (конечно, Кортасар), но нет аргентинцев, специалистов по готовке из дюралюминия. Кто-то наивный предлагает подождать маловероятных гамбургеров от Европейского Экономического Сообщества. Вчера мы съели пульт и два микрофона, на вкус прогорклые, будто испорченные. Вместо обезбаливающего санитары раздают листки с анекдотами, говорят, что смех тоже лечит. Вчера я застал Тачо и Моя рыдающими... от смеха. Я их спросил: «Чему смеетесь?» Они не смогли мне ответить — от хохота им не хватало воздуха. Санитарка с грустью объяснила: «Дело в том, что у них сильно болит голова». 136 день окружения... (Вздых)...

14 Событие 15 мая — посещение сапатистской казармы кандидатом от Революционно-демократической партии Куаутемоком Карденасом.

15 Асадо — южноамериканское блюдо: мясо, жаренное на решетке.

И вдобавок ко всему Тоньита просит рассказать сказку. Я рассказываю ей сказку, рассказанную мне стариком Антонио,¹⁶ отцом другого Антонио, из ветра, который поднимается в «Чьяпасе — юго-востоке двух ветров, грозы и предсказания»:¹⁷

«Когда мир спал и не хотел просыпаться, великие боги собрались на ассамблею, чтобы договориться о работе и решили создать мир и в нем — мужчин и женщин. Потому что так решило их большинство. И захотели боги, чтобы люди, которых они сделают, были очень красивыми и жили долго, и создали они первых людей из золота. Довольны остались боги, потому что люди, которых они сделали, все сверкали и были сильными. Но потом боги увидели, что люди из золота не двигались, никогда никуда не ходили и не работали, потому что люди из золота были очень тяжелы.

И тогда вновь собралась община богов, чтобы договориться как быть, и решили они создать других людей, и сделали их из дерева, и люди эти были цвета дерева, и работали много и ходили много. И снова обрадовались боги, потому что человек уже ходил и работал, и уже было собрались они идти это праздновать, как вдруг заметили, что люди из золота заставляли людей из дерева носить их на себе и работать на них.

И тогда увидели боги, что то, что они сделали было плохо и опять собрались боги искать выход. И на этот раз решили они создать людей из маиса, хороших, настоящих мужчин и женщин. Создали они их и ушли спать, и остались люди из маиса, настоящие мужчины и женщины, учиться сами решать все вопросы, потому что боги отправились спать. И заговорили люди из маиса на настоящем языке, чтобы договориться между собой, и ушли они в горы, чтобы искать добрый путь для всех людей».

Старик Антонио рассказал мне, что люди из золота были богатые, их кожа была белого цвета, и что люди из дерева — бедные, со смуглой кожей, что люди из дерева всегда работали на людей из золота и носили их на себе, и что люди из золота и люди из дерева ждут прихода людей из маиса, первые — со страхом а вторые — с надеждой. Я спросил старика Антонио, какого цвета кожа у людей из маиса и он показал мне много сортов маиса, у которого много разных цветов, и сказал, что кожа может быть любого цвета, никто этого точно не знает, потому что у людей из маиса, настоящих мужчин и женщин, нет лиц...

Умер старик Антонио. Я познакомился с ним десять лет назад, в одной дальней общине в глубине сельвы. Курил он, как никто, и когда у него заканчивались сигареты, он просил у меня табак и делал сигареты своей «крутилкой». Он смотрел на мою трубку с любопытством, но когда однажды я попытался предложить ему ее, он показал мне свою сигарету с «крутилкой», давая понять, что предпочитает свой метод. Пару лет назад, в 1992 году, когда мы обходили общины, проводя собрания, чтобы решить начинать ли эту войну, я попал в селение старика Антонио. В дороге меня догнал Антонио-сын и мы вместе долго шли через пастбища и плантации кофе. Пока община обсуждала вопрос войны, старик Антонио взял меня за руку и повел к реке, метров на сто южнее центра селения. Стоял май, и река с полупересохшим руслом была зеленой. Старик Антонио молча сел на бревно. Через несколько минут он заговорил: «Ты видишь? Все спокойно и тихо. Кажется, ничего не происходит...». «Ммм», — сказал я, зная, что он не ждет никакого ответа. Потом он указал мне на вершину ближайшей горы. Там собирались густые серые тучи и смутную синеву холмов разрывали молнии. Это была настоящая буря, но она казалась такой далекой и безобидной, что старик Антонио начал сворачивать сигарету и искать зажигалку, которой у него не было, просто чтобы дать мне время протянуть ему свою. «Когда внизу все спокойно, в горах начинается гроза, ручьи набирают силу и спускаются в долину», — сказал он после

16 Старик Антонио — реально существовавший персонаж, индеец цоциль, проживавший в одной из общин Лакандонской сельвы, который сыграл решающую роль в становлении нынешней личности Маркоса. Его гид и наставник в первые годы пребывания в горах. С его помощью Маркосу пришлось преодолеть множество идеологических и культурный стереотипов и приблизиться к неизвестной ему ранее реальности мира индейских общин Лакандонской сельвы, с их мировосприятием, историей, системой ценностей, социальными отношениями и богатейшей мифологией, столь отличными от нашей иудейско-христианской культуры. Старик Антонио появляется в большинстве литературных произведений Маркоса, как носитель мудрости и гуманизма коренных народов, неизвестных «цивилизованному миру» других культур и цивилизаций человечества, подлежащих сегодня уничтожению по причине их бесполезности для нынешней рыночной глобализации.

17 «Чьяпас — юго-восток двух ветров, грозы и предсказания» — эссе о истории Чьяпаса, написанное Маркосом в 1993 г.

долгой затяжки. В сезон дождей эта река превращается в бестию, в коричневую плеть, в землетрясение без русла, в сплошную силу. Ее мощь — не из капель дождя, падающих на берега, его питают ручьи, спускающиеся с гор. Разрушая все на своем пути, река воссоздает землю: ее воды станут маисом, фасолью и хлебом на столах сельвы.

«Так и наша борьба, — говорит старик Антонио мне и себе. — Сила рождается в горах, но пока она не спустится вниз ее не видно». И, отвечая на мой вопрос, считает ли он, что пришло уже время начинать, добавляет: «Наступило время, чтобы цвет реки изменился...». Старик Антонио замолкает и встает, опираясь на мое плечо. Возвращаемся медленно. Он говорит мне: «Вы — ручьи, мы — река... теперь вам пора спускаться...». Наступает тишина; в укрытие мы возвращаемся уже в сумерках. Вскоре приходит Антонио-сын с актом договора, гласящим примерно следующее:

Мужчины, женщины и дети собрались в школе общины, чтобы посмотреть в свое сердце и увидеть пришло ли время начинать войну за свободу. И разделились все на 3 группы, то есть на группы мужчин, женщин и детей, чтобы обсудить это. И потом мы опять собрались в школе, и большинство думает, что война должна начаться, потому что Мексику продают иностранцам, и кругом много голода, но неправда что мы уже не мексиканцы. К этому согласию пришли 12 мужчин, 23 женщины и 8 детей, потому что правильны их мысли и подписали его те, кто умеет, и кто не умеет — тот отпечатал свой палец».

Наутро, когда я покинул это селение, старика Антонио не было; еще раньше он ушел к реке.

В следующий раз я встретил старика Антонио два месяца назад. Когда он увидел меня, он ничего не сказал. Я присел возле него и начал ковыряться в кукурузных початках. Через какое-то время он сказал мне: «Выросла река». «Да», — ответил я. Я объяснил Антонио-сыну вопрос с консультацией и передал ему документы с нашими требованиями и ответом правительства. Мы поговорили о том, как он выбрался из Окосинго, и опять рано утром я отправился назад. За одним из поворотов старой дороги меня ждал старик Антонио. Я остановился и снял рюкзак, чтобы угостить его табаком. «Сейчас — нет», сказал он мне, отказываясь от протянутого мной мешочка. Он отделяет меня от колонны и уводит к подножию сейбы. «Ты помнишь, что я говорил тебе о горных ручьях и реке?», — спросил он. «Да», — ответил я таким же шепотом, как и он. «Я не все тебе сказал», — добавляет он, глядя на пальцы своих босых ног. Я молчу. «Ручьи...», — он начинает говорить, но останавливается из-за приступа кашля, который овладевает им, потом немного восстанавливает дыхание и пытается продолжить: «Ручьи... когда спускаются...», — новая волна кашля заставляет меня позвать санитар из колонны, но он отказывается от помощи товарища с красным крестом на плече; санитар смотрит на меня и я жестом прошу его удалиться. Старик Антонио ждет когда вдалеке исчезнет рюкзак с лекарствами, и в полумраке продолжает: «Ручьи... когда спускаются... уже не могут вернуться... разве что под землю». Он коротко обнимает меня и быстро уходит. Я остаюсь, глядя, как удаляется его тень, разжигаю трубку и надеваю рюкзак. Уже сидя на лошади, я вспоминаю эту сцену. Не знаю почему, было очень темно, но старик Антонио... мне показалось, что он плакал...

Только что мне пришло письмо от Антонио-сына с резолюцией деревенской общины в ответ на правительственные предложения. Антонио-сын пишет, что старику Антонио неожиданно стало плохо и этой ночью умер. Он не захотел, чтобы мне об этом сообщали. Антонио-сын пишет, что когда его пытались убедить, чтобы со мной связались, старик Антонио сказал только: «Нет, я ему уже сказал все, что должен был сказать... Теперь оставьте его, сейчас у него много работы...».

Когда я закончил сказку, шестилетняя Тоньита с источенными кариесом зубками, торжественно сообщила мне, что любит меня, но больше не будет со мной целоваться, потому что «очень колетса». Роландо говорит, что когда ее ведут к доктору, она всегда спрашивает, будет ли там Суп. И если ей отвечают, что будет, она отказывается идти в наш лазарет. «Потому что Суп хочет только целоваться и очень колетса» — заявляет по эту сторону окружения неумолимая шестилетняя логика по имени Тоньита с источенными кариесом зубками.

Природа делает первые намеки на приближение дождей. Какое облегчение! Мы уже думали, чтобы получить воду, придется ждать машин для разгона демонстраций.

Ана Мария говорит, что дождь — от туч, которые дерутся высоко в горах. Они поступают так, чтобы люди не были свидетелями этой брани. Свой бой тучи начинают на

вершинах тем, что мы называем громом и молниями. Вооруженные неисчислимым могуществом, тучи дерутся за право умереть в дожде, чтобы напоить землю. Так и мы, без лица, как тучи, как они, безымянные, безо всякого расчета для себя... как и они, мы боремся за право стать семенем в земле...

Ладно. Здоровья и хорошей клеенки (для дождей и демонстраций).

С гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

P.S. Большинству, притворяющемуся нетерпимым меньшинством. Насчет вопросов, типа гомосексуалист ли Маркос: Маркос — гей в Сан Франциско, негр в Южной Африке, азиат в Европе, чикано в Сан Исидро, анархист в Испании, палестинец в Израиле, индеец на улицах Сан Кристобала, беспризорник в Несе, рокер в деревне, еврей в Германии, омбудсмен в Седене,¹⁸ феминист в политических партиях, коммунист после холодной войны, заключенный в Синталапе, пацифист в Боснии, мапуче в Андах, учитель из профсоюза, артист без галереи и мольберта, домохозяйка в субботу вечером в любом округе любого города любой Мексики, партизан в Мексике конца XX века, бастующий на любом предприятии, репортер, пишуший для заполнения лишнего пространства, мачист в феминистском движении, одинокая женщина в метро в десять вечера, пенсионер на лестнице Сокало, безземельный крестьянин, маргинальный издатель, безработный рабочий, врач без кабинета, несогласный студент, диссидент в неолиберализме, писатель без книг и читателей, и конечно — сапатист на юго-востоке Мексики. В конце концов, Маркос — любой человек в любом из мест этого мира. Маркос — это все нетерпимые, подавляемые, эксплуатируемые, сопротивляющиеся меньшинства, заявляющие свое «Баста!». Все меньшинства в момент речи и большинства во время своего молчания и терпения. Все нетерпимые в поисках слова, нашего слова, которое вернет нам, вечным разобщенным, способность стать большинством. Маркос — это все то, что неудобно для власти и для «благоразумия».

Не за что, господа из Генеральной Прокуратуры, всегда готов служить вам... свинцом.

P.S.2 Для партии Демократической Революции. О логике мертвых. Товарищи прочитали, что «у нас больше потерь, чем у САНУ» и сразу же занялись подсчетами. Вот уже больше 10 лет, как они блуждают в ночи по старым и новым тропам, разыгрывая между собой засады «на бандитов», носят на себе тяжесть наших четырех букв и складывают и умножают. Товарищи говорят, что в деле подсчета мертвых никто не превзойдет их. «Как раз в этом мы натренированы очень даже хорошо», — говорит Габино. Обостряется спор между «тенденциями» САНУ: наиболее радикальные предлагают вести отсчет от того момента, когда испанцы начали загонять их как зверей в леса и горы, более умеренные и осторожные предлагают начать с момента создания САНУ. Некоторые спрашивают, включать ли в число погибших в результате 136 дней и ночей окружения, спрашивают, учитывать ли Амалию, которой было 25 лет и у которой было 7 детей, которой стало «немножко плохо» в 6 часов дня 125 дня окружения. У нее начался озноб, понос, рвота и кровотечение между ног, и в 12 ночи нам сообщили об этом и попросили вызвать «скорую помощь», и на «скорой помощи» нам сказали, что они не могут, и в 4 утра мы достали бензин и повезли ее на разваливающейся на ходу трехтонке в наш лазарет. Всего 100 метров не доехав до лейтенанта Элены, она сказала: «Я умру», и сдержала свое слово, и в 98 метрах от смуглого лица Элены она умерла, кровь и жизнь вышли из нее между ног, и я спросил, точно ли что она мертва, и Елена мне сказала, что да, что она умерла «сразу». И утром 126 дня окружения, вторая дочь Амалии увидела смерть на носилках из веток и тростника и сказала своему папе, что пойдут попросить немножко посоля¹⁹ в одном из домов, потому что «мама больше не сможет». Спрашивают, считать ли девочку из Ибарры, которая умерла «просто от кашля». Все заняты подсчетами, кто-то пользуется калькулятором, захваченным в муниципальном дворце Окосинго. Все полностью погружены в это. Хуана просит учесть старика Антонио, «который умер от печали». Потом Лоренсо начинает требовать, чтобы не забыли Лоренсо-сына, «который умер от ночи». По радио перечисляют имена и смерти, умерших «сразу». Потом вдруг все застывают с калькулятором-ручкой-карандашом-мелом-палочкой-ногтем в руке, и в недоумении смотрят друг на друга, запутавшись, не зная складывать... или вычитать...

18 Седена — мексиканское министерство обороны (Secretaria de Defensa Nacional)

19 Посоль — мексиканский напиток из кукурузной муки, какао, сахара и воды.

О верховных или возвысившихся. Чудесно, самокритика всегда своевременна.

И наконец: нас могут обвинять в неуместности, в неучете корреляции сил, в политической неповоротливости, в отсутствии спутника, чтобы следить за дебатами в прямой трансляции, в том, что у нас нет подписки на основные газеты и журналы, чтобы узнавать об оценках этих дебатов, в нелюбезности, в невежливости, в страдании «горной болезнью», в нераспознавании возможных союзников, в сектантстве, в неуступчивости, в ворчливости. Можно обвинять нас во всем, кроме непоследовательности...

Ладно, но помните, что единственное, что мы смогли, — это приделать курок к надежде.

Привет, и оставьте обиды праздным карликам.

Примите объятия с этой стороны окружения.

Неуместный и навязчивый Суп,²⁰ готовясь чихнуть.

26/8/94

Лев убивает взглядом

24 августа 1994 г.

...В эти рассказы о 50 процентах и о «полном возе» могут поверить только гринго (поэтому у них во всем дела идут так же, как и в международной политике). Давайте! Продолжайте в том же духе! Их тактика — повторять большую ложь, пока она не превратится в правду. Они опять ошибутся, и опять, как в январе, все у них обрушится. Нужно только чуть-чуть подуть...

Добро. Привет и пары хороших легких.

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

P.S., говорящий «нет». Не обращайтесь на издателей. Не обращайтесь внимания на дрессировщиков. Не обращайтесь внимания на телевидение. Не обращайтесь внимания на радио. Не обламывайтесь. Не продавайтесь. Не сдавайтесь. Не позволяйте. Не бойтесь. Не замолкайте. Не садитесь отдыхать.

P.S. для кандидатов, у которых около 50 процентов голосов. Магнитофон поет «Как в жизни бывает, Мариана. Как в жизни бывает. Чем выше летаем, Мариана, тем падать больнее».

P.S. повстанческий, для лисоловов . Разговоры о вирусе Карписо ведут, чтобы отвлечь внимание и «починить» компьютер, таким образом удастся избежать сюрпризов после подсчета голосов.²¹

P.S., отвечающий на вопрос «И дальше что?». Прочитайте XIV (или XXIV) главу второго тома Хитроумного идальго Дон Кихота Ламанчского. Да, это, о приключении с рыцарем зеркал. Не за что.

P.S., где рассказана история для Тоньиты, занятой сейчас тряпичным кроликом, присланном конвенционистами, которая говорит мне: «Этот не колется»...

Я делаю вид что ничего не понял и начинаю рассказывать, вдруг, ни с того ни сего, одну из историй 1985 года, года землетресений и гражданских мобилизаций (мобилизующих и других):

Старик Антонио подстрелил из своей старой чимбы (кремневого ружья) горного льва (из тех, что всегда очень похожи на американскую пуму²²). За несколько дней до этого я подшучивал над его ружьем. «Этим оружием пользовались еще в те времена, когда Эрнан Кортес завоевывал Мексику», — сказал я ему. Он ответил: «Да, но смотри, в чьих руках оно сегодня». Он удаляет остатки мяса со шкуры, чтобы ее можно было высушить. И гордо демонстрирует мне ее. Ни одного отверстия. «Прямо в глаз», — говорит он. И добавляет:

20 Суп — Одно из прозвищ Субкоманданте Маркоса, производное от «субкоманданте».

21 намек на осуществленную партией власти подтасовку результата президентских выборов 1988 г., когда стране официально было заявлено, что все компьютеры, контролирующие процесс «вышли из строя».

22 ирония Маркоса: в латиноамериканских странах пуму в часто называют львом, хотя настоящих львов в Америке нет.

«Это единственный способ сохранить шкуру». «И что вы с ней собираетесь делать?», — спрашиваю я. Старик Антонио не отвечает и в тишине продолжает выскребать шкуру своим мачете. Я подсаживаюсь к нему и, набив свою трубку, пытаюсь свернуть ля него сигарету из папиросной бумаги. Молча протягиваю ему, он проверяет ее и затем разрушает. «Еще нет», — говорит он, сворачивая ее заново. Начинаем нашу церемонию курения.

Между затяжками Старик Антонио связывает нить истории:

«Лев силен, потому что слабы другие звери. Лев питается мясом других, потому что другие позволяют себя есть. Лев убивает не лапами или клыками. Лев убивает взглядом. Сначала подкрадывается... в тишине, потому что на лапах у него маленькие тучки, они поглощают шум. Потом прыгает и переворачивает свою жертву одним ударом лапы, но не столько за счет силы, сколько за счет неожиданности.

Потом он на нее смотрит. Просто смотрит. Вот так... (старик Антонио сводит брови и смотрит на меня своими черными глазами). Бедный зверек, который должен умереть, замирает, глядя на льва, смотрит, как лев смотрит на него. Зверек уже не смотрит сам, он видит то, что видит лев, видит во взгляде льва свой образ, видит себя во взгляде льва, видит себя маленьким и слабым зверьком. Зверек никогда не думал, что он маленький и слабый, он был просто зверек, не большой, не маленький, не сильный, не слабый. Но сейчас, видя себя во взгляде льва, видит свой стах. И глядя, как на него смотрят, зверек сам убеждается в том, что он мал и слаб. И от страха, с которым он смотрит на смотрящего на него льва, ему становится еще страшнее. И теперь этот зверек уже никуда не смотрит, его кости стыннут, как это бывает с нами, когда в горах нас застает холодный ночной дождь. И теперь зверек просто сдается, отдается воле льва и лев его безжалостно разрывает. Так убивает лев. Взглядом. Но есть один зверек, который не ведет себя так. При столкновении со львом он продолжает вести себя как ни в чем не бывало, и если лев его трогает, он отвечает ударами своих лапок, они маленькие, но значат для льва достаточно боли и крови. Этот зверек не становится добычей льва, потому что не смотрит на то, как он на него смотрит... он слепой. Этих зверьков зовут кротами.»

Кажется, что старик Антонио закончил. Я вмешиваюсь одним «да, но...». Старик Антонио не дает мне договорить, и сворачивая сигарету, продолжает свою историю. Он говорит медленно, все время поглядывая на меня, чтобы убедиться, что я внимательно его слушаю.

«Крот остался слепым, потому что он, вместо того, чтобы смотреть наружу, стал смотреть себе в сердце, научился смотреть вовнутрь. Никто не знает, как ему пришло это в голову — смотреть вовнутрь. И поскольку этот странный крот привык смотреть себе в сердце, его совершенно не волнует, кто сильный, а кто слабый, кто большой, а кто маленький, потому что сердце — это сердце, и его не измерить теми мерками, которыми измеряются вещи и животные. Но смотреть вовнутрь могли только боги, и боги наказали крота и больше не позволили ему смотреть наружу, и кроме того, приговорили его жить и ходить под землей. Поэтому крот, наказанный богами, живет под землей. Но он особо не страдает по этому поводу, ведь он продолжает смотреть вовнутрь. И поэтому крот не боится льва. И еще лва не боится человек, который умеет смотреть себе в сердце.

Потому что человек, умеющий смотреть себе в сердце, не видит силы льва. Он видит силу своего сердца и смотрит на льва, и лев смотрит, как человек на него смотрит, и видит, как человек его видит, — как не более чем лва, и лев смотрит на себя так, как на него смотрят, и чувствует страх, и прячется.»

«И вы заглянули себе в сердце, чтобы убить этого льва?», — перебиваю я. Он отвечает: «Да нет, я смотрел в прицел чимбы и в глаз льва и просто выстрелил... о сердце я и не вспомнил...». Я начинаю почесывать голову, как согласно тому, чему я научился, здесь делают всегда, когда чего-то не понимают.

Старик Антонио медленно поднимается, берет в руки шкуру и внимательно ее рассматривает. Потом сворачивает ее и передает мне. «Бери, — говорит он. — Дарю тебе ее, чтобы ты никогда не забывал о том, что льва и страх можно убить, зная, куда для этого нужно смотреть...». Старик Антонио отворачивается и направляется к своей лежанке, спрятанной в зарослях. На языке старика Антонио это значит: «Я закончил. До свидания.». Я спрятал львиную шкуру в целлофановый мешок и ушел...

Тоньита делает то же самое и уходит с вышеупомянутым тряпичным кроликом, «который не колется». Чтобы утешить меня, Бето сообщает, что у него есть дохлый тлакуаче,²³ и что поскольку его мама уже сказала, чтобы он его выбросил, он, Бето, готов поменяться со мной на пять пузырей. Я вежливо отказываюсь, но один из поваров услышал предложение и предлагает Бето три пузыря. Бето колеблется. Повар приводит аргументы: один пузырь зеленый, другой белый, а третий красный. Бето настаивает на первоначальном предложении пяти пузырей. Повар предлагает два пузыря и два презерватива. Бето колеблется. Я ухожу до окончания торга.

Такая вот история о старике Антонио и льве. С тех пор я носил с собой львиную шкуру. В нее мы завернули флаг, который был передан Национальной Демократической Конвенции. Хотите еще и шкуру?

Еще раз добро. Привет и кусочек стеклышка, из тех, что служат, чтобы выглядывать вовнутрь...

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

8/10/94

История ночи и звезд

6 октября 1994

Приходят коммюнике с различными предложениями для обсуждения на ближайшей сессии Национальной Демократической Конвенции (НДК). Просматривая их, Тачо говорит мне, что проблема НДК в том, что они не поняли, что должны создать новую организацию. «Современную, как принято говорить сейчас, — уточняет Тачо. — Все хотят командовать, но никто не хочет подчиняться. НДК состоит из сплошных команданте, а должны бы быть еще и субкоманданте, майоры, капитаны, лейтенанты, рядовые и база поддержки. Но все хотят командовать, не подчиняясь. Как они смогут предложить что-то новое народу, если совершенно все делают по-старому?», — спрашивает он у меня. Я пытаюсь ответить, раскуриваю трубку, поправляю на себе патронташ и чихаю (все это одновременно). Тачо не дожидается пока я закончу столь сложное мероприятие и сам себе отвечает: «Необходимо нечто новое, *современное*. Что-то вроде нас, но без оружия и без масок». Тачо уходит собирать оставшуюся часть Комитета, занятого подготовкой праздника, который мы, сапатисты, каждое 8 октября посвящаем Че и нашим вечным мертвым. Я остаюсь, концентрируюсь на чихании. Тут появляются Эриберто и Эва для того, чтобы я им нарисовал утенка в маске. «В маске?», — спрашиваю в перерыве между чиханиями. «Да», — говорит Эва, в свои четыре года убежденная в том, что другие объяснения не нужны. Эриберто, которому еще три, но скоро будет четыре, более понятлив и сочувственно смотрит на меня, говоря: «Нарисуйте его в маске, это же сапатистский утенок». «А!» — говорю я, как будто понял. Утенок у меня оказывается больше похож на рыцарский шлем и Эва начинает кукситься. Эриберто говорит ей, чтобы не хныкала, потому что пока он, Эриберто, поправит маску на утенке, Суп расскажет им сказку. Эва присаживается возле меня, но отодвигается, когда понимает, что мое чихание похоже на дождь над Агуаскальентес. Я разжигаю трубку, поправляю патронташ и, вы угадали, чихаю. Тем временем, старик Антонио диктует мне на ухо, чтобы я повторил...

Историю ночи и звезд

«Много ночей назад все было ночью. Длинной крышей тени было небо и печальной была песня мужчин и женщин. Услышав эту печальную песню мужчин и женщин, боги почувствовали к ним жалость и решили собраться, чтобы договориться что делать. Потому что боги всегда договаривались между собой, чтобы что-то делать, и этому научились наши старейшие и от них мы тоже этому научились. Договариваться мы научились, чтобы что-то делать. Боги договорились убрать крышу ночи, чтобы весь свет, что вверху, опустился на мужчин и женщин, чтобы не была печальной песня мужчин и женщин. И убрали они всю крышу ночи, и пришел весь свет, и его было много, потому что ночь была длинной и покрывала все от реки до гор — много было света, который сдерживала длинная крыша ночи.

23 тлакуаче — характерный центральноамериканский грызун, напоминающий крысу.

Мужчины и женщины ослепли, потому что слишком много было этого света, и не было отдыха глазам, и тело работало постоянно, потому что бесконечен был день. И стали жаловаться мужчины и женщины на этот свет, причинявший им столько вреда, ведь были это мужчины и женщины — летучие мыши. И боги поняли свою ошибку, потому что были они богами, а не глупцами и умели видеть свои ошибки. Снова собрались боги и решили вновь установить длинную крышу ночи — на время пока будут продолжать думать и искать лучшее решение. Много времени прошло до тех пор, когда вновь смогли договориться. Длинной была эта ночь, поэтому мужчины и женщины — летучие мыши научились жить и ходить в ночи без света, потому что очень долго боги решали что делать с длинной крышей ночи. Потом, когда боги наконец смогли договориться, они спустились к мужчинам и женщинам и вызвали добровольцев, чтобы помочь им решить задачу. И сказали боги, что добровольцы станут частицами света, которыми будет усыпана крыша ночи, чтобы ночь не была такой длинной. «Они станут звездами», — сказали боги. И все мужчины и женщины сказали, что они добровольцы, потому что все хотели быть звездами, и не хотели быть мужчинами и женщинами — летучими мышами. И все они стали звездами и изрешетили всю крышу длинной ночи, и не уцелело ни малейшего кусочка крыши и опять все залил сплошной свет. Стало даже хуже, чем раньше, потому что была разрушена вся крыша ночи и нельзя было заслониться от света, который слепил со всех сторон. Боги не заметили этого, потому что они уже спали, очень довольные тем что решили задачу. Не осталось у них никакой печали, и они уснули.

И тогда мужчины и женщины — летучие мыши должны были сами решить эту задачу, которую они сами же и создали. И тогда они поступили как боги: собрались все вместе, чтобы договориться, и увидели, что нельзя всем быть звездами: чтобы одни светили, другие должны погаснуть. И тогда начался еще больший спор, потому что никто не хотел гаснуть и все хотели светить и быть звездами. Но тогда настоящие мужчины и женщины, те, чьи сердца — цвета земли, потому что маис рождается от земли, сказали, что они погаснут, и погасли. И так ночь стала хорошей, потому что была в ней темнота и был свет, потому что оставшиеся звезды смогли светить благодаря тем, что погасли, потому что иначе мы бы до сих пор были слепыми. И боги проснулись и увидели что была ночь, и были звезды, и был красив мир, который они придумали, и ушли они, поверив в то, что они, боги, решили эту задачу. Но было это не так; теми, кто смог найти хорошее решение и выполнить его, были мужчины и женщины. Но боги об этом не узнали, потому что они уснули, а потом ушли, думая что они все это сделали. Бедняги, они никогда не узнали того, как на самом деле родились звезды и ночь, ставшие крышей настоящих мужчин и женщин. Такая вот история — некоторые должны погаснуть, чтобы другие светили, но те, кто светит, светят благодаря тем, кто погас. Если бы это было не так, никто бы не мог светить.»

Эриберто говорит, что закончил поправлять маску на сапатистском утенке. Лист бумаги в руке Эриберто стал большой черной кляксой. Эва кукуется, потому что не осталось ни утенка, ни маски, ничего. Но Эриберто уже доказывает ей, что его рисунок лучше, чем рисунок Супа. «Но на нем ничего не видно», — говорит Эва. «Дело в том, что это сапатистский утенок ночью, поэтому его не видно», — говорит Эриберто и уводит Эву показывать, что его утенок может плавать в луже Агуаскальентес, в отличие от утенка Супа, который надел ему на голову железяку и поэтому наверняка тот бы бы утонул. Бедный утенок Супа. Эва уходит с Эриберто испытывать плавательные характеристики нового утенка. Я остаюсь чихать, что мне еще остается...

Ладно. Привет и пусть в вашей ночи будет все что положено.

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

P.S. Современный. До того, как я успеваю это распечатать, приходит Тачо, чтобы предложить: «Скажите этим, из Конвенции, что если они хотят, мы можем предложить им курс политической формации, то есть курс о том, как создается новая современная организация». Потом он замолкает, задумавшись, и спрашивает меня «Думаете, эти великие мыслители допустят, чтобы мы преподавали им курсы?». Я отвечаю чиханием. «Допишите все-таки в приложении, что мы приглашаем их на курс». Тачо уходит встречаться с представителем Красного Креста. Я прячусь, потому что сюда идет Эриберто, чтобы я нарисовал ему павлина в маске. Чихание выдает меня...

P.S., где извлекаются уроки из прошлых ошибок. Сапатистский павлин выходит у меня ооочень красиво. Я надеваю на него..... шлем, спасательный жилет и пару водолазных кислородных баллонов — на случай, если Эриберто найдет повод чтобы его утопить. Говорят, *Агуаскальентес* вновь отплывает 12, 13, 14 и 15 октября.²⁴ Нашей задачей является вторжение в Испанию. Проблема в том что в Эсаэно²⁵ продолжается борьба между различными тенденциями — одни хотят высадиться в порту Палос, а другие — на Канарах. Я говорю им, что Гаити намного ближе — и сейчас в моде «мирные» вторжения. Как бы там ни было, отплываем в назначенное время. Вы приглашены. Принесите платки, потому что... аапчхи! Спасибо (вздых).

P.S., подтверждающий поражение. Эриберто смотрит на павлина, которого я ему нарисовал и говорит: «Разве этот павлин на что-то годится? Разве вы не видите, что воды осталось мало. Из-за всех этих штук, которые вы повесили на бедного павлина, он увязнет в грязи, и умрет, потому что не сможет есть, и Эва начнет плакать, и тогда...». Потом Эриберто шепчет мне на ухо, чтобы я не беспокоился, что Эвы сейчас здесь нет и он, Эриберто, исправит моего павлина, чтобы Эва не хныкала. Я чихаю. Эриберто удовлетворен моим ответом и уходит исправлять павлина. Появляется Тачо и сообщает, что госпиталь солидарности будет называться «Крестьянский Госпиталь имени генерала Эмилиано Сапаты — Че Гевары». Такое большое имя, как тяжесть которую носим за спиной...

Письмо тем, чьи послания остались без ответа

Соответствующим адресатам:

С тех пор как я родился

Всего я избегаю.

Меня во мне закрыли

Но я бежал оттуда.

По горам и по долинам

Душа моя меня ищет.

И дай ей бог, чтобы больше

Она меня не нашла.

Фернандо Пессоа

декабрь 1994 г.

В то время, как я это пишу, с одной стороны товарищи докладывают о подготовке наступления наших подразделений, а с другой — догорает последняя стопка писем, оставшихся без ответа. Поэтому я пишу вам. Я всегда ставил перед собой задачу ответить на все и каждое из пришедших нам писем. Я считал и продолжаю считать, что наименьшее из того, что мы можем сделать, это ответить взаимностью стольким людям, побеспокоившимся написать нам пару строк и рискнувшим поставить свое имя и адрес в ожидании ответа. Возобновление войны неизбежно. Я должен окончательно отказаться от мысли хранить эти письма, я должен их уничтожить, потому что если они попадут в руки правительству, они могут создать проблемы многим хорошим людям и очень немногим плохим. И вот уже языки пламени набрали высоту и переливаются, иногда вспыхивая синим цветом, который не перестает удивлять в эту ночь сверчков и далеких молний, что приближаются к холодному декабрю предсказаний и неоплаченных счетов. Да, писем было много. Я успел ответить на некоторые, но едва уменьшалась одна стопка, немедленно приходила следующая пачка. «Сизиф» — сказал я себе. «Или орел, пожирающий внутренности Прометея», — добавляет мое второе «я», всегда такое своевременно встречающее со своим ядовитым скептицизмом. Хочу быть честным с вами и признаться, что в последнее время пачка входящих писем становится все тоньше и тоньше. Сначала я подумал, что это результат происков правительства, но постепенно мне стало ясно, что люди, пусть даже хорошие, устают... и перестают писать... и иногда перестают бороться...

²⁴ имеется в виду очередная сессия НДК, в Агуаскальентес, деревне, построенной сапатистами для приема гостей, и сравниваемой Маркосом с пиратским кораблем.

Да, я знаю, что написать письмо — это не совсем то же самое, что взять штурмом Зимний дворец, но письма эти позволяли нам бывать так далеко... Один день мы проводили в Тихуане, другой — в Мериде, иногда — в Мичоакане, или в Герреро, или в Веракруссе, или в Гуанахуато, или в Чиуауа, или в Найарите, или в Керетаро, или в столице... В других случаях мы попадали еще дальше — в Чили, в Парагвай, в Испанию, в Италию, в Японию. И хотя эти путешествия вызвали у нас не одну улыбку, согрели нас в холодные бессонные ночи и освежили нас в изнуряющие жаркие дни, теперь они окончены.

И, как я уже сказал вам, я поставил перед собой задачу ответить на все письма. Мы, странствующие рыцари, умеем выполнять обещания (кроме, разумеется, любовных), так что, взывая к добродетели, призванной облегчить мое тяжкое бремя вины, нижайше прошу у всех вас дозволения ответить вам одним разящим посланием, в котором вы можете вообразить себя частными адресатами столь нерегулярной корреспонденции.

И, поскольку расклад — в мою пользу, потому что протестовать или выразить свое несогласие вы не можете (можете, конечно, но я об этом не узнаю, так как письма и прочее будут уже бесполезны), я перехожу к следующей части и даю зеленый свет неумолимой диктатуре, владеющей моей искусной правой рукой, когда дело доходит до писания писем. И разве можно не начать это письмо со стихов Пессоа, в которых — и проклятие и пророчество. Гласят они примерно следующее...

Взора не встречает взор,
Но на сердце полегчало;
Возникает разговор,
Хоть ничто не прозвучало.
Где конец и где начало?²⁶

Такого-то такого-то числа такого-то месяца непередаваемого 1994 г.

Соответствующим адресатам:

Хочу говорить с вами о том, что началось в январе и продолжается до сих пор. Большинство из вас написали нам, чтобы поблагодарить. Представьте себе наше удивление, когда мы читали ваше послание, в котором вы благодарили нас за то, что мы существуем. Самое ласковое, например, что я получаю от наших войск когда попадаю на одну из позиций — это жест вынужденного смирения. Я удивляюсь своему удивлению, и когда удивляешься, от удивления могут произойти самые непредвиденные события. Бывает, например, что я слишком сильно закусьваю трубку и отламывается мундштук. Бывает, что я не могу найти замазку, чтобы починить его. Бывает, что в поисках какой-нибудь другой трубки я натываюсь на конфету и совершаю грубую ошибку, выдавая находку характерным звуком, издающимся исключительно конфетами в целлофановой упаковке, который эта чума, именуемая детьми, может услышать за десятки метров, а то и за километры, если ветер в их сторону. И бывает, например, что я увеличиваю громкость магнитофончика, чтобы заглушить шелест целлофана песней со словами...

Имеющий нынче песню
завтра бурю получит,
и тот кто в сейчас компании
будет еще одинок,
идуший прямой дорогой
споткнется о страшные стулья.
Но песня всегда стоит бури,
компания — одиночеств.
И самое дорогое —
это агония спешки,
сколько бы стульев ни было
в нашей единственной правде.

В домике (потому что все это неизменно происходит в домике, где крыша — это кусок картона, связка хвороста или клеенка) возникает Эриберто, лицо его выражает «наконец-то ты мне попался!». Я делаю вид, что его не вижу, и насвистываю песенку из фильма, названия которого я не помню, но главному герою она помогала достичь превосходных результатов, потому что под ее насвистывание одна девушка, из тех, что в самый раз для того, чтобы, как говорят в этих случаях, «это самое», с улыбкой приближалась к нему, — и я вдруг замечаю, что это приближается не девушка, а Эриберто. Вместе с ним идет Тоньита, со своей куклой-олоте²⁷ в руках. Тоньита — отказывающая в поцелуе, «потому что очень колется», с источенными кариесом зубками, которой исполняется пять лет и наступает шесть — любимица Супа. Эриберто — самый скорый плач Лакандонской сельвы, рисовальщик утят антисупмарин, ужас вьючных муравьев и рождественского шоколада, любимец Аны Марии, наказание, которое послал Супу какой-то злопамятный бог за то, что он нарушитель насилия и профессионал закона. Что? Не так? Хорошо, не беспокойтесь...

Внимание! Не отвлекайтесь и внимайте! Эриберто приходит и говорит, что Эва хнычет, потому что хочет смотреть про поющую лошадку, а майор ей не дает, потому что он смотрит «Декамерон» Пазолини. Конечно, Эриберто не говорит «Декамерон», но я это заключаю из его жалоб, что «майор смотрит только этих голых старух». Для Эриберто все женщины, носящие юбку до колен и выше — «голые», и все женщины старше четырех лет, исполнившихся недавно Эве, — «старухи». Я знаю что все это — часть тщательно подготовленной Эриберто грязной стратегии, цель которой — завладеть конфетой, чья целлофановая обертка прозвучала как сирена «Титаника» в тумане, и Эриберто со своими утятами уже спешит на помощь, потому что нет в этом мире ничего более печального, чем конфета без ребенка, вызволяющего ее из целлофанового плена.

Тем временем, Тоньита обнаруживает игрушечного кролика, «которого невозможно испачкать», то есть он черного цвета, и решает окунуть его в лужу, что, по ее представлениям, обладает всеми необходимыми характеристиками для проведения испытаний качества.

Перед этой атакой, целью которой является «генеральное командование САНО», я делаю вид что оочень сосредоточен на письме. Эриберто замечает это и рисует утенка, которого непочтительно называет «Суп». Я притворяюсь обиженным, потому что Эриберто настаивает, что мой нос похож на утиный клюв. Тоньита кладет на камень вымазанного в грязи кролика рядом с олоте и оценивает их критическим взглядом. Мне кажется, результат ее не удовлетворяет, потому что с тем же упрямством, с которым отказывает мне в поцелуях, она отрицательно качает головой. Эриберто, кажется, признает свое поражение перед лицом моего безразличия, и уходит, и я остаюсь доволен своей сокрушительной победой, когда вдруг замечаю, что конфеты на месте нет и вспоминаю, что когда я рассматривал его рисунок, Эриберто сделал какое-то странное движение. Он увел ее у меня из-под носа! И поверьте, при таком носе, это особенно обидно. Мне становится еще грустнее от того, что я замечаю, что Салинас²⁸ уже собрал чемоданы чтобы перейти в ВТО,²⁹ и мне кажется, что он был несправедлив с нами, навесив на нас ярлык «нарушителей». Если бы он был знаком с Эриберто, он бы понял, что в сравнении с ним мы даже законопослушнее руководства ИРП.³⁰ Ладно, вернемся к тому, что я был удивлен своим удивлением, читая ваши послания с этим «спасибо», которое иногда было адресовано Ане Марии, иногда — Рамоне, Тачо, Мою, Марио, Лауре или любому и любой из мужчин и женщин, скрывающим свои лица, чтобы быть увиденными другими и открывающими их, чтобы ото всех укрыться.

Я готовлю наилучший из своих реверансов, чтобы поблагодарить за столько благодарностей, когда в дверях появляется Ана Мария, держа за руку хнычущего Эриберто и спрашивает, почему я не хочу дать Эриберто конфету. «Я не хочу дать ему конфету?», —

27 Олоте — кукурузная кочерыжка.

28 Салинас — Карлос Салинас де Гортари — президент Мексики с 1988 по 1994 гг от ИРП.

29 ВТО — Всемирная торговая организация

30 ИРП — Институциональная Революционная Партия — партия власти, правившая в Мексике с 1917 по 2000 г.

говорю я и с удивлением смотрю на лицо Эриберто, на котором следы конфеты умело замаскированы слезами и соплями, которые и привлекли симпатии Аны Марии на его сторону. «Да, — неумолимо продолжает Ана Мария, — Эриберто сказал, что он отдал тебе рисунок в обмен на конфету, а ты не сдержал слова». Я чувствую себя жертвой столь несправедливого обвинения, что лицо мое становится похожим на лицо экс-президента ИРП, готовящегося овладеть могущественным государственным секретариатом и поднимающегося на трибуну, чтобы произнести лучшую из своих речей. Тут Ана Мария просто берет неизвестно откуда взявшийся кулек с конфетами и отдает его — весь! — Эриберто. «Бери, — говорит она, — сапатисты всегда держат слово». И они вдвоем уходят. Я ооочень расстраиваюсь, потому что конфеты эти были приготовлены Эве на день рождения, которой не знаю уже сколько исполняется: когда я спросил у ее мамы, сколько ей лет, она мне сказала что шесть. «Но вы же совсем недавно мне сказали, что ей только что исполнилось четыре», — упрекнул я. «Да, ей исполнилось четыре, идет пятый, то есть теперь ей будет шесть», — тоном не допускающим никаких возражений, отвечает мне сеньора и оставляет меня, вынуждая вновь пересчитывать все это на пальцах и сомневаться во всей нашей системе образования, ясно учившей тому, что $1 + 1 = 2$, $6 \times 8 = 48$ и прочим столь же серьезным вещам, которые, как это становится очевидно, оказываются совершенно иными в горах юго-востока Мексики; здесь действует другая математическая логика. «Мы, сапатисты, совершенно другие», — заявил однажды Монарх, когда рассказывал мне, что когда он остается без тормозной жидкости, он просто мочится в резервуар. В другой раз, например, мы праздновали день рождения. Собралась «молодежная группа» и организовала «сапатистскую олимпиаду»: «ведущая мероприятия» ясно сказала, что затем пройдут соревнования по прыжкам в длину, что значит «кто выше прыгнет», а потом — в высоту, в смысле «кто прыгнет дальше». Я опять занялся счетом на пальцах, но пришел лейтенант Рикардо и сообщил мне, что на завтрашнее утро для именинника подготовлены утренние куплеты. «Где будет исполнена серенада?» — спросил я, радуясь, что все вернулось в норму, потому что петь утренние куплеты с утра мне показалось совершенно логичным. «На кладбище», — ответил Рикардо. «На кладбище?» — повторил я и вернулся к счету на пальцах. «Да, потому что это день рождения товарища, погибшего в январских боях», — сказал Рикардо и ушел, так как уже объявили начало конкурса по бегу «ползком».

«Да, — сказал я себе, — день рождения для мертвого. Совершенно логично... в горах юго-востока Мексики». Вздыхаю.

Я вздыхаю от ностальгии, вспоминая добрые старые времена, когда плохие были плохими, а хорошие — хорошими, когда ньютоново яблоко продолжало свое неудержимое падение с дерева в руку ребенка, когда у мира был запах школьного зала первого дня занятий — запах страха, запах тайны, запах нового. Я глубоко погружен в воспоминания, когда появляется Бето и бесцеремонно спрашивает, остались ли у меня пузыри. Не дожидаясь ответа, он начинает рыться среди карт, оперативных планов, военных приказов, табачного пепла, сухих слез, красных цветков, нарисованных фломастером, патронташей и вонючей маски. Наконец где-то Бето находит пакетик с пузырями и фотографию какой-то красотки из журнала, которая выглядит достаточно потертой (фотография, а не красотка). Несколько секунд Бето проводит в сомнениях, выбирая между пакетиком с пузырями и фото, и решает то, что в этих случаях решают все дети — забирает и то, и другое. Я всегда говорил, что это не командование, а детский сад. Вчера я попросил Моя, чтобы он установил вокруг несколько противопехотных мин. «Ты думаешь, сюда придут солдаты?», — озабоченно спросил он. Я, не в силах справиться с дрожью во всем теле, ответил: «Солдаты — не знаю, а вот дети...». Мой с пониманием кивает, присаживается и начинает объяснять мне довольно сложную систему ловушки («для дураков», как он говорит), состоящей из замаскированной ямы и заточенных колов с ядом на дне. Эта идея мне нравится, но кем-кем, а дураками этих детей не назовешь, так что я в ответ предлагаю ему протянуть вокруг проволоку под высоким напряжением и установить на входе станковые трехствольные пулеметы. Мой вновь сомневается, говорит, что ему пришла в голову еще одна отличная мысль и уходит, оставляя меня в сомнениях...

На чем мы остановились? Ах, да! На конфетах, которые были для Эвы, но их забрал Эриберто. Я делаю по радио срочное сообщение с просьбой поискать во всех наших лагерях и передать мне какой-нибудь кулек с конфетами, чтобы возместить подарок для Эвы, когда вышеупомянутая особа собственной персоной предстает передо мной с кастрюлькой

тамалес,³¹ «которые передала моя мама, потому что сегодня у меня день рождения», и смотрит на меня глазами, которые лет через десять приведут не к одной войне.

Я благодарю ее как могу и говорю ей — а что мне еще остается? — что у меня для нее подарок. «А де он?», — говорит-просит-требует Эва, и я покрываюсь потом, потому что нет ничего страшнее, чем этот черный укоряющий взгляд, и перед моим оцепеневшим молчанием взгляд Эвы постепенно превращается, как в фильме «Святой против оборотня»... и в этот момент, чтобы добить меня окончательно, появляется Эриберто: он пришел выяснить «перестал ли уже Суп на него сердиться». Я начинаю смеяться, чтобы выиграть время и просчитать, достанет ли отсюда мой пиннок до Эриберто... Тут Эва замечает, что у Эриберто в руках заметно похудевший кулек с конфетами и спрашивает, кто ему дал конфеты, и Эриберто, липким от шоколада голосом говорит ей: «Чуп». Я не понимаю, что Эриберто хотел сказать «Суп», пока Эва не поворачивается ко мне и не напоминает: «А мой подарок?». Когда Эриберто слышит «подарок», он прячет глаза, выбрасывает уже пустой кулек от конфет, подходит к Эве и говорит мне с бесконечным цинизмом: «Да, наш подарок?». «Наш?», — повторяю я, вновь пытаюсь просчитать траекторию пинка, но в этот момент вижу, как поблизости рыщет Ана Мария, и с сожалением отказываюсь от этой идеи. Тогда я говорю: «Я его спрятал». «Де?», — спрашивает Эва, стремящаяся избежать всяких загадок. Эриберто, в отличие от нее, принял мои последние слова как вызов и уже открывает мой рюкзак и откладывает в сторону одеяло, альтметр, компас, табак, коробку с патронами, носок, и в этот момент я его останавливаю убедительным окриком: «Не там!». Тогда Эриберто пикирует на рюкзак Моя и уже начинает открывать его, но я добавляю: «Чтобы знать, где спрятан подарок, вы должны разгадать сказку». Отчаявшийся от того, что ремни рюкзака майора оказались затянуты очень крепко, Эриберто подходит и садится возле меня. Эва тоже. К нам подсаживаются Бето и Тоньита. И вот я уже разжигаю трубку, чтобы дать себе время подумать о масштабах проблемы, которую я себе устроил с этой загадкой, когда ко мне приходит старик Антонио, и указав жестом на маленького серебряного Сапату, прикрепленного к сандалиии, повторяет, на этот раз моими устами

Историю вопросов

В горах поджигает холод. В этой разведке, за десять лет до январского рассвета, меня сопровождают Ана Мария и Марио. Они тогда только-только пришли в партизанский отряд и я — в то время лейтенант пехоты — должен был обучить их тому, чему другие обучили меня: жизни в горах. Вчера я впервые столкнулся со стариком Антонио. Мы оба соврали. Он, сказав, что шел смотреть свою мильпу,³² и я — что был на охоте. Мы оба знали, что врал, и знали, что оба знаем об этом. Я оставил Ану Марию на намеченной нами тропе, а сам вернулся к реке, чтобы попытаться найти на карте высоченный холм, который виднелся напротив и, если удастся, еще раз встретить старика Антонио. Он, наверное, подумал то же самое, потому что вновь появился точно в месте нашей вчерашней встречи.

Так же как и вчера, старик Антонио садится на землю, опирается спиной на покрытый зеленым мхом ствол и начинает скручивать сигарету. Я сажусь напротив и разжигаю трубку. Старик Антонио начинает:

— Ты не на охоте.

Я отвечаю:

— А вы не на мильпе.

Что-то заставляет меня обращаться к нему, человеку неопределенного возраста, с выдубленным как кедровая кора лицом, которого я вижу второй раз в жизни, на «вы», с уважением.

Старик Антонио улыбается и добавляет:

— Я слышал о вас. В ущельях говорят, что вы бандиты. В моем селении обеспокоены, потому что вы можете быть в чем-то таком замешаны.

— А вы думаете что мы — бандиты? — спрашиваю я.

Старик Антонио выпускает большой клуб дыма, кашляет и отрицательно качает головой. Я вдохновляюсь и задаю ему следующий вопрос:

— И кто-же мы такие, по-вашему?.

31 Тамалес — пироги из кукурузной муки

32 Мильпа — поле, засеянное кукурузой в Мексике и Центральной Америке.

— Лучше ты сам скажи мне это, — отвечает старик Антонио и застывает, глядя мне в глаза.

— Это очень длинная история, — говорю я и начинаю рассказывать ему о Сапате и Вилье, и революции, и земле, и несправедливости, и голоде, и невежестве, и болезнях, и репрессиях, и обо всем остальном. И заканчиваю мою речь фразой:

— И, таким образом, мы — Сапатистская Армия Национального Освобождения.

Я жду на лице старика Антонио, на протяжении всего разговора непрерывно смотревшего мне в глаза, какой-нибудь реакции.

— Расскажи мне еще об этом самом Сапате, — говорит он мне после следующей порции дыма и кашля.

Я начинаю с Аненекуилько, продолжаю планом Аялы, военной кампанией, организацией народов и предательством в Чинамеке. Когда я заканчиваю, старик Антонио продолжает глядеть на меня.

— Не так это было, — говорит он мне. Я делаю удивленный жест и успеваю лишь пробормотать:

— Нет?

— Нет, — настаивает старик Антонио. — Я расскажу тебе настоящую историю этого самого Сапаты.

Старик Антонио достает табак и «крутилку» и начинает свою историю, где соединяются и смешиваются старые времена с новыми, точно так же как смешивается и соединяется дым моей трубки и его сигареты.

«Много историй назад, когда самые первые из богов, те, что создали мир, еще бродили по ночам, беседовали два бога, имена которых были Ик'аль и Вотан. Оба они были одним целым. Когда один поворачивался — было видно другого, когда поворачивался другой — было видно первого. Они были противоположны. Один — чистый свет, как майское утро на реке. Другой был мраком, как пещера холодной ночью. И были они одним и тем же. Оба они были одним, потому что существование одного делало возможным существование другого. Но не двигались они, неподвижными оставались эти два бога, которые были одним и тем же. «Что нам делать?» — спрашивали оба. «Грустно так жить, всегда на одном месте», — печалились оба, которые были одним. «Не кончается ночь», — сказал Ик'аль. «Не кончается день», — сказал Вотан. «Пойдем в путь», — сказал один, который был обоими. «Как?», — спросил другой. «Куда?», — спросил один. И увидели они, что так они сдвинулись немного, сначала, чтобы спросить «как», а потом, чтобы спросить «куда». Обрадовался один, который был обоими, когда увидел, что они немножко сдвинулись. Попробовали они оба двигаться одновременно, но не смогли. «Что же нам делать?». И шевельнулся сначала один, потом — другой, и так они сдвинулись еще чуть-чуть, и так они заметили, что движение удавалось, если сначала двигался один, а потом другой. И они договорились, что чтобы двигаться, сначала будет двигаться один, а потом другой, и так они начали двигаться, и никто не помнит, кто сдвинулся первый, когда они начали двигаться, потому что они очень обрадовались этому движению. «Какая разница, кто был первый, если мы уже движемся?», — говорили два бога, которые были одним, и смеялись они, и первое, о чем они договорились, это устроить танец, и станцевали они, сначала шажок одного, потом шажок другого, и долго они танцевали, потому что довольны они были своим открытием. Потом они устали от долгого танца и решили подумать о том, что делать дальше, и увидели они, что первый вопрос «как двигаться?» привел к ответу «вместе, но по отдельности, как договорились» и этот вопрос их уже мало интересовал, потому что когда они это поняли, они уже двигались. Другой вопрос возник тогда, когда они увидели что есть два пути. Один был очень коротким и заканчивался совсем рядом, и было хорошо видно место, где заканчивался этот путь, но ногам их так понравилось ходить, что они быстро решили что этот путь был для них слишком коротким и не захотели они идти по короткому пути. И договорились они идти по пути длинному и уже было собралось отправиться в путь, когда их ответ, в котором они выбрали длинный путь, вызвал у них другой вопрос: «Куда этот путь ведет?». Долго они думали над ответом, двое, которые были одним, и вдруг они поняли, что только если они пойдут по этому длинному пути, можно будет узнать, куда он ведет, потому что если они так и останутся на месте, они так никогда и не узнают, куда ведет длинный путь. И тогда они сказали себе оба, которые были одним: «Пошли» — и пошли, сначала один и потом другой. Вскоре они поняли, что дорога по длинному пути занимает много времени, и у них возник следующий вопрос: «Что

нам сделать, чтобы суметь идти долго?», и задумались они надолго и тогда Ик'аль сказал, что он не умеет идти днем, а Вотан сказал, что ему страшно идти ночью. И остались они плакать, но потом вдруг прекратили плач и договорились, потому что поняли, что Ик'аль может идти ночью, а Вотан может идти днем, и что Ик'аль может вести Вотана ночью, и так нашли они ответ на вопрос о том, как идти все время. С тех пор боги идут с вопросами и никогда не останавливаются, никогда не приходят и никогда не уходят. И так настоящие мужчины и женщины научились тому, что вопросы служат для того, чтобы идти, а не для того, чтобы оставаться на месте. И с тех пор настоящие мужчины и женщины, чтобы идти — спрашивают, чтобы придти — прощаются и чтобы уходить — здороваются. И никогда не остаются на месте».

Я продолжаю грызть ставший уже коротким мундштук трубки, в ожидании того, что старик Антонио продолжит, но он, кажется, не собирается этого делать. Опасаясь прервать нечто очень серьезное, я спрашиваю:

— А Сапата?

Старик Антонио улыбается:

— Теперь ты уже знаешь, что для того, чтобы знать и чтобы идти, нужно спрашивать.

Он кашляет и зажигает следующую сигарету, я не заметил, когда он ее свернул, и среди струящегося из его губ дыма как семена в землю падают слова:

— Этот самый Сапата появился здесь, в горах. Он не родился, говорят. Просто, появился. Говорят, что это — Ик'аль и Вотан, которые пришли сюда своим долгим путем, и которые, чтобы не пугать добрых людей, превратились в одно. Потому что много уже прошли вместе Ик'аль и Вотан, и научились они тому, что они одно, и умели легко превращаться в одно целое днем или ночью. И придя сюда, они превратились в одно и дали себе имя Сапата, и сказал Сапата, что пришел он в эти места, чтобы здесь найти ответ на вопрос, куда ведет длинный путь, и сказал он, что иногда он будет светом, а иногда мраком, но всегда он один и тот же, Вотан Сапата и Ик'аль Сапата, белый Сапата и черный Сапата и что оба — это один и тот же путь для настоящих мужчин и женщин.

Старик Антонио достает из своего вещмешка целлофановый пакетик. Внутри — очень старая, 1910 года, фотография Эмилиано Сапаты. В левой руке, на уровне пояса, Сапата сжимает саблю. Правой он опирается на карабин, на груди его — два патронташа, и слева направо перекинута двухцветная черно-белая лента. Ноги его создают впечатление, что он остановился и в то же время идет, во взгляде его нечто, говорящее «я здесь» и вместе с тем — «я уже иду». За Сапатой две лестницы. На одной, ведущей из темноты, видны смуглые лица сапатистов, которые будто вышли из глубины чего-то, на другой лестнице, освещенной, нет никого и не видно откуда и куда она ведет. Я бы соврал вам, если бы сказал, что сам заметил все эти детали. Это старик Антонио обратил на них мое внимание. На обратной стороне фотографии написано:

Генерал Эмилиано Сапата, главнокомандующий Южной Армии.

Gen. Emiliano Zapata, *Commander in Chief of the Southern Army* .

Le Général Emiliano Zapata, *Chef de l'Armée du Sud* .

C. 1910. *Photo by* : Agustín V. Casasola.

Старик Антонио говорит мне:

— Этой фотографии я задал много вопросов. Благодаря этому я пришел сюда.

Он кашляет и выпускает струйку дыма. Он дает мне фото.

— Бери, — говорит он. — Чтобы ты научился спрашивать... и идти.

— Когда приходишь, лучше попрощаться. Тогда не так больно, когда мы уходим, — говорит мне старик Антонио, протягивая руку, чтобы дать понять, что уходит, то есть что приходит. С тех пор старик Антонио когда приходит, приветствует словом «прощай» и прощается, протягивая руку и говоря «сейчас приду». Старик Антонио встает. То же самое делают Бето, Тоньита, Эва и Эриберто. Я достаю из своего рюкзака фотографию Сапаты и показываю им.

Он поднимается или спускается? — спрашивает Бето.

Он идет или остается на месте? — спрашивает Эва.

Он достает или прячет шпагу? — спрашивает Тоньита.

Он уже перестал стрелять или только сейчас начнет? — спрашивает Эриберто.

Я не перестаю удивляться всем этим вопросам, которые задает мне эта карточка восьмидесятичетырехлетней давности, отданная мне стариком Антонио в 1984 году. Я смотрю на нее в последний раз перед тем, как подарить ее Ане Марии и она, эта фотография, задает мне еще один вопрос:

— Это наше вчера или это наше завтра?

Уже в духе обсуждения серьезных вопросов и с удивительной для ее исполнившихся четырех-лет-пошедшего-пятого-то-есть-шести последовательностью, Эва наконец выдает мне: «А мой подарок?». Слово «подарок» вызывает ту же реакцию и у Бето, Тоньиты и Эриберто, то есть все они начинают кричать: «А мой подарок?». Я в окружении, на грани самоубийства, но в этот момент появляется Ана Мария, которая так же, как и почти год назад в Сан-Кристобале, но при других обстоятельствах, спасает мне жизнь. Ана Мария несет большой-пребольшой кулек с конфетами. «Вот ваш подарок, который приготовил вам Суп», — говорит Ана Мария и смотрит на меня с видом «что-бы-вы-мужчины-делали-без-нас-женщин».

Пока дети договариваются, то есть дерутся по поводу разделения конфет, Ана Мария по-военному приветствует меня и сообщает:

— Докладываю: войска готовы к выступлению.

— Хорошо, — говорю, вешая пистолет на ремень, — выступаем, как обычно, на рассвете.

Ана Мария собирается уходить.

— Подожди, — говорю я и отдаю ей фото Сапаты.

— И это? — спрашивает, глядя на нее.

— Пригодится, — отвечаю я.

— Для чего? — настаивает она.

— Чтобы знать, куда мы идем, — отвечаю я, проверяя карабин. В небе маячит военный самолет...

— Ладно, не отчаивайтесь, я уже почти заканчиваю это «письмо писем». Но сначала мне нужно выпроводить отсюда детей...

И наконец, я отвечаю на некоторые вопросы, которые наверняка у вас остались:

— Знаем ли мы, на что идем? Да.

— Знаем ли мы, что нас ждет? Да.

— Стоит ли? Да.

Кто из тех, кто может ответить «да» на три предыдущих вопроса, может остаться сложив руки и не чувствовать, что внутри что-то рвется?

Хорошо. Привет и цветок для этой нежной ярости, думаю, она этого заслуживает.

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

P.S. для писателей, аналитиков и народа в целом. Выдающиеся перья нашли в сапатистском движении немало интересного, но они исказили нашу суть — национальную борьбу. Для них мы остались деревенскими жителями, способными осознать наше «животное состояние» и все из него вытекающее, но неспособными, без «внешней» помощи, понять и сделать нашими такие концепции, как «народ», «родина», «мексика». Да, все с маленькой буквы, в духе этого серого времени. Согласно им, борясь за наши материальные нужды, мы были правы, но наша борьба за нужды духовные — это уже излишество. Будет понятным, если эти перья повернутся сейчас против нашего упрямства. Жаль, конечно, но кто-то должен быть последовательным, кто-то должен сказать «нет», кто-то должен повторить свое «Баста!», кто-то должен забыть о благоразумии, кто-то должен поднять достоинство и стыд выше жизни, кто-то должен... Ладно, я хотел только сказать им, этим выдающимся перьям, что мы понимаем их осуждение. В нашу защиту я могу сказать лишь следующее: ничего из всего, что мы сделали, не было сделано для того, чтобы вам понравиться, все что нами сказано и сделано, было сделано для того, чтобы нравиться нам самим, делаем это мы из нашего вкуса к борьбе, к жизни, к слову, к пути... Нам помогали хорошие люди всех социальных классов, всех рас, всех полов. Некоторые — чтобы облегчить свою совесть, другие — чтобы следовать моде, и большинство — по убеждению, из уверенности в том, что встретили нечто новое и хорошее. А мы, поскольку мы считаем себя людьми хорошими, прежде чем что-то сделать, мы всегда предупреждаем об этом, чтобы другие учли это, чтобы подготовились, чтобы мы не застали их врасплох. Я знаю, что это

ставит нас в невыгодную ситуацию, но по сравнению с невыгодной ситуацией в технологии, мы тем более можем позволить себе не обращать внимания на потерю фактора неожиданности.

Хорошим людям я хотел сказать, чтобы оставались хорошими, чтобы не теряли веры, чтобы не позволяли скептицизму заключать их в сладкую тюрьму конформизма, чтобы продолжали искать, чтобы продолжали находить то, во что стоит верить, то, за что стоит бороться.

У нас были и замечательные враги. Перья, которые не ограничились осуждающими ярлыками или пустыми фразами, перья, которые искали сильные, серьезные и убедительные аргументы, чтобы атаковать, осудить и изолировать нас. Я читал прекрасные тексты, осуждающие сапатизм и защищающие режим, который должен платить, причем дорого, чтобы создать видимость того, что он кому-то нравится. Жаль, что в конце концов они встали на защиту дела бесполезного и напрасного, жаль, что они провалятся вместе с этим рушащимся зданием...

P.S., который на коне и с марьячи поет под окном одной бабушки серенаду на слова Педро Инфанте, под названием «Говорят, что я бабник», заканчивающуюся...

На дне любви моей сладкой
Одна есть средь струн и ран
Что любит меня без оглядки
И без тарарираран
Старушка моя прекрасна
Во мгле моих лет пустых
И сердцу ее подвластна
Любовь, коей нет в других.

Перед этой бабушкой каждый из нас — ребенок, с болью теряющийся вдали... Прощай, бабушка, уже иду. Уже заканчиваю, уже начинаю...

5/3/95

Портрет Супа

20 февраля 1995 г.

Приходят коммюнике. Выглядит все настолько в черном свете, что это уже начинает казаться кануном. Поражает цинизм, с которым отрицается очевидное — ставка на военное решение. А мы? Вот так, уже почти скребемся в небо. Это первое падение снизу вверх, я падаю.

Ладно. Привет и хорошо отточенного лезвия чтобы отскрести столько тумана.

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

P.S., описывающий 15 февраля 1995 г., шестой день нашего отступления (рекомендуется читать это каждый раз перед принятием пищи в качестве идеального диетического средства).

Ночью 15-го мы собрались пить мочу. Говорю «собрались», потому что сделать этого не удалось — всех начало рвать после первого глотка. Сначала было обсуждение. Хотя все мы согласились с тем, что каждый будет пить только свою собственную мочу, Камило уверял, что нужно подождать до утра, чтобы моча в наших флягах остыла и мы смогли бы ее выпить, представляя себе, что это освежающий напиток.

Защищая свою позицию, Камило использовал как аргумент то, что он слышал как-то по радио, будто воображение может все. Я с этим не согласился, предположив, что чем больше пройдет времени, тем больше будет вони, и еще заметил, что радио в последнее время не блистало своей объективностью. Мое второе «я» возразило, что отстаивание может помочь отделить аммиак, который осядет на дне. «Это из-за адреналина», — сказал я, удивляясь тому, что скептицизм на этот раз принадлежал мне, а не моему второму «я». Наконец мы решили сделать первый глоток все вместе одновременно и посмотреть что из этого получится. Не знаю, кто начал «концерт», но почти одновременно всех нас вырвало выпитым и невыпитым. Так мы и остались валяться, еще более обезвоженные, чем раньше. Как

алкаши, воняющие мочой. Думаю, вид у нас при этом был не очень боевой. Через несколько часов, незадолго до восхода, неожиданно пошел дождь, который позволил нам справиться с жаждой и совсем никудышним настроением. С первыми лучами солнца мы продолжили путь. К вечеру шестого дня удалось добраться до окраины какой-то деревни. Камило отправился в деревню попросить какой-нибудь еды.

Вскоре он возвратился с куском холодной и жесткой жареной свинины, с которым мы прикончили на месте без особых осторожностей. Через несколько минут у всех начались схватки. Понос был незабываемым. Потом мы совершенно обессиленные разлеглись у подножья лесистого холма. Федеральный патруль прошел примерно в пятистах метрах от нас. Они не обнаружили нас только благодаря тому, что Господь велик. Дерьмом и мочой от нас разило на километры...

P.S., утверждающий наше восстание.

Они могут прислать сюда еще солдат. И в каждой нашей деревне будет как в Гуадалупе Тепейак, где на каждого жителя — взрослого или ребенка — приходится по десять солдат, на каждую лошадь — по танку и на каждую курицу — по бронетранспортеру. Пять тысяч солдат патрулируют опустевшее село и «защищают» свору отощавших псов и скотину, оставшуюся без присмотра. Сделайте это во всех округах, во всех хуторах, на всех ранчо. Переполните солдатами весь штат Чьяпас...

Несмотря ни на что и несмотря ни на кого, горы юго-востока Мексики останутся территорией восставшей против негодного правительства. Останутся сапатистской территорией.

И так будет всегда...

P.S., который объясняет и утверждает.

Тем, кто прервал диалог и возобновил войну, была не САНО. Это сделало правительство.

Тем, кто делал вид, что желает политического решения, а тем временем готовил предательский военный удар, была не САНО. Это сделало правительство.

Тем, кто подготовил заговор, чтобы найти повод, оправдывающий иррациональное поведение, была не САНО. Это сделало правительство.

Тем, кто арестовывал и пытал гражданских, была не САНО. Это сделало правительство.

Тем, кто убивал, была не САНО. Это сделало правительство.

Тем, кто бомбил деревни и расстреливал их с воздуха, была не САНО. Это сделало правительство.

Тем, кто насиловал индейских женщин, была не САНО. Это сделало правительство.

Тем, кто грабил и лишал крестьян крова, была не САНО. Это сделало правительство.

Тем, кто предал волю всей страны, заключающуюся в требовании поиска политического решения конфликта, была не САНО. Это сделало правительство.

P.S., указывающий на несостоятельность выводов расследования, проведенного ГПМ.

Если бы «Суп» прошел военную и политическую подготовку у сандинистов, он бы уже разыграл отобранные поместья в «пиньяту»,³³ и выгнал бы из организации всех критически настроенных. Если бы «Суп» был подготовлен сальвадорцами, он бы уже подарил свое оружие Кристиани.³⁴ Если бы «Супа» обучали русские инструкторы, он бы уже бомбил Чечню, то есть, извините, Гуадалупе Тепейак.

Кроме того, какие еще «милленаристские» «фундаменталистские» партизаны «под руководством белых профессионалов» смогли бы осуществить такие военные акции, какие провела САНО в январе и в декабре 1994 г., когда удалось прорвать окружение? Какие еще партизаны смогли бы сесть за стол переговоров всего через пятьдесят дней после вооруженного восстания? Какие еще партизаны призывали к борьбе за демократию не пролетариат как исторический авангард, а гражданское общество? Какие еще партизаны остаются в стороне, чтобы не вмешиваться в избирательный процесс? Какие еще партизаны созывали национальное демократическое, гражданское и пацифистское движение, для того

33 пиньята — популярная в Никарагуа и Центральной Америке игра, где победители получают приз.

34 — имеется в виду одностороннее разоружение сальвадорских партизан, в начале 90-х, во время правления в стране президента А.Кристиани.

чтобы сделать невозможной военную альтернативу? Какие еще партизаны спрашивают у своей базы поддержки о том, что они должны сделать, перед тем, как что-либо делать? Какие еще партизаны боролись не за власть, а за демократическое пространство? Какие еще партизаны прибегли больше к словам, чем к пулям?

P.S., назначающий себя «специальным следователем по делу Супа» и приглашающий национальное и международное гражданское общество стать присяжными и вынести приговор.

Во столько-то часов и минут такого-то дня этакого месяца текущего года, перед настоящим P.S. предстает лицо мужского пола неопределенного возраста, от пяти до шестидесяти пяти лет, лицо которого закрыто головным убором, что напоминает дырявый носок (который гринго называют «скимаск», а латиноамериканцы «пасамонтаньяс»). Из особых примет можно выделить две больших выпуклости на лице, одна из которых, как удалось заключить по многократному чиханию, является носом. Другая, если судить по испускаемому дыму и запаху табака, может быть трубкой из тех, что используются моряками, интеллектуалами, пиратами и скрывающимися от правосудия. Пообещав говорить правду и одну только правду, допрашиваемый индивидуум назвался Маркосом Сельвогорским, сыном старика Антонио и доньи Хуаниты, братом Антонио-сына, Рамоны и Сусаны, дядей Тоньиты, Бето, Эвы и Эриберто. Провозгласив себя физически здоровым и умственно вменяемым и подтвердив, что не подвергался никакому давлению со стороны (если не считать 60 тысяч федеральных солдат, ищущих его живым или мертвым) допрашиваемый заявил и признал следующее:

Первое. Что родился в партизанском лагере, под названием «Агуа Фриа», находящемся в Лакандонской сельве штата Чьяпас, в одну из ночей августа 1984 г. Допрашиваемый утверждает, что вновь родился 1 января 1994 г., и впоследствии неоднократно возрождался — 10 июня 1994 г., 8 августа 1994 г., 19 декабря 1994 г., 10 февраля 1995 г. и каждый день, и каждый час, и каждую минуту, и каждую секунду начиная с того дня и до момента дачи настоящих показаний.

Второе. Что кроме своего имени обладает следующими прозвищами: «Суб», «Субкоманданте», «Суп», «Супко», «Маркитос», «Красавчик Суп», «Супкин сын» и прочие, которые стыдливость *следователя P.S.* не позволяет здесь воспроизвести.

Третье. Допрашиваемый признает, что начиная с момента своего рождения принимал участие в заговорах против теней, покрывающих небо мексиканцев.

Четвертое. Допрашиваемый признает, что до своего рождения вместо того чтобы иметь все, чтобы не иметь ничего, он решил не иметь ничего, чтобы, таким образом, иметь все.

Пятое. Допрашиваемый признает, что с группой других мексиканцев, в своем абсолютном большинстве, индейцев майя, было решено заставить действовать бумагу, которой, согласно допрашиваемому, когда-то учили его в школе, потому что в ней указаны права мексиканских граждан и она называется «Политическая Конституция Мексиканских Соединенных Штатов». Допрашиваемый сообщает, что в статье 39 этой бумаги говорится, что народ имеет право изменить свое правительство. Дойдя до этого пункта **P.S.**, ревностно исполняющий свой долг, требует конфисковать эту столь подрывную бумагу, приказывает сжечь ее без малейшей жалости, и после этого продолжает слушать показания индивидуума с выдающимся носом и загрязняющей воздух трубкой.

Допрашиваемый признает, что в результате невозможности использовать это право мирными и законными путями, он вместе со своими сообщниками (которых допрашиваемый называет «братьями») решил с оружием в руках восстать против верховного правительства и заявить свое «Баста!» лжи, которая, согласно допрашиваемому, правит нашими судьбами. Перед такой невероятной клеветой **P.S.** приходит в ужас; его передергивает только от мысли о том, что может он остаться без честно заслуженной «кости».

Шестое. Допрашиваемый признает, что между удобством и долгом, он всегда выбирал долг. Это заявление вызывает всеобщее неодобрение ассистентов, присутствующих на предварительных слушаниях, и инстинктивное движение **P.S.**, прячущего руку в сумку.

Седьмое. Допрашиваемый признает, что всегда относился с подозрением ко всем истинам, именуемым высшими, за исключением тех, что происходят от человека, и которые, по его словам, заключены в достоинстве, демократии, свободе и справедливости. По офису Святой Инквизиции, извините, Генеральной Прокуратуры, пробегает шумок несогласия.

Восьмое. Допрашиваемый признает, что «его пытались запугать, купить, развратить, посадить и убить, но не запугали, не купили, не развратили, не посадили и не убили» («Пока», — угрожающе уточняет **Следователь P.S.**).

Девятое. Допрашиваемый признает, что с момента своего рождения он решил, что ему лучше умереть, чем отдать свое достоинство тем, кто сделал преступления и ложь современной религией. Эта столь непрактичная мысль вызывает у присутствующих циничную ухмылку.

Десятое. Допрашиваемый признает, что с тех пор он решил быть простым с людьми простыми и быть высокомерным с теми, у кого в руках власть. К выдвинутому допрашиваемому обвинению, **P.S.** добавляет статью о «неподчинении».

Одиннадцатое. Допрашиваемый признает, что верил и верит в человека, в его способность неустанного поиска того, как с каждым днем становиться немного лучше. Признает, что среди всего рода человеческого, наибольшую привязанность он испытывает к мексиканскому народу; верил, верит и будет верить в то, что Мексика — это нечто большее, чем семь букв или недооцененный товар на международном рынке.

Двенадцатое. Допрашиваемый признает, что твердо убежден в необходимости свержения негодного правительства всеми средствами и повсеместно. Признает, что считает что нужно построить новые политические, экономические и общественные отношения между всеми мексиканцами и заодно между всеми людьми. Следует указать, что от этих его столь нечистоплотных намерений у **Следователя P.S.** пробежали мурашки по спине.

Тринадцатое. Допрашиваемый признает, что всю свою жизнь до предпоследней секунды посвятит борьбе за то, во что верит.

Четырнадцатое. Допрашиваемый признает, что в качестве мелочного и эгоистичного акта посвятит последний момент своей жизни смерти.

Пятнадцатое. Допрашиваемый признает, что этот допрос ему уже весьма надоел. Это вызвало суровое осуждение **Следователя P.S.**, который объяснил допрашиваемому, что расследование должно продолжаться до тех пор, пока Верховный суд не найдет другой сказки чтобы развлечь уважаемого судью.

После этих признаний допрашиваемому было предложено немедленно признать себя невиновным или виновным по отношению к следующим обвинениям. На каждое обвинение, допрашиваемый ответил:

Белые обвиняют его в том, что он черный. Виновен.

Черные обвиняют его в том, что он белый. Виновен.

Чистокровные обвиняют его в том, что он индеец. Виновен.

Индейцы-предатели обвиняют его в том, что он метис. Виновен.

Мачисты обвиняют его в том, что он феминист. Виновен.

Феминисты обвиняют его в том, что он мачист. Виновен.

Коммунисты обвиняют его в том, что он анархист. Виновен.

Анархисты обвиняют его в том, что он ортодокс. Виновен.

Англосаксы обвиняют его в том, что он чикано. Виновен.

Антисемиты обвиняют его в том, что он занимает проеврейскую позицию. Виновен.

Евреи обвиняют его в том, что он занимает проарабскую позицию. Виновен.

Европейцы обвиняют его в том, что он азиат. Виновен.

Сторонники правительства обвиняют его в том, что он оппозиционер. Виновен.

Реформисты обвиняют его в том, что он ультра. Виновен.

Ультра обвиняют его в том, что он реформист. Виновен.

«Исторический авангард» обвиняет его в том, что он апеллирует не к пролетариату, а к гражданскому обществу. Виновен.

Гражданское общество обвиняет его в том, что он нарушает его спокойствие. Виновен.

Финансовая биржа обвиняет его в том, что он сорвал ей обед. Виновен.

Правительство обвиняет его в том, что он спровоцировал увеличение потребления таблеток от изжоги в государственных секретариатах. Виновен.

Серьезные обвиняют его в том, что он шутник. Виновен.

Шутники обвиняют его в том, что он серьезен. Виновен.

Взрослые обвиняют его в том, что он ребенок. Виновен.

Дети обвиняют его в том, что он взрослый. Виновен.

Ортодоксальные левые обвиняют его в том, что он *не* осуждает гомосексуалистов и лесбиянок. Виновен.

Теоретики обвиняют его в том, что он практик. Виновен.

Практики обвиняют его в том, что он теоретик. Виновен.

Все обвиняют его во всем плохом, что с ними происходит. Виновен.

Поскольку признавать на предварительном слушании больше нечего, **Следователь P.S.** сообщает об окончании сессии и улыбается, представляя себе поздравления и чек, которые получит от начальства...

P.S., где рассказывается о том, что было услышано 16 февраля 1995 г., во второй половине седьмого дня нашего отступления.

— Почему бы вместо этого отхода нам не атаковать? — выдает мне Камило посреди подъема, как раз в момент, когда я больше всего озабочен тем, чтобы набрать достаточно воздуха и не упасть в овраг, который совсем рядом. Я не отвечаю и знаком приказываю ему подниматься. На вершине холма мы втроем присаживаемся. Ночь приходит в горы раньше, чем на небо; в сумерках этого нерешительного времени свет уже перестает быть светом, дрожат тени и издали доносятся какие-то звуки...

Я говорю Камило, чтобы внимательно слушал.

— Что ты слышишь?

— Сверчки, листья, ветер, — отвечает мое второе «я».

— Нет, — настаиваю я, — Слушай внимательно.

На этот раз отвечает Камило:

— Голоса... очень далеко... там-там-там... похоже на барабан... оттуда... —

Камило показывает на восток.

— Вот-вот, — говорю я.

— И? — вмешивается мое второе «я».

— Это гражданское общество. Они призывают, чтобы не было войны, они хотят диалога, чтобы говорили слова, а не оружие... — объясняю я.

— И там-там-там? — настаивает Камило.

— Это их барабаны. Призывают к миру. Их много, тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч. Правительство не слышит их, хоть и находится рядом с ними. А мы, даже отсюда, должны их слушать. Мы должны им ответить. Мы не можем притвориться глухими, как правительство. Мы должны слушать их, должны избегать войны, пока есть хоть малейшая возможность...

— А если нет? — шепчет мое второе «я».

— Если нет, будем воевать, — отвечаю я Камило.

— Когда? — спрашивает он.

— Когда они замолчат, когда они устанут. Тогда наступит черное время и слово будет за нами...

— Оружие, — говорит мое второе «я».

Я настаиваю:

— Все, что мы делаем, — это ради них. Когда мы воюем — это ради них. Когда прекращаем воевать — это ради них. Все равно победителями в результате станут они. Если нас уничтожат, у них останется удовлетворение от того, что сделали все от них зависившее, чтобы не допустить этого, чтобы избежать войны. Поэтому они поднялись, и их уже не остановишь. Кроме того, в их руках знамя, которое они должны беречь. Если мы выживем, они испытают удовлетворение от того, что они спасли нас, от того что они сорвали войну и показали нам, что они лучше нас и справятся со знаменем. Умрем мы или выживем, они выживут и станут сильнее. Всё для них, ничего для нас...»

Камило говорит, что предпочитает свою версию:

— Ничего для них, все для нас.

P.S., повторяющий свои ночные скитания.

Забвение, далекий жаворонок — в нем причина нашей дороги без лиц. Чтобы убить забвение горстью памяти, свинцом мы укрыли грудь и надежду. Если в каком-то невозможном полете ветер хоть на мгновение нас сблизит, вы сорвете с себя столько старого тряпья и масок сладкого обмана, что губами и всей своей кожей я смогу исправить и улучшить память завтрашнего дня. Поэтому с земли к бетону отправляется это послание. Слушайте!

Как тот актер, который, оробев,
Теряет нить давно знакомой роли,
Как тот безумец, что, впадая в гнев,
В избытке сил теряет силу воли, —
Так я молчу, не зная, что сказать,
Не оттого, что сердце охладело.
Нет, на мои уста кладет печать
Моя любовь, которой нет предела.
Так пусть же книга говорит с тобой.
Пускай она, безмолвный мой ходатай,
Идет к тебе с признаньем и мольбой
И справедливой требует расплаты.
Прочтешь ли ты слова любви немой?
Услышишь ли глазами голос мой?

Вильям Шекспир XXIII сонет³⁵

Лети, янтарный жаворонок, и не ищи нас ниже высоты твоего полета.

Только вверх, там, куда подняла нас наша боль, к солнцу, откуда дождями исходит надежда.

P.S., у которого нет подарков на день рождения.

5 марта у Эриберто будет день рождения. Говорят, ему исполняются четыре года и он вступает в пятый. Эриберто сейчас в горах, в его доме разместились солдаты, а во дворе стоит танк. Игрушки, которые он получил в день Праздника Волхвов, в результате одной из «гуманитарных операций» сейчас находится в руках какого-нибудь генерала или же их исследует ГПМ в поисках наших организационных секретов. Эриберто, который так тщательно подготовился к тому, что произошло 10 февраля (вторжение федеральных солдат), в решающий момент оставил на цементированном дворике, где сушился кофе, свою любимую игрушку — машину, сидя на которой он играл в шофера. Мне говорят, Эриберто утешает себя тем, что в горах, должно быть, его машине все равно негде развернуться. Эриберто спрашивает у своей мамы, правда ли, что никогда больше он не увидит своей машины, и правда ли, что Суп больше никогда не даст ему шоколадку. Эриберто спрашивает у своей мамы, почему вернулась прошлогодняя война, и почему там осталась его машина.

— Почему? — спрашивает Эриберто. Его мама не отвечает и продолжает идти, унося на спине ребенка и боль...

P.S., вспоминающий и цитирующий по памяти стихи (Антонио Мачадо?), которые говорят о разных вещах, но подходят к случаю.

I

Ах, в сердце заноза застряла.
Однажды я вырвал ее
И чувствую — сердца не стало.
Кто скажет, где сердце мое?³⁶

II

Мне снилось прошлой ночью: бог
кричит мне: «Бодрствуй и крепись!»
А дальше снилось: бог-то спит,
А я кричу ему: «Проснись!»³⁷

35 — в оригинале приводится на английском, здесь — в переводе С. Маршака.

36 — Антонио Мачадо. «Иду, размышляя» Перевод О.Чухонцева.

37 — Антонио Мачадо. «Мне снилось прошлой ночью: бог...» Перевод О.Савича.

P.S., безнадежно истекающий кровью.

Рана в моей груди
истекает пшеницей
и нет хлеба
чтобы утолить ее...
СУП наверху холма
смотрит, как солнце уносит на запад
гаснущее сияние...

Либерализм — это и есть кризис, ставший доктриной и теорией

11 марта 1995 г.

В «Просесо», «Эль Финансьеро», «Ла Хорнада», «Тьемпо»;
национальной и международной прессе

Господа:

Цель этого коммюнике следующая: показать, что человек — это единственное животное, способное дважды попасть в одну и ту же ловушку.

Было бы очень хорошо, если бы вы направили федералам копию столько раз поминавшегося ими закона. Похоже, что до них он так и не дошел, потому что наступление продолжается. Если мы продолжим отход, то скоро наткнемся на табличку «Добро пожаловать на эквадорско-перуанскую границу». И не в том дело, что мы возражаем против прогулки по Южной Америке, просто нас совершенно не привлекает идея оказаться между трех огней.

У нас все хорошо. Здесь, в сельве, можно в его самом естественном и безжалостном виде, оценить процесс обратного превращения человека в обезьяну (антропологи, воздержитесь).

Ладно. Привет и стеклышка, из тех, что позволяют видеть сегодняшний и завтрашний день.

С гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

P.S., спрашивающий исключительно из любопытства. Как зовут генерала федеральной армии, который перед отходом из общины Прадо приказал разрушить все, что было в домах индейцев, и сжечь многие хижины? В Прадо зарабатывают, в среднем 200 песо на семью в месяц. Сколько получил этот генерал за такую «блестящую» операцию? «За заслуги в проведении кампании» его повысили в звании? Этот генерал знал, что один из этих домов, который он приказал разрушить, был домом Тоньиты? Расскажет он своим детям и внукам об этой «яркой» странице своего послужного списка?

Как зовут офицера, который через несколько дней после того, как напал и разрушил дома в общине Чампа-Сан-Агустин, вернулся туда с конфетами и сделал фотографии, как он раздает их детям?

Как зовут офицера, который, подражая герою романа «Капитан Панталеон и рота добрых услуг» Марио Варгаса Льосы, направил десятки проституток для «обслуживания» гарнизона, занявшего Гуадалупе Тепейак? Сколько стоят проститутки? Сколько при этом зарабатывает генерал, командующий столь «рискованной» военной операцией? Какие комиссионные остаются мексиканскому Панталеону? Одни и те же проститутки — для солдат и для офицеров? Эти «услуги» предоставляются во всех гарнизонах кампании «по защите национального суверенитета»?

Если задачей федеральной армии является обеспечение национального суверенитета, почему вместо того, чтобы преследовать индейское достоинство в Чьяпасе, она не сопроводила Ортиса³⁸ в поездке в Вашингтон?

P.S., который одевает сердце в броню, чтобы рассказать о следующем... 8 марта жители Прадо спустились с гор. Семья Тоньиты вернулась вместе с последней группой. Когда жители Прадо возвращаются к тому, что осталось от их домов, во всех семьях повторяется одна и та же сцена: мужчины молча, в ярости и бессилии, обходят то небольшое, что осталось, женщины рыдают, рвут на себе волосы, молятся, повторяют: «Боже мой! Боже мой!» и собирают порванную в клочья одежду, обломки того, что было их скромной мебелью, рассыпанные по земле в перемешку с дерьмом продукты, разбитые фигурки святой Гуадалупе, распятия, валяющиеся среди оберток от рациона армии США. Эта сцена уже стала для жителей Прадо почти ритуалом. В последние дни она повторилась уже 108 раз, по разу для каждой семьи. 108 раз бессилия, ярости, слез, причитаний, Боже мой! Боже мой!..

Тем не менее, на этот раз что-то изменилось. Есть одна маленькая женщина, которая не плачет. Тоньита ничего не сказала, не заплакала, не закричала. Она прошла через всю эту свалку в угол дома, в поисках чего-то. Там, в углу, как оставленная надежда, забытая, валялась разбитая чайная чашечка. Эту чашечку кто-то прислал ей в подарок, чтобы Тоньита-Алиса могла пить чай с Болванщиком и Мартовским Зайцем. В этом марте Тоньита увидела не зайца, а свой дом, разрушенный по приказу того, кто говорит что защищает суверенитет и законность. Тоньита не плачет, не кричит, не говорит ничего. Она поднимает осколки чашки и блюдца. Тоньита выходит, опять проходит через клочья рваной, втопанной в землю одежды, через рассыпанные в грязи фасоль и маис, мимо своей матери, теток и сестер, которые рыдают, кричат и повторяют «Боже мой!» «Боже мой!». Снаружи, у подножия гуаявы, Тоньита садится на землю и начинает склеивать грязью и слюной осколки разбитой чайной чашки. Тоньита не плачет, но в ее глазах — холодный и жесткий блеск.

Как все индейские женщины последние 500 лет, она внезапно перестает быть девочкой и превращается в женщину. Сегодня 8 марта 1995 года, Международный женский день, Тоньите уже исполнилось пять лет и идет шестой. Ее холодный острый взгляд высекает из разбитой чайной чашки ранящие отблески. Любой сказал бы, что это солнце точит острие ненависти, которую посеяло на этой земле предательство... Как разбитое сердце, склеивает Тоньита грязью и слюной свою разбитую чашку. И кто-то рядом забывает на секунду, что он мужчина. И соленые капли, падающие с лица, не дадут заржаветь свинцовой груди...

P.S., рискующий «самым дорогим, что у меня есть» (счетом в долларах?). Я прочитал, что есть «субкоманданте Элиса», «субкоманданте Херман», «субкоманданте Даниэль», «субкоманданте Эдуардо». Поэтому я решил следующее: предупреждаю ГПР,³⁹ что если она продолжит выдумывать новых «субов», я объявлю сухую голодовку. Более того, требую, чтобы ГПР заявила, что есть только один «суб» («К счастью», — говорит мое второе «я», читая эти строки) и что она освобождает меня от любой ответственности, связанной с девальвации по отношению к доллару японских иен и немецких МАРОК⁴⁰ (отметьте навязчивый нарциссизм). (И пожалуйста, не присылайте мне Вармана!⁴¹)

P.S., благодарящий за обещания, прикрепленные к одному сонету и изворачивающийся следующим образом:

Когда, в раздоре с миром и судьбой,
Припомнив годы, полные невзгод,
Тревожу я бесплодную мольбой
Глухой и равнодушный небосвод
И, жалуясь на горестный удел,
Готов меняться жребием своим
С тем, кто в искусстве больше преуспел,
Богат надеждой и людьми любим, —
Тогда, внезапно вспомнив о тебе,
Я малодушье жалкое клянчу,

39 Генеральная Прокуратура Республики

40 игра слов, по-испански марки — marcos

41 Артуро Варман (1937–2003), мексиканский антрополог и специалист в вопросах агрономии, высокопоставленный чиновник последних правительств ИРП.

И жаворонком, вопреки судьбе,
Моя душа несется в вышину.
С твоей любовью, с памятью о ней
Всех королей на свете я сильней.

Вильям Шекспир XXIX сонет ⁴²

P.S., рассказывающий о том, что произошло 17 и 18 февраля 1995 года, на восьмой и девятый дни нашего отступления. «Мы следовали двойному острию лунатической стрелы.» «Месяц растет, рога на восток», — вспомнил и повторил я, года мы вышли к пастбищам. Необходимо было переждать. В небе военный самолет мурлычет свою мелодию смерти. Мое второе «я» начало напевать:

И пробило и десять и полночь,
И час ночи и два и четыре,
И укрывшихся нас на рассвете
Обнаружил дождь...⁴³

Я делаю угрожающий жест, чтобы оно замолчало. Но мое второе «я» защищается:
— Моя жизнь — это песня Хоакина Сабини.

— Но в любом случае она — не любовная, — говорю ему я, забыв о собственном запрете на разговоры.

Камило сообщает, что самолет улетел. Мы выходим на пастбище и долго бредем по влажной от только что прошедшего дождя траве. Я шел, глядя вверх, пытаюсь отыскать в темном небе хоть какие-нибудь ответы на старые вопросы.

— Дожди и бык, — успел я услышать предупреждение Камило.

Но было уже поздно, когда я опустил глаза со Млечного Пути, я встретился взглядом с племенным производителем, который, думаю, оказался перепуган не меньше меня, потому что тоже бросился бежать, но в противоположную сторону. Добежав до ограды, я с трудом перебросил через колючую проволоку рюкзак.

Потом я лег на землю и попытался ползком преодолеть нижний барьер. Но то, что я считал грязью, оказалось свежим навозом. Сидя на земле, Камило покатывался со смеху. А на мое второе «я» от смеха напала икота. Я знаками приказывал им замолчать:

— Шшш, нас могут услышать солдаты!

Но ничего не помогало, они продолжали хохотать. Я нарвал немного травы, чтобы, насколько это возможно очистить от навоза рубаху и брюки. Потом надел рюкзак и побрел дальше. За мной плелись Камило и мое второе «я». Они уже не смеялись. Поднявшись, они обнаружили, что тоже сидели в навозе. Влюбляя в себя окрестных коров столь соблазнительным запахом, мы покинули огромное пересеченное ручейком пастбище.

Когда мы приблизились к лесистой местности, я посмотрел на часы. 02:00. «Юго-восточного времени», — сказал бы Тачо. С везением и без дождя, до начала рассвета нам удалось бы дойти до подножия гор. Так и случилось. Мы пошли по старой тропе, среди огромных толстых деревьев, предвещающих близость сельвы. Нашей сельвы, где живут только дикие звери, мертвые и партизаны. Фонари были не нужны: луна протянула среди ветвей белые световые дорожки, и сверчки замолчали, заслышав наши шаги по сухой листве. Мы вышли к большой сейбе, которая служит дверью в сельву, отдохнули немного и уже на рассвете еще несколько часов продвигались в горы.

Тропа время от времени терялась, но, несмотря на прошедшие годы, я помнил общее направление. «На восток, до горной стены», — говорили мы себе сколько? одиннадцать? лет назад. Мы расположились на берегу ручья, который в сухой сезон наверняка исчезает. Задремали. Меня разбудил крик моего второго «я». Я сорвал предохранитель с винтовки и

⁴² в оригинале приводится на английском, здесь — в переводе С. Маршака.

⁴³ немного переделанный Маркосом текст известнейшей песни популярного испанского барда Хоакина Сабини.

прицелился в сторону услышанного крика. Да, это было мое второе «я»: оно держалось за ногу и стонало. Я подошел. Оно попыталось снять носок и сорвало с ноги клочок кожи.

— Что же ты так, — сказал я ему, — сначала надо намочить.

Девятый день мы не снимали обуви. Из-за влаги и грязи ткань и кожа превратились в единое целое и снять носок было равнозначно тому, чтобы содрать с себя кожу. Неудобство спанья в обуви. Я показал моему второму «я», что делать. Мы опустили ноги в воду и медленно, понемногу, отделили ткань. У ног был запах дохлой собаки, а кожа превратилась в бесформенную белесую массу.

— Ты напугало меня. Когда я увидел, как ты схватилось за ногу, я решил что тебя укусила змея, — упрекнул я его.

Мое второе «я» не обращало на меня внимания и с закрытыми глазами продолжало окунать ноги в воду. Как будто призывало змей. Камило заколотил палкой по земле.

— Что с тобой? — спросил я его.

— Змея, — ответил Камило, швыряя камни, палки, ботинки и все, что попадалось ему под руку. Наконец он попал змее в голову.

Мы осторожно подошли.

— Мокоч, — говорит Камило.

— Нааяка, — говорю я.

Хромая, приближается мое второе «я». И, строя из себя знатока, говорит:

— Это знаменитая Бак Не' или четырехножка.

— Ее укус смертелен, а противоядия нет, — добавляет оно тоном уличного торговца.

Мы разделяваем ее.

Разделка змеи похожа на снятие куртки. Сначала ей вскрывают брюхо, как расстегивают zipper, вынимают внутренности и потом снимают шкуру. Остается белое мясо с хрящами. Его нанизывают на тонкий прут и ставят на огонь. Вкус — как у печеной рыбы, как у макабиль, которую мы ловили в реке Безымьянной сколько? одиннадцать? лет назад. Мы съели змею и выпили немного пиноля⁴⁴ с сахаром, который нам подарили. Потом, после короткого привала, мы замели следы и продолжили путь. Точно так же, как сколько? одиннадцать? лет назад, сельва приветствовала нас, как положено — дождем. Дождь в сельве совсем другой. Когда он начинается, деревья играют роль гигантского зонтика, и через стену ветвей и листьев удаётся пробиться немногим каплям. Потом зеленая крыша начинает протекать, насквозь промокает и начинает действовать как гигантская поливальная машина: отовсюду течет, хотя на самом деле дождь, может, уже давно закончился. С дождем в сельве происходит то же самое, что и с войной — всегда известно, когда начинается, но никто не знает, когда закончится. По пути я узнавал старых друзей: уапак' со своим скромным плащом из зеленого мха, капризная и упрямая прямота канте, ормигильо, каоба, кедр, остролистная и ядовитая чапайя, веер уатапиля, неумеренный гигантизм листьев пих', похожие на зеленые уши слонов, вертикальная нацеленность в небо байальте, канольте с твердой сердцевинкой, постоянная угроза, исходящая от чечем или «злой женщины», которая вызывает сильнейший жар, галлюцинации и острые боли. Деревья и снова деревья. Смесь зеленого и коричневого, вновь заполняющая взгляд, руки, шаги и душу...

Так же, как сколько? одиннадцать? лет назад, когда я попал сюда впервые. Тогда я поднимался на этот проклятый холм и думал, что каждый шаг может быть последним. Я говорил себе: «Еще шаг — и умру», и делал один шаг, потом другой, но не умирал, а продолжал идти. Я чувствовал, что груз за спиной весит сто килограммов и знал, что это неправда, потому что знал, что нес всего пятнадцать килограммов, «просто ты новенький», говорили мне товарищи и с видом сообщников посмеивались. Я продолжал повторять себе, что теперь уже точно следующий шаг будет последним и проклинал тот час, когда мне вздумалось стать партизаном, и как хорошо мне было когда я считал себя интеллектуалом городской организации, и что в революции может быть множество видов деятельности, и все одинаково важны, и зачем я сюда сунулся, и на следующем привале наконец скажу им, что все, хватит, лучше я буду помогать вам там, в городе. Я продолжал идти, и продолжал падать, и доходил до следующего привала и ничего не говорил, — отчасти из стыда, и отчасти, потому что не было сил говорить, — и, хватая ртом воздух, как рыба в пересыхающей луже,

⁴⁴ Пиноль или пиноле — в Мексике и Центральной Америке — обжаренная кукурузная мука, из которой готовят напиток.

говорил себе: ладно, скажу это им на следующем перевале — и повторялось то же самое. В тот первый день в сельве я провел десять часов в пути, и когда стемнело, мне сказали: здесь мы остановимся. Я просто рухнул на землю и сказал себе «я дошел», и еще раз повторил «дошел». И мы повесили гамаки, развели огонь и приготовили рис с сахаром и стали есть. Мы ели, и меня спрашивали, что я чувствовал на холме и как я себя чувствовал, устал ли я, а я только повторял «дошел». И они переглядывались между собой и говорили, что он едва провел один день в походе, но уже успел сойти с ума.

На второй день я узнал, что путь, который я проделал за десять часов с 15 килограммами груза, они проделывают за четыре часа и с 20 килограммами. Я ничего не сказал. «Пойдем», — сказали мне. Я пошел за ними и с каждым шагом спрашивал себя: «Дошел?».

Сегодня, сколько? одиннадцать? лет после этого, история, уставшая от пути, повторяется. Мы дошли. Дошли? Вечер стал облегчением; свет залил место нашего привала, как пшеница, которая облегчила мне столько рассветов. После того как Камило наткнулся на сак холь («лицо старика» или «белая голова»),⁴⁵ мы перекусили. Их оказалось семь. Я сказал Камило, чтобы не стрелял; может быть, они охотились на оленя и я подумал, что мы тоже на него выйдем. В результате — ничего: ни сак холь, ни оленя. Мы подвесили гамаки и растянули клеенки. Вскоре, когда уже стемнело, пришли куницы и стали на нас лаять, потом появились уйо или ночные обезьяны. Я не смог уснуть. У меня болело все, даже надежда...

P.S., самокритичный, позорно притворяющийся сказкой для женщин, которые иногда девочки, и для девочек, которые иногда женщины. И поскольку история повторяется, сначала в виде фарса, а затем — в виде трагедии, сказка называется...

Дурито II (Неолиберализм, увиденный из Лакандонской сельвы)

Шел десятый день, давление на нас уменьшилось. Я отошел немного в сторону, чтобы приготовить себе место для ночлега. По пути я смотрел вверх, выбирая пару хороших деревьев, с которых ночью ничего не свалится. Поэтому окрик, прозвучавший у меня из-под ног, оказался полной неожиданностью:

— Эй! Осторожно!

Вначале я ничего не увидел, но остановился и подождал. Почти немедленно зашевелился один лист и из-под него вылез жучок, который сразу же начал возмущаться:

— Почему вы не смотрите себе под ноги? Вы чуть меня не раздавили!

Этот аргумент показался мне знакомым.

— Дурито? — решил я.

— Для вас Навуходносор! Не фамильярничайте! — возмущенно ответил мне жучок.

У меня уже не осталось сомнений.

— Дурито, ты что, меня не помнишь?

Дурито, то есть, я хотел сказать, Навуходносор, с задумчивым видом стал меня разглядывать. Он достал из-под своих крылышек маленькую трубку, заполнил ее табаком, зажег и после долгой затяжки, вызвавшей у него нездоровый кашель, сказал:

— Мммм, ммм.

Потом еще раз повторил:

— Мммм, ммм.

Я знал, что это надолго, так что решил присесть. После многократных «ммм...», Навуходносор, то есть Дурито, воскликнул:

— Капитан?

— Он самый! — сказал я, удовлетворенный, что меня узнали.

Дурито (думаю, что будучи узнанным, могу снова называть его этим именем) принялся проделывать серию движений лапками и крылышками, которые на корпоральном языке жуков, является чем-то вроде радостного танца, хотя мне лично это больше напоминает приступ эпилепсии. Много раз с разными ударениями повторив «Капитан!», Дурито наконец остановился и обрушил на меня вопрос, которого я так боялся:

⁴⁵ Сак холь («лицо старика» или «белая голова») — разновидность обезьяны

— У тебя есть с собой табак?

— Да, но я..., — я попытался потянуть время, чтобы подсчитать свои запасы. В этот момент ко мне подошел Камило и спросил:

— Ты звал меня, Суп?

— Нет... ничего... Я так просто... напевал и... и не беспокойся... можешь идти, — волнуясь, ответил я.

— А, ладно, — сказал Камило и ушел.

— Суп? — удивленно спросил Дурито.

— Да, — сказал я, — теперь я — субкоманданте.

— И это лучше или хуже, чем капитан? — допытывался Дурито.

— Хуже, — ответил я ему и самому себе.

Я быстро сменил тему и со словами:

— Вот, у меня есть немного, — протянул ему мешочек с табаком.

Перед тем, как получить от меня табак, Дурито вновь продемонстрировал свой танец, на этот раз приговаривая «спасибо!».

По окончании табачной эйфории мы приступили к трудной процедуре раскуривания трубки. Я прилег на рюкзак и стал глядеть на Дурито.

— Ты совершенно не изменился, — сказал я ему.

— Зато ты выглядишь довольно потрепанным, — ответил мне он.

— Такова жизнь, — сказал я, чтобы уйти от темы.

Дурито опять начал свои «иммм, ммм.» и вскоре спросил:

— И что же привело тебя сюда после стольких лет?

— Понимаешь ли, я подумал, и поскольку никаких особых дел у меня нет, хорошо бы прогуляться по прежним местам и увидеть старых друзей, — ответил я.

— Рассказывай мне сказки! — возмутился оскорбленный Дурито.

Потом наступила следующая пауза «мммм, ммм» и инквизиторских взглядов.

Я больше не выдержал и сказал:

— На самом деле, мы отступаем, потому что правительство начало против нас наступление...

— Ты удираешь! — сказал Дурито.

Я попытался объяснить ему, что это стратегический отход, тактическое отступление и все, что мне пришло в этот момент в голову.

— Ты удираешь! — сказал Дурито, на этот раз вздыхая.

— Ладно, да, я удираю и что? — сказал я с раздражением, скорее по отношению к себе, чем к нему.

Дурито не настаивал. Он надолго замолчал, только дым наших трубок свивал мост между нами. Через несколько минут жучок сказал:

— Кажется, что-то тебя смущает, и не только «стратегическое отступление».

— Отход. Стратегический отход, — поправил я его. Дурито подождал, чтобы я продолжил.

— На самом деле, меня смущает то, что мы оказались не готовы. И мы оказались не готовы по моей вине. Я поверил, что правительство хочет диалога и отдал делегатам приказ начать консультации. Когда нас атаковали, мы обсуждали условия диалога. Нас застали врасплох. Меня застали врасплох... — сказал я с грустью и мужеством.

Дурито курил и ждал, пока я рассказал ему обо всем произошедшем за последние десять лет. Когда я закончил, он сказал мне:

— Подожди.

Он нырнул под листик. Вскоре он вылез, толкая впереди себя свой письменный столик. Потом он принес стульчик, сел, достал бумаги и с озабоченным видом начал их пролистывать.

— Ммммм, ммм, — говорил он, просматривая каждый лист. Через некоторое время он воскликнул:

— Вот оно!

— Что «вот оно»? — спросил я, заинтригованный.

— Не перебивай меня! — серьезно и торжественно сказал Дурито. И добавил:

— Слушай меня внимательно. Твоя проблема — та же, что и у многих других. Речь идет о социальной и экономической доктрине, известной как «неолиберализм»...

«Этого еще мне не хватало... уроков по политэкономии», — подумал я. Кажется, Дурито услышал мои мысли, потому что срезу же пресек меня:

— Шшш! Это не обычный урок! Это академический курс.

«Академический курс» показался мне преувеличением, но я приготовился выслушать жучка. После нескольких «мммм, ммм», Дурито продолжил:

— Это метатеоретическая проблема! Да, вы исходите из того, что «неолиберализм» — это доктрина. Под местоимением «вы» я подразумеваю тех, кто настаивает на заскорузлых и квадратных, как ваша голова, схемах. Вы думаете, что «неолиберализм» — это доктрина капитализма, стремящегося преодолеть кризис, который сам капитализм приписывает «популизму», не так ли?

Дурито не дал мне ответить.

— Конечно, это так. Хорошо, но на самом деле оказывается, что «неолиберализм» — это не доктрина капитализма, стремящегося преодолеть или объяснить кризис. Это сам кризис, ставший экономической теорией и доктриной! То есть, в «неолиберализме» нет ни малейшей согласованности, ни планов, ни исторической перспективы. То есть, это просто теоретическое дерьмо.

— Странно... Я никогда не читал и не слышал подобной интерпретации, — сказал я удивленно.

— Конечно! Это только что пришло мне в голову! — с гордостью говорит Дурито.

— А как это связано с нашим бегством, то есть с нашим отходом? — спрашиваю я, сомневаясь во столь новаторской теории.

— А! Элементарно, мой дорогой Ватсон Суп! Нет планов, нет перспектив, одна сплошная и-м-п-р-о-в-и-з-а-ц-и-я. У правительства нет постоянства: сегодня мы богатые, завтра — бедные, в сегодня оно хочет мира, завтра — войны, сегодня оно постится, завтра — давится едой, наконец. Понятно? — допытывается Дурито.

— Почти... — нерешительно говорю я и начинаю чесать голову.

— И таким образом? — спрашиваю я, видя, что Дурито прервал свою лекцию.

— Все это закончится взрывом. Хлоп! Как перенакачаный надувной шарик. У этого нет будущего. Мы выиграем, — говорит Дурито, складывая свои бумаги.

— Мы? — с нехорошей улыбкой спрашиваю я.

— Разумеется, «мы». Совершенно очевидно, что без моей помощи вам не справиться. И не пытайтесь возражать. Вам нужен суперсоветник. Я уже изучаю французский, это чтобы потом продолжить.

Я умолкаю. Не знаю, что хуже: открыть то, что нами правит импровизация или представить себе Дурито в качестве суперсоветника кабинета в каком-то невероятном переходном правительстве.

Дурито продолжает свое наступление:

— Я тебя удивил, а? Так что не печалься. Пока вы не растопчете меня своими ботинками, я всегда смогу прояснить вам путь, который предстоит пройти через свалку исторических поражений, и который, несмотря на все превратности судьбы, позволит поставить страну на ноги, потому что когда мы едины... когда едины... Ой, я вспомнил, что не написал письма матери! — Дурито разражается смехом.

— А я-то думал, что ты говорил всерьез! — Я делаю вид что сержусь и бросаю в него веточкой. Дурито уклоняется и продолжает смеяться.

Когда он успокаивается, я спрашиваю:

— И все-таки откуда ты взял, что неолиберализм — это кризис, ставший экономической доктриной?

— А! Из вот этой книги, объясняющей экономический проект Карлоса Салинаса де Гортари на 1988–1994 годов, — отвечает он и показывает мне книжонку с логотипом «Солидарности».⁴⁶

— Но Салинас уже не президент... кажется... — говорю я с сомнением, от которого внутри у меня все сжимается.

— Я знаю, но посмотри, кто отредактировал этот план, — отвечает Дурито и показывает мне фамилию. Я читаю:

⁴⁶ Имеется в виду «Национальная программы солидарности», провозглашенная президентом Карлосом Салинасом де Гортари в конце 1988 г.

— «Эрнесто Седильо Понсе де Леон», — говорю с удивлением и добавляю: — Таким образом, нет разрыва с политикой предшественника?

— То, что есть: это шайка воров, — неумолимо говорит Дурито.

— И поэтому? — спрашиваю я с неподдельным интересом.

— Ничего, просто мексиканская политика — это как этот болезненный нарост сучьев на дереве, который нависает как раз у тебя над головой, — говорит Дурито. Я вскакиваю, смотрю наверх и вижу, что действительно, над моим гамаком свешивается клуб веток, похожих на осиное гнездо. Я перебазируюсь, а Дурито тем временем продолжает:

— Мексиканская политическая система связана с реальностью лишь частью очень хрупких ветвей. Хватит одного сильного порыва ветра, чтобы все это рухнуло. Конечно, падая, это потянет за собой и другие ветки и берегись тот, кто окажется в его тени, когда все это рухнет!

— А если нет ветра? — спрашиваю я, проверяя хорошо ли привязан мой гамак.

— Он будет... будет, — говорит Дурито и задумчиво замолкает, как бы вглядываясь в завтрашний день.

Мы оба задумываемся и замолкаем. Опять зажигаем трубки. День отступал. Дурито засмотрелся на мои ботинки и осторожно спросил:

— Сколько с тобой человек?

— Всего двое, так что не беспокойся, не наступим, — сказал я, чтобы его успокоить. Дурито практикует методическое сомнение как дисциплину, поэтому он продолжил свои «mmm, ммм» и наконец выдал:

— А тех, кто преследует тебя, сколько?

— А! Этих? Их будет примерно шестьдесят...

Дурито не дал мне договорить:

— Шестьдесят! Шестьдесят пар сапог над моей головой! Сто двадцать седенских сапог, ищущих способ растоптать меня! — истерически запричитал он.

— Погоди, ты не дал мне закончить. Их не шестьдесят, — сказал я. Дурито снова перебил меня:

— А! Я знал, что не может быть такого несчастья. Сколько же их?

Я лаконично ответил:

— Шестьдесят тысяч.

— Шестьдесят тысяч! — воскликнул Дурито и поперхнулся дымом своей трубки.

— Шестьдесят тысяч, — повторил он множество раз, с отчаянием складывая свои лапки и крылышки.

— Шестьдесят тысяч, — приговаривал он, теряя последнюю надежду.

Я постарался его успокоить. Я сказал, что они не придут все вместе, что это поэтапное наступление, что они входят с разных сторон, что им еще надо суметь отыскать нас, что мы замели за собой все следы, и наконец сказал ему все, что мне в тот момент пришло в голову.

Через некоторое время Дурито немного успокоился и вновь вернулся к своим «mmm, ммм». Он достал какие-то бумаги, похожие на карты, и принялся задавать мне вопросы о расположении вражеских войск. Я, как смог, постарался ответить. Каждый из ответов Дурито сопровождал отметками и записями на своих маленьких картах. После допроса он провел еще некоторое время, погруженный в свое «mmm, ммм». Через несколько минут после сложных математических подсчетов (как мне показалось, потому что он использовал для этого все свои лапки) Дурито вздохнул:

— Так и есть — они используют принцип «молота и наковальни», «скользящую петлю», «загон кролика» и вертикальный маневр. Это элементарно, все это описано в учебнике для рейнджеров в Школе Америк, — говорит он мне и себе. И добавляет: — Но у нас есть шанс выйти из этой заварухи целыми и невредимыми.

— Да? И каким же образом? — скептически спрашиваю я.

— Чудом, — отвечает Дурито, собирая свои бумаги и укладываясь спать.

Между нами установилась тишина; мы позволили сумеркам занять свое место среди ветвей и камышей. Позже, когда ночь спустилась с ветвей и расправила свои крылья в небе, Дурито вдруг спросил меня:

— Капитан... Капитан... Эй! Ты спишь?

— Нет. Что? — отозвался я.

Дурито печально, с бесконечной тоской в голосе спрашивает:

— Что ты собираешься делать?

Я курю и гляжу на свисающие с деревьев серебристые кудри луны. Выпускаю клуб дыма и отвечаю ему и себе:

— Победить.

P.S., настраивающий ностальгию на частоты кольца окружения. По радиоприемнику кто-то в ритме блюза разрывает мрак словами: «All's gonna be right with a little help from my friends...».

P.S., Который наконец прощается, как платком, размахивая сердцем.

Столько дождя
и ни капли
для утоления жажды...

Еще раз всем привет. Здоровья и помните об этой сухой ветке, нависшей над головами, что наивно рассчитывает укрыть вас в своей тени.

Суп в дыму трубки... и в ожидании.

ДУРИТО III **День, который придет**

(Фрагмент из Истории зеркал)

Стекло, чтобы увидеть то, что с другой стороны

Мексика, февраль-май 1995 г.

Шлифованное со внутренней стороны, зеркало перестает быть зеркалом и превращается в стекло. Зеркала служат, чтобы видеть эту сторону, а стекла — чтобы видеть другую.

Зеркала существуют для того, чтобы шлифовать их.

А стекла — чтобы разбить их... и перешагнуть на другую сторону...

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

P.S., который, являясь отражением реального и воображаемого, ищет среди стольких зеркал стекло, чтобы разбить его.

ДУРИТО IV

Раннее утро. Город Мехико. По соседним с Сокало улицам бредет Дурито. Одетый в крошечный плащ, в нахлобученной а-ля Хэмфри Богарт из «Касабланки» шляпе, Дурито рассчитывает остаться незамеченным. Но для этого не нужны ни одежда, ни медленная крадущаяся походка Дурито, прижимающегося к теням, которые бегут от освещенных витрин. Тень от тени, неслышный шаг, нахлобученная шляпа и плащ, волокущийся по асфальту. Ранним утром идет Дурито по городу Мехико. Никто не замечает его. Его не видят не потому, что он хорошо замаскировался, и не потому, что эта маленькая фигурка, крошечный Дон Кихот, переодетый в детектива пятидесятых, едва различим среди груд мусора. Дурито идет среди клочев бумаги, разметенных чьими-то ногами или неожиданным порывом утреннего ветра федеральной столицы. Никто не видит Дурито по той простой причине, что в этом городе никто никого не видит.

«Этот город болен, — пишет мне Дурито, — болен одиночеством и страхом. Это большое сообщество одиночеств. Это много городов, по одному на каждого, кто в них живет. Дело не в сумме отчаяний (тебе знакомо одиночество, более отчаявшееся, чем это?), а в его мощи; каждое одиночество умножается на количество окружающих одиночеств. Одиночество каждого будто становится частью этих «зеркальных домов» что бывают на провинциальных ярмарках. Каждое одиночество — зеркало, отражающее другое одиночество, которое как зеркало отражает одиночества».

Дурито понимает, что он на чужой территории, что этот город — не его место. В своем сердце и в этом утре Дурито начинает собирать чемоданы. Эта прогулка для него —

подведение итогов, похожее на прощальную ласку уходящего любовника. Иногда прохожих становится меньше и громче воют сирены патрульных машин, которые проносятся мимо иногородних. И Дурито, как один из иногородних, останавливается на перекрестке каждый раз, когда улицу пересекает красно-синее мигание. Дурито пользуется сообщничеством подъезда, чтобы с помощью партизанской техники зажечь свою трубку: незаметная искорка, глубокий вдох и дым, обволакивающий лицо и взгляд. Дурито останавливается. Он смотрит и видит. Напротив него — освещенная витрина. Дурито подходит и смотрит на большое стекло и то, что за ним предлагается. Зеркала всех форм и размеров, фарфоровые и стеклянные фигурки, хрусталь и музыкальные шкатулки. «А говорящих шкатулок⁴⁷ нет», говорит себе Дурито, вспоминая долгие годы, проведенные в сельве юго-востока Мексики.

Дурито пришел попрощаться с Мехико и решил сделать подарок этому городу, проклиняемому всеми и не покидаемому никем. Подарок. Таков Дурито — жучок из Лакандонской сельвы в центре города Мехико.

Дурито прощается подарком.

Он делает элегантный магический жест. Все застывает, огни гаснут как гаснут свечи, когда медленный ветер лижет их лица. Следующий жест — и яркий луч освещает одну из музыкальных шкатулок в витрине. Танцовщица в легком лиловом платье, протянув вверх руки, на цыпочках удерживает вечное равновесие. Дурито пытается повторить эту позу, но немедленно запутывается в многочисленных лапках. Следующий магический жест — и возникает пианино размером в сигаретную пачку. Дурито садится за пианино и ставит на подставку пивную банку — кто знает где он ее взял, но скорее всего взял достаточно давно, потому что она уже наполовину пуста. Дурито хрустит пальцами, пытаясь их размять, как это обычно делают пианисты из бара перед фильмом. Дурито поворачивается к танцовщице и склоняет голову. Танцовщица начинает двигаться и делает реверанс. Дурито мурлычет как-то неизвестную тонаду, постукивая лапками в такт, потом закрывает глаза и слегка покачивается. Звучат первые ноты. Дурито играет в четыре руки. С другой стороны стекла танцовщица начинает вращение и медленно поднимает правую ногу. Дурито склоняется над клавишами и с яростью обрушивается на них. Танцовщица делает свои лучшие па, насколько это позволяет ей ее заключение в музыкальной шкатулке. Город стирается. Не остается ничего, только Дурито за пианино и танцовщица в своей музыкальной шкатулке. Дурито играет, а танцовщица танцует. Город удивлен, его щеки горят, как от неожиданного подарка, приятного сюрприза или хорошей новости. Дурито отдает ему лучший из своих подарков — небьющееся вечное зеркало, прощание, которое не болит, а облегчает и очищает. Спектакль длится всего несколько мгновений; по мере того, как вновь обретают свою форму города, населяющие этот город, гаснут последние ноты. Танцовщица возвращается к своей неудобной неподвижности, Дурито втягивает голову в плащ и делает легкий реверанс в сторону витрины.

«Ты навсегда останешься по ту сторону стекла? — спрашивает у нее и у себя Дурито. — Ты всегда будешь с той стороны моего отсюда, а я всегда буду с этой стороны твоего оттуда?»

Будь счастлива и прощай навсегда, моя дорогая несчастная счастливица. Счастье — это как подарок, оно не дольше короткой вспышки, но всегда оно того стоит.»

Дурито переходит улицу, поправляет на себе шляпу и бредет дальше. Перед тем, как свернуть за угол, он поворачивается к витрине. Стекло украшает дыра, похожая на звезду. Бесполезно звучат сирены. За стеклом уже нет танцовщицы из музыкальной шкатулки...

Этот город болен. Излечение наступит, когда болезнь войдет в стадию кризиса. Коллективное одиночество, умноженное на миллионы, сможет найти себя и причины этого бессилия. Тогда и только тогда этот город лишится серого цвета, в который он одет сегодня, и украсит себя цветными лентами, которых так много в провинции.

Этот город живет в жестокой игре зеркал, но игра зеркал бесплодна и бесполезна, если нет в ней стекла как цели. Достаточно понять это и, как кто-то сказал, бороться и начать быть счастливым...

Я возвращаюсь, приготовь табака и бессонницы. У меня есть много чего рассказать тебе, Санчо», заканчивает свое письмо Дурито.

47 Говорящие шкатулки — часть мифологии майя, источник пророчеств и предсказаний.

Рассветает. Несколько фортепианных нот сопровождают наступление дня, и Дурито уходит. Солнце на востоке — словно камень, разбивающий стекло утра...
Еще раз всего наилучшего. Привет и пусть сдаются пустые зеркала.

Суп, встающий из-за пианино
и растерянно ищущий
среди стольких зеркал
дверь для выхода... или для входа?

ДУРИТО V. Неолиберализм: Хаотическая теория экономического хаоса

17 июля 1995 г.

Вам пишет Дурито, потому что Супа сейчас нет. Он влез на самый высокий холм и смотрит на линию горизонта. Он надеется, что подарков, которые пришлют на его день рождения, будет столько, что понадобится «бабушка всех караванов», чтобы доставить их все в горы юго-востока Мексики. Он говорит, что длинную вереницу грузовиков будет видно издалека. Бедняга! Он не знает, что уже всем известно, что его день рождения — 30 февраля.

— Ладно, вот вам коммюнике и найденный здесь брошенный постскриптум.

— Наконец мы можем дышать спокойно! Правительство заявило, что через два года все мы будем очччень счастливы. Осталось только увидеть, кто переживет эти 730 дней, отделяющие нас от рая.

— Хорошо. Привет и пожалуйста не включайте Мехию Барона⁴⁸ в правительственную команду по диалогу в Сан Андресе.

Из гор юго-востока Мексики

Дон Дурито Лакандонский

P.S., приветствующий пшеницу, которая как знамя развевается на утреннем ветру.

Луна на западе падает между раскрытых колен холмов и трется своими щеками об их вершины, где со сладострастным журчанием змеится река. Некоторые возбужденные тучи роняют влагу на деревья. На востоке дрожит земля и сверкают молнии, сверчки затаили свою песню и только некоторые рассеянные звезды будут захвачены врасплох грозой, крадущейся с юга. Шпионский самолет рычит нам свою последнюю угрозу и улетает.

Еще одно утро табака и ожидания. Все спокойно. Прекрасный повод, чтобы безо всяких приглашений (как он это обычно делает) появился...

ДУРИТО VI (Неолиберализм: Катастрофическое управление катастрофической политикой)

На плече Дурито сияет светлячок. Стопка газетных вырезок является кроватью-креслом-письменным столом-офисом моему повелителю, сиятельному Дону Дурито Лакандонскому, высочайшему представителю благороднейшей из человеческих профессий — странствующего рыцарства. Среди дыма трубки лицезрею и охраняю последнего и величайшего из поборников справедливости, славного рыцаря, оберегая которого провожу ночи без сна и всегда начеку, если... аааахх...

— Опять зеваешь, негодник! — голос Дурито перебивает мою сладкую дремоту.

— Я не спал, — пытаюсь защититься я, — Я думал... — смотрю на часы и вижу что... — Уже три часа ночи! Дурито, не пора ли нам спать?

— Спать! Единственное, о чем вы думаете, — это обо сне! Каким образом вы стремитесь достичь высшей категории странствующего рыцарства, если тратите лучшие часы вашей жизни на сон!

— Единственное, к чему я сейчас стремлюсь — это ко сну, — говорю я, зевая и поправляя рюкзак, который служит мне подушкой.

— Поступайте, как вам угодно. Я же, пока Аполлон не коснется платья ночи своим острым кинжалом, предамся мыслям о высочайшей и достойнейшей из дам, коих когда-либо

48 Мигель Мехиа Барон — тренер мексиканской сборной по футболу.

выбирали мы, рыцари, как мечту и знамя. О, единственная! О, прекраснейшая! О, несравненная! О... Вы меня слышите?! — слышу я крик Дурито.

— Мммфг, — отвечаю я, зная, что совершенно не обязательно открывать глаза, чтобы увидеть, что Дурито должен сейчас стоять на вершине горы из газетных вырезок, держа правую руку на Экскалибуре, а левую — на груди, другую правую — на поясе, а другой левой — поправляя на себе доспехи, и с другой... Я уже не помню, сколько у Дурито рук, ясно только, что для всех этих действий их предостаточно.

— Что вас тревожит, мой ленивый оруженосец? — спрашивает Дурито с очевидным намерением не дать мне уснуть.

— Меня? Ничего, за исключением твоих ночных речей и учений... К стати, что ты сейчас изучал?

— Правительственный кабинет, — отвечает Дурито, возвращаясь к своим бумагам.

— Правительственный кабинет? — удивленно спрашиваю я и делаю то, чего мне не хотелось, то есть открываю глаза.

— Конечно! Мне удалось открыть причину, по которой все члены кабинета противоречат друг другу, каждый тянет одеяло на себя и кажется, будто они забывают, что их шеф — это...

— Седильо, — говорю я, теряя интерес к беседе.

— Ошибка! Это не Седильо, — говорит Дурито с удовлетворением.

— Нет? — спрашиваю я и одновременно с этим пытаюсь найти в рюкзаке радио, чтобы послушать новости. — Он ушел в отставку? Его сняли?

— Холодно, — говорит Дурито, получая удовольствие от моего быстрого перехода к состоянию бодрствования. — Седильо остался на том же самом месте, где мы его вчера оставили.

— И это значит? — спрашиваю я, уже окончательно проснувшись.

— Шеф правительственного кабинета — это персонаж, которого для удобства и простоты я назову сейчас «Персонаж Х».

— Персонаж Х? — спрашиваю я, вспоминая слабость Дурито к чтению детективов. — И как же ты его открыл?

— Элементарно, дорогой Ватсон.

— Ватсон? — успеваю пробормотать я, видя как Дурито вывернул наизнанку кусочек коры колольте, которой пользовался как шлемом, и она стала похожа на кепку рэппера (хотя он настаивает, что это шляпа детектива). При помощи крошечной лупы Дурито просматривает свои бумаги. Если бы я не знал его так хорошо, то я бы мог сказать, что это не Дурито, а...

— Шерлок Холмс? Помню, был один такой англичанин, научившийся у меня собирать, на первый взгляд, незначительные детали, соединять их в гипотезу и искать новые нюансы, которые ее подтвердят или опровергнут. Это такое же простое упражнение по дедукции, как те, что мы практиковали с моим учеником Шерлоком Холмсом, когда ходили развлекаться в нижние кварталы Лондона. От меня он научился больше, чем от кого бы то ни было, но потом ушел от меня к какому-то Конан Дойлю, который ему пообещал сделать его знаменитым. Не знаю, что с ним случилось дальше.

— Он стал знаменитым, — ехидно говорю я.

— Неужели он стал странствующим рыцарем? — заинтересованно спрашивает Дурито.

— Холодно, мой дорогой Шерлок, он стал книжным персонажем и сделался знаменитым.

— Вы ошибаетесь, мой дорогой и носатый Ватсон, знаменитым можно сделаться, только став странствующим рыцарем.

— Ладно, оставим это и вернемся к теме правительственного кабинета и к таинственному «Персонажу Х». Что ты скажешь об этом?

Дурито начинает просматривать вырезки из газет и журналов.

— Ммм... ммм... ммм!... — восклицает Дурито.

— Что? Ты что-то нашел? — спрашиваю я, после его последнего восхищенного «mmm».

— Да... фотографию Джейн Фонды из *Барбареллы*, — говорит Дурито, восторженно сверкая глазами...

— Джейн Фонда! — спрашиваю-встаю-возмущаюсь-беспокоюсь.

— Да и «в натуральном виде», — говорит Дурито и глубоко вздыхает.

Фотография Джейн Фонды «в натуральном виде» способна разбудить любого уважающего себя человека, и поскольку я всегда уважал себя, я встаю и прошу у Дурито вырезку, который отказывается передать мне ее до тех пор, пока я не поклянусь, что выслушаю его внимательно. Я поклялся один раз и другой — а что мне еще оставалось делать?

Хорошо, внимание! — говорит Дурито с той же настойчивостью, с которой прикусывает трубку. Он складывает одну из множества пар рук за спину и начинает говорить, прохаживаясь взад и вперед по прямой:

Представим себе, что у нас есть какая-то страна, в названии которой ударение на третьем слоге от конца, и которая расположена, совершенно случайно, под империей полос и мутных звезд. Когда я говорю «под» — это значит именно «под». Представим себе, что эта страна страдает от страшного бедствия. Лихорадка Эбола? СПИД? Чума? Нет! Нечто более смертельное и разрушительное... неолиберализм! Ладно, я тебе уже говорил об этой болезни, так что не буду повторяться. Представим себе теперь, что поколение «политиков-юниоров» изучало за границей способ «спасения» этой страны, и этот единственный способ спасения заключается в полном отрицании ее истории и присоединении ее к хвосту скоростного поезда человеческой глупости и жестокости — к капитализму. Представим себе, что мы получим доступ к тетрадям с записями этих учеников без родины. Что мы там увидим? Ничего! Абсолютно ничего! Речь о плохих учениках? Ни в коем случае! Это хорошие и способные студенты. Но оказывается, что в каждом из изученных предметов они усвоили один-единственный урок. Урок этот — всегда один и тот же: «Делай вид, что знаешь, что ты делаешь». «В этом заключена главная аксиома политики власти в неолиберализме», говорит им их учитель. Тогда они спрашивают: «А что такое неолиберализм, dear teatcher?». Учитель не отвечает, но по выражению смятения на его лице, покрасневшим глазам, пузырям слюны в уголках рта и явно стершейся правой подошве можно предположить, что учитель не решается сказать своим ученикам правду. А правда заключается в том, что, как мне это удалось открыть, неолиберализм — это хаотическая теория экономического хаоса, глупая экзальтация общественной глупости и катастрофическое проведение катастрофической политики.

Я пользуюсь тем, что Дурито на момент умолкает чтобы вновь разжечь свою трубку, и спрашиваю его:

— Как ты определяешь это по лицу, слюням, глазам и подошве ботинка учителя?

Но Дурито меня не слышит, в его глазах — сияние то ли от зажигалки, то ли от речи:

— Хорошо. Продолжим. Упомянутые ученики возвращаются в свою страну или в то, что от нее осталось. Они прибывают с мессианским посланием, которого никто не понимает. Пока другие пытаются расшифровать его, они захватывают свой долгожданный трофей, то есть власть. Получив власть, они начинают применять единственный выученный ими урок: «Делай вид, что знаешь, что ты делаешь» и, чтобы достичь этой видимости, опираются на средства массовой информации. Они добиваются высочайшего уровня симуляции и даже создают отдельную виртуальную реальность, в которой все работает прекрасно. Но «другая», реальная, реальность продолжает существовать и с ней что-то нужно делать. И тогда они начинают вытворять все, что им вздумается — сегодня то, завтра — это. И тогда... — Дурито прерывается, проверяет свою трубку и молча смотрит на меня...

— Тогда что? — прижимаю я его.

— И тогда... табак закончился. У тебя есть еще? — отвечает он. Я не хочу перебивать его предупреждением о том, что наши стратегические резервы вот-вот закончатся, и бросаю ему мешочек, находившийся у меня под рукой. Дурито набивает трубку, зажигает ее и продолжает: — Тогда происходит следующее: поскольку они совершенно не понимают реальной реальности, они начинают верить в то, что созданная их собственной ложью виртуальная реальность и симуляция — это и есть «реальная» реальность. Но эта шизофрения — не единственная проблема. Пролучается, что каждый из этих учеников начинает создавать свою собственную виртуальную «реальность» и жить согласно ей. Поэтому каждый из них диктует меры, противоречащие мерам, предлагаемым другими.

— Да, это объяснение достаточно... ммм... скажем... смело. — Дурито не останавливается и продолжает объяснять: — Но в этой правительственной непоследовательности есть нечто последовательное. Я проанализировал различные показатели. Прочитал все заявления кабинета, провел классификацию всех действий и

бездействий, сравнил политическую биографию каждого из членов правительства, изучил их поступки до мельчайших подробностей и пришел к одному очень важному выводу.

Дурито останавливается, набирает для пущей важности побольше воздуха и затягивает паузу для того, чтобы я спросил его:

— Каков же этот вывод?

— Это элементарно, дорогой Ватсон! В кабинете постоянно присутствует невидимый элемент, один персонаж, незаметно придающий согласованность и систематичность всему ослиному реву правительственной команды. Шеф, которому все они подчиняются. Включая самого Седильо. То есть, существует некий «Х» — истинный политический руководитель рассматриваемой нами страны...

— Но кто же этот таинственный «Мистер Х»? — спрашиваю я, не в силах унять дрожь, овладевшую всем моим телом от мысли, что им может быть...

— Салинас?

— Похуже... — говорит Дурито, собирая бумаги.

— Похуже чем Салинас? Кто он?

— Холодно. Это не «он», а «она», — говорит Дурито и делает затяжку.

— «Она»?

— Правильно. Ее фамилия «Дурацкая», а имя «Импровизация». И запиши это именно так, как я говорю — «дурацкая импровизация». Потому что ты должен знать, дорогой Ватсон, что бывают импровизации умные, но это другой случай. «Миссис Х» — это дурацкая импровизация неолиберализма в политике, это неолиберализм, сделавшийся политической доктриной; то есть, дурацкая импровизация, управляющая судьбами этой страны... и других тоже... Аргентины и Перу, например.

— Таким образом, ты намекаешь на то, что Менем и Фухимори — это то же самое, что и...?

— Я ни на что не намекаю. Я это утверждаю. Достаточно спросить об этом у аргентинских и у перуанских трудящихся. А когда у меня закончился табак, я анализировал Ельцина.

— Ельцина? Но разве объектом твоего анализа был не мексиканский правительственный кабинет?

— Нет, не только мексиканский. Ты должен знать, дорогой Ватсон, что неолиберализм — это бедствие всего человечества. Как СПИД. Конечно, мексиканская политическая система обладает столь умильной степенью глупости, что не может не ввести в искушение. Тем не менее, все правительства, опустошающие мир, имеют между собой нечто общее: все их успехи построены на лжи и поэтому их фундамент столь же прочен, как и эта скамейка, на которой ты сейчас сидишь...

Я инстинктивно вскакиваю, проверяю сделанную нами из бревен и камышей скамейку и убеждаюсь в ее прочности и надежности. Уже успокоившись, я говорю Дурито:

— Но предположим, мой дорогой Шерлок, что плохие смогут удержать свою ложь в течение неопределенного времени, что их ложный фундамент останется по-прежнему прочен и они продолжают пожирать лавры...

Дурито не дает мне закончить и перебивает своим:

— Невозможно! Фундамент неолиберализма — это противоречие. Чтобы сохраняться, он должен пожирать себя самого и поэтому он сам себя разрушает. Здесь тебе и политические убийства, и наступание друг другу на ноги под столом на приемах, и всевозможные противоречия в поступках и декларациях государственных чиновников, и борьба между «группами интересов», и все остальное, что так часто лишает сна биржевых маклеров...

— Лишало сна. Думаю, они уже начали привыкать, тем более что биржа пошла в рост, — скептически замечаю я.

— Это мыльный пузырь. Он скоро лопнет. И ты еще вспомнишь мои слова, — говорит Дурито, улыбается с видом знатока и продолжает: — То что сейчас удерживает эту систему, ее и свалит. Это элементарно. Чтобы понять это достаточно прочитать «Трех всадников Апокалипсиса» Честертона. Это полицейская история, но как известно, природа подражает искусству.

— Мне кажется, что вся твоя теория — это чистая фантазия... — я не успеваю закончить. Скамья из бревен подо мной рушится с глухим звуком удара моего тела о землю и с менее глухим — вырвавшегося у меня проклятия.

Дурито умирает от смеха. Успокоившись, он говорит:

— Ты хотел сказать, что вся моя теория — это чистая фантазия? Ладно, как можешь видеть с твоего низкого уровня, природа подтверждает мою правоту. История и народ тоже немножко помогут.

Дурито дает понять, что беседа окончена и укладывается на газетные вырезки. Я даже не пытаюсь встать. Подтягиваю к себе рюкзак и устраиваюсь поудобнее. Мы умолкаем, глядя, как на востоке пространство между коленями гор наливается медово-пшеничным светом. Вздыхаем, что нам еще остается делать...

Вот так. Привет, и пусть ни история ни народ особо не задерживаются.

Суп с нежной болью в боку.

Четвертая декларация Лакандонской сельвы

СЕГОДНЯ МЫ ГОВОРИМ — МЫ ЗДЕСЬ! МЫ ВОССТАВШЕЕ ДОСТОИНСТВО, ЗАБЫТОЕ СЕРДЦЕ РОДИНЫ

(Сокращенный вариант)

1 января 1996 г.

Народу Мексики:

Народам и правительствам мира:

Братья!

Не умрет цветок слова. Может умереть скрытое лицо тех, кто называет его сегодня, но слово, пришедшее из глубины истории и земли уже не сможет быть вырванным высокомерием власти.

Мы родились из ночи. В ней мы живем. В ней мы умрем. Но свет для других станет завтрашним днем, для всех сегодня плачущих ночь, для лишенных дня, для тех, кому подарок смерть, для тех, для кого запрещена жизнь. Для всех свет. Для всех все. Для нас боль и печаль, для нас радость непокорности, для нас невозможность будущего, для нас достоинство сопротивления. Для нас ничего.

Наша борьба за то, чтобы нас услышали, и негодное правительство шлет нам высокомерный окрик и затыкает уши пушечной канонадой.

Наша борьба из-за голода, и негодное правительство дарит желудкам наших детей свинец и бумагу.

Наша борьба ради достойной крыши, и негодное правительство разрушает наш дом и нашу историю.

Наша борьба за знания, и негодное правительство распределяет невежество и презрение.

Наша борьба за землю, и негодное правительство предлагает нам кладбища.

Наша борьба за достойный и честный труд, и негодное правительство покупает и продает тела и позор.

Наша борьба за жизнь, и негодное правительство предлагает смерть в виде будущего.

Наша борьба за уважение права решать и править, и негодное правительство навязывает тем кого больше, закон тех, кого меньше.

Наша борьба за свободу пути и мысли, и негодное правительство предлагает нам тюрьмы и могилы.

Наша борьба за справедливость, и негодное правительство переполняется преступниками и убийцами.

Наша борьба за историю, и негодное правительство предлагает забвение.

Наша борьба за Родину, и негодному правительству снятся чужеземный флаг и язык.

Наша борьба за мир, и негодное правительство провозглашает войну и разрушение.

Крыша, земля, труд, хлеб, здравоохранение, образование, независимость, демократия, свобода, справедливость и мир. Это было нашими знаменами на рассвете 1994 года. Это было нашими мечтами в ночи, длившейся 500 лет. Это сегодня наши требования.

Наши кровь и слово зажгли маленький огонек в горах и мы поднесли его к порогу обители власти и денег. Братья и сестры других рас и других языков, другого цвета, но общего с нами сердца, защитили наш свет и каждый сделал из него глоток собственного огня.

Попробовал власть имущий своим ветром погасить нас, но он лишь раздул наш свет в огнях других. Мечтает богатый погасить первый свет. Напрасно, уже много разных видов света, и каждый из них — первый.

Хочет высокомерный погасить непокорность, которую его невежество относит к рассвету 1994 года. Но непокорность, у которой сегодня смуглое лицо и истинный язык, родилась не вчера. Раньше говорила она на других языках и на других землях. Во многих горах и историях жила непокорность несправедливости. Говорила она и на языках науатль, пайпай, килива, кукапа, кочими, кумиай, йума, сери, чонталь, чинантеко, паме, чичимека, отоми, масауа, матласинка, окуильтеко, сапотекко, сольтеко, чатино, папабуко, миштеко, куикатеко, трики, амусго, масатеко, чочо, искатеко, уаве, тлапанекко, тотонака, тепеуа, пополука, мише, соке, уастекко, лакандон, майя, чоль, цельталь, цоциль, тохолабаль, маме, теко, ишиль, агуакатеко, мотосинтлекко, чикомусельтеко, канхобаль, хакальтеко, киче, какчикель, кетчи, пима, тепеуан, тараумара, майю, яки, каита, опата, кора, уичоль, пурепеча и кикапу. Говорила и говорит она и по-испански. Непокорность — не вопрос языка, а дело достоинства и способности чувствовать себя человеком.

Нас убивают за труд, за жизнь нас убивают. Нет для нас места в придуманном властью мире. За борьбу нашу тоже убьют нас, но при этом мы станем миром, в который поместимся все мы, и все мы без смерти будем жить в слове. Хотят отнять у нас землю, чтобы не слышно было шагов наших. Хотят отнять у нас историю, чтобы в забвении умерло наше слово. Не хотят нас, индейцев. Мертвыми хотят нас.

Для власть имущего молчание наше было желанным. Молча мы умирали, не было нас без слова. Мы боремся, чтобы говорить против забвения, против смерти, ради памяти и ради жизни. Мы боремся от страха умереть смертью от забвения.

Говоря в своем индейском сердце, жива остается Родина и живет ее память.

I

Братья:

Первого января 1995 года, после прорыва военного окружения, при помощи которого негодное правительство пыталось изолировать нас и заставить сдаться, мы призвали различные силы и граждан к созданию широкого оппозиционного фронта, который объединил бы демократическую волю всей страны против системы правительственной партии — движения Национального освобождения. Хотя с самого начала эта попытка создания силы оппозиционного единства столкнулась со множеством проблем, она продолжила свое существование в умах множества мужчин и женщин, которые не хотят видеть свою Родину отданной на откуп решениям властей и иностранного капитала. Широкий оппозиционный фронт, после непростого пути, полного трудностей, недоразумений и отступлений, уже близок к тому чтобы утвердить свои первые предложения и договоренности о совместных действиях. Долгий процесс созревания этого организационного усилия должен быть завершен в этом, только что наступившем году. Мы, сапатисты, приветствуем рождение движения Национального освобождения и искренне желаем, чтобы среди всех его участников всегда сохранялись эти стремление к единству и уважение к различиям.

После начала диалога с верховным правительством, обещание, взятое на себя САНО по поиску политического выхода из войны, начатой в 1994 году было предано. Делая вид, что стремится к диалогу, негодное правительство предпочло военное решение и прибегнув к неуклюжим и глупым аргументам, начало крупную военно-полицейскую атаку, главной задачей которой было убийство командования САНО. Повстанческие вооруженные силы САНО отразили удар десятков тысяч солдат, которые с иностранной помощью и современной технологией смерти попытались заставить замолчать голос достоинства, звучавший из гор юго-востока Мексики. Организованное отступление позволило

сапатистским силам сохранить свои боеспособность, моральный авторитет, политическую силу и историческое право, являющееся их основным оружием против преступления, стоящего у власти. Крупные мобилизации национального и международного гражданского общества остановили это предательское наступление и заставили правительство вернуться на путь диалога и переговоров. Десятки невинных безоружных граждан были арестованы негодным правительством и до сих пор находятся в тюрьмах в качестве заложников правящих нами террористов. Единственной победой федеральных сил было разрушение библиотеки, зала культурных мероприятий, танцевальной площадки и грабеж скромного имущества индейцев Лакандонской сельвы. Эта попытка убийства была скрыта правительственной ложью о «восстановлении национального суверенитета».

Забыв о 39 статье Конституции, присягу на выполнение которой оно принесло 1 декабря 1994 года, верховное правительство довело Мексиканскую Федеральную армию до категории армии оккупационной, поставило перед ней задачу защиты организованной преступности, ставшей правительством, и заставило ее воевать со своими братьями-мексиканцами.

Тем временем, настоящая потеря национального суверенитета и независимости воплощалась в секретных и открытых соглашениях экономического кабинета с хозяевами капиталов и иностранными правительствами. Сегодня, пока десятки тысяч федеральных солдат преследуют и пытаются запугать народ вооруженный ружьями в виде палок и словом достоинства, верховные правители заканчивают распродажу богатств мексиканского народа и лишают страну того немногого, что от нее оставалось.

Как только начался диалог, пойти на который ее вынудило национальное и международное гражданское общество, правительственная делегация получила возможность ясно показать свои истинные намерения в этих мирных переговорах. Эти неоконкистадоры индейцев, возглавившие правительственную команду на переговорах, отличаются высокомерным, надменным, расистским и унижающим других поведением, что приводило различные собрания во время Диалога в Сан-Андресе от провала к провалу. Делая ставку на усталость и истощение сапатистов, правительственная делегация приложила все усилия к тому, чтобы добиться прекращения диалога, ибо была уверенной в том, что в этом случае у нее будут аргументы прибегнуть к силе и таким образом достичь того, чего путем разума она не в состоянии добиться.

Видя, что правительство избегает серьезного отношения к причинам национального конфликта, которым является война, САНО выступила с мирной инициативой. Эта инициатива должна была расчистить путь к диалогу и переговорам. Призвав гражданское общество к национальному и международному диалогу в поисках нового мира, САНО организовало Консультации ради Мира и Демократии, чтобы выслушать национальное и международное мнение по поводу своих требований и своего будущего.

При активном участии членов Национальной Демократической Конвенции, бескорыстной отдаче тысяч граждан, не принадлежащих ни к какой организации, но стремящихся к демократии, мобилизации международных комитетов солидарности и групп молодежи, безукоризненной помощи братьев и сестер из Национального Гражданского Альянса,⁴⁹ в течение августа и сентября 1995 года, была осуществлена беспрецедентная для мировой истории практика — диалог мирного гражданского общества с подпольной вооруженной группой. В процессе этой встречи состоялось более миллиона трехсот тысяч диалогов. В результате консультации была подтверждена легитимность требований сапатистов, был придан новый импульс в создании широкого оппозиционного фронта, которое в этот момент находилось на мертвой точке и было четко выражено желание большинства опрошенных видеть сапатистов участвующими в гражданской политической жизни страны. Активное участие международного гражданского общества заставило нас задуматься о необходимости создания пространства для встречи между различными формами поиска демократии, которые существуют в разных странах. САНО серьезно восприняла результаты этого национального и международного диалога и начала политическую и организационную работу для продвижения согласно этим полученным от общества сигналам.

49 Национальный Гражданский Альянс — мексиканская неправительственная организация, основные задачи которой — защита гражданских прав и участие в программах по социальному развитию.

Отвечая на успех Консультации ради Мира и Демократии, сапатисты выступили с тремя новыми инициативами. Инициатива международная заключалась в предложении провести межконтинентальную встречу против неолиберализма. Двумя национальными инициативами стали — с одной стороны создание гражданских комитетов по диалогу, как основы для обсуждения главных проблем страны и зародыш новой непартийной политической силы, и строительство новых Агуаскальентес⁵⁰ как места для встречи между гражданским обществом и сапатизмом — с другой.

В настоящий момент, через три месяца после выдвижения этих инициатив, мы готовимся заявить о созыве международной встречи ради человечества и против неолиберализма, по всей Мексике уже создано более 200 комитетов по диалогу и сегодня мы открываем пять новых Агуаскальентес: один в общине Ла-Гарруча, другой в Овентике, еще один в Морелии, другой в Ла-Реалидад и последний и первый из них — в сердце всех честных мужчин и женщин, которые есть в мире.

В обстановке постоянных угроз и лишений, индейские сапатистские общины и гражданское общество смогли создать эти центры гражданского и мирного сопротивления, которые одновременно с этим станут еще и местом защиты мексиканской и мировой культур.

Первым испытанием для нового национального диалога стал Первый стол диалога в Сан-Андресе. Пока правительство демонстрировало свое невежество в отношении исконных жителей этой земли, советники и приглашенные САНО начали диалог, который оказался таким богатым и новым, что немедленно вышел за узкие рамки тематики стола в Сан-Андресе и достиг своего настоящего масштаба — национального. Мексиканские индейцы, раньше всегда вынужденные выслушивать, подчиняться, соглашаться и смиряться, взяли слово и начали говорить с мудростью времени, ставшего эхом их поступи. Навязанный властью для всеобщего потребления образ невежественного, робкого и смешного индейца, разлетелся вдребезги и индейские гордость и достоинство вернулись в историю, чтобы занять там положенное им место — место настоящих и полноценных граждан.

Независимо от того, чем закончится первое обсуждение договоренностей в Сан-Андресе, диалог, начатый различными этниями и их представителями продолжится сейчас на Национальном Индейском форуме и его ритм и масштаб будут зависеть от решений самих индейцев. На мексиканском политическом сценарии очередное разоблачение преступной сути салинистского режима вновь потрясло систему правительственной партии. Апологеты салинистских антиреформ стали вдруг жертвами приступа амнезии и сейчас с энтузиазмом преследуют того, в чьей тени они когда-то обогатились. Партия Национальное Действие, самый верный из союзников Карлоса Салинаса де Гортари, начала демонстрировать свою реальную способность сдвинуть Институционную Революционную партию с вершины политической власти и показать всем свою репрессивную и реакционную суть. Те кто с надеждой видят рост влияния неопээндизма,⁵¹ забывают, что уход одной диктатуры еще не значит демократии. Они аплодируют новой инквизиции, уже готовящей «ради защиты демократии» новые репрессии и нравоучения, под аккомпанемент предсмертных хрипов страны, которая была когда-то примером для многих, а сегодня лишь источник скандалов и полицейских хроник для мировых новостей. Константами правительственной власти были и остаются репрессии и безнаказанность; массовые убийства индейцев в Герреро, Оахаке и Уастеке отражают правительственную политику в отношении коренных жителей, авторитаризм в УНАМе по отношению к движению Колледжей Наук и Гуманизма⁵² демонстрирует путь коррупции, ведущий от академии к политике, арест руководства Эль-

50 Агуаскальентес — Центры, построенные сапатистами в сельве для контактов и встреч с представителями гражданского общества, называются в так в честь городка Агуаскальентес, где в октябре 1914 г. была проведена Конвенция, объединившая все революционные силы страны.

51 Неопээндизм — от ПНД — Партия Национальное Действие

52 Авторитаризм в УНАМе по отношению к движению Колледжей Наук и Гуманизма — В феврале 2000 г., после 10 месяцев легальной забастовки против приватизации образования, на территорию Мексиканского национального автономного университета (УНАМ) были введены солдаты. Около тысячи студентов и преподавателей были брошены в тюрьмы. Особо тяжелый удар был нанесен по Колледжам Наук и Гуманизма УНАМ

Барсона⁵³ — еще один пример предательства, как метода диалога, зверства регента Эспиносы⁵⁴ — проявление уличного фашизма в городе Мехико, реформы Закона о социальном обеспечении утверждают демократизацию нищеты и поддержку приватизированных банков, в духе прочного единства между властью и деньгами, политические преступления неразрешимы, потому что происходят как раз от тех, кто любит говорить о борьбе с ними и на фоне всего этого, экономический кризис делает коррупцию в правительственных сферах еще более вызывающей. Правительство и преступление сегодня стали уже синонимами и эквивалентами.

Пока настоящая оппозиция пытается в нащупать, как пульс, центр умирающей страны, широкие слои населения увеличивают свой скепсис по отношению к политическим партиям и ищут, не находя пока, новые пути участия в политике, политическую организацию нового типа.

Героическое сопротивление индейских сапатистских общин, как звезда, осветило мрачный пейзаж 1995 года и вписало свою достойную страницу в историю Мексики. Народное сопротивление среди трудящихся Сутаура-100⁵⁵ в Тепостлане и в Эль-Барсоне, тоже нашло своих достойных представителей. И таких примеров немало.

Резюмируя, можно сказать, что 1995 год охарактеризовался определением двух совершенно разных и взаимоисключающих проектов развития страны.

С одной стороны — это проект, предлагаемый властями, предполагающий полное разрушение мексиканского государства, отрицание его истории, отказ от его независимости, предательство и преступление, как высшие ценности, обман и лицемерие, как метод правления, дестабилизация и неуверенность в завтрашнем дне, как национальная программа и репрессии и нетерпимость, как план развития. Этот проект представлен как преступным ликом ИРП, так и демократическим маскарадом ПНД. И с другой стороны — есть проект перехода к демократии, но не в результате секретных сделок с властью, имитирующих перемены, чтобы все оставалось по-прежнему, а переход к демократии, как проект восстановления страны, защита национального суверенитета, справедливость и надежда как стремления, правда и принцип править подчиняясь, как руководство для любых властей, стабильность и безопасность, делающие возможными демократию и свободу, диалог, терпимость и гражданское участие как новая форма политической практики.

Этот проект уже начинает осуществляться и будет зависеть не от одной гегемонирующей политической силы или гениальности какого-то одного лидера, а от широкого оппозиционного движения, способного отразить чувства всей страны. Сейчас мы находимся в состоянии войны, потрясшей Мексику в конце XX века. Войны между теми, кто стремится увековечить социальный, культурный и политический режим, существование которого является преступлением, именуемом изменой родине, и теми, кто борется за свободные и справедливые демократические перемены. Сапатистское восстание — лишь часть этой большой войны, которая заключена в борьбе между памятью, стремящейся к будущему и забвением, привыкшим служить чужеземцам.

Новое плюралистическое, терпимое, включающее, демократическое и свободное общество возможно будет сегодня только в случае совместного построения этой новой родины. Власть не будет ее строителем. Сегодняшняя власть — лишь агент по продажам руин страны, разрушенной истинными подрывными и дестабилизирующими элементами — ее правителями.

В большинстве наших проектов — проектов независимой оппозиции есть один серьезный недостаток, который сегодня становится ключевым — мы выступаем против

53 Арест руководства Эль-Барсона Национальная организация сельскохозяйственных производителей, 23 декабря 1995 года власти под вымышленным предлогом арестовали двух ее руководителей.

54 Зверства регента Эспиносы — Оскар Эспиноса — высокопоставленный функционер ИРП (в настоящий момент скрывающийся от мексиканской юстиции выдавшей ордер на его арест по обвинению в миллионных кражах из госбюджета, в Никарагуа), во время своего пребывания на должности регента Мехико (1994–1997) под видом «ужесточения борьбы с преступностью» устроил в мексиканской столице разгул полицейского произвола и насилия.

55 В Тепостлане среди трудящихся Сутаура-100... — рабочие выступления, закончившиеся длительным арестом руководства движения.

проекта, предполагающего разрушение страны, но у нас нет конкретного согласованного предложения по ее восстановлению. САНО не собирается быть ничьим авангардом и была и остается лишь частью этого совместного усилия по переходу к демократии. Несмотря на преследования и угрозы, ложь и предательство, САНО продолжает борьбу за демократию, свободу и справедливость для всех мексиканцев.

Сегодня борьба за демократию, свободу и справедливость в Мексике — это борьба за национальное освобождение.

II

Сегодня, слыша стук сердца Эмилиано Сапаты и голоса всех наших братьев, мы призываем народ Мексики принять участие в новом этапе борьбы за национальное освобождение и за построение новой родины, посредством этой...

Четвертой Декларации Лакандонской Сельвы

в которой мы призываем всех честных мужчин и женщин принять участие в создании новой политической силы, рождающейся сегодня -

Сапатистского Фронта Национального Освобождения

организации гражданской и мирной, независимой и демократической, мексиканской и национальной, борющейся за демократию, свободу и справедливость в Мексике. Сапатистский Фронт Национального Освобождения рождается сегодня и мы приглашаем для участия в нем рабочих, трудящихся села и города, индейцев, поселенцев, учителей и студентов, мексиканских женщин, молодежь всей страны, честных артистов и интеллектуалов, последовательных служителей культа, всех мексиканских граждан, стремящихся не к власти, а к демократии, свободе и справедливости для нас и наших детей.

Мы приглашаем мексиканское гражданское общество, тех кто не состоит ни в какой политической партии, общественные и гражданские движения, всех мексиканцев к строительству этой новой политической силы. Новой политической силы, которая станет общенациональной. Новой политической силы, опирающейся на САНО.

Эта новая политическая сила должна стать частью широкого оппозиционного движения, Движения национального освобождения, как пространства гражданского политического действия, где будут собраны другие политические силы независимой оппозиции, место встречи наших устремлений и координации совместных действий.

Политическая сила, участники которой не будут занимать и не будут стремиться занять ни посты, на которые избирают путем народного голосования, ни правительственные должности любого уровня. Политическая сила, которая не будет стремиться к власти. Сила, которая не будет являться политической партией.

Политическая сила, которая сможет организовать требования и предложения граждан для того, чтобы тот, кто правит, правил подчиняясь. Политическая сила, которая сможет организовать решение коллективных проблем без вмешательства политических партий и правительства. Мы не обязаны ни у кого просить разрешения, чтобы быть свободными. Правительственные функции — прерогатива общества и исполнение этих функций — его право. Политическая сила, которая будет бороться против концентрации богатства в руках немногих и против централизации власти. Политическая сила, единственной привилегией участников которой будет чувство выполненного долга.

Политическая сила, которая будет обладать местной, региональной и зональной организацией и будет расти с уровня своей базы, являющейся ее социальной опорой. Политическая сила, которая возникла из гражданских комитетов по диалогу.

Политическая сила, которая называется Фронтом, потому что стремится объединить непартийные организационные усилия, предлагает многие уровни участия и различные формы борьбы.

Политическая сила, которая называется Сапатистским фронтом, потому что родилась она с индейскими сердцем и надеждой, которые вместе с САНО вновь спустились с мексиканских гор.

Политическая сила Национального Освобождения, потому что ее борьба — за освобождение всех мексиканцев и во всей стране.

Политическая сила с программой борьбы из 13 пунктов, вошедших в Первую Декларацию Лакандонской Сельвы и обогащенных за два года сопротивления. Политическая

сила, которая будет бороться против системы государственной партии. Политическая сила, которая будет бороться за демократию не только в избирательной сфере, а во всем. Политическая сила, которая будет бороться за новое учредительное собрание и новую Конституцию. Политическая сила, которая будет бороться за то, чтобы везде были справедливость, свобода и демократия. Политическая сила, которая будет бороться не за политическую власть, а за демократию, состоящую в том, чтобы тот, кто правил, правил подчиняясь.

Мы призываем всех мужчин и женщин Мексики, индейцев и не индейцев, все национальности, составляющие наш народ, всех согласных бороться за достойную крышу, землю, труд, хлеб, здравоохранение, образование, информацию, культуру, независимость, демократию, справедливость, свободу и мир, тех, кто понимает, что система государственной партии — это главное препятствие для перехода к демократии в Мексике; тех, кто знает, что слово демократия значит не сменяемость власти, а правительство народа для народа и ради народа, тех кто согласен с тем, чтобы был подготовлен новый Основной Закон, который включит в себя основные требования мексиканского народа и гарантии исполнения его 39 статьи, путем проведения плебисцита и референдума, тех, кто не стремится и не претендует занимать государственные посты и выборные должности, тех, чье сердце, воля и мысли находятся с левой стороны груди, тех, кто хочет перестать быть зрителем и готов иметь в качестве единственного вознаграждения и привилегии возможность участвовать в восстановлении страны, тех, кто хочет построить что-то новое и хорошее, — всех их мы приглашаем вступить в Сапатистский Фронт Национального Освобождения.

Граждане, не состоящие ни в каких политических партиях, социальные и политические организации, гражданские комитеты по диалогу, движения и группы, все те, кто не стремится к власти и кто подпишет эту Четвертую Декларацию Лакандонской Сельвы, должны будут взять на себя обязательства участвовать в диалоге для согласования внутренней структуры, плана действий и декларации принципов Сапатистского Фронта Национального Освобождения.

С организованным в Сапатистский Фронт Национального Освобождения единством сапатистов гражданских и сапатистов-бойцов, борьба начатая 1 января 1994 года входит в свою новую стадию. САНО не исчезает, но его главное усилие будет сейчас направлено на борьбу политическую. Когда придет время и будут созданы подходящие для этого условия, САНО примет прямое участие в работе Сапатистского Фронта Национального Освобождения.

Сегодня, 1 января 1996 года Сапатистская Армия Национального Освобождения подписывает эту Четвертую Декларацию Лакандонской Сельвы. Мы приглашаем народ Мексики подписать ее тоже.

III

Братья:

Много слов обитает в мире. Многие миры возникают и умирают. Из многих миров состоим мы. Есть слова и миры которые лживы и несправедливы. Есть слова и миры которые правдивы и настоящи. Мы делаем настоящие миры. Мы сделаны из правдивых слов.

В мире власть имущего помещаются только хозяева и их слуги. В мире, которого хотим мы, помещаются все.

Мир, которого мы хотим, это тот, в который помещаются все миры. Родина, которую мы строим, это та, где поместятся все ее народы и языки, чтобы все шаги касались ее, чтобы все могли улыбаться с ней, чтобы для всех был рассвет ее.

Мы говорим о единстве, даже когда молчим. Тихо и нежно шепчем мы слова, ищущие единства, которое история обнимет, которая оттолкнет прошлое, нас сталкивающее и разрушающее.

Наше слово, наша песня, наш крик — для того чтобы не умирали больше мертвые. Для того чтобы жили они мы боремся, для того чтобы жили они мы поем.

Да здравствует слово. Да здравствует это «Все, Баста!». Да здравствует ночь, становящаяся утром. Да здравствует достоинство шагов наших вместе со всеми, кто плачет. Борьба наша чтобы сломать часы смерти власть имущего. Борьба наша ради нового времени жизни.

Не умирает цветок слова, хотя в тишине шаги наши. В тишине высевается слово. Чтобы расцвести в крике замолкает. Солдатом становится слово, чтобы забытым не умереть. Чтобы жить умирает слово, скрытое навсегда в чреве мира. Рождаясь и живя мы умираем. Всегда будем жить мы. Забвение для тех лишь, кто без истории остался.

Мы здесь. Мы не сдаемся. Сапата жив, и несмотря ни на что, борьба продолжается.

С гор юго-востока Мексики.

Подпольный Революционный Индейский комитет,

Генеральное Командование Сапатистской Армии Национального Освобождения .

Мексика, январь 1996 г.

Первая декларация Ла-Реалидад⁵⁶

«Я пришел, вот он я, ваш певец.

Наслаждайтесь, знакомьтесь, идите сюда,

будем ближе, чье сердце болит.

Я поднимаю песню»

Поэзия науатль

ПРОТИВ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА И ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

1 января 1996 г.

Народам мира:

Братья!

В течение последних лет власть денег скрывала свой преступный облик под новой маской. Поверх границ, не обращая внимания на национальности и цвета, власть денег унижает достоинства, оскорбляет честь и убивает надежду. Переименованное в «неолиберализм», историческое преступление концентрации привилегий, богатств и безнаказанностей демократизирует нищету и отчаяние.

Идет новая мировая война, и на этот раз — против всего человечества. Как и во всех войнах, ее цель — новое распределение мира.

Словом «глобализация» называют эту современную войну, убивающую и забывающую. Новое распределение мира заключается в концентрации власти у власти и нищеты у нищеты.

Новое распределение мира исключает «меньшинства». Индейцы, молодежь, женщины, гомосексуалисты, лесбиянки, цветные люди, иммигранты, рабочие, крестьяне; большинства, населяющие подвалы мира, для власти представляют собой маловажные меньшинства. Новое распределение мира исключает большинства.

Современная армия финансового капитала и коррумпированные правительства наступают и завоевывают страны единственным способом, которым умеют — разрушая их. Новое распределение мира разрушает человечество.

Новое распределение мира существует только для денег и его слуг. Мужчины, женщины и машины стали равны в своей пользе или бесполезности для нового распределения мира. Ложь правит и умножается в своих проявлениях и в средствах массовой информации.

Новую ложь продают нам под видом истории. Ложь о поражении надежды, ложь о поражении достоинства, ложь о поражении человечества. Зеркало власти уравнивает для нас ложь о победе цинизма, ложь о победе лакейства и ложь о победе неолиберализма.

Вместо человечности нам предлагают показатели на биржах, вместо достоинства нам предлагают глобализацию нищеты, вместо надежды нам предлагают пустоту, вместо жизни нам предлагают интернационал ужаса.

Против интернационала ужаса, представляемого неолиберализмом, нам необходимо создать интернационал надежды. Единство, поверх границ, языков, цветов, культур, половой принадлежности, стратегий и образов мысли, всех тех, кто предпочитает видеть человечество живым.

⁵⁶ Ла-Реалидад — кроме названия географического, «La Realidad» по-испански, значит «Реальность», поэтому название этой декларации может звучать и как «Первая декларация реальности».

Интернационал надежды. Не бюрократию надежды, не перевернутую, и поэтому подобную оригиналу, копию того, что нас уничтожает. Не власть с новым знаком или под новыми одеяниями. Но с собственным духом, духом достоинства. И с цветком, цветком надежды. И с песней, песней жизни.

Достоинство — это та самая родина без национальности, радуга, которая мост, шум сердца, в котором живет неважно какая кровь, гордая непочтительность, преодолевающая границы, таможни и войны.

Надежда — это непокорность, отвергающая конформизм и пораженчество.

Жизнь — это то, что нам должны: право решать и править, думать и действовать со свободой, которая не утверждается за счет рабства других, право отдавать и получать то, что справедливо.

В связи со всем этим, вместе с теми, кто поверх границ, языков и цветов разделяют песню жизни, борьбу против смерти, цветков надежды и дух достоинства...

Сапатистская Армия Национального Освобождения

Говорит...

Всем тем, кто борется за человеческие ценности демократии, свободы и справедливости.

Всем тем, кто старается сопротивляться всемирному преступлению, именуемому «неолиберализмом» и стремится к тому, чтобы в будущем, человечество и надежда стать лучше, стали синонимами.

Всем индивидуумам, группам, коллективам, движениям, общественным, гражданским и политическим организациям, профсоюзам, ассоциациям соседей, кооперативам, всем левым прошлого и будущего, неправительственным организациям, группам солидарности с народами мира, музыкальным группам, племенам, интеллектуалам, индейцам, студентам, музыкантам, рабочим, артистам, учителям, крестьянам, культурным группам, молодежным движениям, альтернативным средствам информации, экологистам, поселенцам, лесбиянкам, гомосексуалистам, феминистам, пацифистам.

Всем людям без дома, без земли, без работы, без пищи, без здравоохранения, без образования, без свободы, без справедливости, без независимости, без демократии, без мира, без родины, без завтра.

Всем тем, кто независимо от цветов, национальностей или границ, сделал из надежды свой щит и свой меч.

Что приглашает всех на Первую Межконтинентальную Встречу за Человечество и против Неолиберализма.

Которая состоится между апрелем и августом 1996 года на пяти континентах, согласно следующей программе мероприятий:

Первое: Подготовительные континентальные ассамблеи пройдут в апреле 1996 г. в следующих центрах:

1. Европейский континент: Берлинский центр, Германия.
2. Американский континент: Центр в Ла-Реалидад, Мексика.
3. Азиатский континент: Токийский центр, Япония.
4. Африканский континент: Центр пока не определен.
5. Океанический континент: Сиднейский центр, Австралия.

Примечание: место нахождения континентальных центров может быть изменено по решению организаторов.

Второе: Первая Межконтинентальная Встреча за Человечество и против Неолиберализма будет проведена с 27 июля по 3 августа 1996 г. в сапатистских Агуаскальентес, Чьяпас, Мексика.

Основы ее проведения:

Тематика:

Тема 1. — Экономические аспекты жизни в условиях неолиберализма, формы сопротивления и борьбы и предложения, связанные с борьбой против неолиберализма и за человечество.

Тема 2. — Политические аспекты жизни в условиях неолиберализма, формы сопротивления и борьбы и предложения, связанные с борьбой против неолиберализма и за человечество.

Тема 3. — Социальные аспекты жизни в условиях неолиберализма, формы сопротивления и борьбы и предложения, связанные с борьбой против неолиберализма и за человечество.

Тема 4. — Культурные аспекты жизни в условиях неолиберализма, формы сопротивления и борьбы и предложения, связанные с борьбой против неолиберализма и за человечество.

Организация: Подготовительные собрания в Европе, Азии, Африке и Океании будут организованы комитетами солидарности с сапатистским восстанием, близкими к ним организациями и гражданскими группами, заинтересованными в борьбе против неолиберализма и за человечество. Мы призываем все эти группы всех стран вместе работать над организацией и осуществлением подготовительных ассамблей.

Межконтинентальная Встреча ради Человечества и против Неолиберализма, которая будет проведена с 27 июля по 3 августа 1996 г. в Чьяпасе, в Мексике, будет организована САНО и гражданами и мексиканскими неправительственными организациями, которые будут представлены отдельно.

Аккредитация: Аккредитации для работы в подготовительных ассамблеях 5 континентов будут выданы организационными комитетами, создающимся соответственно в Европе, Азии, Африке, Океании и Америке.

Аккредитации для участия во встрече в Чьяпасе, в Мексике, будут выданы в соответствующих странах комитетами солидарности с сапатистским восстанием, с народом Чьяпаса, с народом Мексики, а в Мексике — организационной комиссией, которая будет представлена отдельно.

Общее и межконтинентальное примечание: Все что не учтено в этом документе будет решено, в случае континентальных подготовительных ассамблей — соответствующими организационными комитетами, и в случае встречи в Чьяпасе, в Мексике — межконтинентальным организационным комитетом.

Братья! Человечество живет в груди каждого, и как и сердце, оно предпочитает ее левую сторону. Пора встретить его. Пора встретиться.

Мир не нужно завоевывать. Достаточно сделать его заново. Нам. Сегодня.

Демократии!

Свободы!

Справедливости!

С гор юго-востока Мексики.

От имени Подпольного Революционного Индейского комитета -

Генерального Командования Сапатистской Армии Национального Освобождения .

Субкоманданте Маркос

Объявление-Приглашение на Межконтинентальную встречу за человечество и против неолиберализма

Сапатистская Армия Национального Освобождения.

Мексика.

Май 1996 г.

Кому: Планете Земля (или тому, что от нее останется).

Примите протокольные приветствия и проч. Мы хотим пригласить вас на Межконтинентальную встречу за человечество и против неолиберализма. И чтобы добиться этого, мы изобрели данную хитроумную схему, которая, вне зависимости от того примете вы наше приглашение или нет, доставит вам несколько минут здорового веселья. Просим строго следовать инструкциям. Не за что. До встречи в конце письма (вы можете сэкономить улыбки и возмущения, если перескочите через все и просто прочтете конечный постскриптум) или в начале встречи.

С уважением,

От имени Верховной временной интергалактической и гиперациональной комиссии по серьезным и прочим приглашениям (ВВИИГКПСИПП).

Суп Маркос

Инструкция для прочтения объявления-Приглашения на Межконтинентальную встречу за человечество и против неолиберализма

Первое . Отметьте цветочком модель объявления-приглашения, которая вас больше всего устраивает:

Модель А. Объявление-приглашение с (относительной) теоретической точностью (для тех, кто требует аргументов и причин).

Модель Б. Объявление-приглашение Серьезное и Формальное (для тех же).

Модель В. Объявление-приглашение Расплывчатое (чтобы обмануть врага).

Модель Г. Объявление-приглашение Сокращенное (для тех, кто спешит).

Модель Д. Объявление-приглашение Исключающее (для агентов, полицейских, стукачей и халявщиков).

Второе. Прочтите объявление-приглашение соответствующее избранной вами модели.

Третье . Отметьте облачком выбранный вами ответ на следующие вопросы:

1. Вы принимаете наше объявление-приглашение? Да _____ Нет _____ Не знаю _____
Другое _____

2. Собираетесь ли вы участвовать во встрече? Да _____ Нет _____ Не знаю _____
Другое _____

3. Считаете ли вы, что мы заслуживаем победы? Да _____ Нет _____ Не знаю _____
Другое _____

Четвертое. После этого аккуратно согните объявление-приглашение, сделайте из него изящную панамку, подарите ее мальчику или девочке или просто наденьте ее себе на голову и немного помечтайте о том, чего бы вам больше всего хотелось.

Пятое . На самом деле, все инструкции уже закончились, пятую мы добавили только для того, чтобы нарушить парность и тихо почтить асимметрию.

Это все. Счастливого пути.

С уважением.

От имени Верховной временной интергалактической и гипернациональной комиссии по серьезным и прочим приглашениям (ВВИИГКПСИПП).

СупМаркос.

ПРИМЕЧАНИЕ. Далее следуют различные модели объявления-приглашения. Выберите одну, отвечающую вашему вкусу, интересу или бюджету.

МОДЕЛЬ А

Объявление-приглашение с (относительной) теоретической точностью (для тех, кто требует аргументов и причин).

Сегодня видно, что Власть всячески стремится не допустить того, чтобы кем-то был указан ее путь. Согласно логике Власти, у ее жертв нет права ни на то, чтобы знать свою дальнейшую судьбу, ни на то, чтобы дать имя ее смертельным шагам. Власть думает, что если она будет названа, выдающаяся за настоящее летаргия, перестанет быть эффективной. Для того чтобы скрывать определения, у Власти есть свои мудрые маги и собственная свита консультантов. Потому что если власть будет названа — у преступлений появятся ответственные, и преступления эти перестанут выглядеть просто историческими случайностями. «Неолиберализма не существует, — заявляют тупеющие мудрецы, — все это выдумки бессонных левых, которые ищут в этом названии удобную замену своих старых концепций. Слово «неолиберализм», — настаивают они, — сводится к этическим и моральным оценкам, далеким от строгого научного анализа, позволяющего классифицировать, измерять, делать ссылки и определения... и делать концепции бесполезными». Не стоит переносить неолиберализм в сферу морали и этических ценностей, причем не только потому, что в этой области он совершенно беспомощен, а именно из-за того, что неолиберализм предполагает полную отмену всей морали и этических ценностей.

Великие мудрецы трясутся, вопят и и рвут на себе благородные шевелюры (или то, что от них осталось): «Забудьте глупости вроде надежды, забудьте кривляния вроде защиты жизни, забудьте болтовню вроде демократии, забудьте анахронизмы вроде свободы, забудьте «ностальгию по прошлому» вроде борьбы за перемены, забудьте о чепухе вроде справедливости. Неолиберализм — это успех, потому что Власть — это успех». «Возьмите,

подберите эту одежду, которую мы вам предлагаем, — настаивают, — займите свое место в нашей схеме, не будьте неудобными, не отказывайтесь от того, чтобы быть классифицированными. Все, что не может быть классифицировано — не в счет, его не существует, его просто нет. Мы предлагаем вам крохи, это так, но все же это лучше, чем совсем ничего. Примите этот кусочек Власти, который наша милость вам может пожаловать. Я — лучшая из религий, я объединяю все: нового бога и культ, тайну и акт веры, попа и прихожанина, священный образ и храм, другие мне не нужны, даже чтобы молиться на меня, для этого у меня есть зеркало, отражающее статистику моей победы».

«Борющиеся всех стран! Соединяйтесь в вашем поражении! В вашем прошлом нет ни одной-единственной победы. Ваша ностальгия — это единственное, что могло с вами стать. Я есть то, что я есть — вечное повторение. Примите все старое переработанное, копируйте меня, я — это то же самое, что было всегда, я позволяю вам перемены, если они заключаются в маленьких вариациях, я — это старое обновленное, кошмар всех времен, но с одним преимуществом — сегодня глобализованный. Я принимаю вас как вечных соперников только при одном условии: в ваших руках должно остаться оружие, оказавшееся бесполезным вчера, я терплю вас, пока вы повторяете ваши вчерашние поражения. Я принимаю вас, как скромную дань моему победному прошлому. Не пытайтесь предпринимать ничего нового, повторяйте старое, не выходите за пределы моей логики, я не потерплю вас, если вы окажетесь неудобными. Примите ваш новый девиз «Раскаяние или Смерть! Мы проиграем!»

Человеческий возраст делится для Власти на детство и зрелость. Взрослый — это Власть, дети — это все те, кто должен быть подчинен. Власть говорит нам, что для того чтобы оставить детство, мы должны стремиться стать взрослыми, стать частью Власти. «Придерживайтесь правил, оставьте ваши сентиментальность и непокорность, примите мое существование, не ставьте его под вопрос», — с горьким скепсисом шепчет Власть устами раскаявшихся, которые подтверждают поражение диссидентства, и выживших в историческом кораблекрушении, которые сводят человеческое стремление быть лучше к приторным сентиментальным ужимкам.

Преимущественно индейское восстание в горах юго-востока Мексики, на 91 градусе западной долготы и 16 градусе северной широты мирового супермаркета, стоя одной ногой в прошлом и другой — в будущем, бросило вызов нынешнему разочарованию. Мудрецы Власти, сбивая друг друга с ног, бросились рядить в одежды и приклеивать ярлыки: «это милленаристы, анахроничные марксоиды, воскресшие руины Берлинской стены, фундаменталисты, жаждущие повернуть назад часы истории, невежды в вопросах прогресса, допустимый остаток при постоянной кампании по ликвидации изгоев».

Но одежды рвутся и ярлыки не подходят. «Мыслители» спрашивают себя:

«Кто такие эти индейцы, которые ничего не покупают и ничего не продают? Кого они волнуют? Стоит ли тратить силы на их уничтожение? Не избавит ли нас от них сама удивительная машина Власти, именуемая прогрессом? Что делают эти аборигены на скоростном шоссе информатики, говоря о достоинстве? Что такое «достоинство»? На каких валютных биржах оно котируется? Каков его коммерческий баланс? Почему столько шума за границей? Что увидели в этом крошечном бунте австралийцы, японцы, североамериканцы, аргентинцы, англичане, африканцы, итальянцы, эквадорцы, французы, чилийцы, палестинцы, испанцы, израильтяне, канадцы, шведы, перуанцы, немцы, доминиканцы, баски, курды, датчане, бразильцы, голландцы, греки, колумбийцы, ирландцы, каталонцы, венесуэльцы, шотландцы, гватемальцы и даже мексиканцы? Что это такое «Интернационал надежды»? Сколько военных самолетов, боевых кораблей, танков и ядерных боеголовок у них есть? Какие финансовые рынки они контролируют? Кто ими командует? И, самое главное, сколько они стоят?»

Сапатистское восстание — неудобное препятствие на головокружительном пути современности, превращающем каждое правительство в управляющих этажом, каждое национальное богатство — в товар на полке валютных бирж, каждое достоинство — в скидку на несезонный товар, а каждую историю — в бесполезную брошюру для коллекции.

Необходимо создать новую политическую культуру. Эта новая политика может возникнуть из нового видения Власти. Речь идет не о захвате Власти, а о революционном изменении ее отношений с теми, кто ее осуществляет, и с теми, кто испытывает ее на себе.

Сапатизм не является ни новой политической идеологией, ни смесью из старых идеологий. Сапатизма нет, его не существует. Он только служит, как служат мосты, чтобы перебраться с одной стороны на другую. Поэтому в сапатизм вмещаются все, кто хочет попасть с одной стороны на другую. Каждый, у кого есть своя та и эта сторона. Нет универсальных рецептов, линий, стратегий, тактик, законов, регламентов и лозунгов. Есть только одно желание — построить лучший мир, иначе говоря, новый.

Резюмируя: сапатизм не принадлежит никому, и поэтому принадлежит всем.

Это — основные идеи, из которых исходит наше приглашение на Межконтинентальную встречу за человечество и против неолиберализма. Это встреча, а не конгресс. Мы встретимся и увидим, что из этой встречи выйдет. Это не встреча только сапатистов или симпатизирующих сапатизму. Это встреча между всеми теми, кто сказал «Баста!» или хочет сказать свое собственное «Баста!» своему собственному кошмару.

В общем, сложите свое «Баста!» в сумку, сообщите кому следует, что с 27 июля по 3 августа вы будете находиться в горах юго-запада Мексики, встречаясь с другими «Баста!», чтобы подумать, как вновь запустить маховик истории.

Добро.

МОДЕЛЬ Б.

Объявление-приглашение Серьезное и Формальное (для них же).

Мы говорим наше «Баста!» и хотим встретиться с вашим «Баста!». Не обращайте внимания на этих неуклюжих интеллектуалов и мрачных раскаявшихся, не принимайте всерьез их рекомендаций и издевок. Встреча — это праздник, так что вы можете сказать у себя на работе или дома, что вас пригласили на праздник и что вы не задержитесь надолго, всего на несколько дней (в те самые дни, когда июль и август сливаются в своем влажном объятии), что невозможно отказаться (ведь это так, не правда ли?), ведь как можно не побывать там, если там вы встретитесь с... с другими!

И амфитрионы говорят, что встреча эта не для того, чтобы увидеть, кто выиграет и кто проиграет, или для того, чтобы увидеть, кто сильнее и кто слабее, или кто знает больше, а кто меньше, или чтобы увидеть, кто более то или более это. Эта встреча, говорят амфитрионы, встреча для... для... ладно, амфитрионы говорят, что нужно быть на встрече, чтобы выяснить, что же мы встретим, так что надо отправиться на встречу, которая, как ясно говорит приглашение, за человечество, и оно заслуживает всего, и направлена против неолиберализма, потому что этот урод тоже заслуживает всего.

Поэтому вам остается только взять зубную щетку, расческу и тапочки. Тот кто пойдет вас провожать, спросит, зачем зубная щетка, расческа и тапочки, и вы совершенно серьезно ответите, что в приглашении было ясно сказано прибыть с зубной щеткой, расческой и тапочками, и для чего-то это так нужно, раз это написано в приглашении и, конечно, видно, что приглашение это очень серьезное, и чтобы у вас не осталось сомнений, проверьте свой багаж, чтобы убедиться, что вы взяли с собой зубную щетку, расческу и тапочки, и навеняка вы спросите себя: какого черта нужны зубная щетка, расческа и тапочки в горах юго-востока Мексики, причем будьте осторожны — не говорите этого вслух, лучше поспешите, потому что ваш корабль-самолет-автобус-велосипед-трицикл-или-что-то-другое уже отправляется, и было бы жаль упустить эту встречу, не только потому что абсурдно упускать встречу, которая для того, чтобы встретиться и не для того, чтобы потеряться, а еще и потому, что в этом случае вы никогда не узнаете, какого черта вам нужны зубная щетка, расческа и тапочки в горах юго-востока Мексики, и вы вспомните, что эти сапатисты просили взять на континентальную встречу несколько листов цветной бумаги и нитку, но поскольку уже видно, что эта встреча межконтинентальная и более серьезная, потому что сейчас они просят зубную щетку, расческу и тапочки, и все аналитические службы военной и полицейской разведки (которые обычно блещут своей полной неспособностью к анализу) уже изучают, какой тип оружия и взрывчатых веществ можно произвести из тысяч зубных щеток, расчесок и тапочек и...

— Минуточку! Вы сказали «тысячи»?

— Да, тысячи, может быть, сапатисты планируют ввести в кризис финансовые рынки зубных щеток, расчесок и тапочек, или...

— Минуточку! Вы хотите этим сказать, что сапатисты приглашают тысячи людей на межконтинентальную и так далее встречу?

— Конечно же, нет! На самом деле сапатисты приглашают миллионы, но в последнее время их популярность падает, так что ожидается низкая посещаемость.

Понятно, что читая это о «тысячах», вы начинаете испытывать легкое беспокойство, но вот вы уже в пути на своем корабле-самолете-автобусе-велосипеде-трицикле-или-чем-то-другом и небо над вами, кажется, говорит вам, да, может быть, завтра будет возможно...

Для этого вы уже убедились, что взяли с собой доклады, подготовленные вами для каждой из 5 тем, которые, как ясно написано в приглашении, будут называться...

Скромные предложения для изменения мира или как покончить с неолиберализмом раз и навсегда, за 5 межконтинентальными рабочими столами.

Тема 1. Какая политика у нас есть и какая политика нам нужна?

За этими рабочим столом могут обсуждаться такие темы, как Глобальная Власть, что она может и чего нет? Или та, что называется Широкий мир, переполненный маленькими нами. В поле обсуждения помещаются идеи, такие как, например: Политические партии, избирательная борьба, другие формы борьбы — против диктатуры? И еще: О стенах, которые подняло падение Берлинской стены, или многое, чему нам нужно научиться, или Что делать с идеологиями? Предложения для их упорядочения, сдачи в архив, сохранения и обновления. Оказывается помощь при заказе ритуальных услуг. Здесь вы можете задать себе вопрос: От сопротивления к сопротивлению, от тебя к тебе, как мы вместе будем сопротивляться неолиберализму? И поразмышлять О проблеме Власти, О мире, которым будут править, подчиняясь, что приведет к обсуждению вопроса: Самоуправляемая борьба, общество, которое организуется, и еще одна очень важная тема — Новые формы политического действия. Можно даже устроить отдельное обсуждение: Что такое настоящая демократия? Это свобода выбора? покупки? или это свобода совести? свобода мнения? Кто принимает решения?

Тема 2. Экономический вопрос: история кошмара.

Этот рабочий стол действительно кошмарный, потому что здесь мы сможем ответить на вопрос: если неолиберализм — наш общий враг, то в чем конкретно каждый из нас является его жертвой? Возможно, из этого возникнут Полезные объяснения того, что такое неолиберализм и как всем нам вместе разоблачить его обличья. «Новое платье короля или Голая власть». И поскольку этот стол — по вопросам экономики, следует рассмотреть Проблему долга. Кто кому должен? Когда крупные фирмы, банки и правительства оплатят богатства, награбленные у вечно теряющих народов планеты? Кошмаров немало. Нас ждет тема: свободная торговля? цепями? эксплуатация эксплуатации, — или вопрос Диктатуры свободного рынка — неолиберального варварства. И самый кошмарный кошмар — прогулка по миру бизнеса: военная индустрия и ее рынки. Наркобизнес — реальная власть. (законность как мираж виртуальной реальности). Законность, администрируемая преступниками. Кража природных ресурсов (нефть, уран, вода, свет, леса, пустыни, полюса, реки, озера, океаны, люди). Бизнес здравоохранения. Коррупция, как высший экономический инструмент. В экономике тоже существует виртуальная реальность; это Макроэкономические показатели как гениальные мифы технократии. Кроме того, что делать с деньгами? Например, мы можем рассмотреть вопрос устойчивого развития. Альтернативные пути производства, торговли и других видов обмена, налоговой политики и гуманизма. Крайне важно узнать, Кто ответственен за сегодняшнюю бедность в большей части мира (может быть, это финансовый капитал — царство спекуляции) и посмотреть, Как достичь того, чтобы экономическая политика учитывала человеческое достоинство. Таким образом, мы можем разработать Стратегию для окончательной битвы против налогов на мысль и покончить с алчностью — матерью всех рабств. Нужно будет задать себе вопрос: Является ли решением организация бедности, разве богатства не хватает для всех? И не забыть о попадании Восточной Европы в лапы рыночной экономики и О новых стенах, возникших между народами, а не наоборот. Может быть, справедливо утверждение, что Все малое — прекрасно: новое обращение к старым концепциям.

Тема 3 . Все культуры для всех. А средства информации? От наскальных рисунков — к кибернетическому пространству.

Но если культуры — для всех, тогда совершенно необходима Свобода слова и крика, почему бы и нет? Да здравствуют все языки мира! — что является другой формой моста между Поэзией и революцией. И, поскольку речь зашла о мостах и радуге, поговорим о цветах и посмотрим, правда ли, что Black is beautiful. Мы уже знаем, что вы подумали о джазе и блюзе, но мы хотим говорить о музыке всех. Звуки планеты. Индустрия рока и многочисленные пути к его освобождению и Построение специальной большой сцены для исполнения прекрасной музыки, той, что будет радовать наши сердца. Лотки, распродажи и прослушивания. Приглашаются все красиво звучащие естественные инструменты. Но культура — это не только музыка и слова, еще нужно включить Визуальные изображения реальности. Пластические искусства в статике и движении. Гравюры и видео, живопись и кино, скульптура и интерактивные представления — и конечно же, не забыть о Большом театре мира и маленьких театрах, которые его окружают. Нужно учесть Философию народов и, разумеется, темы, связанные с Наукой, развитием и свободой — ноу-хау мира для всех; наука — не религия; хороши все пути, ведущие к общему и личному здоровью, пусть научный прогресс будет подчинен нуждам народов. Необходимо признать существование творческих форм Сопротивления культурному подчинению. Кирпичики для забрасывания ими гегемоний (альтернативные средства информации), и нужно восстановить Право на удовольствие, на свободную работу, на лень, на благодарный и щедрый плагиат. Еще одна тема — это Интеллектуалы

во/перед/под/со/против/от/из/внутри/между/ко/до/посредством/для/за/согласно/без/ради/за Властью. Конечно же это не всё. Совершенно необходимо обратиться к теме Средств информации и коммуникации, она достаточно обширна. Вы согласитесь, что связь между средствами информации и информацией является очень важной — Если реальность рентабельна, то она существует. Правда как товар. Так что подготовьте свой карман к посещению Супермаркета коммуникации, сколько там правды и сколько лжи? Поищем нашу Технологию и власть — супертрассу информации, как путь к свободе. Машины, которые народы могут любить (знание — это власть, власть — для людей). Посмотрим, можно ли подумать о Средствах массовой информации на службе у искусств, а не наоборот. Иметь Телевидение на высоте человеческого разума, чтобы зажечь рампу, которая осветит одиночество спектакля — манипуляцию или освобождение. Мир, где все развлекаются. Конечно, это удобнее делать в Доме мужчины и женщины — темы архитектуры и урбанизма. А! Не забудьте о говорящих стенах — граффити и мурализме. Многие подумают, что все это — не более чем научная фантастика или прогнозы футурологов. Не сомневайтесь, мы проведем отдельную дискуссию на тему: Глобализация культуры — унификация или различия в гармонии? Все культуры для всех — откроем специальное окошко для получения и демонстрации языков; приглашаются все письменные и устные языки. Если говорящие на них не смогут присутствовать лично, они могут отправить письма, кассеты или наполнить нашу электронную почту. Вавилонское освобождение.

Тема 4. Какое общество не является гражданским?

Так почему бы вместо политиков и военных лучше не организовать гражданским? Для этого тема: никогда больше мир без прав человека. Общество, в котором будет гарантировано право на удовольствие и право на различие, люби как тебе нравится: в котором будет место для Всех освобождений — геи и лесбиянки, и конечно же, это право будет и у Женщин и феминизма, борьбы, которая не прекращается. Быть женщиной — это наслаждение и боль? Достойная жизнь с равенством возможностей на работе, в политике и повседневной жизни? Что объединяет всех женщин мира? Множество различных ущемлений и множество сопротивлений им. Не забыть об анахроничной связи Власти с Патриархатом. Дать свое место новому, надежде и Вопросам детства. Нам нужно поговорить о проблеме Молодых в городе и деревне и о Преклонном возрасте — правах старости, уважении к старшим. Ужас современности нас объединяет с Безземельными, бездомными. Различный опыт вторжения, экспроприации и возвращения отобранного. Как нам вернуть утраченные позиции. И вместе со всеми. Мы хотим Мира, где образованием для всех. Образование, как практика свободы. Школа на всех языках. Надо выслушать всех, Религии, фанатизм и подавление, терпимость и освобождение. Нужно говорить об Охране природы, потому что без природы нет будущего. Нужно будет затронуть болезненные темы, такие как Опыт политической и экономической ссылки. Внутренняя ссылка. И еще: Политические заключенные, тюрьмы, сумасшедшие дома и прочие виды кастрации; Женщины, мужчины и

дети на рынке сексуальных услуг, не забыть о СПИДе и других эпидемиях неолиберализма. Носители ВИЧ-инфекции — новые изгои. Таким образом, мы приходим к теме Здоровья и питания, радости и горести человеческого тела. Было бы очень интересно рассмотреть вопрос Новых форм гражданской организации. Неправительственные организации — хорошее, плохое и некрасивое. Гражданское сопротивление — кварталы, села, округа и регионы. Синдикализм — право на забастовку и остальные древности. От эксплуатации человека человеком — к собственности на труд и его продукты.

Тема 5 . В этом мире вмещаются многие миры.

Внутри границ и Вне границ блуждает ужас — Гражданская война. Как избежать ада? Как выбраться из ада? Будут необходимы Новые альянсы между организациями, народами и нациями. Или чтобы быть самим собой, не становясь ни для кого помехой и никому не мешая, надо связать Новые узлы на прародительских канатах. Может быть, это возможно: Жить в собственной стране или быть иностранцем, не сожалея об этом. Завтрашний день необходимо избавить от Геноцида, этноцида и остальных кошмаров. Создадим пространство для Восстановленных в конце века идентичностей — новый вызов для народной борьбы — и подумаем о Новых идентичностях. Возвращение в прошлое? Постепенно открывается возможность Плюралистического будущего? или Как мы должны понимать равенство в XXI веке: посмотреть во все стороны и признать Общинные традиции и быт, Их способность к новизне. Они живые существа, а не окаменелости, за которые пытается выдать их пропаганда мировой власти. Различные виды Сопротивления в мире займут Особое место для того чтобы служить всем цивилизациям и культурам, которые не собираются умирать, несмотря на то что их убивают. Другая Большая дискуссия будет посвящена борьбе против расизма, маргинализации и фобий против людей, отличных от других. Коренные жители Америки, Европы, Океании, Африки и Азии. Общества большинства, расовая смесь, миграция. Свободно представьте ваше отличие.

Не сомневайтесь, будет открыто специальное окошко для предложений и изложения местного опыта, представляющих интерес для всех: борьбы за автономию, за национальное освобождение, за возвращение территорий, за политические права, язык и так далее. И думаю, мы сможем придти к Предложениям совместных действий.

ПРИМЕЧАНИЕ : Несмотря на приятную презентацию столь невозможной тематики, вы, естественно, чувствуете себя слегка неподготовленным. Не беспокойтесь, за каждым рабочим столом будет специальный отдел, называемый «Все остальное», где наверняка будет та тема, которой, как вы видите, здесь не достаёт (так что в письме протеста, которое вы уже начали писать, нет необходимости). Кроме того, наверняка в день начала встречи наш список тем будет более серьезным.

Как вы заметили и уже прочитали в приглашении, каждый прибудет на эту встречу с тем, что у него есть: с пленкой, клипом, картиной, театром, фильмом, видео, цирком, канатом, чем угодно. Иначе говоря, вы можете выступить с документом, песней, картиной, спектаклем, чем угодно или просто представить на встече, как доклад, свое сердце. Вы знаете, что будет по столу в каждом из «Агуаскальентес», которые сапатисты построили в горах юго-востока Мексики, но не беспокойтесь о том, где же находятся эти «Агуаскальентес», потому что в приглашении сказано, что один из них — в Овентике, другой — в Ла-Гарруче, другой — в Морелии, еще один — в Роберто-Барриос и еще один — в Ла-Реалидад. В приглашении написано, что это названия пяти индейских общин в Чьяпасе, и когда вы попадете в Мексику, кто-то наверняка вам скажет, в какой из общин вас ждут, и передаст вам карту со множеством точек, линий и цветных стрелочек, которые, конечно же, годятся только для того чтобы вас запутать. И для того, чтобы исправить это положение, кто-то отправится вместе с вами и покажет дорогу. Но на самом деле больше всего вас беспокоит, что же значит это «Агуаскальентес». Но сапатисты предусмотрели все — и после приглашения следует постскрипtum, являющийся словарем терминов и в нем ясно написано, что Агуаскальентес — это смесь корабля-подводной лодки-самолета-телеги-моста, и невозможно себе представить, какую форму это может принять в горах юго-востока Мексики, но успокаивает то, что у Агуаскальентес есть определение. Есть еще и другие определения, например:

Надежда. Надежда — это как колея, по которой идет поезд. Все знают, что это находится где-то там, и направление поезда тоже известно, но все остаются на разных

станциях по пути. И только машинист следует до конца: он знает, что путь заканчивается там, где рельсы сходятся в одну точку. И до этого нет передышки.

И вы довольны, потому что прочитали в сводках новостей, что Суп послушал Хуана и Мару и пригласил на встречу святого Хуана де ла Крус, Фуко, Лихтенберга и Рабле и что, как утверждают серьезные агентства, свое присутствие на встрече подтвердили Шекспир и Сервантес. Что Сервантес надеется найти там свою руку, которую война отняла у него в Лепанто, и что Шекспир рассчитывает на возможность вырваться из пыльного шкафа, куда его заперла история мировой литературы.

Одно неизвестное агентство сообщает, что приглашения были переданы марсианам, что никто не знает, на кого похожи марсиане, но (как утверждают Мара и Хуан) скорее всего они похожи сами на себя. Хуан, Мара и Суп договорились, сами того не зная, пригласить всех, кто похож сам на себя, а не на других.

И вот вы уже в пути, и, сами того не замечая, начинаете насвистывать танго, которое называется «Баллада для безумца», и представляете, что оно может стать музыкальным гимном встречи, и вы вспоминаете, как немного встревожились вначале, поскольку в приглашении ясно написано, что во встрече могут участвовать только те, кто приглашен и кто аккредитовался до 7 июля 1996 года, и до того, как вы зададите этот вопрос, в приглашении уже говорится, что аккредитацию можно получить в...

Европе : комитеты, коллективы и платформы солидарности так же, как представители общественных, политических и неправительственных организаций и частные лица, будут аккредитованы через Национальные комиссии Межконтинентальной встречи каждой из стран. Эти Национальные комиссии сообщат в нужное время данные своих центров по аккредитации.

США : Национальная комиссия за Демократию Мексика-США; Комиссия гражданского взаимодействия в Мексике.

Канада : Национальная комиссия Межконтинентальной встречи.

Латинская Америка, Азия, Африка и Океания : Комиссия гражданского взаимодействия в Мексике.

Мексика : Комиссия гражданского взаимодействия.

И вот вы уже аккредитовались и находитесь в пути в Мексику с одной ясной целью — раскрыть тайну, скрытую в тысячах зубных щеток, расчесок и тапочек приглашенных на встречу в горах юго-востока Мексики, и, поверьте мне, нет ничего более успокаивающего, чем иметь в путешествии ясную цель.

Значит, мы ждем вас?

МОДЕЛЬ В

Объявление-приглашение Расплывчатое (чтобы обмануть врага).

Значит... то есть... иными словами... не знаю... а что если?.. может быть, в... возможно в день...

МОДЕЛЬ Г

Объявление-приглашение Сокращенное (для тех, кто спешит).

Межгалактическая встреча. Стоп. Вы приглашены. 27 июля по 3 августа. Стоп. Год 1996. Стоп. Горы юго-востока Мексики. Не опаздывайте. Конец и стоп.

МОДЕЛЬ Д.

Объявление-приглашение Исключающее (для агентов, полицейских, стукачей и халевщиков).

Вы не приглашены. Не приезжайте. Не вздумайте.

Надеемся, что любая ситуация, не предусмотренная в этом объявлении-приглашении будет каким-то образом разрешена.

Это все. Ждем вашего участия в Межконтинентальной встрече за человечество и против неолиберализма.

Добро. Привет и поспешите: история торопится (говорят).

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос.

Мексика, май 1996 г.

P.S., который постарается сгладить недостаток серьезности всего предыдущего.

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ УЧАСТИЯ В МЕЖГАЛАКТИЧЕСКОЙ ВСТРЕЧЕ

I. Межконтинентальная встреча за человечество и против неолиберализма состоится с 27 июля по 3 августа в сапатистских Агуаскальентес, расположенных в Ла-Реалидад, Морелии, Ла-Гарруче, Овентике и Роберто-Барриос, в Чьяпасе, в Мексике.

II. Право на аккредитацию может быть получено на основе приглашения САНУ. Каждой стране, включая страну-амфитрион, будет передано ограниченное число приглашений. Центры аккредитации следующие:

Европа : комитеты, коллективы и платформы солидарности так же, как представители общественных, политических и неправительственных организаций и частные лица, будут аккредитованы через Национальные комиссии Межконтинентальной встречи каждой из стран. Эти Национальные комиссии сообщат в нужное время данные своих центров по аккредитации.

США : Национальная комиссия за Демократию Мексика-США; Комиссия гражданского взаимодействия в Мексике.

Канада : Национальная комиссия Межконтинентальной встречи.

Латинская Америка, Азия, Африка и Океания : Комиссия гражданского взаимодействия в Мексике.

Мексика : Комиссия гражданского взаимодействия.

ОСОБЫЕ ПРИГЛАШЕННЫЕ БУДУТ АККРЕДИТОВАНЫ ЧЕРЕЗ КОМИССИЮ ГРАЖДАНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. Информация у Паулины Фернандес С.

III. Крайний срок регистрации и аккредитации для всего мира — 7 июля 1996 г. Подтверждение участия всех аккредитированных приглашенных состоится в Мексике с 20 по 26 июля.

IV. В момент аккредитации каждый участник, согласно своим интересам и выбору, должен записаться в список одного из пяти рабочих столов. В каждом из Агуаскальентес будет по одному рабочему столу.

V. Предлагается, чтобы в рамках Межконтинентальной встречи в каждой из стран-участниц, включая страну-амфитрион, были проведены различные политические и культурные акции, такие как концерты, форумы, просмотр кинофильмов, театральные представления, видео, выставки фотографии и живописи. Каждый из комитетов солидарности за границей организует в своей стране, по мере своих возможностей, упомянутые акции до, после и во время основной встречи. В Мексике специальная комиссия возьмет на себя организацию параллельных акций в различных городах страны.

Из гор юго-востока Мексики

От имени Организационного комитета Межконтинентальной встречи за человечество и против неолиберализма в Мексике .

Субкоманданте Маркос.

Мексика, май 1996 г.

Доклад дона Дурито Лакандонского для комиссии: «Культура и средства информации при переходе к демократии»

Июль собирает влажное наследие ночного июня и, тем не менее, позволяет солнечному свету немного просочиться в эти серые дни. Луна предлагает, как утешение за собственное отсутствие, ностальгию сейб и луж. Спутник провалившейся военной разведки начинает скупать и откровенно зевает.

Внизу под ним, едва различимые в утренней мгле, мужчины и женщины слушают и говорят, ходят, спотыкаются и вновь ходят, они ищут. Они хотят найти многое, например, хотят найти то, чего ищут.

Кажется, они счастливы в этом поиске. В них не видно ничего особенного, они похожи на обыкновенных мужчин и женщин. Хотя, кажется, один из них выделяется своим большим

носом. Но, кроме этих деталей, все остальное выглядит вполне нормальным. Да, можно сказать, что Власть может быть спокойна. Не обнаружено никакой серьезной угрозы, нет оружия и ничего на него похожего, только слова. Наверное, сегодня нас ждет обычный день, день и ночь разговоров мужчин и женщин.

Минуточку! Что это такое, стремящееся пролезть в щель двери того, кого называют здесь Супом? Таракан? Нет. Мощная электронная аппаратура спутника начинает отслеживать все параметры: размер, вес, текстуру, форму, скорость, мощность и прочее, что включают в себя функции этой сложной компьютерной программы, чтобы оправдать ее высокую цену. За считанные секунды космический компьютер заканчивает сбор информации и начинает сверять ее с гигантским архивом, содержащим все данные всех доказанных возможных врагов Власти и ее высокоморальных устоев. И немедленно начинают звучать сирены и зажигаются прожектора всех цветов. Можно было бы подумать, что речь идет о колоссальной рождественской елке, если бы на мониторе не было ясно написано: «Максимальная угроза!». Кажется, и сам компьютер приходит в кибернетический ужас. Из мировых столиц высокомерие приводит в действие его планы по суперзащите. Финансовые центры отмечают величайшую в своей истории катастрофу. Вооруженные до зубов военные группировки нервно занимают позиции на всех границах. Что случилось? На всех мониторах появляется ответ:

«Максимальная угроза! Дурито. Максимальная угроза! Дурито.»

— Спутник — дурак, — говорит мне Дурито, снимая с себя плащ и оставляя маленькую лужицу на полу. Ты только подумай, перепутать меня с тараканом...

— Что ты читаешь? — спрашивает Дурито, уже сидя у меня на плече и зажигая свою трубочку. Я не отвечаю и показываю ему обложку книги, где написано: «Бертольт Брехт. Истории Альманаха 19/5. 19. Среда».

— А, мой коллега Бертольдик... — вздыхает Дурито, роясь в моем рюкзаке.

— Могу я знать, что ты ищешь? Спрашиваю я, закрывая книгу.

— Табак. Лаконично отвечает Дурито.

— У меня нет, — вру я, но уже поздно. Дурито нашел мешок с черным табаком и начинает набивать себе карманы.

— Могу я знать, как ты попал сюда? — Дурито в процессе грабежа начинает преобразаться: — Я великий дон Дурито Лакандонский. Живое воплощение Сиды, меч которого вовеки прославлен. Я хозяин и повелитель тайных и страстных мечтаний дам всех возрастов. Я тот, перед чьими шагами все лица мужского пола склоняют головы и признают свое несовершенство. Я — герой, сокращающий любую неолиберальную поверхность в детском воображении. Я счастливый посланец, тот, слава меча которого затмит величайшие из подвигов дона Родриго Диаса Виварского, Минойского, Мартина Антолинеса, Педро Бермудеса и Муньо Густока. Я тот, кого страшится злоумышленник в Ирландии, я кошмар вора, скрывающегося в Манхеттене. Я в добрый час рожденный на благо всех страждущих. Я первая и последняя надежда всех несчастных и носатых оруженосцев, которые скитаются без смысла и цели. Я...

— Жук, которого легко перепутать с тараканом, — говорю я с обидой. Дурито прерывает свою речь и с удивлением поворачивается ко мне.

— Что с тобой? — спрашивает он, восстановив дыхание. Мне становится стыдно, и я отвечаю:

— Видишь ли, мне нужно подготовить доклад для комиссии «Культура и средства информации при переходе к демократии» и у меня ничего не готово.

— А! Так я и знал! Как обычно, вы в безвыходном положении. И ваше привычное высокомерие не позволяет вам обратиться к лучшему и высшему из искусств странствующего рыцарства. Скажите мне, мой неуклюжий оруженосец, почему вы позволяете печали проникнуть в вашу немощную грудь? Неужели вам не известно, что именно для спасения несчастных мудрое провидение избрало нас, тех, в ком объединились мудрость, мужество, изящная внешность, сердечная доброта, ум, хитрость и ...

— Твердый панцирь, — перебиваю я, потому что знаю, что Дурито может часами говорить о достоинствах требующихся для странствующего рыцарства, а всем нам известно, что время выступлений на комиссиях ограничено всего несколькими минутами. Дурито останавливается и попадает в мою ловушку.

— Конечно, сияющие и твердые доспехи необходимы для любого из странствующих рыцарей. Это всем известно. И я не понимаю, почему мудрая природа не учла этого. Но на чем я остановился?

— На том, что поможешь мне с докладом для комиссии «Культура и средства информации», — тороплю я его.

— Да? Дурито колеблется. Хорошо. Пусть будет так. Не думаю, что невежественный оруженосец отважится обманывать своего повелителя.

— Никогда, мой повелитель, — смиренно говорю я, и отвечаю глубокий поклон.

— Хорошо, позвольте мне посмотреть, что можно найти для столь несурзной темы. Дурито спускается с моего плеча и поднимается на стол. Из своих «доспехов» Дурито достает минимикрокомпьютер. Я не в силах сдержать удивление и спрашиваю:

— У тебя даже есть компьютер?

— Разумеется, несчастный! Мы, странствующие рыцари, должны идти в ногу с современностью, чтобы лучше выполнять нашу работу... Но не перебивай меня... Дурито садится за клавиатуру и начинает что-то долго писать, а я пытаюсь немного вздремнуть. Просыпаюсь от приснившегося мне кошмара — Седильо переизбран в 2000 году подавляющим большинством голосов после блестящей избирательной компании, главными стержнями которой были семейное благосостояние, социальное примирение и борьба с коррупцией. Вскочив от ужаса, я смотрю по сторонам. За столиком Дурито продолжает стучать по клавиатуре. Зевая, я спрашиваю его:

— Ты уже нашел что-то полезное для доклада?

— Доклада? Какого доклада?.. — отвечает Дурито, не отрывая глаз от монитора своего минимикрокомпьютера. В отчаянии я говорю ему:

— Как это, какого доклада? Доклада о культуре и средствах информации. Ты разве не искал этого в компьютере?

— Искал в компьютере? — бормочет Дурито и, не поворачиваясь ко мне, говорит, — Конечно, нет! То, чем я занят сейчас на компьютере — это игра. Мне только что подарили программу, в которой жуки побеждают в войне с сапогами...

Я начинаю ныть:

— Но, Дурито, если я не подготовлю доклада для этой комиссии, на собрании координаторов меня просто убьют. И без этого у них на меня давно зуб... Хны... хны... хны...

— Ладно, успокойтесь, — утешает меня Дурито, похлопывая по плечу, — не переживайте. Я смогу спасти вас от столь тяжелой участи....

— Ты сделаешь мне письменный доклад? — спрашиваю я с надеждой.

— Еще чего, нет, конечно! Я передам с вами записку координаторам, чтобы они не били вас очень сильно. Тем более сейчас, когда все мы заняты поиском мирных путей... Я смиренно вздыхаю. Дурито смотрит на меня несколько секунд, а потом говорит:

— Ладно, успокойся. Вот твой доклад. Дурито достает несколько машинописных листов и показывает их мне.

С плохо скрываемым нетерпением, я беру их и заплетаясь языком пытаюсь выразить ему мою благодарность:

— Спасибо, Дурито! Ты просто не знаешь как...! Постой, постой-ка! Почему это доклад подписан доном Дурито Лакандонским и Бертольтом Брехтом?

— Что же в этом странного? — спрашивает Дурито, вновь разжигая свою трубку, — разве ты никогда не слышал о совместных докладах? Это один из них.

— Но, Дурито, Бертольт Брехт умер много лет назад, — укоряю я его.

— Сорок, если быть точными. Я знаю, работу над этим докладом мы начали вскоре после окончания Второй мировой войны и не успели его закончить, но я должен тебе признаться, что Бертольт лишь записывал то, что я ему диктовал. Очень похоже на то, что сейчас делаешь ты. Но об этих нюансах ты лучше никому не рассказывай. Будет нехорошо, если накануне 98 годовщины его рождения станет известно, что некоторые тексты Бертольта являются на самом деле моими.

— Дурито... говорю ему с осуждением и недоверием. Но он не обращает на это ни малейшего внимания:

— Не страшно, не вздумай настаивать на том, чтобы сделать этот долг мировой культуры по отношению ко мне достоянием гласности. Мы, странствующие рыцари, должны

быть скромными. Поэтому не пиши, что доклад этот только мой. Напиши, что мы сделали его вдвоем. Кроме того, чтобы придать коллективному труду достоверности, я отделию текст опубликованный в 1949 году от всего того, что было написано мной в последние часы. А сейчас, извини, но мне необходимо удалиться, потому что в эти холодные и бессонные ночи мне необходимо проверить нуждается ли какая-нибудь принцесса в моей надежной и бескорыстной помощи.

Дурито не оставляет мне времени для возражений. Проскользнув под дверь, он вновь заставляет дрожать всю мировую Власть. Я проверяю с беспокойством доклад. Его название выглядит солидно: «Совместный доклад Бертольта и Дурито, в котором объясняется, почему мудрость заключается не в познании мира, а в предчувствии путей, которые необходимо будет пройти, чтобы стать лучше»

Посвящается девочкам Далии и Мартине из Тлакскалы и пресловутым заключенным сапатистам.

Часть I. В которой Бертольт отвечает, что было бы если бы акулы были людьми.

— Если бы акулы стали людьми, они были бы добрее к маленьким рыбкам? — спросила господина К. маленькая дочка его хозяйки.

— Конечно, — ответил он, — если акулы станут людьми, они построят в море для маленьких рыбок огромные садки, где будет вдоволь корма — и растительного, и животного. Они позаботятся, чтобы в садках была свежая вода, и вообще будут проводить все необходимые санитарные мероприятия. Если, к примеру, какая-нибудь рыбка повредит себе плавник, ей немедленно сделают перевязку, а то она, чего доброго, умрет раньше времени и ускользнет от акул. А чтобы рыбки не предавались мрачным размышлениям, время от времени будут устраиваться грандиозные водные праздники: ибо жизнерадостные рыбки лучше на вкус, чем меланхолические.

В больших садках устроят, конечно, и школы. В этих школах акулы будут учить маленьких рыбок, как правильно вплыть в акулюю пасть. География, например, понадобится для того, чтобы найти те места, где лениво нежатся большие акулы. Но главным, разумеется, будет моральное воспитание рыбок. Их научат, что для маленькой рыбки нет ничего величественнее и прекраснее, чем радостно принести себя в жертву, что маленькой рыбе нужно верить акулам, особенно когда те говорят, что заботятся о прекрасном будущем. Маленьким рыбкам внушат, что это будущее будет им обеспечено, только если они научатся послушанию. Особенно должны остерегаться маленькие рыбки всяческих низменных, материалистических, эгоистических и марксистских влияний. Если одна из них проявит подобное вольномыслие, другие должны немедленно донести об этом акулам.

Если акулы станут людьми, они, разумеется, начнут воевать друг с другом, чтобы захватить чужие рыбки садки и чужих рыбок. Сражаться они заставят своих собственных рыбок. Они внушат своим рыбкам, что между ними и рыбками других акул огромная разница. Они провозгласят, что хотя, как известно, все рыбки немые, но молчат они на разных языках и потому не могут понять друг друга.

Каждой рыбке, которая убьет во время войны несколько вражеских рыбок, молчащих на другом языке, пришьют орден из морской травы и присвоят звание героя.

Если акулы станут людьми, у них, конечно, появится искусство. Появятся картины, на которых зубы акул будут написаны великолепными красками, а пасти ни дать ни взять — увеселительные сады, где можно отменно порезвиться. Театры на морском дне покажут, как героические рыбки с энтузиазмом плывут в акулюю пасть; музыка играет так красиво, и под ее звуки рыбки, предшествуемые оркестром, убаюканные самыми приятными мыслями, мечтательно устремляются в пасть акул.

Конечно, возникнет и религия, если акулы станут людьми. Она будет учить, что подлинная жизнь для рыбок начинается в животе акулы. Ну а то равенство, которое сейчас существует между рыбками, исчезнет, если акулы станут людьми. Некоторые из них получат чины и возвысятся над остальными. И те, кто немного покрупнее, получат даже право поедать мелкоту. Акулам это будет только приятно, потому что тогда им самим будут чаще доставаться куски побольше. Крупные, чиновные рыбки позаботятся о порядке среди остальных. Они будут учителями, офицерами, инженерами по строительству садков и так

далее. Короче говоря, только тогда и появится истинная культура в море, когда акулы станут людьми.

Здесь заканчивается текст, опубликованный в 1949 году, который, согласно истории литературы, принадлежит Бертольту Брехту. Дурито добавил к нему в 1996 г следующее:

Часть II. В которой Дурито пытается показать зачем нужны знамена, укрытия и новый мир бурому коню, а также другие чудеса, которые поймет пшеничное поле.

Но найдутся, наверняка, среди всех рыбок те, которые избавятся от рахитического слова «я», которому научили их акулы и поднимут очень высоко знамя слова «мы», которое пришло к ним вместе со стремлением к свободе и желанием стать лучше. И уже сам факт поднятия этого знамени в столь жидкой среде станет тем, что сделает их лучше. И как велика будет радость узнавания друг друга, и от этого они станут еще лучше, и начнут учиться говорить, и «свобода» будет первым словом, которое они произнесут.

И знамя это послужит не для того, чтобы возглавить восстание, которое свергнет акул и заменит их власть властью рыбок. Древко этого знамени пригодится как рычаг и им будут сломаны все морские садки и больше не будет ни акул, ни рыбок, а будут крабы, морские родственники жуков, знатоки того, что лучшая форма двигаться вперед — это пятясь назад. Одним слово, появится, наконец, в море борьба за новую культуру, за культуру, в которой не нужны будут ни акулы, ни рыбки, которая воссоздаст все заново, без садков и без аквариумов. Культура, которая не будет придумывать для людей никаких других условий кроме человеческих, чтобы считать, что люди всегда могут быть хорошими и всегда могут быть еще лучше. Культура, в которой найдется место для потерянного бурого коня, который до сих пор где-то скачет в поисках сказки, в которой он сможет остаться и конем, и бурым, где никто от него не потребует, чтобы он перестал быть тем, кто он есть или поменял свой цвет.

Конец совместного доклада, который Бертольт Брехт и дон Дурито Лакандонский сделали для комиссии по культуре и средствам информации при переходе к демократии. Берлин — Сан-Кристобаль, 1949–1996 гг.

Я начинаю нервничать. Не знаю, что хуже — не представлять никакого доклада или представить доклад дуэта Бертольт-Дурито. Тогда я решаю разрешить дилемму при помощи научного метода, которому в детстве меня научил брат. Я достаю из кармана монету и подбрасываю ее вверх. Какой стороной она упала? Мне это неизвестно. Когда я предстал перед этой комиссией, монета все еще находилась в воздухе.

С другой стороны, я думаю, что присутствие Дурито на этом форуме вызовет самые неожиданные последствия. Завтра газеты сообщат о глубоком финансовом кризисе и нервозности во всех армиях мира. Никто из них так и не узнает, что причиной этого был жук, курильщик, говорун, странствующий рыцарь и непримиримый критик неолиберализма, который облегчая страдания страждущим, спасая беззащитных принцесс и влюбляя в себя луны бродит по горам юго-востока Мексики, веря до сих пор, что нет занятия более достойного, чем борьба с несправедливостью и что нет лучшей награды, чем женская улыбка, к которой протянут мост этих строк.

Все. Привет. И пусть море, которое полнится в горах, обретет свою луну и плоть.

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

Мексика, июль 1996 г.

Слова Генерального Командования САНО на церемонии открытия Первой межконтинентальной встречи за человечество и против неолиберализма

27 июля 1996 г.

«Агуаскальентес II»,

Овентик, Сан-Андрес-Сакамчен-де-лос-Побрес,

Чьяпас, Мексика.

Братья и сестры из Азии, Африки, Океании, Европы и Америки!

Добро пожаловать в горы юго-востока Мексики.

Мы хотим представиться.

Мы — **Сапатистская Армия Национального Освобождения**.

Десять лет мы жили в этих горах, готовясь к нашей войне.

В этих горах мы создали армию.

Внизу, в городах и асьендах нас не существовало.

Наши жизни стоили меньше, чем машины и животные.

Мы были как камни, как растения на дорогах.

У нас не было слова.

У нас не было лица.

У нас не было имени.

У нас не было завтра.

Нас не существовало.

Власть, та, что стоит сегодня во всем мире за словом «неолиберализм», нас не учитывала, мы не производили, не покупали, не продавали.

Мы были бесполезным номером для счетов крупного капитала.

Тогда мы ушли в горы, чтобы отыскать себя и попробовать найти утешение нашей боли забытых камней и растений.

Здесь, в горах юго-востока Мексики живут наши мертвые. Много известно нашим мертвым, живущим в этих горах.

С нами говорила их смерть и мы слушали.

Говорящие шкатулки рассказали нам другую историю, ту, которая возникает из вчера и стремится в завтра.

Горы обратились к нам, **масеуалоб**, людям простым и обычным.

Мы простые люди, как говорят о нас власть имущие.

Дни и тянущиеся за ними ночи, хочет власть имущий станцевать нам **х-толь** и продолжать свое беспощадное шествие.

Кас-дсуль, ложный человек, правит нашими землями и владеет машинами войны, которые как **бооб**, что наполовину пума и наполовину конь, распределяют между нами боль и смерть.

Нами правит негодное правительство, **алуксоб**, лжецы, которые обманывают и дарят забвение нашим людям.

Поэтому мы стали солдатами.

Поэтому мы остаемся солдатами.

Потому что не хотим больше для наших близких смерти и обмана, потому что не хотим забвения.

Горы сказали нам взять оружие, чтобы так обрести голос.

Горы сказали нам укрыться маской, чтобы так обрести лицо.

Горы сказали нам забыть наше имя, чтобы так быть названными.

Горы сказали нам упрятать наше прошлое, чтобы так обрести завтра.

В горах живут мертвые, наши мертвые.

С ними живут **Вотан** и **Ик'аль**, свет и мрак, влага и сушь, земля и ветер, дождь и огонь.

Горы — это дом **Алач уиник**, настоящего человека, высокого вождя.

Здесь мы научились помнить о том, что мы есть те, кто мы есть, настоящие мужчины и женщины.

И теперь с голосом, вооружившим наши руки, со вновь рожденным лицом, и назвав нас заново, наше вчера вошло в центр четырех точек **Чан Санта Крус** в **Балам на** и родилась звезда, которая определяет человека и напоминает, что пять частей создают мир.

Во времена, когда проскакали на своих конях **чаакоб**, несущие дождь, мы вновь спустились, чтобы поговорить с близкими и подготовить грозу, которая укажет время посева.

Мы родились в войне с белым годом и начали этот путь, приведший нас к вашему сердцу и сегодня он привел вас к сердцу нашему.

Мы — это

Сапатистской Армией Национального Освобождения.

Голос, который вооружился, чтобы быть услышанным.

Лицо, которое скрылось, чтобы быть увиденным.

Имя, которое умолкло, чтобы быть названным.

Красная звезда, призывающая человека и мир слушать, видеть, называть.

Завтрашний день, который пожинается во вчерашнем.

За нашим черным лицом.

За нашим вооруженным голосом.

За нашим неназываемым именем.

За нами, которых вы видите.

Находимся вы .

Те же обыкновенные простые мужчины и женщины, которые повторяются во всех расах, отражают все цвета, говорят на всех языках и живут повсюду.

Те же забытые мужчины и женщины.

Те же отверженные.

Те же парии.

Те же преследуемые.

Мы — это те же вы.

За нами *находимся вы*.

За нашими масками — лица всех отвергнутых женщин.

Всех забытых коренных народов.

Всех преследуемых гомосексуалистов.

Всех презираемых молодых.

Всех избиваемых мигрантов.

Всех заключенных за свои слова и мысли.

Всех униженных трудящихся.

Всех мертвых от забвения.

Всех простых обычных мужчин и женщин, которые не учтены, не видимы, не названы, которые лишены завтрашнего дня.

Братья и сестры!

Мы пригласили вас на эту встречу, чтобы искать встречи и встретиться с собой и с другими.

Все вы пришли к нашему сердцу и должны увидеть, что в нас нет ничего особенного.

Вы должны увидеть, что мы — простые обычные мужчины и женщины.

Вы должны увидеть, что мы — восставшее зеркало, которое хочет стать стеклом и разбиться.

Вы должны увидеть, что мы — те, кто мы есть, чтобы перестать быть теми, кто мы есть и чтобы стать теми, кем *являемся вы* .

Мы — сапатисты.

Мы приглашаем вас вместе слушать и вместе говорить.

Чтобы увидеть нас всех такими, какие мы есть.

Братья и сестры!

Говорящие шкатулки рассказали нам в горах старые истории, которые помнят всю нашу боль и все наши восстания.

Сны, в которых мы живем, не закончатся.

Наше знамя не сдастся.

Наша смерть будет жить всегда.

Так сказали горы, говорящие с нами.

Так говорит звезда, которая сияет в **Чан Санта Крус** .

Так, она говорит нам, что восставшие — **крусоб** — не будут побеждены и продолжат свой путь вместе со всеми, кто является этой звездой людей.

Так, она говорит нам, что вновь и вновь придут красные люди — **чачак-мак** — красная звезда, которая поможет миру стать свободным.

Так нам говорит звезда, которая есть горы.

Народ — это пять народов.

Народ — это звезда всех народов.

Народ — это человек и все народы мира.

Он придет на помощь в борьбе мирам, становящимся людьми.

Для того, чтобы настоящие мужчины и женщины жили без боли и чтобы камни стали мягче.

Все вы — **чачак-мак** , вы — народ, идущий на помощь человеку, который во всем мире, во всех народах, во всех людях — из пяти частей.

Все вы — красная звезда, и мы — ее зеркало.

Мы сможем продолжить наш верный путь, если вы, те, что мы *пойдем вместе* .

Братья и сестры!

Самые древние мудрецы наших народов отметили крест, ставший звездой, из которой рождается и дает жизнь вода.

Этой звездой, отмечается в горах начало жизни.

Так рождаются ручьи, которые спускаются с гор и несут в себе голос говорящей звезды, нашей **Чан Санта Крус** .

Уже сказал свое слово голос гор, сказал он, что будут жить свободными настоящие мужчины и женщины, когда все станут тем, что обещает пятиконечная звезда.

Когда пять народов станут в звезде одним.

Когда пять частей человека, того, что мир, встретятся между собой и встретят другого.

Когда все, кого пятеро, найдут свое место и место другого.

Сегодня тысячи разных дорог, ведущих с пяти континентов, встречаются здесь, в горах юго-востока Мексики, чтобы объединить свои шаги.

Сегодня тысячи слов пяти континентов замолкают здесь, в горах юго-востока Мексики, чтобы слушать друг друга и слышать себя.

Сегодня тысячи разных историй борьбы пяти континентов борются здесь, в горах юго-востока Мексики, за жизнь и против смерти.

Сегодня тысячи цветов пяти континентов отражаются здесь, в горах юго-востока Мексики, чтобы провозгласить завтрашний день без отчуждения и нетерпимости.

Сегодня тысячи сердец пяти континентов бьются здесь, в горах юго-востока Мексики, за человечество и против неолиберализма.

Сегодня тысячи людей с пяти континентов говорят свое «Баста!» здесь, в горах юго-востока Мексики. Говорят «Баста!» конформизму, бездействию, цинизму, эгоизму, ставшему богами сегодняшнего дня.

Сегодня тысячи маленьких миров пяти континентов репетируют здесь, в горах юго-востока Мексики, начало строительства мира нового и хорошего, иными словами, мира, который вместит все миры.

Сегодня тысячи мужчин и женщин с пяти континентов начинают здесь, в горах юго-востока Мексики, Первую межконтинентальную встречу за человечество и против неолиберализма.

Братья и сестры со всего мира!

Добро пожаловать в горы юго-востока Мексики.

Добро пожаловать в этот уголок мира, где все мы равны, потому что все мы разные.

Добро пожаловать в поиски жизни и в борьбу против смерти.

Добро пожаловать на Первую межконтинентальную встречу за человечество и против неолиберализма.

Демократии!

Свободы!

Справедливости!

Из гор юго-востока Мексики.

Подпольный Индейский Революционный Комитет —

Генеральное Командование Сапатистской Армии Национального Освобождения.

Планета Земля, июль 1996 г.

Вторая декларация Ла-Реалидад

Слова Сапатистской Армии Национального Освобождения на акте закрытия Первой Межконтинентальной Встречи ради Человечества и против Неолиберализма

Ла-Реалидад, планета Земля. 3 августа 1996 г.

Моим голосом говорит голос Сапатистской Армии Национального Освобождения.

Братья и сестры со всего мира:

Братья и сестры из Африки, Америки, Азии, Европы и Океании:

Братья и сестры участники Первой Межконтинентальной Встречи ради Человечества и против Неолиберализма:

Добро пожаловать в сапатистскую Ла-Реалидад,

Добро пожаловать на эту территорию борьбы ради человечества.

Добро пожаловать на эту территорию восстания против неолиберализма.

Сапатисты приветствуют участников этой встречи. Здесь, в горах юго-востока Мексики, когда мы приветствуем приходящего к нам с добрым словом, мы ему аплодируем. Мы просим всех поприветствовать сейчас друг друга и все вместе — братьев и сестер из делегаций Италии, Бразилии, Великобритании, Парагвая, Чили, Филиппин, Германии, Перу, Аргентины, Австрии, Уругвая, Гватемалы, Бельгии, Венесуэлы, Ирана, Дании, Никарагуа, Заира, Франции, Гаити, Эквадора, Греции, Японии, Курдистана, Ирландии, Коста-Рики, Кубы, Швеции, Голландии, Южной Африки, Швейцарии, Испании, Португалии, Соединенных Штатов, Страны Басков, Турции, Канады, Пуэрто-Рико, Боливии, Австралии, Мавритании, Мексики.

Добро пожаловать всем мужчинам, женщинам, детям и старикам пяти континентов, отозвавшимся на предложение индейцев сапатистов искать надежду ради человечества и против неолиберализма.

Братья и сестры:

Когда эта мечта, просыпающаяся сегодня в Ла-Реалидад, нам еще только начинала мечтаться, мы думали, что это может закончиться неудачей. Мы думали, что может быть, мы сможем собрать здесь несколько десятков человек из нескольких стран. Мы ошиблись. Как всегда, мы ошиблись. Вышло так, что сюда прибыли не десятки, а тысячи людей, чтобы встретиться в реальности конца XX века.

Слово, родившееся в этих горах, сапатистских горах, нашло слух его приютивший, защитивший и вновь отправивший его в путь, на этот раз вокруг света. Безумное безумие призвать пять континентов к критическому размышлению по поводу нашего прошлого, нашего настоящего и нашего будущего, увидело, что оно не одиноко в своем бреде и вот уже безумия всей планеты начали работу по доставке мечты в Ла-Реалидад, начали отмывать ее от грязи, растить ее под дождем, поливать ее под солнцем, делиться ею с другими, рисовать ее вместе, придавать ей форму и тело.

Позднее о произошедшем в эти дни будет много написано. Но уже сегодня мы можем сказать, что по крайней мере одно нам стало ясно. Мечта, которая мечталась на пяти континентах, реально может стать реальной. Кто теперь сможет сказать нам, что мечтать прекрасно, но бесполезно? Кто теперь сможет уверять нас, что мечты, сколько бы ни было мечтателей, никогда не воплотятся в реальность?

Какие мечты снятся сегодня Африке? Которое из чудес скрывается в мечте Европы?

Какое утро нарисовано в мечте Азии? Под какую музыку танцуют в мечте американской? Как говорит сердце, мечтающее в Океании?

Но кому это важно знать, как и о чем мечтается здесь или в любом другом уголке мира?

Кто они такие, те кто решил создать своей мечтой все остальные?

Что такое происходит в горах юго-востока Мексики, если это находит отражение и эхо на улицах Европы, в пригородах Азии, на площадях Америки, в селениях Африки и в домах Океании? Что случилось со всеми этими людьми с пяти континентов, если нам всегда говорили, что все человеческие встречи бывают лишь для того чтобы воевать или конкурировать друг с другом? Разве конец этого века не был синонимом отчаяния, горечи и цинизма? Как и откуда попали все эти мечты сюда, в Ла-Реалидад?

Пусть говорит Европа и пусть расскажет нам долгий мост своего взгляда, пересекший Атлантику и историю, открывшуюся заново в Ла-Реалидад.

Пусть говорит Азия и пусть объяснит нам гигантский прыжок своего сердца, которое забилося здесь, в Ла-Реалидад.

Пусть говорит Африка и пусть опишет нам длинное плавание своего беспокойного духа, который нашел свое отражение в Ла-Реалидад.

Пусть говорит Океания и пусть поможет нам понять этот множественный полет своих мыслей, спустившихся к нам в Ла-Реалидад.

Пусть говорит Америка и пусть вспомнит, как вместе с памятью растет чувство надежды, обновленное в Ла-Реалидад.

Пусть говорят пять континентов и пусть все слушают. Пусть человечество прервет на момент свое молчание стыда и горечи. Пусть говорит человечество. Пусть человечество услышит, что...

В мире тех, кто живет во Власти и кто ради Власти убивает, нет места для человека, нет места для надежды, нет места для завтра. Рабство или смерть — вот альтернатива мира, предлагаемая ими всем мирам. Их мир, мир денег, управляется с бирж. Спекуляция сегодня — главный источник обогащения, и в то же время, лучший показатель атрофирующейся потребности в человеческом труде. Для создания богатства уже нет необходимости работать, для этого куда эффективнее спекуляция.

Преступления и войны осуществляются лишь для того, чтобы мировые биржи грабились то одними, то другими.

Тем временем, миллионы женщин, миллионы молодых людей, миллионы индейцев, миллионы гомосексуалистов, миллионы людей всех национальностей и всех цветов участвуют в финансовых рынках в качестве постоянно обесценивающейся валюты, валюты их крови, приносящей прибыль.

Глобализация рынков влечет за собой стирание границ лишь для спекуляции и преступности, для людей границы только умножаются. Страны вынуждены стирать свои внешние границы для циркуляции денег, но при этом они умножают границы внутренние.

Неолиберализм не превращает все страны в одну, он делит каждую из них на части.

Ложь однополярности и интернационализации приводит к кошмару войны, войны вновь и вновь дробящейся на части, так же как и страны превращающиеся в руины. В этом мире, глобализуемом Властью чтобы избавиться от препятствий в своих захватнических устремлениях, национальные правительства становятся младшим офицерским составом этой новой мировой войны против человечества.

От безумной гонки ядерных вооружений, грозившей когда-то одним нажатием кнопки покончить со всем человечеством, мир перешел к абсурдной милитаризации всех сторон жизни национальных сообществ, и милитаризация эта направлена на уничтожение человечества постепенно, в разных местах и разных формах. То, что раньше называлось «национальными армиями» сегодня превратилось в обыкновенные местные подразделения другого, гораздо более мощного войска, того, которое неолиберализм вооружает и направляет против человечества. Окончание так называемой «холодной войны» не прекратило мировой гонки вооружений, оно лишь изменило схему торговли смертоносным товаром — в продаже сегодня оружие всех видов и на все преступные вкусы. Постоянно перевооружаются не только войска именуемые «институционными», то же самое делают и армии, созданные наркобизнесом для охраны его империи. Происходит более или менее быстрая милитаризация национальных обществ, и армии, созданные якобы для того, чтобы защищать границы от внешнего противника, все чаще разворачивают дула своего оружия вовнутрь.

Неолиберализм не мог бы становиться в мире реальностью, без смерти, как аргумента, предлагаемого институционными и частными армиями, без кляпа, предлагаемого тюрьмами и без избиений и убийств, предлагаемых военными и полицией. Внутренние репрессии — одно из необходимых условий для глобализации, навязываемой неолиберализмом.

Чем больше утверждается неолиберализм, как мировая система, тем больше становится вооружений и число личного состава у национальных армий и полиций. Вместе с этим в разных странах растет и число заключенных, пропавших без вести и убитых.

Мировая война, самая жестокая, самая полная, самая всеобъемлющая, самая эффективная.

Каждая страна, каждый город, каждая деревня, каждый дом, каждый человек, все в ней становится полем боя. С одной стороны в этой войне находится неолиберализм со всей своей репрессивной мощью и машиной смерти и с другой — человек.

Есть те, кого устраивает быть еще одной цифрой на гигантской бирже Власти. Есть те, кого устраивает быть рабом. На цепь похожа горизонтальная лестница карьеры, в которой рабы одних рабов являются хозяевами для других. В обмен на жизнь и крохи с хозяйского стола, есть те, кто продается, кто довольствуется, кто сдается. Во всех частях мира есть рабы, которые говорят, что счастливы ими быть. Во всех частях мира есть мужчины и женщины,

которые решают перестать быть людьми и занимают свое место в гигантском рынке достоинств.

Но есть и те, кто не довольствуется, кто предпочитает быть неудобен, кто не продается, кто не сдается. Во всем мире есть те, кто сопротивляется и не хочет стать в этой войне очередной ее жертвой. Есть те, кто решает воевать.

В любом месте мира, во все времена, находятся обычный мужчина и обычная женщина, восстающие и срывающие с себя одеяния конформизма, сотканые Властью и окрашенные в серые тона цинизмом. Обычный мужчина и обычная женщина, любого цвета и на любом языке говорящие «Баста!».

Баста лжи. Баста преступлению. Баста смерти.

«Баста войне» говорят сегодня обычный мужчина и обычная женщина.

В любом месте каждого из пяти континентов обычный мужчина или обычная женщина продолжают свое сопротивление Власти и строительство собственного пути, не требующего потери достоинства и надежды.

Эти обычный мужчина или обычная женщина решают жить и бороться выпавшую им часть истории. Не будет больше Власть диктовать им шагов, не будет больше править она их жизнью и распоряжаться их смертью.

Обычный мужчина или обычная женщина отвечают на смерть жизнью. На кошмар они отвечают мечтой и борьбой против войны, против неолиберализма, ради человечества...

За то что мы боремся за лучший мир, всех нас окружают, грозя нам смертью. Это кольцо окружения воспроизводится везде. На каждом из континентов, в каждой из стран, в каждой из провинций, в каждом из городов, в каждой из деревень, в каждом из домов, этот круг войны Власти замыкается вокруг всех непокорных, всех тех кому небезразлично.

Но кольца разрываются. Каждый раз, в каждой из деревень, в каждом из городов, в каждой из провинций, в каждой из стран, на каждом из континентов, непокорные, которых история человечества, чтобы обеспечить себе надежду, повторяет на протяжении всего своего пути, борются и разрывают кольца окружения.

Непокорные ищут друг друга. Идут навстречу друг другу. Встречаются и вместе разрывают окружения других. В каждой из деревень и в каждом из городов, в каждой из провинций, в каждой из стран и на каждом из континентов непокорные начинают узнавать друг друга, встречаться, знакомиться и принимать свои схожести и различия. И после продолжают свой непростой путь таким образом, как того требует сегодняшний день, то есть, в борьбе...

Одна из реальностей мира обратилась к ним. Непокорные пяти континентов услышали ее и пустились в путь.

Чтобы добраться до реальности межконтинентальной, каждый из них должен был пройти собственный путь. С пяти рук мировой звезды спустились в Ла-Реалидад шаги мужчин и женщин, чье достойное слово искала место, чтобы быть сказанным и услышанным, место встречи.

Много колец окружений пришлось им прорвать до разрыва окружения Ла-Реалидад. Бывают разные окружения. В нашем — им нужно было преодолеть кордоны полиции, таможен, танков, дул, траншей, самолетов, вертолетов, дождя, грязи, насекомых. У каждого из этих непокорных пяти континентов есть свое собственное кольцо окружения, собственная борьба и собственный прорыв окружения, добавляющийся к памяти других непокорных.

Так начиналась эта межконтинентальная встреча. Она начиналась на каждом из континентов, в каждой из стран, в каждом из мест, где обычный мужчина или обычная женщина начали говорить: «Баста!».

Кто может сказать сегодня, в каком точно месте, в какой из дней и в котором часу началась эта межконтинентальная встреча ради человечества и против неолиберализма? Мы этого не знаем. Но зато мы знаем, кто ее начал. Ее начали все непокорные всего мира. И здесь находится только малая их часть. Но к разным кольцам окружения, которые прорывают каждый день все непокорные мира, вы добавили еще один прорыв — прорыв кольца окружения сапатистской Ла-Реалидад.

Для этого вы сначала должны были преодолеть помехи со стороны ваших правительств, затем столкнуться со стеной бумаг и формальностей, при помощи которых мексиканское правительство пыталось остановить вас. Но все вы борцы, и разрушители любых преград и

окружений. Поэтому вы добрались до Ла-Реалидад. Может быть, вам самим не видно истинное величие вашего поступка, но мы его хорошо видим.

Поэтому мы хотим попросить у вас прощения за глупость мексиканского правительства, которое посредством своих миграционных агентов сделало все от него зависевшее, чтобы помешать вам попасть на сапатистские земли. Эти агенты идиотизма, ставшего правительством, до сих пор думают, что для того чтобы говорить и слушать с достоинством, необходимы паспорта и разрешения. Мы уверены, что все вы без труда сможете понять, почему некоторые неумные люди считают, что национальность разделяет людей. Мы просим вас, чтобы вы их простили. В конце концов, мы должны поблагодарить мексиканское правительство за то что оно нам еще раз напомнило, что мы другие, хотя и сделало оно это при помощи такого столь бедного аргумента. И еще давайте поблагодарим индейские общины, за то что они в эти дни приняли нас, за то что они напомнили нам, что мы такие же.

Поэтому, мы, сапатисты, решили бороться за лучшее правительство для Мексики, чем это. Мы боремся за то, чтобы иметь правительство, способное понимать, что мажду достоинством и паспортами, визами и остальными глупостями нет ничего общего. Так что мы сейчас заняты этим и наверняка мы этого добьемся.

Но пока этого не произошло, мы хотим попросить вас, от имени индейских общин, чтобы на обратном пути, когда будете проходить через заставы миграционной службы, вы поздравили мексиканское правительство с успехом, которого оно добилось окружив повстанческое индейское движение, пользующееся влиянием, как это уже стало для всех очевидно, только в 4 муниципалитетах юго-восточного мексиканского штата Чьяпас.

Некоторые из лучших непокорных пяти континентов добрались до гор юго-востока Мексики. Все они принесли с собой многое. Принесли слова и слух. Принесли свои идеи, свои сердца, свои миры. Они попали в Ла-Реалидад, чтобы встретиться с другими идеями, другими мыслями, другими мирами.

В эти дни в горах юго-востока Мексики был создан мир, состоящий из многих миров. Мир, созданный из многих миров, открыл для себя пространство и завоевал свое право на то, чтобы быть возможным, поднял свое знамя быть необходимым и взошел над реальностью Земли, чтобы провозгласить лучшее будущее. Мир из всех миров, восстающих и сопротивляющихся Власти, мир из всех миров, обитающих в этом мире противостоя цинизму, мир, борющийся за человечество и против неолиберализма. Таким был мир, в котором мы провели эти дни, таким был мир, который мы здесь встретили...

Эта встреча не заканчивается в Ла-Реалидад. Просто сейчас нам необходимо искать новое место, чтобы продолжить ее.

Но что дальше?

Новое число в бесполезной нумерации бесчисленных интернационалов?

Новая успокоительная схема для облегчения тоски по нехватке формул?

Мировая программа мировой революции?

Теоретизация утопии с тем чтобы она продолжала выдерживать разумную дистанцию от тревожащей нас реальности?

Схема организации предприятия, которая обеспечит каждому из нас пост, должность, имя и никакой работы?

Звучит эхо, отраженная копия возможного и забытого — возможность и необходимость говорить и слушать.

Но не эхо, гаснущее постепенно или сила, сходящая на нет после достижения ею своей максимальной точки.

Эхо, которое рвет и взлетает.

Эхо самого малого, местного и частного, отражающееся в эхе самого большого, межконтинентального, галактического.

Эхо, признающее существование другого, и не пытающееся наложиться на него или заставить его замолчать.

Эхо, заполняющее пустоту и говорящее голосом своим и голосом другого.

Эхо, повторяющее свой собственный звук и открывающееся звуку другого.

Эхо голоса непокорности, меняющегося и обновляющегося в других голосах.

Эхо, которое превращается во многие голоса, в хор голосов, в сеть голосов, тех, что перед глухотой власти решают говорить сами за себя, оставаясь самими собой и будучи

другими, становясь равными в своем стремлении слушать и быть выслушанными, оставаясь разными в тонах и нотах голосов их составляющих.

Сеть голосов, сопротивляющихся войне, которую Власть ведет с ними.

Сеть голосов, которые не только звук, но и борьба и сопротивление ради человечества и против неолиберализма.

Сеть голосов, которые рождаются сопротивляясь, повторяя сопротивление в других голосах, пока немых или одиноких.

Сеть, которая покроеет все пять континентов и поможет сопротивляться смерти, обещанной нам Властью.

Чтобы был большой мешок голосов, звуков, которым всегда есть место рядом с другими.

Чтобы был большой порванный мешок, хранилище лучшего из того, что уже есть и открытый для лучшего, что рождается и растет.

Чтобы был мешок-зеркало голосов, мир, собрание звуков где каждый из них будет признан, услышан и принят, мир который станет звучанием всех этих звуков

Чтобы продолжался рост сопротивлений, разных нет, разных баста, разных хватит.

Чтобы был мир из многих миров, которые нужны миру.

Чтобы было человечество, разноцветное, разноликое, терпимое, с надеждой для всех и местом для каждого.

Чтобы был голос, человеческий и непокорный, на всех пяти континентах готовый превратиться в сеть голосов и сопротивлений.

Чтобы был голос всех нас, голос произносящих эту...

Вторую декларацию Ла-Реалидад ради Человечества и против Неолиберализма

Братья и сестры из Африки, Азии, Америки, Европы и Океании:

Учитывая то что все мы:

Против интернационала смерти, против глобализации войны и оружия.

Против диктатуры, против авторитаризма, против репрессий.

Против политики экономического либерализма, против голода, против бедности, против воровства, против коррупции.

Против патриархата, против ксенофобии, против дискриминации, против расизма, против преступления, против разрушения окружающей среды, против милитаризма.

Против глупости, против лжи, против невежества.

Против рабства, против нетерпимости, против несправедливости, против маргинации, против забвения.

Против неолиберализма.

Учитывая то что все мы:

За интернационал надежды, за мир новый, достойный и справедливый.

За новую политику, за демократию, за политические свободы.

За справедливость, за достойные жизнь и труд.

За гражданское общество, за равенство прав для женщин во всем, за уважение к старикам, молодежи и детям, за защиту и охрану окружающей среды.

За разум, за культуру, за образование, за правду.

За свободу, за терпимость, за включение, за память.

За человечество.

Мы провозглашаем:

Первое: Что создадим коллективную сеть из всех наших частных сопротивлений. Межконтинентальную сеть сопротивления неолиберализму, межконтинентальную сеть сопротивления ради человечества.

Эта межконтинентальная сеть сопротивления будет стремиться, уважая различия и помня о сходствах, встретиться с другими сопротивлениями во всем мире. Эта межконтинентальная сеть сопротивления станет средством при помощи которого различные сопротивления смогут поддерживать друг друга.

Эта межконтинентальная сеть сопротивления не будет организационной структурой, в ней не будет руководящего и направляющего центра, в ней не будет ни генерального командования, ни каких-либо иерархий. Сеть эта — все мы, сопротивляющиеся.

Второе: Что создадим сеть общения между каждой нашей борьбой и каждым сопротивлением. Межконтинентальную сеть альтернативного общения против неолиберализма, межконтинентальную сеть альтернативного общения ради человечества.

Эта межконтинентальная сеть альтернативного общения будет стремиться к созданию каналов для свободного вращения слова по всем путям сопротивления. Эта межконтинентальная сеть альтернативного общения станет средством для общения между собой различных сопротивлений.

Эта межконтинентальная сеть альтернативного общения не будет организационной структурой, в ней не будет руководящего и направляющего центра, в ней не будет ни генерального командования, ни каких-либо иерархий. Сеть эта — все мы, друг с другом говорящие и слушающие друг друга.

Мы провозглашаем это:

Говорить и слушать ради человечества и против неолиберализма. Сопrotивляться и бороться ради человечества и против неолиберализма.

Для всего мира: Демократии! Свободы! Справедливости! Из каждой из реальностей каждого из континентов.

Братья и сестры:

Мы не предлагаем всем присутствующим подписать эту декларацию и тем самым закончить сегодня эту встречу.

Мы предлагаем, чтобы межконтинентальная встреча ради человечества и против неолиберализма продолжилась на каждом континенте, в каждой стране, в каждом городе и деревне, в каждом доме, месте учебы или работы, везде, где есть люди, желающие жить в лучшем мире.

Индийские общины научили нас тому, что чтобы решить любую проблему, неважно насколько она велика, всегда полезно спросить мнения всех. Поэтому мы предлагаем провести межконтинентальную консультацию по поводу этой декларации. Мы предлагаем распространить эту декларацию во всем мире и по крайней мере в странах, чьи представители присутствовали на этой встрече, провести консультацию со следующим вопросом:

Согласен (согласна) ли ты подписать «Вторую Декларацию Ла-Реалидад ради Человечества и против Неолиберализма»?

Мы предлагаем провести эту «Межконтинентальную Консультацию ради Человечества и против Неолиберализма» на пяти континентах в течение первой половины декабря 1996 г.

Мы предлагаем организовать эту консультацию так же, как и была организована эта встреча, чтобы все мы, в ней участвовавшие и те, то не смогли участвовать но сопровождали нас издалека, организовались и провели эту консультацию. Мы предлагаем использовать все возможные и невозможные средства, чтобы опросить как можно большее число людей на пяти континентах. Межконтинентальная консультация — это часть организуемого нами сопротивления и способ установления контактов и начала встреч с другими сопротивлениями. Частью новой формы делания политики в мире — вот чем стремится стать эта межконтинентальная консультация.

И не только. Кроме этого, мы предлагаем созвать еще одну, уже Вторую Межконтинентальную Встречу ради Человечества и против Неолиберализма.

Мы предлагаем, чтобы она состоялась во второй половине 1997 года и чтобы местом ее проведения стал европейский континент. Точная дата и конкретное место ее проведения будут определены братьями и сестрами из Европы на одном из собраний, которые они проведут после этой первой встречи.

Все мы надеемся, что эта вторая встреча станет межконтинентальной и что пройдет она, поэтому, на другом континенте. После окончания этой второй встречи, мы поищем способ, и хотим вам сказать об этом прямо сейчас, нашего прямого участия в будущих встречах, в каком бы из мест они ни проводились.

Братья и сестры:

Мы по-прежнему неудобны. Когда теоретики неолиберализма говорят нам, что все находится у них под контролем, включая даже то что по их контролем не находится — они лгут.

Мы не клапан для спуска пара непокорности, которая может дестабилизировать неолиберализм. Это ложь, что наше повстанческое существование легитимизирует Власть.

Власть нас боится. Поэтому она нас преследует и окружает. Поэтому она бросает нас в тюрьмы и убивает.

На самом деле мы — возможность ее свержения и исчезновения.

Может быть нас не много, но все мы — мужчины и женщины, борющиеся ради человечества, борющиеся против неолиберализма.

Мы — мужчины и женщины, борющиеся во всем мире.

Мы — мужчины и женщины, желающие для пяти континентов:

Демократии!

Свободы!

Справедливости!

С гор юго-востока Мексики.

Подпольный Революционный Индейский комитет -

Генеральное Командование Сапатистской Армии Национального Освобождения.

Ла-Реалидад, планета Земля. Август 1996 г.

Письмо Народной Революционной Армии

(сокращенный вариант)

Сапатистская Армия Национального Освобождения

Мексика, 29 августа 1996 г.

К: бойцам и командованию Народной Революционной Армии.

От: **Субкоманданте Маркоса,**

Генерального Командования САНО .

Пишу вам от имени мужчин, женщин, детей и стариков баз поддержки САНО и от имени мужчин и женщин — бойцов регулярных и нерегулярных подразделений САНО. Мы ознакомились с интервью, которое недавно дало ваше руководство двум национальным средствам информации. Мы признательны за уважительный тон, которым говорили о нас. Мы уважаем тех, кто уважает нас. Поэтому мы не уважаем правительство, нас не уважающее.

Но сейчас я пишу вам только в связи с одним вопросом, затронутым в ваших декларациях. Я имею в виду, в частности, место, где вы заявляете, что «если возникнут обстоятельства, которые заставят САНО прервать диалог, она может рассчитывать на нашу скромную поддержку, как уже рассчитывает на наше уважение» (Ла Хорнада, 27/VIII/96). Как вам уже известно из прессы, наши народы приняли решение прекратить участие в диалоге, который опять находится в кризисе. Причины этого решения изложены в соответствующем коммюнике, и я не буду повторяться. Хочу только сказать вам, что мы не хотим вашей поддержки. Нам она не нужна, мы ее не ищем, мы ее не хотим. У нас есть наши собственные ресурсы, пусть скромные, это так, но наши. До сих пор мы ценили то, что мы ничего не должны ни одной политической организации — ни национальной, ни иностранной. Помощь, которую мы хотим, которую мы ищем и в которой нуждаемся — это та, что мы получаем от национального и международного гражданского общества, и то, чего мы ждем — это мирная и гражданская мобилизация. Нам не нужно ни оружия, ни бойцов, ни военных акций. Первого — оружия и бойцов — у нас достаточно. Для второго — военных акций — у нас есть наша боеспособность, и этого нам достаточно. То, чего мы ищем, что нам нужно и к чему мы стремимся, это то, чтобы все люди, не состоящие в партиях и организациях, договорились между собой, чего они не хотят и чего хотят и организовались, чтобы достичь этого (предпочтительно путем гражданским и мирным) — не для захвата власти, а для ее осуществления. Я знаю, вы скажете, что это утопично и малоортодоксально, но это путь сапатистов. И другого для нас нет.

Следуйте своей дорогой и позвольте нам следовать нашей. Не спасайте и не выручайте нас. Какой бы ни оказалась наша судьба, мы хотим, чтобы она была нашей. О нас не беспокойтесь. Мы не нападём на вас. Мы не попались в ловушку правящей власти, провоцирующей столкновение между партизанами «хорошими» и партизанами «плохими». Вы не наш враг и мы не станем врагом вашим. Точно так же мы не рассматриваем вас как «соперника в руководстве борьбой в Мексике», и одна из причин этого в том, что мы не

претендуем на руководство ничьей борьбой, кроме борьбы за наше достоинство. Мы не подпишем ни одного разоблачительного ярлыка, из тех что сегодня пытаются на вас навесить (которые вчера навешивали на нас).

Сделать эти ярлыки не выдерживающими критики, бесполезными, стоило нам, кроме смертей, большой политической работы и терпения. Мы завоевали нашу легитимность не оружием; мы добились ее многими годами политической работы с теми, кто является сегодня нашим руководством, — индейскими общинами, и путем диалога (который мы всегда предпочитали, закрывая глаза на риск для нашей безопасности, автономии и независимости) с национальным и международным гражданским обществом. Именно это имел я в виду, когда сказал, что НРА должна завоевать свою легитимность в глазах народа Мексики. Не выпрашивать ее, а показать, что легитимность тому или иному движению придают не политические лидеры (пусть даже партизанские) и не декларации чиновников (которые, и это достаточно смешно, вчера толпились, чтобы успеть заклеить нас как «террористов» и заверить, что у нас нет социальной базы и что мы — продукт искусственной «имплантации» в индейской среде радикальных университетских групп «с идеологией семидесятых»). Сейчас они же толпятся, чтобы заявить, что «террористы» — это вы, а САНО «обладает настоящей социальной базой»).

Тем не менее, необходимо подчеркнуть и повторить, что мы различны. И разница не столько в том, как на этом настаиваете вы и другие, что вы не будете вести диалога с правительством, что вы боретесь за власть и что не объявляли войну, и мы в отличие от вас ведем диалог (но, внимание! — не только с правительством, кроме этого, прежде этого и в гораздо большей степени — с национальным и международным гражданским обществом); не боремся за власть и объявили войну Федеральной армии (вызов, которого нам никогда не простят). Разница в том, что наши политические предложения диаметрально противоположны и это очевидно в выступлениях и практике двух наших организаций. Благодаря вашему возникновению многие люди сегодня смогут понять, что от существующих политических организаций нас отличает не оружие и маски, а политическое предложение. Мы проложили себе новый и радикальный путь. Настолько новый и радикальный, что нас критикуют и смотрят на нас с раздражением все политические течения, включая ваше. Мы неудобны. Но что делать, такова наша сапатистская позиция.

В то время, когда пишу вам это письмо, я слышу новости о ваших военных операциях в Герреро, Оахаке и штате Мехико. По этому поводу скажу вам: мне кажется, что они соединяют в себе неожиданность и мощь и еще раз демонстрируют, что это правительство выстраивает себе виртуальную реальность, исходя из заявлений, а не дел своих чиновников. Тем не менее, ваша пропагандистская операция в Чьяпасе показалась мне в лучшем случае бесполезной и глупой, а в худшем — провокационной. Эта акция была проведена в конце нашей внутренней консультации и поставила под угрозу жизни и свободу индейских руководителей, которые в те дни собирали результаты мнения своих народов. Вы не знали о проводившейся нами консультации? Зачем вам была нужна пропагандистская операция в Чьяпасе, если вы уже продемонстрировали свою способность действия в различных частях Мексики? Чтобы похвастаться, что вам есть симпатизирующие и в зонах, где находится САНО? Вы попали в ловушку «игры соперничества», которую вам предложило правительство? Тем не менее, за эту акцию придется платить не вам, а сапатистским индейским общинам (которые, напоминая вам, сопротивляются уже почти тысячу дней силами своего вооруженного восстания... и своей поэзией).

Федеральная армия увеличила давление на сапатистские селения и уже строит казармы на севере штата. Правительство «аргументирует» это тем, что оно не нарушает дух закона о диалоге, а его военные операции «направлены против НРА». Вот так. Но мы не делаем из этого трагедии. Вы заявили, что не будете «вмешиваться» в диалог САНО. Но вы это уже сделали и знаете об этом. Зачем лгать, говоря, что вы «не вмешаетесь в процесс диалога»? Мы не обвиняем, мы просто просим вас быть последовательными и не лгать.

Наконец, остальные последствия ваших операций будут видны позднее. Скорее всего, против вас начнется мощная кампания обвинений в «терроризме», «преступлениях» и прочем, что уже на устах чиновников и предпринимательских лидеров, правительство продолжит развитие своей линии «партизаны хорошие и партизаны плохие» и вас будут сравнивать с нами (и постараются улучшить наш имидж и ухудшить ваш). Но разве кто-нибудь забыл театральную физиономию сеньора Седильо 9 февраля 1995 г., когда он с

помощью тех же аргументов, что направлены сегодня против вас, развязал против нас провалившееся военное наступление, целью которого было наше убийство? Может быть, об этом забыли чиновники и средства массовой информации, которые до самого недавнего времени призывали к нашему уничтожению, а сейчас подчеркивают наличие у нас «социальной базы» и «законность» наших требований. Мы не забываем. Кроме того, можно ждать и большего ужесточения правительством политики по отношению к нам: правительство может пойти на «окончательное решение» вопроса военным путем. Сценарий в общественном мнении уже почти готов, и мы не тешим себя особыми иллюзиями относительно его воли к переговорам. Будь что будет, наконец.

Вы боретесь за власть. Мы — за демократию, свободу и справедливость. Это не одно и то же. Даже если вы добьетесь успеха и придете ко власти, мы продолжим борьбу за демократию, свободу и справедливость. Неважно у кого будет власть, сапатисты боролись и будут бороться за демократию, свободу и справедливость.

На настоящий момент это все. Мы повторяем нашу просьбу: не осуществлять никаких военных акций в поддержку нашего дела или ситуации, в которой мы находимся. Мы уверены, что вы поймете нашу просьбу об уважении и сохранении дистанции.

Ладно. Привет и хорошего парапета перед наступающими событиями.

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

Мексика, август 1996 г.

P.S. В одном из первых ваших появлений в прессе, некоторые из ваших руководителей заявили приблизительно следующее: якобы САНО были неизвестны акции его собственного парацентрального фронта в январе 1994 г. Очень вас просим, для изучения нашей истории обращайтесь к нам, а не к докладам дезертиров, СИСЕН⁵⁷ или других органов «безопасности». Как видите, о вас тоже много чего говорят, но мы никогда не пытались, основываясь на этом, выстраивать «историю» НРА. Спасибо.

7 Деталей мировой головоломки

(Неолиберализм в виде головоломки: бесполезное объединение мира, разделяющее и разрушающее страны)

Деталь 1: Концентрация богатства и распределение бедности

Деталь 2: Глобализация эксплуатации

Деталь 3: Миграция: блуждающий кошмар

Деталь 4: Мировое финансовое объединение и глобализация коррупции и преступности

Деталь 5: Законное насилие незаконной власти?

Деталь 6: Мегаполитика и карлики

Деталь 7: Мешки сопротивления

Для Государства война есть вопрос жизненной важности, это провинция жизни и смерти, путь, ведущий к выживанию или уничтожению. Ее углубленное изучение совершенно необходимо.

Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве.

Нынешняя глобализация, неолиберализм как всемирная система — все это следует понимать как новую войну для захвата территорий.

Окончание Третьей мировой войны или «холодной войны» не означает того, что мир преодолел биполярность и стал стабилен под властью победителя. В результате этой войны, несомненно, был один побежденный (социалистический лагерь), но трудно сказать, кто оказался победителем. Западная Европа? Соединенные Штаты? Япония? Все они вместе? Дело в том, что поражение «империи зла» (по Рейгану и Тэтчер) значило открытие новых рынков без нового хозяина. Поэтому, нужно было начинать борьбу за захват позиций, то есть завоевать их.

И не только: окончание «холодной войны» поставило международные отношения в новые рамки, в которых новая борьба за эти новые рынки и территории вызвала новую мировую войну, Четвертую. Как и все войны, она заставила заново определить роль и место

57 СИСЕН — CISEN, Центр исследований и национальной безопасности Мексики.

государств. Кроме переопределения государств, мировой порядок вернулся к старым эпохам завоевания Америки, Африки и Океании. Странная эта современность развивается, двигаясь наоборот; закат XX века куда больше похож на предшествовавшие ему дикие столетия, чем на радостное и рациональное будущее из некоторых научно-фантастических романов. Огромные территории, богатства и, главное, квалифицированная рабочая сила мира, где только что закончилась «холодная война», ожидали нового хозяина...

Но место для владельца мира есть только одно, а претендентов немало. И для достижения этой цели развязывается новая война, на этот раз среди тех, кто провозгласил себя «империей добра».

Если Третья мировая война происходила между капитализмом и социализмом (возглавившихся, соответственно, Соединенными Штатами и СССР) и шла на разных театрах военных действий и с различной степенью интенсивности, то Четвертая мировая война ведется сейчас между крупными финансовыми центрами с повсеместным театром военных действий и интенсивность ее велика и постоянна.

С момента окончания Второй мировой войны до 1992 года в мире было развязано 149 войн. Результат — 23 миллиона погибших — не оставляет сомнений в степени интенсивности Третьей мировой войны (данные ЮНИСЕФ).

От пещер международного шпионажа до стратосферы так называемой Стратегической оборонной инициативы («звездные войны» ковбоя Рональда Рейгана), от песков Плая-Хирон на Кубе до дельты Меконга во Вьетнаме, от спущенной с тормозов гонки ядерных вооружений до зверских государственных переворотов в несчастной Латинской Америке, от угрожающих маневров Организации Североатлантического договора до агентов ЦРУ в Боливии времен убийства Че Гевары, так неудачно названная, «холодная война» достигла столь высоких температур, что, несмотря на бесконечную смену мест событий и непрекращающийся подъем—и—спад ядерного кризиса (или именно поэтому), смогла, наконец, расплавить социалистический лагерь как мировую систему и ликвидировать его как социальную альтернативу.

Для победителя — капитализма — Третья мировая война стала доказательством благ «тотальной войны» (ведущейся во всех местах и всеми средствами). Однако, послевоенная сцена, как новый театр военных действий, оказалась наделена следующими атрибутами: огромные пространства «ничейной земли» (из-за политической, экономической и социальной неразберихи в Восточной Европе и СССР), расширяющиеся сверхдержавы (Соединенные Штаты, Западная Европа и Япония), мировой экономический кризис и новая технологическая революция — информационная. *«Так же, как индустриальная революция позволила заменить мускульное усилие человека работой машины, нынешняя информационная революция стремится к замене мозга (или по крайней мере все большего числа его функций) на компьютер. Это «всеобщее поумнение» средств производства (как в промышленности, так и в сфере услуг) ускорено взрывом новых исследований в области телекоммуникаций и совершенствованием кибернетических миров».* (Ignacio Ramonet. «La Plan<#233;t#233; des d<#233;sordes» в «G<#233;opolitique du Chaos». Maniere de Voir 3. Le Monde Diplomatique (LMD). Апрель 1997).

Верховный король капитала, капитал финансовый, начал, таким образом, развитие своей воинственной стратегии по отношению к новому миру и ко всему тому, что оставалось еще целым от мира старого. Вместе с технологической революцией, подавшей посредством компьютера весь мир к их письменным столам и на их полное усмотрение, финансовые рынки навязали планете свои законы и свои понятия. «Глобализация» новой войны есть ни что иное, как глобализация логики финансовых рынков. Государства (и их правительства) перешли из определяющих правила игры в экономике в разряд управляемых, вернее, телеуправляемых в результате осуществления основного принципа финансовой власти: свободного коммерческого обмена. Кроме того, логика рынка воспользовалась «пористостью», которую вызвало развитие коммуникаций во всем социальном спектре мира, и проникла туда, и овладела всеми аспектами общественной деятельности. Наконец мировая война стала действительно всеобщей!

Одной из первых потерь в этой новой войне оказался национальный рынок. Как пуля, выпущенная внутри бронированной комнаты, война, начатая неолиберализмом, рикошетит из стороны в сторону и ранит того, кто нажал на курок. Одна из главных опор власти современного капиталистического государства — национальный рынок — уничтожена

пушечным выстрелом новой эры мировой финансовой экономики. Международный капитализм собирает свои жертвы, отменяя капитализмы национальные и истощая до анемии власть общественных структур. Удар оказался таким мощным и окончательным, что у государств уже нет сил, необходимых для противодействия международным рынкам, попирающим интересы граждан и правительств.

Аккуратно прибранная витрина, ожидавшаяся, как предполагалось, в виде наследства после окончания «холодной войны» и наступления «нового мирового порядка», в результате неолиберального взрыва разлетелась вдребезги. Мировой капитализм без малейшей жалости приносит в жертву того, кто дал ему будущее и исторический проект: капитализм национальный. Сын (неолиберализм) пожирает отца (национальный капитализм) и походя рушит все пропагандистские сказки капиталистической идеологии: в новом мировом порядке нет ни демократии, ни свободы, ни равенства, ни братства.

На мировой сцене, сложившейся в результате окончания «холодной войны», видно лишь новое поле битвы, и на нем, как и на любом поле битвы, царит хаос.

В конце «холодной войны» капитализм изобрел новый военный кошмар — нейтронную бомбу. «Заслуга» этого оружия в том, что разрушает оно только жизнь, оставляя нетронутыми строения. Уже можно было уничтожить целые города (то есть их жителей), без необходимости потом их восстанавливать (и платить за это). Военная промышленность поздравила себя, «нерациональность» атомных бомб была заменена на «рациональность» бомбы нейтронной. Но, одновременно с рождением Четвертой мировой войны, было изобретено новое военное «чудо»: бомба финансовая.

Дело в том что, в отличие от своей предшественницы в Хиросиме и Нагасаки финансовая бомба не только разрушает город (страну, в данном случае) и несет смерть, стух и нищету тем, кто там живет, или же, в отличие от бомбы нейтронной, не только уничтожает «выборочно». Кроме всего этого, неолиберальная бомба реорганизует и приводит к новому порядку все то, что является объектом ее атаки, превращая его в одну из деталей в головоломке экономической глобализации. Результат ее разрушительного эффекта — уже не горы дымящихся руин и десятки тысяч прерванных жизней, а еще один квартал, добавленный к одному из торговых мегаполисов нового мирового гипермаркета, и рабочая сила, реорганизованная для обслуживания нового мирового рынка труда.

Европейский Союз, один из мегаполисов, образовавшихся в результате неолиберализма, является результатом нынешней Четвертой мировой войны. В этом случае экономическая глобализация смогла стереть границы между государствами-соперниками, с давних времен враждовавшими между собой, и вынудила их объединиться и создать политический союз. Экономистский путь неолиберальной войны от национальных государств к европейской федерации, в так называемом Старом Свете будет полон разрушений и руин, одной из которых окажется европейская цивилизация.

Мегаполисы множатся по всей планете. Пространством их возникновения являются интегрированные торговые зоны. Это происходит в Северной Америке, где Договор о Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА, согласно английской аббревиатуре) между Канадой, Соединенными Штатами и Мексикой — не более чем прелюдия к исполнению давней мечты захватчиков из США: «Америка для американцев». Южная Америка движется в том же направлении, создав МЕРКОСУР между Аргентиной, Бразилией, Парагваем и Уругваем. В Северной Африке уже существует Союз стран арабского Магриба (УМА), включающий Марокко, Алжир, Тунис, Ливию и Мавританию, в Южной Африке, на Ближнем Востоке, на Черном море, в Тихоокеанской Азии и так далее — по всей планете взрываются финансовые бомбы и заново завоевываются территории.

Мегаполисы замещают страны? Нет. Точнее, не только. Помимо этого, они включают страны в себя и определяют их функции, границы и возможности. Целые страны превращаются в отделы неолиберального мегапредприятия. Неолиберализм действует следующим образом: РАЗРУШЕНИЕ / ОБЕЗЛЮДЕНИЕ с одной стороны и ВОССТАНОВЛЕНИЕ / РЕОРГАНИЗАЦИЯ целых регионов и стран, для того, чтобы открыть новые рынки и модернизировать уже существующие, — с другой.

Если во времена Третьей мировой войны атомные бомбы выполняли задачу навязания другому своей воли, его запугивания, в Четвертой мировой с финансовыми сверхбомбами происходит уже нечто совершенно иное. Это оружие служит для нападения на территории (государства): оно **уничтожает** материальную базу национальной независимости

(являющейся этическим, юридическим, политическим, культурным и историческим препятствием на пути экономической глобализации) и вызывает качественное **обезлюдение** этих территорий. Обезлюдение происходит из-за того, что необходимо избавиться от всех тех, кто бесполезен для новой рыночной экономики (например, от коренных народов).

Но кроме этого и одновременно с этим финансовые центры берутся за **восстановление** государств и **реорганизуют** их согласно новой логике мирового рынка (развитые экономические модели подавляют слабые или несуществующие общественные отношения).

Этот эффект Четвертой мировой войны виден на примере сельской местности. Модернизация села, как того требуют финансовые рынки, пытается решить поставленную перед ней задачу роста продуктивности сельского хозяйства, но реальный ее результат — разрушение традиционных общественных и экономических отношений на селе. В итоге — массовый исход из сел в города. Да, как на войне. Тем временем, рынки труда в городах все больше переполняются, и «справедливостью», ожидаемой теми, кто ищет лучших условий жизни, каждый раз оказывается все более неравное распределение доходов.

Мир коренных народов переполнен примерами, иллюстрирующими эту стратегию: Ян Чамберс, директор Отдела Центральной Америки ОИТ (органа ООН), сообщил, что мировое население коренных народов, насчитывающее 300 млн. человек, проживает в зонах, где сосредоточено 60 % природных ресурсов планеты. Так что *«не удивляют многочисленные конфликты вокруг использования и дальнейшей участи их земель, где столкнулось столько правительственных промышленных интересов... Эксплуатация природных ресурсов (нефть и полезные ископаемые) и туризм являются основной угрозой для индейских территорий Америки»* (интервью Марте Гарсиа в «La Jornada» 28 мая 1997 г.). Вслед за инвестиционными проектами приходят загрязнение, проституция и наркотики. То есть взаимно дополняются разрушение / обезлюдение и восстановление / реорганизация зоны.

В этой новой мировой войне больше не существует современной политики как организатора национального государства, Политика сегодня — это организатор сугубо экономический, политики — лишь современные менеджеры фирм. Новые хозяева мира — не правительства, им незачем ими быть. «Национальные» правительства уполномочены управлять бизнесом в различных регионах мира.

Это и есть «новый мировой порядок» — превращение всего мира в единый рынок. Страны являются магазинами его отделов с управляющими в виде правительств, новые региональные экономические и политические альянсы каждый раз куда больше похожи на современный гипермаркет, чем на политическую федерацию. «Унификация», вызываемая неолиберализмом, является экономической, это унификация рынков для облегчения вращения денег и товаров. В гигантском мировом гипермаркете свободно перемещаются товары, но не люди.

Как любая предпринимательская (и военная) инициатива, эта экономическая глобализация сопровождается всеобщей моделью мышления. Тем не менее, среди стольких новых элементов, идеологическая модель, сопровождающая неолиберализм в его завоевательском походе на планету, состоит в основном из старого и избитого. «Американский образ жизни», который сопровождал войска США в Европе времен Второй мировой Войны, во Вьетнаме 60-х и в последнее время — в войне в Персидском заливе, идет сейчас рука об руку (вернее, клавиатура о клавиатуру) с финансовыми рынками.

Речь не только о материальном разрушении национальных государств, ведь кроме него (это насколько же важно, настолько малоизучено) происходит разрушение историческое и культурное. Достойное индейское прошлое стран Американского континента, блестящая европейская цивилизация, мудрая история азиатских народов, могучая и богатая древность Африки и Океании, все культуры и истории, создавшие нынешние страны, подвержены сегодня атаке «американского образа жизни». Таким образом, неолиберализм объявляет миру глобальную войну: разрушение стран и национальных групп, с тем чтобы отождествить их с североамериканской капиталистической моделью.

Война. Война мировая. Четвертая. Самая худшая и самая жестокая. Развязанная неолиберализмом, ведущаяся против человечества повсеместно и всеми средствами.

Но как и во всех войнах, здесь есть бои, есть победители и побежденные, и есть обломки разрушенной этой войной реальности. Чтобы попытаться решить абсурдную головоломку неолиберального мира, необходимы многие детали.

Некоторые из них можно найти среди руин, уже оставленных этой войной на поверхности планеты. Может быть, когда хотя бы семь из этих деталей удастся собрать воедино, мы сможем сохранить надежду на то, что этот мировой конфликт не покончит с самым слабым из противников — с человечеством.

7 деталей, чтобы нарисовать, раскрасить, вырезать и попытаться собрать воедино, вместе с другими деталями, мировую головоломку.

Первая — это двойное накопление, накопление богатства и бедности на двух полюсах мирового сообщества. Вторая — это абсолютная эксплуатация абсолютно всего мира. Третья — кошмар скитающейся части человечества. Четвертая — тошнотворная связь между преступностью и властью. Пятая — государственное насилие. Шестая — загадка мегаполитики. Седьмая — мешки сопротивления неолиберализму со стороны человечества.

ДЕТАЛЬ 1:

Концентрация богатства и распределение бедности.

Фигура выстраивается путем рисования денежного знака.

Различные общественные модели в истории человечества оспаривали между собой право сделать абсурд основой мирового порядка. Когда наступит время раздачи премий, неолиберализм наверняка займет привилегированное место, ибо его форма «раздачи» общественных богатств заключена не в чем ином, как распределении двойного абсурда накопления: накоплению богатств в руках некоторых немногих и в накоплении бедности среди миллионов людей.

Несправедливость и неравенство уже стали отличительными чертами современного мира. Планета Земля, третья в Солнечной системе, населена 5 миллиардами человеческих существ. На ней только 500 миллионов человек живут со всеми удобствами, тем временем как 4 миллиарда 500 миллионов пребывают в бедности и пытаются выжить.

Двойной абсурд в соотношении между богатыми и бедными: богатых мало, бедных много. Количественная разница преступна, но равновесие между этими крайностями достигается за счет богатства — богатые компенсируют свое количественное меньшинство миллиардами долларов.

Состояние 358 самых богатых людей мира (миллиарды долларов) превосходит годовой доход 45 % наиболее бедных его жителей, составляющих около 2 миллиардов 600 миллионов человек.

Золотые звенья финансовых часов превращаются в тяжелые цепи для миллионов людей. Тем временем как «...*Величина прибыли «Дженерал Моторз» превосходит национальный валовой продукт (НВП) Дании, цифра доходов «Форда» превосходит НВП Южной Африки, а доход «Тойоты» превосходит НВП Норвегии.*» (Ignacio Ramonet. LMD. 1/1997 № 15), но в то же время реальные заработки большей части трудящихся упали; кроме того, следует учесть сокращение персонала на предприятиях, закрытие фабрик и перемещение производственных центров. В так называемых «развитых капиталистических экономиках» количество безработных составляет уже 41 миллион.

Таким образом, концентрация богатства в немногих руках и распределение бедности среди многих плавно вычерчивает знак современного мирового сообщества — зыбкое равновесие абсурдного неравенства.

Упадочничество неолиберальной экономической системы просто скандально: «*Мировой долг (включая долги фирм, правительств и администраций) перевалил уже за 33 100 млрд долларов, то есть 130 % мирового внутреннего валового продукта (ВВП), и растет на уровне от 6 до 8 % в год, более чем в 4 раза превышая темпы роста мирового ВВП*» (Frédéric F. Clairmont. «Ces deux cents Sociétés qui controlent le monde». LMD. IV/1997).

Прогресс крупных транснациональных корпораций не предполагает прогресса развитых стран. Наоборот, чем больше зарабатывают финансовые гиганты, тем больше обостряется проблема бедности в так называемых богатых странах.

Разница, которую необходимо преодолеть между богатыми и бедными, просто чудовищна и, кажется, в этом направлении нет ни малейшего сдвига. Точнее он есть, но в

противоположном направлении. Социальное неравенство далеко от того, чтобы уменьшиться, и тем более исчезнуть. Оно обостряется, и прежде всего — в развитых капиталистических странах: в Соединенных Штатах между 1983 и 1989 годом 1 % самых богатых североамериканцев обладал 61,6 % всей совокупности национального богатства страны. 80 % самых бедных североамериканцев⁵⁸ могли разделить между собой не более 1,2 % от национального богатства. В Великобритании число бездомных удвоилось, количество детей, которые живут только за счет социального пособия, увеличилось от 7 % в 1979 году до 26 % в 1994 году, число британцев, живущих в бедности (определяемой как месячный доход, составляющий менее половины минимальной зарплаты), возросло с 5 млн до 13 млн 700 тыс. человек, 10 % самых бедных потеряли 13 % своей покупательной способности, в то время как 10 % самых богатых увеличили свое состояние на 65 %, и в течение 5 последних лет число миллионеров удвоилось (данные LMD. IV/1997).

В начале 90-х «... около 37 тыс. транснациональных предприятий охватывали мировую экономику цупальцами своих 170 тыс. филиалов. Тем не менее, центр власти сосредоточен в замкнутом кругу 200 первых фирм: с начала 80-х годов они непрерывно расширялись за счет расчленения и «спасительных» приобретений других предприятий. Таким образом, часть транснационального капитала в мировом ВПП перешла от 17 % в середине 60-х к 24 % в 1982 г. и к более чем 30 % в 1995 г. 200 первых фирм — это конгломераты, чья планетарная деятельность охватывает без различия первичный, вторичный и третичный секторы экономики: крупные сельскохозяйственные производства, промышленность, финансовые услуги, торговлю и т. д. Географически они распределены между 10 странами: Япония (62), Соединенные Штаты (53), Германия (23), Франция (19), Великобритания (11), Швейцария (8), Южная Корея (6), Италия (5) и Нидерланды (4)» (Frédéric F. Clairmont. Op. cit.).

«Двести первых» в мире

От автора ФБ2 документа

В виду отсутствия сканов или бумажной версии — восстановить таблицу не представляется возможным

Страна	Число	Количество	Прибыль % от сделок	% от прибыли фирм сделок(в млрд долл.)	в мировом масштабе
Япония	623	1 964	640,7 %	18,3 %	
США	531	1 989	825,4 %	39,2 %	
Германия	2 378	624,5	10,0 %	9,8 %	
Франция	19 572	167,3 %	6,3 %		
Великобритания	11 275	203,5 %	8,0 %		
Швейцария	82 449	73,1 %	3,9 %		
Южная Корея	618	33,52,3 %	1,4 %		
Италия	517	162,2 %	2,5 %		
Великобритания/					
Нидерланды	215	992,0 %	3,7 %		
Нидерланды	411	851,5 %	2,0 %		
Венесуэла	126	30,3 %	1,2 %		
Швеция	124	1,30,3 %	0,5 %		
Бельгия/					
Нидерланды	122	0,80,3 %	0,3 %		
Мексика	122	1,50,3 %	0,6 %		
Китай	119	0,80,2 %	0,3 %		

58 Здесь Маркос не уточняет, какую часть населения США составляют «самые бедные североамериканцы». Эта цифра, поэтому, достаточно относительна.

Бразилия 1184,30,2 % 1,7 %
Канада 1170,50,2 % 0,2 %
Всего 2007 850251100 % 100 %
Мировой ВВП 25 22331,20 %

Источник: Frédéric F. Clairmont. Op. cit.

А здесь перед вами — символ экономической власти.
Сейчас позеленейте, как доллар.
О тошнотворном запахе не беспокойтесь,
этот аромат дерьма, грязи и крови
у него с рождения...

ДЕТАЛЬ 2: Глобализация эксплуатации.

Фигура 2 получается путем рисования треугольника.

Одна из неолиберальных басен гласит, что экономический рост неизбежно приводит к лучшему распределению богатства и к росту занятости. Это не так. Точно так же, как из роста политической власти короля не следует роста политической власти его вассалов (скорее, наоборот), абсолютизм финансового капитала ни улучшает распределения богатства и не создает потребности в большей работе общества. Его структурными последствиями являются бедность, безработица и тяжелые условия труда.

В 60-е и 70-е годы, население, считавшееся бедным (с доходом менее 1 доллара в день для удовлетворения самых элементарных потребностей, согласно критериям Мирового Банка) составляло 200 млн. человек. В начале 90-х эта цифра достигала уже 2 млрд. человек. Кроме того, «... доходы 200 самых важных фирм планеты составляют более четверти доходов мировой экономики; тем не менее, эти 200 фирм дают работу всего 18,8 млн. человек, т. е. менее чем 0,75 % рабочей силы планеты» (Ignacio Ramonet. LMD. 1/1997 № 15).

Все больше людей бедных и обедневших и все меньше богатых и обогатившихся — это основные уроки Детали 1 неолиберальной головоломки. Для достижения этого абсурда, мировая капиталистическая система «модернизирует» производство, обращение и потребление товаров. Новая технологическая революция (информационная) и новая политическая революция (возникновение мегаполисов на руинах национальных государств) порождают новую социальную «революцию». Эта социальная «революция» есть ни что иное, как переупорядочение, реорганизация сил общества и прежде всего рабочей силы.

Экономически активное население (ЭАН) мира превратилось из 1 376 млн в 1960 году в 2 374 млн трудящихся в 1990 году. Стало больше способных работать, то есть способных создавать богатства.

Однако, «новый мировой порядок» перемещает эту новую рабочую силу в географическом и производственном пространстве; кроме того, он переупорядочивает ее место (или отсутствие такового в случае безработных или полубезработных) в глобальном экономическом плане.

За последние 20 лет в отраслях занятости мирового населения произошли принципиальные изменения. Занятость в сельскохозяйственном и рыболовном секторе упала с 22 % в 1970 году до 12 % в 1990 году, в промышленности — с 25 % в 1970 году до 22 % в 1990 году, в то время как третичный сектор (торговля, транспорт, банки и сфера услуг) вырос от 42 % в 1970 году до 56 % в 1990 году. В случае «развивающихся» стран, третичный сектор вырос от 40 % в 1970 году до 57 % в 1990 году, в то же время, как количество населения, занятого в сельскохозяйственном и рыболовном секторе сократилось с 30 % в 1970 году до 15 % в 1990 году (Данные «Mercado Mundial de Fuerza de Trabajo en el Capitalismo Contemporáneo». Ochoa Chi, Juanita del Pilar. UNAM. Economía. México. 1997).

Это значит, что все большее число трудящихся направляется на виды деятельности, связанные с повышением продуктивности или ускорением продажи товаров. Таким образом,

неолиберальная система действует как сверхфеодал, воспринимая мировой рынок как единое предприятие, управляемое при помощи критериев «модернизации».

Тем не менее, неолиберальная «модернизация» куда больше похожа на дикое рождение мировой капиталистической системы, чем на утопическую «рациональность». «Современное» капиталистическое производство продолжает опираться на труд детей, женщин и рабочих-иммигрантов. Из 1 148 млн детей планеты по крайней мере 100 млн живут практически на улице, 200 млн работают,⁵⁹ и предполагается что к 2000 году работающих детей будет уже 400 млн. Кроме того, называется цифра: 146 млн. азиатских детей, работающих в производстве автомобильных деталей, игрушек, одежды, продуктов питания, в сфере металлообработки и в химической промышленности. Но эксплуатация детского труда характерна не только для «развивающихся» стран: 40 % английских и 20 % французских детей работают, чтобы дополнить доход семьи, или же просто чтобы выжить. Кроме того, «место» для детей есть и в «индустрии» развлечений. По подсчетам ООН, каждый год рынок сексуальных услуг пополняется миллионом детей. (Данные Ochoa Chi, J. Op. cit.).

Неолиберальная бестия рушит всю общественную сферу планеты, унифицируя все, даже привычные схемы питания. *«Хотя в мие и заметны частные различия в потреблении продуктов питания в каждом регионе (и внутри него), тем не менее, не перестает быть очевидным процесс унификации, навязываемый поверх этих различий, даже поверх различных физиологически-культурного характера, между различными зонами»* («Mercado mundial de medios de subsistencia. 1960–1990» Ocampo Figueroa, Nashelly y Flores Mondrago, Gonzalo. UNAM. Economía. 1994).

Эта бестия навязывает человечеству тяжелую ношу. Безработица и невыносимые условия труда миллионов трудящихся во всем мире являются жестокой реальностью, и не предвидится ни малейшей тенденции к ее смягчению. Безработица в странах Организации по экономическому сотрудничеству и развитию перешла от 3,8 % в 1966 году к 6,3 % в 1990 году. Только в Европе она возросла от 2,2 % в 1966 году до 6,4 % в 1990 году.⁶⁰

Навязывание всему миру рыночных законов, глобализация рынка разрушает мелкие и средние предприятия. С исчезновением местных и региональных рынков мелкие и средние производители оказываются безо всякой защиты и без малейшей возможности конкурировать с транснациональными гигантами.

Результат — массовое разорение предприятий. Последствие — миллионы трудящихся без работы.

Повторяющийся неолиберальный абсурд — рост производства — не создает рабочих мест, наоборот, он их разрушает. ООН называет этот этап «ростом без занятости».

Но на этом кошмар не заканчивается. Кроме угрозы безработицы, трудящиеся сталкиваются с постоянно ухудшающимися условиями труда. Беспокойная нестабильность занятости, рост продолжительности рабочей недели и уменьшение зарплат — все это последствия глобализации в целом и «третьизации» экономики (роста сектора сферы услуг) в частности. *«В подчиненных странах рабочая сила испытывает многостороннее ухудшение условий: доведенная до крайности текучесть кадров, работа без контракта, нерегулярные и обычно более низкие, чем прожиточный минимум, зарплаты, униженные пенсионные «обеспечения», независимая недекларируемая трудовая деятельность, с целью какого-то дополнительного дохода, то есть работа прислужкой или подневольный труд якобы защищенных слоев общества, например, детей»* (Alain Morice. «Los trabajadores extranjeros, avanzadilla de la precariedad». LMD. 1/1997).

Последствием всего этого становится глобализированная социальная бездна. Реструктуризация производства и обращения товаров и перераспределение производительных сил приводят к особому излишку: появлению лишних людей, тех, кто не

⁵⁹ По данным Мировой Организации Труда, в начале 1999 г. число работающих детей (возраст от 5 до 14 лет), составляло более 250 миллионов, причем около 70 % из них — в опасных или вредных для здоровья условиях.

⁶⁰ Согласно официальной статистике Европейского Экономического Союза, в 1998 г. в странах ЕЭС число безработных составляло уже 10,9 % от трудоспособного населения.

необходим для «нового мирового порядка», те, кто не производит, не потребляет, не является объектом кредитования, в общем, обузы .

Каждый день крупные финансовые центры навязывают свои законы странам и группам стран во всем мире, реструктурируют и перераспределяют их жителей. И, когда эта операция закончена, они сталкиваются с тем, что многие люди оказываются «излишними». *«Таким образом стремительно растет число лишнего населения, которое не только подвержено самой острой нужде, но и не принимается расчет, которое совершенно деструктурировано и разрознено, чье единственное занятие заключается в блуждании по улицам, без дома, без работы, без семьи, без социальных связей — по крайней мере, сколько нибудь постоянных — блуждание со своим единственным достоянием — картонными коробками или полиэтиленовыми пакетами»* (Fernández Durán, Ramon. «Contra la Europa del capital y la globalización económica». Talasa. Madrid, 1996).

Экономическая глобализация *«...сделала необходимым снижение реальных заработков на мировом уровне, что вместе с сокращением социальных расходов (здравоохранение, образование, жилищное строительство и питание) и антипрофсоюзной политикой создало основную базу новой неолиберальной политики капиталистической активации»* (Osampo N. y Flores G. Op. cit.).

Здесь вы видите изображение пирамиды мировой эксплуатации.

ДЕТАЛЬ 3:

Миграция, блуждающий кошмар.

Чтобы получить фигуру 3, надо нарисовать круг.

Ранее мы говорили о возникновении в конце Третьей мировой войны новых территорий, ожидавших своего завоевания (бывшие социалистические страны) и территорий, которые должны были быть повторно завоеваны «новым мировым порядком». Для достижения этого финансовые центры развивают тройную стратегию преступления и дикости: разжигают «региональные войны» и «внутренние конфликты», капиталы движутся по новым путям накопления и огромные массы трудящихся перемещаются.

Результатом этой мировой захватнической войны является колоссальное вращение миллионов эмигрантов по всему миру. «Иностранцы» оказываются в мире «без границ», который пообещали победители в Третьей мировой войне, миллионы людей обречены на преследования ксенофобов, постоянно ухудшающиеся условия работы, потерю культурной идентичности, полицейские репрессии, голод и смерть.

«От американской реки Рио Гранде до европейского «Шенгенского пространства» утверждается двойная противоречивая тенденция: с одной стороны, для трудовой миграции границы официально закрываются, а с другой — целые отрасли экономики колеблются между нестабильностью и гибкостью, являющимися наиболее надежными средствами для привлечения иностранной рабочей силы» (Alain Morice. Op. cit.).

Под разными именами и при некоторых юридических различиях, разделяя между собой нищенское равенство, мигранты, беженцы или перемещенные всего мира являются «иностранцами» — порой их терпят, порой отвергают. Кошмар эмиграции, каковы бы ни были порождающие ее причины, продолжает кружиться и расти на поверхности планеты. Число людей, находящихся в ведении Верховного Комиссариата ООН по делам беженцев, резко выросло от немногим более 2 млн в 1975 году до более чем 27 млн в году 1995.

После ликвидации национальных границ (для товаров), глобализированный рынок организует мировую экономику: изучение и презентация товаров и услуг, так же как и их вращение и потребление, продумываются в межконтинентальном масштабе. Для каждой из частей этого капиталистического процесса «новый мировой порядок» организует перемещение специализированной и неспециализированной рабочей силы туда, где ему это необходимо. Не имея ничего общего со «свободной конкуренцией», столь расхваленной неолиберализмом, рынки занятости все больше и больше предопределяются миграционными потоками. В случае работников-специалистов, хотя в сравнении с общей мировой миграцией их число и не велико, такая «передача мозгов» очень важна для концентрации экономической и

информационной власти. Тем не менее, будь то квалифицированные специалисты или же просто рабочие руки, миграционная политика неолиберализма куда больше ориентирована на дестабилизацию международного рынка труда, чем на сдерживание иммиграционных потоков.

Четвертая мировая война своим постоянным процессом разрушения / обезлюдения и восстановления / реорганизации вызывает перемещение миллионов людей. Их участью будут скитания с кошмаром за плечами, и для трудящихся других стран они станут непреходящей угрозой трудовой стабильности, врагом, используемым для улучшения имиджа хозяев, и неизменным поводом для оправдания расистского абсурда, поощряемого неолиберализмом.

*Это символ блуждающего кошмара
мировой миграции, колесо ужаса,
которое вращается по всему миру.*

ДЕТАЛЬ 4:

Мировое финансовое объединение и глобализация коррупции и преступности.

Фигура 4 получается путем изображения прямоугольника

Образ главарей мировой преступности, созданный для нас средствами массовой информации, приблизительно таков: вульгарные мужчины и женщины, неряшливо одетые, обитающие в невероятных пансионах или же за тюремными решетками. Но скрыто намного больше, чем показано: ни истинные лидеры сегодняшних мафий, ни их организация, ни их реальное влияние на экономическую и политическую жизнь никем не освещены публично.

Если вы думаете, что преступный мир — это нечто из области загробной жизни и мрака, вы ошибаетесь. Еще во времена так называемой «холодной войны» организованная преступность приобретала все более пристойный внешний облик, и не только стала действовать как любое другое современное предприятие, но и глубоко проникла в политические и экономические системы национальных государств. С началом Четвертой мировой войны, внедрением «нового мирового порядка» и последовавшими за ним открытием новых рынков, приватизацией, ослаблением контроля над торговлей и международными финансами, организованная преступность тоже «глобализировала» свою деятельность.

«По данным ООН, общегодовой доход преступных транснациональных организаций (ПТО) составляет порядка 1 000 млрд долларов, сумму, эквивалентную общему НВП стран с низким уровнем доходов (по критериям Мирового Банка) с общим населением в 3 млрд жителей. Эта оценка учитывает как прямую прибыль от наркобизнеса, нелегальной торговли оружием, контрабанды радиоактивных материалов и т. д., так и доход, получаемый от сфер деятельности, контролируемых мафиями (проституция, игорный бизнес, черный рынок валюты...)»

Нужно отметить, что этих данные не учитывают ни долю инвестиций, постоянно осуществляемых преступными организациями в структуры контроля над бизнесом легальным, ни контроль преступных организаций над средствами производства внутри многочисленных секторов легальной экономики».⁶¹

Преступные организации сделали «дух международной кооперации» своим; объединившись они участвуют в захвате и реорганизации новых рынков. Касается это не только преступной деятельности, участвуют они и в бизнесе легальном. Организованная преступность делает инвестиции в легальный бизнес не только с целью «отмывания» грязных денег, но и для того, чтобы создать новые капиталы для нелегальной деятельности. Предпочтение при этом отдается торговле роскошной недвижимостью, индустрии развлечений, средствам коммуникации, промышленности, сельскому хозяйству, сфере услуг и... банкам.

61 Michel Chossudovsky. «La Corruption mondialis#233;e» в «G#233;opolitique du Chaos»

Али Баба и 40 банкиров? Нет, кое-что похуже. Грязные деньги организованной преступности используются коммерческими банками для своей деятельности: для ссуд, инвестиций в финансовые рынки, покупки бонов внешней задолженности, приобретения и продажи золота и валюты. *«Во многих странах преступные организации превратились в кредиторов государств и, посредством своей деятельности на рынке, влияют на макроэкономическую политику правительств. Минуя биржи они инвестируют свои средства в спекулятивные рынки сырья и субпродуктов»*.⁶²

Кроме того, для организованной преступности существует и так называемый «налоговый рай». На земле есть по крайней мере 55 таких «райских» мест (одно из них, на Каймановых островах, является пятым в мире банковским центром; число зарегистрированных там банков и фирм превышает количество жителей). Багамы, Британские Виргинские острова, Бермуды, Мартиника, Вануату, острова Кука, остров Маврикий, Люксембург, Швейцария, Нормандские острова, Дублин,

Монако, Гибралтар, Мальта — идеальные места для связей между мировой организованной преступностью и крупными финансовыми центрами.

Кроме «отмывания» грязных денег, «налоговый рай» используется для ухода от уплаты налогов. Эти места — точка контакта между правительственными кругами, предпринимателями и главарями организованной преступности. Использование в финансовой системе новейших технологий обеспечивает быстрый оборот средств и исчезновение следов от нелегальной прибыли. *«Бизнес легальный и нелегальный все более переплетаются между собой, что приводит к фундаментальным изменениям в структурах послевоенного капитализма. Мафии осуществляют инвестиции в легальный бизнес, существует и обратный процесс: финансовые ресурсы направляются в сферу криминальной экономики через банки или же коммерческие предприятия, участвующие в отмывании грязных денег или которые просто связаны с преступными организациями. Банки утверждают, что все операции проводятся честно и что банковскому руководству неизвестно происхождение вкладываемых фондов. Принцип не задавать лишних вопросов, банковская тайна и анонимность операций — все это гарантирует защиту интересов организованной преступности, защищает банковский институт от публичных расследований и обвинений. Крупные банки не только соглашаются отмывать деньги в расчете на солидные комиссионные, но и предоставляют мафиям кредиты с повышенными процентными ставками в ущерб инвестициям в продуктивные секторы промышленности и сельского хозяйства»*.⁶³

Кризис мирового долга 80-х вызвал падение цен на сырье. Это резко сократило доходы «развивающихся» стран. Экономические меры, продиктованные Мировым Банком и Международным Валютным Фондом, для того, чтобы, как предполагалось, «восстановить» экономику этих стран, лишь обострили кризис легального бизнеса. В результате, ускорилось развитие экономики нелегальной, заполнившей пространство, которое образовалось на разоренных национальных рынках.

Согласно докладу Организации Объединенных Наций, *«вторжение преступных синдикатов было облегчено программами структурного сокращения расходов, которые страны-должники были вынуждены принять в обмен на право доступа к кредитам Международного валютного фонда»*.⁶⁴

Здесь перед вами прямоугольное зеркало,
в котором законность и незаконность
обмениваются отражениями.
С какой стороны зеркала преступник?
С какой тот, кто его преследует?

62 M. Chossudovsky. Op. cit.

63 M. Chossudovsky. Op. cit.

64 United Nations. «La Globalization du crime». New York, 1995

ДЕТАЛЬ 5: Законное насилие незаконной власти?

Фигура 5 получается путем изображения пятиугольника

В условиях неолиберализма государство стремится к самосокращению до «необходимого минимума». Так называемое государство-благодетель, не только превратилось в не более чем устаревший термин, но и продолжает избавляться от всего, что составляло его сущность, и вскоре останется ни с чем.

В кабаре глобализации перед нами — «шоу» государства, исполняющего стриптиз и сбрасывающего с себя последние одежды, пока на нем не останется последнего необходимого элемента — репрессивного аппарата. Уничтожена материальная база государства, аннулированы его возможности поддержания суверенитета и независимости, смазаны различия между политическими классами. Национальные государства довольно быстро превращаются в обыкновенный аппарат «безопасности» мегапредприятий, которые возводит неолиберализм в ходе Четвертой мировой войны.

Вместо того, чтобы направить общественные средства на социальные нужды, государства предпочитают улучшать состав, вооружение и подготовку своих репрессивных сил, с тем чтобы эффективно справляться с задачей, которую политика уже давно перестала выполнять, — установлением контроля над обществом.

Репрессивные аппараты современных государств называют себя «профессионалами законного насилия». Но что делать, если насилие уже подчинено законам рынка? Где находится насилие законное и где незаконное? На какую монополию на насилие могут претендовать полуразрушенные национальные государства, если свободная игра спроса и предложения оспаривает у них эту монополию? Разве мы не убедились в Детали 4, что между организованной преступностью, правительствами и финансовыми центрами существуют более чем тесные отношения? Разве не очевидно, что организованная преступность владеет целыми армиями, единственным сдерживающим фактором которых является огневая мощь противника? Таким образом, «монополия на насилие» уже не принадлежит национальным государствам. Современный рынок выставил ее на продажу...

Все это к слову, потому что кроме полемики о насилии законном и незаконном, существует еще и дискуссия (думаю, ложная) о насилии «рациональном» и «иррациональном».

Определенная часть мировых интеллектуальных кругов (настаиваю на том, что интеллектуалы мира намного сложнее, чем просто «правые или левые», «сторонники правительства или оппозиционеры», «и т. д. хорошие или и т. д. плохие») утверждает что к насилию можно прибегнуть «рациональным» образом, «выборочно» направлять его (есть даже те, кто говорит о «техническом изучении рынка насилия») и с «хирургической» точностью применять его против зла. Идеи, наподобие этих, вдохновили недавнюю гонку вооружений в Соединенных Штатах Америки: «хирургическое», точное оружие и военные операции как скальпель «нового мирового порядка». Так родились «умные бомбы», которые, как мне рассказывал один репортер, освещавший «Бурю в пустыне», не так уж «умны»

и «колеблются», если нужно отличить больницу от ракетного склада; в таком случае «умные бомбы» не воздерживаются, а разрушают). Но, в конце концов, Персидский залив, как говорили товарищи из сапатистских селений, находится слишком далеко от столицы штата Чьяпас (хотя положение курдов до боли похоже на происходящее с индейцами в стране, считающей себя «демократической» и «свободной»), так что довольно о «той» войне, когда у нас есть «наша».

Итак, спор о «рациональном» и «иррациональном» насилии открывает путь к одной интересной, и, к сожалению, бесполезной в настоящее время, дискуссии. Можно спросить, например, что понимается под «рациональным». Если ответ — «государственные соображения» (предположим, что они существуют, и, прежде всего, что у современного неолиберального государства можно обнаружить хоть какое-нибудь соображение), то в этом случае стоит задать вопрос, соответствуют ли эти «государственные соображения» «общественным соображениям» (предположим, естественно, что в сегодняшнем обществе осталась какая-то доля рациональности), и более того — является ли «рациональное»

насилие госудалства столь же «рациональным» и для общества. Здесь не о чем особо мудрствовать (если не от скуки): современные «государственные соображения» являются ничем иным, как «соображениями финансовых рынков».

Но как современное государство управляет своим «рациональным насилием»? И, вспоминая историю, сколько времени продолжается эта «рациональность»? От одних выборов до других или до переворота (в некоторых случаях)? Сколько случаев государственного насилия, приветствовавшегося в свое время как «рациональное», признаются сегодня «иррациональным»?

Леди Маргарет Тэтчер, «благодарно» вспоминаемая британским народом, побеспокоилась написать пролог к книге Каспара Вайнберга и Питера Швейцера «Следующая война».⁶⁵

В этом тексте госпожа Тэтчер делится некоторыми размышлениями о трех общих чертах, существующих между миром «холодной войны» и миром после ее окончания. Первая из них та, что всегда будет достаточно агрессоров, угрожающих «свободному миру». Вторая заключается в необходимости военного превосходства «демократических государств» над возможными агрессорами. И третья состоит в том, что это военное превосходство должно быть, прежде всего, превосходством технологическим.

В конце пролога, «железная леди» так определяет «насильственную рациональность» современных государств: *«Война может начаться по множеству различных причин. Но худший вариант обычно происходит, если государственные власти считают, что могут достичь своих целей без войны или, по крайней мере, путем ограниченной войны, которая может быть быстро выиграна — и впоследствии этот расчет не оправдывается».*

Сценарии «будущих войн» для господ Вайнберга и Швейцера это: Северная Корея и Китай (6 апреля 1998 г.),⁶⁶ Иран (4 апреля 1999 г.), Мексика (7 марта 2003 г.), Россия (7 февраля 2006 г.) и Япония (19 августа 2007 г.). Таким образом, нет сомнений в том, кто является потенциальным агрессором, — азиаты, арабы, латиноамериканцы и европейцы.⁶⁷ Почти весь мир считается потенциальным агрессором, угрожающим современной «демократии».

Всё логично (по крайней мере, в рамках либеральной логики): в настоящее время, власть (то есть власть финансовая) понимает, что может «достичь своих целей» только путем войны, причем «не ограниченной войны, которая может быть быстро выиграна», а путем войны всеобъемлющей и всеобщей, мировой во всех отношениях.

И мы верим новому государственному секретарю Соединенных Штатов Мадлен Олбрайт, когда она заявляет: *«Одной из приоритетных задач нашего правительства является обеспечение экономических интересов Соединенных Штатов в мировом масштабе»*,⁶⁸ следует понимать, что в этой войне весь мир (я хочу сказать «весь-весь») — театр военных действий.

Таким образом, можно прийти к выводу, что если спор о «монополии на насилие» происходит не в рамках рыночных законов, а ставится под сомнение снизу, мировая власть «обнаруживает» в этом вызов «потенциального агрессора». В этом заключается один из вызовов (один из наименее изученных и наиболее «осуждаемых», среди многих других), брошенный индейцами Сапатистской Армии Национального Освобождения (САНО), которые восстали с оружием в руках против неолиберализма и ради человечества.

Это символ североамериканской военной мощи, пятиугольник (пентагон).

Новая «мировая полиция» претендует на то, чтобы «национальные» армии и полиции были просто «корпусом безопасности», гарантирующими «порядок и прогресс» в неолиберальных мегаполисах

65 Regnery Publishing. Inc. Washington, D.C. 1996

66 Материал подготовлен в июле 1997 г.

67 Еще одна неточность. Иранцы не являются арабами, и с этнической точки зрения относятся к персидской группе. Неточность вызвана, видимо, тем, что Иран является частью мусульманского мира. Впрочем, как и далеко на все жители России могут считаться европейцами.

68 «Wall Street Journal». 21/1/1997

ДЕТАЛЬ 6: Мегаполитика и карлики

Фигура 6 получается путем рисования каракулей.

Как мы уже сказали, национальные государства сегодня подвержены нападению со стороны финансовых центров и «вынуждены» раствориться внутри мегаполисов. Но неолиберализм не только ведет свою войну, «объединяя» страны и регионы. Его стратегия РАЗРУШЕНИЯ/ОБЕЗЛЮДЕНИЯ и ВОССТАНОВЛЕНИЯ/УПОРЯДОЧЕНИЯ приводит к образованию одной или же многих трещин внутри государств.

В этом — парадокс Четвертой мировой войны: начатая для уничтожения границ и «объединения» стран, она оставляет за собой умножение границ и расчленение стран, гибнущих в ее когтях. Не зависимо от поводов, идеологий и знамен, нынешняя МИРОВАЯ динамика разрушения целостности национальных государств является последствием политики, тоже мировой, сознающей что утвердить свою власть и создать оптимальные условия для своего воспроизводства она может только на руинах национальных государств.

Если у кого-нибудь остаются сомнения по поводу нашего определения процесса глобализации как мировой войны, он может отбросить их, подсчитав количество конфликтов возникших или же вызванных в результате распада некоторых государств. Чехословакия, Югославия, СССР — показатели глубины этих кризисов, вдребезги разбивающих не только политическую и экономическую базу государств, но и их общественные структуры. Сценарии Словении, Хорватия и Босния, как и нынешняя внутренняя война Российской Федерации с Чечней, показывают нам не только трагическую участь социалистического лагеря, упавшего в смертельные объятия «свободного мира»; во всем мире в различном масштабе и с разной степенью интенсивности повторяется процесс национального расчленения. Сепаратистские тенденции присутствуют в Испании (Страна Басков, Каталония и Галисия), в Италии (провинция Падуя), в Бельгии (Фландрия), во Франции (Корсика), в Соединенном Королевстве (Шотландия и Уэльс) и в Канаде (Квебек). И еще немало примеров в других странах мира.

Ранее мы указали на возникновение мегаполисов, сейчас говорим о расчленении стран. Оба процесса протекают в результате разрушения национальных государств. Речь идет о двух параллельных, независимых друг от друга процессах? Это две стороны процесса глобализации? Симптомы надвигающегося мегакризиса? Не более чем просто изолированные явления?

Мы считаем, что речь идет о противоречии, характерном для процесса глобализации, одном из ключевых противоречий неолиберальной модели. Уничтожение границ для торговли, универсальность телекоммуникаций, информационные скоростные магистрали, повсеместное присутствие финансовых центров, международные договоры об экономическом объединении, и вообще весь процесс глобализации, ликвидирующий национальные государства, приводит к расчленению внутренних рынков. Они не исчезают и не растворяются в рынках международных, а лишь увеличивают свою расчлененность и умножаются.

Кажется противоречием, но глобализация создает расчлененный мир, переполненный осколками, изолированными один от другого (и нередко находящимися в состоянии взаимной конфронтации). Мир, состоящий из замкнутых ячеек, едва связанных между собой зыбкими экономическими мостами (столь же постоянными, как направление флюгера финансового капитала). Мир разбитых зеркал, отражающих бесполезное мировое единение неолиберальной головоломки.

Но неолиберализм, претендуя на объединение мира, не только расчленяет его. Одновременно он создает политико-экономический центр, который руководит этой войной. И поскольку, как мы отмечали раньше, финансовые центры навязывают свой закон (закон рынка) странам и группам стран, нам необходимо заново определить границы и горизонты политики, то есть политической деятельности. Поэтому имеет смысл говорить о *мегаполитике*, именно на этом уровне определится «мировой порядок».

Когда мы говорим «мегаполитика», мы не имеем в виду число тех, кто является ее действующими лицами. Их, находящихся в этой «мегасфере», мало, слишком мало. Мегаполитика охватывает национальные политики, то есть подчиняет их своему единственному направлению, представляющему мировые интересы (которые обычно противоположны интересам национальным) и чья логика является исключительно рыночной, то есть логикой экономической прибыли.

Исходя из этого сугубо экономического (и преступного) критерия принимаются решения о войнах, кредитах, покупке и продаже товаров, дипломатических признаниях, торговых блокадах, политических поддержках, законах о миграции, государственных переворотах, репрессиях, выборах, международных политических объединениях, международных политических размежеваниях, инвестициях, то есть решения, касающиеся вопросов выживания целых стран.

Мировая власть финансовых центров настолько велика, что они могут легко закрывать глаза на политическую окраску сил, находящихся у власти в той или иной стране, в случае, если им гарантировано, что экономическая программа (то есть часть, соответствующая мировой экономической мегапрограмме) останется без изменений.

Финансовые дисциплины навязываются самым разным цветам мирового политического спектра в случае их прихода к государственной власти.

Мировая власть может терпимо относиться к левому правительству в любой части планеты при условии непринятия этим правительством мер, противоречащих планам мировых финансовых центров. Но ни в коем случае она не потерпит укрепления альтернативы экономической, политической и общественной организации. Национальные политики для мегаполитики создаются карликами, которые должны исправно следовать диктату финансового гиганта. И так будет до тех пор, пока карлики не восстанут...

Здесь перед вами фигура, представляющая «мегаполитику». Вы поймете бесполезность попыток поисков ее рациональности и еще то, что, разматывая этот клубок, абсолютно ничего не проясните.

ДЕТАЛЬ 7: Мешки сопротивления

Фигура 7 получается путем изображения мешка.

«Для начала, очень прошу тебя не путать Сопротивление с политической оппозицией. Оппозиция противостоит не власти, а правительству, и ее полная и окончательная форма выражения — оппозиционная политическая партия; в то время как Сопротивление по определению (сейчас, наконец, да!) не может быть партией: смысл его существования не в том чтобы в свою очередь править, а в том, чтобы... сопротивляться.»

Томас Сеговия. «Книга обвинений». Мехико, 1996.

Кажущаяся безотказность машины глобализации сталкивается с глухим неподчинением реальности. В то время как неолиберализм развивает свою мировую войну, по всей планете возникают группы несогласных, очаги неподчинения. Империя финансовых бирж сталкивается с противостоянием мешков сопротивления.

Да, мешков. Мешков всех размеров, разного цвета, различных форм. Их единственная схожесть — в сопротивлении «новому мировому порядку» и преступлению против человечества, которое несет в себе неолиберальная война.

В попытке навязать свою экономическую, политическую, социальную и культурную модель, неолиберализм желает подчинить себе миллионы людей и избавиться от всех тех, кому нет места в его новом разделении мира. Но получается так, что эти «заменяемые» восстанут и сопротивляются власти, стремящейся их уничтожить. Женщины, дети, старики, молодежь, коренные народы, экологи, гомосексуалисты, лесбиянки, серопозитивные, трудящиеся — и все те, кто не только «стал лишним», но и «мешает» мировому порядку и прогрессу, восстанут, организовываются и борются. Признавая себя равными и разными, исключенные из «современности» начинают плести сеть своего сопротивления процессу

разрушения/обезлюдения и восстановления/реорганизации, который развивает в своей мировой войне неолиберализм.

Например, в Мексике, так называемая «Программа интегрального развития Истмо де Теуантепек» ставит задачу строительства современного международного центра складирования и сбыта товаров. Зона развития включает в себя промышленный комплекс, на котором рафинируется третья часть мексиканской нефти-сырца и вырабатывается 88 % нефтехимических продуктов. Межокеанские транспортные пути будут состоять из автострад, водной трассы, использующей природные возможности зоны (реку Коацакоалькос) и центральную ось — транссейсмическую железнодорожную линию (за строительство которой отвечает пять фирм: четыре американские и одна канадская). Проект заключается в создании стратегической зоны, приносящей постоянный доход. Два миллиона местных жителей станут грузчиками, контролерами или уличными торговцами.⁶⁹ Кроме того, на юго-востоке Мексики, в Лакандонской сельве, начинается осуществление «Программы регионального устойчивого развития Лакандонской сельвы». Ее подлинная задача состоит в передаче капиталу индейских земель, которые, кроме своего богатства человеческим достоинством и историей, обладают еще щедрыми нефтяными и урановыми месторождениями.

Одним из предсказуемых результатов этих проектов станет расчленение Мексики (отделение юго-востока от остальной части страны). Кроме того, поскольку речь идет о войнах, одной из целей перечисленных проектов является ликвидация повстанческого движения. Эти проекты — часть петли, призванной удушить антинеолиберальное восстание, начатое в 1994 году. Объект операции — восставшие индейцы Сапатистской Армии Национального Освобождения (САНО).

(Тема восставших индейцев требует следующего отступления: сапатисты считают, что в Мексике (внимание — речь только о Мексике) восстановление и защита национального суверенитета является частью антинеолиберальной революции. Парадокс в том, что САНО обвиняют в попытке расчленения мексиканского государства. На самом деле, единственными, кто заявил о своих сепаратистских устремлениях, являются предприниматели штата Табаско (богатого нефтью) и федеральные депутаты Чьяпаса, от партии ИРП. Сапатисты считают, что перед лицом угрозы глобализации необходима защита государства и что попытки разделить Мексику исходят не от справедливых требований автономии для индейских народов, а от правящих кругов. САНО и лучшие силы национального индейского движения хотят не отделения индейских народов от Мексики, а признания их в качестве части страны, имеющей свои особенности. Но не только этого, еще они хотят демократии, свободы и справедливости для всей Мексики. Парадоксы продолжаются, потому что пока САНО борется за защиту национального суверенитета, мексиканская федеральная армия борется с этой защитой и защищает правительство, которое уже разрушило материальную базу национального суверенитета и передало страну не только крупному иностранному капиталу, но и наркобизнесу).

Но не только в горах юго-востока Мексики существует зона сопротивления и идет борьба с неолиберализмом. В других частях Мексики, в Латинской Америке, в Соединенных Штатах и в Канаде, в Европе Маастрихтского соглашения, в Африке, в Азии и в Океании множатся мешки сопротивления. У каждого из них — своя собственная история, свои различия, свои схожести, свои требования, своя борьба, свои достижения. И если у человечества есть еще надежды выжить, стать лучше, надежды эти находятся в мешках, которые создают изгои, лишние, ненужные.

Это модель мешка сопротивления, но не обращайтесь на него особого внимания. Существует столько моделей, сколько есть сопротивлений и сколько миров есть в мире.

Так что, изобразите ту модель, которая вам больше нравится.

В деле мешков и сопротивлений богатство заключается в многообразии.

Существуют, и в этом не может быть никаких сомнений, еще много других деталей мировой головоломки. Например, средства массовой информации, культура, загрязнение окружающей среды, пандемии. Здесь мы хотели показать только общие черты семи из них.

69 Ana Esther Ceceña; a. «El Istmo de Tehuantepec: frontera de la soberanía nacional». La Jornada del Campo. 28 /05/1997

Но и этих семи достаточно, чтобы, после их изображения, раскраски и вырезания, вы обнаружили, что невозможно собрать их в единое целое. И в этом — проблема мира, который глобализация попыталась переделать: детали не совпадают.

И поэтому, и по многим другим причинам, для которых нет места в этом тексте, необходимо создать новый мир. Мир, в котором будет место для многих миров, место для всех миров...

Из гор Юго-Востока Мексики
Субкоманданте Маркос

Сапатистская Армия Национального Освобождения.
Мексика, июнь 1997 г.

P.S., где рассказаны мечты в которых гнездится любовь. — Со мной рядом отдыхает Мар?⁷⁰. Когда-то давно мы разделили с ней печали, сомнения и немалые мечты, но сейчас спит со мной горячая ночь сельвы. Я смотрю на ее взлохмаченную во сне пшеницу и опять поражаюсь тому что она всегда такая же: теплая, свежая и близкая. Но волна удушья, подкатившая к горлу, поднимает меня на ноги, берет мою руку и вкладывает в нее перо, чтобы вернуть в сегодняшний день старика Антонио.

Я попросил старика Антонио, чтобы он проводил меня разведать реку вниз по течению. Из еды у нас с собой было только немного кукурузной муки. Часами мы следуем вдоль капризного русла, а голод и жара становятся все сильнее. Всю вторую половину дня мы проводим, преследуя стадо диких свиней. Когда нам удастся к ним приблизиться, уже почти темно, но огромный горный кабан вдруг отделяется от группы и атакует нас. Я блистаю всеми своими военными знаниями, бросаю оружие и вскарабкиваюсь на ближайшее дерево. Вместо того чтобы броситься бежать, старик Антонио со своей обычной невозмутимостью отступает за заросли камыша. Громадный кабан быстро пронесется совсем рядом, но запутывается среди лиан и колючих кустарников. До того, как он успеет освободиться, старик Антонио поднимает свой старый карабин и одним выстрелом в голову решает на этот день вопрос ужина.

Уже глубокой ночью, закончив чистить мою современную автоматическую винтовку (М-16, калибр 5,56 мм, переключатель частоты, эффективная дальность выстрела 460 метров, не считая телескопического прицела, штатива и магазина с 90 патронами), сажусь заполнять мой походный дневник, и, опуская подробности происшедшего, отмечаю: «Столкнулись с кабаном и А. пристрелил его. Высота 350 м.н.у.м. Дождя не было».

Когда мы ждем пока сварится мясо, я говорю старику Антонио, что положенная мне часть кабана пригодится для праздника, который готовится в лагере. «Праздник?» — переспрашивает он, раздувая пламя костра. «Да, — говорю я, — Неважно когда, всегда найдется что-нибудь, чтобы отпраздновать.». После этого я продолжаю речь, которая кажется мне блестящей диссертацией об историческом календаре и праздниках сапатистов. Старик Антонио молча слушает; предполагая, что все это его не интересует, я укладываюсь спать.

В полусне вижу, как старик Антонио берет мой блокнот и что-то в нем записывает. Утром, после завтрака, мы делим мясо и каждый возвращается своей дорогой. Вернувшись в наш лагерь, я докладываю о результатах руководству и показываю мой дневник, где отражены все события. «Это не твой почерк», — говорят мне, показывая страницу дневника. Там, после моих записей за последний день, я вижу то, что написал большими буквами старик Антонио:

«Если у тебя не может быть одновременно и разума и силы, всегда выбирай разум и позволь, чтобы у врага была сила. Во многих боях может победить сила, но во всей борьбе всегда побеждает разум. Власть имущие никогда не смогут извлечь разума из своей силы, но мы всегда сможем извлечь силу из разума».

И ниже, очень мелкими буквами: «С праздником ».

Стоит ли говорить, что аппетит у меня пропал. Праздник, как обычно, прошел очень весело. «Страница с косой», к счастью, находилась пока очень далеко от «хит-парада» сапатистов...

Сказка о портняжке и Сказка о продавце газет

Сапатистская Армия Национального Освобождения.

Национальной и международной прессе:

3 сентября 1997 г.

Дамы и господа!

Отправляем вам коммюнике, где сообщаем, что мы будем делать в столице. Продолжаем сборы. Поход на Мехико никто не отменял, хотя после последнего доклада нам уже ясно место, занимаемое индейской тематикой в правительственной повестке дня. Интересно, остался ли там, наверху, хоть кто-нибудь способный слушать?

Ладно. Привет и пусть теперь родина станет нашей тоже.

С гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

Суп готовит свой флажок.

Мексика, сентябрь 1997 г.

P.S. ПРИВЕТСТВУЮЩИЙ ВСЕХ ТЕХ, КОГО ПРИВЫКЛИ НЕ ПРИНИМАТЬ ВСЕРЬЕЗ:

I. Сказка о портняжке.

«Жил-был один портняжка, который шил много и очень хорошо на своей швейной машинке. Соседние мужланы смеялись над ним и говорили ему: «пидор», «шьют только бабы». Тогда портняжка позашивал рты всем, кто над ним смеялся и мы не знаем, чем закончилась эта сказка, потому что никто не смог рассказать этого. Тан-тан...»

P.S. ПРЕДУПРЕЖДАЮЩИЙ

II. Сказка о продавце газет

«Жил-был один продавец газет, который был таким бедным, что мог продавать только старые газеты, потому что ему было не на что купить газеты новые. Люди не покупали у него газет, потому что они все были старые, а им хотелось новых. И продавец газет не мог ничего продать и с каждым днем у него накапливалось все больше и больше старых газет. И тогда продавец газет построил фабрику по переработке бумаги, стал мультимиллионером, купил все газетные и журнальные издательства и агентства новостей, запретил публикацию современных новостей и таким образом заставил людей читать только новости прошлого. В газетах, которые продаются сегодня, например, можно прочесть что сапатисты вот-вот войдут в город Мехико и встретятся там с вильистами.⁷¹ Дата неразборчива, то ли «1914» то ли «1997». Тан-тан.»

P.S. ДЛЯ РУКОВОДСТВА ШФС-ДНО.⁷² Этот аргумент насчет того, что «мы организация, среди рядов которой больше заключенных, убитых и репрессированных» нам уже бросала в лицо ПДР три года назад. Лучше сами научитесь считать и особенно — вычитать. В индейской Мексике есть достаточно школ, чтобы хорошо выучить смертельную математику репрессий и забвения. Там же учат и тому, что легитимность организации

⁷¹ Вильисты — сторонники героя Мексиканской Революции 1917 г. повстанческого генерала Франсиско (Панчо) Вильи (1878–1923).

⁷² ШФС-ДНО — Широкий Фронт по Созданию Движения Национального Освобождения, организация возникшая по инициативе лидеров нескольких леворадикальных групп (одна из них — Народный Фронт им. Франсиско Вильи), попытавшаяся возглавить левые силы Мексики и взять под «опеку» сапатистов. Ее представители несколько раз выступили в Мексике и за рубежом от имени сапатистов, не имея на это ни малейших полномочий. Некоторые из руководства ШФС-ДНО оказались связанными с правительством.

достигается не за счет числа мертвых, а путем честной и последовательной практики, позволяющей мертвым продолжать жить.

Пока вы будете изучать арифметику, внесите в свои подсчеты и то, что некоторые из ваших руководителей принимают от Руиса Ферро⁷³ приглашения на прогулки в Европу и в Соединенные Штаты, где неплохо проводят время, выступая под видом «сапатистов» и подписывая «проясняющие все» документы (причем не всегда с разборчивой подписью под ними), добавьте еще всю поддержку, которой они лишили восставших индейцев своим аргументом «реформизма САНО». Если после подведения счетов, вы по-прежнему будете полагать, что это не «откровенный оппортунизм», используйте лучше термин «политический реализм», что значит то же самое, но звучит, конечно, гораздо приличнее.

Что бы там ни было, сейчас «всамделишные сапатисты» будут встречаться толпами и на каждом углу. Вот так, монополия радикальных левых закончилась. И там уже будь что будет. Как сказал не помню кто: «пусть базы решают».

Последнее письмо от динамичного дуэта Мирон-Ботей⁷⁴ бесполезно и не лишает нас сна. Нам безразличны их угрозы, их «неудовольствия» и их правительственные призывы к «благоразумию».

В любом случае, мы направляемся в город Мехико, и теперь уже не просто без «помощи» руководства ШФС-ДНО. На этот раз — несмотря на него и, разумеется, несмотря на правительство. Тан-тан.

Суп, перечитывая в последних газетах письмо, которое Вилья написал Сапате 8 января 1916 г.

Коммюнике подпольного революционного индейского Комитета — Генерального командования Сапатистской Армии Национального Освобождения

Мексика.

26 декабря 1997 г.

Народу Мексики

Народам и правительствам мира

Мексиканской и международной прессе

Братья!

САНО информирует мексиканское и международное общественное мнение о ходе нашего расследования бойни в Актеале,⁷⁵ муниципалитета Ченало, Чьяпас:

Первое. — В Актеале проживали некоторые из тысяч беженцев из других индейских общин Ченало. Они нашли там убежище от нападений банд боевиков которые «берут штурмом» общины, не являющиеся проправительственными.

Все беженцы были индейцами цоцилями, гражданскими, исповедовавшими католическую религию. Независимая организация «Лас Абехас де Ченало» состояла как из сапатистов, так и из несапатистов.

Ни у кого из беженцев не было огнестрельного оружия.

Второе. — Большинство нападавших были индейцами цоцилями, происходящими из различных общин муниципалитета Ченало, исповедовавшими католическую религию и являлись ИРПистами (из ИРП или Карденистской партии, что одно и то же).

73 Руис Ферро — Хулио Сесар Руис Ферро, губернатор Чьяпаса, активно участвовавший в организации групп ультраправых боевиков.

74 Динамический дуэт Мирон-Ботей — Бенито Мирон Линсе и Карлота Ботей, руководители ШФС-ДНО, проявившую особую активность в нападениях на сапатистов.

75 Актеаль — название селения в чьяпасском регионе Лос-Альтос, где 22 декабря 1997 г., ультраправые боевики, обученные и вооруженные ИРП убили 45 местных жителей, молившихся в местной церквушке, в их числе 1 новорожденный, 14 детей, 21 женщин и 9 мужчин. Резня продолжалась более 6 часов. В течение всего этого времени в нескольких сотнях метров от места ее проведения находилась полиция и войска, которые не помешали убийцам сделать свое дело, спрятать трупы и скрыться.

Все нападавшие обладали огнестрельным и некоторые, кроме того, холодным оружием. Большинство длинноствольного оружия было типа АК-47, калибра 7.62 x 39. Короткоствольное оружие или пистолеты было типа эскуадра, 22 калибр.

Третье. — За несколько минут до начала бойни, автомобили боевиков были замечены индейцами, составляющими базу поддержки САНО, которые предупредили беженцев в Актеале, с тем чтобы те укрылись и связались с Конаи.⁷⁶ Группа, состоявшая из приблизительно 15 человек успела уйти, но остальные ответили, что им ничего не угрожает, потому что они не сделали никому ничего плохого и что лучше они будут молиться, чем и были заняты в момент нападения.

Четвертое.- 22 декабря в полдень, когда нападение только начиналось, базы поддержки САНО слышали первые выстрелы и связались с Конаи, информируя ее о происходящем. Конаи ответила нашим товарищам, что сообщит об этом правительству штата. Это было сделано. В 12 часов 22 декабря правительство штата получило извещение от Конаи. В 19 часов извещение повторилось еще раз. Правительство штата ответило, что все находится под контролем.

Пятое. — Группа боевиков, устроивших бойню, перемещалась на автомобилях принадлежащих ирпистским муниципальным властям Ченало и частным лицам.

Шестое. — Все члены группы нападавших были одеты в темную униформу.

Седьмое. — Автомобили, а также оружие, униформы и снаряжение нападавших были приобретены за деньги, полученные от федерального правительства. В частности — от Секретариата Социального развития.

Восьмое. — Боевики добились раненых, которых нашли, и беременным женщинам вскрыли животы мачете.

Девятое. — После нападения, агенты полиции по общественной безопасности штата Чьяпас взяли на себя работу по уборке трупов и их «исчезновению» в одной пещере и на дне одного оврага.

Некоторые выводы из предыдущего:

1. — Речь не идет о религиозном конфликте, как убийцы, так и убитые исповедовали католическую религию.

2. — Речь не идет об этническом конфликте, как жертвы, так и их палачи являлись индейцами цоцилями.

3. — Речь не идет о столкновении (как это хотят представить федеральные и местные власти). Погибшие были безоружны, у нападавших было огнестрельное оружие крупного калибра. Вооруженного столкновения не было. Это была казнь, в полном смысле этого слова.

4. — Задача состояла в том, чтобы покончить со всеми, не оставляя свидетелей-обвинителей и «заметая все следы». Правительственный план заключался в том, чтобы не придавать это огласке. Сначала власти попытались отрицать факт бойни, потом приуменьшить ее масштабы, и теперь хотят запутать общественное мнение по поводу истинной мотивации преступления.

5. — Когда правительство Чьяпаса отвечало Конаи, что «все под контролем», оно не хотело этим сказать, что не допустит кровопролития, это значило, что правительство руководило нападением.

6. — Происходит направление федеральных фондов на финансирование различных военизированных структур. Это хорошо известно федеральным и местным чиновникам в сельве, на севере и в Лос-Альтос Чьяпаса. В 1994 г. в Чьяпасе федеральные экономические ресурсы выделяются, исходя из военно-политического критерия: те, кто готовы воевать против сапатистских общин и против тех, кто нейтрален, могут получить деньги при условии прохождения так называемой «начальной подготовки» и постоянно быть готовыми выполнить любые распоряжения «ответственных» за финансирование проектов Секретариата Социального развития. Речь идет не просто о покупке сторонников, а о настоящем рекрутском наборе, с тем чтобы вести правительственную войну с индейцами... руками самих индейцев.

⁷⁶ Конаи — аббревиатура от Comision Nacional para la Intermediaci#243;n — Национальная комиссия по посредничеству, общественная организация, следящая за соблюдением прав человека в зонах вооруженного конфликта в Чьяпасе.

7. — Нападение включало в себя такие военные фазы, как «сближение», «вступление в контакт», «атака», «закрепление успеха» и «полное уничтожение противника». Очевидно, что группа нападавших обладала военной подготовкой, именуемой «спецназ». Их оружие, снаряжение и униформы характерны для милитаризированной организации и показывают, что речь идет об акции заказанной, подготовленной и руководимой лицами или инстанциями, которые напрямую в событиях не участвовали.

8. — Боевики получают оружие в результате его прямых поставок офицерами федеральной армии, судебной полицией и, в особенности, так называемых «сил общественной безопасности», правительство штата Чьяпас (выполняющее основную «грязную работу» в стратегии Седильо) в свою очередь достает оружие на черном рынке, существующем среди различных полицейских корпораций страны. Полицейские и военные направляют добытое в результате конфискации оружие на нелегальную продажу помещикам, телохранителям, губренаторам, муниципальным президентам и прочим «важным лицам».

Речь идет о настоящем «отмывании оружия». Оружие это является «грязным» или «черным», и называется так из-за того, что было использовано при совершении преступлений. Его «отмывание» происходит посредством продажи региональным и местным властям.

9. — Кровавый ритуал вскрытия животов убитых беременных женщин и показа в качестве трофея их содержимого, является частью «боевой подготовки», которую гватемальские военные (так называемые «кайбили») предоставили своим мексиканским коллегам после сапатистского восстания. После 1 января 1994 года гватемальская армия предложила мексиканской «помощь и подготовку» в антиповстанческой борьбе. Отборная группа офицеров федеральной армии прошла курс по подготовке «кайбилей». С тех пор в соседней стране обучаются новые группы мексиканских военных.

10. — Жертвы были выбраны не случайно. Место, день и время преступления выбирались специально для того, чтобы адресаты кровавого предупреждения его получили и поняли. Адресатами являются повстанческие индейские общины и предупреждение состоит в том, что «не выживет никто из считающих себя независимым от правительства».

11. — Мексиканское правительство делает вид, что бойня в Актеале была для него неожиданностью. Тем не менее, благодаря прессе и частным каналам национального телевидения, напряженная ситуация, царившая в Лос-Альтос и на севере Чьяпаса в недели, предшествовавшие актеальской бойне, была общеизвестной. О подготовке убийства 45 индейцев было известно заранее.

12. — С самого начала осложнения и кризиса социальной обстановки в Чьяпасе, в результате правительственной антиповстанческой стратегии, ПРИК-ГК⁷⁷ САНО рекомендовали всем своим базам поддержки, в любой момент и даже ценой потери своего скромного имущества, избегать столкновений с другими индейцами. Для нас было ясно, что целью правительства было и остается то, чтобы мы поменяли врага и начали воевать с другими индейцами. Поэтому, каждый раз, когда мы подвергались агрессии, мы не отвечали насилием, а обращались к Национальной комиссии по посредничеству (само существование которой — вызов федеральному правительству) и к национальной и международной прессе (информационный профессионализм которых так раздражает правительство).

В любом случае, как федеральное, так и местное правительство были в курсе того, то готовилось в Лос-Альтос Чьяпаса.

Вновь и вновь мексиканская пресса публиковала репортажи о сигналах того, что сейчас ясно читается на крови Актеаля.

На профессиональные журналистскую работу региональные власти отвечали оплаченными публикациями, письмами опровержения и щедрыми взятками для некоторых, называющих себя журналистами.

Тем временем, федеральное правительство не сделало даже этого. Правительственный секретариат предпочел следовать своей привычной страусиной политике и «исчез», считая что если о проблеме не говорить, она сама собой разрешится.

Национальная комиссия по посредничеству, выдерживая постоянные и разнообразные нападки властей, постоянно информировала правительство Чьяпаса и Правительственный секретариат о каждом из фактов, которые, как сегодня известно, привели к бойне в Актеале.

77 ПРИК-ГК — Подпольный Революционный Индейский комитет -
Генеральное Командование Сапатистской Армии Национального Освобождения.

13. — Невозможно отрицать, что Правительственный секретариат знал заранее о серьезной угрозе нависшей над индейскими жителями Лос-Альтос.

Некоторые газеты общенациональной публикации, в течении месяцев освещали и распространяли информацию, ставшую сегодня уже историческим antecedентом худшего из преступлений совершенных в Мексике за последние 29 лет.

На одном из каналов мексиканского частного телевидения были объективно показаны условия травли и запугивания, в которых живут индейцы Ченало. Все интервьюируемые заявили о присутствии и активности «белых гвардий».

У нас нет сомнений ни в том, что правительственный секретарь читает газеты, ни в том, что он видел программу. Доказательство этому — его протест по поводу «одностороннего и сенсационалистского характера» телевизионной информации и вето на ее дальнейшее распространение.

Когда он просмотрит ее заново, он должен будет вспомнить, что некоторые из индейцев, у которых были взяты интервью для этой «односторонней и сенсационалистской» программы сейчас мертвы, убитые теми, кто, как и правительственный секретарь, жаловались на тяжелые обвинения, вытекавшие из содержания репортажа.

14. — В случае бойни в Актеале власти нельзя судить за халатность, потому что эта «операция» — часть задуманного ими плана. Халатность в другом — в том что они не сумели или не смогли сделать этого незаметно. Они забыли, что с января 1994 года индейская кровь стоит дорого и своевременная профессиональная работа средств информации вытащила на свет то, что должно было остаться в пещере или на дне оврага.

15. — Служба безопасности САНО обнаружили присутствие боевиков с середины ноября 1997 года. Что-то готовилось. В начале декабря стала очевидно, что вот-вот ими будет осуществлена какая-то операция. Мы думали, что эта «какая-то операция» будет связана с визитом в Чьяпас нунция Папы. Поэтому в нашем коммюнике мы предупредили о возможном покушении на жизнь сеньора Хусто Мульора. Мы ошиблись, жертвами должны были стать, еще раз, те кто внизу. Сейчас мы это знаем.

16. — Согласно найденным свидетельствам, мы приходим к выводу, что преступление в Актеале было подготовлено заранее, совершенно сознательно и под руководством местных правительственных властей и при пособничестве различных секретариатов федерального правительства, среди которых — Правительственный секретариат, секретариат по Социальному Развитию и секретариат по Национальной Обороне, а также местного и национального руководства Институционной Революционной партии.

17. — После провала политики, направленной на лишение САНО индейской социальной базы, федеральное и местное правительство выбрали то, что показалось им самым простым — уничтожение этой социальной базы. Они понимали, что прямое участие федеральной армии в осуществлении этого плана обошлось бы для них слишком дорого. Поэтому они, отказавшись от «здорового расстояния», прибегли к своей партийной структуре и воспользовались ей для того, чтобы делать то, что лучше всего умеют — воровать и убивать.

18. — Нынешняя война в Ченало не началась в 30-е годы. Она начала готовиться в августе 1995 года, когда федеральное и местное правительство согласовали свою сегодняшнюю антисапатистскую стратегию. До этого, в течение более чем полутора лет после 1 января 1994 года, мирное сосуществование среди различных политических групп было возможным. Более того, всего несколько месяцев назад, официальные власти Ченало договорились с властями автономными о взаимном уважении и терпимости. Но «сверху» пришел приказ покончить с повстанцами...

19. — Объяснения, которые хотят дать власти, делающие вид что расследуют преступление, являются совершенно фальшивыми. Дело было ни в религиозном конфликте, ни в идеологических разногласиях, ни тем более, в между- или внутриобщинных спорах. Истории о том, что конфликты в Ченало начались еще в 30-е годы — это сказки для дураков, придуманные теми, кто называет себя следователями или строит из себя антропологов. Не в 30-е годы, а почти 30 лет назад мир был потрясен другой бойней, подобной этой. И Тлателолько 68-го роднит с Актеалем 97-го не только пролитая кровь невинных. Тогда, как и сейчас, правительство с руками, полными смерти, говорило о диалоге и мире.

Братья и сестры!

Бойня в Актеале была бойней, осуществленной вероломно, умышленно и с целью извлечения выгоды.

Ее мотивы — политические, военные, социальные и экономические. Речь — об уничтожении восставших индейцев.

Ее интеллектуальные авторы находятся высоко вверху, среди федерального и местного правительств.

41 задержанный — это мелкие пешки в сложной и кровавой машине войны против индейских народов Мексики. Удаление мелких пешек вовсе не влияет на действия этой машины, они с легкостью будут заменены.

Именно для этой замены, а не для избежания повтора Актеала -97, федеральное правительство вновь отправляет тысячи солдат на индейские земли и миллионы долларов местным властям, открывшим для себя, что война и особенно грязная война — это большой бизнес.

Это то, что нам удалось выяснить в ходе нашего расследования.

Демократии!

Свободы!

Справедливости!

С гор юго-востока Мексики.

Субкоманданте Маркос

Подпольный Революционный Индейский комитет -

Генеральное Командование Сапатистской Армии Национального Освобождения.

Мексика, декабрь 1997 г.

Приветствие демонстрации Достоинства лесбиянок, геев, транссексуалов и бисексуалов

Комитету сексуального многообразия;

Сообществу лесбиянок, геев, транссексуалов и бисексуалов:

Мы благодарим вас за возможность обратиться к вам с нашим словом в честь этой 21-й демонстрации Достоинства лесбиянок, геев, транссексуалов и бисексуалов, организованной лучшими представителями сексуального многообразия Мексики.

В этот день борьбы за достоинство и уважение к отличию примите каждая, каждый и те, кто не каждый и не каждая, привет от сапатистов.

Долгое время гомосексуалисты, лесбиянки, транссексуалы и бисексуалы были вынуждены жить и умирать, скрывая свое отличие, молча терпеть преследования, презрение, унижения, домогательства, шантаж, оскорбления, избиения и убийства.

Отличные от других должны были терпеть отрицание своей человеческой полноценности только из-за простого несоответствия несуществующей, но симулируемой и превращенной в знамя нетерпимости и сегрегации, сексуальной нормальности.

Становясь во всех социальных кругах жертвами, объектом насмешек, сплетен, оскорблений и смертей, отличные в своих сексуальных предпочтениях замалчивали эту одну из самых древних в истории несправедливостей.

И всё.

Во всех социальных кругах, во всех уголках страны, во всех центрах работы, учебы, борьбы и жизни во весь рост встает человеческое требование уважения и признания прав сообщества лесбиянок, геев, транссексуалов и бисексуалов.

Сегодня в этом дне признания прав сексуального многообразия открыто участвуют все те, кто устав скрывать свое отличие, нашел в своем взгляде и своем сердце достаточно мужество и отваги.

Нечего скрывать. Ни сексуальные предпочтения, ни гнев от бессилия перед непониманием правительства и части общества, считающих, что все, что не соответствует их пониманию, является чем-то ненормальным и постыдным.

Чего должны стыдиться гомосексуалисты, лесбиянки, транссексуалы и бисексуалы?

Пусть стыдятся те, кто будучи правительством, безнаказанно ворует и убивает!

Пусть стыдятся те, кто преследует отличных от себя!

Но в этой демонстрации участвуют не только те, кого мы можем здесь видеть и слышать.

Многие вынуждены скрываться, иногда даже от самих себя, но не из-за этого они откажутся от своего права, принадлежащего каждому человеку — права на уважение его достоинства, независимо от его цвета кожи, языка, дохода, культуры, религии, идеологии, веса, роста или сексуальных предпочтений.

Всем участникам этой демонстрации — наше восхищение вашим мужеством и отвагой, тем, что вы позволили себя видеть и слышать, вашим гордым, достойным и полноправным «Баста!».

Наш привет — вашему организованному существованию.

Наша поддержка — вашей борьбе и вашим требованиям.

Тем, кого сегодня здесь нет, но завтра будет — наш привет и надежда на то, что однажды можно будет быть самими собой без печали, без стыда и без страха.

Мы, сапатисты, сапатистки и те, кто ни первые и ни вторые, но все равно сапатисты, приветствуем достоинство лесбиянок, геев, транссексуалов и бисексуалов.

Да здравствуют ваша отвага и другое завтра, более справедливое и человеческое для всех!

Добро. Привет и пусть однажды молчание не найдет в мире уголка, где спрятаться.

С гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос.

Сапатистская Армия Национального Освобождения

Народам, которые борются против войны Социальной Европе; мужчинам и женщинам, говорящим «Нет!»

Мексика, июнь 1999 г.

Братья и сестры! Примите это приветствие от сапатистов из Мексики. В эти дни во всем мире проходят различные демонстрации и выступления против войны, которую деньги посеяли в сердце Европы — войны в Косово.

В этой войне Мировая Власть стремится заставить нас всех занять одну из двух позиций: поддержать войну «этнических чисток» Милошевича, или же поддержать «гуманитарную» войну НАТО.

В этом — великая алхимия денег: нам предлагают выбор не между миром и войной, а между двумя войнами.

На прилавках глобализованного рынка, Власть предлагает человечеству лишь различные варианты одной и той же войны — варианты всех цветов, вкусов, размеров и форм. На все вкусы и для всех карманов. Их все объединяет только одно — результат. В любом случае разрушение, в любом случае отчаяние, в любом случае смерть. И смерть, отчаяние и разрушение всегда для другого, для отличного, того, кто лишний, кто мешает, кто снизу.

Но даже внутри меркантильной логики торговцев смертью неолиберализм хочет обмануть нас — эта война, как предполагалось, начатая для избежания новых смертей, лишь умножила их; война, которая должна была пресечь возможность расширения конфликта на другие регионы, лишь обеспечила то, что огонь конфронтации вышел за свои первоначальные географические границы, «умная» война смогла лишь еще раз продемонстрировать огромные разрушительные способности тупости, война «доброй воли» опять игнорирует право людей на жизнь, и их уничтожение сейчас рассматривается как «побочные потери».

Это ложь.

Неправда, что мы должны стать потребителями этого рынка смерти.

Неправда, что выбор существует только между различными типами войн.

Неправда, что мы должны становиться на сторону одного или другого идиотизма.

Неправда, что мы должны отказаться от разума и человечности.

Ничто не может быть оправданием этнической войны Милошевича.

Ничто не может быть оправданием «гуманитарной» войны НАТО.

Ловушка именно в этом. Но с каждым днем в мире становится все больше тех, кто отказывается попасть в нее и говорит «Нет!» войне на Балканах.

В Косово стоит вопрос не только о выживании и сопротивлении Социальной Европы перед лицом Европы Денег. Вопрос не только в принятии или неприятии фактической власти новой мировой полиции — униформы, в которую облачены сегодня войска Пентагона.

Вопрос также в возможности признания другого, отличного от нас — и живым, а не мертвым, заключенным в тюрьму, униженным, осужденным, преследуемым, забытым.

Не впадем же в эту ловушку, не допустим, чтобы потеря человечности вошла в историю как «побочная потеря», и восторжествовали цинизм и конформизм генералов победителей европейской войны.

Несмотря на всю власть денег, несмотря на все оружие, несмотря на все варварство, несмотря на все попытки гегемонии и униформирования мира, несмотря на все ловушки, у нас остается право на наше «Нет!».

Именно это мы хотим утвердить сегодня. Мировое «Нет!» лжи, затмевающей правду в небе и на земле Косово. Нет — уничтожению другого.

Нет — смерти разума. Нет — цинизму. Нет — безразличию. Нет — выбору между преступниками более или менее кровавыми, более или менее извращенными, более или менее сильными.

Если мы сегодня не скажем «Нет!» в Косово, завтра нам придется сказать «Да!» следующим ужасам, которые деньги уже готовят в других уголках мира.

Другой мир, отличный от этого жестокого супермаркета, который нам навязывает неолиберализм, возможен. Другой мир, где будет выбор между войной или миром, памятью или забвением, надеждой или отчаянием, серым цветом или всеми цветами радуги, возможен. Мир, в который поместятся многие миры, возможен. Из «Нет!» возможно рождение «Да!», несовершенного, незаконченного и неполного, «Да!», которое вернет человечеству возможность каждый день воссоздавать непростой мост, соединяющий мысли и чувства.

Поэтому мы, сапатисты, говорим «Нет!».

Да здравствует жизнь! Смерть смерти!

Из гор Юго-Востока Мексики

Субкоманданте Маркос

Мексика, июнь 1999 г.

Опубликовано 23 октября 2001 г.

Четвертая Мировая война

Следующий текст — это фрагмент выступления субкоманданте Маркоса перед Международной гражданской комиссией наблюдателей за соблюдением прав человека в Ла-Реалидад, Чьяпас, 20 ноября 1999 г., его наброски были опубликованы в письмах 5.1 и 5.2 в ноябре того же года, под названием: «Чьяпас: война: i. Между спутником и микроскопом, взгляд другого» и «ii. Машина этноцида». Любая схожесть с войной сегодняшней — случайное совпадение.

Субкоманданте Маркос Изменение в структуре войны

Согласно нашей концепции, так называемые мировые войны, будь то Первая, Вторая или же те, что мы называем Третьей и Четвертой, обладают многими постоянными характеристиками.

Одна из них — это завоевание территорий и их реорганизация. Если вы посмотрите на карту мира, то увидите, что после окончания любой из мировых войн в мире происходили не только территориальные изменения, но и перемены в обустройстве этих территорий. После Первой мировой войны возникла одна карта мира, а после Второй мировой — другая.

В результате окончания того, что мы решаемся назвать Третьей мировой войной, а другие называют «холодной войной», тоже состоялось завоевание и последующая реорганизация территорий. Это произошло в конце 80-х и совпало с распадом социалистического лагеря, возглавлявшегося Советским Союзом. И с началом 90-х, начало вырисовываться то, что мы называем Четвертой мировой войной.

Другая отличительная черта — это уничтожение противника. В случае Второй мировой войны это был нацизм, а Третьей — все, что было известно как СССР и социалистический лагерь, противостоявшие капиталистическому миру.

Третья отличительная черта — это управление завоеванным. В момент, когда территории завоеваны, необходимо начать управлять ими так, чтобы это было выгодно победителю. Мы часто используем термин «завоевание», потому что являемся экспертами в этом деле. Государства, которые раньше назывались национальными, всегда стремились к завоеванию коренных народов. Несмотря на эти постоянные черты, существует ряд переменных, изменяющихся от одной войны к другой — стратегия, участники, то есть стороны, применяемое ими вооружение, и, наконец, тактика. Несмотря на постоянное изменение тактики, она всегда проявляется, и для понимания сути той или иной войны можно изучать.

Третья мировая или «холодная» война занимает период с 1946 года (или, если угодно, с бомбы сброшенной на Хиросиму в 1945 году) до 1985–1990 годов. Это большая мировая война, состоявшая из множества войн локальных. И, как все остальные, она закончилась завоеванием территорий и уничтожением противника. Следующий шаг — переход к управлению завоеванным и реорганизация территорий. В этой войне были следующие участники: во-первых, две сверхдержавы — Соединенные Штаты и Советский Союз со своими сателлитами; во-вторых, большинство европейских государств; в-третьих, Латинская Америка, Африка и часть Азии и Океании. Страны периферии вращались вокруг США или СССР, согласно тому, что их больше устраивало. За сверхдержавами и странами периферии находились зрители и жертвы, то есть остальной мир. Борьба между сверхдержавами не всегда происходила напрямую. Часто она осуществлялась посредством других стран. Тогда как крупные промышленно развитые государства присоединялись к одному или другому блоку, остальные страны и их население выступали в качестве зрителей или жертв. Основными характеристиками этой войны было: первое — гонка вооружений и второе — локальные войны. Обладая ядерным оружием две сверхдержавы соревновались между собой в том, сколько раз они могут уничтожить мир. Формой давления на противника, была демонстрация превосходящей его силы. И в то же время в разных местах планеты развязывались локальные войны, за которыми стояли сверхдержавы.

Как всем нам известно, результатом оказались поражение и распад СССР и победа США, вокруг которых сегодня объединено подавляющее большинство стран. Именно в этот момент начинается то, что мы называем Четвертой мировой войной. И здесь возникает одна проблема. Результатом предыдущей войны должен был стать монополярный мир — одна страна должна доминировать над всеми остальными, в мире, где у нее нет противников, — но для того, чтобы это стало реальностью, монополярный мир должен осуществить то, что известно как «глобализация». Представьте себе мир как большую завоеванную территорию, где противник уничтожен. Этим новым миром необходимо управлять, поэтому он должен быть глобализован. Поэтому обращаются к информатике, которая в истории развития человечества столь же важна, как когда-то изобретение паровой машины. Информатика позволяет находиться в любом из мест одновременно, больше нет границ и ни временных, ни территориальных преград. Благодаря информатике начинается процесс глобализации. Стираются разделения, различия, национальные государства — и мир превращается в то, что довольно точно называют мировой деревней.

Концепцию, которая дает основания для глобализации, мы называем «неолиберализмом». Это новая религия, которая позволит, чтобы этот процесс был доведен до конца. В Четвертой мировой войне опять завоевываются территории, уничтожают противника и управляют уже захваченными землями.

Вопрос в том, какие территории необходимо завоевывать и кто является противником. Поскольку предыдущий противник уже исчез, мы утверждаем, что нынешним противником является человечество. Четвертая мировая война уничтожает человечество по мере того, как глобализация является универсализацией рынка. Все человеческое, что возникает на пути

рыночной логики, объявляется враждебным и подлежит уничтожению. В этом смысле все мы являемся противником, который должен быть побежден — индейцы, не индейцы, наблюдатели за соблюдением прав человека, учителя, интеллектуалы, артисты. Любой, считающий себя свободным и таковым не являющийся.

В этой Четвертой мировой войне применяется то, что мы называем «разрушением». Территории разрушаются и освобождаются от людей. Во время войны территорию противника необходимо разрушить, превратить в пустыню. Но не просто из страсти к разрушению, а для того чтобы потом восстановить и заново упорядочить. В чем состоит основная проблема глобализации монополярного мира? В национальных государствах, сопротивлениях, культурах, формах взаимоотношений внутри каждого из народов, во всем том, что делает их разными. Разве может эта деревня стать мировой и весь мир одинаковым, если все такие разные? Когда мы говорим о необходимости разрушить и опустошить национальные государства, это не обязательно означает физическое уничтожение людей, но обязательно — это уничтожение различных форм человеческих взаимоотношений. После разрушения необходимо восстановление. Восстановить территории и отвести на них людям место, которое определяют законы рынка, — именно к этому ведет глобализация.

Первое препятствие — это национальные государства: необходимо напасть на них и их разрушить. Нужно уничтожить все, что делает государство «национальным», — язык, культуру, экономику, политическую структуру и социальную ткань. Национальные языки больше не нужны, необходимо их ликвидировать и утвердить новый язык. Вопреки тому, что можно подумать, этот язык — не английский, этот язык — информатика. Надо свести к одному все языки, перевести их на язык информатики, даже если этот язык — английский. Все культурные аспекты, делающие француза французом, итальянца — итальянцем, датчанина — датчанином, мексиканца — мексиканцем должны быть разрушены, потому что это барьеры, мешающие доступу к глобализованному рынку. Вопрос уже не в том, как создать один рынок для французов, а другой — для англичан или для итальянцев. Нужно создать один-единственный рынок, где один и тот же человек сможет потреблять один и тот же продукт в любой части мира и где этот человек будет вести себя как гражданин мира, а не как гражданин национального государства.

Это значит, что история культур, история традиций сталкивается с этим процессом и является в Четвертой Мировой войне противником. Особенно серьезно это для Европы, где проживают народы с очень давними традициями. Французская, итальянская, английская, немецкая, испанская и прочие культурные логики — все, что не может быть изложено в терминах информатики и рынка — являются для глобализации препятствиями. Товары будут теперь циркулировать по информационным каналам, и все остальное должно быть или убрано, или отложено в сторону. Национальные государства обладали собственной экономической структурой и тем, что называлось «национальной буржуазией», — капиталистами, проживавшими в своей стране и там же получавшими свою прибыль. Так продолжаться больше не может: если вопросы экономики решаются на мировом уровне, экономическая политика любого национального государства, которое попытается защитить интересы своих национальных капиталов, будет объявлена врагом. Договор о свободной торговле и то, что привело к Европейскому Союзу и евро — все это симптомы глобализации экономики, хотя, как это происходит с Европой, речь вначале заходит лишь о региональной глобализации. Национальные государства пытаются выстраивать свои политические взаимоотношения, но политические взаимоотношения теперь уже не годятся. Я не определяю их как плохие или хорошие: дело в том, что эти политические взаимоотношения являются препятствием для действия рыночных законов. Национальный политический класс уже стар и должен быть заменен. Напрягите вашу память и попытайтесь припомнить имя хотя бы одного сегодняшнего крупного европейского государственного деятеля. Скорее всего, вам это не удастся. Самые главные персонажи Европы евро — это такие личности как банкир, президент Бундесбанка. То, что он скажет, предопределяет политику президентов и премьер-министров разных стран Европы.

И если социальная ткань сейчас разорвана, бывшие отношения взаимопомощи, делавшие возможным сосуществование внутри национальных государств, сегодня тоже рвутся. И это питает различные кампании, направленные против гомосексуалистов и лесбиянок, против мигрантов, различные кампании ксенофобии. Все, что раньше находилось в определенном

равновесии, разлетается вдребезги в момент, когда эта война атакует национальное государство и превращает его в нечто совершенно другое.

Речь идет о сведении всех к общему знаменателю, о превращении всех нас в существа совершенно одинаковые и об утверждении в мире только одного образа жизни. Главным развлечением при этом должна стать информатика: информатика должна стать работой, главной человеческой ценностью должно стать количество кредитных карточек, а также покупательная и производительная способность. В случае с преподавателями это очень просто. Уже неважно, у кого больше знаний и опыта, сейчас главное — кто проводит больше исследований, от этого зависят зарплаты, социальная защита и место в университете.

Все это тесно связано с североамериканской моделью. Тем не менее, Четвертая мировая война приводит к противоположному эффекту, называемому нами «расщеплением». Парадоксальным образом мир не превращается в единое целое, а наоборот, раскалывается на множество частей. Несмотря на то что, как предполагается, граждане мира должны становиться все более похожими друг на друга, из существующих ныне различий возникают все новые и новые — гомосексуалисты и лесбиянки, молодежь, мигранты. Национальные государства действуют как одно большое государство-земля-акционерное общество, дробящее нас на множество осколков.

Если вы посмотрите на карту мира этого периода — периода окончания Третьей мировой войны — и проанализируете историю последних восьми лет, вы увидите, что произошел значительный передел мира, особенно в Европе, но не только там. Там, где раньше была одна страна — сейчас их стало много, и карта мира продолжает дробиться. Таков парадоксальный результат Четвертой мировой войны. Вместо глобализации мир раскалывается и вместо того, чтобы под действием этого механизма все жители мира становились все более одинаковы и подчиненными ему, между ними возникает все больше и больше различий. Глобализация и неолиберализм превращают мир в архипелаг. И этому необходимо навязать рыночную логику, подвести все под общий знаменатель. Это мы называем «финансовой бомбой».

Одновременно с возникновением людей, отличных от других, умножаются различия. У каждого молодого человека — своя любимая группа, свои понятия о жизни, например, в каждой стране есть панки и скинхеды. Сейчас отличные не только отличны, но и множат свои различия и ищут собственную идентичность. Очевидно, что Четвертая мировая война не предлагает им зеркало, где они могут увидеть, что объединяет их с остальным человечеством, напротив — им предлагается разбитое зеркало. И каждый выбирает доставшийся ему осколок и с ним — свое поведение в жизни. Пока власть чувствует, что в ее руках — контроль над архипелагом, над людьми, не над территориями, — она за себя спокойна.

Мир разлетается на множество осколков, больших и маленьких. Уже не существует континентов в том смысле, что кто-то чувствует себя европейцем, африканцем или американцем. То, что предлагает глобализация неолиберализма, — это сеть, сплетенная финансовым капиталом или, если угодно, финансовой властью. Если в этом ее узле — кризис, его эффект будет амортизирован остальной ее частью. Если в одной из стран существует определенный уровень благополучия, его эффект не распространится на остальные страны. Таким образом, эта сеть не действенна, все то, что нам об этом говорили — ложь мирового масштаба, речь, столько раз повторенная лидерами Латинской Америки, будь то Менем, Фухимори, Седильо или другие руководители соответствующих моральных качеств. В действительности оказывается, что сеть эта сделала национальные государства гораздо более уязвимыми. Сейчас она заканчивает их уничтожение, и на этот раз — за счет внутренних эффектов. И любые усилия любой из стран по достижению внутреннего равновесия и поиск собственного пути для своего народа оказываются тщетными. Все зависит от того, что произойдет в одном из японских банков, от того, как поведет себя русская мафия или спекулянт в Сиднее. Так или иначе, национальные государства не могут спастись, приговор им окончателен и обжалованию не подлежит. Когда национальное государство соглашается на вступление в эту сеть — потому что нет другого выхода, его к этому вынуждают, хочет оно того или нет, — оно подписывает собственное свидетельство о смерти.

В результате мировой рынок стремится к одному — к превращению всех этих островов не в страны, а в свои торговые центры. Можно попасть из одной страны в другую и увидеть

езде одни и те же продукты, уже нет никакой разницы. В Париже и в Сан-Кристобале-де-Лас-Касас можно потреблять одно и то же; находясь в Сан-Кристобале-де-Лас-Касас, можно в то же время быть и в Париже и узнавать одни и те же новости. Это — конец национальных государств. И не только их — это конец людей, из которых состоят эти государства. Единственное, что важно, — это закон рынка; именно он определяет, что если ты производишь столько-то — то стоишь столько-то, а если потребляешь столько-то — то стоишь столько-то. Достоинство, сопротивление, солидарность — помехи. Все, что мешает превращению человека в машину по производству и покупке товаров, — это враг, который должен быть уничтожен. Поэтому мы говорим, что противником в Четвертой мировой войне является весь род человеческий. Не уничтожая его физически, она уничтожает в нем все человеческое.

Но, как это ни парадоксально, с разрушением национальных государств достоинство, сопротивление и солидарность возникают вновь и вновь. И нет уз более сильных и прочных, чем те, что существуют между группами отличных от других — между гомосексуалистами, лесбиянками, молодежью и мигрантами. Поэтому эта война ведется и против тех, кто отличается. Именно в этом — причины мощных расистских кампаний в Европе и Соединенных Штатах против тех, у кого смуглая кожа, тех, кто говорит на другом языке или принадлежит к другой культуре. В том, что остается от национальных государств, ксенофобия культивируется в виде угроз вроде: «Эти турецкие мигранты хотят отобрать у тебя работу», «Эти мексиканские мигранты приехали к нам, чтобы насиловать, воровать и распространять среди нас свои дурные привычки». Национальные государства или то небольшое, что от них остается, поручают новым гражданам мира миссию избавления от мигрантов. И потому процветают такие группы, как Ку-Клукс-Клан, и ко власти приходят персонажи такой выдающейся порядочности, как Берлускони. Все они привносят свой вклад в кампанию ксенофобии. Ненависть к другим, преследования всех, отличных от остальных, становятся мировым явлением. Перед лицом этой агрессии различия множатся и укрепляются. Я не хочу квалифицировать это как что-то хорошее или плохое, но сегодня это так.

ВОЙНА ВЕДЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО ОРУЖИЕМ

В чисто военном отношении, у Третьей мировой войны была своя логика. В первую очередь эта война была конвенциональной, строившейся на том, что каждая сторона выставляет своих солдат, они сражаются и выживший побеждает. Это происходило на одной специально отведенной для этого территории, которой, в случае сил Организации Североатлантического альянса, НАТО, и сил Варшавского договора, являлась Европа. С началом этой конвенциональной, то есть ведущейся между армиями, войны, была начата и гонка вооружений.

Рассмотрим некоторые детали. Это (показывает винтовку) — полуавтоматическое оружие и называется оно AP-15, автоматическая винтовка. Ее создали для войны во Вьетнаме, и разобрать ее можно очень быстро (разбирает ее) — раз, и готово. Когда ее сделали, североамериканцы думали о сценарии конвенциональной войны, то есть о столкновении крупных воинских контингентов. «Отправим много солдат, бросим их в бой и кто-нибудь да останется.» В то же время, Варшавский договор разрабатывал автомат Калашникова, известный больше, как АК-47, оружие с большой огневой мощностью на коротких дистанциях, до 400 метров. Советская концепция подразумевала волновые атаки войск: сначала выдвигалась и открывала огонь первая линия, и если она гибла, в бой вступали вторая и третья. Побеждал тот, у кого больше солдат. Тогда североамериканцы пришли к выводу что «старая винтовка «Гаранд» времен Второй мировой войны нам уже не годится. Теперь нам нужно оружие с большой огневой мощностью для коротких дистанций». Так они разработали AP-15 и испытали ее во Вьетнаме. Но она себя не оправдала. Когда их атаковал «Вьетконг», механизм не закрывался и вместо выстрела винтовка просто щелкала. Но это был не фотоаппарат, а оружие. Потом они попытались решить эту проблему с помощью модели M-16A1. Здесь загвоздка заключалась в том, что в этой винтовке используются два вида патронов. Один, гражданский, сечением в 2,223 дюйма — их можно купить в любом магазине Соединенных Штатов. И другой — 5,56-миллиметровый, находящийся исключительно на вооружении сил НАТО. Эта пуля очень эффективна и у нее есть одна

хитрость. Целью войны является нанесение противнику потерь, а не убийство его солдат, потому что потерей в армии считается просто вывод солдата из строя, когда он уже не может воевать. Женевская конвенция — договор с целью гуманизации войны — запрещает разрывные пули, потому что когда они попадают в цель, они гораздо более разрушительны и смертельны, чем обычные пули с твердым сердечником.

«Поскольку цель в повышении числа раненых и понижении убитых, — сказали в Женеве, — запретим разрывные пули». Попадание пули с твердым сердечником выводит тебя из строя, ты являешься потерей, но если только пуля не поражает жизненно важный центр, тебя не убивает. Для выполнения Женевской конвенции и осуществления своей хитрости североамериканцы создали пулю с мягким сердечником, которая, входя в человеческое тело, надламывается и начинает вращаться. Входное отверстие одного размера, а выходное — намного больше. Эта пуля намного хуже разрывной и не нарушает договоров. Тем не менее, если она попадает тебе в руку — ты остаешься без руки. Пуля 162 может пробить тебя насквозь, но только ранит, эта же разрывает тебя на куски. И, как бы случайно, мексиканское правительство только что закупило 16 тысяч этих пуль.

То есть, для каждого конкретного сценария создавалось соответствующее оружие. Предположим, что ядерное оружие использовать не хотели. Что же использовали? Большие количества солдат против больших количеств солдат. И так были созданы доктрины конвенциональной войны НАТО и Варшавского договора.

Второй возможностью была ограниченная ядерная война, война с использованием ядерного оружия, но только в определенных местах. Между двумя сверхдержавами существовала договоренность не атаковать друг друга на собственных территориях, а вести войну исключительно на территории нейтральной. Излишне говорить, что этой территорией была Европа. Именно там должны были падать бомбы, а там уж было бы видно, кто останется в живых в Европе Западной и в той, что называлась Восточной.

И последней возможностью Третьей Мировой войны была всеобщая ядерная война, оказавшаяся большим бизнесом, бизнесом века. Логика ядерной войны заключалась в том, что в ней не могло быть победителя, неважно кто начинал; как бы он ни начинал, другой обязательно успел бы ответить. Взаимное разрушение было гарантировано, и с самого начала стороны просто отказались от такой возможности. И этот вариант превратился в то, что в терминах военной дипломатии стало называться «политикой сдерживания».

Для того чтобы Советы не использовали против них свое ядерное оружие, североамериканцы создали много собственного ядерного оружия, и чтобы североамериканцы не использовали это ядерное оружие, Советы создали еще больше ядерного оружия, и так по нарастающей. Называлось это оружие межконтинентальным баллистическим, были это ракеты готовые лететь из России в Соединенные Штаты и из Соединенных Штатов в Россию. Стоили они бешеных денег и сейчас уже ни на что не годны. Существовали и другие виды ядерного оружия для местного использования, которые должны были быть применены в Европе в случае локальной ядерной войны.

В момент начала этой фазы, в 1945 году, такая война имела определенный смысл, потому что Европа была разделена на две части. Военная стратегия — а говорим мы сейчас об аспектах чисто военных, — заключалась в следующем: некоторые продвинутые посты непосредственно перед позициями противника, за ними — постоянная стратегическая линия, и уже за ней — тылы, в данном случае Соединенные Штаты или Советский Союз. Со стратегической линии производилось снабжение продвинутых постов. В воздухе 24 часа в сутки находились огромные «летающие крепости» Б-52, с ядерными бомбами на борту, которые благодаря дозаправке в воздухе не нуждались в посадке. Кроме того, существовали пакты. Пакт НАТО, Варшавский договор и СЕАТО (Организация договора о Юго-Восточной Азии), — что-то вроде НАТО для азиатских стран. Эта схема вводила в действие локальные войны. Все это имело свою логику, и было логично воевать во Вьетнаме, который был одним из согласованных сценариев. В роли продвинутых постов выступали местные армии или повстанцы, функцию стратегических линий выполняли линии подпольной или легальной поставки оружия, и в роли тыла выступали две сверхдержавы. Была еще договоренность о зонах, которым отводилась роль зрителей. Наиболее очевидные примеры этих локальных войн — латиноамериканские диктатуры, азиатские конфликты, в частности, Вьетнам, и войны в Африке. Казалось, это не имело абсолютно никакой логики, потому что в

большинстве случаев было совершенно непонятно, что происходит, но все происходившие события были частью схемы конвенциональной войны.

Именно в это время — и это важно — разрабатывается новая концепция «тотальной войны»: в военную доктрину включаются невоенные элементы. Например, во Вьетнаме, начиная с наступления в праздник Тет (1968 год) и заканчивая взятием Сайгона (1975 год), средства массовой информации превращаются в новый очень важный фронт боевых действий. Так, среди военных получает распространение идея, что только одной военной мощи недостаточно — необходимо включить в войну и другие элементы, такие, как средства массовой информации, и что противника можно атаковать и средствами экономическими, и политическими и даже дипломатическими, где особая роль отводится Организации Объединенных Наций и международным организациям. Некоторые страны организовали акты саботажа, чтобы добиться осуждения и обвинений в адрес других, что было названо «дипломатической войной».

Все эти войны следовали логике домино. Как ни несерьезно это звучит, казалось, два соперника играют в домино с остальным миром. Один из противников клал свою костяшку и другой старался ответить своей, чтобы осложнить сопернику продолжение игры. Это — логика посвященного персонажа по имени Киссинджер, государственного секретаря правительства США времен войны во Вьетнаме, говорившего: «Мы не можем уйти из Вьетнама, потому что это значило бы сдать другим партию домино в Юго-Восточной Азии». И поэтому они сделали во Вьетнаме то, что сделали.

Кроме этого, предпринимались попытки возродить логику Второй мировой войны. Для большинства населения ее логика была окрашена героизмом. В ней — образ морской пехоты, освобождающей Францию от диктатуры, освобождающей Италию от дуче, освобождающей Германию от военных, со всех сторон наступающей Красной Армии. Разумеется, смыслом Второй мировой было уничтожение врага, угрожавшего всему человечеству — национал-социализма. Поэтому локальные войны попытались в том или ином виде возродить мысль «мы защищаем свободный мир», но на этот раз роль национал-социализма отводилась Москве. И Москва, в свою очередь, делала то же самое: обе сверхдержавы старались использовать как аргумент «демократию» и «свободный мир» согласно собственным понятиям.

Потом наступает Четвертая мировая война, аннулирующая все предыдущее, потому что мир уже стал другим и ту же самую стратегию применить невозможно. Концепция «тотальной войны» развивается дальше — теперь это уже не только война на всех фронтах, но и война, которая может вестись в любом месте, тотальная война, при которой в игру включен весь мир. «Тотальная война» значит: война в любой момент, в любом месте и при любых обстоятельствах. Уже не существует идеи боя за какое-то конкретное место, бой может быть дан в любой момент; больше нет логики эскалации конфликта и обмена угрозами, захвата позиций и попыток наступления. Конфликт может возникнуть в любой момент и при любых обстоятельствах. Он может быть вызван какой-нибудь внутренней проблемой, каким-нибудь диктатором, всем тем, чем были вызваны войны последних пяти лет — от Косово до войны в Персидском заливе. Таким образом отменяется вся военная рутина «холодной войны».

В рамках Четвертой мировой войны невозможно вести войну, исходя из критериев Третьей, потому что сейчас мне уже необходимо воевать в любом месте, я не знаю, ни куда попаду, ни когда это случится, я должен действовать быстро, об обстоятельствах, ждущих меня в этой войне, мне тоже ничего неизвестно. Чтобы решить эту проблему, военные разработали сначала войну «быстрого развертывания». Примером этого может служить война в Персидском заливе, потребовавшая большого накопления военной силы в короткий промежуток времени, крупномасштабных боевых действий в течение короткого времени, завоевания территорий и отхода. Вторжение в Панаму — это другой пример действия этих сил «быстрого развертывания». Кстати, в НАТО тоже есть контингент, именуемый «силами быстрого реагирования». Быстрое развертывание заключается в том, что мощь колоссальной военной машины обрушивается на врага и не делает различия между детской больницей и заводом по производству химического оружия. Это происходило в Ираке — умные бомбы оказались достаточно глупы и не различали цели. И на этом военные остановились, потому что поняли, что обходится им это очень дорого и толку от этого мало. В Ираке они осуществили развертывание, но завоевания территорий не было. Возникли проблемы с

местными протестами, появились международные наблюдатели за соблюдением прав человека.

И военные вынуждены были отступить. Вьетнам их уже научил тому, что настаивать в таких случаях неразумно. «Нет, мы уже не можем этого делать», — сказали они. Тогда они перешли к стратегии «проекции силы». «Вместо того, чтобы создавать североамериканские базы по всему миру, сконцентрируем лучше все в одну большую континентальную силу, которая в течение считанных дней и часов сможет перебросить наши боевые соединения в любую точку мира». И действительно, за четыре дня они могли доставить в самое отдаленное место планеты дивизию из четырех или пяти тысяч солдат и больше, с каждым разом все больше.

Но если проекция силы опирается на своих, то есть североамериканских солдат — возникает проблема. Они считают, что если конфликт не будет разрешен быстро и начнут приходить цинковые гробы, как во время Вьетнамской войны, — это сможет вызвать множество внутренних протестов как в Соединенных Штатах, так и за их пределами. Для того чтобы избежать этих проблем, военные отказались от идеи проекции силы, преследуя при этом, насколько мы понимаем, чисто меркантильный интерес. Они подсчитывали не масштабы уничтожения живой силы или природы, а степень ущерба своему имиджу. Таким образом, идея войны-проекции была отложена в сторону, и они перешли к разработке новой военной модели с участием местных солдат плюс международная поддержка плюс участие еще одной наднациональной инстанции. Уже не нужно никуда отправлять солдат, потому что воевать можно будет за счет чужих солдат, местных, оказывать им поддержку согласно потребностям, возникающим в ходе конфликта, и не использовать схему, при которой войну объявляет одна страна, — необходимо прибегнуть к международной инстанции, такой как ООН или НАТО. Таким образом, получается, что местные солдаты делают грязную работу, а в новостях появляются североамериканцы и получаемая ими международная поддержка. Такая вот модель. Протестовать уже бесполезно — эти войны не ведет правительство Соединенных Штатов, это война НАТО, и кроме того, единственное, что делает НАТО — это оказание услуг и помощь ООН.

Реорганизация армий во всем мире проводится для того, чтобы они смогли, пользуясь международной поддержкой, под наднациональным прикрытием и под видом гуманитарной войны принять участие в локальном конфликте. Речь сейчас идет о спасении населения от геноцида путем его уничтожения. Именно это произошло в Косово. Милошевич начал войну против человечества — «если мы воюем с Милошевичем, значит, мы защищаем человечество». Это был аргумент, использованный генералами НАТО и принесший столько проблем европейским левым, — выступить против бомбардировок НАТО значило для них поддержать Милошевича, и поэтому они предпочли поддержать бомбардировки НАТО. И, как вам известно, Милошевича вооружили Соединенные Штаты. В действующей сегодня военной концепции весь мир — будь то Шри Ланка или любая самая отдаленная страна планеты — является задним двором, потому что процесс глобализации вызывает эффект одновременности. И проблема как раз в этом: все, что бы ни произошло в этом глобализованном мире, в любом его месте затрагивает интересы нового мирового порядка. Мир уже перестал быть миром, он — деревня, и все очень близко. Поэтому главный полицейский мира, в частности, Соединенные Штаты, имеют право на вмешательство в любой момент, в любом месте и при любых обстоятельствах. Они могут воспринять как угрозу своей внутренней безопасности все что угодно, например, они могут решить, что восстание индейцев в Чьяпасе или тамиллов на Шри Ланке или что угодно другое является для них непосредственной угрозой. Любое движение в любом месте планеты, причем совершенно необязательно вооруженное, может быть воспринято ими как угроза их внутренней безопасности.

Что же случилось? Почему исчезли старые военные стратегии и концепции? Посмотрим.

«Театр военных действий» — это термин, указывающий на место, где ведется война. В Третьей мировой войне театром военных действий была Европа. Сейчас уже неизвестно, где может вспыхнуть конфликт, это может произойти в любом месте и не обязательно в Европе. Поэтому военная доктрина переходит от того, что называлось «системой», к тому, что они называют «гибкостью». «Я должен быть готов действовать как угодно и в любой момент. Одной схемы мне уже недостаточно, мне необходимо множество схем, причем не только

чтобы выстроить ответ на определенные события, но и чтобы выстроить множество военных ответов на определенные события». И здесь открывается широкое поле действия для информатики. Эта перемена вызывает переход от систематического, квадратного и жесткого к гибкому, к тому, что может измениться с минуты на минуту. И это определит всю новую военную доктрину армий, воинских корпусов и солдат. Это является одним из основных элементов Четвертой мировой войны. Другой ее элемент — это переход от «стратегии сдерживания» к стратегии «расширения» или «распространения»; речь идет уже не только о завоевании территорий и сдерживании противника, сейчас важно суметь распространить конфликт на то, что они называют «невоенными акциями». В случае с Чьяпасом это выражено в постоянном снятии и назначении губернаторов и муниципальных президентов, с изменением тактики в отношении прав человека, средств массовой информации и т. д.

В новую военную концепцию включена интенсификация завоевания территорий. Это значит, что уже недостаточно покончить только с САНО и ее военными силами, нужно заняться еще и церковью, неправительственными организациями, международными наблюдателями, прессой, мирным населением и т. д. Уже нет мирных жителей и нейтральных сил. Весь мир — участник конфликта.

Это подразумевает то, что национальные армии уже не годятся, потому что им уже не надо защищать национальные государства. Если национальных государств больше нет, что им защищать? Согласно новой доктрине, национальным армиям отводится роль местной полиции. В случае Мексики это хорошо заметно: мексиканская армия все больше занята чисто полицейской деятельностью, такой как борьба с наркобизнесом, или же возникает новый орган по борьбе с организованной преступностью, который называется Федеральной полицией по предупреждению преступности и состоит из военных. Речь, стало быть, о превращении национальных армий в полицию, в стиле североамериканского комикса о Суперкопе. Когда будет проведена реорганизация армии в бывшей Югославии, она превратится в местную полицию, и НАТО станет ее Суперкопом, говоря политическим языком — ее старшим партнером. Звездой в этих случаях является наднациональная инстанция — НАТО или армия США, местные армии — это часть массовки.

Но национальные армии были созданы исходя из доктрины «национальной безопасности». В случае наличия врага или угрозы безопасности страны их дело было поддерживать эту безопасность, иногда перед лицом внешнего противника, а иногда перед внутренним врагом, дестабилизирующим страну изнутри. В этом заключалась доктрина Третьей мировой войны или «холодной войны». Учитывая этот момент, в рядах национальных армий был развит определенный уровень национального сознания, затрудняющий их сегодняшнее превращение в полицейских друзей Суперкопа. Поэтому доктрину национальной безопасности необходимо превратить в доктрину «национальной стабильности». Дело уже не в защите страны. Поскольку главным врагом национальной стабильности является наркобизнес и это мировое явление, национальные армии, действующие в рамках доктрины национальной стабильности, готовы к получению международной помощи и к международному вмешательству в других странах.

Во всем мире существует проблема реорганизации национальных армий. Сейчас мы спустимся к Америке и оттуда — к Латинской Америке. Процесс этот в общих чертах тот же, что и в Европе в случае войны НАТО в Косово. В Латинской Америке существует Организация американских государств, ОАГ, обладающая Системой защиты полушария. Согласно идее бывшего аргентинского президента Менема, все латиноамериканские страны находятся под угрозой, и нам необходимо объединиться, лишить наши армии национального сознания и под знаменем доктрины общей защиты полушария и под предлогом борьбы с наркобизнесом создать одну большую армию. Учитывая, что речь идет о гибкости, то есть о готовности начать войну в любой момент, в любом месте и при любых обстоятельствах, начинаются совместные военные маневры. Эта система защиты полушария должна покончить с немногими до сих пор существующими бастионами национальной обороны. В Европе это было Косово, в случае Латинской Америки это Колумбия и Чьяпас. Как создать эту систему защиты полушария? Есть два пути. В Колумбии, где существует угроза наркобизнеса, правительство обращается ко всем с просьбой о помощи: «Необходимо вмешаться, потому что наркобизнес — это угроза не только для Колумбии, но и для всего континента». В случае Чьяпаса применяется формула тотальной войны. Все являются ее участниками, нет нейтральных — или ты союзник, или ты противник.

НОВОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Дробя, превращая мир в архипелаг, финансовая власть стремится к созданию нового торгового центра в Чьяпасе, Белизе и Гватемале, который будет развивать туризм и контролировать природные богатства.

Кроме того, что в этих местах много нефти и урана, проблема в том, что еще здесь много индейцев. И индейцы, мало того что не говорят по-испански, не хотят иметь кредитных карточек, ничего не производят, заняты выращиванием маиса, фасоли, перца и кофе, и, кроме того, у них хватает наглости танцевать под маримбу и не пользоваться при этом компьютером. Они не потребители и не производители. Они излишни. А все излишнее должно быть уничтожено. Но они не хотят ни уходить, ни переставать быть индейцами. Более того, их борьба — не за власть. Они борются за то, чтобы их признали как индейские народы, чтобы признали их право на существование, не заставляя превращаться в других. Но проблема в том, что здесь, на этой территории пребывающей в состоянии войны, на сапатистской территории, находятся основные индейские культуры, их языки и богатейшие нефтяные месторождения. В САНУ участвуют индейские народы — цельталь, цоциль, тохолабаль, чоль, соке, мам, — и метисы. Это карта Чьяпаса — общины с индейским населением, нефтью, ураном и ценными породами дерева. И этих индейцев надо убрать отсюда, потому что они не воспринимают землю так, как это понимает неолиберализм. Для неолиберализма все является товаром, все продается и эксплуатируется. А эти индейцы смеют говорить «нет», потому что земля — это мать, потому что она хранит их культуру, потому что в ней живет их история и потому что в ней живут их мертвые. Сплошной абсурд, который не вмещается ни в один из компьютеров и не котируется ни на одной из бирж. И совершенно невозможно убедить этих индейцев в том, чтобы они вернулись к благоразумию, научить их думать правильно — не хотят и всё! И даже восстали с оружием в руках. Именно поэтому, считаем мы, мексиканское правительство не хочет мира; то, чего оно хочет — это покончить с этим противником, опустошить эту территорию, а потом вновь организовать ее и превратить в большой торговый центр, в гипермаркет юго-востока Мексики. САНУ поддерживает индейские народы, поэтому она тоже является врагом, но не главным. Договориться с САНУ было бы недостаточно, тем более, что договориться с САНУ значило бы отказ от захвата территории богатой нефтью, ураном и ценными породами дерева. Поэтому они этого не допустили и не допустят.

Партизан на асфальте

Интервью Матильде Камподонико и Эдуардо Бласине — корреспондентам уругвайского журнала «Эль-Обсервадор».

«Уругвайцы, уругвайцы! — говорит субкоманданте Маркос, — я ждал вас, и вы ждали меня. И вот мы здесь». Так началась беседа, которую провел с «Эль-Обсервадором» сапатистский лидер, в течение беседы его непритворная усталость не раз сменилась шуткой, хотя все это было выдержано в гораздо более серьезных тонах, чем известные телевизионные интервью

Встреча была назначена в четверг 15 марта на 18 часов, но из-за с трудом сдерживаемого нетерпения журналист и фотограф пришли на полчаса раньше.

Разговор начался на факультете Антропологии Столичного университета Мехико с пунктуальностью, превзошедшей ожидания журналистов. После контроля на входе, оба были проведены в маленький амфитеатр, на сцене которого находились приветственные рисунки, детская картина и длинный лоскут материи с текстом Эдуардо Галеано. Автор «Вскрытых вен Латинской Америки» не будучи пророком в своем отечестве, является таковым на сапатистских территориях.

После пяти минут ожидания, на лестнице, ведущей к маленькой сцене возникли силуэты Маркоса и команданте Тачо (его наиболее частой компании), где уже стояли заранее подготовленные пять стульев.

В беседе Маркос признал, что скучает по сельве, что городской смог не дает дышать, что он устал от маски, которую, находясь в столице, вынужден носить постоянно. В течение всего разговора он произвел впечатление очень спокойного и убежденного в своих словах человека, постоянно глядя в глаза собеседника и используя жесты одной руки, для выражения своих идей, и в другой руке держа свою неразлучную трубку.

К чему на самом деле стремится САНО? Вы говорите о демократии, свободе и справедливости, но все эти требования кажутся очень общими.

Нужно различать то, к чему стремится САНО, и то, чего хотят сапатисты. САНО хочет избавиться от буквы «А» в своем названии, перестать быть армией, а сапатисты хотят добиться одной очень простой вещи — изменить мир. Сделать его таким, каким он должен быть, круглым, для того чтобы в него вместились все, что должно вестись. Но говоря более конкретно, это не только наша задача. Как САНО, мы хотим прийти к диалогу и справедливым, серьезным, ответственным переговорам, которые позволят нам и правительству найти достойное решение этой проблемы. Это позволило бы дать очень ясный сигнал остальному миру, что диалог — это наилучший путь преодоления конфликтов. Это не только избежание кровопролития, но и совместное созидание. Это было бы очень ясным сигналом и для других вооруженных групп.

В этом другом мире, который вы себе представляете, есть предприниматели?

Есть, есть. Мы считаем, что в мире не может быть такого, чтобы цвет кожи, волос, язык, на котором говорят или форма одежды, культура были поводом к тому, чтобы тебя ценили больше или меньше. Если ты создаешь свое богатство собственным трудом, а не за счет других, то почему для тебя не будет места в этом мире? Мы не предлагаем никакой социалистической системы, мы предлагаем нечто более сложное, более трудное для построения — отношения равенства между людьми.

Это значит, вы изменили свои идеи? Когда в молодости вы решили избрать путь сельвы, вы считали что нужно установить социализм?

Да, верно. Мы попали сюда с марксистско-ленинским менталитетом, как, кажется, все военно-политические организации Латинской Америки в 60-е и 70-е годы. И это мышление было подшлифовано. Мы были... (рисует в воздухе указательным пальцем квадрат) марксистами-ленинистами, а индейская реальность начала шлифовать края и превратила его в нечто круглое.

Эта шлифовка была мягкой или в какой-то момент индейцы вам сказали так: «Знаете что, ваши идеи не имеют ничего общего с нашими»?

Был момент выживания. Мы не могли наводить мосты, говорить и слушать. Мы не воспринимали другие понятия. Как будто мы говорили на разных языках, и с той стороны не было точки отсчета, исходя из которой можно было перевести то, о чем говорилось. Нам первым приходилось принимать понятия других, их мировосприятие и, исходя из этого, заново выстраивать наш язык. В момент, когда нам удалось принять это мировосприятие и эти культурные понятия, многое изменилось. Нам не ставили ультиматумов типа «Не приноси сюда этого», нам говорили: «Мы тебя не понимаем». Построение диалога началось в момент, когда мы уже разделяли основные идеи индейцев.

После падения Берлинской стены число этнических конфликтов умножилось. Как вы можете это объяснить?

Нам продали колоссальную ложь: нам сказали, что в борьбе между капитализмом и социализмом победил капитализм и то, что за этим следует, — это один-единственный рынок, один-единственный мир, мировая деревня, больше нет границ, больше нет разделенных между собой стран, люди свободно переезжают с места на место. А на самом деле границы умножаются, мир превратился не в мировую деревню, а в архипелаг, на котором перемещаться свободно могут только капитал и войны. Не возник человек более разумный, а наоборот, расцвели самые примитивные и иррациональные человеческие проявления, такие как различные виды фундаментализмов. Повсюду мы становимся свидетелями этнических конфликтов. Ложь заключается в том, что это совершенно не то, что

нам продали: нам пообещали одну глобализацию, а то, что происходит, — это глобализация полностью ей противоположная. Происходящее сегодня неизбежно разрушает человеческое будущее. Когда мы говорим, что боремся против неолиберализма, мы делаем это потому, что как человечество мы должны противостоять этой ставке на истощение. На планете уже не будет мира, как в период «холодной войны». Войн сейчас больше, чем раньше, и они более жестоки, абсурдны и кровавы. И, что парадоксально, люди сейчас более циничны. Например, я не могу поверить, что жители Европы не просто с безразличием наблюдали за бомбежками НАТО в Косово, но и поддержали их, потому что попали в демагогическую ловушку, что быть против НАТО это значит поддерживать Милошевича.

Вы не считаете, что косовары были жертвами этнической чистки?

Выход был не в уничтожении обоих народов. В тот период одним североамериканским адмиралом было сделано заявление, в котором — чтобы говорить конкретно — он привел цифру: четыре тысячи пораженных целей. Четыреста целей были военными. Так чем же были остальные? В результате, формой спасения косоваров стало их уничтожение. Можно было найти другой выход, потому что смысл прогресса человечества именно в этом. Но выбор между двумя войнами — войной НАТО и войной Милошевича — это ловушка. Можно было достичь договоренности, не означавшей смерти и разрушения. Используя боксерские термины, эти события в сердце Европы можно рассматривать как удар в печень. Так или иначе, люди привыкают, к тому что теперь это будет так: будут абсурдные войны, главный полицейский придет наводить порядок, и в то время как главный полицейский планеты, которым хотят стать Соединенные Штаты, будет становиться все высокомернее, в разных местах будет возникать все больше фундаменталистских организаций и движений.

Вы думаете что они будут расти?

Я думаю, что глобализация разрушила основы национальных государств и превратила каждую страну в пустыню, где каждый борется за выживание. Это создает питательную среду для движений, предлагающих для выживания самые абсурдные из путей — дискриминацию по цвету кожи, национальности, языку или религии.

Вы говорите, что Сапатистская Армия хочет избавиться от «А» и не хочет становиться политической партией. Какой в этом случае путь ей остается, какова структура сапатизма в будущем?

Это вызов, который все мы приняли. Я не говорю, что мы уже решили этот вопрос, но для нас абсолютно ясно то, чего мы не хотим: мы не хотим быть армией, но не хотим вступать и в политические игры, потому что власть уже не принадлежит правительству. Неважно, кто правит, а кто не правит а просто управляет. В этой схеме главная проблема в том, какое место в ней занимают люди. Мы думаем, что для того чтобы начать изменение мира, можно организовать, не приходя ко власти и не командуя сверху. Мы думаем что ключ к решению — в организации людей начиная с самого низа; таким образом, нужно двигаться к поставленным целям и решать возникающие проблемы. Как мы это сделаем — не знаю, но я уверен, что мы этого добьемся.

САНО готова к войне против бедности? У нее есть подготовленный план развития?

В этой сфере правительства и соответствующие институты должны поучиться у наших крестьян. Мы говорим о земле, которая в течение веков обрабатывалась мотыгой, корчеванием, вырубкой леса и выжиганием, где никогда не использовали ни одной из современных технологий. Мы думаем, что есть много порядочных людей, готовых искать решения проблемы наподобие этой полтонны кукурузы на гектар, что в двенадцать раз меньше того, что производится, например, в Соединенных Штатах. Это нас не беспокоит, потому что мы знаем: для того, чтобы избежать войны, мы можем рассчитывать на многих, и мы думаем, что для того, чтобы строить мир, мы тоже сможем положиться на многих. За эти семь лет индейские общины намного опередили нас в решении многих вопросов и нашли выход из множества ситуаций, казавшихся нам в свое время совершенно безвыходными. Они создали пути продажи своих товаров, разрывающие военное окружение. Мы думаем, что эта тенденция к выживанию поможет найти ответы.

Как возникла мысль о маске?

Она появилась за несколько дней до захвата Сан-Кристобалья 1 января 1994 года. Сначала идея заключалась в том, чтобы защитить руководство САНУ, состоявшее из индейцев, многих из которых могли узнать в их селениях. В этой зоне действует много ультраправых боевиков. Потом стало очевидно, что лучше защитить всех. Кроме того, для гор это достаточно удобно, потому что там очень холодно. Черный цвет был выбран заранее — символы играют в сапатизме важную роль. Маска черная, потому что этот цвет обычно презираем и потому что он похож на цвет земли. Начиная с 1 января 1994 года маска естественно заменила красный палиакате (платок) — изначальный символ движения.

Вы называли индейского старика по имени Антонио, как одного из ваших советников на первых этапах жизни в сельве. Существуют ли другие индейские старики — ваши советники?

Мы постоянно находимся в контакте с индейцами и всегда беседуем с уважаемыми жителями. Обычно мы говорим с самыми старшими. Это естественно, потому что мы постоянно общаемся с индейцами и часто спускаемся в деревни, особенно, когда нужно принимать решения. Нужно выслушивать мнения деревенских старейшин. Антонио был первым; познакомились мы случайно, когда я охотился один в лесу, и с тех пор между нами завязалась дружба, продлившаяся до его смерти в 1994 году от туберкулеза.

У вас есть контакты с шаманами?

Нет. Люди в общинах очень рациональны и не прибегают к магии. За исключением магии слова в виде метафор.

Как вы представляете свою старость?

Не знаю. Мне бы хотелось иметь детей, так что я представляю себе ее с детьми и внуками, рассказывая им всю эту историю, правду обо всем этом. Может быть, я слишком большой оптимист и думаю, что до старости мне далеко (улыбки), но на этот счет у меня нет каких-то особых мыслей.

Вы представляете свою старость в сельве или в городе?

Сейчас я представляю ее там, в сельве, с моими товарищами.

Вы скучаете по чему-то из городской жизни?

По кино. Даже не по просмотру фильмов, а по самому процессу похода в кино: сидеть в кресло в зале и в предвкушении фильма есть из пакетика поп-корн. По этому я больше всего скучаю. Но сейчас я бы сказал, что скучаю по жизни там, в сельве. Мне трудно дышать этим воздухом, смог щиплет глаза. Там я могу быть без маски, все знают меня таким, какой я есть, безо всех этих причиндалов, связанных с маской.

Что вы чувствуете, когда видите футболки и массу других товаров с вашим портретом или вашим именем?

Спрашиваю цену и мне предлагают скидки. Две по цене одной! (улыбки). Сейчас так много безработицы и полубезработицы, и я не вижу ничего плохого в том, что кто-то зарабатывает на жизнь таким образом. Есть люди, которые нисят футболки с другими портретами, например, музыкантов и мудрецов, с которыми я не могу тягаться, скажем, Эйнштейна. Для меня все это не так уж важно, но я бы с удовольствием носил футболку с «Роллинг Стоунз». Когда я вижу по телевидению рекламу, использующую мой образ для продажи мебели или чего-то подобного — это мне неприятно.

Часто погружаетесь в Интернет?

Я — нет, но многие из моих товарищей — да.

Это — ваш основной источник информации?

Да. Кстати, я лучше информирован там, чем будучи здесь, в Мехико. С помощью Интернета мне готовят информацию из газет и альтернативных сайтов независимой

информации, и потом, сравнивая одно с другим, можно составить более полную панораму происходящего.

У вас были встречи и беседы с французским крестьянским лидером Жозе Бове. Вы боретесь за одно и то же?

И да, и нет. Очевидно, что ситуации, с которыми сталкиваются французские крестьяне очень отличны от наших. Но это то, что неолиберализм предлагает нам в качестве будущего: превращение земли в некую фабрику, на которой все — сплошное производство, использование трансгенных продуктов элементов и никакого обновления.

Вы против любого использования генетически измененных продуктов?

Дело в том, что транснациональные корпорации рассматривают человечество как подопытного кролика. Они экспериментируют на всех нас и на целых регионах. Если эксперимент окончится неудачей — под угрозой здоровье миллионов людей, природа и целые цепи питания. Если эксперимент будет успешным — всю прибыль получают корпорации.

Правда ли, что в первую ночь вашей партизанской жизни вам пришлось очень долго идти с тяжелым рюкзаком и вы были на грани дезертирства?

Да, я рассказывал об этом и под видом вымысла ушел от темы, сказав, что не нашел обратного пути. Рюкзак не был тяжелым, но на самом деле, когда в такой ситуации ты вдруг замечаешь, что попал в место, для тебя совершенно чужое, оно может показаться тебе враждебным. Но это только вначале. Потом ты уже начинаешь воспринимать его как свое собственное.

Вы поддерживаете отношения с родственниками или друзьями детства?

Нет. Я полностью порвал с этим миром. Моя семья — это мои товарищи.

Если бы вам на несколько минут дали слово в Организации Объединенных Наций, что бы вы сказали?

Что они — сборище воров, которые под прикрытием распространения мира распространяют войну, как в Косово, и что организаций, занятых распространением войны, достаточно и без них. Что если у них есть хоть немного достоинства, они должны покинуть здание, в котором заседают, и поджечь его, — и пусть нации сами ищут какую-нибудь организацию, которая их объединит.

Слова САНО 11 марта 2001г. на площади Сокало в Мехико

Мы пришли.

Мы здесь.

Мы — Индейский Национальный конгресс⁷⁸ и вместе с ним сапатисты — приветствуем тебя.

То, что собор, у подножия которого мы стоим, находится именно там — не случайность. Это потому что, как и с самого начала — правительство находится за нашей спиной.

Иногда в виде военных вертолетов, иногда в виде боевиков, иногда в виде бомбардировщиков, иногда в виде танков, иногда в виде солдат, иногда в виде полиции, иногда с предложениями по купле-продаже совести, иногда с предложениями о сдаче, иногда с ложью, иногда с шумными декларациями, иногда с забвением, иногда с молчанием выжидания. Иногда, как сегодня, с молчанием бессилия.

Поэтому правительство никогда не видит нас, поэтому оно нас не слышит.

Если бы оно немного ускорило свои шаги, быть может, оно бы нас догнало.

Тогда бы оно смогло увидеть нас и услышать.

⁷⁸ Индейский Национальный конгресс — крупнейшая индейская организация Мексики, возникшая под влиянием и после восстания сапатистов 1 января 1994 г., одна из центральных задач которой — добиться принятия Закона о правах и культуре индейцев.

Смогло бы заметить долгий и твердый горизонт тех, кого постоянно преследуют, но которые не отчаиваются, потому что знают, что избранный ими путь невозможен без внимания и терпения.

Брат, сестра:

Индеец, рабочий, крестьянин, учитель, студент, поселенец, домохозяйка, водитель, рыбак, таксист, грузчик, чиновник, служащий, уличный торговец, нищий, безработный, работник средств информации, профессионал, служитель культа, гомосексуалист, лесбиянка, транссексуал, артист, интеллектуал, участник, активист, моряк, солдат, спортсмен, законодатель, мужчина, женщина, ребенок, юноша, старик.

Брат, сестра из Индейского Национального конгресса, радуги лучшего что есть в индейских народах Мексики:

Лучше бы нас здесь не было.

(Я уверен, что услышав это, тот кто сейчас ест за моей спиной, впервые начинает бешено аплодировать. Так что я повторю...)

Лучше бы нас здесь не было.

Лучше бы вместо нас находились здесь индейские сапатистские общины, их семь лет борьбы и сопротивления, их глаза и их уши.

Сапатистские селения, мужчины, дети, женщины и старики, базы поддержки Сапатистской Армии Национального Освобождения, чьих шагов мы эхо, чьего голоса мы слово, чьего взгляда мы силуэты, чьего слуха мы слух.

Те, кто должны были бы здесь находиться — это женщины и мужчины-повстанцы, их неуходящая тень, их молчаливая сила, их восставшая память.

Женщины и мужчины-повстанцы, составляющие регулярные соединения САНО и являющиеся стражем и сердцем наших народов.

Это они заслуживают право видеть вас, слушать вас и говорить с вами.

Лучше бы нас здесь не было.

И тем не менее, мы здесь.

И мы вместе с ними, с теми, кто живет по всей индейской Мексике.

Индейские народы, первейшие из нас, первейшие из жителей, первейшие создатели слов, первейшие из слушателей.

Те, кто будучи первыми, кажутся последними и умирают последними...

Братья и сестры индейцы.

ТЕНЕК.

Издали пришли мы.

ТЛАУИКА.

Пересекая время.

ТЛАПАНЕКО.

Землю шагов наших.

ТОХОЛАБАЛЬ.

Мы — лук и стрела.

ТОТОНАКО .

Ветер бредущий.

ТРИКИ .

Мы — сердце и кровь.

ЦЕЛЬТАЛЬ.

Воин и страж.

ЦОЦИЛЬ.

Товарищеское объятие.

ВИКСАРИТАРИ

Побежденными нас считали.

ЯКИ.

Немыми.

САПОТЕКО.

Замолчавшими.

СОКЕ.

Много времени в наших руках.

МАЙЯ.

Мы пришли сюда назвать себя.

КУМИАЙ.

Мы пришли сюда сказать «это мы».

МАЙО.

Мы пришли сюда чтобы нас видели.

МАСАУА.

Сюда, чтобы видеть, что нас видят.

МАСАТЕКО.

Здесь шаги наши называют наше имя.

МИШЕ.

Это мы:

Каждый

Цветущий среди холмов

Поющий

Хранитель и возделыватель древнего слова

Надежный собеседник

Сотворенный из маиса

Живущий в горах

Ступающий по земле

Привыкший делить свои мысли с другими

Настоящий мы

Истинный человек

Предок

Властелин сети

Уважающий историю

Чьи обычаи скромны

Привыкший говорить с цветами

Ставший дождем

Накопивший достаточно знаний чтобы решать

Охотник со стрелами

Ставший песком

Ставший рекой

Ставший пустыней

Ставший морем

Другой

Отличный

Человек

Быстрый путник

Ставший людьми

Ставший горами

Раскрасивший свое тело

Говорящий истинное слово

У кого три сердца

Кто отец и старший брат

Бредущий в ночи

Работающий

Человеческий человек

Спускающийся с облаков

Которому дано слово

Привыкший делиться кровью и мыслью

Сын солнца

Идущий из одного конца в другой

Странствующий в тумане

Хранящий тайну

Оттачивающий свое слово

Правящий в горах

Брат, сестра.

АМУСГО.

Все это называет наше имя.

КОРА.

И даже больше.

КУИКАТЕКО

Имя, которое раньше едва было слышно.

ЧИНАНТЕКО

Другое имя заслоняло наше.

ЧОЧОЛЬТЕКО .

Мы пришли сюда быть собой с теми кто был нами

ЧОЛЬ.

Мы зеркало, чтобы видеть себя и быть собой.

ЧОНТАЛЬ.

Мы цвет цвета земли.

ГУАРИХИО.

Здесь не будет больше стыда из-за цвета кожи.

УАСТЕКО.

Языка.

УАВЕ.

Одежды.

КИКАПУ.

Танца.

КУКАПА.

Песни.

МАМЕ.

Роста.

МАТЛАЦИНКА.

Истории.

МИШТЕКО

Здесь не будет больше печали.

НАУАТЛЬ

Вместо нее здесь гордость нашего цвета, цвета земли.

НЬАНЬУ

Вместо нее здесь достоинство видеть как нас видят в нашем цвете, цвете земли.

О'ОДАМ

Вместо нее голос и вдохновение.

ПАМЕ

Здесь не будет больше тишины.

ПОПОЛУКА

Здесь голос.

ПУРЕПЕЧА

Здесь место, скрытое раньше.

РАРАМУРИ

Здесь смуглый свет, время и чувства.

Индийские брат, сестра:

Неиндийские брат, сестра:

Мы здесь, чтобы сказать, что мы здесь.

И когда мы говорим «мы здесь», мы называем и других.

Мексиканские брат, сестра, немексиканские брат, сестра:

Это «мы здесь» мы говорим вместе с тобой, потому что мы вместе.

Индийские и неиндийские брат, сестра:

Мы зеркало.

Мы здесь, чтобы увидеть и показать себя, чтобы ты увидев нас увидел себя, чтобы другой встретил себя в нашем взгляде.

Мы здесь и мы зеркало.

Не реальность, лишь ее отражение.

Не свет, лишь его отблеск.

Не путь, лишь несколько шагов.

Не указатель, а лишь одно из стольких направлений, ведущих в завтра.

Брат, сестра из города Мехико:

Когда мы говорим «это мы», тем самым мы говорим и «мы не из тех» и «этими мы не будем».

Поэтому было бы хорошо, если бы те, кто там, наверху, ставшие голосом денег, записали наши слова, выслушали их внимательно и внимательно посмотрели на то, чего видеть не хотят.

Мы не из тех, кто стремится придти ко власти и оттуда навязывать другим свои путь и слово, этими мы не будем.

Мы не из тех, кто назначает цену достоинству собственному или чужому и превращает свою борьбу в рынок, где политика — это занятие торговцев, борющихся не за идеи, а за клиентов, этими мы не будем.

Мы не из тех, кто ждет прощения и пощадки от тех, кто делает вид что помогает, хотя на самом деле покупает и кто не прощает, а унижает другого, этими мы не будем.

Мы не из тех, кто наивно ждет, что сверху на нас снизойдут справедливость, которая может расти только снизу, свобода, которая достижима только вместе со всеми, и демократия, борьба за которую велась на всех этажах и всегда, этими мы не будем.

Мы не из тех, кто является проходящей модой, которая превратившись в грустную песенку прячется в календарь поражений, листаемый в нашей стране любителями ностальгии, этими мы не будем.

Мы не из тех, кто является хитрым просчетом, симулирующим слово, и спрятанную в нем очередную ложь, мы не из тех, кто является притворным миром, стремящимся к вечной войне, мы не из тех, кто говорит «три» и потом «два» или «четыре» или «все» или «ничего», этими мы не будем.

Мы не из тех, кто превращается в завтрашних раскаявшихся, кто становится самым гротескным отражением власти, кто симулирует «благоразумие» и «осторожность», хотя речь всего-навсего об обыкновенной купле-продаже, этими мы не будем.

Мы есть и будем лишь одними из многих в этом походе.

Индийского достоинства.

Цвета земли.

Проявившего и разбудившего множество мексик, которые в Мексике скрываются и болят.

Мы не их представитель.

Мы еще один голос среди всех этих голосов.

Эхо, повторяющее достоинство всех голосов.

С ними мы складываемся, умножаем с ними.

Мы голос и эхо.

Размышление и крик.

Мы всегда будем этим..

Мы можем быть с лицами или без лиц, с оружием или без, но мы сапатисты и всегда ими будем.

90 лет назад власть имущие спрашивали одного из тех кто снизу по имени Сапата: «*По чьему разрешению, господа?*»

И те кто снизу, мы отвечали и отвечаем: «*По нашему*».

И по нашему разрешению, ровно 90 лет назад мы назвали себя «повстанцами».

И сегодня мы повторяем это: мы повстанцы.

И будем повстанцами.

Но мы хотим быть ими вместе со всеми, кто тоже является нами.

Без войны как пути и дома.

Потому что так говорит цвет земли: у борьбы есть много путей и лишь одно направление — стать цветом всех цветов, одевающих землю.

Брат, сестра:

Там, наверху, говорят, что это конец очередной бури, что все проходит, кроме того, конечно, что они постоянно над нами.

Там, наверху, говорят, что ты здесь из простого любопытства, чтобы слушать не слыша, говорят что нас мало, что мы слабы, что мы не более чем фотография, забавный случай, спектакль, скоропортящийся продукт, чей срок годности близок к истечению.

Там, наверху, говорят, что ты оставишь нас одних и что в одиночестве и с пустыми руками мы вернемся на земли откуда пришли.

Там, наверху, говорят, что забвение это поражение и ожидают момента, когда ты забудешь и тем самым нанесешь поражение нам и себе.

И еще там, наверху, знают, но не хотят говорить: не будет больше забвения и поражение не станет венцом для цвета земли.

Но не хотят они говорить этого, потому что сказать это значило бы для них признать это, и признать это, значит увидеть, что все изменилось и на этот раз не для того, чтобы ничего не менялось, а для того чтобы все изменяясь менялось.

Это движение, движение цвета земли — твое и раз оно твое, значит оно и наше.

Сейчас, и это то, чего они боятся, уже нет ни «вас» ни «нас», потому что все мы уже стали цветом цвета земли.

Пришло время, чтобы Фокс и те, кому он служит, слушали и слышали нас.

Пришло время, чтобы Фокс и те, кто им командует, нас увидели

Наше слово говорит об одном.

Наши глаза смотрят об одном.

О конституционном признании индейских прав и культуры.

О достойном месте для цвета земли.

Пришло время, чтобы эта страна перестала быть позором, одетым только в цвет денег.

Пришло время индейских народов, народов цвета земли, время всех цветов, тех что внизу и тех что сохраняют свои цвета несмотря на цвет денег.

Мы повстанцы, потому что сама земля восстает, когда ее продают и покупают, будто это не земля и будто на ней нет цвета, ставшего нами, цвета земли.

Город Мехико!

Мы здесь, мы восставший цвет земли, который требует:

Демократии!

Свободы!

Справедливости!

Мексика!

Мы пришли ни для того чтобы говорить что тебе делать, ни для того чтобы вести тебя куда-либо за собой, мы пришли чтобы скромно и с уважением попросить тебя о помощи, чтобы ты не позволил новых рассветов без достойного места для нас, тех кто цвета земли, на этом флаге.

С площади Сокало города Мехико

Подпольный Революционный Индейский комитет — Генеральное командование Сапатистской Армии Национального Освобождения

Мексика, март 2001 г.

ИНТЕРВЬЮ СУБКОМАНДАНТЕ МАРКОСА

**ГАБРИЭЛЮ ГАРСИА МАРКЕСУ ДЛЯ КОЛУМБИЙСКОГО ЖУРНАЛА «КАМБИО»
25 МАРТА 2001г.**

Г. Гарсиа Маркес: Через семь лет после того, как Сапатистская Армия Национального Освобождения заявила, что однажды победно войдет в Мехико, вы вступаете в столицу и попадаете на абсолютно заполненную народом площадь Сокало. Что вы почувствовали, когда поднялись на подмости и увидели весь этот спектакль?

Субкоманданте Маркос: Следуя сапатистской традиции антикульминаций, место возле церквушки, где мы находились, оказалось самым неудобным местом на площади для того, чтобы смотреть демонстрацию. Было много солнца, висел смог, у всех нас болела голова и мы были очень обеспокоены, подсчитывая, сколько из стоящих перед нами уже успели упасть в обморок. Я сказал моему товарищу, команданте Тачо, что мы должны поторопиться, иначе к моменту нашего выступления на площади уже просто никого не

останется. Мы не видели всей панорамы. Расстояние, которое по причинам безопасности отделяло нас от людей, оказалось и расстоянием эмоциональным: мы не знали о том, что происходит на Сокало, до того самого момента, пока на следующий день сами не прочитали хронику и не увидели фотографий. Судя по тому, что рассказали нам об этом моменте другие, мы думаем, что это действительно было кульминацией одного из этапов, что наша речь и наше слово в этот день были правильными, наиболее соответствующими моменту, что мы разочаровали тех, кто ждал от нас захвата Дворца или призыва к всеобщему восстанию.

Но разочаровали мы и тех, кто думал, что наша речь ограничится лишь поэзией и лирикой. Думаю, что достигнутый баланс был достаточным; так или иначе, 11 марта САНО смогла говорить на Сокало, но не о 2001 году, а о том, что пока еще не наступило — об всеобщем ощущении, вызванном окончательным поражением расизма в Мексике, которое должно превратиться в государственную политику, в политику образования, в чувство всего мексиканского общества. Это в каком-то смысле уже решено, но осталась еще одна незаконченная часть. Как говорим мы, военные, основная битва уже выиграна, но осталось дать еще несколько боев. Наконец, думаю, что Сокало 11 марта показало нам, что мы были правы, отложив оружие в сторону, что не оружие вызвало такую поддержку со стороны общества, что наша ставка на мирную мобилизацию была правильной и что это дает результаты. Теперь осталось, чтобы это стало понято мексиканскому государству и, в частности, правительству.

Г. Гарсиа Маркес: Вы использовали выражение «как говорим мы, военные». Для нас, колумбийцев, которые привыкли слышать речи наших партизан, ваши слова мало похожи на военную лексику. Что от военных есть в вас и вашем движении, и как вы можете описать войну, в которой участвовали?

Субкоманданте Маркос: Мы сформировались внутри армии, Сапатистской Армии Национального Освобождения. Это военная структура. Субкоманданте Маркос — военный командир армии. Но, в любом случае, наша армия — это армия совершенно другая, потому что мы стремимся как раз к тому, чтобы перестать быть армией. Военный — это абсурдная личность, потому что он должен прибегать к оружию, чтобы убедить другого в том, что его истина — единственная, которой нужно следовать. В этом смысле, если будущее нашего движения — военное, то у него нет будущего. Если САНО продолжит свое существование как вооруженная военная сила, это станет ее поражением. Поражением, в смысле поражения ее идейных позиций, ее взгляда на мир. И кроме этого, и еще худшим чем это стало бы, если бы САНО пришла к власти и начала править, как революционная армия. Для нас это было бы поражением.

То, что могло считаться успехом для военно-политической организации 60-х и 70-х, когда возникли национально-освободительные движения, для нас стало бы поражением. Мы видели, как эти победы приводили к провалам или поражениям, скрытыми под собственной маской. То, что оставалось всегда нерешенным — это роль людей, роль гражданского общества, роль народа. И наконец, это было всегда борьбой между двумя гегемониями. Репрессивная власть, которая все решает за общество сверху, и группа просветленных, которые хотят наставить страну на путь истинный, отстраняет первую группу от власти, берет власть в свои руки и тоже сверху начинает решать все за других. Для нас это — борьба гегемоний, и всегда в ней есть «плохие» и «хорошие»: те, кто побеждают, — хорошие, те, кто терпит поражение, — плохие. Но для остальной части общества в принципе ничего не меняется. Для САНО наступил момент, когда она оказалась превзойдена самим сапатизмом. Буква А в этой аббревиатуре уменьшается, ее руки оказываются связаны, причем настолько, что мобилизация без оружия не только не становится для нас трудностью, и мы даже испытываем от этого определенное облегчение. Да и патронташи становятся намного легче, чем раньше, и весомость военной риторики, неизбежной с стороны любой вооруженной группировки во время диалога с гражданскими, становится куда меньше. Нельзя восстановить ни мир, ни общество, ни национальные государства, разрушенные сегодня, если исходить из вопроса, кто на этот раз навязет свою гегемонию обществу. Мир, и в частности Мексика, состоит из разных людей и групп, и отношения, которые нужно построить между этими разными группами и людьми, должны опираться на уважение и терпимость, то есть на элементы, которых нет в выступлениях военно-политических организаций периода 60-х и 70-х. Как это обычно происходит, реальность предъявила свой

счет, и для вооруженных национально-освободительных движений цена оказалась очень высокой.

Г. Гарсиа Маркес: Кажется, у вас есть различия с традиционными левыми движениями и в отношении социальных групп, которые эти движения представляют. Так ли это?

Субкоманданте Маркос: Опишу в общих чертах два большие упущения в позиции латиноамериканского левого революционного движения. Одно из них — индейские народы, к которым мы относимся, и другие группы, предположительно являющиеся меньшинствами. Хотя, если бы все мы снимали маски, мы бы перестали казаться такими меньшинствами, как это происходит в случае гомосексуалистов, лесбиянок, транссексуалов. И дело не только в том, что эти группы не упоминались в речах представителей левых латиноамериканских движений тех времен, движений, существующих и сегодня; кроме этого было предложено теоретическое обоснование того, что тогда было марксизмом-ленинизмом: обходиться без них и видеть их как часть процесса, от которой нужно будет избавиться. Гомосексуалист, например, подозревался в предательстве, считался элементом, вредным как для движения, так и для социалистического государства. Индеец являлся элементом отсталым, тормозящим развитие производительных сил... и т. д. и т. п... Поэтому предлагалось покончить с этими группами, в одном случае — путем создания центров заключения или перевоспитания, и в другом — путем их ассимиляции в производительный процесс и превращения в квалифицированную рабочую силу. В пролетариат, используя ту терминологию.

Г. Гарсиа Маркес: Партизаны обычно говорят от имени большинства. И хотя вы могли бы говорить от имени бедняков или эксплуатируемых, вы всегда выступаете от имени меньшинств. Почему?

Субкоманданте Маркос: Предполагается, что любой авангард является представителем большинства. В нашем случае, мы думаем, что это не просто ошибочно, но и в лучшем случае остается не более чем благим пожеланием, а в худшем — это очевидный обман. И по мере того, как в игру вступают реальные социальные силы, становится ясно, что авангард — не такой уж и авангард, и что те, кто им, по идее, представлены, не ощущают этого представительства. И в той степени, в которой САНО отказывается от идеи становиться авангардом, она признает реальный горизонт своего влияния. Считать, что мы можем быть авангардом, то есть что мы можем говорить от имени тех, кто нами не является, — это политическая мастурбация. А в некоторых случаях не происходит и этого, потому что это даже не доставляет удовольствия онанизма. Единственный, кто может получить удовольствие от раздачи подобных прокламаций — это сам раздающий, потому что читает и воспринимает их всерьез обычно только он сам. Мы стараемся быть честными с собой. Кто-то может сказать, что это вопрос человеческой добродетели. Нет. Мы бы могли быть циниками и говорить, что честность дала нам результат когда мы сказали что представляем только индейские сапатистские общины одной территории на юго-востоке Мексики. Но наши слова достигли слуха и многих других. И мы этого добились. Но не более. Во время всего нашего длинного перехода, мы всегда говорили людям и самим себе, что не можем и не должны начинать возглавлять или становиться знаменем стольких разных примеров борьбы, с которыми мы столкнулись. Мы предполагали, что Мексика «которая снизу», уже находилась на грани, что скопилось много несправедливости, много возмущения, много ран... До начала похода мы представляли себе, что когда он начнется, нам нужно будет тащить за собой плуг, чтобы поднимать землю и все это повылезет наружу. Мы должны были вести себя честно и сказать людям, что не пришли, чтобы все это возглавить. Мы пришли только затем, чтобы возглавить это требование, — и уже вокруг этого могут возникнуть и другие. Но это уже другая история.

Г. Гарсиа Маркес: Ваши походные речи создавались от места к месту и так до прибытия в Мехико, или же вы с самого начала подготовили их в такой последовательности и последняя не обязательно должна была стать самой острой?

Субкоманданте Маркос: Существуют две версии: официальная и реальная. По официальной, именно в этот момент нам стало ясно, что нужно делать, а по реальной — мы готовили эту речь все эти семь лет. Наступил момент, когда сапатизм САНО оказался

превзойден многими факторами. Мы уже не соответствовали ни тому, чем были до 1994 года, ни тому, чем были в первые дни 1994 года, когда вели бои, просто мы чувствовали, что за эти семь лет мы взяли на себя ряд этических обязательств. Произошло следующее: сначала мы хотели захватить с собой плуг, но в нужный момент мы не сумели его достать. А когда начался поход, было достаточно коснуться земли ногой, как все это проросло. На каждой площади мы повторяли: «Мы не пришли руководить вами, мы не пришли указывать вам, что делать, наоборот, мы пришли просить вашей помощи». Несмотря на это, в течение всего перехода мы получали пачки требований и петиций, которые накапливались со времен еще предшествующих мексиканской революции, в ожидании того, кто придет и решит все проблемы. И если свести все речи, произнесенные нами с начала сапатистского похода до сегодняшнего дня в одну фразу, получится: «Никто этого за нас не сделает». Чтобы это стало возможным, нужно изменить нынешние организационные формы, изменить сам принцип политической деятельности. Когда мы говорим лидерам «нет», мы говорим «нет» и себе самим.

Г. Гарсиа Маркес: Вы и сапатисты находитесь сейчас на вершине популярности: только что в Мексике ИРП была отстранена от власти, в конгрессе рассматривается проект закона, который должен определить права индейского населения и вот-вот могут начаться предлагаемые вами переговоры. Какой вам видится картина событий?

Субкоманданте Маркос: Как борьба и спор между часами, отмечающими время прихода на работу служащих фирмы, то есть часами Фокса, и нашими часами, которые песочные. Вопрос в том, подстроимся ли мы под часы, служащие для отметки прихода на работу служащих или Фокс подстроится под песочные часы. Но не произойдет ни того, ни другого. Нам нужно понять — ему и нам, что необходимо сделать другие часы, часы — совместного согласия, и что эти часы будут отсчитывать ритм процесса диалога и, наконец, время мира. Мы находимся на их территории, на территории центра политической власти, где политики существуют в привычной для них среде. И в политике — по крайней мере в этом виде политики — мы являемся организацией совершенно неэффективной. Мы неуклюжи, косноязычны и искренни. Нам противостоят те, кто прекрасно владеет всеми этими премудростями. Это опять-таки спор между тем, о каком виде политической деятельности идет речь: о том, который предлагают нам политики, или о том, который хотим предложить мы. Повторяю, думаю, что не удастся ни то, ни другое. Когда мы начали войну, нам пришлось бросить вызов правительству. Сейчас, чтобы построить мир, мы вынуждены бросать вызов не только правительству, но и всему мексиканскому государству. Не существует стола, вокруг которого можно сесть и вести с правительством диалог. Мы должны создать этот стол. Наша задача убедить правительство в том, что такой стол необходим, что правительство должно сесть за него и что оно от этого выиграет. И если оно этого не сделает, то проиграет.

Г. Гарсиа Маркес: Кто должен быть за этим столом?

Субкоманданте Маркос: С одной стороны — правительство, а с другой — мы.

Г. Гарсиа Маркес: Когда Фокс говорит, что хочет разговаривать с вами и что готов принять вас во дворце или встретится с вами в месте, которое вы выберете, он отвергает идею этого стола?

Субкоманданте Маркос: Он хочет сказать только, что ему не терпится получить свой кусок миротворческого пирога: вместо того, чтобы перейти к диалогу и переговорам, он гоняется за популярностью. Фокс хочет фотографии и чтобы она была во всех газетах. Мир не построить за счет организации конъюнктурных мероприятий, он возможен только путем диалога. Не позированием перед камерами, а путем подачи сигналов, садясь вместе за стол и всерьез занимаясь этим. Мы готовы говорить с Фоксом, если он возьмет на себя ответственность за диалог и за переговоры до их окончания. Но мы бы хотели его спросить: кто будет править страной в течение всего того времени, когда вы будете заседать с нами, что уже само по себе будет достаточно сложным процессом? Ладно, что я вам, колумбийцам, буду об этом рассказывать? Вы сами знаете, что переговоры и диалог в условиях вооруженного конфликта полны препятствий, и что глава исполнительной власти не может посвятить этому все свое время. Пусть назначит уполномоченного и мы вместе с этим

уполномоченным начнем работу. Но такого желания нет. У нас никогда не было романтических мечтаний о фотографии с Висенте Фоксом.

Г. Гарсиа Маркес: Учитывая длительность этого процесса, что вы собираетесь делать дальше — останетесь в этой партизанской одежде в университете? Как обычно проходит ваш день?

Субкоманданте Маркос: Встаю, даю интервью и ложусь спать (смех). Мы ведем беседы со многими из тех групп, которые я вам называл. Со множеством миров и субмиров, преследуемыми и отвергаемыми, с теми, кого затронуло слово сапатистов. Поэтому у нас здесь два стола и один из этих вращающихся стульев на колесиках, которыми пользовались в годы моей молодости. Сейчас за одним столом мы беседуем с Национальным конгрессом, а за другим — с общинами Мехико. Но нас волнует то, что Конгресс обращается с нами как и со всяким, кто хочет попасть на прием: нам велят подождать, потому что все заняты другими делами. Если это так, это может причинить очень много вреда, потому что на карту поставлены не только права индейцев. Это будет очень неудачная шутка, потому что в таком случае оскорбленными почувствуют себя слишком многие. И люди не допустят, чтобы внимание на них обращали только в дни выборов. Кроме того, это было бы сигналом для других, более радикальных военно-политических групп, которые всегда считали любые политические переговоры сдачей позиций.

Г. Гарсиа Маркес: Немного отвлечемся. Вы говорите, что в годы вашей молодости были вращающиеся стулья. Сколько вам лет?

Субкоманданте Маркос: Мне 518 лет... (улыбки).

Г. Гарсиа Маркес: Диалог, который вы предлагаете, должен найти новые механизмы участия народа в принятии решений или вы ждете решений правительства, которые считаете необходимыми для страны?

Субкоманданте Маркос: Вести диалог для нас значит просто-напросто договориться о том, чтобы спор между нами и ними переместился в другую сферу. Экономическая модель не является темой диалога. Вопрос лишь в том, как мы будем вести этот спор. Это то, что Висенте Фокс должен понять. За столом диалога мы не превратимся в фоксистов. То, чего можно добиться за этим столом — с достоинством избавиться от черной маски и чтобы ни я и никто другой не был вынужден обращаться после этого к военной риторике. Задача не только в создании стола, кроме этого, мы должны создать и собеседника. Мы должны создать его как государственного человека, а не как продукт рынка высоких технологий или творение имиджмейкеров. Это непросто. Война была проще. Но в войне намного больше непоправимого. В политике всегда можно что-то исправить.

Г. Гарсиа Маркес: Вы странно одеты: потертый платок на шее и изношенная фуражка. На вас — фонарик, который здесь не нужен, аппарат связи, похожий на какую-то очень сложную систему, и на каждой руке — часы. Это символы? Что все это значит?

Субкоманданте Маркос: Фонарь, потому что нас держат в дыре, где нет света, и радио для того, чтобы мои консультанты по имиджу диктовали мне ответы на вопросы журналистов. Нет. Серьезно. Это — «уоки-токи», связанный с системой безопасности и нашими людьми в сельве, чтобы они могли дать нам знать, если возникнет какая-то проблема. Нам много раз угрожали смертью. Семь лет назад, когда мы взяли Сан-Кристобаль-де-лас-Касас, палиакате был новым и красным. А фуражка — та, с которой я попал в Лакандонскую сельву 18 лет назад. И с одними из этих часов тоже. Другие часы я ношу с тех пор, как началось действие прекращения огня. Когда время на этих двух часах совпадет, это будет значить, что сапатизм в виде армии закончился и наступает новый этап, новые часы и новое время.

Г. Гарсиа Маркес: Каково ваше видение колумбийского партизанского движения и, в целом, военного конфликта в нашей стране?

Субкоманданте Маркос: Отсюда видно очень мало. То, что просачивается через средства массовой информации: процесс диалога и переговоры, которые сейчас ведутся, трудности, возникающие в этом процессе. По тому, что удастся узнать, думаю, что это очень

традиционный диалог, в нем нет новизны. За столом сидят двое, и в то же самое время они же сами вводят в действие свои военные силы, чтобы создать себе более выгодную позицию за столом переговоров. Или наоборот, потому что нам не известно, что на самом деле в голове у каждого из них. Может быть, стол переговоров создает более выгодные ситуации для военных столкновений. Мы не обращаем особого внимания на то, что колумбийских партизан обвиняют в связях с наркобизнесом, потому что это не первый раз, когда кого-то обвиняют в этих вещах, а потом вдруг оказывается, что это не так. Мы оставляем за собой право в этом сомневаться. Мы не определяем их как «хороших» или «плохих», но выстраиваем дистанцию между ними и нами, точно так же, как и между нами и другими вооруженными группировками в Мексике, поскольку считаем неэтичным думать, что ради победы революции хороши все средства. Все, включая захват мирных жителей, например. Неэтично полагать, что захват власти любой революционной группой позволит затем считать любые ее действия добром. Мы не думаем, что цель оправдывает средства. В конце концов, мы думаем, что средства это и есть цель. Мы выстраиваем нашу цель одновременно со средствами, ради которых боремся. В этом смысле, цена, которую мы придаем слову, честности и искренности, очень высока, хотя иногда мы грешим наивностью. Например, 1 января 1994 года, перед тем, как атаковать армию, мы предупредили ее об этом. И нам не поверили. Иногда это дает результат, иногда — нет. Но нас удовлетворяет то, что как организация, мы, таким образом, выстраиваем свой собственный стиль.

Г. Гарсиа Маркес: Вы считаете возможным вести переговоры о мире во время войны, как это происходит в Колумбии?

Субкоманданте Маркос: Отсюда очень удобно и очень безответственно рассуждать о том, что там происходит. Успех в диалоге и переговорах невозможен, если стороны не отказались от идеи победить противника. Если одна из сторон использует диалог, как схватку, для того чтобы посмотреть, кто кого положит на лопатки, — этот диалог рано или поздно развалится. В этом случае военная конфронтация переносится на стол переговоров. Для того, чтобы добиться успеха в процессе диалога и переговоров, обе стороны должны исходить из обоюдного согласия в том, что ни одна из них не может победить другую. И нужно найти выход, который будет значить победу для обеих сторон, или, в худшем случае — поражение для обеих. Но прекратится настоящая конфронтация. Конечно, это трудно, особенно для движений, которые существуют уже очень много лет, как колумбийские партизаны. И с одной, и другой стороны — много ран, много неоплаченных долгов, но думаю, никогда не поздно попытаться.

Г. Гарсиа Маркес: И среди всего этого у вас остается время на чтение?

Субкоманданте Маркос: Да, потому что без этого... что нам остается делать? В армиях прошлого военный использовал свободное время для чистки оружия и приведения в порядок боеприпасов. В этом случае, поскольку наше оружие — слово, мы постоянно зависим от этого арсенала и в любой момент должны быть наготове.

Г. Гарсиа Маркес: Все что вы говорите, форма и содержание ваших речей, выдают очень серьезную и давнюю литературную подготовку. Как и откуда это взялось?

Субкоманданте Маркос: Это связано с детством. В нашей семье слову придавалась особое значение. Язык был средством выглянуть в большой мир. Мы научились чтению не в школе, а читая газеты. Мои отец и мать рано дали нам в руки книги, которые позволили увидеть многое другое... Так или иначе, мы осознали язык не как средство общения, а как средство для того, чтобы что-то строить. Это было скорее удовольствием, чем обязанностью. Потом, когда наступила пора катакомб и споров с буржуазными интеллектуалами, слово ценилось мало. Оно оставалось отодвинутым на второй план. Но когда мы попали в индейские общины, язык сработал как катапульта. Ты замечаешь в этот момент, что тебе не хватает слов, чтобы выразить очень многое и это заставляет тебя работать над языком. Вновь и вновь возвращаться к словам, чтобы собирать и разбирать их.

Г. Гарсиа Маркес: А не наоборот? Не оказалось ли это владение словом тем, что позволило открыть этот новый этап?

Субкоманданте Маркос: Получается, как в миксере. Ты не знаешь, что было заброшено туда первым, но то, что уже есть, — это готовый коктейль.

Г. Гарсиа Маркес: Мы бы могли поговорить о вашей семье?

Субкоманданте Маркос: Семья принадлежала к «среднему классу». Отец, глава семьи, — учитель сельской школы в период карденизма,⁷⁹ когда, как он выражался, учителям резали уши за то, что они все коммунисты. Мать, тоже сельская учительница, выйдя замуж, переехала к нему, и вместе они стали обычной семьей «среднего класса». Хочу сказать этим, что семья наша не испытывала особых трудностей. Жили мы в провинции, где культурный горизонт ограничен страничкой новостей местной газеты. Большим миром был Мехико и его книжные магазины, потому что это оказывалось самой привлекательной частью в наших посещениях столицы. В провинции тоже иногда бывали книжные ярмарки, и там мы тоже кое-что находили. Гарсиа Маркес, Фуэнтес, Монсильваис, Варгас Льоса (независимо от того, что он думает⁸⁰) — это лишь некоторые из авторов, которые появляются в моей жизни благодаря родителям. Нас усаживали читать эти книги. «Сто лет одиночества» — для того, чтобы объяснить, чем была провинция тех времен. «Смерть Артемио Круса» — чтобы понять, что случилось с революцией. «Накопившиеся дни» — чтобы знать, что происходит со «средним классом». И «Город и псы» был в определенном смысле нашим обнаженным портретом. Все это происходило в нашем доме. Мы входили в мир точно так же, как входили в литературу. Я думаю, что это нас отметило. Мы выглядывали в мир не через кабель новостей, а через роман, эссе, стихотворение. Это сделало нас совсем другими. Такую вот призму поставили перед нами родители, а кто-то другой может поставить призму средств массовой информации или черную призму, чтобы не видеть, что происходит.

Г. Гарсиа Маркес: На каком месте среди ваших любимых книг находится «Дон Кихот»?

Субкоманданте Маркос: Когда мне исполнилось 12 лет, мне подарили одну книгу, очень красивую, в твердой обложке. Это был «Дон Кихот Ламанчский». Я читал его и раньше, но в детских изданиях. Это была дорогая книга, особый подарок, из тех, что спрятанный, где-то ждет своего часа. Шекспир пришел потом. Но если по порядку, то я бы сказал, что вначале в литературе у меня было то, что называется латиноамериканским бумом. Затем Сервантес, затем — Гарсиа Лорка и уже потом наступил этап поэзии. Так что вы (указывает на Гарсиа Маркеса) — тоже соучастник всего этого.

Г. Гарсиа Маркес: Среди этих авторов были экзистенциалисты и Сартр?

Субкоманданте Маркос: Нет. К этому мы пришли позже. К книгам экзистенциалистов, и до этого — к литературе революционной, мы пришли уже очень испорченными, как сказали бы ортодоксы. Так что к Марксу и к Энгельсу мы пришли уже очень развращенными литературой, ее сарказмом, ее юмором.

Г. Гарсиа Маркес: И книг по политической теории вы не читали?

Субкоманданте Маркос: На первом этапе, нет. От азов мы перешли к литературе, оттуда — к теоретическим и политическим текстам и так, пока меня не приняли в подготовительный класс.

Г. Гарсиа Маркес: Ваши товарищи думали, что вы были или могли быть коммунистом?

Субкоманданте Маркос: Нет, думаю, что нет. Может быть, максимум, что могли мне сказать, это что я как редиска — красный снаружи и белый внутри.

Г. Гарсиа Маркес: Что вы сейчас читаете?

⁷⁹ Период правления президента Ласаро Карденаса (1934–1940)

⁸⁰ Перуанский писатель Марио Варгас Льоса является давнишним защитником неолиберальной модели и не раз критиковал Маркоса и сапатистов.

Субкоманданте Маркос: Всегда со мной «Дон Кихот» и обычно ношу «Цыганское романсеро» Гарсиа Лорки. «Дон Кихот» это лучшая книга по политической теории; после него следуют «Гамлет» и «Макбет». Нет лучшего способа понять мексиканскую политическую систему, ее трагические и комические стороны, чем читая «Гамлета», «Макбет» и «Дон Кихота». Лучше любой статьи по политическому анализу.

Г. Гарсиа Маркес: Вы пишете от руки или на компьютере?

Субкоманданте Маркос: На компьютере. Только во время этого похода пришлось писать много от руки, потому что не было времени для работы. Делаю один черновик, затем другой и еще и еще. Похоже на шутку, но окончательный вариант получается примерно с седьмого раза.

Г. Гарсиа Маркес: Какую книгу вы пишете?

Субкоманданте Маркос: Я пытался написать одну абсурдистскую вещь, чтобы объяснить нашу суть самим себе, исходя при этом из нас самих, что почти невозможно. Но мы должны рассказать о парадоксе, которым являемся. Почему революционная армия не собирается захватывать власть, почему армия не воюет, если это ее работа? И обо всех парадоксах, с которыми мы столкнулись: что мы выросли и стали сильными именно среди той части общества, которая совершенно далека от потоков культуры.

Г. Гарсиа Маркес: Если весь мир знает, кто вы, зачем маска?

Субкоманданте Маркос: Это такой штришок кокетства. Никто не знает, кто я, да никого это и не волнует. Здесь важно лишь кем является субкоманданте Маркос, а не кем он был.

Коммюнике подпольного Революционного Индейского комитета — Генерального Командования Сапатистской Армии Национального Освобождения

Мексика.

29 апреля 2001 г.

Народу Мексики

Народам и правительствам мира

Братья и сестры!

САНО ознакомилась с текстом Конституционной реформы о правах и культуре индейцев, только что принятой государственным Конгрессом. Вот наша позиция:

Первое. — Принятая государственным Конгрессом Конституционная реформа совершенно не соответствует ни требованиям индейских народов Мексики, ни Индейского Национального конгресса, ни САНО, ни мексиканского и международного гражданского общества, участвовавших в мобилизациях последних дней.

Второе. — Вышеупомянутая Реформа предаёт Договоренности Сан-Андреса⁸¹ в целом и так называемую «Инициативу закона КОКОПА»⁸² в частности, в ее основных пунктах: автономия и самоопределение, индейские народы, как субъект гражданского права, земли и территории, использование природных ресурсов, свободное избрание муниципальных властей и право на создание региональных ассоциаций, среди прочих.

81 Договоренности Сан-Андреса — Договор подписанный 16 февраля 1996 г. в городке Сан-Андрес делегациями САНО и федерального правительства о «необходимости новых отношений между индейскими народами и государством» и направлении на общественное обсуждение и в конгресс пакета документов о конституционном признании прав и культуры индейских народов Мексики.

82 Инициатива закона КОКОПА — Законодательная инициатива конституционного признания прав и культуры индейцев, выдвинутая группой юристов из 4 основных политических партий страны — участников «Комиссии по согласию и умиротворению» во время диалога в Сан-Андресе. Была полностью принята и поддержана САНО.

Третье . — Реформа не допускает реализации прав индейцев и представляет собой тяжелое оскорбление индейским народам, национальному и международному гражданскому обществу и общественному мнению, поскольку презирает мобилизацию и беспрецедентный консенсус, возникшие в последнее время в поддержку требований индейцев.

Четвертое. — Сеньор Фокс приветствовал нынешнюю реформу, зная что она даже отдаленно не напоминает ту, что он представил когда-то как свою собственную. Таким образом было продемонстрировано, что Фокс только делал вид, что поддерживает «Инициативу КОКОПА», пока обсуждал с самыми консервативными из представленных в Конгрессе групп текст реформы, не признающей прав индейцев.

Пятое. — Этой реформой федеральные законодатели и фоксистское правительство закрывают двери диалога и мира, поскольку отказываются от разрешения одной из причин, вызвавших сапатистское восстание, оправдывают существование в Мексике различных вооруженных групп, аннулируют процесс и результаты диалога и переговоров, уходят от исторической ответственности по оплате долга, который числится за Мексикой уже почти двести лет ее независимой истории и претендуют разобщить национальное индейское движение путем передачи локальным конгрессам штатов обязанности законодателя федерального.

Шестое. — САНО заявляет о своем непризнании этой Конституционной реформы о правах и культуре индейцев, лишенной духа Договоренности Сан-Андреса, отрицающей «Инициативу закона КОКОПА», полностью презирающей мексиканское и международное общественное требование признания прав и культуры индейцев, саботирует только что начавшийся процесс сближения между федеральным правительством и САНО, предает надежды на мирное урегулирование войны в Чьяпасе и демонстрирует полный разрыв между народными требованиями и интересами класса политиков.

Седьмое. — В связи с этим, САНО заявляет о следующем:

А). — Что она отдала распоряжение архитектору Фернандо Яньесу Муньосу полностью прекратить работу по связи между САНО и главой государства. Контакт между САНО и правительством Фокса больше не будет.

Б). — Что САНО не вернется на путь диалога с федеральным правительством до тех пор, пока права и культура индейцев не будут признаны конституционно, согласно так называемой «Инициативе закона КОКОПА».

В). — Что сапатисты продолжают сопротивление.

Восьмое.- Мы призываем национальное и международное гражданское общество организовать и путем выступлений в Мексике и в мире, вместе с САНО потребовать от мексиканского правительства дать задний ход законодательному издевательству и выполнить свои обязательства по конституционному признанию прав и культуры индейцев.

Девятое. — Мы обращаемся с отдельным призывом к братьям и сестрам из Индейского Национального конгресса организовать и сохранить формы гражданского сопротивления на всей мексиканской территории.

Демократии!

Свободы!

Справедливости!

С гор юго-востока Мексики,

от имени Подпольного Революционного Индейского комитета -

Генерального Командования Сапатистской Армии Национального Освобождения.

Субкоманданте Маркос

Мексика, апрель 2001 г.

ПИСЬМО СУБККОМАНДАНТЕ МАРКОСА АНХЕЛЮ ЛУИСУ ЛАРЕ, ИСПАНСКОМУ РОК-МУЗЫКАНТУ В ЧЕСТЬ ОТКРЫТИЯ В МАДРИДЕ АГУАСКАЛЬЕНТЕС

(Сокращенный перевод)

12 октября 2002 г.

Сапатистская Армия Национального Освобождения.

Мексика

Анхелю Луису Ларе, по прозвищу Русский.

От Супа Маркоса.

Русский! Брат! Во-первых, мы обнимаем тебя. Во-вторых, прими наш дружеский совет: мне кажется, было бы неплохо, если бы ты немедленно сменил свой псевдоним, потому что если, не дай бог, чеченцы тебя с кем-то спутают — прощай, Агуаскальентес, и прощай один из лучших рокеров современности.

Этот день (12 октября), когда я начинаю писать тебе эти строки, не случаен (ничто не случайно у сапатистов), как не случаен и этот абсурдный мост, что я пытаюсь протянуть к вам сейчас туда, где вы работаете, готовя открытие Агуаскальентес в Мадриде.

Я уверен, что все у вас пройдет хорошо, и что отсутствие этого недоумка Аснара (которому, как следует из его имени, единственное чего не хватает — это реветь по-ослиному⁸³) и скупого королька Хуана Карлоса пройдет незамеченным даже для журнала «Ола».⁸⁴

Но передай всем, сопровождающим тебя в этом славном проекте, пусть не грустят. Вот-вот должен выйти журнал «Ребельдия», в котором наверняка будут страницы светской хроники, куда вы сможете добавить вкладыши, позволяющие поместить фотографии бракосочетания инфанты в раздел «детских праздников».

Что же касается остального, то вышеуказанный журнал «Ребельдия» наверняка будет последователен и его первой непокорностью окажется непокорность⁸⁵ правилам орфографии, так что постарайтесь не вкладывать особо в платную вставку. Конечно, если там будут фотографии, он будет стоить дороже (но пусть тогда они будут хотя бы порно), и еще я вынужден предупредить тебя, что цена его будет не в евро, а в марках,⁸⁶ т. к. предпочтение все-же отдается твердой валюте.

Так что, в случае отсутствия на открытии Агуаскальентес представителей королевского двора, — просьба сдержат рыдания. И думаю, что там будет множество мужчин, женщин, детей и стариков со всего Иберийского полуострова, и не только оттуда. И если все они там будут — мероприятие наверняка пройдет успешно. Хотя я вынужден предупредить тебя еще и о том, что в случае любого успеха тех, кто внизу, всегда и неизбежно появляется полиция. Потому что тем, кто внизу, как гласит не помню точно какой декрет, опубликованный короной не помню точно когда, положены только слезы и смирение, и в ритме, который бодро зададут дубинки гражданской гвардии, все будут направлены со своими Агуаскальентес кто в тюрьму, а кто на кладбище — места, подготовленные испанской «демократией» для тех иберийцев, кто сопротивляется.

Я прекрасно знаю, что на празднике непокорности, именуемом Агуаскальентес, будут не только жители Испанского государства, однако они, несомненно, будут большинством.

Трансатлантические каяки

Мы присутствовать не сможем, потому что планируем в ближайшие числа вторжение в Европу, и как ты можешь себе представить, здесь у всех уже полностью собран экипаж (если конечно, экипажем можно назвать две сумки с лепешками, порцию прогорклой фасоли, две бутылки посоля⁸⁷ и ко всему этому — умеренную дозу перца), тем не менее ни у кого из присутствующих нет под рукой спасательного круга. Наиболее предусмотрительные

83 Поскольку фамилия Председателя правительства Испании Аснар (Aznar), здесь игра слов посторонняя на том, что осел по-испански (azno), а реветь по-ослиному — ребуснар (rebuznar)

84 Журнал «Ола» — Модный испанский журнал на темы светских флиртностей

85 В переводе с испанского Rebell#237;a — непокорность

86 Тоже игра слов марки (в см. немецкие денежные единицы), по-испански пишутся и произносятся как «маркос» (marcos)

87 Посоль- Напиток из кукурузной муки, популярный на юге Мексики.

запасаются таблетками от качки и наивно спрашивают, будут ли «остановки для санитарных нужд».

Но дело даже не в этом, моя проблема состоит в том, что я не могу убедить их, что на каяках (лодках, сделанных из выдолбленных вручную стволов деревьев) нам далеко не уплыть.

И кроме того нельзя не учесть, что Чьяпас не имеет выхода к Атлантическому океану, и из-за того, что у нас нет денег для оплаты пошлины за пользование Панамским каналом, нам придется плыть в обход через Тихий океан, мимо берегов Филиппин, Индии, Африки и сделать первый привал на Канарских островах.

А добираться до вас по суше было бы дурным тоном. Нам бы пришлось пересечь Монголию, развалины СССР — где следовало бы хорошо знать кому можно, а кому нельзя говорить, что мы направляемся в гости к «Русскому», — Восточную Европу, заглянуть во Францию, чтобы запастись «Шато Неф дю Пап, урожая 69» (начинаю уже каламбурить даже с марками вин), забрести за макаронами в Италию и потом карабкаться через Пиренеи. И не то чтобы нам не нравилась идея подобной прогулки, просто такие длительные блуждания приводят к износу военной формы.

Но пока в среде будущего экипажа царит энтузиазм, и он почти столь же интенсивен, как и рвота (действительно, я вижу одного товарища, которого рвет, и спрашиваю его почему, ведь мы еще не отчалили. «Это я тренируюсь», — отвечает мне он с этой безукоризненной логикой, характерной для жителей гор юго-востока Мексики).

О чем это я говорил? Ах да, о том, что мы не сможем приехать на открытие Агуаскальентес. Потому что мы сейчас, как сказал этот товарищ, «тренируемся» к экспедиции. Но о наших планах вторжения на полуостров Иберия ты, конечно, никому не рассказывай (сначала, разумеется, мы посетим Лансароте, чтобы испить кофейку с Сарاماго и Пилар⁸⁸), ты же знаешь, каковы нравы монархии — время от времени она начинает нервничать и выдумывает себе разные каникулы в сопровождении всяческих инфант и шутов (я имею в виду Фелипика Гонсалеса и Пепика Аснара,⁸⁹ который, повторяю, даже в своем имени несет печать чьего-то проклятия).

Хотя неучтивое слово о монархии и могут тебе стоить как минимум изгнания из зала, потому что как это вам пришло в голову делать Агуаскальентес в месте окупас,⁹⁰ ведь место проведения мероприятия должно принадлежать людям достойным, но — и пусть ни у кого в этом не будет сомнений — благородства куда больше в любом доме окупас, чем во дворце Эль-Эскориаль.⁹¹

Пам! Опять я связался с монархией. Не буду больше этого делать, по той же причине, по которой если влезешь в мусорный ящик, потом от тебя обязательно будет много вони, и от нее невозможно избавиться даже при помощи фальшивых духов, продающихся в Корте-Инглес.⁹²

Ладно, скажем наше «да» пиратству, и наше «нет» — разбреданию мыслей, так что, возвращаясь к нити этого монолога, у которого большой плюс в том, что ты не можешь ни слова возразить мне, как если бы ты находился перед славной гражданской гвардией, которая, если позволишь, не является ни гвардией, ни гражданской, но уже и так известно, что мир власти полон противоречий.

88 Сарاماго и Пилар- Жозе Сарاماго, известный португальский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе, симпатизирующий сапатистам, Пилар — его жена и переводчик на испанский

89 Фелипик Гонсалес и Пепик Аснар — уничижительно-уменьшительное обращение с именами бывшего председателя правительства Испании Фелипе Гонсалеса и нынешнего — Хосе Мариа Аснара

90 Окупас- леворадикальное движение бездомных и иностранных иммигрантов в Европе, занимающих пустующие дома и поселяющихся в них

91 Эль-Эскориаль — Мадридский королевский дворец.

92 Корте Инглес — Название сети торговых центров в Испании, которое в дословном переводе значит «английский королевский двор»

Что? Что я опять ушел от ответа? Ты прав, просто сама перспектива лишиться этой моей порции галисийского бульона, который начинают распределять, вновь разогрев, потому что ни у кого не осталось ни гроша на что-то еще, меня вводит в состояние, скажем, беспокойства.

Конкистадоры и неолибералы

Я говорил тебе, что дата этого письма не случайна, и что если я начал это письмо — приветствие открытию проекта Агуаскальентес 12 октября, на то есть причины.

Некоторые группы общественности ошибочно считают, что виновницей нынешней ситуации индейских народов Мексики является испанская конкиста. И дело даже не в том, что Эрнан Кортес и другие подонки меча и креста, его сопровождавшие, явились нашими благодетелями, нет, конечно, но просто в сравнении с нынешними неолиберальными правителями, все они — почти что сестры милосердия.

От честных мужчин и женщин Испании мы знаем только слово братства, только солидарность безо всяких предварительных условий, только готовность слышать, всегда протянутые к нам руки для помощи, приветствия, объятия.

Так что, да простит меня отец Идальго,⁹³ мы, сапатисты, говорим: «Долой неолибералов! Да здравствуют гачупины!⁹⁴».

Представляю, что к вам придет та каталонская группа, которая ужасно играет ранчеры,⁹⁵ хотя конечно в исполнении чамбы⁹⁶ ей нет равных... И будет еще множество других — из Галисии, из Астурии, из Кантабрии, из Андалусии, из Мурсии, из Эстремадуры, из Валенсии, из Арагона, из Ла-Риохи, из Кастилии-и-Леона, из Кастилии-Ла-Манча, из Наварры, с Балеарских островов, с Канарских островов и из Мадрида. Всем им передай наш огромный привет. Потому что благодаря стольким и таким прекрасным нашим братьям и сестрам, и ото всей бесконечной нежности, что чувствуем по отношению к ним, мы становимся сильнее и лучше.

Что? Что я не включил в этот список Страну Басков? Нет, я хочу попросить тебя, чтобы этим братьям и сестрам ты передал наше особое обращение.

Мне хорошо известно, что этот придворный шут, называющий себя судьей Гарсоном, действуя рука об руку с испанским политическим классом (который так же смешон, как и королевский двор, но только без этого скромного очарования — Как ваше здоровье графиня? — Хорошо, граф, я совершенно не скучаю по шуту Фелипику, потому что этот Пепик ничуть не хуже. Кстати, граф, вам следовало бы застегнуть ширинку, чтобы не приведи господь вы не поимели простуду, единственное что вы можете здесь при дворе поиметь, — и т. д.) осуществляет политику настоящего государственного терроризма, что не может оставить равнодушным ни одного честного человека.

Да, клоун Гарсон объявил нелегальной политическую борьбу в Стране Басков. После всего этого кривляния в шоу для дураков об аресте Пиночета (единственное, что он сделал — это устроил Пиночету отпуск за счет государства), теперь он демонстрирует свою настоящую фашистскую сущность, лишив баскский народ права на политическую борьбу за свои законные права.

И я не говорю это все просто так. Здесь мы познакомились со многими баскскими братьями и сестрами. Они были в наших лагерях мира. Они приехали сюда не для того, чтобы говорить нам, что нам делать, чтобы учить нас делать бомбы или готовить покушения.

93 Отец Идальго — Мексиканский священник, один из героев борьбы за независимость от Испании

94 Гачупины — Так в Мексике называют испанцев и потомков иммигрантов из Испании

95 Ранчера — одна из разновидностей мексиканской фольклорной музыки

96 Чамба — На испанском молодежном жаргоне — работа

Потому что здесь наши единственные бомбы — это чьяпаски,⁹⁷ которые, в отличие от юкатанок, никогда и ни с чем не рифмуются.

Потому что Оливио⁹⁸ заходит и говорит мне, что если я дам ему шоколадки с орехом, которые мне передали, потому что по слухам я оооо-чень тяжело болен, он мне продекламирует бомбу. «Давай», — говорю я ему, видя, что шоколадки уже целые. И Оливио с чувством начинает: «Бомба, бомба: у меня во дворе зацветает апельсин, а сестра твоя — красавица».

Я обижаюсь, не столько за свою сестру, сколько за полное отсутствие рифмы и ритма, но шоколадки Оливио все же даю...

Кроме того, единственные покушения здесь — это против музыкального вкуса, когда я беру гитару и запеваю своим несравненным баритоном «всегда, когда лишку выпью, выходит со мной все не так, тебя одну лишь ищю я, но лезу в чужой гамак». Если Ману Чао⁹⁹ это когда-нибудь услышит — он наверняка немедленно подпишет со мной контракт. Конечно, он готов на все что угодно, только бы не платить нам за те две струны, что он порвал, когда пытался исполнить вместе с сапатистами «Шизофреническую корову». Или это была «Бешеная корова»? Хорошо, если он там будет — привет Ману и скажи ему, что мы простим ему эти струны, при нашей ближайшей встрече на следующей остановке, которая, как известно, называется «Надежда».

И если Ману не захочет подписывать со мной контракт, я уйду в группу Ампаро. Хотя, наверное, придется поменять ее название, и вместо «Ампароной» ее назовут «Ампарофобией» из-за того, что мои критики тоже глобализируются.

И наконец, единственное, что нам не хватает, чтобы быть террористами — это призвания, а не средств.

И вот, здесь у нас были братья из Страны Басков и все они вели себя достойно, как и подобает баскам...

Не знаю, будет ли там в вас Фермин Мугурса, я помню, как один раз, когда он был здесь, его спросили, откуда он, и он сказал «баск», и когда его спросили, «баск из Испании или баск из Франции», Фермин, не колеблясь ни минуты, ответил: «баск из Страны Басков».

Я искал что-нибудь на баскском языке, чтобы отправить это как привет братьям и сестрам из Страны Басков, но почти ничего не нашел, не знаю, может быть проблема в моем словаре, но я искал слово «достоинство» по-баскски и в сапатистском словаре нашел «Эускаль Эрриа¹⁰⁰». Так что спроси их, на правильном ли я пути или мне лучше вернуться.

И наконец, то чего не знает ни Гарсон, ни его шефы, это то, что иногда достоинство превращается в ежа и ай! — что ждет того, кто попытается растоптать его.

Праздник непокорности

Итак, как я раньше говорил, Агуаскальентес должен стать праздником сопротивления — идея, которая совершенно не нравится политическим партиям...

— Все они — мошенники! — перебивает меня Дурито.

— Но... подожди, Дурито, я не говорю о мексиканских политических партиях.

— Я не об этих мошенниках говорю тебе, а о страницах порно в Интернете.

— Но, Дурито, у нас в сельве нет Интернета.

— У нас нет... Звучит похоже на заявления Европейского Союза. А у меня есть. Немного изобретательности и кое-что еще превратили один из моих усиков-антенн в мощный спутниковый модем.

97 Бомбы — Народные куплеты типа частушек, в Чьяпасе они называются «чьяпасками», а на Юкатане «юкатанками»

98 Оливио — Один из детей сапатистского селения Ла-Реалидад, персонаж многих текстов Маркоса

99 Ману Чао — популярный испано-французский левый музыкант и автор текстов, симпатизирующий сапатистам

100 Эускаль Эрриа — народ басков, на языке эускади

— И могу я знать, постмодерный странствующий рыцарь, почему страницы порно в Интернете — мошенничество?

— Потому что нет ни одной с жучихами, уже не говоря даже о полностью обнаженных, даже в этом белье типа «зубной нити», как его называют.

— Белье... — повторяю я, пытаюсь избежать неизбежного, то есть вмешательства Дурито в то, что я пишу, для чего у него более чем достаточно лапок и упрямства.

— Посмотрим.... ммммм.... ммм.... — начинает свое мычание Дурито, уже сидя у меня на плече. — Русский? Ты пишешь Путину? Я бы тебе не советовал, а вдруг он применит по тебе эти газы, которые еще даже хуже, чем те, что выпускаешь ты, когда объедаешься фасоли.

Я протестую:

— Слушай, Дурито, давай не разглашать интимных подробностей, потому что у меня здесь есть письмо, которое отправил тебе Пентагон с просьбой о формуле для создания супертоксичных газов.

— Да, но я отказался. Потому что мой газ, это как моя любовь, он не продается и не покупается, я дарю его кому хочу, потому что я бескорыстен и отдаю вещи, не задумываясь о том, заслуживают ли их другие, — говорит Дурито с сильным андалусским акцентом.

После небольшой паузы он добавляет:

— И какова тема твоего писания?

— Ну это... о непокорности и Агуаскальентес, который откроют в Мадриде, — отвечаю я, зараженный ритмом фламенко, который задает дождь над нашим навесом.

— В Мадриде? В каком из Мадридов? В Мадриде Аснара и гражданской гвардии? Или в Мадриде несогласном?

— В несогласном, конечно. Хотя не удивлюсь, если Аснар захочет сунуть туда свои копыта.

— Прекрасно! — Дурито начинает аплодировать и танцевать, да так, что Федерико Гарсиа Лорка воскресает и пишет неизвестную и никем неопубликованную Песню Эпилептического Жука.

Закончив танец, Дурито командует:

— Пиши! Сейчас я тебе продиктую мое выступление.

— Но Дурито, тебя нет в программе. И даже в числе приглашенных тоже.

— Конечно, потому что русские меня не любят. Но это неважно. Давай, пиши. Заглавие: «Непокорность и стулья».

— «Стулья»? Дурито, опять ты собираешься...

— Молчать! Идея основана на одном материале, который мы с Сарاماго написали в конце прошлого века, и называется он «Стул».

— Сарاماго? Ты имеешь в виду Жозе Сарاماго, писателя? — спрашиваю я в смятении.

— Конечно, или ты знаешь какого-то другого Сарاماго? Вот, в тот день мы с ним выпили столько, что в конце концов свалились оба с вышеупомянутого стула, и уже на полу, со всей этой перспективой и трезвостью тех, кто внизу, я говорю ему: «Пепе, это вино лягается больше, чем мул Аснара», но он ничего не ответил, потому что искал свои очки. И тогда я сказал ему: «У меня рождается идея, поторопись, Жозе, идеи — они, как фасоль с сосиской, если не успеешь, придет другой и пообедает ими». Наконец Сарاماго нашел свои очки, и мы вместе сели и придали форму этому рассказу, и если я не ошибаюсь, случилось все это в начале восьмидесятых. Конечно, под текстом можно найти только его имя; дело в том, что мы, жуки, принципиально не согласны с концепцией авторских прав.

Я пытаюсь сократить рассуждения Дурито и тороплю его:

— Заглавие готово. Что дальше?

— Итак, речь идет о том, что позиция, которую занимает личность по отношению к стульям, это как раз та, что определяет ее в плане политическом. Революционер (именно так, с большой буквы) презирует стулья обычные и говорит себе и другим: «мне некогда рассиживать, тяжелая миссия Истории (именно так, с большой буквы), доверенная мне, не позволяет мне отвлекаться на разные глупости». И так он проводит жизнь, пока не доберется до стула Власти, собьет выстрелом сидевшего там до него и потом насупив, как при запоре, брови, сядет на этот стул и скажет себе и другим: История (именно так, с большой буквы) закончилась. Во всем без исключения появляется смысл. Я на Стуле (именно так, с большой буквы) и я — кульминация всех времен». И так продолжается, пока не появится следующий

Революционер (именно так, с большой буквы), не собьет его со стула и история (именно так, с маленькой буквы) не повторится.

В отличие от него, непокорный (именно так, с маленькой буквы), когда смотрит на обычный стул, внимательно его разглядывает, потом уходит и возвращается с другим стулом, после этого он приносит еще множество стульев, и вскоре все это становится уже похоже на вечеринку, потому что пришли многие непокорные и они начинают обмениваться кофе, табаком и словом, и тогда, именно в момент, когда все начинают чувствовать себя удобно, среди них возникает какое-то беспокойство, как будто они наткнулись на червей в цветной капусте, и неизвестно отчего это — от кофе, табака или слова, но все вдруг поднимаются со стульев и продолжают свой путь. Пока не найдут следующий обычный стул и та же история снова не повторится.

И есть только одно различие — когда непокорный натывается на Стул Власти (именно так, с большой буквы), он внимательно его рассматривает, изучает, но вместо того, чтобы усесться на него, уходит и возвращается с пилкой для ногтей и с завидным терпением начинает подпиливать его ножки, пока они не станут такими тонкими, чтобы сломаться, когда кто-то сядет на этот стул, что и происходит почти сразу же. Там-там...

— Там-там? Но, Дурито...

— Ничего, ничего. Я знаю, что все это пока сыровато и что теория должна быть отшлифована. Но в моем случае — это метатеория. Может быть, меня обвинят в анархизме, но пусть тогда мой доклад станет скромным посвящением старым испанским анархистам, тем, кто всегда молчит о своем героизме, и который от этого ничуть не умаляется.

Дурито заканчивает, хотя я уверен, что он предпочел бы кончить.

— Но отставим каламбуры. На чем мы остановились, когда эта чешуекрылая назойливость меня перебила?

— Ах, да! На том, что Агуаскальентес — это праздник непокорности.

— В этом случае, дорогой мой чеченец, нам с тобой необходимо определить, что такое непокорность.

— Может быть достаточно, чтобы ты просто посмотрел на всех этих мужчин и женщин, которые взялись за строительство этого Агуаскальентес, и на тех кто будет участвовать в его открытии (в закрытии нет, потому что эту часть работы наверняка возьмет на себя полиция), чтобы у тебя появилось его определение, но поскольку это все-таки письмо, я должен попытаться определить это словами, которые какими бы выразительными они ни оказались, никогда не смогут быть так убедительны, как взгляды.

И в поисках текста, который пригодился бы мне для этого, я нашел книгу, которую отдолжил мне когда-то Хавьер Элорриага.¹⁰¹

Книжка называется «Новая Эфиопия» и автор ее — баскский поэт по имени Бернардо Атскага. И есть там поэма, под названием «Регге бабочек», где говорится о бабочках, летящих в открытое море, у которых не будет места куда сесть, потому что в этом море нет ни скал, ни островов.

Ладно, пусть простит меня дон Бернардо, если мой синтез не так удачен, как его регге, но он достаточен для того, что я хочу сказать тебе:

Непокорность — как бабочка, летящая в сторону моря без скал и островов. Она знает, что ей некуда будет сесть, и все-таки ее полет прям и уверен.

И нет, ни бабочка, ни непокорность не безумны и не самоубийственны, дело в том, что они знают, что найдут где сесть, что там, впереди, есть островок не обнаруженный ни одним из спутников

И островок этот — братская непокорность, которая наверняка всплывет, именно в момент когда бабочка, то есть летающая непокорность, начнет терять силы.

И тогда летающая непокорность, то есть морская бабочка, станет частью этого всплывшего островка, и превратится, таким образом, в опору для другой бабочки, которая, победив последние сомнения, уже направляет свой полет к морю.

И это не выходило бы за рамки любопытной статьи в книгах по биологии, если бы не то, что, как сказал не помню точно кто, — что обычно из взмахов крыльев бабочки рождаются большие ураганы.

101 Хавьер Элорриага — один из основателей руководитель Сапатистского Фронта Национального Освобождения и член редакции журнала «Ребельдия».

Своим полетом летающая непокорность, то есть бабочка, говорит НЕТ!

Нет логике.

Нет осторожности.

Нет бездействию.

Нет конформизму.

И ничто, абсолютно ничто в мире не может быть прекраснее, чем сама возможность увидеть отвагу этого полета, понять какой вызов им брошен, почувствовать начало этого ветра и увидеть, как начинают дрожать под этим небом не листья на деревьях, а колени у власть имущих, которые до этого момента наивно думали, что бабочки улетают в море, чтобы умереть.

Вот так, дорогой мой москвич, и еще известно, что бабочки, как и непокорность, заразительны.

И бабочки, как и непокорность, бывают разных цветов.

Есть синие, которые выбрали этот цвет, чтобы небо и море поспорили между собой.

Есть желтые, мечтающие об объятии солнца.

Есть красные, окрашенные в цвет непокорной крови.

Есть коричневые, несущие на своих крыльях цвет земли.

Есть зеленые, потому что в этот цвет привыкла окрашиваться надежда.

И все они — жизнь, жизнь, которая сияет совершенно независимо от того цвета, в который окрашена.

И есть полеты всех цветов.

И порой бабочки отовсюду собираются вместе и возникает радуга.

И работа бабочек, как это написано в любой уважающей себя энциклопедии, заключается в том, чтобы опустить радугу как можно ниже, чтобы дети могли научиться летать.

И, говоря о бабочках и о непокорностях, я думаю, что когда вы все окажетесь в цирке, то есть в суде, перед шутом Гарсоном, и вас спросят, что вы делали в Агуаскальентес, ответьте, что летали.

И даже если тебя отправят в депортационный полет в Чечню, смех, который за этим последует, будет слышен до самых гор юго-востока Мексики.

И за улыбку, брат, как и за музыку, нужно быть благодарным.

И, говоря о музыке, насколько мне известно, среди правительств Мексики, Испании, Италии и Франции вошел в моду танец рака, что заключается, грубо говоря, в движении бедер и плечей против направления хода часовой стрелки.

И еще — если увидишь Мануэля Васкеса Монтальбана¹⁰² — пожми ему руку от нашего имени.

Скажи ему, что мне стало известно, что недавно Фокс спросил его, не знает ли он почему Маркос и сапатисты молчат, и что он ему ответил: «Они не молчат, дело в том, что вы не слышите».

Заодно скажи ему, что копченые колбасы сильно отличаются от алмазов, в том смысле, что они не вечны и те, что он нам прислал, уже давно закончились, и что если он не расщедрится, скажем, на каких-нибудь 5 килограммов, то мы его и Пепе Карвальо¹⁰³ захватим в заложники.

Или, лучше, нет. Потому что нас тогда назовут террористами и Буш вместе с ООН развяжут новую «гуманитарную» войну. Лучше пусть просто отправит нам колбасу, а я пришлю ему за это рецепт Марко'с Спешл, который неоднократно и бесполезно просил у меня шеф-повар Его Величества.

Все, буду прощаться. Не забудь сообщить мне, в какую тюрьму вас отправят. Для того, чтобы когда мы доберемся до Испании...

Нет, не думай, что адрес тюрьмы мне нужен для того, чтобы освободить вас, наоборот, мы придем проверить надежно ли вы заперты, потому что все вы — безумцы. Подумать

¹⁰² Мануэль Васкес Монтальбан — (1939–2003) известный испанский писатель, поэт и журналист, симпатизировавший сапатистам, автор книги интервью с Маркосом «Субкоманданте Маркос — рыцарь зеркал».

¹⁰³ Пепе Карвальо — литературный персонаж из ряда романов Мануэля Васкеса Монтальбана, выдающийся сыщик и повар (сам Васкес Монтальбан тоже являлся автором нескольких книг кулинарных рецептов)

только, открыть Агуаскальентес в Мадриде... Не хватало только, чтобы вы додумались до создания в тюрьме автономного муниципалитета.

И еще — сигареты мы передать вам не сможем. Но лепешки и посоль — без проблем.

Ладно. Привет, и если речь о царствовании — пусть царит непокорность.

Из гор юго-востока Мексики.

Субкоманданте Маркос

Мексика, октябрь 2002 г.

P.S. Эва спрашивает, есть ли в Испанском Государстве (представь себе, так и сказала) видеоманитофоны, потому что она хочет взять с собой свою коллекцию фильмов о Педро Инфанте. Я сказал ей, что есть, но там — другая система. Она удивлена: «А разве там не неолиберальное правительство?». Я не ответил ей, но спрашиваю себя: «Команданте Эва: как мне быть?»

Другой **P.S.**

Не думай, что я не знаю, что в Агуаскальентес придут сопротивляющиеся из Италии, Франции, Греции, Швейцарии, Германии, Дании, Швеции, Англии, Ирландии, Португалии, Бельгии, Голландии и т. д. Передай им всем привет и скажи, что если они будут плохо себя вести, мы их тоже... тоже вторгнемся. Будем глобализировать целую лепешку и прогорклый посоль. И посмотрим как в географической прогрессии начнет расти число глобалофобов.

Еще раз привет.

Суп, тренируясь перед плаванием, рвет целым ореховым шоколадом, который Оливио оставил брошенным.

Письмо Бальтасара Гарсона Субкоманданте Маркосу

Субкоманданте Маркос!

Я не буду спорить с вами по поводу того, что вы называете меня «придворным шутком». Я предпочитаю видеть мое имя даже как шута, но тесно и открыто связанного с демократией, чем скрывать его за ложным сопротивлением, насилием, ложью, незнанием, недостатком этики и порядочности и прочими чертами, которые вы каждый раз все в большей степени проявляете.

Как вы можете оскорблять безнаказанно весь испанский народ, который вот уже более 30 лет страдает от язвы терроризма? Или может быть, никто не говорил вам о 853 людях, убитых при помощи автобомб, пистолетов, автоматов, гранатометов и т. д., трусливо в спину или выстрелом в затылок? Как вы можете не замечать десятки убитых детей, более 4 тысяч раненых и изувеченных, и других граждан и гражданок, потерявших свое имущество и свободу? Что вы скажете тем, кто сегодня, 3 декабря 2002 г. стал жертвой новой террористической вылазки в Сантандере?

Где в вашем письме слова, хотя бы несколько слов сочувствия этим жертвам терроризма? Их нет, потому что вы (в своем репрессивном фундаментализме, исполненном авторитаризма и высокомерия) накапливаете ненависть к этим жертвам или ко всем тем, кто не такой, как вы или не думает так, как вы.

Единственное, чего вы добьетесь с такими предложениями, как в написанном вами сектантском письме, — это того, что вас услышат или прочитают лишь те, кто уже заранее во всем с вами согласен, или те, кто подпитывает друг друга, так как делаете это вы, вирусом насилия, ненависти и нетерпимости. Так не строится ни государство, ни демократия, так не создается страна, не завоевываются сердца граждан. Единственное, чего можно этим добиться — это посеять зло деформированного и мертворожденного политического проекта, навсегда предать тех, о защите кого вы говорите, тех, кто заслуживает самого глубокого уважения. В результате таких поступков вы потеряете даже тех, кто следует за миражом обещанного вами будущего. Из-за проявляемой вами крайней нетерпимости дело защиты индейцев оказывается под серьезной угрозой.

И вы говорите о непокорности! Знаете, я понимаю непокорность, как то, что практикуется ежедневно в борьбе за защиту правового государства, в условиях демократии и за демократию, применяя принцип равенства перед законом, презумпции невиновности и независимости судебной власти. Это и есть непокорность, осуществляемая многими женщинами и мужчинами, ищущими пути к другому и лучшему миру. И мы все вместе

стараемся укрепить систему юридических гарантий, которая объединит нас как народ со множеством различий и в рамках многонационального государства.

Может быть, вы не знаете (или вас неправильно проинформировали ваши друзья или вы не слышали или не читали все новости или тексты, которые следует), но настоящие герои Страны Басков и настоящие непокорные — это не террористы, которых вы защищаете, а их жертвы, мужчины и женщины, пытающиеся защитить демократический путь или упрочить институты или развивать свободу мнений или работать без страха всяческого давления на них или преследований со стороны других. Те, кого вы эвфемистически называете «баскскими непокорными» — это существа, безусловно подчиняющиеся стратегии самого несправедливого и дьявольского насилия из всех, что существуют в Европе.

Нет, господин Маркос, в Испании не преследуются идеи, не преследуется никто за то что он думает, во что верит, с чем не согласен. Кажется что вам, и другим, таким как вы, строящим свои речи, основываясь на канувшем в прошлое отвергнутого всеми нами франкизме, мешает то, что этот этап в Испании уже преодолен и здесь существует свобода, контроль над властью и правовое государство, и терроризм в Испании преследуется согласно закону, исходя из закона и с соблюдением всех гарантий и процедур, предусмотренных юрисдикцией. И я уверяю вас, что эти юридические порядки — одни из самых строгих в мире. Здесь есть Конституционный суд, Европейский трибунал по правам человека и еще — ответственность судей и всех граждан и гражданок. Здесь всем есть место, даже сторонникам отделения, но всегда — с позиций ненасилия и борьбы политической. Если вы не понимаете этого, то вы не сознаете что говорите. Так что не говорите о «непокорности» тех, кто убивает, похищает и ранит невинных избирательно или же систематически; или тех кто занимался уничтожением целых групп населения. Их мы называем преступниками против человечности и они должны преследоваться и подвергаться следствию и суду.

Вы оскорбили тех, кто активно участвовал в строительстве испанской демократии: короля Испании и двух председателей правительства — Фелипе Гонсалеса и Хосе Мария Аснара, среди прочих. Безжалостные эпитеты, которыми вы воспользовались, унижают не их, а вас. У каждого из нас есть недостатки, но не пытайтесь унижить понапрасну тех, кто в Испании пребывал и пребывает на исторической сцене, всегда с уважением относясь к тем, кто мыслит и действует по-другому; любой из них и другие, действующие в моей стране с открытым лицом, делают куда больше, чем вы для своего «движения». Ваше упоминание о деле Пиночета является тоже демагогическим и показывает ваше, граничащее с полнейшей жестокостью, презрение по отношению к жертвам. Нет сомнения, вы ошиблись окопом; и несмотря на все свои песнопения о собственных «подвигах», террористы и те, кто как вы, их защищает, не обладают правотой, имеющейся у нас, их противников. Вы говорите о достоинстве и непокорности, но думаю, что вы ошиблись в терминах, если применяете их к убийцам и сознательным террористам, и, разумеется, вы лишаете самого себя права быть примером достоинства и непокорности, которое некоторые из нас ошибочно отождествляли с вами.

Хочу признаться вам, господин Маркос, что для меня вы были олицетворением другого, чего-то подобного лучу согласованности. Сейчас я признаю свою грубейшую ошибку. Я вас отождествлял с той категорией, которой вы не заслуживаете. Вы — не более, чем тонущий корабль. Когда-то, в самом начале, во главе своей «Армии» когда вы пользовались симпатиями многих (в том числе и моей), у вас была возможность направить борьбу за защиту прав индейцев в правильное русло, но вы ошиблись путем, и сегодня нам известно, почему. Чтобы быть разоблаченным, вам не нужно снимать маску — просто вы не верите ни в элементарные права человека, ни в демократию, ни даже в гражданские права вашего собственного народа.

Я не являюсь, как вы утверждаете, ни «фашистом», ни «государственным террористом». Никогда в жизни я не брал в руки оружие (разве что для охоты на перепелов). По сути своей я — пацифист. Я всегда стремлюсь заставить действовать закон и требую его безукоризненного выполнения в условиях демократического общественного государства, что является моим долгом и обязанностью, как профессионала права. Уже 22 года я нахожусь на общественной службе и 14 из них я, используя оружие закона, посвятил борьбе с наркобизнесом, организованной преступностью, коррупцией, терроризмом и преступлениями государственными и против человечества. В этой долгой борьбе я мог совершать ошибки, но в отличие от вас, я всегда действовал с открытым лицом, отвечая за

свои слова и принимая на себя ответственность за мои ошибки. Вы же трусливо прячетесь в некоем укрытии, что превращает вас в странное экзотическое существо, скрытое за маской и дурацкой трубкой.

Я не привык давать советы, но на этот раз позволю себе один — избавьтесь от этого маскарадного костюма, оставьте ваше укрытие, покажите, что вы лидер, откройте лицо, и встетьтесь лицом к лицу с мексиканским обществом, защищайте свои идеи в равных с другими условиях, скажите оружию «прощай», позвольте своим людям быть свободными, не похищайте и не пачкайте демократию. И как «гачупин гачупину» (потому что не сомневаюсь, что в ваших венах течет «гачупинская» кровь), и с величайшим уважением и восхищением по отношению к Мексике, прекрасной стране, перед которой у нас, испанцев, включая басков, такой большой долг, вызываю вас на открытую дискуссию, когда вы хотите и где вы хотите, чтобы лицом к лицу, без масок и карнавальных нарядов мы смогли говорить о терроризме, непокорности, достоинстве, борьбе, повстанческих движениях, политике, законности и всех тех ценностях, что служат для строительства страны и демократии и для защиты прав тех, у кого нет ничего. «Сегодня — это всегда еще», говорил Антонио Мачадо. У меня есть еще робкая надежда на то, что к вам вернется кажется утраченный вами рассудок и вместе с ним — ваша демократическая сущность, которая может быть когда-то у вас была.

Фернандо Бальтасар Гарсон Реаль

Член Верховного суда

3 декабря 2002 г.

ПИСЬМО СУБКОНДАНТЕ МАРКОСА БАЛЬТАСАРУ ГАРСОНУ

Сапатистская Армия Национального Освобождения.

Мексика

Г-ну Фернандо Бальтасару Гарсону Реально, члену Верховного суда, отдел № 5, Национальная Аудиенция, к. Гарсиа Гутьеррес 1 28.004, Мадрид, Испания.

Господин Бальтасар Гарсон!

Я прочитал адресованное мне письмо, датированное 3 декабря текущего года и опубликованное 6 декабря в мексиканской газете «Эль-Универсаль». В нем вы, кроме разнообразных оскорблений в мой адрес, сообщаете что вызываете меня на дискуссию, место и время которой будут определены на мой выбор.

Я сообщаю вам, что принимаю ваш вызов и (как того требуют законы странствующего рыцарства), будучи рыцарем, которому брошен вызов, условия дуэли должен определить я.

Они следующие:

ПЕРВОЕ: Дебаты состоятся на Канарских островах, а конкретно на острове Лансароте с 3 по 10 апреля 2003 г.

ВТОРОЕ: Господин Фернандо Бальтасар Гарсон Реаль должен обеспечить гарантии со стороны как испанского, так и мексиканского правительств, необходимые и достаточные для того, чтобы вызванный на дуэль рыцарь, а также шестеро его оруженосцев смогли прибыть на место встречи и после ее окончания без проблем вернуться назад. Расходы по перемещению и размещению субкоманданте Маркоса и его делегации берет на себя САНУ, для чего у них уже готовы каяки, лепешки, фасоль и посоль; кроме того для ночлега странствующего (или плавающего) рыцаря будет достаточно крыши в виде славного канарского неба.

ТРЕТЬЕ: В том же месте, где состоятся дебаты, параллельно, но не одновременно с ними, будет проведена встреча между всеми политическими, социальными и культурными участниками баскского конфликта, которые пожелают в ней участвовать. Темой встречи станет следующая: «Страна Басков: пути».

ЧЕТВЕРТОЕ: Господин Фернандо Бальтасар Гарсон Реаль должен принять участие, слушать и выступить на вышеуказанной встрече. Кроме того, он должен предпринять усилия, чтобы убедить испанское правительство внести свой вклад в создании благоприятного климата для проведения этой встречи, принять меры по разрядке и направить на эту встечу делегацию соответствующего уровня. У этой делегации может не быть полномочий для

принятия решений, но мы хотим попросить ее, чтобы она выслушала и участвовала в беседах с другими сторонами.

ПЯТОЕ: Рыцарь субкоманданте Маркос должен принять участие в вышеуказанной встрече, но только в виде слушателя, поскольку ее тема — это исключительно внутренний вопрос баскского народа. Кроме того, субкоманданте Маркос должен будет обратиться к баскской организации Эускади Та Аскатасуна (более известной по своей аббревиатуре ЭТА), с просьбой об объявлении ей одностороннего перемирия на 177 дней, период, в течение которого ЭТА не должна будет осуществлять ни одной военной акции. Перемирие ЭТА должно начаться в полночь 24 декабря 2002 г.

Точно так же, субкоманданте Маркос должен будет обратиться к политическим и общественным организациям басков, к баскскому народу в целом, предлагая им организовать эту акцию и принять в ней участие.

Кроме того, субкоманданте Маркос обратится к испанскому и баскскому гражданскому обществу с просьбой о всеобщем участии в кампании «Шанс слову», целью которой будет оказание давления на испанское правительство и на ЭТА, с тем чтобы они создали на всем иберийском полуострове условия, позволяющие провести эту встречу.

ШЕСТОЕ: Победитель дебатов будет избран жюри, которое будет состоять из семи человек, и все они будут гражданами Испании. Субкоманданте Маркос уступает господину Фернандо Бальтасару Гарсону Реалю право назначить четверых из семи членов жюри и выбрать из них председателя жюри, то есть того, кто в случае ничьей по причине воздержания от голосования со стороны жюри, отдаст свой решающий голос в пользу того, кого посчитает победителем дебатов. Трое других членов жюри будут приглашены САНО.

СЕДЬМОЕ: Если господин Фернандо Бальтасар Гарсон Реаль победит в честном бою субкоманданте Маркоса — у него будет право один раз сорвать с него маску перед кем захочет. Кроме того, субкоманданте Маркос принесет ему публичные извинения и сдастся в руки испанского правосудия для того чтобы его подвергли пыткам (именно тем, которым подвергают задержанных басков) и ответит на все обвинения, отраженные в письме господина Гарсона Реаля от 3 апреля 2003 г.

Если же наоборот, господин Фернандо Бальтасар Гарсон Реаль будет побежден в честном бою субкоманданте Маркосом, он обязуется обеспечить юридическую поддержку САНО в ее требованиях, что явилось бы для сапатистов последним мирным выходом, и которые будут представлены в международные юридические инстанции с целью добиться признания прав и культуры индейцев, которые в нарушение всех международных законов и здравого смысла, были отвергнуты всеми тремя ветвями власти мексиканского правительства.

Кроме того, если вы посчитаете это возможным и у вас будет желание — вы сможете официально представить САНО перед вышеназванными международными инстанциями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** в вопросах, связанных с требованием юридического признания наших прав и культуры.

Кроме того, будут представлены иски о преступлениях против человечества против господина Эрнесто Седильо Понсе де Леона, ответственного за бойню в Актеале (произошедшую в горах юго-востока Мексики в декабре 1997 г.), когда были хладнокровно убиты 45 индейских детей, женщин, мужчин и стариков. Как вы можете вспомнить, только что господин Седильо за свое участие в бойне, был награжден господином Хосе Мариа Аснаром, председателем испанского правительства.

Точно также будут представлены иски против председателей испанского правительства, которые во время правления в Мексике господина Седильо, были соучастниками этого и других преступлений против индейских народов Мексики.

Эти условия не подлежат обсуждению. Господин Фернандо Бальтасар Гарсон Реаль должен будет в разумный срок ответить, принимает он их или нет. В отличие от этого, детали дебатов могут быть согласованы в ходе консультаций между рабочим группами вызвавшего и вызванного на дуэль.

Господин Фернандо Бальтасар Гарсон Реаль, как вы можете видеть по копиям писем, прилагаемым к этому, я уже начал выполнять взятые на себя обязательства.

Говоря как гачупин с гачупином, поскольку в моих венах есть четверть испанской крови, надеюсь, что вы поймете меня и подтвердите вашу готовность провести встречу, на которую вы меня вызвали.

У вас есть возможность выбора: поставить ваши знания и умения на службу делу справедливому и благородному (и заодно показать, что международное правосудие служит не только для оправдания войн и покрытия преступников) или остаться на вашем нынешнем месте, принимая милости от тех, кто сверху, становящиеся кровью и болью тех, кто снизу.

Достаточно. Счастливо, и пусть все это пригодится, чтобы дать шанс слову.

Из гор юго-востока Мексики.

Субкоманданте Маркос

Декабрь 2002 г.

P.S. Знайте, ваша милость, что все оскорбления, которым вы подвергли меня в своем письме, мне совершенно без-раз-лич-ны. Единственное, что причинило мне боль, и немалую — это ваши слова о «дурацкой трубке». Поэтому я уже начал делать себе другую, новую, которая, вот увидите, произведет фурор, когда я впервые испытаю ее на Гран-Виа или на Рамблас. Кстати, курить перед Земным шаром разрешается?

Еще один P.S. Еще меня озаботили слова о «тонущем корабле». Вы хотите сказать, что обозреваемые мной сейчас берега — это не остров Эль-Йерро (считавшийся краем земли до открытия Америки), а берега острова Ява? Я же говорил недавно, когда мы проплывали мимо Каракатау, что из любви к дороге и переменам мы выбрали самый длинный из путей. Вздох.

Письмо Субкоманданте Маркоса организации ЭТА

Сапатистская Армия Национального Освобождения.

7 декабря 2002 г.

Баскской военно-политической организации Эускади Та Аскатасуна (ЭТА).

Страна Басков.

От: Субкоманданте Маркоса. Мексика.

Дамы и господа!

Пишу вам от имени детей, стариков, женщин и мужчин Сапатистской Армии Национального Освобождения из Мексики.

Как вам, может быть, уже известно, совсем недавно в одном нашем послании, прочитанном на испанской территории, мы коснулись темы борьбы баскского народа за свою независимость. Несмотря на то, что в тексте ясно говорилось, что речь идет о политической, а не о вооруженной борьбе басков, наши слова были сознательно двусмысленными относительно того, что связано с действиями вашей организации ЭТА.

Целью этой нашей двусмысленности было создание той ситуации, которую нам удалось создать. Мы прекрасно сознаем, что подвергли риску тот моральный капитал, которым мы, сапатисты, пользуемся во всем мире, и в частности, на Иберийском полуострове, но это было нам совершенно необходимо... тогда.

Вам и нам хорошо известно, что САНО не только не осуществляла и никогда не осуществит ни одной вооруженной акции против гражданского населения. Кроме этого, вы знаете и о том, что мы осуждаем подобные нападения, при которых обычно большинство жертв даже не знает, за что им приходится умирать.

Ваши действия привели к немалому числу жертв среди гражданского населения. Среди них были люди, симпатизировавшие нашему делу, которые, как и все остальные безоружные жертвы, погибли в отчаянии неведения, за что.

Мы считаем справедливой и законной борьбу баскского народа за независимость, но эта благородная цель, как впрочем и никакая другая, не оправдывает принесение в жертву жизней гражданских лиц. Это не только не дает никакого политического выигрыша — даже если бы и давало — человеческая цена все равно непомерно высока. Мы осуждаем все военные действия, наносящие ущерб гражданским лицам. И в равной степени осуждаем их, от кого бы они не исходили: от ЭТА или от испанского государства, от Аль-Каиды или от Джорджа Буша, от израильтян или от палестинцев, от кого бы то ни было, кто под различными именами или аббревиатурами, ссылаясь на разные государственные, идеологические или религиозные причины, убивает ни в чем не повинных детей, женщин, стариков и мужчин.

Конечно, мне известно, что в списки мертвых и раненных, составленных испанским правительством, не включены тысячи басков убитых, подвергнутых пыткам и пропавших без

вести, после того как они были задержаны органами государственной безопасности. Тем не менее, я не пишу вам, чтобы сравнивать счета мертвых. В этом мы превосходим и одних и других, потому что число погибших после испанской конкисты мексиканских индейцев — миллионы. И мы не предлагаем нашим мертвым ни с кем соревноваться.

Обращаюсь я к вам не для того, чтобы говорить о прошлом.

Несколько дней назад испанский судья Фернандо Бальтасар Гарсон Реаль предложил мне участвовать в публичных дебатах. Я согласился и поставил как одно из условий для этого, организацию встечи между всеми политическими, общественными и культурными силами участвующими или заинтересованными в разрешении конфликта в Стране Басков, с тем чтобы все они смогли встретиться и выслушать мнения друг друга по поводу путей выхода.

Поэтому я, от имени всех моих товарищей, прошу вас объявить одностороннее перемирие на период 177 дней, начиная с полуночи 24 декабря 2002 года. Кроме того, я прошу вас взять на себя публичные обязательства не проводить в этот период никаких военных операций, и внести таким образом, свой вклад в создание атмосферы, благоприятной для этой встречи, то есть дать шанс слову.

Было бы хорошо, если бы Эускади Та Аскатасуна отправила одного или нескольких делегатов на встречу «Страна Басков: пути», но не для того, чтобы вести переговоры и о чем-то договариваться, а просто, чтобы слушать и говорить. Я знаю, что это связано с риском, но если вы готовы к гибели или тюрьме во время проводимых вами вооруженных акций, не вижу причин, почему нельзя рискнуть тем же ради акции политической.

Я не прошу вас о том, чтобы вы сдались, или сложили оружие, или отказались от своих убеждений. Я прошу вас только о том, чтобы вы дали шанс слову и выразили таким образом свое уважение к огромному риску, которому подвергается в этом случае мы, сапатисты. Если вы с этим не согласны — я лично предлагаю вам себя в качестве подходящей мишени для ближайшего покушения. Вы можете обвинить меня в «коллорабационизме» с испанским государством (что, тем не менее, выглядит достаточно парадоксальным — ведь испанские власти обвиняют меня в «апологетике терроризма»). Повод не важен. С нашей стороны не будет ни обид, ни мести, по крайней мере, я буду знать, за что умираю. Жду вашего ответа.

Все. Получите наш привет и дайте слову шанс.

Из гор юго-востока Мексики.

Субкоманданте Маркос

Мексика, декабрь 2002 г.

Письмо Субкоманданте Маркоса Всем политическим, общественным, культурным и религиозным силам Страны Басков

Сапатистская Армия Национального Освобождения

7 декабря 2002 г.

Всем политическим, общественным, культурным и религиозным силам Страны Басков, независимо от их идеологии.

От: Субкоманданте Маркоса.

Дамы, господа и дети!

Я пишу вам от имени Сапатистской Армии Национального Освобождения, для того чтобы сделать вам предложение объединиться и взять на себя организацию гражданской мобилизации «ШАНС СЛОВУ», цель которой добиться от ЭТА и от испанского правительства создания атмосферы благоприятной для проведения встречи «Страна Басков: пути».

Проведение этой встречи планируется с 3 по 7 апреля на острове Лансароте, Канарские острова, и ее единственной целью будет попытка изменить логику войны, царящую в сегодняшнем мире.

Еще мы предлагаем вам, чтобы вы превратили эту встречу в вашу собственную, чтобы вы организовали ее и участвовали в ней, в той мере и форме, какие посчитаете нужными.

Предполагается, что проведение этой встречи является одним из условий, поставленных нами для осуществления публичных дебатов, на которые нас вызвал судья Бальтасар Гарсон, но если они не состоятся или будут сорваны в результате какого-нибудь

неожиданного препятствия или несчастного случая, мы убедительно просим вас провести эту встречу в наиболее удобные для вас место и время.

Не вдаюсь в детали, чтобы не повторять то, что вы и так прочитаете в письмах, которые я прилагаю к этому.

Мы уверены что в случае успеха этой инициативы, она превратится в луч надежды для всех народов земли.

Еще раз передаю вам наш привет, выражая вам наше искреннее уважение и восхищение.

Счастливо и... разве не стоит дать слову шанс?

Из гор юго-востока Мексики.

Субкоманданте Маркос

Мексика, декабрь 2002 г.

Письмо Субкоманданте Маркоса гражданскому обществу Испании и Страны Басков

Сапатистская Армия Национального Освобождения

Мексика

7 декабря 2002 г.

Гражданскому обществу Испании и Страны Басков,

Полуостров Иберия, планета Земля.

От: **Субкоманданте Маркоса**

Мексика

Дамы, господа и дети!

Я пишу вам от имени стариков, женщин, детей и мужчин Сапатистской Армии Национального Освобождения, чтобы передать вам наш привет.

Недавно одно наше письмо, прочитанное в мадридском Агуаскальентес, вызвало полемику и многие нас осудили из-за того, что это послание было двусмысленным по отношению к действиям баскской организации ЭТА. Несмотря на то, что в самом начале нашего письма мы предупредили, что «ничто не случайно у сапатистов», и что мы ясно говорили о политической, а не вооруженной борьбе баскского народа, отсутствие нашего прямого осуждения терроризма было истолковано как поддержка ЭТА и ее действий со стороны САНУ.

Я должен сказать вам, что эта двусмысленность и общий тон письма были преднамеренными. Мы хотели разбудить испанский темперамент одного человека и таким образом запустить в действие одну честную и благородную инициативу, которая в той ее части, что касается нас, является быть может последним шансом добиться мирным и достойным путем выполнения наших требований, которые состоят, как всем известно, в признании прав и культуры индейцев. Вам хорошо известно, что мы не практикуем терроризма и множество раз в письменной и устной форме осуждали террор, от кого бы он не исходил. И если на этот раз мы этого не сделали — это по причине, которая уже всем хорошо видна.

Мы хотим искренне попросить прощения у родственников жертв ЭТА и испанского государства, среди которых есть немало симпатизирующих нашему делу, за то, что эта двусмысленность выглядела недостатком уважения к их боли. И мы от всего сердца желаем, чтобы они нас поняли и когда-нибудь простили за это.

Кроме того, мы сожалеем еще, что их страдание стало объектом манипуляции со стороны испанского правительства, чтобы отвлечь общественное мнение и скрыть таким образом свое преступное бессилие в преодолении последствий экологической катастрофы, жертвой которой стал благородный галисийский народ, доказавший что можно самим организовать и решить эту проблему, тем временем как правители заняты позированием для светской хроники мадридских газет.

Как вам известно, судья Фернандо Бальтасар Гарсон Реаль вызвал меня для участия в открытых дебатах на разные темы. Мы решили принять этот вызов и выдвинули в качестве одного из условий проведение встречи между участниками баскского конфликта и всеми заинтересованными в его разрешении сторонами, чтобы все они могли встретиться, слышать

друг друга и разговаривать друг с другом без бомб, выстрелов и приказов о задержании. Тема встречи — «Страна Басков: пути».

Для проведения этой встречи я уже обратился к баскской организации ЭТА с письмом, в котором содержится наша просьба об объявлении ими одностороннего перемирия на 177 дней (начиная с 24 декабря этого года), чтобы таким образом создать атмосферу, благоприятную для проведения этой встречи.

Мы считаем, что необходимо что-то сделать для изменения доминирующей в сегодняшнем мире преступной логики. С террором можно бороться путем террора, но победить его таким образом невозможно. Можно найти аргументы для оправдания пыток, убийств, насильственного исчезновения, но покончить таким образом с теми, кто исходя из своих идеологических или религиозных аргументов оправдывает убийства других — невозможно.

В сегодняшнем мире нам пытаются внушить, что существует одно-единственное окончательное решение, однако оно, как и все остальные «окончательные решения» является ловушкой. Нас заставляют сделать выбор между одним террором или другим, и критика одного террора предполагает поддержку террора другого. В этом конкретном случае нас заставляют сделать выбор между терроризмом ЭТА и терроризмом испанского государства, и если мы отказываемся поддерживать одних — нас тут же обвиняют в том, что мы являемся пособниками других. Но вы, как и мы, знаете, что настоящий выход — не в поддержке тех или других из них, а в том, что может быть построено как новый путь, как новый мир.

И было бы прекрасно, справедливо и поучительно, если бы в этом разобщенном мире, где смерть и разрушение только обмениваются между собой аргументами и абсурдом (где осуждение карательных мер Буша считается эквивалентом поддержки фундаменталистского бреда Бин Ладена) если бы на полуострове Иберия удалось создать пространство чтобы дать шанс слову.

Было бы прекрасно, если бы достойные жители полуострова Иберия сказали всему миру, что дать слову шанс возможно и необходимо.

По всем этим причинам мы призываем вас ко всеобщей мобилизации на всех испанских землях чтобы потребовать от испанского правительства и от ЭТА одного — дать шанс слову.

Все. Счастливо и (если не сейчас, то когда?) нужно дать шанс слову.

Из гор юго-востока Мексики.

Субкоманданте Маркос

Мексика, декабрь 2002 г.

Письмо Субкоманданте Маркоса Всем левым политическим, общественным, культурным организациям Страны Басков (АБЕРТСАЛЯМ)

Сапатистская Армия Национального Освобождения

7 декабря 2002 г.

Всем левым политическим, общественным, культурным организациям Страны Басков (абертсальям).

От: Субкоманданте Маркоса.

Мексика.

Братья и сестры!

Я пишу вам от имени детей, стариков, женщин и мужчин Сапатистской Армии Национального Освобождения и выражаю всем вам наше искреннее уважение и восхищение.

Думаю, что не ошибусь, предположив, что вам известно о полемике, возникшей после прочтения письма сапатистов в конце ноября этого года в мадридском Агуаскальентес.

Как вы увидите в прилагаемом здесь письме, я принял вызов, брошенный мне судьей Бальтасаром Гарсоном. Поскольку вызов был брошен мне и, следовательно, мне определять условия поединка, я ответил ему, что одним из этих условий является проведение, параллельно нашим дебатам, встречи между всеми политическими и культурными силами, участвующими в конфликте в Стране Басков и готовыми пойти на эту встречу. Еще я написал ЭТА с просьбой об объявлении ими одностороннего перемирия на 177 дней (начиная с 24

декабря этого года), чтобы таким образом создать атмосферу, благоприятную для проведения этой встречи

Это — если вкратце. Детали вы можете узнать из вышеупомянутых писем. Но именно вам я пишу по разным причинам.

Кроме приглашения участвовать во встрече, я пишу вам, чтобы попросить вас присоединиться к нашей просьбе к ЭТА, поскольку у вас есть для этого больше морального авторитета и престижа, чем у меня.

Кроме этого, я прошу вас, чтобы вы проявляя всю возможную терпимость и открытость, постарались объединить как можно больше различных сил для организации и осуществления этой акции. Я прошу об этом вас, потому что исторически левые всегда были лучшими организаторами, чем правые. Темы, сроки и прочие детали встречи быть определены в результате совместного решения всех сил, желающих дать слову шанс.

Мне хорошо известно, что в отличие от мексиканских парламентских левых, у вас есть альтернативный политический проект, который заключается не только в борьбе за независимость басков, но и в построении более справедливой, более демократической и более свободной, то есть более человеческой, системы. Поэтому я обращаюсь к вам, к вашему опыту, к вашей решимости в борьбе, к вашему героизму и к вашему моральному авторитету, которым — и я в этом не сомневаюсь — вы пользуетесь среди благородного народа басков. И в том, что есть иные, совершенно новые пути для завоевания независимости басков, я тоже не сомневаюсь.

И еще я не сомневаюсь в том, что эти пути сейчас закрыты из-за террора с одной и другой стороны, которые подпитывают друг друга.

Поэтому я прошу вас, чтобы вы говорили и слушали себя и других. Я прошу вас не отказываться от ваших убеждений и проектов, а познакомить с ними других в пространстве, за создание которого должны бороться вместе все без исключения честные мужчины и женщины.

Я прошу вас бороться, чтобы это пространство стало реальностью. Никто при этом ничего не потеряет (за исключением нас, сапатистов, но это — наша профессия), а выиграть можно будет многое.

Я прошу вас сделать самые большие усилия, чтобы дать шанс слову.

И еще (да, я знаю что становлюсь уже попрошайкой, но пользуясь вашим благородством...) прошу вас, что даже если все обстоятельства сложатся против и ничего из того, что мы сейчас затеваем, не получится, вы как хотите, но создайте все-таки это пространство и пригласите туда всех, кто захочет, чтобы вместе говорить и вместе слушать то, что одни и другие могут сказать и то, что должны услышать.

Все. Счастливо и хотя я понимаю, что это похоже на лозунг для уличной демонстрации, но нужно дать шанс слову.

Из гор юго-востока Мексики.

Субкоманданте Маркос

Мексика, декабрь 2002 г.

Эускади Та Аскатасуна (Баскская Родина и Свобода) Сапатистской Армии Национального Освобождения. Достоинство. Уважение. Солидарность. Агур т'эрди!

Мы пишем вам эти строки в ответ на то, что вы нам отправили посредством публикации в мексиканской газете «Ла Хорнада» 9 декабря прошлого года.

Язык может быть средством общения. Кроме того это средство, способное вредить и унижать. Есть удары, которые болезненны и есть слова, которые еще более болезненны. Есть удары, которые ранят и слова, которые убивают.

Наш язык (не тот, который мы используем для общения с вами, с вами мы говорим на языке вам понятном) это эускара, баскский, язык наворрум. Это язык старый и молодой. Когда латинский и греческий языки, мертвые сегодня, были языками власти, как сегодня английский и испанский, наш язык уже годился с незапамятных времен, чтобы сказать «Гора» и «Река»: «Мендиа», «Ибаиа».

«Вода» это «Ур»

«Земля» это «Лур»

«Снег» это «Элур»

И когда мы встречаемся с кем-то, мы говорим ему «Каихо», «Агур» (и как ни странно, это последнее слово значит и «Прощай»).

Можете внести в свой сапатистский словарь, что «Достоинство» переводится на баскский как «Дуинтасуна».

И «Эускаль Эрриа» это Народ Басков. Мы, борющиеся всеми средствами за свободу нашего народа, предпочитаем говорить, что Эускаль Эрриа это Народ Эускары, нашего языка. Нашего языка на нашей земле. Свободной.

И наши дети видят нас в борьбе. Иногда не видя нас (в испанских и французских застенках, в подполье, в обыденной жизни нашего общества потребительства). Но они все понимают без слов. Наверняка, как и вы, дети САНУ. Наш народ — древний народ. Земли, на которых мы живем, открыты и защищены горами, долинами, и своими жителями, которые отказываются жить под ярмом и сами хотят решать все свои вопросы.

Корни нашего народа уходят глубоко в Историю. Так глубоко, что мы почти уверены, что где-то во чреве Земли наши корни обнимают корни народа Чьяпаса.

И именно оттуда рождается наше уважение к народу вашему, народу, который выжил благодаря вам. Потому что в его мозолистых руках, в его усталых глазах, в его седине мы видим руки, глаза и седину наших отцов и дедов и их предков.

Мы знаем, что вы не всегда были правы, что были у вас моменты, когда принятые вами решения были ошибочными, что вы боролись изо всех своих сил даже с собственным страхом. Но прежде всего мы знаем, что: Исан сирелако гара эта гарелако исанго дира. Это можно перевести приблизительно так: мы есть благодаря тому что вы были и вы будете благодаря тому что мы есть. И это заставляет нас уважать вас.

«Уважение» можно перевести как «Бехирунеа».

Мы принадлежим этой земле, и настолько, что любой, попадающий на нашу землю, становится, если хочет, одним из наших. Нас делает басками не цвет кожи. С определенной иронией мы могли бы сказать, что басками мы остаемся за счет нашего упорства в борьбе за свободу.

Достоинство борющегося народа вызывает у нас чувство уважения. Наша организация приняла помощь и солидарность сотен и тысяч мужчин и женщин со всего мира. Мужчин и женщин, которые, в большинстве случаев, должны были перешагнуть через траншеи дезинформации и всяческие оскорбления, чтобы в конце концов понять нашу освободительную борьбу, наши методы и наши цели справедливости и свободы.

Иногда мы действительно похожи на народ-эгоист. «В самой Европе бороться с оружием в руках! Чего им еще не хватает?» — могут воскликнуть многие, имея в виду уровень жизни, достигнутый в Европе за счет грабежа народов мира.

Мы хотим свободы. Просто-напросто. Свободы решать свою судьбу, как народ. Каким образом организовываться, каким образом жить и как исправить чудовищную несправедливость, творимую европейскими государствами.

Наша солидарность с борьбой народа Чьяпаса безусловна. Мы никогда не будем вам говорить что и как вы должны делать (если вы сами нас об этом не попросите). Мы всегда сделаем все от нас зависящее, чтобы помочь вам в вашей борьбе.

И «Солидарность» переводится как «Элькартасуна».

Вам должно быть известно, что недавно, один из членов вашей Армии, в частности субкоманданте Маркос нам написал послание (точнее принялся писать и написал целую кучу всего, но единственное что для нас важно, это то что сделал он это от вашего имени) и поскольку мы вовсе не сторонники воинских чинов, отвечаем субкоманданте прямо в нижеследующих линиях:

После детального изучения как письма, направленного нашей организации, так и других писем, опубликованных в той же газете, ЭТА заявляет следующее:

— У нас есть серьезные сомнения по поводу истинных целей диалога, предложенного вами на канарском острове Лансароте. Нам кажется скорее, что это ваш отчаянный маневр для привлечения внимания мира, пользуясь для этого резонансом, который вызывает все, связанное с баскским конфликтом, особенно в Испании.

— Публичная и без каких-либо предварительных консультаций форма, в которой вы сделали это предложение, отражает ваше глубокое неуважение к народу басков и ко всем нам, из разных организаций борющимся в той или иной форме за свободу.

— ЭТА всегда готова слушать, говорить и вести диалог, выражая волю народа басков и его организаций. Доказательство этого — различные инициативы, с которыми мы выступали в течение всех этих лет борьбы. Например: переговоры в Алжире в 1989 году, предложение Демократической Альтернативы в 1995 году, политическая инициатива приостановки вооруженных выступлений в 1998 и 1999 годах...

— Мы не отказываемся от выдвижения и поддержки новых инициатив в будущем. Наша воля к справедливому и полному разрешению конфликта неизменна. Но предложения эти должны быть серьезны и должны опираться на широкую поддержку, должны быть оправданными, общественно легитимными.

— Еще мы хотим ясно сказать вам, что в нас совершенно не интересует становиться частью какой-либо «пантомимы» или «оперетты», чтобы завоевать благосклонность первых полос международной прессы, сайтов или стать темой дизайна очередной модной футболки на мадридской Гран Виа.

— Со своей стороны мы готовы сделать все от нас зависящее, чтобы САНО была лучше информирована о конфликте, существующем между Страной Басков и французским и испанским государствами.

— Если что-то нужно глобализовать в этом мире, то это справедливость и уважение. И в этом наши повстанческие или революционные организации должны начинать с самих себя. ЭТА никогда не вмешивалась в принятие решений другими революционными или повстанческими организациями за пределами нашей страны. Всегда мы ограничивались выражением полной солидарности с борьбой других и в то же время опыт других обогащал нас. Мы всегда испытывали симпатию и выражали солидарность с организациями и людьми, которые как в Мексике, так и в Испании и в других местах планеты Земля борются теми путями, которые как считают нужными, за более справедливый мир и за свободу для всех народов.

На этом мы прощаемся. Примите повстанческий и революционный привет от европейских индейцев. Агур.

Да здравствует свободный Чьяпас!

Гора Эускаль Эрриа аскадута!¹⁰⁴ –

Эускаль Эрриа,

1 января 2003 года (ничто не случайно)

Эускади Та Аскадасуна

Э.Т.А.

С 9 по 12 января 2003 г.

Баскской военно-политической организации Эускади Та Аскадасуна (ЭТА).

Страна Басков.

От: Сапатистской Армии Национального Освобождения.

Мексика.

Дамы и господа:

Мы получили письмо, которое с датой 1 января 2003 года вы нам отправили посредством информационных агентств, газет, сайтов и т. д. Мы узнали о существовании вашего послания 6 января, но его полный текст смогли прочитать только после его публикации в мексиканской газете «Ла Хорнада». Отвечая вам, мы имеем в виду этот вариант письма.

Новость эта пришла к нам неожиданно, как обычно приходят сюда новости. Я сидел в туалете и размышлял, что будет, если ЭТА воспользуется моим обещанием и исполнит мое пожелание как раз в момент справления мною нужд, именуемых физиологическими. Я представлял себе заголовки газет на следующий день: «Смерть Супа, ставшего жертвой собственного испражнения» и после этого выстрел (это такое журналистское выражение, а не то, что вы подумали): «Обосрался» (разумеется, газеты блюдущие хороший тон и нравственность напишут «Обкакался»). И после этого все газеты опубликуют траурную декларацию, подписанную светлейшими и изящнейшими умами Мексики и Испании, где будет сказано, что «мы всегда утверждали, что этот тип — полный засранец». Короче, я был

104 Да здравствует свободный народ басков! на языке эускади

полностью погружен в подобные размышления, когда пришли за мной наши команданте Тачо, Мистер и Брус Ли (а не Брюс Ли, как пишут многие!) и сообщили:

— Есть новости. ЭТА уже ответила.

— Да? И что они говорят?

— Они тебя ругают.

— А... ну это уже стало международным видом спорта. И еще, почему это «тебя ругают»? Должно быть «нас ругают», разве я говорю не от имени эсаэно?

— Нет, ругают тебя. Наш договор был такой: все возмущения и обиды — тебе, все поздравления — нам, — сказал Мистер, и добавил: — Может быть, кто-нибудь пришлет нам полный вариант письма. Да и получение этого заняло достаточно много времени, особенно, если учесть, что мы «постмодернистские» партизаны и «покорители киберпространства, владеющие всеми новейшими технологиями».

Они достали письмо, прочитали и с саркастическим «Уй!» передали его мне.

Тачо спросил: — С чего это они говорят, что «мы знаем, что вы не всегда были правы»?

Омар с улыбкой ответил: — Я думаю, что потому что мы ошиблись, назначив Супа нашим представителем.

Взрыв нашего смеха наверняка докатился даже до Страны Басков.

Команданте Давид подошел ко мне и утешил:

— Не обращай внимания, они шутят.

Команданта Эстер попыталась что-то сказать, но очередной приступ смеха помешал ей. Зато команданта Фиделия предложила мне чаю и сказала:

— Надо ответить им, особенно по поводу детей САНУ.

— И еще об этом, — говорит Тачо и отмечает фломастером, который когда-то принадлежал дивизионному генералу Абсалону Кастельяносу (генералу мексиканской федеральной армии, известному своими убийствами индейцев и преследованием, пытками, тюрьмами и казнями для всех несогласных, который был захвачен в плен сапатистскими силами в 1994 году, был судим и приговорен к тому, чтобы до конца своих дней носить прощение тех, кто были его жертвами) некоторые параграфы вашего письма.

Так что мы сообщаем вам следующее:

Первое. — Хочу вас проинформировать, что дети САНУ не понимают всего без слов, как вы ошибочно предполагаете в своем письме.

Мы обращаемся с ними как с детьми. Это власть имущие своей войной обращаются с ними как со взрослыми. Мы говорим с ними. Мы учим их тому, что слово, вместе с любовью и достоинством является тем элементом, что делает из нас людей. Мы не учим их воевать. Точнее, учим воевать, но словом. Они учатся. Они знают, что если мы сегодня заняты войной, то это лишь для того чтобы им не пришлось этого делать. И они говорят и, кроме того, слушают.

В отличие от того что вы говорите, мы учим их, что слова не убивают, но слова можно убить и вместе с убийством слова можно убить и человека.

Мы учим их тому, что в мире есть столько слов, сколько в нем цветов и столько же в нем есть разных идей, и мир этот создан для того, чтобы в нем рождались слова. Что идеи бывают разные и что мы должны уважать их.

Что есть те, которые претендуют на то, чтобы их идеи были единственно правильными и преследуют, заключают в тюрьмы и убивают (всегда прикрываясь соображениями «государственной важности», незаконными законами или «высокими целями») тех, кто думает по-другому.

И мы учим их говорить правду, то есть, говорить сердцем. Потому что ложь это одна из форм убийства слова.

На языке людей-летучих мышей, тех для кого слово служит в пути ориентиром, цоцилей, говорить правду звучит как «ЙАЛЕЛЬ ТА МЕЛЕЙ».

Мы учим их говорить и слушать. Потому что тот, кто только говорит и не слушает, в конце концов начинает думать, что только то, что он говорит — это единственная правда.

На языке цоцилей, тех, кто слушая другого ориентируют свой путь, слушать сердцем звучит как «ЙАТЕЛЬ ТАХЛОК ЭЛЬ КООНТИК».

Произнося и слушая слова мы узнаем кто мы, откуда пришли и куда направляемся. Так же мы узнаем и о другом, о его пути и его мире. Произнося и слушая слова мы слушаем жизнь.

Второе. — Я вижу, что у вас есть чувство юмора и что вы разоблачили нас: мы, сапатисты, поскольку на нас никогда не обращала внимания ни местная ни международная пресса, решили «использовать» баскский конфликт, который как известно вызывает обилие восторженных отзывов в мировой прессе.¹⁰⁵ Более того, с момента, когда мы впервые публично коснулись темы политической борьбы Эускаль Эрриа,¹⁰⁶ количество положительных комментариев в адрес сапатистов на улице и в местной и международной прессе немедленно начало расти.¹⁰⁷

Насчет того, что вы не хотите становиться частью какой-либо «пантомимы» или «оперетты», это понятно. Вам больше нравятся трагедии.

По поводу того, что вы отказываетесь «стать темой дизайна очередной модной футболки на мадридской Гран Виа», это срывает наш план открытия стенда по продаже сапатистских сувениров на вышеупомянутой улице (благодаря которому мы хотели покрыть дорожные расходы). Кроме того, я сомневаюсь, что кто-то решится надеть на себя футболку с ЭТА в качестве темы дизайна (и не из-за нехватки симпатизирующих вам — они есть и мы помним об этом, — а потому что если объявляют вне закона Батасуну, за то, что она не осуждает вооруженную борьбу ЭТА, представьте себе, что сделают с тем, кто будет в футболке с текстом «Гора ЭТА¹⁰⁸»). Насчет остального — мы совершенно не собирались просить у вас автографы или бороться с кем бы то ни было за место на трибуне рядом с вами.

Серьезность встречи гарантировалась тем, что ее организаторами должны были являться не мы (поскольку мы специализируемся исключительно на сарсуэлах и театре абсурда), а общественные и политические силы басков, которым мы открыто предложили организовать и осуществить эту встречу, даже если дебаты с Гарсоном окажутся невозможными, будь то по причине помех со стороны правительств Испании и Мексики или же из-за его личного несогласия или несогласия ЭТА.

Третье. — «Публичная и без каких-либо предварительных консультаций форма», в которой была выдвинута наша инициатива ШАНС СЛОВУ — обычная манера действия сапатистов. Мы не любители предварительных закулисных переговоров, чтобы потом делать вид, что что-то предлагаем, когда все было договорено заранее.

Кроме того, у нас нет ни средств, ни желания, ни обязанностей «консультироваться» с ЭТА до того как говорить.

Потому что мы, сапатисты, завоевали наше право на слово: говорить то, что считаем нужным, о чем считаем нужным и когда считаем нужным.

И для этого мы ни у кого не должны просить ни разрешений, ни консультаций. Ни у Аснара, ни у короля Хуана Карлоса, ни у судьи Гарсона, ни у ЭТА.

Четвертое. — Насчет того, что мы выразили наше «неуважение к народу басков», кроме вас нас обвинил в этом и Гарсон (который, следуя подобной логике, должен объявить сам себя вне закона, из-за совпадения его аргументов с аргументами ЭТА) и все правые силы Испании и Страны Басков.

Это происходит видимо из-за того, что дать шанс слову противоречит интересам тех, кто с якобы противоположных позиций, превратил смерть слова в свой бизнес и свое алиби.

Потому что испанское правительство убивает слово, когда преследует баскский язык эускера или наворрум, когда преследует и бросает в тюрьмы журналистов «позволяющих себе» затрагивать тему басков с разных точек зрения и когда пытается заключенных, чтобы добиться признаний в том, что хочет услышать от них испанская «юстиция».

И ЭТА убивает слово когда убивает тех, кто борется с ней не оружием, а словом.

Пятое. — насчет того, что ЭТА готова «сделать все от нее зависящее, чтобы САНО была лучше информирована о конфликте, существующем между Страной Басков и

105 Ирония Маркоса; количество международных публикаций, и уровень интереса и симпатий к сапатистам в Мексике и за ее пределами несравненно выше, чем к новостям, связанным с организацией ЭТА.

106 Эускаль Эрриа — название Страны Басков на языке эускади

107 Еще одна ирония Маркоса, связанная с тем, что после его обращения к баскской тематике в известном письме, многие из друзей и сторонников сапатистов среагировали на это весьма критически, считая тон и содержимое письма неадекватным или же просто обвиняя его в серьезной политической ошибке.

108 Гора ЭТА! — Да здравствует ЭТА! на языке эускади.

французским и испанским государствами», мы отказываемся от этого предложения. Мы никого не просим о том, чтобы нас информировали. Мы информированы, и лучше чем многие предполагают. И если мы не делимся этой информацией, которая является и мнением тоже, то это только потому что один из наших принципов состоит в том, что решение вопросов каждой страны — это дело ее народа и поэтому мы указали, что мы не собирались говорить на встрече «Шанс слову».

Но раз вы уже так готовы информировать, думаю что в первую очередь вы должны были бы проинформировать о происходящем сам народ басков.

Мы попросили о шансе слову. Для этого мы должны были обратиться к разным участникам баскского конфликта. Мы это сделали, потому что это наш долг, а вовсе не из-за того что нам доставляет большое удовольствие писать Гарсону или ЭТА. И так или иначе, с различных позиций политического и интеллектуального спектра Мексики, Испании и Страны Басков (включая и вас), многие воспользовались этим шансом и сказали свое слово (хотя большинство сделало это чтобы бранить нас). Так что будь то чье-то нелюбезное брюзжание или безапелляционное вещание, шанс слову уже дается. И это как раз то, чего мы хотели.

Шестое. — К вопросу о представительстве.

Судья Гарсон утверждает, что он представляет испанский и баскский народы (и добавляет к этому представительству короля, Пефика и Фелипика) и если я оскорбляю вышеупомянутых, то я оскорбляю и всех испанцев и всех басков.

ЭТА утверждает, что представляет баскский народ и если мы оскорбляем ее, предлагая дать шанс слову, значит мы оскорбляем весь народ басков.

Я не знаю, согласны ли баскский и испанский народы быть представляемыми одними или другими. Им, а не нам, решать это.

В отличие от судьи Гарсона и от вас, мы не представляем никого, за исключением самих себя. Мы не представляем весь мексиканский народ (в этой стране есть множество политических и общественных организаций). Мы не представляем левые силы Мексики (кроме нас есть и другие последовательные левые организации). Мы не представляем мексиканское движение вооруженной борьбы (существуют по крайней мере еще 14 левых военно-политических организаций). Мы не представляем все индейские народы Мексики (к счастью, в Мексике есть много индейских организаций, и некоторые из них лучше организованы, чем САНО).

Так что мы никогда не говорили, что глупости которые нам посвящали, как Гарсон, так и вы, оскорбляют «народ Мексики» или «индейские народы». Это касается только нас и мы не прячемся ни за какие предполагаемые представительства, которые в большинстве случаев самопровозглашаются, тем временем как сами «представляемые» не имеют об этом ни малейшего понятия.

Седьмое. — Нам известно, что в ансамбле мировых революционных организаций и авангардов, для нас, сапатистов, нет места даже в самом его арьергарде. Мы не переживаем по этому поводу. Наоборот, мы удовлетворены этим.

Нас не печалит признание того, что наши идеи и предложения не устремлены в вечность и что существуют в мире другие идеи и предложения, которые лучше наших.

Так что мы отказались от роли авангарда и не стремимся заставить других принять нашу точку зрения путем любого аргумента, отличного от убеждения.

Наше оружие — не для навязания идей или форм жизни, а для защиты наших идей и нашего образа видеть мир и строить с ним отношения, и конечно же мы можем многому научиться у других, и кроме этого нам есть и чему научить.

Не у нас вы должны требовать уважения. Вы ведь видите, что как «революционный авангард» мы полный провал, так что наше уважение вам совершенно ни к чему.

И если у кого-то вы должны завоевать уважение, то это у вашего народа. И одно дело это «уважение», и совершенно другое дело это «страх».

Мы знаем, что вы рассержены, потому что думаете, что мы не воспринимаем вас всерьез, но это не ваша вина. Мы в принципе не принимаем всерьез никого, включая и нас самих.

Потому что тот, кто воспринимает себя всерьез, в конце концов начинает думать, что его правда должна быть истиной для всех и навсегда. И рано или поздно, направляет свою энергию не на то, чтобы его истина родилась, выросла, принесла плоды и умерла (потому что

ни одна из земных истин не может быть ни абсолютной, ни вечной), а на то, чтобы убивать всех тех, кто позволяет себе усомниться в его истине.

Мы не видим причин спрашивать вас о том, что и как нам делать. Чему вы можете научить нас? Убивать журналистов за то что они критикуют вашу борьбу? Оправдывать детские смерти целыми «правого дела»?

Нам не нужны ни ваша поддержки, ни ваша солидарность, и мы не хотим их. С нами уже солидарны и нас уже поддерживают многие люди в Мексике и в мире.

Наша борьба обладает кодексом чести, унаследованным нами от наших предков-воинов, который среди прочего содержит в себе следующее: не покушаться на жизнь гражданских лиц (даже если они занимают посты в правительствах, которые нас угнетают), не совершать преступлений для обеспечения себя ресурсами (мы не грабим даже продуктовые лавки) и не отвечать пулями на слова (пусть даже самые лживые и ранящие из слов).

Можно было бы подумать, что отказавшись от столь традиционных «революционных» методов, мы отказываемся от развития нашей борьбы. Но в тусклом свете нашей истории, складывается впечатление, что мы продвинулись в этом куда больше тех, кто привык прибегать к подобным аргументам (в большей степени, чтобы доказать свои радикализм и непримиримость, чем из-за их эффективности для достижения цели).

Разумеется, наши враги (которых немало, и которые находятся не только в Мексике) давно желают, чтобы мы прибегли к этим методам. Не было бы для них ничего приятнее новости, о том, что САНО превратилась в индейский и мексиканский вариант ЭТА. Кстати, с тех пор, как мы обратились к теме борьбы народа басков, нас не прекращают в этом обвинять.

К несчастью для них, это не так. И этого не будет.

На языке ночных воинов «Бороться не теряя чести» звучит как «ПАСК'ОП ТА СКОТОЛЬ ЛЕКИЛАЛЬ».

Это все. Привет и мы не собираемся никого учить, что ему делать, мы только просим дать шанс слову. И если вы этого не хотите, дело ваше.

С гор юго-востока Мексики и, нравится это кому-то или нет, от имени детей, мужчин, женщин и стариков САНО

Субкоманданте Маркос.

Главная казарма Сапатистской Армии

Национального Освобождения.

Мексика, январь 2003 г.

P.S. Пока не забыл (Тачо мне только что напомнил), по поводу вашей концовки «Да здравствует свободный Чьяпас!». Мы просим вас не об уважении, а о знании географии. Чьяпас — это штат на юго-востоке Мексики. Никто не собирается бороться за освобождение Чьяпаса (хотя нет, один раз это предложила чьяпасская ИРП, возмущенная тем, что мексиканская федеральная армия не решалась нас уничтожить), и тем более сапатисты. Мы не хотим независимости от Мексики. Мы хотим быть ее частью, но оставаясь теми, кем являемся: индейцами. Поэтому, поскольку мы боремся за Мексику, за индейские народы Мексики и за всех мужчин и женщин Мексики, независимо от того индейцы они или нет, правильная концовка должна была быть: «Да здравствует Мексика и ее индейцы!»

P.S. «СЛУЧАЙНЫЙ». Видимо, что-то случилось раньше, в дни, когда это письмо было начато и закончено.

ЕЩЕ ОДИН P.S. Хотя это должно быть уже всем очевидно, в любом случае хотелось бы подчеркнуть: срать я хотел на все революционные авангарды планеты.

САПАТИСТСКАЯ АРМИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

МЕКСИКА

КАЛЕНДАРЬ СОПРОТИВЛЕНИЯ

ДЕКАБРЬ: СТОЛИЧНЫЙ ОКРУГ,

ДВЕНАДЦАТЫЙ ЭТАП

(Картина вторая: Мехико, декабрь Актеалья или почему Страна Басков)

(ФРАГМЕНТ)

В сентябре 2002 года, за несколько часов до того как постановление Верховного суда Мексики об индейской реформе было опубликовано, САНО (Сапатистская Армия Национального Освобождения) узнала о содержании и смысле этой резолюции: три ветви государственной власти объединились, чтобы провозгласить окончательный отказ от пути диалога и переговоров для решения проблемы сапатистского восстания.

Узнав это, мы немедленно начали подготовку одного из вариантов действий, предусмотренного нами с конца 2001 года: попытаться решить на международном уровне то, что не удалось на национальном. Следуя этому плану, САНО собиралась отправить в Европу делегацию чтобы обратиться в международные организации, и опираясь на помощь тех, кто в Мексике и мире симпатизирует делу индейцев, постараться добиться признания их прав и культуры. Поход, который готовился должен был стать похож на проведенный в 2001 году, но было в нем и одно существенное различие: если при мобилизациях 2001 года САНО полностью ограничилась индейской тематикой, в походе международном мы собирались связать эту тему с другими случаями борьбы, существующими в мире и в частности с теми, цель которых заключена в достижения признания различий, и особенно с теми, что были связаны с сопротивлением подготовки войны против Ирака.

Мы считали Европу местом, где общественное мнение может остановить стремления международного милитаризма, сломить его логику и думали что эта ситуация могла бы распространиться оттуда на другие части мира. И не потому, что мы чувствовали себя способными стать основателями подобного международного движения, просто мы считали что можем, как и множество других общественных сил, уже действующих в Европе, внести свой вклад в его создание. Мы думали, что это было возможностью нашего более прямого участия в строительстве мира, к которой вместятся все миры. Иными словами, мы не собрались в Европу чтобы «хорошо себя вести», мы готовили в путь наше слово непокорности. Вопрос заключался только в том, каким образом и когда. Мы были всем этим заняты, когда 2 ноября 2002 года, в день Мертвых, к нашему Генеральному Командованию обратился один человек.

Выполняя существующую договоренность, мы не можем говорить о его личности, можем только сказать, что он был очень близок к кругам политической и экономической власти между 1993 и 1996 годами. Получив наше обещание о неразглашении его имени, этот человек в общих чертах сказал, что обладает информацией, которая может быть полезна САНО. И добавил, что (цитирую дословно): «Если вас это интересует, сообщите. Речь идет об Актеале». Поскольку это был не первый случай, когда противники правительства передавали нам информацию, иногда она была истинной, иногда ложной, мы просто ответили ему, чтобы он отправил нам все то, что ему известно. И вот что он сообщил нам:

В ближайшие после февраля 1995 года месяцы, после предательства Седильо переговоров с САНО и последовавшего за ним военного наступления,¹⁰⁹ после конца спектакля с арестом Рауля Салинаса де Гортари,¹¹⁰ генералы Ренан Кастильо (военный командир и фактический правитель Чьяпаса) и Сервантес Агирре (госсекретарь по обороне), настаивали на необходимости активизировать группы ультраправых боевиков, чтобы начались их столкновения с сапатистами (Ренан Кастильо обучался в США, а Сервантес Агирре в то время переживал бурный медовый месяц со своим североамериканским коллегой, поэтому этот план который назывался в то время «проект Колумбия» пользовался поддержкой Госдепартамента США).

Тем не менее, Седильо не решался. В этом же, 1995 году, в Мексике появился один высокопоставленный персонаж испанского правительства. «Ближайший друг президента», — говорит, передавший нам эту информацию, «он был участником совещаний, где затрагивались важнейшие государственные вопросы».

109 11 февраля 1995 г. во время проведения переговоров о мирном урегулировании конфликта между сапатистами и представителем мексиканского правительства Эстебаном Моктесумой Барраганом, президент Эрнесто Седильо приказал федеральным войскам атаковать Гуадалупе Тепейак, где находился штаб Генерального командования САНО с целью уничтожения сапатистского руководства. Результат — оккупация военными и разрушение многих селений, бегство более 30 000 местных жителей в горы.

110 Рауль Салинас де Гортари — брат мексиканского президента (1988–1994) Карлоса Салинаса де Гортари, арестованный в феврале 1995 г. по обвинению в организации убийства в 1994 г. генерального секретаря ИРП Хосе Франсиско Руиса Массьеу.

На одном из этих совещаний Седильо затронул тему сапатистов и сложность, которую представляли для него попытки покончить с ними, поскольку общественное мнение было на их стороне. Персонаж из испанского правительства ответил на это, что сначала нужно подорвать авторитет сапатистов, а затем нанести удар. Седильо напомнил испанскому персонажу историю 9 февраля и ее последствия. Испанец объяснил, что он имел в виду нечто другое, то есть, если сапатисты борются ради индейцев, необходимо сделать так, чтобы они боролись против индейцев. В Испании, — сказал он, — мы создали специальные группы, ставшие противовесом баскским сепаратистам. Седильо сказал, что знает о существовании АГО (Антитеррористических групп освобождения) и о том что в Испании ведется расследование об ответственности правительства в похищениях и убийствах членов ЭТА. Испанец не смутился и ответил, что похищать и убивать убийц — вовсе не преступление, а услуга обществу. Он добавил, что АГО занимались и другим — организацией покушений, в которых потом обвиняли ЭТА. Седильо спросил знал ли об этом король. Испанец ответил: «Король знает то, что ему выгодно знать, и делает вид что не знает того, что знать ему не выгодно», и добавил, что в принципе это не так страшно, всего несколько дней скандалов в прессе и все, и если погибшие — террористы — никто в эту тему не будет особо углубляться, есть трудные решения, оправданные соображениями государственной важности.

Седильо заметил, что в этом случае такой вариант не подходит, потому что сапатисты — не террористы. «Сделайте их террористами, — сказал испанец и продолжил: — Нужно сделать следующее: надо создать вооруженную группу индейцев, заставить ее вступить в бои с сапатистами и когда появятся жертвы, для умиротворения индейцев в ход вступят войска, и все». Испанец добавил: «мы готовы помочь вам некоторыми советами, в конце концов, у нас есть кое-какой опыт. И, естественно, мы ждем от вашего правительства ответных шагов, например экстрадиции членов ЭТА, живущих в вашей стране». Седильо сказал, что нет точной уверенности, что эти граждане действительно члены ЭТА. «Это не проблема, — ответил испанец, — мы это обеспечим», и добавил, что его правительство готово поддержать мексиканское правительство в коммерческих переговорах с Европой и закончил свою речь фразой: «Эрнесто, если мы, испанцы, в чем-то и специалисты, то это — в уничтожении индейцев».

Этим заканчивалась полученная нами информация. Остальное легко складывается само: Седильо дает распоряжение об активизации групп боевиков, испанское правительство выступает как советник и мексиканское правительство увеличивает экстрадицию предполагаемых членов ЭТА.

22 декабря 1997 года, группа боевиков выступает в поход с целью нападения на сапатистов. Сапатисты отходят, чтобы не допустить столкновения между индейцами и предупреждают несапатистов об угрозе. В Актеале остаются члены организации Лас-Абехас, безоружные и уверенные, что им ничего не угрожает, поскольку они нейтральны. Резня начинается и заканчивается, все это время полиция и военные терпеливо ожидают момента «начать умиротворение» когда начнутся «столкновения» среди индейцев. Благодаря средствам массовой информации, правда раскрывается почти сразу. Новость обходит весь мир и потрясает каждого порядочного человека. Единственное, что повторяет в Лос-Пинос¹¹¹ Седильо: «Почему женщины и дети?».

Когда еще не высохла кровь Актеала, Фелипе Гонсалес в интервью мексиканскому журналисту Луису Фернандесу Наварро (Ла-Хорнада, 10 марта 1998 г.) сказал о бойне следующее: «Это всегда потрясает. Мы живем в эру глобализации средств информации, оказывающих на людей огромное воздействие. Величие Мексики в том, что подобное событие — это новость, беспокоящая всех. В то же время, на других широтах есть гораздо более серьезные ситуации и они не заслуживают первых страниц газет или просто не могут преодолеть этих коммуникационных барьеров». Так что все это — проблема преувеличений в средствах информации...

Человеком, беседовавшим с Седильо об АГО, боевиках и экстрадиции басков был Фелипе Гонсалес Маркес? Кто-то другой из его правительства? Вот некоторые воспоминания, вырванные из предыдущих календарей:

1995 г.: в Испании резолюция Арбитражного суда дает правительству Фелипе Гонсалеса право не передавать документацию, связанную с Антитеррористическими группами

111 Лос-Пинос — резиденция мексиканских президентов

освобождения. Созданные 6 июля 1983 г., АГО несут ответственность за по крайней мере 40 покушений, приведших к 28 смертям между 1983 и 1987 гг. В октябре 1995 г. Эрнесто Седильо проводит личную встречу с Фелипе Гонсалесом в Барилоче, в Аргентине, во время проведения Пятой Латиноамериканской Встречи глав государств.

1996 г., январь: обвиненные в ведении «грязной войны» против ЭТА, жалуются, что вся эта тема АГО — заговор для свержения тогдашнего президента Фелипе Гонсалеса. ИСРП (Испанская Социалистическая Рабочая партия) сохраняет в списках кандидатов в депутаты Хосе Баррионуэво, бывшего министра внутренних дел и Рафаэля Веру, бывшего секретаря по государственной безопасности, находящихся под следствием по обвинению в терроризме. Эрнесто Седильо Понсе де Леон совершает свой первый государственный визит как главы государства в Мексику.

Февраль: арестован Хайме Иррибарен, депутат от Эрри Батасуна, обвиненный в сожжении экскаватора. В эти же дни по распоряжению судьи Бальтасара Гарсона, обвиняющего его в связях с Эускади Та Аскатасуна (ЭТА), задержан руководитель Батасуна Хон Идигорас. Среди «преступных» деяний Игидораса значится исполнение националистической песни во время посещения в 1981 году Герники королем Хуаном Карлосом. Появляется видеокассета, на которой члены ЭТА предлагают начать мирные переговоры с испанским государством. Фелипе Гонсалес не верит опросам, показывающим преимущества НП (Народной партии) по отношению к ИСРП. В марте ИСРП Гонсалеса проигрывает выборы в пользу НП Аснара. Испанский певец Рафаэль следующим образом выражает надежды, связанные с Аснаром: «Я уверен, что справедливость в отношении памяти Франко будет восстановлена».

Июль 1996 г.: испанская юстиция приговаривает к 122 годам тюрьмы Хосе Кольдо Мартина Кармону, депортированного из Мексики в 1995 г. Вместе с Лурдес Чуррукой Кольдо был обвинен в организации трех покушений, не приведших ни к одной жертве. В эти же дни трое молодых басков отданы под суд, за поджог полицейской машины. Наказание, потребованное для них колеблется между 111 и 592 годами тюрьмы.

В этом же году публикуется книга журналиста Хуана Гаспарини «Рольдан — Паэса, швейцарский след». Книга разоблачает некоторые аспекты внутренней коррупции в правительстве Фелипе Гонсалеса, в частности случай Луиса Рольдана, бывшего директора Гражданской Гвардии. Среди предприятий, дававших взятки — фирма Сименс. Один из ее адвокатов, Ульрих Кохли, кроме продажи противопехотных мин Саддаму Хусейну, отмывал деньги для семьи Салинаса де Гортари. Фелипе Гонсалес выступает в защиту своего друга Карлоса Салинаса де Гортари, восхищаясь его политикой.

1998 г., июль: Хосе Баррионуэво и Рафаэль Вера, связанные с АГО, приговорены к 10 годам тюрьмы. В течение судебного процесса Фелипе Гонсалес выступает как свидетель и неоднократно ссылается на соображения государственной важности, как оправдание для принятия тяжелых решений в критических ситуациях.

В марте 1999 г., журналистская фото (Ла Хорнада, Педро Вальтьерра) представляет Седильо, приветствующего Фелипе Гонсалеса в сопровождении довольного взгляда бывшего израильского премьер-министра Шимона Переса.

В октябре 2000 г. Седильо и Фелипе Гонсалес обедают в шикарном ресторане района Поланко в городе Мехико.

25 октября 2001 г. журналист Рауль Трехо Деларбре в «Сосьедад и Подер» сообщает, что испанская ПРИСА и мексиканская Телевиса¹¹² договорились о привлечении испанских финансов в мексиканскую радиокампанию. Присутствуют президент Фокс, президенты Телевисы и ПРИСА, а также Карлос Слим Элу,¹¹³ Фелипе Гонсалес Маркес и Лино Корроди.¹¹⁴ Таким образом нарушается 31 статья пункта VI федерального закона. Еще

112 ПРИСА и Телевиса — ПРИСА — крупнейшая информационная корпорация Испании, Телевиса — одна из ведущих информационных компаний Мексики

113 Карлос Слим Элу — мексиканский магнат, самый богатый в Латинской Америке человек, состояние которого равно, согласно данным журнала Форбс, 13 млрд. Долларов, владелец крупнейшей в Мексике частной телекоммуникационной компании Телмекс.

114 Лино Корроди — крупный мексиканский предприниматель, бывший коллега президента Висенте Фокса по работе в Кока Кола Компани.

присутствует Хуан Луис Себриан, автор книги о Фелипе Гонсалесе «Будущее уже не то, чем было раньше» и советник-представитель ПРИСА.

В феврале 2000 г. Седильо осуществляет свой второй официальный визит в Испанию. На ужине с Аснаром, Седильо вспоминает о своей встрече с ним, теперь уже президентом испанского правительства, в конце 1994 года, и благодарит Испанию за поддержку Мексики в переговорах с Европейским Союзом о Соглашении о свободной торговле. Король и Аснар благодарят Седильо за «помощь» Мексики в экстрадиции предполагаемых членов ЭТА.

В течение шестилетия правления Седильо, с 1994 по 2000 г., по обвинению в принадлежности к ЭТА в Испанию депортированы многие баски и у Международная Амнистия обладает свидетельствами о том, что они были подвергнуты пыткам.

В декабре 2002 г. судья Бальтасар Гарсон выступает в защиту короля, Фелипе Гонсалеса и Хосе Мариа Аснара, называя их «выдающимися демократами».

В феврале 2003 г. Аснар отправляется в Мексику, чтобы встретиться с Висенте Фоксом. Средства информации предлагают версию о том, что испанский президент попытается убедить мексиканского, чтобы он поддержал войну в Ираке. Истинная причина этой поездки в другом: Аснар прибывает в Мексику, чтобы убедить Фокса не позволить сапатистам отправиться в Испанию.

(Источники информации: мексиканская газета Ла Хорнада, 1996–2003 гг., журналисты Педро Мигель, Луис Хавьер Гарридо, Маркос Ройтман, Кира Нуньес, Хайме Авилес, Армандо Г. Техеда, Роса Эльвира Варгас и Луис Эрнандес Наварро. Информационные агентства: Аfp, Анса, Эфе, Рейтерс, Ипс, Ап.)

Оценив эту информацию, САНУ решает, что поездка в Европу должна начинаться с Испании и что должна быть затронута тема Страны Басков. Мы хотели задать некоторые очевидные вопросы и постараться уточнить степень ответственности испанского правительства.

Таким образом мы ответили на вопрос, который многие задавали нам: «Почему САНУ обращается к теме Страны Басков?». Это испанское правительство, а не мы, привнесло баскский вопрос в тематику борьбы мексиканских индейцев.

Поэтому мы, сапатисты, посчитали своим долгом отправиться в Испанию, чтобы доказать королю, Фелипе Гонсалесу, Хосе Марии Аснару и Бальтасару Гарсону, что они лгут в том, что «если в чем-то испанцы специалисты, то это — в уничтожении индейцев», поскольку мы живы и продолжаем сопротивляться.

Бойню в Испании мы спровоцировать не могли, но дебаты — да. Поэтому мы решили выступить с инициативой «Шанс слову». Существовала и еще одна проблема — тема басков была табу среди прогрессивных сил, и могла быть затронута только в контексте осуждения терроризма ЭТА, осторожно забывая о двух нюансах: первый — это государственный терроризм испанского государства и второй в том, что ЭТА — не единственная сила, борющаяся за независимость Эускаль Эрриа.

Мы понимали, что затрагивая тему басков, мы можем вызвать раздражение многих, но считали, что в этом заключался наш долг. Кроме того, у нас были и другие вопросы, на которые хотелось получить ответ. 17 ноября 2002 года во время презентации мексиканского журнала «Ребельдия», мы упомянули о долге и намекнули к чему в ближайшее время обратится наше слово. Через несколько дней после этого мы устроили провокацию, главной целью которой являлся Фелипе Гонсалес. Спровоцировать Гонсалеса нам не удалось, вместо него среагировал раненный в свое эго судья Бальтасар Гарсон. Письмо в мадридский Агуаскалентес отражало стремление сапатистов попасть в Европу и затрагивало тему басков. После этого случилось то что случилось.

САНУ никогда не собиралась ни быть посредником в баскском конфликте, ни тем более учить басков, что им делать и чего не делать. Мы лишь просили дать шанс слову.

Наше предложение могло быть неуклюжим или наивным или же и тем и другим одновременно, но никогда оно не было бесчестным и не хотело быть неуважительным. Это не наш стиль.

В этом заключалась цель сапатистов, без какой-либо двойной игры или секретных предворительных договоренностей. Информацию, которую нам удалось собрать, мы собирались обнародовать при передаче судебных исков в международные организации.

Поэтому в отношении критики, которая незамедлительно обрушилась на нас со всех сторон, осуждая нас за то, что мы вмешиваемся в то, в чем не разбираемся, мы ответили, что

знаем о баскском вопросе больше, чем многие считают, имея в виду связь Страна Басков — Чьяпас, связь между терроризмом испанского государства и терроризмом мексиканского, то есть терроризм международный.

И если сейчас мы открываем все это, это потому что мы *решили отказаться от нашей поездки на полуостров Иберия*.

Наша инициатива была чистой и честной (в качестве морального гаранта у нас есть наша собственная история), но она очень быстро оказалась окружена осуждением и непониманием многих из тех, которые считают себя прогрессивными деятелями, которые под давлением средств информации не пожелали дожидаться развязки этой истории. Для них у нас — только грустный, идущий от всего сердца упрек и ничего больше, мы не можем хранить обиду на тех, кто в других ситуациях не раз проявлял щедрость и благородство.

Правые выполнили свою работу и благословили наше предложение, сатанизируя его и нас вместе с ним, публикуя его и вызывая безпрецедентные дебаты.

Со стороны левых нашлись те, кто подло и мелочно предположил, что отмежевание, сделанное САНУ по отношению к ЭТА было условием испанского правительства, чтобы позволить поездку сапатистской делегации на земли Иберии. В нашем отмежевании от левого терроризма нет ничего нового, оно существует со времен создания САНУ, почти 20 лет назад, и даже больше.

Если сегодня мы должны отказаться от участия во встрече «Шанс слову», это не из-за того что критика, упреки или мелочные обвинения лишают нас сна. Это вызвано тем, что исходя из нашей этики мы не можем участвовать во встрече, идея проведения которой не будет опираться на поддержку ВСЕХ национальных сил Страны Басков и вместо того, чтобы стать пространством для дискуссии и размышления о путях будущего Страны Басков, рискует превратиться в трибунал для суда над отсутствующими.

Ответственность за неспособность убедить в участии организации басков лежит целиком и полностью на САНУ, в частности на ее представителе — Маркосе (без военного звания, для тех, кому это не нравится). Наше слово, вместо того чтобы убедить в участии, ранило многих честных и благородных людей в Стране Басков. Несмотря на то что мы никогда не хотели этого, это случилось. Мы искренне сожалеем об этом.

Мы хотим попросить прощения у всех тех в Стране Басков, кому мы причинили боль. Хотелось бы, чтобы однажды они смогли простить нас, потому что прощение между братьями не оставляет места для обид.

Насчет вызова на проведение дебатов, сделанного нам судьей Гарсоном, мы прождали достаточно времени. Судья Гарсон, несмотря на то, что был инициатором, предпочел сохранить молчание. Таким образом он доказал, что он хорош только для того, чтобы допрашивать после пыток заключенных, чтобы фотографироваться с семьями жертв терроризма и чтобы проводить кампанию по самовыдвижению на Нобелевскую премию Мира, но не решается вступать в дебаты с тем, у кого есть хоть чуть-чуть мозгов. И это не потому что я владею словом лучше него, дело просто в том, что он привык манипулировать законами, когда ему не хватает собственных аргументов. Раньше мы обвиняли Гарсона в том, что он придворный шут. Мы ошибались. Он всего лишь болтун и трус.

Мы хотим поблагодарить организации баскских левых Эрри Батасуна и Аскапена, которые оказались единственными, положительно ответившими на нашу инициативу (или, по крайней мере, единственные, сообщившие нам об этом), а так же всех тех, кто от себя лично или от имени своих коллективов, поддержал наше предложение.

Может быть однажды мы научимся подбирать нужные слова, чтобы выразить те нежность, уважение и восхищение, которые чувствуем по отношению к народу басков и его политической и культурной борьбе.

Может быть однажды эта встреча станет возможной, и слову будет дан шанс и найдутся пути завтрашней независимости, демократии, свободы и справедливости, которых заслуживает народ басков и все народы мира.

Из гор юго-востока Мексики.

Субкоманданте Маркос.

Мексика, 24 февраля 2003 г.

Другая география

Вавилонская башня — между чужими нарядами и макияжем

Век XXI. Новый век повторяет привычки своего предшественника — политические предложения строятся на подчинении или исключении других. Что нового? Как и раньше, сегодня прибегают к войне, лжи, притворству, смерти. Власть заставляет повторяться одну и ту же историю и пытается убедить нас в том, что на этот раз все будет по-другому.

Подготовленный неолиберализмом проект переустройства мира — не что иное как повторение попытки построить Вавилонскую башню. Согласно рассказу о Сотворении мира, люди, решившие подняться до небес, договорились осуществить неслыханный проект — построить башню такой высоты, что достигнет неба. Христианский бог наказал их за эту гордыню разнообразием. Люди, говорившие на разных языках, не смогли продолжить строительство и отказались от этой затеи.

Неолиберализм претендует повторить то же самое, но не для того чтобы достичь невозможного неба, а с тем, чтобы окончательно избавиться от разнообразия, которое считает проклятием, и чтобы обеспечить бесконечность и неизменность сложившейся в мире власти. Мечта о вечности — величайшее стремление любой власти, известное с самого начала письменной истории.

Но идея неолиберальной Вавилонской башни обусловлена не только необходимостью достичь всеобщей однородности, требуемой для ее построения. Одинаковость, разрушающая разнородность — это одинаковость в сравнении с одной-единственной моделью. «Сделаемся точно такими же как это», говорит нам новая религия, религия денег. Люди не должны быть похожи ни сами на себя, ни одни на других, а именно на эту схему, которую навязывает тот, кто подчиняет их, кто правит ими, кто находится на вершине этой башни, именуемой современным миром. Внизу находятся все отличные. И единственное равенство, допустимое на нижних этажах — это равенство в праве отказаться от этих отличий или пожизненно их стыдиться в случае отказа от отказа.

Новый бог денег повторяет немного переделанные изначальные проклятия: да будет осужден другой, отличный. В роли ада — тюремная камера или могила. Бум возрастания прибыли крупных транснациональных корпораций сопровождается обычно бумом роста количества тюрем и кладбищ.

В строительстве этой новой Вавилонской башни, одна из главных задач для всех — почтение и предупредительность по отношению к тому, кто командует стройкой. А тот кто командует, делает это только благодаря тому, что компенсирует нехватку правоты избытком силы. Всеобщая задача в том, чтобы все цвета загримировались и окрасились в тусклый цвет денег, или же остались каждый при своем цвете, но покрытые густым мраком стыда. Макияж или чужие наряды. То же самое предлагается для гомосексуалистов, лесбиянок, мигрантов, мусульман, индейцев, «цветных» людей, мужчин, женщин, детей, стариков, инвалидов и прочих, именуемых в разных местах мира «другими».

В этом и заключен проект глобализации — превратить планету в новую Вавилонскую башню. Во всех отношениях. Однородную в по своему образу мысли, по своей культуре и по своим эталонам. Под началом того, чьи аргументы не в правоте, а в силе.

Если в преемственной Вавилонской башне единогласие было возможным благодаря общему слову (один язык), в Вавилонской башне неолиберальной консенсус приобретает при помощи аргументов силы, угроз, преступлений, войны.

Поскольку жить в мире — значит сосуществовать с другим, стоящий перед нами выбор невелик и состоит из всего двух вариантов: подчинять или подчиняться. Но для варианта первого квоты закончились и членство для участия в нем передается по наследству. Зато для того, чтобы подчиняться, всегда достаточно вакансий и единственное предварительное условие — отказ или сокрытие собственных различий.

Но есть отличные, отказывающие это сделать. Для тех, кто живет в башне и не находится на вершине, есть достаточно форм наказания этих «неадаптированных» — осуждение или безразличие, цинизм или лицемерие. По законам неолиберальной башни, возможность признания различий наказуема. Единственный разрешенный путь — подчинение.

Национальное государство в современную эпоху — это карточный домик на неолиберальном ветру. Местные политические элиты делают вид, что у них еще есть право

принятия решений по поводу формы и высоты этого строения, но экономическая власть уже давно перестала интересоваться их игрой и дает местным политикам и их последователям возможность развлекаться... этой не принадлежащей им колодой карт. В конце концов — единственная интересующая их стройка — это новая Вавилонская башня и пока хватает сырья для ее строительства (то есть разрушенных и заселенных смертью территорий), прорабы и комиссары национальных политик могут продолжать свой спектакль (который, правда, является одним из наиболее дорогих и наименее популярных в мире).

В строительстве новой башни архитектура — это война для отличных, камни — наши кости и раствор — наша кровь. За личиной великого архитектора скрыт великий убийца (который не называет себя «Богом» только чтобы избежать обвинений в ложной скромности).

В библейском рассказе христианский бог наказывает гордыню людей разнообразием. В современной истории власти, бог — не более чем агент паблик релейшенз войны (которая может называться современной исключительно благодаря числу мертвых и квоте разрушений производимых в минуту).

II.— География слов.

Кажется, совершенно неважно, когда закончилась предыстория — три года или двадцать веков назад. Там, наверху, те, кто являются одновременно и властью и роком, задались задачей убедить нас в том, что несмотря на все на свете календари, всегда повторяется одна и та же история. Уничтожение отличного — всегда модно и современно. И хотя в принципе, нет никакого существенного отличия между катапультами Римской империи и «умными бомбами» Буша, сейчас технологический прогресс выполняет роль нового капеллана (пытаясь придать черты благодеяния преступлениям) и театрального декоратора (бомбардировки по телевидению превращаются в «потрясающее пиротехническое шоу» — цит. CNN) оккупационных войск.

Независимо от того, замечаем это мы или нет, власть создает и навязывает новую географию слов. Названия остаются теми же, но называемое изменилось.

Так ошибка является политической доктриной, а правота становится ересью. Отличный является сейчас противным, а другой — врагом. Демократия — это единогласие при подчинении. Свобода — это только свобода скрыть наши различия. Мир — это пассивное подчинение. И война — это сегодня педагогический метод изучения географии.

Там, где не хватает аргументов — всю расцветают догмы. Догма сначала поддерживает цель, после изменяет ее и наконец превращает ее в рок. В бинокль власти виден всегда один и тот же горизонт, вечный и неизменный. Линза власти — это зеркало. Отличное всегда будет неожиданным и неожиданное всегда будет вызывать страх. И страх всегда будет источником догмы для подавления неожиданного. В бинокль власти мир является плоским, враждебным и грязным.

Если государственный деятель не может войти в историю своими гуманитарными деяниями, он войдет в нее своими преступлениями. История власти, таким образом, повторяется — вчерашние «великие вожди» сегодня являются средоточием всех низостей и вероломства. И сегодняшние «просветленные Богом» завтра станут еретиками.

Меняются слова и меняются картины. Раньше, во времена географии статуй, догмы высекались на камне, чтобы увековечить величие своих фанатиков. Появляясь сегодня на первых страницах журналов и газет, и в телевизионных и радионовостях, догма сама хранит о себе память в библиотечных отделах периодики, и всегда готова служить в качестве алиби для последователей фундаменталистских кошмаров.

Согласно современной государственной теории, люди рождаются разными. Их внедрение в общество осуществляется путем образовательного процесса, который привел бы в ужас администрацию самого строгого из исправительных домов для несовершеннолетних. Усилия всего государственного аппарата направлены на «выравнивание» человека, то есть на приведение его в максимальное соответствие требованиям правящей власти. Уровень его общественного успеха измеряется, таким образом, согласно тому, насколько он близок или далек от существующей модели. Однородность эта не в том, чтобы мы все были равны между собой, а в том, чтобы мы все в равной степени старались быть похожими на эту модель. А моделью является тот, кто полностью подстраивает себя под власть. Гегемония

этой власти — не только в том, что лишь она одна правит, но и в том, что все мы изо всех сил стараемся ей подчиняться.

И именно в этом суть такой однородности— не у всех нас есть одни и те же богатства (не говоря уже о том, что немногие обладают ими за счет многих), не у всех — одни и те же возможности, но у всех нас — один и тот же хозяин и одно и то же стремление к подчинению ему (что одна из форм сказать «служению ему»).

Когда сравнивают общество с семьей и говорят нам, что должны существовать правила совместной жизни, «забывают» обычно, что проблема как раз в «этих» определенных правилах. И здесь слова начинают изменять свою географию и обозначают уже не то, что значили раньше, а то, чего хочет от них власть.

В определенный момент современной истории законность замещает собой легитимность и когда законность нарушается теми, кто сверху, это значит, что законы должны быть переделаны. Когда же законность нарушается теми, кто снизу, законы должны быть применены... чтобы наказать нарушителя.

III.— География власти

Для географии власти мы рождаемся не в какой-то части света, а с возможностью или без возможности доминировать какую-то его часть. Если раньше аргументом превосходства была принадлежность к определенной расе, то сегодня — это принадлежность к определенной географии. Живущие на севере, живут не на севере географическом, а на севере социальном, то есть, находятся вверху. Те, кто живет на юге, находятся внизу. География упростилась до двух понятий — верх и низ. Верхнее место узко и в него мало кто помещается. Место нижнее настолько просторно, что охватывает любой уголок планеты и готово вместить все человечество.

В современной Вавилонской башне обществом высшим считается не то, в котором больше научных, культурных и артистических достижений, лучшие условия жизни и более гармоничное сосуществование, а то, которое завоевывает другие.

В современную эпоху власть ведет многочисленные захватнические войны. Говоря «многочисленные», я имею ввиду не «многие», а «в разных местах и в разной форме». Поэтому, мировые войны сегодня являются более мировыми, чем когда бы то ни было раньше. И если победитель всегда остается одним и тем же, побежденных оказывается все больше и находятся они в самых разных местах. Даже пространства присваивают себе бомбометательные характеристики — те кто сбрасывает бомбы, находятся на севере, «вверху» башни, те же, на кого ни падают, находятся внизу, на юге.

Но меняют географию не бомбы. Бомбы изменяют лишь ее передел, контроль над ней. Здесь, на этом пространстве, исчерченном точками и стрелками, сегодня правит один, а завтра будет править другой. Это называется «геополитикой». Географические карты указывают не столько природные богатства, людей, культуры и истории, сколько тех или того, кто является хозяином всего этого.

Все человечество для власти — это ребенок, который может быть послушным или непослушным. Бомбы лишь напоминают человеческому детенышу о том, насколько целесообразно быть одним и насколько нецелесообразно быть другим.

Сегодня оказывается, что у иракских гражданских лиц, мужчин, детей, женщин и стариков, и у процветающего североамериканского предпринимателя есть нечто общее. Он производит крылатые ракеты, а они их получают. Армии Соединенных Штатов и Великобритании — это лишь милые почтальоны, объединяющие две столь взаимноудаленные точки. Так что нам остается лишь поблагодарить таких людей, как Буш, Блэр и Аснар, за то, что они побеспокоились родиться в наше время. Без них современная география была бы просто невозможна.

Но эта война — не против Ирака, точнее, не только против Ирака. Она против любой попытки, в настоящем или в будущем, не подчиняться. Это война против неподчинения, то есть, против человечества. Эта война является мировой как из-за множества вызываемой ею последствий, так и, и прежде всего, из-за этого «нет!», которое она вызывает.

IV. Судьба Полифема

Трагикомическая ось Буш-Блэр-Аснар и более мелкие мошенники из некоторых западных «демократий», развязавшие эту войну, уже потерпели свое первое поражение. Они попытались убедить нас в том, что Ирак находится на Ближнем Востоке и не вышло. Как гласит любой уважающий себя географический справочник, Ирак находится в Европе, в Соединенных Штатах, в Океании, в Латинской Америке, в горах юго-востока Мексики и в этом непокорном всемирном «нет!», рисуящем новую карту мира, где достоинство и стыд превращаются в дом и знамя.

Демонстрации по всей планете подтверждают, кроме всего прочего, что эта война направлена против человечества.

И если кто-то лучше всех усвоил, что Ирак находится сегодня в любом месте планеты — это молодежь. Пока другие смотрели на карты и утешались, подсчитывая, сколько тысяч километров отделяет Багдад от их собственных домов, молодежь поняла, что цель этих бомб (разрывных и дезинформационных) — не только территория Ирака, но и наше право быть другими.

И когда молодой человек пишет «нет!» на транспаранте, в виде граффити, в тетради, в голосе, он говорит не только «нет войне в Ираке!», но и «нет новой Вавилонской башне!», «нет единообразию!», «нет единовластию!». Потому что пользующиеся этим «нет!», как кистью, с этим «нет!» в руках и во взгляде, пишут и предвосхищают новую географию.

Как Полифем, циклоп из греческой мифологии, власть превращает ненависть к отличному в свой единственный глаз. Она сегодня действительно очень сильна и кажется непобедимой. Но как когда-то давно уже случилось с Полифемом, некий призрак, по имени «никто», бросает вызов сегодняшней власти.

Потому что когда власть имущие говорят о других, они называют их обычно презрительной кличкой «никто». И этим самым «ником» стала уже большая часть планеты. Если деньги хотят воссоздать мир в виде башни, удовлетворяющей их высокомерие, «никто», который вращает колесо истории, тоже мечтает о другом мире, но круглом, способном с достоинством, то есть, с уважением, вместить в себя все существующие в нем различия. Не о небе мечты человечества, а о земле.

И таким образом «никто» подтачивает фундамент новой Вавилонской башни.

Потому что земля кругла для того чтобы вращаться.

В мире, который вот-вот родится, в отличие от мира этого и всех предыдущих, чье создание приписывается различным богам, когда кто-то спросит: «кто создал этот мир?», ответом будет: «никто».

И чтобы предсказать этот мир и начать его строить, необходимо смотреть в географии времени далеко вперед. Тот, кто вверху, близорук и ошибается, когда путает зеркало с биноклем. Тот, кто внизу, «никто», пока даже не встает на цыпочки, чтобы предугадать то, что наступит.

Потому что бинокль непокорного не годится даже для того, чтобы увидеть на несколько шагов вперед. Потому что это всего лишь калейдоскоп, где цвета, фигуры и свет, становятся сообщниками и творцами, они — не причиндалы пророка, а помощники интуиции — мир, история и жизнь обретут незнакомые нам пока, но столь желанные нами формы и образ. Через этот калейдоскоп непокорный видит дальше, чем власть имущий в свой цифровой бинокль; потому что непокорный видит завтрашнее.

Непокорные бредут в сегодняшней ночи истории, но это необходимо для того, чтобы войти в утро. Тени не мешают им начинать что-то делать уже сейчас и из этого сейчас начинать создавать собственную географию.

Непокорные не собираются заниматься исправлением ошибок или заново переписывать историю, чтобы поменять слова на слова и провести очередной передел географии, они просто ищут другую, новую карту, в которой будет место для всех слов.

Карту, в которой различия в форме произнесения слова «жизнь» будет зависеть не от того, чьи уста его произносят, а станут частью его общего произношения.

Потому что музыка рождается не из одной-единственной ноты, а из многих, и танец никогда не возникнет из одного—единственного па, даже если его повторять до изнеможения.

Так и мир, который обязательно наступит, будет ни чем иным, как открытым для всех концертом, построенным из слов и множества взглядов в этой, совершенно другой географии...

Из Ирака гор юго-востока Мексики
и глядя на небо, потемневшее от самолетов
и боевых вертолетов Операции Сентинела
Субкоманданте Маркос
Мексика, март 2003 г.

САНО Осуждает агрессию США

Коммюнике Подпольного Революционного Индейского Комитета — Генерального Командования Сапатистской Армии Национального Освобождения.

Мексика.
Апрель 2003.
Народу Мексики:
Народам мира:

Братья и сестры:

Нарушая законы международного права, разума и человечности, правительства Соединенных Штатов и Великобритании, при поддержке правительств других стран мира, вторглись в Ирак. Нападение на Ирак — это лишь еще одна страница в либретто террора, подготовленном властью денег для всей планеты.

В эти минуты большинством прямых жертв войны оказывается гражданское население — мужчины, женщины, дети и старики. Разрушения, творимые вооруженными силами Соединенных Штатов и Великобритании, приведут к новым смертям среди мирных жителей и к большей нищете иракского народа.

Честные люди всей планеты выразили свое возмущение по отношению к этой войне. И при этом, самое твердое «нет!» войне прозвучало со стороны молодежи, женщин и детей.

Как никогда ранее в истории, эта война вызвало всеобщее чувство осуждения, что подтверждается непрерывными выступлениями, проходящими на всех пяти континентах, результаты которых, тем не менее, пока не видны.

Несколько дней назад, в рамках множества других антивоенных акций, группа людей из разных стран опубликовали декларацию «Приложим усилия для достижения мира и справедливости», документ, являющийся попыткой определения четкой и универсальной позиции против войны в Ираке. Одно из множества достоинств этого документа заключается в том, что он выходит далеко за рамки конъюнктурной ситуации, вызванной нынешним военным конфликтом, и призывает к серьезному и всеобщему размышлению по поводу неолиберализма и разрушительных последствий глобализации, предлагая организацию широкого обсуждения этих тем «снизу», то есть с простыми людьми, а не с политическими кругами.

Авторы этой декларации сказали, что их цель — распространение ее среди всех людей мира, которые против войны, включая сапатистов.

Учитывая все вышеуказанное, САНО заявляет:

ПЕРВОЕ . САНО приветствует эту всемирную инициативу и все выступления, направленные против смерти и разрушений на Ближнем Востоке.

ВТОРОЕ . Исходя из этого САНО подписывает декларацию «Приложим усилия для достижения мира и справедливости», без каких бы то ни было условий. Подпольный Революционный Индейский Комитет — Генеральное Командование САНО в лице своего представителя подтверждает слово своих 77 команданте и с этого момента берется за распространение этого материала в 2 тысячах 222 сапатистских деревнях и общинах всей Мексики.

ТРЕТЬЕ . САНО призывает мексиканское и международное гражданское общество ознакомиться с этой декларацией и обсудить, дополнить и подписать ее. Наше особое обращение и просьба поддержать эту декларацию и распространить ее по всему миру — к молодежи, женщинам и детям.

ЧЕТВЕРТОЕ . САНО обращается лично к каждому и ко всем общественным и неправительственным организациям Мексики с предложением начать национальную

кампанию по распространению документа «Приложим усилия для достижения мира и справедливости», предлагая обсудить, дополнить и подписать его.

С особой просьбой САНО обращается к Сапатистскому Фронту Национального Освобождения (СФНО), чтобы он вместе с другими общественными организациями, группами и частными лицами, независимыми и критичными по отношению к политическим партиям, установил информационные столы, организовал обсуждение и сбор подписей, принял участие в создании бригад, которые с той же целью, начали бы посещение учебных заведений, заводов, магазинов, деревень, хуторов, общин, любых мест, где есть порядочные и благородные люди, чтобы предложить им присоединиться к этому осуждению войны. САНО предлагает так же, чтобы организаторы этих столов и бригад информировали других и обсуждали с ними не только тему войны в Ираке, но и пагубные последствия неолиберальной политики и глобализации на наших землях, разоблачая местных сообщников и соучастников этой политики смерти и разрушения.

ПЯТОЕ . САНО обращается к комитетам солидарности с сапатистской борьбой в Европе, Латинской Америке и во всем мире, чтобы искренне попросить их, чтобы они, по мере своих возможностей и воображения, распространили этот манифест, и организовали его обсуждение, дополнение и подписание в своих собственных странах.

Отдельно САНО с искренним уважением обращается к североамериканскому и британскому народам, а также к организациям, частным лицам, артистам, интеллектуалам и религиозным деятелям этих стран, чтобы попросить их о том, чтобы подписав этот документ, или же каким-то другим образом, они отмежевались от преступного сумасшествия своих правительств.

ШЕСТОЕ . САНО предлагает разным организациям и группам, создающимся сейчас для координации усилий и осуществления совместных акций, регулярно информировать общественное мнение о проводимых акциях и количестве собранных подписей, и сообщать об этом на электронный адрес создателей документа: <http://www.zmag.org>.

СЕДЬМОЕ . САНО предлагает к 1 мая 2003 года, дню Международной солидарности трудящихся, подготовить общемировой доклад о развитии этой инициативы.

Братья и сестры!

Мы не можем молчать перед лицом происходящего сегодня. Пока наши правительства делают вид, что заботятся о мире, пока наши правительства борются между собой за передел того, что останется от разрушенной страны, пока наши правительства высказывают свои сожаления в связи с войной... из-за возможных потерь прибыли крупных предприятий, пока наши правительства избегают открытого и прямого осуждения тех, кто развязал войну против всего человечества, мы не можем позволить того, чтобы цинизм и безразличие стали новой религией.

Некоторым подписание документа может показаться чем-то слишком малым и незначительным, но кроме подписи предлагается еще и обсуждение и дополнение этого текста, подписать эту декларацию вовсе не значит сделать это взамен других акций, наоборот, она должна послужить тому, чтобы в этих акциях участвовали как можно больше людей, чтобы как можно больше людей заставили услышать свой голос и чтобы как можно больше людей вступило в это движение, ставшее мировым, как и война, которая породила его возникновение. Для сапатистов важно не столько число подписей, сколько непокорность и вызов, который ими брошен. Всеми средствами, во всех местах, на всех языках и всеми цветами скажем — Нет войне!

Демократии!

Свободы!

Справедливости!

Из гор юго-востока Мексики.

От имени Подпольного Революционного Индейского Комитета — Генерального Командования Сапатистской Армии Национального Освобождения.

Субкоманданте Маркос

Мексика. Апрель 2003.

Декларация интеллектуалов мира

Приложим усилия для достижения мира и справедливости

Возможность создания движения, достаточно мощного для того чтобы остановить войну в Ираке или успешно предотвратить следующие войны в Сирии, Иране или Венесуэле зависит от множества факторов. Наверное, один из важнейших из них связан с количеством участников этого движения.

Чтобы эффективно противостоять тем, кто сегодня стоит у власти, наше движение непрерывно растет в числе, уровне сознания и ответственности его участников. Мы должны выйти на тех, кто против войны, но до сих пор не предпринял в связи с этим никаких действий. Мы должны выйти на тех, кто потрясен происходящим, но до сих пор не знает, как выразить свое несогласие с войной и политикой, на которую она опирается. Мы должны выйти на тех, кто сейчас поддерживает войну, но не знаком ни с ее контекстом, ни с предшествовавшей ей исторической ситуацией и не представляет ее последствий.

Таким образом, главная наша задача, кроме демонстраций, — это говорить с людьми, выслушивать их убеждения, их сомнения и мнения, и в процессе этого постараться донести до них альтернативную точку зрения, способную разбудить критическое восприятие реальности и чувство солидарности с другими. Мы должны искать тех, чьих адресов у нас нет. Мы должны стучаться в каждую дверь наших районов. Мы должны делать это вновь и вновь. Мы должны говорить об этом с нашими товарищами по работе, с теми, кого встречаем, когда идем за покупками, с нашими соседями, с теми, кто сидит возле нас в университетской аудитории или за соседней партой в школе и вообще, где угодно. Мы должны организовать.

На другом, более высоком уровне, наши коллективные усилия тоже должны привести нас к новым группам людей, отличным от нас. Наши демонстрации, вместо того чтобы концентрироваться только в центрах городов, должны пройти через другие, новые районы. Во время этих демонстраций мы должны говорить с теми, кто станет невольными зрителями этих акций. Тысячи групп могут направиться в различные торговые центры, установить там информационные столики, чтобы говорить с людьми их посещающими. Разговаривать и разговаривать. Это является основой для достижения все более мощных демонстраций, все более глубокого уровня убежденности, что увеличит в итоге политическую цену войны для правящих элит, а для нас откроет новые возможности действия.

Если 100 или 500 или 5 тысяч или 50 тысяч человек окажутся готовы, в качестве метода давления на правящие элиты, заблокировать улицы или доступ в административные здания, при постоянно растущей поддержке населения, это будет прекрасно, особенно если объект этой кампании — часть военной машины, как в случае перекрытия железных дорог в Европе, когда по ним перевозилось военное оборудование. Но разве не могли бы те же самые люди выйти разговаривать с населением за день до или на один день после подобных акций, чтобы распространить эти идеи и добиться того, чтобы другие тоже стали их активными участниками?

Наши демонстрации создают контекст, который облегчает контакт с населением, а наша цель — организация населения. Несмотря на всю свою важность демонстрации, митинги и блокады не приводят сами по себе к организации. Для того, чтобы выслушать различные видения реальности и изменить менталитет, необходимо, чтобы мы сначала выслушали других, а затем дать нашу точку зрения и все аргументы по поводу происходящего. Еще нам нужно научиться относиться с пониманием и искренним уважением к разным позициям, отличным от наших. Необходимо разговаривать.

Чтобы победить в борьбе с этой войной, и кроме нее — с последующей и вообще с основными причинами войн и несправедливости, нам необходимы сотни тысяч убежденных и последовательных членов движения. Но даже тогда, когда мы будем долго говорить с теми, кто с нами не согласен, каким образом мы сможем оценить наши реальные достижения и что сможет стать отправной точкой нашего разговора с незнакомыми людьми?

Одной из возможных для нас техник может стать подготовка на планетарном уровне некой декларации с целью ее всеобщего подписания, текст который стал бы своевременным сегодня и в то же время не устарел бы в зависимости от конъюнктуры момента. Нечто, что было бы конкретно и специфично, но в то же время — достаточно универсально, дабы быть

понятным во всех странах, и еще — достаточно глубоко, чтобы назвало основные причины, мешающие людям активно включиться в движение за мир и справедливость.

Могло бы быть что-то наподобие этого:

«Я поддерживаю идеи мира и справедливости.

Я поддерживаю идеи демократии и автономии. Считаю, что ни Соединенные Штаты, ни какая другая страна не должна ни игнорировать волеизъявление народа, ни нарушать или подтачивать принципы международного права, пытаясь добиться голосов на Совете Безопасности путем угроз или подкупа.

Я сторонник идеи интернационализма. Я против того, чтобы любая из стран расширяла по миру сеть военных баз, которая постоянно растет и приводит к накоплению беспрецедентного военного арсенала во всем мире.

Я поддерживаю идеи равенства. Я считаю, что ни Соединенные Штаты, ни одна другая страна в мире должна стремиться быть империей. Я не считаю, что Соединенные Штаты должны контролировать посредством североамериканских корпораций нефть Ближнего Востока и использовать ее как аргумент для достижения политического контроля над другими странами.

Я поддерживаю идеи свободы. Я являюсь противником жестоких режимов в Ираке и любой другой стране, но в то же время я являюсь и противником новой доктрины «превентивных войн», гарантирующей продолжение очень опасного конфликта и являющейся причиной того, что во многих частях планеты Соединенные Штаты воспринимаются, как главная угроза миру. Я являюсь сторонником демократической внешней политики, поддерживающей народное сопротивление империализму, диктатуре и любой форме политического фундаментализма.

Я являюсь сторонником солидарности между людьми. Я заявляю о своей солидарности со всеми бедными и всеми исключенными. Несмотря на кампанию массовой дезинформации, против этой несправедливой, незаконной и аморальной войны выступают миллионы и я хочу присоединить мой голос к их голосам. Я заявляю о своей поддержке религиозных и духовных лидеров всего мира, трудящихся мира и огромного большинства населения разных стран мира, выступающих против этой войны.

Я являюсь сторонником разнообразия. Я хочу чтобы был положен конец расизму, направленному на иммигрантов и людей, у которых отличный от моего цвет кожи. Я хочу прекращения репрессий, как в моей стране, так и во всех странах.

Я выступаю за мир. Я выступаю против этой войны и против всех условий, менталитетов и институтов, которые создают и поддерживают войны и несправедливость.

Я выступаю за поддержание экологического равновесия. Я против вырубки лесов, загрязнения почвы и воды, истощения натуральных ресурсов, нарушения биологического разнообразия, элементов, от которых зависит жизнь.

Я выступаю за справедливость. Я выступаю против экономических, политических и культурных институтов, насаждающих менталитет крысиных бегов, огромного экономического и социального неравенства, всеобщего правления корпораций, извлечения прибыли за счет рабского труда, неравенства по религиозному и половому признаку.

Я сторонник политики, которая направит деньги, тратящиеся сегодня на военные расходы, в сферу образования, здравоохранения, на строительство домов и создание рабочих мест.

Я выступаю за мир, деятельность политических, экономических и общественных институтов которого будет направлена на укрепление взаимопомощи между людьми, достижение равенства, поощрение гражданского участия в принятии решений, сохранение разнообразия и практику полной демократии.

Я выступаю за мир и справедливость, и кроме того, беру на себя обязательства приложить усилия для достижения мира и справедливости.»

Если миллион или больше миллиона человек в разных странах мира поймут суть этого манифеста и смогут объединиться вокруг изложенных в нем идей, это вызовет очень мощный резонанс как в ближайшем так и в более отдаленном будущем. Это усилит наше движение и даст ему новый позитивный импульс. Мы должны всеми доступными нам средствами организовываться, организовываться, организовываться, особенно среди тех, кто еще не организовался.

Этот манифест уже подписали более 100 интеллектуалов мира, среди них: Ноам Хомски, Тарик Али, Том Хайден, Эдуардо Галеано, Арудхати Рой, Ховард Зин и др.

МИР: СЕМЬ РАЗМЫШЛЕНИЙ В МАЕ 2003 ГОДА

СУБККОМАНДАНТЕ МАРКОС

Вступление

По мере того, как ветшают календари Власти и крупные корпорации средств массовой информации чередуют возглавляемые и организуемые мировым классом политиков фарсы и трагедии, внизу, у широкого и просторного подножия покачнувшейся современной Вавилонской башни не прекращается движение. И хотя зачастую его голос походит пока лишь на невнятное бормотание, многие вновь обретают слово и способность быть зеркалом и стеклом. В то время как сверху диктуется политика разобщения, в подвале мира все те, кто другие, находят себя и другого — того, кто, отличаясь, тоже — другой и тоже внизу.

Участвуя в воссоздании слова-зеркала и слова-стекла, Сапатистская Армия Национального Освобождения вернулась к диалогу с социальными и политическими движениями и организациями мира. На этом начальном этапе, вместе с братьями и сестрами из Мексики, Италии, Франции, Германии, Швейцарии, Испании, Аргентины и Соединенных Штатов мы готовим совместную тематику для обсуждения.

Речь не идет ни о заключении политических или программных договоренностей, ни о попытке создания новой версии Интернационала. Задача — не в объединении теоретических концепций или приведении понятий к общему знаменателю, а в нахождении и/или создании общих тем для обсуждения. Речь идет о строительстве теоретических и практических образов, которые могут быть видимы и ощутимы из разных мест.

В качестве вклада в эту работу САНО представляет эти семь размышлений. Стремясь «застолбить» их в пространстве и времени, мы признаем свою теоретическую и практическую ограниченность, и прежде всего то, что нашему видению недостает глобальности. Но это наш первый вклад в создание мировой повестки дня.

Мы благодарим мексиканский журнал «Ребельдия», предоставивший свои страницы для публикации этих размышлений, а также все итальянские, французские, испанские, североамериканские и латиноамериканские издания, делающие то же самое.

I. Теория.

О месте теории (и теоретического анализа) в политических и общественных движениях обычно забывают. Тем не менее, все то, что зачастую выглядит чем-то совершенно очевидным, обычно таковым не является, в этом случае, речь о проблеме влияния теории на практику и теоретическом «рикошете» последней. Кроме того, проблема теории — это еще и проблема того, кто ее создает.

Я не отождествляю понятия «теоретик» или «теоретический аналитик» с понятием «интеллектуал». Второе гораздо шире. Теоретик — это всегда интеллектуал, но интеллектуал совершенно не обязательно должен быть теоретиком.

У интеллектуала (и, разумеется, у теоретика) всегда есть право на выражение своего мнения по поводу различных социальных движений. И это не только его право, это его долг. Некоторые интеллектуалы заходят в этом гораздо дальше и превращаются в новых «политических комиссаров» мысли и действия, судя о других категориями «добра» и «зла». Их «оценки» связаны с тем, на каком месте они находятся сейчас и тем, на каком им хотелось бы находиться.

Мы думаем, что то или иное социальное движение не должно ни «возвращать» оценок, получаемых от других, ни давать «оценивающих» его интеллектуалам определения как «хороших» или «плохих», согласно тому, как они оценивают движение. Антиинтеллектуализм — это не более чем собственная неосознанная апология, которая как таковая, лишь определяет уровень «половозрелости» движения.

Мы считаем, что слова оставляют следы, следы определяют пути, а пути требуют определений и обязательств. Отдающие свое слово в поддержку или против того или иного

движения, обязаны не только произнести его вслух, но и, помня о своих целях, постараться «заострить» его. «Ради чего?» и «Против чего?» — вопросы, которые должны сопровождать такое слово. И не для того, чтобы приглушить или заставить его замолчать, а как раз чтобы дополнить его и сделать более действенным, то есть, что бы то, что говорится, было услышано теми, кем это должно быть услышано.

Создавать ту или иную теорию изнутри общественного или политического движения — это не одно и то же, что делать то же самое из академии. Я говорю «академия» не в смысле «стерильности» или научной «объективности» (несуществующих); а только чтобы указать на место в пространстве размышления и производства идей, того что возникает «вне» движения. И это «вне» не значит, что нет «симпатий» или «антипатий», просто эти идеи рождаются не изнутри движения, а по поводу движения. Так, академический аналитик оценивает достоинства и недостатки, достижения и ошибки движений прошлого и настоящего и, кроме того, пытается предсказать пути и результаты.

Порой некоторые академические аналитики стремятся руководить движением, то есть хотят, чтобы движение следовало их указаниям. В этом случае, главный упрек академика, в случае если движение ему «не подчиняется» заключается в том, что все «ошибки» движения вызваны тем, что его участники не видят того, что для него, академика, совершенно очевидно. Зачастую (не всегда, конечно), эти кабинетные аналитики характеризуются недостатком памяти и порядочности. Сегодня они говорят и предсказывают одно, завтра происходит противоположное, такой аналитик обычно теряет память и начинает теоретизировать заново, начисто забыв о том, что утверждал совсем недавно. И кроме того, он ведет себя нечестно, не побеспокоившись выразить минимальное уважение к своим читателям или слушателям. Он никогда не скажет: «вчера я сказал то-то, чего не произошло, произошло противоположное сказанному мной, я ошибся». Цепляясь за «сегодняшнюю актуальность» новостей фильтруемых средствами массовой информации, кабинетный теорик стремиться «забыть» о своих вчерашних утверждениях. В теории этот академик производит некий эквивалент фаст-фуд, «пищи-мусора» для интеллекта, которая не питает, а лишь развлекает.

В других случаях, некоторые движения отказываются от собственной спонтанности и следуют теоретическим выкладкам академии. Обычно это приносит больше вреда, чем пользы. Если академия ошибается, она скоро «забывает» об этом, если же ошибается движение — оно терпит поражение. Иногда руководства движений ищут некоего «теоретического алиби», то есть того, что способно придать веса и согласованности их практике, и обращаются к академии с просьбой обеспечить им это. В этих случаях теория становится апологией, лишенной всякой критики, зато с обильным риторическим содержанием.

Мы считаем, что движение должно создавать свои собственные теоретические размышления (но не собственную апологию). В них может быть включено то, что не может быть создано кабинетным теоретиком — трансформирующая практика самого движения.

Мы предпочитаем слушать тех и беседовать с теми, кто размышляет и создает свой теоретический анализ внутри и вместе с движениями и организациями, а не вне, или еще хуже, за счет этих движений. Тем не менее, мы привыкли выслушивать все мнения, обращая внимание не столько на то, кто их высказывает, сколько на то, откуда они высказываются.

В наших теоретических размышлениях мы говорим не о чем-то свершившемся и неизбежном, а о том, что видим как тенденции. Тенденции, которые не только не превратились в нечто всеобщее и абсолютное (пока), но и могут быть (и должны быть) изменены.

Темой наших сапатистских теоретических размышлений обычно являемся не мы сами, а реальность, в которой мы действуем. И характер этих размышлений является приближенным, ограниченным во времени, в пространстве, в концепциях и в структуре этих концепций. Поэтому мы отвергаем все попытки подавать то что мы говорим и делаем, как нечто универсальное и неизменное во времени.

Ответы на вопросы о сапатизме содержатся не в наших размышлениях, а в нашей практике. И в нашем случае, эта практика обладает мощным моральным, этическим зарядом. То есть, мы стремимся (не всегда удачно, конечно) к действиям, согласованным не только с нашим теоретическим анализом, но и с тем, что мы считаем нашим долгом. Мы стараемся

быть последовательными, всегда. Может быть поэтому мы не прагматики (прагматизмом называют «практику без теории и без принципов»).

Авангарды чувствуют, что должны руководить чем-то или кем-то (и в этом отношении они очень похожи на академических теоретиков). Авангарды стремятся ко власти и работают на это. Некоторые из них даже готовы заплатить соответствующую цену за собственные ошибки и отклонения в своей политической деятельности. Академия обычно платить не готова.

Мы чувствуем, что наш долг — в том, чтобы начинать, продолжать, сопровождать, находить и открывать пространства для чего-то и для кого-то, включая и нас самих.

Прогулка, пусть даже совершенно повествовательная, по различным сопротивлениям страны или планеты, это не только пространство для воображения, в ней более чем реальность настоящего, угадываются черты будущего.

Участники этой прогулки и соучастники этого воображения, могут видеть то, чего не видно тем, кто занят сложением и вычитанием за письменными столами общественных наук, они могут видеть, что хотя несомненно важны и путник, и его шаг, особенно важна дорога, ее направление, ее цель. Когда мы рассказываем, анализируем, обсуждаем и спорим, мы делаем это не только, чтобы понять суть происходящего, но и чтобы, и даже в первую очередь для того, чтобы постараться изменить это настоящее.

Теоретическое размышление о теории именуется «метатеорией». Метатеория сапатистов — это наша практика.

II. Национальное государство и полис

В умирающем календаре национальных государств власть принимать решения принадлежала классу политиков. Она учитывала в свою очередь мнение других властей — экономической, идеологической и общественной, но обладала по отношению к ним некоторой степенью автономии. Эта относительная автономия давала власти возможность «видеть дальше» и вести национальные общества к определенному будущему. В этом будущем, власть экономическая не только оставалась властью, но и становилась все более и более мощной.

В искусстве политики артист полиса — правитель, был специализированным вожаком, знатоком гуманитарных наук и искусств, включая военное. Мудрость правления заключалась в адекватном обращении к различным ресурсам государственной власти. Больше или меньше обращение к одному или нескольким из этих ресурсов определяло стиль правления. Равновесие между управлением, политикой и репрессиями характеризовало продвинутую демократию. Большой удельный вес политики, малый — управления и скрытые репрессии имели место в случае популистского режима. Массовые репрессии и ничего в сфере политики и управления были типичны для военной диктатуры.

В те времена в международном разделении труда странам «развитого» капитализма, в качестве правителей соответствовали государственные мужи (или жены), странам же «неполноценного» капитализма полагалось иметь правительства горилл. Военные диктатуры отражали истинное лицо современности — лицо чудовища, жаждущего крови. Демократии не только были масками, скрывавшими эту иную, подлинную суть тех, кто их носит, но и готовили народы к новому этапу развития, когда деньги найдут лучшие условия для самоувеличения.

Глобализация отмечена не только революцией цифровых технологий. Всегда существовавшее стремление Денег к транснационализации нашло пути и условия, позволяющие разрушить преграды на пути к их мечте — завоевать своей логикой всю планету. Одна из этих помех — границы и национальные государства являлись и являются объектом мировой войны (четвертой). Национальные государства вступают в эту войну, испытывая острейшую нехватку средств экономических, политических, военных, идеологических и, как показали последние войны и соглашения о свободной торговле, средств юридической защиты.

История не закончилась падением Берлинской стены и крушением социалистического лагеря. Основной задачей войны, развязанной Деньгами является достижение нового мирового порядка, и на поле битвы лежит тяжело раненное и взывающее о помощи национальное государство.

«Обществом Власти» мы называем правящую группу, заменившую класс политиков в функции принятия фундаментальных решений. Речь идет о группе, узурпирующей всю экономическую власть, причем на уровне не какой-то одной страны, а множества. Обладающее строгой внутренней организацией (подобно модели «акционерного общества закрытого типа»), Общество Власти разработало собственные цели и методы для их достижения. Несмотря на то, что процесс его формирования и консолидации еще не закончен, Общество Власти стремится занять свободное пространство, оставленное национальными государствами и их классами политиков. Общество Власти контролирует финансовые организации (и в результате этого, целые страны), средства связи, промышленные и коммерческие корпорации, образовательные центры, армии, а также государственную и частную полицию. Общество Власти стремится к созданию планетарного государства с соответствующим наднациональным правительством, но не предпринимает никаких действий для достижения этого.

Несмотря на то что глобализация оказалась травматическим опытом для всего человечества, основной ее удар пришелся по Обществу Власти. Измотанное усилиями перескочить, без каких бы то ни было посредников, от уровня кварталов и общин к гиперполису, от местного ко всепланетному (пока создается Супранациональное правительство), Общество Власти вновь пытается укрыться внутри одного умирающего национального государства. Национальное государство Общества Власти создает лишь видимость собственной мощи, что уже само по себе является достаточно шизофреничным симптомом. Государство-нация в метрополиях не более чем голограмма.

Национальное Государство, существовавшее в течение десятилетий, как пример стабильности, сегодня находится на грани исчезновения. Но его голограмма продолжает подпитываться догмами, ведущими между собой борьбу за право заполнить пустоту, созданную и акцентированную глобализацией. Объединение мира во времени и пространстве является для Власти элементом, который она до сих пор не в состоянии переварить. «Другие» находятся уже не в «других» местах, а везде и всегда. А «другой» для Власти — это всегда угроза. Как от нее защититься? Прибегнув к голограмме Нации и обвиняя «другого» в том, что он агрессор. Так, одним из аргументов мистера Буша для оправдания войн против Афганистана и Ирака, было то, что эти страны угрожали североамериканской нации. Но, если отвлечься от «реальности» созданной CNN, над Кабулом и Багдадом развеваются сегодня не столько звездно-полосатые флаги, сколько штандарты крупных транснациональных корпораций.

В голограмме государства-нации, главная ложь современности — это так называемая «индивидуальная свобода», находящаяся на самом деле в тюрьме, которая, будучи глобальной, не становится от этого менее суровой. Роль личности при этом настолько смазывается, что никакой вчерашний имидж «героев», не способен дать ни малейшей возможности выделиться. «Self made man» («человека, создающего себя самого») больше не существует, и поскольку говорить о «self made corporation» («корпорации, создающей саму себя») невозможно, перспективы общественного роста стремительно сокращаются. В чем надежда? Вернуться к обсуждению всего этого на уровне улицы или квартала? Вряд ли, фрагментация оказалась столь беспощадной и бесконтрольной, что даже эти минимальные ячейки идентичности оказались серьезно нарушены. На семейно-домашнем уровне? Где и как? Телевидение вошло туда как хозяин, через парадную дверь, интернет, как шпион просочился через щели кибернетического пространства. В недавнем прошлом почти все дома планеты подверглись вторжению британских и североамериканских войск, оккупировавших Ирак.

Государство-нация, присвоившее себе сегодня звание «божественной руки Провидения» (Соединенные Штаты Америки), существует только по телевидению, по радио, в некоторых газетах и журналах... и в кино. На фабрике грез крупных информационных концернов президенты мудры и обаятельны, справедливость всегда торжествует, общество свергает тирана, неповиновение — немедленный и эффективный ответ на любую несправедливость и «и жили они долго и счастливо» остается обещанным национальному обществу результатом. На самом же деле, все происходит как раз наоборот.

Где герои вторжения в Афганистан? Где герои оккупации Ирака? Это при том, что 11 сентября 2001 года имело своих героев, которыми оказались пожарники и жители Нью-Йорка, спасавшие жизни жертв мессианского бреда. Но поскольку эти настоящие герои

Власть не интересуют, они были быстро забыты. Для Власти «герой» — это завоеватель (в смысле — разрушитель), а не спаситель (в смысле — создатель). И образ покрытого копотью пожарника, работающего среди руин нью-йоркских башен-близнецов, был заменен на образ танка, сваливающего статую Хусейна в Багдаде.

Современный полис (используя термин «полис» вместо слова «город», я хочу подчеркнуть, что имею в виду пространство именно городских экономических, идеологических, культурных, религиозных и политических отношений) сохранил от полиса классического (вспомните Платона) лишь одну-единственную поверхностную черту — образ овец (народа) и пастуха (правителя).

Но современность изрядно изменила Платоновы образы. Сейчас речь идет лишь о промышленном комплексе: некоторые овцы подлежат стрижке, других забивают на мясо, а «больных» изолируют, уничтожают и «сжигают», чтобы они не заразили остальных.

Неолиберализм выглядит, как эффективный администратор этой бойни-загона, являющихся современным полисом, и объясняет, что единственный путь к достижению этой эффективности — в постоянном нарушении и расширении границ полиса (разумеется, путем вторжений) в масштабах всей планеты — Гиперполис.

Но дело в том, что «администратор» (правитель-пастух) рехнулся и решил забить всех овец сразу, хотя хозяин съесть всех не сможет... и хотя на завтра овец не ни для стрижки, ни для забоя уже не останется. Преподобный политик — политик прошлого — (я имею в виду не период «до рождения Христа», а конец XX века), был специалистом в области поддержания оптимальных условий для роста стада, он заботился о том, чтобы всегда были овцы и для стрижки и для забоя. И чтоб они не восстали.

Сегодняшний неополитик — это уже не просвещенный пастух, а невежественный волк (и даже не в овечьей шкуре), уверенный в своей безнаказанности, и уже не довольствующийся съедением лишь той части стада, которую ему отдадут, и не выполняющий ни одной из своих основных обязанностей. Поэтому стадо скоро или исчезнет или... восстанет.

Не стоит ли подумать о том, что задача не в «гуманизации» этого загона-фабрики-бойни современного полиса, а в разрушении самой этой логики, в том, чтобы сорвать с себя овечью шкуру и уже без овец обнаружить, что пастух-мясник-подстригальщик не только совершенно бесполезен, но вреден и опасен?

Логика национальных государств заключалась (в общих чертах) в следующем: полис-город объединял вокруг себя территорию (а не наоборот), провинция объединяла несколько полисов, страна объединяла провинции. Таким образом, полис-город был минимальной ячейкой нации-страны, а полис-столица навязывала ей свою логику.

Существовало в те времена подобие общей цели — один или несколько элементов, объединявших этот полис внутри себя, точно так же как и элементы, объединявшие государство-нацию (территория, язык, денежная единица, политико-правовая система, культура, история, и так далее). Эти элементы подверглись эрозии и подрыву (нередко в прямом смысле) со стороны глобализации.

Но что произошло с полисом при сегодняшнем истощении (доходящем почти до исчезновения) национального государства? И что было первым — полис или национальное государство? Истощение одного или истощение другого? Это не важно. По крайней мере для того, о чем мы сейчас говорим. Была ли вызвана фрагментация (и поэтому, тенденция к исчезновению) национального государства фрагментацией полиса или наоборот? Это другая тема.

Как и в национальном государстве, в полисе потеряно то, что накапливалось в течение долгого исторического периода. Сегодня каждый отдельно взятый полис — это не более чем беспорядочная и хаотическая фрагментация, замещение одних полисов другими, которые не только различны между собой, но зачастую и противоположны.

Власть Денег требует для себя особого пространства, которое не только послужит ей зеркалом ее величия и благополучия, но и защитит ее от «других» полисов (принадлежащих «другим»), находящихся вокруг нее и «угрожающих» ей. Эти «другие» полисы не похожи на варварские общины былых времен. Полис Денег пытается подчинить их своей логике и нуждается в них, но одновременно с этим он и боится их.

Там, где раньше находилось национальное государство (или шла с ним борьба за пространство) сегодня есть лишь беспорядочное скопление полисов. Полисы Денег

сегодняшнего мира — это «дома» Общества Власти. Тем не менее там, где раньше существовала юридическая и институциональная система, регулировавшая внутреннюю жизнь национальных государств и отношения между ними (международная юридическая структура), сегодня нет ничего.

Международная юридическая структура устарела и место ее занимает сейчас постоянно импровизируемая «юридическая» система Капитала: дикая и беспощадная конкуренция при помощи любых средств, в числе которых — война.

В чем суть программ общественной безопасности городов, если не в защите тех, у кого есть все, от тех, у кого нет ничего? «Мутатис мутанди», программы национальной безопасности, перестали быть программами защиты одной нации от других и превратились в программы борьбы всех против всех и повсюду. Образ города, окруженного (и испытывающего угрозу) поясами нищеты и образ нации, которой угрожают другие страны, начали совпадать. Бедность и недовольство (этих «других», не желающих просто похорошему исчезнуть) находятся уже не на периферии, их уже можно встретить почти в любом месте городов... и стран.

Дело в том, что «реорганизация», проводимая властями полисов, этих разрозненных фрагментов, в качестве репетиции или тренировки для национальной реорганизации, бесполезна. Ибо их настоящая задача — не столько в реорганизации, сколько в стремлении изолировать «вредные» элементы, сводя к минимуму резонанс, который могут создать в полисе денег их протесты, борьба и сопротивление.

Те, кто правит городом, на самом деле лишь администрирует процесс фрагментации полиса, в надежде перейти к администрации процесса национальной фрагментации.

Приватизация городских пространств не что иное, как страх, нарушающий свою собственную логику. Полис превратился в хаотичный архипелаг. «Существование» среди меньшинства возможно благодаря совместному страху перед «другим». Да здравствуют частные улицы! За ними последуют частные кварталы, города, провинции, нации, мир... все приватизированное, то есть изолированное и защищенное от «другого». Но даже состоятельный сосед рано или поздно тоже превратится в одного из «других».

Чего не смогла ядерная война, того добьются корпорации. Разрушив все, включая и источник собственного богатства.

Таков мир, не вмещающий ни одного из миров, даже своего собственного. Таков проект Гиперполиса, встающего над руинами государства-нации.

III. Политика.

Неужели больше нет национальных целей, способных объединить полисы, нации, общества? Или уже не осталось политиков, способных провозгласить эти цели? В недоверии к политике — хотя это уже нечто куда большее, чем просто недоверие — появляется все больше элементов осуждения и ненависти. Рядовой гражданин все чаще начинает переходить от безразличия к суете политиков, к осуждению, принимающему все более «выразительные» формы. «Стадо» сопротивляется новой логике.

Вчера политик определял общую цель. Сегодня, пытаясь делать то же самое, но терпит поражение. Почему? Может быть, потому, что он добился собственной дискредитации? Или, точнее, проституировав цель, он еще в большей степени, проституировал политику как вид деятельности.

Не способный воспринять реальность, как точку отсчета, современный класс политиков создает себя из голограммы, размеры которой отвечают не масштабам его стремлений, а величине сегодняшнего календаря. Правитель деревни не отказался от мысли править городом, провинцией, нацией, целым миром... Дело лишь в том, что его сегодняшний день решается в деревне... и придется ждать ближайших выборов, чтобы сделать следующий шаг.

Если прежде у национального государства была возможность «видеть дальше» и создавать условия, необходимые для того, чтобы капитал производился «ин крещендо» и получал помощь в преодолении своих периодических кризисов, то разрушение основ национального государства больше не позволяет ему справиться с этой задачей.

Общественный «корабль» терпит крушение, и проблема не только в нехватке подходящего капитана, но и в том, что оказывается, что кто-то украл штурвал и его нигде невозможно найти. Если деньги стали динамитом, «операторами» по сношению здания были

политики. Разрушив фундамент национального государства, традиционный класс политиков разрушил и основу своего существования. Сегодня всемогущие политические атлеты, не веря своим глазам, глядят на... недалекого торгаша, не имеющего ни малейшего понятия об искусстве управления государством, который даже не победил, а просто заменил их.

Традиционный класс политиков не способен восстановить основы национального государства. Как хищная птица, он довольствуется сегодня кормежкой за счет грабежа стран, и роется в грязи и крови, на которых строится империя денег. Пока он откармливается, бог денег ждет его за столом... в виде блюда.

Свобода рынка претерпела одну удивительную метаморфозу: человек теперь свободен выбирать в какой торговый центр ему идти, но в любом из них магазины и марки продуктов всегда будут одними и теми же. Старая сказка о свободе, проистекающей из тирании торговли, «свободы спроса и предложения», стала неактуальной.

Основы «западных демократий» подорваны. На их обломках проводятся кампании и выборы. Избирательная пиротехника вспыхивает так высоко, что уже не может осветить руин того, что когда-то называлось политической деятельностью.

Точно так же основа деятельности правительств — государственные соображения — уже никого не интересуют, их место занято соображениями рыночными, определяющими сегодня политику. Зачем нанимать на работу политиков, если маркетологи понимают новую логику Власти гораздо лучше?

Политик, то есть профессионал в вопросах государства, был заменен управляющим. В результате государственное видение дел, исходя из чисто рыночной логики, кажется полным безумием (управляющий — это лишь вчерашний приказчик, глубоко «убежденный», что успех фирмы — это его личный успех), и таким образом горизонты сужаются и снижаются во всех измерениях.

Депутаты и сенаторы уже не создают законов, эту задачу выполняет «лобби», состоящее из помощников и советников.

Сироты и вдовцы — традиционные политики и их интеллектуалы чешут шевелюры (у кого таковые остались) и пытаются придумать себе новые алиби, чтобы предложить их на рынке идей. Но напрасно — там слишком слишком много продавцов и не видно ни одного покупателя.

Обращение к традиционному классу политиков с предложением стать «союзниками» в борьбе сопротивления стало бы неплохим упражнением по... ностальгии. Обратиться с тем же к неополитикам было бы симптомом шизофрении. Там, вверху, делать совершенно нечего, разве что можно создавать видимость того, что, может быть, что-то возможно еще сделать.

Но есть люди, которые заняты тем, что сначала придумывают существование штурвала, а потом пытаются занять место за ним. Есть те, кто его ищет, уверенные, что он лежит брошенный где-то рядом. И еще есть те, кто делает из острова не убежище для самолюбования, а корабль, плывущий чтобы встретиться с другим островом, и еще одним, и еще одним ...

IV. Война.

В атмосфере постмодернистского стресса Общества Власти, война — это диван для отдыха. Катарсис смерти и разрушения облегчает самочувствие, но не лечит. Сегодняшние кризисы куда серьезнее кризисов прошлого, поэтому радикальный выход из них — война, предлагаемая Властью, опаснее войн прошлого.

Сегодня глобализация — величайший в истории обман — не предпринимает ни малейшей попытки оправдать происходящее. Спустя тысячелетия после возникновения слова и вместе с ним разумных аргументов грубая сила вновь занимает решающее место в истории.

В истории консолидации Власти, человеческое сообщество превратилось в сосуществование. Война делает это еще более очевидным. Схема пары «подчиняющий-подчиненный» определяет сейчас отношения внутри мирового устройства и стремится стать новым критерием «человечества» даже для самых разрозненных из фрагментов планетарного общества.

Пустое пространство, оставленное государственными деятелями, согласно голограмме национального государства, сегодня оказывается занятым управляющими и карьеристами. Однако в ситуации кажущейся капиталистической упорядоченности, военные стратеги корпораций (новое поколение, которое уже не только читает и старается применять на практике Суня-Цзы, но и обладает достаточными материальными ресурсами, чтобы

выполнить все необходимые для этого передислокации и маневры) предусматривают войны военные (наряду с войнами экономическими, идеологическими, психологическими, дипломатическими и др.) в качестве одного из элементов своей маркетинговой стратегии.

Рыночная логика (максимальная прибыль — всегда и любой ценой!) замещает традиционную военную (разрушение боеспособности противника). А в случае, если международное право этому мешает, оно должно быть или проигнорировано или уничтожено. Времена обоснованных оправданий закончились, сейчас можно не придавать особого значения ни «моральным», ни даже «политическим» оправданиям войны. Международные организации превратились в бесполезные и обременительные памятники прошлого.

Для Общества Власти, человек может быть либо клиентом, либо преступником. Для поощрения первого и уничтожения второго, политики придают незаконному насилию Власти видимость законности. Война уже не требует законов, которые ее «оправдали бы» или «признали бы правомочной», достаточно лишь того, чтобы политики объявили ее и подписали соответствующие приказы.

Если правительство Соединенных Штатов присвоило себе роль «полицейского» в Гиперполисе, следовало бы задаться вопросами: какой порядок оно стремится поддерживать? Чью собственность собираются защищать? Каких преступников будет преследовать? И какой закон даст ему право на подобные действия? То есть кто они — те «другие», от которых должно защищаться Общество Власти.

Для ведения войны нет худших командующих, чем профессиональные военные. Поэтому и раньше самыми великими из генералов и истинными победителями в войнах (не сражавшимися на поле брани) были политики, государственные люди. Но если сегодня их больше не осталось, то кто же командует нынешней войной за мировое господство? Сомневаюсь, что кто-нибудь, находясь в здравом рассудке, будет утверждать, что войной в Ираке командовали Буш или Рамсфелд.

Таким образом одно из двух — командуют или военные, или невоенные. Если это военные — результат можно будет увидеть очень скоро. Военный не останавливается, пока противник не будет полностью уничтожен. Уничтожить его полностью — значит, не нанести ему поражение, а именно уничтожить его, покончить с ним, ликвидировать. В этом случае выход из настоящего кризиса — лишь прелюдия к кризису куда большему, кошмар которого просто неопишем.

Если же это не военные, то кто же? Можно ответить — корпорации. Логика корпораций обычно подавляет логику индивидуальную и заставляет ее действовать в своих интересах. Как живое и разумное существо, корпорация дрессирует своих членов для движения в заданном направлении. В каком? К прибыли. При этой логике деньги направляются туда, где есть лучшие условия для быстрой, растущей и постоянной прибыли. Очевидно, что на этом пути, рано или поздно одна корпорация сталкивается с другой.

Станут ли итоги иракской войны разрешением кризиса в отношениях между крупными корпорациями? Нет, по крайней мере в ближайшем будущем. Продолжительность отвлекающего эффекта этого конфликта для претензий национального-государства-претендующего-стать-супернациональным равна времени рекламного ролика.

«Мы уже победили Ирак, — скажут граждане Соединенных Штатов, — а теперь? Новая война? Где? Это и есть новый мировой порядок? Война, ведущаяся везде и постоянно, прерываемая только рекламными объявлениями?»

V. Культура.

Бессильно свалившееся на диван войны, Общество Власти перебирает свои комплексы и страхи. И у тех и других множество имен и лиц, но есть один общий знаменатель — «другой». До глобализации этот «другой» находился где-то очень далеко во времени и пространстве, но сейчас хаотическое строительство Гиперполиса привело его сюда — на «задний двор» Общества Власти.

Культура «другого» становится ненавистным зеркалом. Но не потому, что отражает власть во всей ее алчности и жестокости, а потому что рассказывает историю «другого». Другой не только не зависит от навязываемого ему извне «я» Власти, но и обладает своей

собственной историей и достоинством, даже не подозревая о существовании этого «я» или его возникновении в будущем.

В Обществе Власти за маской личного успеха скрыто, поражение человека в его искусстве жить вместе с другими, в его коллективной сущности. А маска, в свою очередь, скрывает тот факт, что успех этот стал возможен за счет разрушения другого, коллективного существа. В течение десятилетий в воображении Власти слово «коллективное» отождествлялось с такими понятиями, как «злое», «незаконное», «ненавидящее», «жестокое», «беспощадное». «Другой» — это облик восставшего Люцибелла из новой «Библии» Власти (проповедующей не искупление, но подчинение), поэтому необходимо вновь изгнать его из рая. Вместо пылающего меча — крылатые ракеты.

Настоящее лицо «другого» — это его культура. Язык, верования, ценности, традиции, история создают коллективное тело народа и позволяют ему отличаться от иных народов и, исходя из этого отличия, общаться с ними. Нация без культуры — это нация без лица: без глаз, без ушей, без носа, без губ... и без мозга.

Разрушение культуры «другого» — самая полная форма его уничтожения. Грабеж культурных сокровищ Ирака не был результатом недосмотра или упущения со стороны оккупационных войск. Это была еще одна боевая операция.

В великих войнах великие тираны и палачи прилагали особые усилия к разрушению культуры. Схожесть между ненавистью к культуре у Гитлера и у Буша не результат того, что оба обладают одинаковыми чертами сумасшествия. Схожесть — в проектах подчинения мира, вдохновлявшие когда-то одного и не дающие покоя другому.

Культура — одна из немногих вещей, до сих пор поддерживающих жизнь в национальном государстве. Уничтожение культуры станет контрольным выстрелом. И никто не придет на похороны. Причем не из неосознанности, а из-за нехватки «рейтинга».

VI. Манифесты и манифестации.

Стартовыми военными событиями нового века не стали ни крушение башен-близнецов, ни бесславный и мало кому интересный спектакль с памятником Хусейну. XXI век начался глобализированным «нет войне!», вернувшим человечеству его сущность и объединившим его во имя единой цели. Никогда раньше в истории человечества, такое мощное «нет!» не потрясло планету.

Начиная с интеллектуалов всех мастей и величин и заканчивая неграмотными жителями самых безвестных уголков земли, «нет!» превратилось в мост, объединивший общины, деревни, поселки, города, провинции, страны и континенты. В манифестах и манифестациях это «нет!» стремилось отстоять превосходство разума перед силой.

Хотя это «нет!» частично угасло с оккупацией Багдада, в его все еще звучащем эхе больше надежды, чем бессилия. Тем не менее с тех пор многие переместились в пространстве теории и поменяли вопрос: «Что делать, чтобы остановить войну?» на другой: «Где произойдет следующее вторжение?».

Есть люди, наивно считающие, что заявления правительства Соединенных Штатов об отсутствии у него намерений применять военную силу в отношении Кубы, говорят о том, что можно не опасаться североамериканской военной акции против карибского острова. Однако стремление североамериканского правительства вторгнуться на Кубу и оккупировать ее реально. И это нечто большее, чем просто стремление. Сегодня это уже планы, с маршрутами, сроками, контингентами, этапами и целями, частичными и последовательными. Куба не просто территория, подлежащая завоеванию. Это вызов. Недопустимая вмятина на шикарном автомобиле неолиберальной современности. А морские пехотинцы — жестянщики. Если эти планы осуществляются, станет очевидно, как сейчас в Ираке, что целью было не свержение господина Кастро Руса и даже не изменение политического режима.

Вторжение и оккупация Кубы (или любой другой точки мировой географии) больше не нуждается в прикрытии в виде заявлений интеллектуалов «обеспокоенных» действиями национального государства (возможно, единственного, оставшегося таковым в Латинской Америке), направленными на усиление внутреннего контроля.

Если североамериканское правительство даже не смутилось от осторожного возражения ООН и правительств «первого мира», и не поколебалось перед прямым осуждением миллионов людей всей планеты, никакие протесты никаких интеллектуалов его не остановят

(говоря о Кубе, несколько дней назад стало известно о «геройском» акте израильских солдат — казни одного палестинца выстрелом в затылок. Палестинцу было 17 месяцев от роду. Кем-то была сделана какая-нибудь декларация, какой-нибудь манифест с возмущенными подписями? Избирательный ужас? Усталость сердца? Или это самое «осуждаем в любом месте и от кого бы ни исходило» раз и навсегда включает все и каждую дозы террора, спускающегося сверху на тех, кто снизу? Достаточно просто сказать «нет» и всё?).

Этот террор не остановят выступления протеста, какими бы массовыми и продолжительными они ни были, даже внутри самих Соединенных Штатов.

Я хочу сказать, **ОДНОГО ЭТОГО НЕДОСТАТОЧНО.**

Главный элемент заключен в готовности жертвы к сопротивлению, гибкости ее ума, способного комбинировать различные формы сопротивления и еще в том, что может выглядеть достаточно «субъективным», — в воле людей, ставших жертвой. Таким образом, земли, оказавшиеся целью захвата (будь то Сирия, Куба, Иран, горы юго-востока Мексики) должны превратиться в территорию сопротивления. И я имею в виду не количество окопов, оружия, засад и систем безопасности (которые, тем не менее, тоже нужны), а о готовности («духа», сказали бы некоторые) людей к сопротивлению.

VII. Сопротивление.

Кризисы наступают раньше, чем приходит их осознание, но размышления о последствиях или выходах из этих кризисов превращаются в политические действия. Массовое пренебрежение классом политиков — это не отказ от занятия политикой, а лишь отказ от определенной формы делания политики.

Если сегодня, на крайне ограниченном горизонте календаря Власти не виден никакой новый способ делания политики, то это совершенно не значит, что его нет вообще, что он не рождается в немногих (или многих) фрагментах различных человеческих обществ нынешнего мира.

В истории человечества все непокорности казались бесполезными не только накануне, но и во время самых глубоких ночей отчаяния. Но парадокс времени в том, что течет оно в нашу пользу. Если мы способны в это поверить.

Могут рухнуть многие статуи, но если поколения сохраняют и укрепят свою решимость, победа непокорности окажется возможной. У нее не будет конкретной даты и не будет никаких торжественных парадов, просто возможности аппарата, превращающего собственный механизм в проект нового порядка, в какой-то момент полностью истощатся.

Я не проповедую пустую надежду. Я лишь хочу, чтобы все мы вспомнили мировую историю, и в каждой из стран — историю национальную.

Мы победим не потому, что это наша судьба, или потому, что так написано в наших соответствующих повстанческих или революционных библиях, а потому, что мы работаем и боремся ради этой победы.

Для этого необходимо чуть-чуть уважения к другому, который со своей, другой стороны, сопротивляется тому же. И побольше скромности, чтобы помнить, что у этого другого нам всегда есть чему научиться. И мудрость, чтобы не копировать, а создавать собственные теорию и практику, в которых не будет высокомерия, которые смогут признать ограниченность наших собственных горизонтов, но будут содержать инструменты, необходимые для их расширения.

Задача не в укреплении сегодняшних статуй, а в том, чтобы работать ради мира, в котором статуи будут служить лишь для того, чтобы на них гадили птицы.

Мир, в который поместится множество непокорностей. Не интернационал непокорности, а многоцветное знамя, музыка из множества разных мелодий. И если сегодня в ее звучании немало диссонансов, то это только потому, что календарь тех, кто внизу, пока лишь начинает создание партитуры, где каждая нота найдет свое место, свой объем, и главное — свою связность с другими нотами.

История далеко не закончилась. А в будущем — достойное, братское со-бытие разных человеческих существ станет возможно не в результате войн, направленных на подчинение другого, а благодаря этому «нет!» рожденному из стольких сердец, и как когда-то в давние времена, благодаря общему делу и вместе с ним — из жажды жизни... ради человечества, против неолиберализма.

Из гор юго-востока Мексики
Субкоманданте Маркос.

САПАТИСТСКАЯ АРМИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Мексика
20 июля 2003 г.
Национальной и международной прессе.

Дамы и господа!

Не делайте вид, что вам безразлично. Я знаю, что все это время вы скучали и по мне и по моим неудачным шуткам. Перестаньте страдать, я опять с вами. И поскольку прекрасно могу себе представить, как вам скучно от этой трагикомедии, именуемой мексиканской политической жизнью, я вернусь к моему игривому и жизнерадостному стилю, который всегда был отрадой для больших и маленьких.

Мне известно, что директора ваших редакций растеряны. И это понятно — как сразу решить, где следует публиковать новости о Гордильо и «новой ИРП»,¹¹⁵ о «самосамоубийстве» Дигны Очоа,¹¹⁶ о проблемах Блэра и о «самосамоубийстве» Келли¹¹⁷ (похоже, это уже эпидемия) и о дележе добычи, которой являются назначения «руководства политических партий». В какую рубрику следует отнести эти новости? В криминальную хронику? В светскую жизнь? В юмористический вкладыш? В общем, задачи перед ними стоящие — не из простых. Поэтому великодушно передаю вам некоторые «утечки информации», но не выдавайте ее источника, иначе после этого меня, в лучшем британском стиле, просто постараются убрать. Да нет, что вы, не за что. Конечно.

ПЕРВОЕ. Что сапатисты попросили сообщить министру иностранных дел Луису Эрнесто Дербесу, что «повторное провозглашение» им плана «Пуэбла — Панама» было бесполезно, потому что на повстанческих землях его осуществление не будет допущено. Они говорят, что у них достаточно средств и организованности, чтобы помешать реализации вышеупомянутого плана. И это не угроза, а предсказание.

ВТОРОЕ. Что Генеральное Командование САНО отправило послание бандам боевиков, копошащимся в Чьяпасе. И в послании говорится более-менее следующее: «Закон Талиона гласил «глаз за глаз и зуб за зуб», но мы, поскольку находимся сейчас в скидке, предлагаем «два глаза за глаз и челюсть за зуб», так что если вас это устраивает, решайтесь.

ТРЕТЬЕ. Что знаменитое (в горах юго-востока Мексики) и неуловимое (на шкале приемника) «Повстанческое Радио. Голос САНО» в ближайшем будущем начнет свое вещание на коротких волнах интергалактического пространства. Что у Супа будет специальная часовая музыкальная программа и выходить в эфир она будет как обычно, ночью. Что нет, петь Суп не будет, он предложит слушателям музыкальную фонограмму в сопровождении сказок и рассказов. Что программа «Дурито ДЖ» сейчас под вопросом, потому что жук начинает выделяться и не подписывает контракт (он требует программы по 24 часа в день).

ЧЕТВЕРТОЕ. Что мы просим мексиканское и международное гражданское общество освободить дни 8, 9 и 10 августа. Почему — неизвестно.

С гор юго-востока Мексики

СупМаркос

Мексика, июль 2003 г.

¹¹⁵ Гордильо и «новой ИРП» — Эльба Эстер Гордильо — одна из активнейших лидеров ИРП, известная своим крайним политическим оппортунизмом и обвиняемая в соучастии в убийствах преподавателей-оппозиционеров, выступившая с инициативой об «обновлении» ИРП

¹¹⁶ Дигна Очоа — мексиканский юрист, выдающаяся защитница прав человека, убитая в Мехико 19 октября 2001 г. в собственном кабинете в возрасте 37 лет, сначала власти пытались представить ее смерть, как самоубийство, виновные до сих пор не найдены.

¹¹⁷ Келли — доктор Дэвид Келли, советник британского Минобороны эксперта по вооружениям, разоблачивший в ряде интервью для BBC подтасовки в нашумевшем «иракском досье», был найден мертвым 18 июля 2003 г. Официальная версия причины его смерти — самоубийство.

Коммюнике подпольного Революционного Индейского Комитета — Генерального Командования Сапатистской Армии Национального Освобождения

Мексика.

20 июля 2003 г.
Народу Мексики
Народам мира

Братья и сестры!

Несколько месяцев назад мы заявили связях и соглашениях, существующих между правительствами Мексики и Испании с целью подавления борьбы мексиканских индейцев в обмен на экстрадицию басков, проживающих в нашей стране. Бойня в Актеале, в Чьяпасе, в декабре 1997 года и неоправданные и незаконные депортации басков мексиканским правительством в конце 90-х стали последними штрихами к модели глобализации, навязываемой нам властью.

В последние дни, правительство сеньора Фокса, именуемое себя «правительством перемен» продолжило эту позорную традицию произвольных задержаний и выдворений из Мексики басков, обвиняемых испанским государством в совершении преступлений. Депортируемые баски подвергаются пыткам сначала со стороны мексиканской полиции, а затем, по прибытии в Испанию, со стороны гражданской гвардии, как это было доказано в случае сеньора Хосе Мигеля Этксеандиа Меабе, по поводу чего этот «видный деятель» в сфере защиты прав человека, по имени Бальтасар Гарсон, не сказал ни слова. Случай сеньора Лоренсо Льюны Олальде, находящегося сегодня в тюрьме в городе Мехико — вообще верх произвола, потому что его обвиняют в преступлениях в период, когда его не было на испанской территории, и кроме того, у него мексиканское гражданство.

Несколько дней назад многие баски были задержаны и похищены мексиканской полицией, чтобы после предстать перед обвинением в сотрудничестве с баскской военно-политической организацией ЭТА. Доказательства, для оправдания этих задержаний, приводимые мексиканским и испанским правительствами, столь же прочны как и те, что были представлены Бушем и Блэром для оправдания нападения на Ирак, то есть — фальшивы.

Одновременно с этими арестами и выдворениями, резко возросла активность банд боевиков в юго-восточном мексиканском штате Чьяпас. В частности в чьяпасской зоне Лос-Альтос, в районе муниципалитетов Ченало, Пантело и Канкук боевики находятся в состоянии лихорадочной деятельности, что говорит о планах подготовки аргессии.

В качестве главных целей своих будущих нападений боевики указали лагеря беженцев в Сан-Педро-Поло, так называемый «Восьмой лагерь» и Актеаль, и уже несколько ночей подряд они собираются, чтобы пьянствовать, после чего открывают стрельбу в воздух дабы набраться мужества. В то же самое время, армейские гарнизоны и государственная полиция, находящиеся в этой зоне, прекратили патрулирование и наглухо закрылись в своих казармах, наверняка чтобы заявить после, что «мы ничего не слышали».

Таким образом, сегодняшняя «атмосфера» очень напоминает ту, что была накануне бойни в Актеале, Ченало, Чьяпас, в результате которой 45 мужчин, женщин и детей были зверски убиты боевиками.

САНО уже предупредила лидеров боевиков, что на этот раз безнаказанности не будет.

Мы призываем гражданское общество Мексики и мира потребовать от мексиканского и испанского правительств положить конец этой порочной связи, угрожающей вновь окрасить кровью невинных землю Лос-Альтос Чьяпаса.

Демократии!

Свободы!

Справедливости!

От имени Подпольного Революционного Индейского комитета -

Генерального Командования Сапатистской Армии Национального Освобождения

От имени Автономных Советов Сапатистских Повстанческих автономных муниципалитетов.

Субкоманданте Маркос
Мексика, июль 2003 г.

Коммюнике подпольного Революционного Индейского Комитета — Генерального Командования Сапатистской Армии Национального Освобождения

Мексика.

29 июля 2003 г.
Народу Мексики
Народам мира

Братья и сестры!
Вот наше слово:

Первое . — Как было показано, мир глобализированной власти вступил в самую агрессивную стадию своего развития, превратив войну в основное орудие контроля над другими. Тем не менее, агрессия против иракского народа продемонстрировала не только истинные разрушительные стремления нынешней глобализации, но и вызвала всемирное возмущение, величайшее в истории человечества. Несмотря на павшие статуи, мировое сопротивление выживает и растет. Борьба сапатистов — лишь малая часть многочисленных проявлений человеческого достоинства по всей планете.

Второе . — В нашей стране, класс мексиканских политиков (куда включены все зарегистрированные политические партии и три ветви государственной власти) предал надежды миллионов мексиканцев и тысяч людей из других стран на конституционное признание прав и культуры индейских народов Мексики. Недавно, абсолютно оторванные от реальности, мексиканские политики еще раз прекрасно продемонстрировали свою бесконечную способность выставить себя в качестве посмешища, проведя самую комичную в истории Мексики избирательную кампанию. Высокий уровень воздержавшихся при голосовании на выборах прошлого 6 июля 2003 года был естественной народной реакцией на это, то чего они до сих пор не хотят видеть.

Третье . — Учитывая все это, САНО решила полностью прекратить любые контакты с федеральным правительством и политическими партиями, и сапатистские общины утвердили свое решение о превращении сопротивления в свою основную форму борьбы. В соответствующих коммюнике, оглашенных членами ПРИК-ГК САНО первого января этого года в городе Сан-Кристоваль-де-Лас-Касас, Чьяпас, мы, сапатисты, подтверждаем наше качество повстанцев и заявляем, что несмотря на глупость и слепоту мексиканских политиков, так называемые «Договоренности Сан-Андреса о правах и культуре индейцев» (подписанные федеральным правительством и САНО 16 февраля 1996 года и отраженных в так называемой «Инициативе закона КОКОПА») на повстанческих территориях будут выполняться.

Четвертое . — Пользуясь этим случаем, мы, сапатисты, настаиваем на нашем праве выражать нашу солидарность со справедливой борьбой народов Мексики и мира, это — по отношению к тем, кто требует от нас ограничиться темой мексиканских индейцев. В мире мы выражаем нашу полную поддержку защитникам независимости Венесуэлы, народу Ирака и всем, кто борется и сопротивляется власти денег. В Мексике мы выражаем нашу поддержку братьям и сестрам, индейцам в первую очередь, сопротивляющимся во всей стране.

Пятое . — В течение этих месяцев, индейские сапатистские повстанческие общины, участники САНО, подготовили серию изменений, связанных со внутренней реорганизацией и с отношениями с национальным и международным гражданским обществом, и готовы публично проинформировать об этом.

Шестое . — Для объявления и объяснения этих изменений, 30 автономных сапатистских муниципалитетов обратились к ПРИК-ГК САНО с просьбой о том, чтобы субкоманданте Маркос временно выполнил, кроме своей роли представителя САНО, функции представителя автономных муниципалитетов. Согласно этому, начиная с сегодняшнего дня и в течение нескольких ближайших дней будут опубликованы соответствующие тексты, которые будут подписаны субкоманданте Маркосом от имени ПРИК-ГК САНО и автономных сапатистских повстанческих муниципалитетов.

Седьмое. — Братьев и сестер, которые в Мексике и других местах мира поддерживают с нами, связанные с совместными проектами, переписку и отношения, а также тех, кто из Мексики и других мест мира обратился к САНО с просьбой о нашем слове и/или участии в различных международных инициативах, направленных против глобализации власти, просим о понимании и терпении, потому что пока эти изменения не будут объявлены и не начнут действовать, мы не сможем уделить им того внимания, которого они заслуживают.

Это все... на сейчас.

Демократии!

Свободы!

Справедливости!

От имени Подпольного Революционного Индейского комитета -

Генерального Командования Сапатистской Армии Национального Освобождения,

От имени автономных сапатистских повстанческих муниципалитетов,

Субкоманданте Маркос

Мексика, июль 2003 г.

ЧЬЯПАС: ТРИНАДЦАТАЯ СТЕЛЛА

Часть первая: УЛИТКА

В горах юго-востока Мексики светает.

Неторопливо, своим медленным но уверенным движением, луна позволяет темной простыни ночи спуститься с ее тела, чтобы все увидели наконец зрелую наготу ее света. Вот она ложится на краешек неба, с единственным желанием смотреть и чтобы на нее смотрели, что значит прикасаться и чтобы к ней прикасались. Единственное, что может свет — это выделить себе противоположное, поэтому там, внизу одинокая тень протягивает руку облаку и шепчет ему:

«Иди со мной, сердцем своим посмотри туда, куда указывает тебе мой взгляд, иди по моему следу и усни у меня на руках. Там, вверху, звезды и луна превращаются в улитку, которая — одновременно и источник и судьба. Смотри и слушай. Эта земля — достойная и восставшая. Мужчины и женщины, которые живут на ней — точно такие же, как и многие другие мужчины и женщины мира. Давай пройдем дальше, чтобы увидеть и услышать их сейчас, когда время зависло между ночью и днем, когда рассвет царит над этими землями.

Осторожно с лужами и грязью. Ступай лучше след в след, следы в этом, как и многих других случаях, знают больше. Слышишь смех? Это пара, повторяющая в это время древний ритуал любви. Он шепчет что-то, она смеется и этот смех — как песня. Потом тишина, потом вздохи и приглушенные стоны. Или как раз наоборот — сначала вздохи и стоны, а потом шепот и смех. Но пройдем дальше, ведь любви не нужны никакие свидетели, кроме жадного слияния тел и взглядов, а солнечный свет не заботясь о времени, обнажает любые тени.

Подойди сюда. Давай присядем здесь, я хочу тебе кое-что рассказать. Мы — на восставших землях. Здесь живут и борются эти самые, зовущие себя «сапатистами». Они очень другие, эти сапатисты... и многих обычно доводят до отчаяния. Вместо того, чтобы ткать свою историю из казней, смерти и разрушения, они стремятся жить. И многочисленные авангарды мира хватаются за голову, потому что в этом «победа или смерть» сапатисты и не побеждают, и не умирают, но и не сдаются, и изо всех сил избегают как мученичества, так и сдачи врагу. Совершенно другие они. И даже этот самый, о котором говорят, что он их лидер, некий Суп Маркос, больше похож на Кантинфласа или Педро Инфанте, чем на Эмилиано Сапату или Че Гевару. И нечего даже говорить, что никто не принимает их всерьез, потому что впереди всех в насмешках над ними — они сами.

Они — восставшие индейцы. Таким образом, они рвут с традиционной схемой, которая сначала из Европы, а потом всеми другими, одетыми в цвет денег, была навязана им, чтобы смотреть и быть смотримыми.

Так что их не удовлетворяет ни «сатанизированный» образ жертвоприносителей людей дабы ублажить своих богов, ни образ несчастного индейца с протянутой рукой, в

ожидании милостыни от того у кого есть все, ни образ простодушного дикаря, развращенного современностью, ни образ младенца, умиляющего взрослых своим бормотанием, ни образ покорного пеона всех асьенд, ранящих историю Мексики, ни образ умелого ремесленника, чьи работы украсят стены дома того, кто на самом деле его презирает, ни образ невежды, который не может высказывать своего мнения на темы, выходящие за границы ограниченного горизонта его географии, ни образ труса, трепещущего перед ликом богов небесных и земных.

Потому что представь себе, сизый странник, что эти индейцы умудряются раздражать даже тех, кто симпатизирует их делу. Потому что они не подчиняются. Когда от них ждут слов, они молчат. Когда ожидают их молчания, они говорят. Когда от них ждут руководства, они отступают назад. Когда ожидают, что они останутся позади, они заходят с другой стороны. Когда ожидают, что они ограничатся своей географией, они обращаются ко всему миру и борьбе других. То есть, довольными они никого не оставляют никого. И кажется, это их не особенно волнует. По настоящему их волнует лишь быть в согласии с своим сердцем, поэтому они следуют путями, которое оно им указывает. Кажется, именно это они сейчас и делают. Везде на дорогах возникают люди. Они приходят и уходят, обмениваясь скупыми приветствиями. Проводят долгие часы на собраниях, ассамблеях или чем-то в этом духе. Входят туда с хмурыми лицами и выходят с общинческими улыбками.

Ммм...

И что бы там ни было, наверняка то, что они будут говорить или делать, понравится далеко не всем. Кроме того, как говорит Суп, специальность сапатистов — в том чтобы создавать проблемы и потом искать, кому их решать. Так что от этих собраний можно ожидать только новых проблем...

Может быть, если мы посмотрим внимательно, нам удастся угадать, в чем дело. Сапатисты — очень другие, не знаю говорила ли я тебе об этом раньше, дело в том что они представляют себе некоторые вещи раньше, чем эти вещи возникают на самом деле и думают, что называя их, эти вещи могут обрести жизнь и пуститься в путь... и да, создавать проблемы. Так что они наверняка уже себе что-то представили и будут начинать действовать так, будто это уже существует, и никто ничего не поймет, пока не пройдет время, потому что на самом деле, однажды названное, начинает обретать плоть, жизнь и будущее.

Таким образом, мы можем попробовать найти какую-нибудь подсказку... Нет, не знаю, где искать ее... Мне кажется, они привыкли смотреть ушами и слушать взглядом. Да, я понимаю, что звучит немного сложно, но сейчас мне не приходит на ум ничего лучшего. Поднимайся, пойдём дальше.

Смотри, вон там ручей образует воронку и в ее середине пляшет луна в своем кривом танце. Воронка... или улитка.

В этих краях говорят, что старейшие из стариков говорят, что другие их очень давние предки говорили, что самые первые люди этой земли особенно ценили фигуру улитки. Говорят, что говорят, что говорили, что улитка представляет собой вход в сердце, потому что именно сердцем называли знание самые первые из людей. И говорят, что говорят, что говорили, что улитка представляет собой еще и выход из сердца в мир, потому что именно миром называли жизнь самые первые из людей. И еще, говорят, что говорили, что говорили, что улиткой называли коллектив, для того, чтобы слово шло от одного к другому и рождалось согласие. И кроме того, говорят, что говорили, что говорили, что улитка помогала уху услышать даже самое дальнее из слов. Это то, что говорят, что говорили, что говорили. Я не знаю. Я иду, держа тебя за руку, и показываю тебе то, что видит мой слух и что слышит мой взгляд. И вижу и слышу улитку, пу'й, как называют ее на здешнем языке.

Шш... Тишина. Рассвет уже уступает свое место дню. Да, я знаю, что еще темно, но посмотри, как в этих домах вспыхивают понемногу огни очагов. Поскольку сейчас мы тени укрытые тенью, никто нас не видит, но если бы нас увидели, нас наверняка угостили бы кофе, который всегда так кстати в эти холода Как и твои пальцы, переплетающиеся у меня в руке с моими. Смотри, луна уже соскользнула на запад, укрыв за горами свою беременность светом. Пора уходить, время скрыть наши шаги в пещере, месте освобождения страсти и замены одной усталости на другую, более приятную. Пойдем,

там я всем своим телом и словом буду шептать тебе: «Как хотел бы я быть/радостью, среди столькох/радостью среди всех/радостью для тебя/любовью, любовью, любовью/любовью твоей любви/но/ я лишь тот, кто я есть»/(Педро Салинас «Слова для тебя»). Там мы уже ничего не увидим, но в полусне страсти, приплывшей в надежный порт, мы сможем услышать то, что в последние дни беспокоит этих сапатистов, занятых переделыванием всего на свете, даже самого времени, и вновь, как знамя, поднимающих другой календарь... календарь сопротивления.»

Тень и свет уходят. Они не заметили, что в одном из домов тусклый огонек горел всю ночь. Сейчас, внутри, группа мужчин и женщин разделяют между собой кофе и тишину, точно так же как только что разделяли слово.

В течение долгих часов, эти существа со смуглым сердцем создавали своими мыслями огромную улитку. Начавшись с тематики международной, их взгляд и мысль уходили вовнутрь, проходя последовательно через национальное, региональное и местное, пока они не пришли к тому, что они называют «Вотан. Хранитель и сердце народа», к сапатистским селениям. Так, начиная с самого внешнего из витков улитки, обсуждались такие слова, как «глобализация», «война для подчинения», «сопротивление», «экономика», «город», «село», «политическая ситуация» и другие, постепенно стиравшиеся после конкретного вопроса «- Ясно, или есть вопросы?». В конце пути извне вовнутрь улитки, в центре улитки осталась только одна аббревиатура «САНУ». После этого возникают предложения, и в мыслях и сердцах возникают окна и двери, видимые лишь им (среди прочих причин, из-за того, что их пока не существует). Рассеянные и несовпадающие между собой слова начинают искать общий, коллективный путь. Кто-то спрашивает «- Договорились?» «Да», подтверждает голос уже коллективный. Вновь начинается путь по спирали улитки, но на этот раз в противоположном направлении, наружу. Тряпка для вытирания лишнего тоже следует этим путем, пока на старой школьной доске не останется одна-единственная фраза, кажущаяся бредом для многих, но для этих мужчин и женщин именно в ней главный смысл их борьбы: «Мир, в который вместятся многие миры». И сейчас будет принято решение.

Тишина и ожидание. В ночной дождь выходит одна из теней. Короткая вспышка света едва освещает ее взгляд. И в вернувшуюся темноту поднимаются кольца дыма из ее рта. Заложив руки за спину, она начинает ходить взад и вперед. Несколько минут назад там, внутри, было принято решение об одной смерти...

Часть вторая: СМЕРТЬ

Несколько дней назад, Сапатистская Армия Национального Освобождения приняла решение о смерти так называемых Агуаскальентес в Ла-Реалидад, Овентике, Ла-Гарруче, Морелии и Роберто-Барриос. Все они находятся на восставшей территории. Решение о ликвидации «Агуаскальентес» было принято в результате долгих размышлений...

8 августа 1994 года, на сессии Национальной Демократической Конвенции, проведенной в Гуадалупе-Тепейак, команданте Тачо, от имени Подпольного Революционного Индейского комитета — Генерального Командования Сапатистской Армии Национального Освобождения, в присутствии шести тысяч человек, прибывших из разных мест Мексики и мира, открыл первый Агуаскальентес и передал его национальному и международному гражданскому обществу.

Многие так и не познакомились с этим первым Агуаскальентес, некоторые потому что не смогли приехать, другие потому что были тогда слишком молоды (если вам сейчас 24 года, то есть пошел 25, то тогда вам было 14 лет, то есть шел 15), а был это выдающийся корабль. Он стоял на мели на краю одного из холмов и его гигантские белые паруса были готовы к пересечению семи морей. Над капитанским мостиком гордо и вызывающе реял «веселый Роджер». Вправо и влево раскрывались как крылья огромные национальные флаги Мексиканских Соединенных Штатов. На нем были собственные библиотека, клиника, уборные, оросительные системы, фоновая музыка (в которой настойчиво сменяли одна другую две темы: «Странница с косой» и «Меченые карты»), и по некоторым слухам, была даже оборудована площадка для покушений. Общая фигура строения напоминала, благодаря тому что мы называли «косым домом», как я когда-то рассказывал, гигантскую улитку. На самом деле, «косой дом» не был косым, в нем существовал разлом, напоминавший на первый взгляд архитектурную ошибку, но с высоты можно было видеть спираль, сформированную

его конструкциями. Экипаж первого «Агуаскальентеса» состоял из индивидуумов и «индивидуумш» без лица, очевидных нарушителей морских и земных законов, а его капитаном был самый выдающийся из всех пиратов, когда-либо бороздивших океаны — заплат на месте отсутствующего правого глаза, черная борода с серебристыми проборами, выступающий нос, крюк-кошка в одной руке и сабля в другой, одна нога настоящая, другая деревянная, пистолет за поясом и трубка в зубах.

Процесс прихода к строительству этого первого Агуаскальентес был случайным... и болезненным. И я имею в виду не его физическое построение (осуществленное в рекордные сроки и без телерекламы), а концептуальное. Объясняю:

Мы, после 10 лет нашей подготовки убивать и умирать, пользования и использования всех видов оружия, производства взрывчатки, проведения стратегических и тактических военных маневров, то есть после подготовки к ведению войны, в результате первых же дней боев подверглись вторжению настоящей армии сначала журналистов, а затем — мужчин и женщин самого различного социального, культурного и национального происхождения. Это было после известных «диалогов в Церкви» в феврале-марте 1994 года. Журналисты с перерывами разной продолжительности продолжили появляться, но присутствие другого странного явления, называемого нами «гражданским обществом», чтобы провести различие между ним и классом политиков и в то же время не замыкать его в рамках тех или иных социальных классов, было всегда постоянным.

Мы учились и, думаю, это гражданское общество тоже. Мы учились слушать и говорить, точно так же, думаю, как и гражданское общество. Думаю еще, что это обучение для нас было менее сложным.

В конце концов, происхождение САНО было следующим — группа «просветленных», прибывших из города чтобы «освободить» эксплуатируемых, столкнувшись с реальностью индейских общин, оказалась похожей больше на перегоревшие фонарики чем на «просветленных». Сколько времени заняло наше понимание того, что мы должны были сначала научиться слушать, а только потом говорить? Трудно сказать точно, прошло немало лун, но, думаю, это заняло в общей сложности не меньше двух лет. То есть, то что в 1984 году было классическим революционным партизанским отрядом (вооруженное восстание масс, захват власти, установление социализма сверху, множество статуй, обилие героев и мучеников, чистки, и т. д., в общем, счастливый мир), в 1986 году было уже вооруженной группой, в подавляющем большинстве индейской, внимательно слушающей и едва произносящей свои первые слова со своим новым учителем — индейскими народами.

Думаю, я уже много раз раньше рассказывал эту часть процесса организации (или «реорганизации») САНО. Но сейчас я повторяю это не для того чтобы надоедать вам собственными ностальгическими воспоминаниями, а чтобы попробовать объяснить как мы пришли к строительству первого Агуаскальентеса и потом к их распространению на сапатистских, то есть на восставших, землях.

Всем этим я хочу сказать, что главным актом в создании САНО было наше обучение сначала слушать, а потом — говорить. Думаю, что мы научились этому тогда хорошо и поэтому добились успеха. При помощи этого нового инструмента, созданного нами из слов, которым мы научились, САНО вскоре превратилась в организацию не только, насчитывающую тысячи бойцов, но и со всей очевидностью «слившуюся» с индейскими общинами. Иными словами, мы перестали быть «иностранцами» и превратились в часть этого забытого страной и миром уголка — гор юго-востока Мексики.

Наступил момент, я не могу сказать когда точно, когда уже не было так, что с одной стороны САНО и с другой — индейские общины, а все мы уже являлись просто сапатистами. Вспоминая этот период, я неизбежно становлюсь схематичен. Надеюсь у нас еще будет другая возможность и другое средство, чтобы описывая этот процесс более подробно, вспомнить, что, в нем, конечно, было немало противоречий, просчетов и провалов.

Итак, мы находились еще в процессе, так сказать, обучения (хотя, думаю, мы никогда не прекращаем учиться), когда у «вновь появившегося» Карлоса Салинаса де Гортари (в те времена, президента Мексики, благодаря неслыханной фальсификации результатов выборов) возникает «блестящая» идея провести реформы, которые закончились лишением права крестьян на землю.

Последствия этого в уже сапатистских общинах оказались просто чудовищными. Для нас (обратите внимание, я уже не делаю различия между общинами и САНО), земля — это не

товар, она обладает множеством культурных, религиозных и исторических черт, объяснять которые я сейчас не буду. Так что неожиданно ряды наших регулярных войск начали расти в геометрической прогрессии.

И не только они, стала расти и нищета, и вместе с ней смерть, особенно среди детей младше пятилетнего возраста. По возложенным на меня в то время обязанностям, я должен был по радио проводить переключку уже сотен селений, и не было ни дня, когда одно из них не сообщало бы нам о смерти мальчика, девочки, матери. Как на войне. Потом мы поняли, что это действительно была война. Неолиберальная модель, которую со всеми присущими ему цинизмом и развязностью возглавил Карлос Салинас де Гортари, стала для нас настоящей войной на уничтожение, этноцидом, в результате которого уничтожались целые индейские народы. Поэтому, когда мы говорим о «неолиберальной бомбе», мы знаем о чем говорим.

Представляю себе (и найдутся серьезные исследователи, которые смогут привести точные цифры и провести исчерпывающий анализ), что то же самое происходило во всех индейских общинах Мексики. Разница заключалась лишь в том, что мы были вооружены и подготовлены к войне. Одно стихотворение Марио Бенедетти гласит, что мы не всегда делаем то, что хотим, что мы не всегда можем, но всегда имеем право не делать того, чего не хотим. И в нашем случае, мы не хотели умирать... или, точнее, не хотели умирать таким образом.

Я уже говорил когда-то раньше, о том как важна для нас память. И поэтому смерть от забвения была (и остается) для нас худшей из смертей. Я знаю, что это звучит апокалиптически, и многие найдут в этих моих словах мученический оттенок, но на самом деле, мы оказались в тот момент перед выбором, но не между жизнью и смертью, а между одним видом смерти и другим. Решение, коллективное, и обсужденное с каждым из, в те времена, десятков тысяч сапатистов, это уже история — именно оно вызвало тот взрыв на рассвете первого января 1994 года

Ммм. Мне кажется, я отвлекаюсь, потому что задача этого текста — сообщить вам, что мы приняли решение о смерти сапатистских Агуаскальентес. И не только сообщить, но и постараться объяснить вам, почему. Так что будьте великодушны и читайте дальше.

Загнанные в угол, мы выступили в ту ночь 1994 года, ясно представляя себе только две вещи — первая заключалась в том, что нас уничтожат, и вторая — в том, что это привлечет внимание порядочных людей к преступлению, которое будучи молчаливым и находясь вдали от средств информации, является от того не менее кровавым — геноцид тысяч семей мексиканских индейцев. Так, как я это говорю, может привести к мысли, что у нас было (или есть) призвание мучеников, приносящих себя в жертву ради других.

На самом деле, это не так. Потому что хотя, если здраво рассуждать, у нас не было ни малейшего военного шанса на успех, наше сердце думало не о смерти, а о жизни, и поскольку мы были (и остаемся) сапатистами и, следовательно, привыкли всегда и во всем сомневаться, мы думали, что можем ошибаться в том, что нас обязательно уничтожат, и что, может быть, восстанет народ всей Мексики. Но, откровенно говоря, это наше сомнение было слишком маленьким, чтобы реально предположить то, что произошло на самом деле.

А произошло именно то, что послужило причиной создания первого Агуаскальентес и остальных, за ним последовавших. Думаю, нет необходимости повторять описание того, что произошло. Я почти уверен (хотя обычно я почти ни в чем не уверен), что читающий эти строки в чем-то или во многом связан с тем, что произошло.

Так что сделайте усилие и поставьте себя на наше место — долгие годы готовиться стрелять из оружия и вдруг оказывается, что основным оружием становится слово. И об этом просто только говорить, вот сейчас я перечитываю то, что написал и кажется, что все произошло как-то само по себе и естественно, как силлогизм из тех, которыми учат школьников. На самом же деле, в тот период, поверьте мне, все было далеко не так просто. Пришлось очень много спорить... и мы продолжаем это делать. Но дело в том, что воин никогда не забывает того, чему его учили, и как я уже объяснил раньше, мы научились слушать и говорить. Так что тогда, как сказал не помню кто, история, уставшая от долгого пути, повторялась, и мы вновь были, как в самом ее начале, то есть, вынуждены опять учиться.

И мы узнали, например, что мы были другими, и что было множество других, отличных от нас, и в то же время различных между собой. То есть, почти немедленно после бомб («это были не бомбы, а ракеты»), поспешили тогда уточнить некоторые скурпулезные

интеллектуалы, критиковавшие прессу за то, что она писала о «бомбежках индейских общин») на нас обрушилось такое невероятное разнообразие организаций и персонажей, что мы не раз подумали, что действительно, возможно было бы лучше, если бы нас, как и предполагалось, сразу просто уничтожили.

Один боец определил это в совершенно сапатистских терминах в апреле того 1994 года. Он пришел доложить мне о прибытии каравана гражданского общества. Я спросил его, сколько их (их нужно было где-то разместить) и кто они (я спрашивал не об имени каждого, а об организациях или группах, к которым они принадлежали). Повстанец задумался, чтобы сначала взвесить вопрос, а потом решить, как лучше на него ответить. Это обычно занимает какое-то время, и я зажег трубку. После долгой паузы, этот товарищ сказал: «Их до фига и они — это полный улёт». Думаю, что бесполезно распространяться о вселенной количественных значений научного понятия «до фига», но словом «улет» повстанец хотел выразить не свое отрицательное отношение или настроения прибывших, а определял композицию состава группы. Что значит «улёт»? спросил я его. «Улёт», ответил он, «Там хватает... всех... понемногу... и их там до фига», закончил он, чтобы я понял что нет более точного научного термина, чтобы определить лучше разнообразия, вторгшегося на восставшую территорию. Вторжение повторилось вновь и вновь. Иногда их было действительно до фига. В других случаях, их было больше, чем до фига. Но всегда это был, прибегая к неологизму, использованному повстанцем, «полный улёт».

Тогда мы почувствовали, что у нас нет выбора, что мы должны были научиться, и эта учеба должна была стать делом немедленным и срочным. Так, мы подумали о школе, где мы стали бы учениками, и этот «улёт» учителем. К июню 1994 года мы были уже готовы (то есть, мы не слишком быстры, чтобы понять, что нам необходимо учиться) и родилась известная «Вторая Декларация Лакандонской Сельвы», в которой был призыв к созданию «Национальной Демократической Конвенции» (НДК).

История НДК — тема для другого рассказа, я называю ее просто чтобы сориентировать вас во времени и пространстве. Пространство. Да, это было частью проблемы в нашей учебе. То есть, нам было необходимо пространство, чтобы научиться слушать и говорить с этим разнообразием, которое мы называем «гражданским обществом». Тогда мы договорились создать такое пространство и назвать его Агуаскальентес, поскольку это должно было стать главным помещением Национальной Демократической Конвенции (в честь места проведения Конвенции мексиканских революционных сил второго десятилетия XX века). Но идея Агуаскальентес шла дальше этого. Мы хотели иметь пространство для диалога с гражданским обществом. И слово «диалог» значило еще научиться слушать другого и научиться говорить с ним. Тем не менее, пространство Агуаскальентес было связано с конъюнктурной политической инициативой, и многие предположили, что когда эта инициатива была исчерпана, существование Агуаскальентес потеряло смысл. Очень немногие вернулись в Агуаскальентес Гуадалупе-Тепейак. Потом было предательство Седильо 9 февраля 1995 года и Агуаскальентес был практически полностью разрушен федеральными войсками. На его месте были построены военные казармы.

Но если есть что-то характеризующее сапатистов, то это настойчивость («или глупое упрямство», подумают некоторые). Так что не прошло и года, как новые Агуаскальентес возникли в разных местах восставшей территории — Овентик, Ла-Реалидад, Ла-Гарруча, Роберто-Барриос, Морелия. Тогда Агуаскальентес действительно стали тем, чем должны были являться — пространством для встречи и диалога с национальным и международным гражданским обществом. Кроме своей функции центров крупных инициатив и встреч в памятные даты, они превратились в место повседневной встречи «гражданских обществ» и сапатистов.

И не только. Другие Агуаскальентес возникли в других точках национальной территории (сразу вспоминаю «Каса-дель-Лаго», созданный организацией КЛЕТА¹¹⁸ и самый новый, под названием «Охо-де-Агуа» в университетском городке Мексиканского Национального Автономного Университета — оба в Мехико), и мира (самый последний в Мадриде, Испании). Те, кто создал и сохранил эти пространства, должны быть недовольны,

118 КЛЕТА — независимая культурная организация Центр Свободного Театрального и Артистического Экспериментирования (Centro de Libre Experimentación Teatral y Artística)

читая сейчас о том, что сапатисты приговорили Агуаскальентес к смерти. Но они будут неправы, рассердившись на нас, потому что у сапатистов полных смертей не бывает.

Я говорил вам, что мы стараемся научиться в результате наших встреч с национальным и международным гражданским обществом. Но мы ожидаем еще и того, что оно тоже будет учиться. Сапатистское движение возникло, кроме всего прочего, и из требования уважения. И уважение мы получали далеко не всегда. Нет, нас никто не оскорблял. Или по крайней мере, никто сознательно не стремился к этому. Просто дело в том, что жалость для нас — это вызов, а милостыня — пощечина. Потому что, параллельно с возникновением и работой этих пространств встречи, которыми являлись Агуаскальентес, в некоторой части гражданского общества сохранился, как мы его называем, «синдром Золушки». Из баула воспоминаний достаю фрагменты письма, написанного мной больше 9 лет назад: «Мы не упрекаем вас ни в чем (представителей гражданского общества, приезжающих в общины), мы знаем, что вы серьезно рискуете, направляясь на встречу с нами и привозя помощь гражданским жителям, находящимся по эту сторону. Но боль наша не от нашей бедности, а от того, что видим в других то, чего другие не видят, все ту же сиротливость свободы и демократии, все ту же нехватку справедливости. (...) Из того, чем наши люди приобрели, благодаря этой войне, храню пример «гуманитарной помощи» для чьяпасских индейцев, прибывший сюда пару недель назад — импортную туфельку розового цвета на тонком каблуке, размера 6,5... без пары. Я все время ношу ее в своем рюкзаке, чтобы напоминать себе в перерывах между интервью, фоторепортажами и предполагаемыми сексуальными отвлечениями, чем мы стали для страны после первого января — Золушкой. (...) Эти добрые люди, искренне отправляющие нам импортную туфельку розового цвета на тонком каблуке, размера 6,5, без пары... думают, что мы по нашей бедности примем все что угодно, благотворительность и милостыню. Как сказать всем этим добрым людям, что нет, что мы не хотим продолжать жить за счет стыда Мексики?.. На эту часть нужно наложить немного макияжа, чтобы выглядело попримечнее... Нет, мы не хотим так жить дальше.»

Это было в апреле 1994 года. Тогда мы думали, что это вопрос времени, что люди поймут, что индейцы-сапатисты имеют собственное достоинство и ищут не милостыни, а уважения. Вторая розовая туфелька так никогда и не пришла, и первая осталась без пары, и в Агуаскальентес скапливаются испорченные компьютеры, просроченные лекарства, экстравагантная (для нас) одежда, не годящаяся даже для театральных представлений («показов», говорят здесь) и, конечно же, непарная обувь. И продолжают поступать такие же вещи, как будто эти люди говорили «бедненькие, они очень нуждаются, наверняка им сгодится все что угодно, а мне этот хлам мешает».

Еще бывает милостыня более более замысловатая. Ее раздачей заняты некоторые неправительственные организации и международные организации. Она состоит, грубо говоря в том, что они сами решают, что именно нужно общинам, и даже не спросив ничего мнения, навязывают не только определенные проекты, но и время и формы их осуществления. Представьте себе отчаяние общины, которой нужна питьевая вода, а ей навязывают библиотеку, или которой нужна школа для детей, а ей дают курс лечения травами.

Несколько месяцев назад, один левый интеллектуал писал, что гражданское общество должно мобилизоваться, чтобы достичь выполнения Договоренностей в Сан-Андрес, потому что индейские сапатистские общины очень страдают (внимание — не потому что это было бы справедливо для индейских народов Мексики, а для того, чтобы сапатисты не испытывали притеснений).

Минуточку. Если бы сапатистские общины захотели, в них был бы самый высокий в Латинской Америке уровень жизни. Представьте, сколько было бы готово вложить правительство, чтобы добиться нашей сдачи и сделать много фотографий и телевизионных роликов, в которых Фокс или Мартита занимались бы очередной саморекламой, тем временем, как страна разваливается у них в руках. Какой суммы не заплатил бы нам «вновь появившийся» сегодня Карлос Салинас де Гортари, чтобы закончить свой мандат не с грузом убийств Колосио¹¹⁹ и Руиса Массьеу,¹²⁰ а с фотографией подписания мира с сапатистами, и Супа, сдающему свое оружие (может быть, то, что было дано ему Богом?) тому, кто разорил

119 Колосио — кандидат в президенты от ИРП, являвшийся безусловным лидером в президентской гонке 1994 г., убитый 23 марта 1994 г. Несмотря на официальную версию об «одном убийце», вскрытие показало две смертельные раны от выстрелов с двух противоположных сторон. Убийство сих пор не раскрыто.

миллионы мексиканцев? Сколько не предложил бы нам Седильо, за картинку своего триумфального въезда в Ла-Реалидад, чтобы отвлечь всех от экономического кризиса, в который он вверг страну? Сколько не был бы готов заплатить «котлетник» Альборес,¹²¹ чтобы сапатисты согласились с его эфемерной «ремуниципализацией», которую он навязал во время своего трагикомического правления?

Нет. Предложений по покупке своей совести сапатисты получили более чем достаточно, и тем не менее они продолжают сопротивление, превращая свою бедность (для тех, кто научится видеть) в урок достоинства и щедрости. Потому что сапатисты говорят «для всех всё, для нас ничего», и если они это говорят, значит так и живут. Конституционного признания прав и культуры индейцев и улучшения условий жизни — для всех индейских народов Мексики, а не только для индейцев-сапатистов. Демократии, свободы и справедливости — к которым мы так стремимся, — для всех мексиканцев, а не только для нас.

Многим мы пытались объяснить, что цель сопротивления сапатистских общин в том, чтобы вызвать не жалость, а уважение. Здесь сейчас бедность — оружие, выбранное нашими народами для достижения двух задач: чтобы продемонстрировать, что мы не ищем асистенциализма, и чтобы показать собственным примером, что можно править и быть управляемым без паразита, называющего себя правителем. Хотя эта тема сопротивления, как формы борьбы, тоже не является задачей этого текста.

Поддержка, которой мы ждем — это для строительства малой части того мира, в который вместятся все миры. Это поддержка политическая, а не милостыня.

Часть индейской автономии (о которой речь в известном «Законе Кокопа») — это способность к самоуправлению, то есть осуществлению гармоничного развития общественной группы. Сапатистские общины давно заняты этим и не раз доказывали, что могут справляться с этими функциями куда лучше, чем те, кто называют себя правительством. Помощь индейским общинам не должна восприниматься, как помощь умственно неполноценным, которые сами не знают, что им нужно (и поэтому надо сказать им, что они должны получить) или детям, которым нужно сказать, что они должны есть, в котором часу и каким образом, чему им надо учиться, что они должны говорить и что должны думать (хотя я сильно сомневаюсь, что сегодня остаются еще дети, способные согласиться с таким). Но именно так рассуждают некоторые неправительственные организации и значительная часть организмов, финансирующих проекты общин.

За проекты отвечают сапатистские общины (и есть немало неправительственных организаций, могущих засвидетельствовать это), они их начинают, делают их продуктивными и направлено это на благо коллектива, а не на личную выгоду. Те, кто поддерживает одну или несколько сапатистских общин, поддерживает не только улучшение материального положения того или иного коллектива, но и проект гораздо более простой, и вместе с этим несравненно более всеобъемлющий — строительство нового мира, в который вместятся многие миры, в котором милостыня и подачки других станут частью научно-фантастических романов... или прошлого, ненужного и забываемого.

Со смертью Агуаскальентес умирает и «синдром Золушки» некоторых «гражданских обществ» и патернализм некоторых национальных и международных неправительственных организаций. По крайней мере, они умирают для сапатистских общин, которые с этого момента больше не получают подачек и не позволяют навязывания им проектов.

По этой и по другим причинам, которые мы увидим потом, ближайшего 8 августа 2003 года, в день рождения первого Агуаскальентес, будет объявлено о смерти Агуаскальентесов. Праздник (потому что есть смерти, которые нужно праздновать) будет в Овентике и приглашаются все те, кто эти десять лет поддерживал восставшие общины, будь то проекты, лагеря мира, караваны, просто внимание к ним или товарищеское слово, все что угодно, за исключением жалости и милостыни.

120 Руис Массьеу — сенатор Хосе Франсиско Руис Массьеу, убитый 28 сентября 1994 г. Убийство сих пор не раскрыто.

121 Альборес — Роберто Альборес Гильен, губернатор Чьяпаса с 1988 по 2000 гг., в настоящее время находится под следствием за подтверждение многочисленных фактов коррупции во время пребывания у власти.

9 августа 2003 года родится нечто другое. Но об этом я расскажу вам завтра. Точнее, чуть позже, потому что здесь, в горах юго-востока Мексики, достойном уголке родины, восставшей земле, убежище нарушителей закона (включая закон притяжения) и кусочке великой мировой головоломки сопротивления ради человечества и против неолиберализма, уже рассветает.

Часть третья: ИМЯ

Идет дождь. Этот бесконечный дождь июля, седьмого месяца года. Я дрожу у костра, проворачиваясь вокруг собственной оси, как цыпленок на веретеле, чтобы хоть немного обсохнуть. Вышло так, что собрание с комитетами закончилось очень поздно, глубокой ночью, и наш лагерь находился довольно далеко от места собрания. Когда мы выходили, дождя не было, но кажется, он дожидался нас. Ливень обрушился как раз, когда мы были в середине пути, то есть когда было совершенно все равно идти дальше, или возвращаться. Повстанцы зашли под навесы, чтобы переодеть промокшие униформы. А я нет, и не потому что я такой герой, а по глупости, потому что желая облегчить вес моего рюкзака, я не взял сменной одежды. И вот я здесь, в роли «цыпленка а-ля Синалоа». Причем, все это совершенно безрезультатно, потому что по непонятно какой причине, моя фуражка во время дождя впитывает воду, как губка, и сама выжимает ее на меня, как только я захожу под крышу. Так что под навесом, под которым разведен костер, у меня есть собственный персональный дождь. Но эти странности меня уже давно не удивляют. В конце концов мы на сапатистских землях, где абсурд так же постоянен, как и дождь, особенно в седьмом месяце года. Сейчас я подбросил еще дров в огонь, причем совсем не в переносном смысле, и языки пламени грозятся поджечь крышу. «Нет худа, которое не может ухудшиться», напоминаю я себе поговорку Дурито и выхожу.

Дождь снаружи кончился, но под моей фуражкой начинается настоящий потоп. Я пытаюсь зажечь трубку, держа ее вертикально, чтобы не намочить, когда подходит майор Роландо. Он смотрит на меня. Потом на небо (оно уже совершенно чистое, и луна напоминает полуночное солнце). Потом опять на меня. Я понимаю его удивление и говорю: «Это фуражка». Роландо говорит: «Ммм», что значит нечто наподобие: «Ааа». Но вот появляются еще повстанцы, и конечно гитара (кстати, совершенно сухая) и все начинают петь. Роландо и ваш слуга перед недовольной публикой затягиваем дуэтом «Чанклу», потому что здешний «хит парад» предпочитает кумбии, корридо и нортеньяс.

Ввиду провала моего дебюта в как певца, я ушел в угол и последовал мудрому совету Монарха, который, вслед за Роландо, сначала посмотрел на меня, потом на небо, потом опять на меня и сказал только: «Сними кепку, Суп». Я снял ее, и этот приватный дождь, разумеется закончился. Монарх ушел к остальным. Я сказал капитану Хосе Луису (который выполняет задачу моей охраны), чтобы он шел отдыхать, что на сегодня все закончилось. Капитан ушел, но не отдыхать, а до утра предаваться песнопениям.

Так я остался один. Еще дрожа от холода, но по крайней мере уже без освежающих струй. Я попытался зажечь трубку, на этот раз придав ей правильную, горизонтальную форму, но оказалось, что зажигалка промокла и выжать хоть какую-нибудь искорку из нее просто невозможно. Я пробормотал: «ммм... да... я уже не в состоянии даже трубку зажечь, наверняка мой «секс имидж» упадет окончательно». И вместо карманного экземпляра «Камасутры» я начал искать в карманах брюк (которых множество) сухую зажигалку, когда возле самого моего лица, вдруг вспыхнул другой огонек.

За светом я узнал лицо старика Антонио, приблизил трубку к зажженной спичке и вдыхая сказал старику Антонио: «Холодно». «Да», — ответил он, и другой спичкой зажег свою сигарету, сделанную при помощи его крутилки. При свете спички старик Антонио задержал свой взгляд на мне, потом посмотрел на небо, потом опять на меня и ничего не сказал. Я тоже молчал. Наверняка старик Антонио уже как и я привык к абсурдным явлениям, населяющим юго-восток Мексики. Неожиданный порыв ветра погасил огонь и мы остались при свете луны, похожей на стершийся топор, глядя, как дым скребет мрак. Мы уселись на ствол поваленного дерева. Кажется, мы провели какое-то время молча, не помню точно, и я не заметил момента, когда старик Антонио начал рассказывать мне...

ИСТОРИЮ ДЕРЖАТЕЛЯ НЕБА

«Как говорили самые старшие из нас, небо необходимо поддерживать, чтобы оно не упало. То есть небо не держится само по себе, время от времени оно обессиливает и как бы падает в обморок и просто опускается вниз, как осенние листья с деревьев, и тогда повсюду начинаются сплошные несчастья, пропадают посевы маиса, дожди размывают все, солнце сжигает землю, начинает всем править война, побеждает ложь, смерть отправляется в путь и боль думает свою думу. Говорили самые старшие из нас, что это случается, потому что боги, создавшие мир, первые из первых, столько сил отдали для его создания, что когда закончили, у них уже не было сил, чтобы доделать небо, то есть крышу нашего дома и сделали его на скорую руку, и с тех пор небо над землей ненадежно, как эти пластиковые крыши. Поэтому небо не всегда держится над нами, иногда оно начинает падать. И знай, что когда это случается, ветры и воды сбиваются с пути, огонь мечется в беспokoйстве и земля встает на дыбы и бросается из стороны в сторону, не зная на что опереться.

Поэтому сказали пришедшие задолго до нас, что четыре бога окрашенные в разные цвета вернулись в мир и превратившись в гигантов, встали на четырех углах света и подняли небо на руки, чтобы оно больше не падало и было спокойным и ровным, чтобы легко брелось по нему солнцу, луне, звездам и нашим мечтам.

Но бывает, говорили пришедшие задолго до нас, что иногда один или некоторые из бакабе, держателей неба, начинают дремать или отвлекаются, засмотревшись на одну из туч, и не держат свой угол неба, то есть крыши мира, как положено, и тогда небо, то есть крыша мира, начинает провисать и опускаться на землю, и солнце, луна и звезды теряют свой путь и сбиваются с дороги.

Так было с самого начала, поэтому самые первые из богов, те, что создали мир, поручили одному из держателей неба постоянно следить за ним, и если небо начинает опускаться, он должен будить других держателей, чтобы они не позволили небу упасть.

Поэтому этот держатель неба никогда не спит, он всегда начеку и будит других, если видит, что зло спускается на землю. И говорят самые старшие из нас, что на груди этого держателя неба всегда подвешена раковина улитки и через нее он слушает звуки и тишину мира и через нее он зовет или будит других держателей, если слышит, что что-то где-то не в порядке.

И говорят самые первые из нас, что чтобы не уснуть этот держатель неба постоянно ходит вовнутрь и наружу своего сердца, путями, проложенными у него в груди, и говорят эти древние учителя, что этот держатель неба научил мужчин и женщин слову и письму, потому что, говорят они, пока по миру идет слово, зло может быть побеждено и этот мир может быть в порядке.

Поэтому слово этого бессонного держателя неба, хранящего мир от зла, не путешествует просто так в ту или иную сторону, а постоянно идет к себе самому вовнутрь, следуя линиям сердца и постоянно идет наружу, следуя линиям разума, и говорят древние мудрецы, что у сердца мужчин и женщин форма улитки и что те у кого настоящее сердце и добрый разум, обращаются и к тому и другому, будя богов и людей, чтобы следили за тем, чтобы в мире все было правильно. Поэтому тот, кто бодрствует, пока остальные спят, постоянно прибегает к помощи своей раковины улитки, которая полезна для многих вещей, но прежде всего она нужна чтобы не забывать».

С этими последними словами старик Антонио взял палочку и что-то нарисовал на земле. Старик Антонио уходит и я вместе с ним. Солнце на востоке едва выглядывает, как бы проверяя, кто не спит, есть ли кто-то следящий за тем, чтобы в мире опять все стало все на свои места.

Я вернулся к этому месту во время завтрака, когда солнце уже высушило землю и мою фуражку. На земле возле поваленного ствола я увидел рисунок старика Антонио. Это была спираль с глубоко прочерченными изгибами, то есть улитка.

Когда я вернулся на собрание комитетов, солнце уже находилось на середине своего пути. На рассвете вчерашнего дня было принято решение о смерти Агуаскальентес, сейчас обсуждала вопрос рождения Улиток, которые кроме задач, недавно стоявших перед Агуаскальентес должны будут взять на себя и другие, новые функции. Таким образом, Улитки станут чем-то наподобие дверей для входа в общины и для выхода общин в остальной мир; они будут неким подобием сигнала, который будет отправлять в даль наше

слово и слышать слово того, кто находится далеко от нас. Но прежде всего их задача будет в том, чтобы напоминать нам о том, что мы должны постоянно бодрствовать и следить за тем, чтобы в мирах, населяющих мир, было все в порядке.

Комитеты каждой из зон собрались, чтобы дать имя каждой из соответствующих Улиток. Это будут долгие часы предложений, споров по поводу перевода, улыбок, обид и голосований. Я знаю, что это надолго, поэтому ухожу и прошу, чтобы мне сообщили, когда договорятся.

Уже в казарме, после обеда, Монарх сообщает мне на десерт, что нашел какую-то «очень классную» заводь чтобы сходить искупаться и п.т. Услышав это Роландо, которого обычно не загнать в воду ни кнутом, ни пряником, вдруг ни с того ни сего загорается этой идеей и говорит «Пойдем».

Я все это скептически выслушал (это не впервые Монарх навязывает нам свои хотелочки), но поскольку все равно надо ждать, пока комитеты между собой договорятся, я тоже говорю «Пойдем». Хосе Луис обещает догнать нас позже, потому что он еще не ел, так что мы отправляемся втроем, то есть Роландо, Монарх и я. Проходим через луг и впереди — ничего. Проходим через кукурузное поле и впереди — опять ничего. Я говорю Роландо: «К концу войны, наверное, доберемся». Монарх отвечает: «Это уже здесь, совсем рядом».

Наконец мы пришли. Заводь находится как раз посередине брода реки, через который постоянно перегоняют скот, и в результате она полна грязи и коровьего и лошадиного навоза. Мы с Роландо в унисон протестуем. Монарх защищается: «Вчера этого не было». Я говорю: «Да и вообще уже становится холодно, я купаться не буду». Роландо, который растерял весь свой энтузиазм еще по дороге, напоминает, что грязь, как утверждает Пипорро,¹²² защищает от пуль, поддерживает меня своим: «Я тоже не буду». Тогда Монарх выступает с зажигательной речью о долге и не знаю чем еще и что «несмотря на трудности и лишения...». Я говорю ему: «Что общего между долгом и дурацкой заводью?». И тогда он добивет нас, говоря нам: «А, слабо значит».

Лучше бы он этого не говорил. Роландо снимает с себя одежду, скрипя зубами, как разъяренный кабан и я закусьваю трубку и раздеваюсь. Мы входим в воду больше из гордости, чем по желанию. Как можем купаемся, но грязь придает нашим волосам форму, способную вызвать зависть у самого радикального из панков. Появляется Хосе Луис и говорит нам с берега: «Водичка так себе». Мы с Роландо хором отвечает, «А, слабо значит». Так что Хосе Луис тоже лезет в грязную заводь. Выбравшись на берег, мы вспоминаем, что ни у кого нет с собой ничего, чтобы вытереться. Роландо говорит: «Ничего, нас вытрет ветер», так что мы только обуваемся, вешаем на себя пистолеты и начинаем возвращаться, совершенно голые, выставив наши прелести на всеобщее обозрение, обсыхая на солнце.

Вдруг Хосе Луис, шедший впереди, предупреждает «идут люди». Мы одеваем маски и продолжаем путь. Это была группа девушек, которые шли стирать к реке. Разумеется, они смеялись до изнеможения и что-то сказали на своем языке. Я спросил у Монарха, расслышал ли он, что они сказали, и он ответил, что они сказали: «Вон идет Суп». Ммм... утверждаю, что они узнали меня по трубке, потому, что поверьте, я не давал поводов узнавать меня ни по чему другому.

На подходе к казарме мы оделись, хотя совершенно не успели обсохнуть, но зачем понапрасну беспокоить другую половину. Нам сообщили, что собрания комитетов закончились. У каждой Улитки было уже свое имя:

Улитка Ла-Реалидад, сапатистов тохолабелей, цельталей и маме будет называться «МАТЬ МОРСКИХ УЛИТОК НАШЕЙ МЕЧТЫ», то есть «С-НАН КСОЧ БАХ ПАМАН ХА ТЕЗ ВАЙЧИМЕЛ КУ'УНТИК».

Улитка Морелии, сапатистов цельталей, цоцилей и тохолабелей будет называться «ВИХРЬ НАШИХ СЛОВ», то есть «МУК'УЛ ПУЙ ЗУТУ'ИК ХУ'УН ХС'ОПТИК».

Улитка Гарручи сапатистов цельталей будет называться «СОПРОТИВЛЕНИЕ РАДИ НОВОГО РАССВЕТА», то есть «ТЕ ПУЙ ТАС МАЛИЙЕЛ ЙАС ПАС ЙАЧ'ИЛ САКАЛ КИНАЛ».

Улитка Роберто-Барриоса сапатистов чолей, соке и цельталей будет называться «УЛИТКА, ГОВОРЯЩАЯ ДЛЯ ВСЕХ», то есть «ТЕ ПУЙ ЙАКС СКО'ПХ ЙУ'УН ПИСИЛТИК» (на цельгале), и «ПУЙ МУИТИТ'АН ЧА 'АН ТИ ЛАК ПЕХТЕЛ» (на чоле).

122 Пипорро — псевдоним популярного мексиканского певца и актера Эулалио Гонсалеса (род. В 1921 г.)

Улитка Овентика цоцилей и цельталей будет называться «СОПРОТИВЛЕНИЕ И НЕПОКОРНОСТЬ ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА», то есть «ТА ТЗИКЕЛ ВОКОЛИЛ КСЧИУК ХТОЙБАЙЛТИК СВЕНТА СЛЕКИЛАЛ СХУНУЛ БАЛУМИЛ».

Этим вечером обошлось без дождя и солнце смогло уйти без проблем, соскользнув по гладкому небу прямо в свой дом, спрятанный за горами. Взошла луна и, хотя это кажется невероятным, рассвет согрел горы юго-востока Мексики.

Часть четвертая: План

Уже много лет индейские сапатистские общины заняты процессом создания своей автономии. Автономия для нас — это не фрагментация страны или сепаратизм, а осуществление права на правление и самоуправление, отраженного в 39 статье Политической конституции Мексиканских Соединенных Штатов.

С самого начала нашего восстания и даже задолго до него индейцы-сапатисты настаивали на том, что они мексиканцы... но кроме того, они еще и индейцы. Это значит что мы требуем для себя места среди мексиканской нации, но при этом хотим оставаться теми, кем являемся.

Пресловутый сапатистский проект «Нации Майя» существует только на бумаге самых тупых военных из мексиканской федеральной армии, которые, зная, что война что они ведут против нас, незаконна, пользуются этим бедным аргументом, чтобы убедить свои войска в том, что атакуя нас, они защищают Мексику. Тем не менее, высшему военному командованию и его разведывательным службам известно, что САНО стремится не к отделению от Мексики, а, как гласит его полное имя, к «национальному освобождению».

Тем не менее, сепаратный проект по отделению юго-востока Мексики все-таки существует, и заключается он в применении на наших землях неолиберальной доктрины и возглавляется федеральным правительством. Сегодняшний так называемый «План Пуэбла — Панама» это ничто иное, как план фрагментации страны, в котором юго-востоку Мексики отведена функция «охотничьих угодий» для транснационального капитала.

Согласно проекту по фрагментации осуществляемого правительством (что и является истинной повесткой дня политических партий и трех ветвей власти, не отраженной в прессе), Мексика будет разделена на три части: Север, штаты которого будут подчинены производственной и коммерческой логике США, Центр, станет поставщиком потребителей средней и высокой покупательной способности и Юг-Юго-Восток, будет территорией подлежащей завоеванию для контроля над природными ресурсами, которые при глобализированном разрушении окружающей среды с каждым днем становятся все более ценными: вода, воздух и земля (дерево, нефть, уран... и люди).

Говоря очень схематично и лаконично, план состоит в том, чтобы превратить север в большую макилу,¹²³ центр — в гигантский торговый центр, а юг и юго-восток в огромное поместье.

Но одно дело — планы на бумаге, и другое — реальность. Прожорливость крупного капитала, коррумпированность политиков, неэффективность государственных чиновников и растущее сопротивление групп, коллективов и общин, помешали его полному осуществлению, и там где он удался, его прочность сравнима с прочностью картонной сценографии, подвешенной на булавках.

Поскольку сейчас для Власти нет термина более модного, чем «самоубийство», можно сказать, что нет лучшей концепции, чтобы определить план, подготовленный для нашей страны политиками и предпринимателями — самоубийство. Глобализация денег требует разрушения национального государства. Последнее в течении длительного времени было (кроме всего прочего) окопом, в котором капиталы национальные защищались, чтобы выживать и расти. Но от этого окопа уже почти ничего не осталось.

В сельской местности крупные агропромышленники разоряют мелких и средних производителей. Тем не менее, скоро придет час и крупной национальной агропромышленности. В городах, «моллы», т. е. гигантские торговые центры, не только

¹²³ Макила — мексиканское название сборочного предприятия. На севере Мексики, вдоль границы находятся тысячи сборочных производствах фирм США. Сборка — трудоемкая ручная работа, поэтому предприниматели США ведут ее руками мексиканцев, чей труд во много раз дешевле.

уничтожают мелких и средних торговцев, но и «поглощают» крупные национальные торговые предприятия. Не говоря уже о национальной промышленности, находящейся на последнем издыхании.

Пред лицом всего этого, стратегия национального капитала выглядит весьма наивно, чтобы не сказать глупо. Он распределяет средства среди всего спектра политических партий, обеспечивая таким образом (или по крайней мере, считая, что обеспечивает), ситуацию, при которой какой бы цвет ни пришел ко власти, власть эта будет использована в пользу цвета денег. Так крупные мексиканские предприниматели финансируют одновременно и ИРП и ПНД¹²⁴ и ПДР¹²⁵ и любую другую партию, имеющую хоть малейший шанс взойти на правительственные или парламентские подмостки.

На своих совещаниях (как на свадьбах времена североамериканской мафии, которые служили поводом для того, чтобы боссы заключали между собой договора и разрешали свои конфликты) мексиканские финансовые боссы поздравляют друг друга; у них в руках весь местный политический класс. Но сейчас я вынужден сообщить им одну плохую новость — как показал прикрытый только что скандал с «Друзьями Фокса»,¹²⁶ самые большие деньги придут с другой стороны. И если тот кто платит, командует, то тот кто платит больше и командует больше. Таким образом, эти пролитики примут законы в зависимости от сумм, на получаемых ими чеках. Рано или поздно, крупные иностранные капиталы постараются овладеть всем, начав с разорения и поглощения тех, кто имеет больше. И все это будет проходить под защитой соответственно принятых законов. Политики стали, причем уже достаточно давно, покорными служащими... того кто больше заплатит. И ошибаются национальные предприниматели, думая что иностранный капитал удовлетворится контролем над энергетикой и нефтью. Новая мировая власть хочет владеть всем. Так что от капитала национального останется лишь воспоминание или в лучшем случае какая-нибудь невысокая должность в каком-нибудь совете правления.

Умиравший национальный капитал в своей исторической слепоте с ужасом видит любую форму общественной организации. Дома богатых мексиканцев защищены сложными системами безопасности. Они боятся, что рука, которая отнимет то что у них есть, придет снизу. Пользуясь своим правом на шизофрению, богатые мексиканцы не только выдают истинное происхождение своего благосостояния, но и показывают свою близорукость. Да, они будут лишены всего, но не в результате маловероятного взрыва народного гнева, а благодаря алчности, превосходящей их алчность, тех, чье богатство несоизмеримо больше. Несчастье войдет в их шикарные особняки не крадучись ночью, а через парадную дверь и в рабочее время. Вор окажется не нищим парией, а процветающим банкиром.

Тем, кто лишит всего слимов, самбрано, ромо, салинасов плиего, аскаррага, салинасов де гортари и других немногочисленных представителей мира богатых мексиканцев, не говорит на цельгале, цоциле, чоле или тохолабале, и кожа его вовсе не смуглая. Более того, он даже не говорит по-испански. Этот вор говорит по-английски, кожа его цвета зеленого доллара, учился он в иностранных университетах и привык блистать изящными манерами на светских приемах..

И не помогут ни армия, ни полиция. Армия и полиция готовятся и тренируются для сражений с повстанческими силами, но худший враг мексиканского капитала, то есть тот кто уничтожит его полностью, исповедует одну с ним идеологию — дикий капитализм.

С другой стороны, уже началось оттеснение традиционного класса политиков. Если государство рассматривается, как предприятие, лучше пусть им управляют не политики, а управляющие. И на нефирме «национальное-государство. com», политическое искусство уже никого не интересует.

124 ПНД — правящая правая партия Национального Действия

125 ПДР — партия Демократической Революции, левоцентристская оппозиционная партия

126 Друзья Фокса — ассоциация близких президенту Висенте Фоксу предпринимателей и политиков, возникшая для поддержки его кандидатуры, многие из них после победы заняли высокие посты в правительстве и были уличены в коррупции и нелегальных перечислениях денег из-за рубежа в поддержку политических кампаний.

Политики прошлого уже поняли это и стремятся укрыться в свои соответствующие региональные или местные окопы. Но неолиберальный ураган настигнет их и там. Тем временем капитал национальный продолжит самолюбование за банкетными столами. И наверно так никогда и не поймет, что один из приглашенных обязательно станет его могильщиком.

Поэтому напрасны ожидания тех, кто сегодня вздыхает о том, чтобы национальные предприниматели, политики или «республиканские институты» защитили национальное государство. И первые, и вторые, и третьи полностью опьянены голограммой национальной власти и не способны понять, что очень скоро все они будут изгнаны из особняков, которыми сегодня владеют.

Мы, сапатисты, несколько раз отзывались о «Плане Пуэбла — Панама», как о проекте уже провалившемся. Причины этого следующие:

Первая в том, что пресловутый план уже сам по себе достаточно минирован собственными противоречиями и любая попытка его осуществления приведет лишь к обострению социальных выступлений.

Вторая в том, что план предполагает уверенность в том, что на севере и в центре страны уже все решено и никто этому не возражает. Это ложь. Пути сопротивления и неприятия пересекают всю территорию страны и выражаются даже там, где казалось, что «прогресс» победил окончательно.

И еще одна в том, что по крайней мере здесь, в горах юго-востока Мексики осуществление этого плана не будет допущено ни при каких условиях.

Мы совершенно не возражаем против того, чтобы Дербес¹²⁷ и Тейлор¹²⁸ продолжали разводить предпринимателей при помощи вышеупомянутого плана и чтобы различные чиновники получали свою зарплату при работе над трупом. Наше дело было предупредить, и пусть каждый сам думает что хочет.

Главный план правительства это не «План Пуэбла — Панама». Этот служит лишь для развлечения части государственной бюрократии и для того, чтобы местные предприниматели причастились мельничным жерновом в том что на этот раз правительство наконец сделает что-то для улучшения экономики.

На самом деле, главный план президентской пары¹²⁹ состоит в проекте совершенно отличном от «ППП», он — в том чтобы покончить со всеми и без того слабыми механизмами защиты национальной экономики, полностью отдалиться на волю глобализованного беспорядка и немного смягчить, за счет проповедей и подачек, чудовищные последствия мировой войны, уже разорившей многие страны.

Если для Карлоса Салинаса де Гортари проектом его правления был «Пронасоль» (вспомните, даже начала создаваться «партия Солидарности»),¹³⁰ для фоксизма это «Фонд Вперед, Мексика»,¹³¹ руководимый Мартой Саагун де Фокс. «Пронасоль» являлся просто институционализированной милостью. От «Вперед, Мексика» в дополнение к этому — сильная вонь затхлой подворотни.

127 Луис Эрнесто Дербес — министр иностранных дел Мексики.

128 Джон Тейлор — заминистра финансов США

129 президентская пара — супруга Висенте Фокса Марта Саагун активно участвует в политической жизни, возглавляя ряд крупных проектов, выдвинутых правительством ее мужа

130 Проект «Пронасоль» — Испанская аббревиатура «Национальной программы солидарности», провозглашенной президентом Карлосом Салинасом де Гортари в конце 1988 г. после «победы» на выборах, достигнутой путем крупнейшей в истории Мексики фальсификации результатов, когда вся компьютерная система подсчета голосов в решающий момент «вышла из строя». Целью программы провозглашалось преодоление крайней бедности и правительская помощь крестьянским организациям и общинам. Программа была использована для раскола политической оппозиции ИРП путем раздачи подачек организациям, проявлявшим лояльность по отношению к властям. Ни в коем случае не были затронуты причины нищеты мексиканской провинции. Колоссальный бюрократический аппарат, созданный для осуществления Пронасоль, разворовал большую часть средств и программа провалилась.

131 «Фонд Вперед, Мексика» — организация, ставящая перед собой те же задачи, что и Пронасоль, созданная правительством Висенте Фокса и возглавляемая его супругой Мартой Саагун де Фокс.

Правительственные планы, как правило, сложны и напыщены, но единственное, что скрыто за столькими словами — это высокие зарплаты чиновников. Единственное для чего годятся эти планы — это для открытия офисов, публикаций коммюнике и создания видимости того, что что-то делается ради людей. Правящие правя забывают, что главное качество любого хорошего плана — это его простота и доступность.

Так что в ответ на «План Пуэбла — Панама» в частности и вообще в ответ весь глобальный план фрагментации мексиканского государства, Сапатистская Армия Национального Освобождения выдвигает... «План Ла Реалидад — Тихуана» («РеалиТи», в аббревиатуре).

План состоит в объединении всех сопротивлений, существующих в нашей стране и в восстановлении снизу и вместе с ними Мексики. Во всех штатах страны есть мужчины, женщины, дети и старики, которые не сдаются и, хотя никому не известны их имена, борются за демократию, свободу и справедливость. Наш план состоит в том чтобы говорить с ними и слушать их.

«План Ла Реалидад — Тихуана» не требует ни бюджета, ни чиновников, ни офисов. Он опирается только на людей, которые на своем месте, в свое время и методами, которые считают правильными, сопротивляются и помнят, что родина — это общая история, а не фирма с филиалами. И история — это не только прошлое. Она еще и прежде всего — будущее.

Как в корридо о белом коне,¹³² но отправляясь из Ла Реалидад (вместо Гвадалахары), сапатистские слово и слух пересекут всю территорию страны, от Канкуна и Тапачулы до Матаморос и Ла-Паса, доберутся до Тихуаны, пройдут через Росарито и доберутся до Энсенады.

И не только. Поскольку в наши скромные стремления входит и содействие при построении мира, в который поместятся многие миры, у нас еще есть планы для пяти континентов.

Для севера Американского континента у нас есть «План Морелия — Северный Полюс». Он включает США и Канаду.

Для Центральной Америки, Карибского бассейна и Южной Америки у нас есть «План Ла-Гарруча — Огненная земля».

Для Европы и Африки у нас есть «План Овентик — Москва» (на восток отсюда, с заездом в Канкун в сентябре этого года¹³³).

Для Азии и Океании у нас есть «План Роберто-Барриос — Нью-Дели» (на запад отсюда).

Для всех пяти континентов наш план один и тот же: борьба против неолиберализма и за человечество.

Для галактик у нас тоже есть план, но мы пока не можем придумать для него названия «Земля — Альфа Центавра?». Наш межгалактический план так же прост, как и предыдущие и заключается в общих чертах в том, чтобы нам не было стыдно называть себя людьми.

Излишне было бы говорить, что у наших планов масса преимуществ — они не требуют бюджетных затрат, директоров, и осуществляются без торжественных перерезаний лент, без скучных церемоний, без статуй и без того, чтобы, пока уважаемая публика всюду развлекается, музыкальная группа сдержала желание сыграть, на этот раз в ритме кумбии,¹³⁴ эту, где говорится «Уже виден горизонт...»¹³⁵.

132 Корридо о белом коне — корридо — популярный в Мексике песенный жанр, корридо о белом коне — модная баллада Хосе Альфредо Хименеса о коне сбросившем с себя всадника и проскакавшие через всю Мексику, в этом предложении Маркос перефразирует содержание корридо.

133 С заездом в Канкун в сентябре этого года — с 10 по 14 сентября 2003 г. в мексиканском курортном городе Канкун проводилась Пятая встреча встреча министров торговли стран-членов Всемирной торговой организации, сопровождавшаяся протестами участников десятков социальных движений и организаций, прибывших в эти дни в Канкун.

134 Кумбия — национальный колумбийский танец, популярный во многих странах Латинской Америки.

135 «Уже виден горизонт...» — начальные слова сапатистского гимна.

Чьяпас, Мексика, Американский континент, планета Земля, Солнечная система, галактика... галактика... Как называется наша галактика?

P.S. Насчет порочных планов. 25 июля исполняется 9 лет со дня покушения на кандидата в губернаторы Чьяпаса Амадо Авенданьо Фигероа.¹³⁶ Это стоило жизни борцам за гражданские права Агустину Рубио, Эрнесто Фонсеке и Ригоберто Маурисио. Виновные на свободе. Не знаю как вы, но мы не забываем.

Часть пятая: История

История индейских сапатистских повстанческих муниципалитетов сравнительно молода, им исполнилось семь лет и идет восьмой. Несмотря на то, что об их создании было объявлено при прорыве окружения в декабре 1994 года, начало их реального функционирования заняло еще некоторое время.

Сегодня осуществление индейской автономии на сапатистских землях стало реальностью и мы можем с гордостью сказать, что процесс этот был возглавлен самими общинами. При этом САНО лишь сопровождало их и вмешивалась только в случае конфликтов или серьезных отклонений. Поэтому представительство САНО не совпадало с представительством автономных общин. Общины сами выступали с разоблачениями, просьбами, разъяснениями, заключали соглашения и договора о побратимстве (многие индейские сапатистские повстанческие муниципалитеты поддерживают родственные отношения с муниципалитетами других стран, в основном Италии). И если сейчас автономные власти обратились к САНО с просьбой о выполнении функций по их представительству — это лишь потому, что они вступили в новый, более высокий этап развития организации и когда эта реальность стала всеобщей, один или несколько муниципалитетов не могли заявить об этом от имени всех. Поэтому мы договорились о том, что САНО сообщит об этих сегодняшних переменах.

Проблемы предыдущего периода автономных властей можно разделить на два типа; те, что были связаны с их отношениями с мексиканским и международным гражданским обществом, и те, что были связаны с их самоуправлением, то есть отношения с сапатистскими и несапатистскими общинами.

В отношениях с мексиканским и международным гражданским обществом, главная проблема заключается в том, что развитие автономных муниципалитетов, общин из которых они состоят и сапатистских семей, в них живущих, неравномерно. То есть, более известные автономные муниципалитеты (как например те, что были центрами уже не существующих Агуаскальентес) или те, что более доступны (расположенные ближе к городам или к которым есть дороги) получают больше проектов и больше поддержки. То же самое происходит и с общинами. Самые известные из них, и те, что находятся возле шоссе пользуются большим вниманием со стороны «гражданских обществ».

В случае сапатистских семей, обычно бывает, что представители «гражданского обществ», во время посещения общин, работы над проектами или проживания в «лагерях по поддержанию мира», устанавливает особые отношения с одной или несколькими семьями

136 Покушение на кандидата в губернаторы Чьяпаса Амадо Авенданьо Фигероа — выдающийся мексиканский юрист и журналист, создатель еженедельника «Тьемпо» и Центра по защите прав человека Фрай Бартоломе де Лас Касас, возглавленного епископом Сан-Кристора Самуэлем Руисом. С помета сапатистского восстания 1 января 1994 г. редакция «Тьемпо» превратилась в главный канал информации о происходящем в Чьяпасе. «Тьемпо» стал первым печатным изданием Мексики, начавшим публиковать коммюнике и декларации САНО. После многократного посещения Лакандонской сельвы, Амадо Авенданьо был выдвинут ПДР на пост губернатора Чьяпаса. 25 июня 1994 г. во время проведения избирательной кампании трейлер врезался в машину, где находился Амадо Авенданьо с четырьмя товарищами, трое из которых в результате погибли. Амадо Авенданьо на несколько месяцев лишился речи и остался инвалидом. Вскоре появились доказательства, что покушение было организовано ИРП с участием Эдуардо Робледо — его конкурента по избирательной кампании и Хорхе Эрнандеса, бывшего воспитанника и ученика Авенданьо, получившего вскоре в качестве награды пост директора Министерства Юстиции штата Чьяпас. В результате очередной фальсификации при подсчете голосов, пост губернатора занял Эдуардо Робледо. В этот же день 8 декабря 1994 г. сапатисты признали Амадо Авенданьо в качестве «повстанческого губернатора» и предложили ему возглавить Народное правительство штата Чьяпас. Когда через три месяца после выборов детали фальсификации вскрылись, Робледо вынужден был с позором уйти в отставку. Из-за травм полученных при покушении Амадо Авенданьо долго и тяжело болел и умер от кровоизлияния в мозг 29 апреля 2004 г.

общины. Логично, что благодаря их приглашению для участия в совместных проектах, подаркам и особому вниманию, у этих семей появляются преимущества над другими, хотя и те и эти являются сапатистскими. Кроме того, часто те, у кого из-за должности, занимаемой в общине, автономном муниципалитете, регионе или зоне больше контактов с гражданским обществом, получают больше внимания и всяческих «подарков», чем другие, что дает повод для обсуждения этого в общинах и не соответствует сапатистскому критерию «каждому по потребности».

Я хочу пояснить здесь, что речь идет ни о каких-то порочных связях, ни о том, что кто-то высокомерно назвал «антиповстанческой борьбой из благих намерений», мы говорим о нормальных для человеческих отношений вещах. Тем не менее, если мы сами не создадим противовеса для этих привилегированных отношений, они могут нарушить равновесие в общественной жизни.

Что касается отношений с сапатистскими общинами, принцип «править подчиняясь» применялся безо всяких исключений. Власти должны были контролировать выполнение договоренностей общин, их решения должны были сообщаться регулярно и «вес» коллектива, вместе с «глашатаем», действовавшим в каждой из общин, превращались в надежного контролера, уйти от взгляда которого очень сложно. Тем не менее, бывали случаи когда кто-то позволял себе нарушить эти правила и ступить на путь коррупции. Но обычно длилось это недолго. В общинах невозможно скрыть факта незаконного обогащения. Виновный наказывался тем, что его обязывали сделать коллективным и вернуть общине то, что он незаконно присвоил.

Если же коррумпировался, отклонялся от этих норм или, используя местный термин «становился безельником» кто-то из властей, он немедленно снимался с должности и заменялся другим. В сапатистских общинах должности властей никак не оплачиваются (в течение периода, когда кто-то занимает руководящий пост, община помогает ему в содержании семьи), воспринимаются всеми как работа в пользу коллектива и их занимающие постоянно меняются. Нередко коллектив назначает на эти должности в наказание за инертность или неучастие кого-то из своих членов в решении общих вопросов, например, когда кто-то регулярно отсутствует на общинных ассамблеях, его наказывают, назначая на должность муниципального агента или общинного уполномоченного.

Эта форма «самоуправления» (которую я здесь крайне резюмирую) — не изобретение или нечто привнесенное САНО. Она происходит из гораздо более давних времен, и когда родилась САНО, она здесь уже довольно давно действовала, правда, только на уровне каждой из общин.

И уже в результате быстрого роста САНО (который, как я уже объяснял, происходил в конце 80-х), эта практика с местного уровня, распространяется на региональный. Действуя, через местных (т. е. ответственных за организацию в каждой из общин), региональных (ответственных за группу общин) и зональных (ответственных за группу регионов) уполномоченных, САНО увидела, что те, кто не справлялись с работой, естественным путем заменялись другими. Хотя, поскольку речь шла о военно-политической организации, в этом случае окончательное решение принималось командованием.

Этим я хочу сказать, что военная структура САНО в некоторой степени «заражала» традицию демократии и самоуправления. САНО была, если можно так выразиться, одним из «антидемократических» элементов в прямых демократических отношениях общин (другой антидемократический элемент — это Церковь, но эта тема для отдельного разговора).

Когда автономные муниципалитеты начинают действовать, правительство самоуправления не только переходит с местного уровня на региональный, но и отрывается (в смысле тенденции) от «тени» структуры военной. САНО никоим образом не вмешивается в процесс назначения или снятия с должностей автономных властей и, исходя из того, что САНО принципиально не стремится ко власти, она только ограничивается контролем над тем, чтобы никто из военного командования или членов Подпольного Революционного Индейского комитета не занимал никаких руководящих постов в общинах или автономных муниципалитетах. Те кто решают участвовать в автономных правительствах, должны полностью отказаться от организационных должностей внутри САНО.

Не буду долго распространяться по поводу функционирования Автономных Советов, у них в качестве поручительства своя собственная форма работы («своя манера», говорим мы),

и немало национальных и международных «гражданских обществ» являются свидетелями их работы и сотрудничают с ними напрямую.

Тем не менее, я не хочу, чтобы из всего этого сложилось впечатление, что речь идет о чем-то совершенном и чтобы вы это идеализировали. «Править подчиняясь» на сапатистских землях — это лишь тенденция, не застрахованная от всяческих спадов-и-подъемов, противоречий и отклонений, но эта тенденция — ведущая. То, что она сработала в пользу общин, говорит тот факт, что им удалось выжить в тех экстремальных условиях преследований, запугивания и бедности, каких в мировой истории немного. И они не только выжили, автономные советы смогли, при фундаментальной поддержке «гражданских обществ», справиться с титанической задачей — создать материальные условия для сопротивления.

Ответственные за правление на повстанческой территории, без какой бы то ни было институциональной поддержки и в условиях преследований и запугивания, автономные советы сосредоточили свою деятельность на двух главных аспектах — здравоохранении и образовании.

В сфере здравоохранения, они не ограничились строительством больниц и аптек (всегда при поддержке «гражданских обществ», не будем забывать об этом), но и сформировали собственных ответственных за вопросы по охране здоровья и проводят постоянные кампании по общественной гигиене и профилактике болезней.

Одна из этих кампаний чуть не закончилась для меня критикой на ассамблее (не знаю, известно ли вам, что значит быть критикуемым на ассамблее, если нет, могу лишь сказать что ад должен быть чем-то похожим) и попаданием «под взгляд» общины (то есть, когда все на тебя смотрят, но этим взглядом, от которого мороз по коже, в общем, нечто вроде чистилища). Это было, кажется в Ла-Реалидад, я находился там временно и переночевал в одном из домов, которые есть у компас¹³⁷ для таких случаев. В этот день «комитет по здравоохранению» общины проверил туалеты каждого дома (была договоренность, во избежание распространения болезней, засыпать регулярно туалеты известью или пеплом). Разумеется, в нашем туалете не было ни извести, ни пепла. «Комитет по здравоохранению» мне сказал любезным тоном: «товарищ субкоманданте Маркос, выполняя договоренность общины мы проверяли туалеты и в вашем туалете нет ни извести, ни пепла, поэтому вы должны исправить это и завтра мы придем и проверим». Я начал что-то бормотать о срочной поездке, о хромоте моего коня, о незаконченных коммюнике, о перемещениях военных, о боевиках и не помню о чем еще. Члены «комитета по здравоохранению» терпеливо все это выслушали, и когда я замолчал только сказали: «это все, товарищ субкоманданте Маркос». Разумеется, на следующий день, когда «комитет по здравоохранению» вернулся, в туалете были пепел, известь, песок... не хватало только цемента, и то, лишь потому, что мне его не удалось найти, а то бы я просто залил навсегда этот злосчастный туалет цементом.

В области образования, на землях, на которых никогда не было ни школ, ни тем более, учителей, Автономные Советы (при помощи «гражданских обществ», я не устану напоминать об этом) построили школы, подготовили ответственных за образование и в некоторых случаях даже разработали собственные образовательные и педагогические программы. Учебники по обучению грамоте и книги с текстами составляются самими «комитетами по образованию» и ответственными за образование, при участии представителей «гражданских обществ», являющихся специалистами в этих вопросах. В некоторых из регионов (не во всех, правда), удалось добиться даже того, что девочки, традиционно отлученные от всех процессов познания, тоже начали ходить в школу. Несмотря на то, что женщин уже не продают и все они свободно выбирают себе мужа, на сапатистских землях все еще существует то, что феминисты называют «дискриминацией по половому признаку». Так называемый «революционный закон о женщинах» еще весьма далек от выполнения.

Продолжая разговор об образовании, в некоторых местах сапатистские базы договорились с учителями из демократической части Профсоюза Учителей (с теми, кто не являются сторонниками Гордильо) о том, чтобы те не занимались антиповстанческой деятельностью и уважали образовательные содержания, рекомендованные Автономными Советами. Эти демократические учителя (сапатисты, потому что как бы они себя не

называли, они тоже сапатисты) смогли соблюсти эту договоренность и прекрасно выполнили свою работу.

Это правда, что ни службы здравоохранения, ни службы образования не коснулись пока всех сапатистских общин, но их значительное число, большинство, уже имеет возможность достать лекарство, принять врача и при необходимости найти машину, чтобы в случае серьезной болезни или несчастного случая отвезти пациента в город. Ликвидация безграмотности и начальная школа — явление все еще далеко не повсеместное, но в одном из регионов уже есть даже автономная средняя школа, и она в эти самые дни «выпускает» новое поколение учеников, среди которых есть и мужчины и (внимание!) индейские женщины.

Несколько дней назад мне показали учебные дипломы и грамоты Средней Автономной Повстанческой школы. Мое скромное мнение заключалось в том, что все эти документы лучше делать из жевательной резинки, потому что вверху они озаглавлены «САНО. Сапатистская Армия Национального Освобождения», и ниже читается (по испански и на цоциле) «Автономная Повстанческая Сапатистская Образовательная Система Национального Освобождения» (имеется в виду та, что действует в Лос-Альтос, потому что в других зонах есть другие образовательные системы) подтверждает, что ученик (-ица) _____ успешно прошел (-ла) три года обучения Автономной средней школы, согласно Сапатистским Планам и Программам в САПСШ, Средней Автономной Повстанческой Сапатистской школы «1 января 1994 г.» получив среднюю оценку в _____ баллов. За это наша Образовательная Система благодарит его (ее) за приложенные усилия и вклад в борьбу по сопротивлению и призывает его (ее) поделиться с нашими народами тем, что народ ему (ей) дал». И дальше читается: «За образование, которое освобождает! За научное и народное образование! Я приду на службу моему народу». Так что в случае задержания властями, ученик не только не сможет показать этот документ, но еще и должен будет съесть его, поэтому лучше его делать из жевательной резинки. Есть еще аттестат (называемый здесь «признанием»), в котором перечислены предметы (на самом деле, это не предметы, а «аттестации»), которые преподаются: гуманизм, спорт, искусство, размышления о реальности, общественные науки, природоведение, размышления о родном языке, общение, математика и производство и общественно-полезная деятельность. Существуют только две оценки: «А» («аттестация апробирована») и «АНА» («аттестация не апробирована»). Я знаю, что «Аны», живущие в мире обидятся, но я ничего не могу с этим сделать, как я уже говорил, автономия есть автономия.

Образование бесплатно и «комитеты по образованию» стремятся (повторяю, с помощью «гражданских обществ»,) к тому чтобы у каждого ученика без какой либо платы за это, была своя собственная тетрадь и своя собственная ручка.

В сфере здравоохранения предпринимаются усилия, чтобы оно тоже было полностью бесплатным. В некоторых сапатистских клиниках консультации, лекарства и операции (когда они необходимы и их проведение в наших условиях возможно) уже полностью бесплатны и во всех остальных оплачивается только стоимость лекарства. Консультации и услуги врачей бесплатны всегда. Наши клиники опираются на поддержку и прямое участие специалистов, хирургов, врачей, медсестер и медбратьев из мексиканского и международного гражданского общества, а так же на студентов и выпускников факультетов медицины и одонтологии из УНАМ,¹³⁸ УАМ¹³⁹ и других высших учебных заведений. Работающие в наших клиниках врачи не берут за это ни одного песо и часто сами из своего кармана покрывают многие расходы.

Я знаю, что читая это, многие уже подумали, что это становится похожим на правительственный отчет, и необходимо только добавить, что «число бедных сократилось» или какой-нибудь «фоксизм» наподобие. Но нет, число бедных здесь возросло, потому что возросло число сапатистов, а одно влечет за собой другое.

Поэтому я хочу напомнить, что все это происходит в условиях крайней бедности, постоянной нехватки технических возможностей и знаний, кроме того, правительство делает все от него зависящее, чтобы блокировать проекты, происходящие из других стран.

138 УНАМ — Universidad Nacional Autónoma de México, Мексиканский Национальный Автономный университет

139 УАМ — Universidad Autónoma Metropolitana, Столичный Автономный университет

Недавно мне рассказывали некоторые «гражданские общества», каких страданий им стоила доставка сюда холодильника, работающего на солнечной энергии. Проект состоит в организации прививок для детей, но в большинстве общин нет электроэнергии, или если она есть, нет холодильника. А холодильник нужен для сохранения вакцин до момента их инъекции. И для того, чтобы привезти сюда этот холодильник, было необходимо осуществить целую массу бюрократических процедур и, как нами выяснилось, в стране есть только одна организация, которая имеет право быстро и просто доставить все что угодно из-за границы — это «Фонд Вперед, Мексика» Марты Саагун де Фокс. Разумеется, к этому рекламному агентству никто обращаться не стал. Все бюрократические процедуры были пройдены, и холодильник пусть поздно, но доберется сюда и все прививки будут сделаны.

Кроме тем образования и здравоохранения, Автономные Советы рассматривают и проблемы, связанные с землей, работой и торговлей, где тоже есть сдвиги к лучшему. Рассматривают они и вопросы жилищного строительства и питания, темы в которых мы пока продвинулись очень слабо. Значительно больше успехов у нас в сферах культуры и информации. Развитие культуры строится главным образом на защите нашего языка и культурных традиций. Информация — это служба вещания на индейских языках различных сапатистских радиостанций. Кроме этого регулярно и вперемешку с разными видами музыки, передаются призывы, требующие уважения к женщинам со стороны мужчин и призывы к женщинам организовываться и требовать уважения своих прав. И мы не хотим хвастаться, но наше освещение войны в Ираке, является гораздо более полным, чем у CNN (что, в принципе, мало что значит).

Автономные Советы отвечают и за правосудие. Результаты в этой сфере разные. В некоторых местах (например в Сан-Андрес-Сакамчен-де-лос-Побрес), даже ирписты обращаются за этим к автономным властям, потому что как они говорят: «автономы действительно разбираются и решают «проблему»». В других местах, как я сейчас объясню, у нас есть проблемы.

Если отношения Автономных Советов даже с сапатистскими общинами полны противоречий, то их отношения с общинами несаяпатистскими характеризуются постоянными трениями и конфликтами.

В кабинетах неправительственных организаций по защите прав человека (и в Генеральном Командовании САНО) скопилось немало жалоб на сапатистов, обвинений их в предполагаемых нарушениях прав человека, несправедливостях и произволе. В случае жалоб, поступающих в наше Командование, они направляются в зональные комитеты, для расследования их обоснованности, и в случае подтверждения этого, вопрос разрешается путем организации встречи и поиска компромисса между конфликтующими сторонами.

Но в случае организаций по защите прав человека бывает немало сомнений и путаницы, потому что непонятно обычно куда обращаться — к САНО или к Автономным Советам. И они правы (защитники прав человека), потому что в этом вопросе у нас не было ясности. Есть проблема и в различиях между позитивным правом и так называемыми «обычаями и нравами» (как говорят юристы) и «путем доброго разума» (как говорим мы). Решение этого вопроса ложится на тех, кто превратил защиту прав человека в смысл своей жизни. Или в смысл своей смерти, как в случае с Дигной Очоа (которая для специального прокурора была не более чем чиновником — как будто быть чиновником, это что-то унижительное, но для жертв политических репрессий она была и остается тем кем она являлась — защитницей). Но в том, что касается четкого определения, куда и к кому следует обращаться в случае этих жалоб, это вопрос сапатистов. И на днях будет объявлено, каким образом они попытаются решить эту проблему.

Как видите, проблем, с которыми сталкивается индейская автономия на сапатистских территориях, немало. Для попытки решения некоторых из них, в ее структуре и работе были осуществлены серьезные изменения. Но об этом я расскажу вам позже, сейчас я хотел только сделать краткое описание момента, на котором мы находимся.

Все эти длинные объяснения связаны с тем, что строительство индейской автономии было делом не только сапатистов. Если руководство процессом зависело исключительно от общин, его осуществление опиралось на поддержку многих других.

Если восстание 1 января 1994 года стало возможным благодаря конспиративному соучастию десятков тысяч индейцев, строительство автономии на повстанческой территории

становится возможным благодаря соучастию сотен тысяч людей разных цветов кожи, разных национальностей, разных культур, разных языков, и наконец, разных миров.

Благодаря им и их поддержке, стало возможным (во всем хорошем, потому что все плохое — ответственность только наша) пусть не решение требований восставших индейцев сапатистов, но некоторое улучшение условий их жизни, и главное, то, что они смогли выжить и сегодня развивают еще одну, быть может, самую маленькую, из альтернатив, пред лицом мира, исключая «других», то есть, индейцев, молодежь, женщин, детей, мигрантов, трудящихся, учителей, крестьян, таксистов, торговцев, безработных, гомосексуалистов, лесбиянок, транссексуалов, честных и порядочных служителей культа, прогрессивных артистов и интеллектуалов, и _____ (добавьте сами, кого не хватает).

Для всех этих мужчин и женщин (и для тех, кто не является ни мужчинами, ни женщинами), тоже должен быть диплом с примерно следующими словами: «Сапатистская Армия Национального Освобождения и Индейские Повстанческие Сапатистские общины подтверждают, что _____ (имя соучастника или соучастницы), является нашим братом (сестрой) и что у него (нее) на этих землях есть дом в виде смуглого сердца, как пища для достоинства, как знамя сопротивления и как один из завтрашних дней, когда в мир поместятся многие миры. Выдано на сапатистских землях и под сапатистским небом в такой-то день, такого-то месяца, такого-то года и так далее» и с подписью сапатистов, умеющих писать, те кто не умеет — поставит отпечаток пальца. А я бы в одном из уголков добавил:

А я бы в одном из уголков добавил:

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

Мексика, июль 2003 г

Часть шестая: ХОРОШЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

В каждой из пяти Улиток, которые вот-вот родятся на повстанческой территории, ведутся спешные работы, чтобы успеть все закончить в срок (как сказал мне один компа из комитета: «все будет немного готово, но не очень, но немного достаточно»). Опираясь в большей степени на энтузиазм, чем на умения, строятся, красятся (или перекрашиваются) здания, проводятся уборки, укладки и наведения порядка. Постоянное звучание молотка-пилы-лопаты-сеялки смешивается в горах юго-востока Мексики с фоновым музыкальным аккомпанементом, который от места к месту меняется. Там, например, слушают «Лос Букис» и «Лос Темерариос», с другой стороны — «Лос Тигрес дель Норте» и «Эль Дуэто Кастильо», там дальше — Филиберто Ремихио, «Лос Накос», Габино Паломареса, и Оскара Чавеса, ближе сюда — «Мадерас Ребельдес» (это сапатистская музыкальная группа, которая ко всеобщему изумлению семимильными шагами продвигается по лестнице местного «хит-парада», правда не удается пока выяснить, вверх или вниз).

И в каждой из «Улиток» хорошо видно новое строение. Так называемый «Дом Хунты Хорошего Правительства». Насколько удастся разглядеть, в каждой зоне будет по одной «Хунте Хорошего Правительства», которые отражают организационные усилия общин не только для решения проблем связанных с автономией, но и стремление построить более прямой мост между ними и остальным миром.

Так что:

Для создания противовеса неравномерному развитию автономных муниципалитетов и общин.

Для посредничества в конфликтах, которые могут возникнуть между разными автономными муниципалитетами или между муниципалитетами автономными и правительственными.

Для рассмотрения жалоб на Автономные Советы за нарушения прав человека, протестов и несогласий с их действиями, для расследования обоснованности всего этого и даче указаний Автономным Повстанческим Сапатистским Советам по исправлению этих ошибок и для контроля над выполнением этих указаний. Для контроля над осуществлением проектов и общественных работ в Автономных Повстанческих Сапатистских муниципалитетах, следя за соблюдением согласованных общинами сроков и форм работы; и с целью поиска поддержки социальным проектам Автономных Повстанческих Сапатистских муниципалитетов.

Для контроля над исполнением законов, которые по совместному согласию общин, действуют в Повстанческих Сапатистских муниципалитетах.

Для приема и сопровождения национального и международного гражданского общества при посещении общин, осуществлении производственных проектов, установлении лагерей мира, проведении научных исследований (внимание — тех из них, что приносят пользу общинам) и любой другой деятельности, разрешенной в повстанческих общинах. По договоренности с ПРИК-ГК САНО для разрешения и активизации участия товарищей из Автономных Повстанческих Сапатистских муниципалитетов в акциях и мероприятиях, проводимых вне повстанческих общин, и для отбора и подготовки этих товарищей.

В общем, для того, чтобы следить за тем, чтобы тот, кто правит на повстанческой территории, правил подчиняясь, 9 августа 2003 г. будут созданы так называемые «Хунты Хорошего Правительства».

Местом их нахождения станут Улитки, каждой повстанческой зоне будет соответствовать одна хунта, и в состав каждой из хунт войдет по одному или двум делегатам из каждого Автономного Совета этой зоны.

Эксклюзивными функциями правительства Автономных Повстанческих Сапатистских муниципалитетов останутся: осуществление правосудия, здравоохранение, образование, жилищное строительство, вопросы связанные с землей, трудоустройство, питание, торговля, информация и культура, передвижение в зоне.

Подпольный Революционный Индейский комитет в каждой зоне будет следить за работой Хунт Хорошего Правительства, с целью избежания фактов коррупции, нетерпимости, произвола, несправедливости и отклонений от сапатистского принципа «править подчиняясь».

У каждой Хунты Хорошего Правительства, есть свое название, выбранное соответствующими Автономными Советами:

Хунта Хорошего Правительства Сельва Фронтериса (включающая зону от Маркес-де-Комильяс, регион Монтес-Асулес, все муниципалитеты, граничащие с Гватемалой до Тапачулы) называется «К НАДЕЖДЕ» и объединяет автономные муниципалитеты «Хенераль Эмилиано Сапата», «Сан-Педро де Мичоакан», «Либертад де лос Пуэблос Майяс», «Тьерра и Либертад».

Хунта Хорошего Правительства Цоц Чох (включающая часть территорий, на которых находятся правительственные муниципалитеты Окосинго, Альтамирано, Чаналь, Ошчук, Уиштан, Чилон, Теописка, Аматаенанго-дель-Валье) называется «СЕРДЦЕ РАДУГИ НАДЕЖДЫ» (на местном языке: «Йот´ан те ксохобиль ю´ун те смальюэль») и объединяет автономные муниципалитеты «17 де Новиембре», «Примеро де Энеро», «Эрнесто Че Гевара», «Ольга Исабель», «Лусио Кабаньяс», «Мигель Идальго», «Висенте Герреро».

Хунта Хорошего Правительства Сельва Цельталь (включающая часть территорий, на которых находится правительственный муниципалитет Окосинго) называется «ДОРОГА БУДУЩЕГО» (на местном языке: «Те с´белаль ликсамбаэль») и объединяет автономные муниципалитеты «Франсиско Гомес», «Сан-Мануэль», «Франсиско Вилья» и «Рикардо Флорес Магон».

Хунта Хорошего Правительства Сона Норте де Чьяпас (включающая часть территорий, на которых находятся правительственные муниципалитеты севера Чьяпаса, от Паленке до Аматаана) называется «НОВОЕ СЕМЯ КОТОРОЕ ПРОРАСТЕТ» (на цельтале «яч´иль ц´ унибиль те якс бат´п´олук») и на чоле «Ци Хиба Пакабаль Микахель Полель») и объединяет автономные муниципалитеты «Висенте Герреро», «Дель Трабахо», «Ла-Монтанья», «Сан-Хосе эн Ребельдия», «Ла-Пас», «Бенито Хуарес», «Франсиско Вилья».

Хунта Хорошего Правительства Альтос де Чьяпас (включающая часть территорий, на которых находятся правительственные муниципалитеты региона Лос-Альтос-де-Чьяпас и доходящая до Чьяпа-де-Корсо, Тукстлы-Гутьеррес, Берриосабаль-Окосокуаутлы и Синталапы), называется «ЦЕНТРАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ САПАТИСТОВ ПЕРЕД МИРОМ» (на местном языке: «Та ололь йоон сапатиста тас тук´иль сат йелоб схунуль балумиль») и объединяет автономные муниципалитеты «Сан-Андрес Сакамчен де лос Побрес», «Сан-Хуан де ла Либертад», «Сан-Педро Поло», «Санта-Катарина», «Магдалена де ла Пас», «16 де Фебреро» и «Сан-Хуан Апостоль Канкук».

Первыми постановлениями Хунт Хорошего Правительства являются следующие:

Первое. — Больше не будет позволено, чтобы материальная поддержка со стороны национального и международного гражданского общества направлялась на имя какого-либо частного лица или какой-то конкретной общины или какому-то конкретному автономному муниципалитету. После оценки ситуации общин, Хунта Хорошего Правительства решит, где именно существует большая потребность в этой поддержке. Хунта Хорошего Правительства будет облагать все проекты так называемым «братским налогом», который составит 10 % от общей суммы проекта. Иными словами, если какая-то община, муниципалитет или коллектив получают экономическую помощь в осуществлении какого-то проекта, они должны будут передать 10 % от этой суммы Хунте Хорошего Правительства, с тем чтобы она передала эти средства другой общине, которая поддержки не получает. Цель этого — уравнивать по мере возможности экономическое развитие повстанческих общин. И, разумеется, обеды, подачки и милостыня приниматься не будут. Навязание проектов тоже не будет допущено.

Второе. — В качестве сапатистов и сапатистских будут признаны только лица, общины, кооперативы и производственно-торговые общества, зарегистрированные в одной из Хунт Хорошего Правительства. Таким образом удастся избежать повторения ситуаций, при которых за сапатистов выдают себя не только не сапатисты, но и те, кто являются антисапатистами (как в случае некоторых кооперативов по производству и продаже органического кофе). Излишки или просто часть дохода от продажи продукции сапатистских кооперативов и предприятий будут передаваться Хунтам Хорошего Правительства для поддержки товарищей, которые не могут продать свои продукты или не получают никакой материальной поддержки.

Третье. — Участились случаи, когда нечестные люди обманывают национальное и международное гражданское общество, представляясь в городах как «сапатисты» якобы направленные с «особой или секретной миссией» просить деньги для больных, проектов, поездок и тому подобного. Иногда они предлагают даже военную подготовку в ложных «явочных квартирах» САНО в городе Мехико. В первом случае обманутыми оказываются интеллектуалы, артисты, разного рода профессионалы и даже некоторые чиновники местных властей. Во втором случае, жертвами становятся учащиеся и студенты. САНО заявляет, что никаких «явочных квартир» в городе Мехико у нее нет, и что она не предлагает никакой военной подготовки. Эти плохие люди, согласно имеющейся у нас информации, связаны с бандитизмом, и деньги, которые они просят якобы для общин, используются ими для личной выгоды. САНО уже начала свое расследование,¹⁴⁰ чтобы установить ответственность тех, кто пользуясь ее именем обманывает хороших и честных людей. Поскольку для выяснения того, является ли то или иное лицо частью САНО или ее баз поддержки и правда или нет, то что говорит, связаться с Генеральным Командованием САНО сложно, сейчас будет достаточно обратиться с запросом в одну из Хунт Хорошего Правительства (ту, что соответствует зоне, откуда представляется «обманщик»), и в течение минут будет дан ответ правда это или нет и является ли он сапатистом. Для этого Хунты Хорошего Правительства выдадут сертификаты и удостоверения, и тем не менее, это должно всегда проверяться.

Эти и другие решения будут приняты Хунтами Хорошего Правительства (которые так называются, не потому что они сами по себе такие «хорошие», а чтобы установить четкое различие между собой и «негодным правительством»).

Так что теперь уже «гражданским обществам» известно, с кем они должны договариваться по поводу проектов, лагерей мира, посещений, материальной поддержки и т. д. Защитники прав человека уже знают, кому передавать приходящие к ним жалобы и от кого они должны ждать ответа. Армия и полиция уже знают, на кого им следует нападать (имея только при этом ввиду, что в этом случае обязательно вмешаемся и мы, то есть САНО). Средства информации, говорящие то, что им платят, чтобы говорили, уже знают на кого клеветать и/или кого игнорировать. Честные средства информации уже знают куда обращаться с просьбами об интервью или репортажах в общинах. Федеральное правительство и его «уполномоченный» уже знают, что должны вести себя как будто ничего не происходит. И Власть Денег уже знает какого нового врага ей бояться.

140 САНО уже начала свое расследование — 24 июня 2004 г Сапатистский Фронт Национального Освобождения опубликовал и распространил через дружественные издания и сайты фотографии некоторых из аферистов, собиравших в Мехико деньги «от имени команданте Себедео». Этот материал постарались отправить всем организациям и лицам, так или иначе участвовавших в акциях солидарности с сапатистами.

Или, чтобы удачно провести ждущие вас считанные моменты тишины и спокойствия, вы можете взять с собой палатку (которые обычно очень практичны, потому что с первыми же каплями дождя они отправляются в плавание по морям грязи).

P.S. готовящий торт «МАРКО´С СПЕШЛ». — Единственной пищей, изобилующей под сапатистским небом, является надежда. Но поскольку, согласно последним научным исследованиям, рекомендуется сбалансированная диета, где надежда должна дополняться калориями, углеводами, витаминами, углеводородами и тому подобным, вы поступите правильно, если возьмете с собой соответствующий рацион из консервов, концентратов, черепах, галет и прочего, потому что может быть, единственное, что может быть вам удастся здесь найти — это лепешки (и то, в лучшем случае).

P.S. НАСТРАИВАЮЩИЙ. — Если он у вас есть, возьмите с собой коротковолновый радиоприемник (или отдолжите его у кого-нибудь, или в крайнем случае купите на улице у какого-нибудь мелкого торговца — в этом случае качество бывает лучше, чем при покупках в крупных торговых центрах), потому что 9 августа, мы пока еще не определились, во сколько точно, прозвучит первая межгалактическая трансляция «Повстанческого Радио». Даже если вы решите наказать нас бичом своего безразличия и не приедете, где бы вы ни находились вы сможете настроиться на нашу волну. Точная полоса частот: 49 метров, 5.8 мегагерц на коротких волнах. Поскольку наша трансляция не оставит равнодушным даже правительство, повторяйте на шкале приемника движения бедер в ритме кумбии, пока нас не найдете.

P.S. ОБОДРЯЮЩИЙ. — В программе намечаемых торжеств предусмотрен чемпионат по баскетболу. На нем определится как победитель лучшая команда (примечание: любая иностранная команда, которой вздумается выигрывать у местных, то есть у сапатистов, будет захвачена в плен, ее заставят прослушать полностью программу «Фокс с тобой»,¹⁴¹ после чего она будет объявлена «незаконной» и ее победа будет аннулирована). Участвуй! Поддерживай твою любимую команду! (примечание: любое выражение поддержки или симпатии уважаемой публики по отношению к любой из команд, не являющейся местной, то есть сапатистской, будет подлежать единодушному осуждению и ответственные за это будут задержаны и направлены на ближайшую ассамблею с целью быть там критикуемым и попасть «под взгляд»). Ожидается присутствие команд со всей планеты (Соединенные Штаты, Эускаль Эрриа, Испания, Франция, Италия, УНАМ, УАМ, ПОЛИ,¹⁴² ЭНА,¹⁴³ «гражданские общества», и др.), включая звезду из «Средней Автономной Повстанческой Сапатистской школы имени Первого января тысяча девятьсот девяносто четвертого года» (когда закончат представлять ее название, команда противника уже уснет)! И уже почти наверняка известно, что финал будет между САНО и САНО (для обеспечения этого, среди других команд будут распределены щедрые порции скисшего посоля). Ходят слухи, что уже начинается серьезная борьба между крупными международными концернами спортивных новостей за право на трансляцию, но эксклюзивность, кажется, уже передана Сапатистской Системе Интергалактического телевидения. Говорят еще, что ставки в Лас-Вегасе соответствуют 7 раз по 7¹⁴⁴ против 0,0001 (разумеется, в пользу сапатистов).

Все. Привет и если вы не сможете присутствовать, не волнуйтесь, все равно вы будете с нами.

(Продолжения не следует)

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

Мексика, июль 2003 г

Овентик, Чьяпас, 9 августа 2003 г.

141 «Фокс с тобой» — еженедельная субботняя радиопрограмма Президента Мексики

142 ПОЛИ — Национальный Политехнический институт

143 ЭНА — Национальная школа Антропологии и Истории

144 7 раз по 7 — намек на политическое эссе Маркоса «7 голосов 7»

САПАТИСТСКАЯ АРМИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

МЕКСИКА

Сапатистским Хунтам Хорошего Правительства:

Автономным Сапатистским Повстанческим муниципалитетам:

Национальному и международному гражданскому обществу:

Братья и сестры!

Примите это приветствие от меня и от всех офицеров, повстанцев и милисианос нашей Сапатистской Армии Национального Освобождения.

Мы поздравляем вас с рождением Хунт Хорошего Правительства. Это очень важный шаг вперед в нашей борьбе за признание прав и культуры мексиканских индейцев и хорошая форма попытки решения имеющихся проблем. И мы поздравляем всех присутствующих, потому что этот шаг вперед стал возможен и за счет поддержки «гражданских обществ» Мексики и всего мира.

Как вы помните, месяц назад, в июле этого года, советы 30 автономных сапатистских повстанческих муниципалитетов обратились к Подпольному Революционному Индейскому комитету — Генеральному Командованию САНО с просьбой о том, чтобы я стал на время и их представителем тоже.

Цель заключалась в объяснении мексиканскому и международному гражданскому обществу сути изменений, происходивших на повстанческой территории в течение последних 9 месяцев, и которые сегодня уже стали реальностью.

Сейчас мы видим что кое-что уже удалось объяснить, Хунты Хорошего Правительства созданы и они начинают действовать в первых Улитках Сопротивления, рождающихся сегодня на повстанческой территории. Мы уверены, что новые Улитки будут возникать сейчас по всей Мексике и по всему миру, потому что перед лицом Власти, мы, сапатисты, рисуем сегодня улитки.

Мы считаем, что как САНО, мы уже выполнили нашу часть работы, связанную с этими изменениями.

Мы создали Улитки, построили дома Хунт Хорошего Правительства и попытались объяснить немного, в чем именно заключаются изменения.

Так что сейчас я возвращаю им слух, голос и взгляд. Начиная с этого момента все, связанное с автономными сапатистскими повстанческими муниципалитетами, будет решаться непосредственно их властями и Хунтами Хорошего Правительства, с ними нужно будет обсуждать все вопросы автономных муниципалитетов, такие как проекты, посещения, кооперативы, конфликты и т. д.

Сапатистская Армия Национального Освобождения не может быть голосом тех, кто правит, то есть голосом власти, даже если те, кто правят, правят подчиняясь и являются хорошим правительством.

САНО говорит от имени тех, кто снизу, от имени тех, кем правят, от имени сапатистских народов, тех кто является ее кровью и сердцем, ее путем и ее разумом.

Наша работа в том, чтобы защищать их, поэтому мы Сапатистская Армия, Вотан-Сапата, страж и сердце народа.

Так что, начиная с этого момента я перестаю быть представителем автономных сапатистских повстанческих муниципалитетов. У них уже есть кому говорить, причем хорошо, от их имени.

Как военный командир сапатистских войск я сообщаю вам, что начиная с этого момента Автономные Советы уже не смогут обращаться к нашим солдатам для того чтобы они выполняли задачи, относящиеся к компетенции правительства. Поэтому они должны будут постараться, как это должны делать все хорошие правительства, в своем правлении обращаться не к силе, а к разуму.

Армии должны быть использованы для того чтобы защищаться, а не для того чтобы править. Армия не должна выполнять функций полиции или агентства правительственного министерства.

В связи с этим, и как вам отдельно сообщат наши команданте, нами будут ликвидированы все заставы и контрольно-пропускные пункты, по распоряжению автономных властей поддерживавшиеся нашими силами на дорогах и шоссе, кроме того мы перестаем нести ответственность за сбор налогов у частных лиц.

Начиная с этого момента заставы и контрольно-пропускные пункты будут восстанавливаться нами только в случаях объявления всеобщей тревоги.

Нашей работой и нашим долгом остается защита общин от агрессии негодного правительства, боевиков и всех тех, кто желает причинить им зло. Ради этого мы родились, ради этого мы живем, ради этого мы готовы умереть.

Мне нет необходимости говорить, что в Мексике и в мире есть много хороших людей, которые смотрят на вас. Есть в их взгляде уважение и надежда. Уважение, потому что когда все думали, что вы побеждены, вы продолжали двигаться вперед, потому что несмотря на постоянные преследования оружием и ложью, вы создали хорошее правительство. И надежда, потому что в сравнении с правительствами и политиками, которые лишь лгут и воруют, вы можете стать хорошим примером того, как править подчиняясь.

Мы просим вас, чтобы вы работали с этим чистым разумом, чтобы никогда не потерять это уважение и всегда поддерживать эту надежду.

И наконец хочу сказать вам, что для меня было большой честью являться вашим представителем.

Это все, что я хотел сказать и жду критики или чего положено.

С гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

Мексика, август 2003 г.

О ДНЕ РОЖДЕНИЯ САНО

Послание, отправленное субкоманданте Маркосом на открытие кампании «САНО: 20 и 10, огонь и слово» и на презентацию одноименной книги. (Сокращенный вариант)

Сапатистская Армия Национального Освобождения

Мексика

10 ноября 2003 г.

Доброе утро, добрый день, добрый вечер. К вам обращается Суп Маркос. Добро пожаловать.

(.....)

...Слова, которые я сейчас пишу и говорю, обращены ко всем тем, кто не состоя в рядах САНО, вместе с нами разделяет, защищает и старается воплотить в жизнь идею построения мира, в который вместятся все миры. Это определение может звучать и по другому — мы хотим дня рождения, в который поместятся все дни рождения.

Так что начнем наш праздник так, как всегда начинались все дни рождения в горах юго-востока Мексики 20 лет назад, то есть, с рассказывания историй.

Согласно нашему календарю, история САНО до начала войны, делится на семь этапов.

Первый этап заключался в отборе тех, кто должны были создать САНО. Это было приблизительно в 1982 году. Проводились практические занятия в сельве, продолжавшиеся по одному или двум месяцам, в ходе которых оценивалась готовность участников, чтобы определиться с теми, кто «положит начало». Второй этап — это так называемая «имплантация», то есть само учреждение САНО.

Сегодня 10 ноября 2003 года.

Давайте вместе представим себе, что в один из дней, такой же как и сегодняшний, но 20 лет назад, в 1983 году, группа людей готовила в одном из явочных домов экипировку, которую нужно было взять в горы юго-востока Мексики. Может быть, этот день 20 лет назад, проходил в уточнении возможных трудностей, накоплении информации о дорогах, альтернативных путях, погоде, определялись сроки, приказы, правила. 20 лет назад, может быть как раз в это же время, эти люди садились в машину и начинали путь в сторону Чьяпаса. Если бы мы могли там быть, мы наверное спросили бы у них, что они собираются делать. И они бы наверняка нам ответили: «создавать Сапатистскую Армию Национального Освобождения». Они ждали 15 лет, чтобы произнести эти слова.

Теперь представим себе, что 10 ноября 1983 года они пускаются в путь. Через несколько дней они добираются до конца проселочной дороги, выгружают свои вещи, прощаются с водителем фразой наподобие «до свидания», и потом, одев рюкзаки начинают подъем на один из горных хребтов, пересекающих с наклоном к западу, Лакандонскую сельву. Через несколько часов дороги с 25 килограммами веса за спиной, они уже глубоко в горах разбивают свой первый лагерь. Да, может быть в этот день было холодно и даже шел дождь.

Сегодня, 20 лет назад, под гигантские деревья спускается ночь, и при помощи карманных фонариков эти мужчины и женщины натягивают на веревки клееночную крышу, привязывают гамаки, ищут сухие дрова и поджигая кулек из целлофана разводят костер. При его свете командир записывает в походный дневник нечто вроде: «17 ноября 1983 г. Столько-то метров над уровнем моря. Дожливо. Разбит лагерь. Без новостей.» В верхней левой части листа, на котором он пишет, появляется название этой первой остановки в путешествии, которое как всем известно, обещает быть очень долгим. Не было никакой особенной церемонии, но в этот день и в этот час была создана Сапатистская Армия Национального Освобождения.

Наверняка кто-то предложил для этого лагеря какое-то название. Мы этого не знаем. Нам известно только, что эта группа состояла из 6 человек. Первые 6 повстанцев, пять мужчин и одна женщина. Из этих 6, трое были метисами и трое — индейцами. Пропорция 50 % метисов и 50 % индейцев в наших рядах не повторялась больше в течение всех 20 лет истории САНУ, впрочем как и пропорция женщин (менее 20 % в эти первые дни). Сейчас, через двадцать лет после того 17 ноября, процентное соотношение должно составлять приблизительно 98,9 % индейцев и 1 % метисов. Пропорция женщин уже приближается к 45 %.

Как назывался тот первый лагерь САНУ? Те первые 6 повстанцев до сих пор спорят на эту тему. Как я потом понял, названия давались лагерям безо всякой логики, и совершенно естественным путем и без обид избегались названия апокалиптические или пророческие. Например, ни один из лагерей не был назван «Первое января 1994 года».

Согласно рассказам тех первых шестерых, однажды один из них отправился на разведку в поисках места для нового лагеря. Повстанец вернулся, говоря, что найденное им место «просто мечта». Все отправились туда, и прибыв на место оказались посередине болота. Тогда они сказали ему, что «это не мечта, а кошмар». Поэтому лагерь был назван «Кошмаром». Это происходило примерно в первые месяцы 1984 года. Имя этого повстанца было Педро. Потом он стал младшим лейтенантом, лейтенантом, младшим капитаном, капитаном и субкоманданте. С этим званием и будучи начальником Сапатистского Генерального штаба он погиб в бою первого января 1994 года при взятии Лас-Маргаритас, в Чьяпасе, в Мексике.

На третьем этапе, еще задолго до восстания, мы были заняты решением задач по выживанию, то есть охотой, рыбной ловлей и собирательством диких фруктов и растений. В это время мы учились узнавать местность, то есть ориентации, походам, топографии. И еще на этом этапе мы изучали военную стратегию и тактику по учебникам североамериканской и мексиканской федеральной армий, учились обращаться с различными видами огнестрельного оружия, и кроме того, занимались так называемыми «боевыми искусствами». И еще мы изучали историю Мексики и в целом, честно говоря, вели весьма насыщенную культурную жизнь.

Я попал в Лакандонскую сельву уже на этом, третьем этапе, в 1984 году. Где-то в августе-сентябре того года, примерно через 9 месяцев после прибытия первой группы. Мы пришли с двумя товарищами — одной индианкой чоль и одним индейцем из народа цоциль. Если я не ошибаюсь, к моменту нашего прибытия САНУ состояла из 7 членов, постоянно находившихся в горах и двоих еще, которые постоянно «поднимались» и «спускались» в город с письмами и продуктам. Через селения мы проходили по ночам, притворяясь инженерами.

Наши лагеря в те времена были относительно просты: был интендентский участок или кухня, спальни, участок для упражнений, медпункт, участок 25 и 50 и поле огня для обороны. Наверное, кто-то из слушающих меня спросит, что это за участок 25 и 50. Дело в том, что для справления нужд, именуемых «первичными», нужно было на определенное расстояние удаляться от лагеря. Чтобы сходить по-маленькому нужно было отходить на 25 метров, а

чтобы сходить по-большому — на 50 метров, и кроме того, необходимо было выкопать мачете ямку и после закопать туда «продукт». Конечно, все эти нормы действовали, когда нас было, как говорится «горсть» мужчин и женщин, то есть когда наше общее число не превышало десяти. Позднее, мы начали строить туалеты в местах более отдаленных, но термины «25» и «50» остались.

Был у нас один лагерь, называвшийся «Очаг», потому что там мы соорудили наш первый очаг. До этого, огонь разводился прямо на земле и котелки (два больших — один для фасоли и другой для подстреленной дичи или пойманной рыбы) подвешивались к перекладинам из связанных бамбукорвых палок. Но потом нас стало больше и мы вступили в «эру очага». К этому моменту в списках САНО числилось уже целых 12 бойцов.

Через некоторое время, в лагере, который назывался «Новобранцы» (потому что новые бойцы сначала попадали туда), мы вступили в «эру колеса». Потому что мы смастерили при помощи одних мачете деревянное колесо и сделали тачку, чтобы возить камни к траншеям. Но видимо, времена были такие — колесо наше вышло достаточно квадратным и камни все-таки пришлось таскать на спине.

Другой лагерь назывался «Беби Док»,¹⁴⁵ в честь того, кто разорил, с благословения Соединенных Штатов, гаитянские земли. Все началось с того, что мы шли с колонной новобранцев чтобы разбить новый лагерь возле одного селения. По дороге мы наткнулись на стадо диких свиней. Партизанская колонна среагировала умело и организованно, то есть тот, кто шел впереди закричал «свиньи!» и в панике, ставшей его двигателем и горючим, взобрался на ближайшее дерево, с тем проворством, какое никогда больше за ним не наблюдалось. Другие мужественно бросились бежать... в противоположную от противника, то есть кабанов, сторону. Некоторые открыли огонь и подстрелили двух диких свиней. При вражеском отступлении, то есть когда кабаны ушли, на поле боя остался один брошенный поросенок, величиной с домашнего кота. Мы его приняли в семью и назвали «Беби Док», потому что события совпали с годовщиной смерти «Папы Дока» Дювалье, оставившего мясную лавку в наследство своему отпрыску. Мы разбили лагерь и занялись подготовкой ужина. А поросенок очень к нам привязался, видимо, из-за нашего запаха.

Другой лагерь тех лет был назван «Молодежный», потому что там была создана первая группа молодых повстанцев, которые назвали ее «Повстанческая Молодежь Юга». Раз в неделю молодые повстанцы собирались петь, танцевать, читать, заниматься спортом и проводить разные конкурсы.

17 ноября 1984 года, 19 лет назад мы впервые отпраздновали день рождения САНО. Нас было 9. Кажется, это было в лагере, который назывался «Маргарет Тетчер», потому что поблизости мы поймали обезьянку, которая, клянусь вам, была просто клоном «железной леди».

На следующий год мы отпраздновали этот день в лагере под названием «Ватапиль», потому что так называется растение, из листьев которого мы сделали обертку для продуктов.

Я был тогда младшим капитаном, мы находились в месте под названием Сьерра-дель-Альмендро, а основная колонна была в других горах. В моем подчинении было трое повстанцев. Если математические познания меня не подводят, в этом лагере нас было четверо. Мы отмечали праздник с галетами, кофе, пиноле с сахаром и кохолой,¹⁴⁶ которую подстрелили утром. Звучали песни и стихи. Один пел или декламировал, а трое других аплодировали со скукой, достойной какого-нибудь лучшего повода. Когда подошла моя очередь, я произнес торжественную речь, единственными аргументами которой были комары и окружавшее нас одиночество, и в ней я заверил присутствующих, что однажды нас будут тысячи и слово наше обойдет мир. Остальные трое согласились, но не со мной, а с тем, что съеденная мной галета наверняка была совершенно заплесневевшей, плесень оказала на меня соответствующий эффект и поэтому я брежу. Помню, что после этого всю ночь шел дождь.

145 «Беби Док» — прозвище Жана-Клода Дювалье, гаитянского диктатора, в возрасте 18 лет унаследовавшем «пожизненное президентство» от отца Франсуа Дювалье («Папы Дока»). В результате 29-летнего правления династии Дювалье десятки тысяч гаитянцев были убиты проправительственными военными группами «тонтон-макуты» и «леропарды», Дювалье присвоили себе сотни миллионов долларов из государственной казны. Был свегнут в 1986 г. в результате военного переворота и получил с семьей убежище во Франции.

Во время четвертого этапа, были установлены первые контакты с селениями нашей зоны. Сначала мы беседовали с кем-то одним из местных, а потом со всей его семьей. От семьи мы переходили к селению. И от селения — к региону. Так постепенно, наше присутствие превратилось в секрет полишинеля и в коллективный заговор. На этом этапе, протекавшем в то же время, что и третий, САНО уже не была той, какой мы ее представляли в самом начале. К этому моменту мы уже успели потерпеть поражение от индейских общин и в результате этого поражения САНО начала расти в геометрической прогрессии и становиться «очень другой», то есть, колесо все больше стесывалось, пока наконец не стало круглым, чтобы делать наконец то, что должно делать каждое колесо — вращаться.

Пятый этап — это этап стремительного роста САНО. Из-за политических и социальных условий ему способствовавших, наш рост вышел за пределы Лакандонской сельвы и мы добрались до Лос-Альтос¹⁴⁷ и до северных районов Чьяпаса. Шестой этап — это голосование в пользу войны и подготовка к ней, включая так называемый «бой в Корральчене»¹⁴⁸ в мае 1993 года, когда произошли наши первые столкновения с федеральной армией.

Два года назад, во время Похода за Достоинство индейцев, в одном из мест, через которые мы прошли, я увидел одну странную толстую бутылку, похожую на кастрюлю с узким горлышком. Инкрустированная осколками зеркала, мне кажется, она была из глины. На свету, каждое зеркальце этой кастрюли-бутылки отражало свою особенную картинку. Все ее окружавшее каким-то новым особым образом в ней отражалось и в то же время все это отражение напоминало радугу изображений. Казалось, множество маленьких историй объединились чтобы, не теряя своих различий, стать частью одной большой истории. Я подумал, что наверное история САНО может быть рассказана, увидена и проанализирована, неким подобным этой кастрюле-бутылке образом...

... Канун того первого января, был седьмым этапом САНО.

Помню, что ночь 30 декабря 1993 года застала меня на шоссе Окосинго — Сан-Кристобаль-де-Лас-Касас. Тот день я провел на позициях, занятых нами в окрестностях Окосинго. По радио я проверил обстановку наших войск, которые были сосредоточены в различных пунктах на краю шоссе, вдоль ущелий Пативица, Монте-Либамо и Лас-Тасас. Эти войска принадлежали Третьему пехотному полку и состояли приблизительно из 1500 бойцов. Миссия третьего полка заключалась во взятии Окосинго. Но до этого, «по дороге» они должны были захватить местные поместья и овладеть оружием «белой гвардии» помещиков. Мне доложили, что над селением Сан-Мигель кружил вертолет федеральной армии, видимо, внимание пилота привлекло скопление машин в этом селении. С раннего утра 29 числа, все машины, въезжавшие в район ущелий, не возвращались, все они были «отдолжены» для мобилизации войск третьего полка. Третий полк полностью состоял из индейцев цельталей.

Заодно я проверил позиции Батальона номер восемь (входившего в состав Пятого полка), который сначала должен был захватить муниципальный центр Альтамирано, а после этого на марше взять Чаналь, Ошчук и Уиштан, с тем чтобы участвовать в нападении на казармы Ранчо-Нуэво, в окрестностях Сан-Кристобаля. Восьмой батальон был усиленным. Во взятии Альтамирано должны были участвовать около 600 бойцов, часть из которых должна была остаться в захваченном пункте. При дальнейшем наступлении к ним должны были присоединиться другие товарищи и атака Ранчо-Нуэво планировалась группой из приблизительно 500 повстанцев. Большинство в Восьмом батальоне составляли цельтали.

Находясь на шоссе, я задержался немного на самом высоком его участке и связался по радио с Двадцать четвертым батальоном (тоже относившимся к Пятому полку), чья миссия заключалась в захвате муниципального центра Сан-Кристобаль-де-Лас-Касас и в совместном нападении (вместе с Восьмым батальоном) на военные казармы Ранчо-Нуэво. Двадцать четвертый батальон тоже был усиленным. Он состоял из почти 1000 бойцов, все из которых происходили из зоны Лос-Альтос и были индейцами-цоцилями.

147 Лос-Альтос — горный район в центральной части штата Чьяпас

148 «Бой в Корральчене» — 24 мая 1993 г. в горной местности Корральчен (муниципалитет Окосинго), федеральная армия во время проведения учений случайно наткнулась на сапатистский лагерь Лас-Калабасас. В завязавшейся перестрелке погиб один повстанец и два солдата. Эти события замалчивались правительством, потому что признание того, что на юге Мексики существуют партизанские группы могло поставить под угрозу подписание договора НАФТА с США.

Добравшись до Сан-Кристобаля, я объехал его по окраинам и попал на позицию, которую должна была занять Генеральная казарма командования САНО. Оттуда я связался по радио с командиром Первого полка, субкоманданте Педро, начальником сапатистского генерального штаба и вторым по старшинству в командовании САНО. Его миссия заключалась в захвате центра Лас-Маргаритас и в наступлении и атаке на военные казармы в Комитане. Первый полк состоял из 12000 бойцов, большинство которых были тохолабалами.

Кроме того, в так называемом «втором стратегическом резерве» оставался еще один батальон, состоявший из индейцев чолей, а в глубине наших баз в горах, в зонах проживания цельталей, тохолабалей, цоцилей и чолей, находилось еще три батальона, являвшихся «первым стратегическим резервом».

Таким образом, САНО впервые заявляет о себе публично, имея более 4500 бойцов на первой линии огня, составлявших так называемую Двадцать первую сапатистскую пехотную дивизию и примерно 2000 бойцов резерва.

Ночью 31 декабря 1993 года я подтвердил приказ о наступлении и время его начала. Резюмируя — САНО должна была атаковать одновременно четыре муниципальных центра и еще три «по дороге», подавить сопротивление полицейских и военных сил в этих пунктах и напасть на две крупные казармы федеральной армии. Дата: 31 декабря 1993 года Время: 24:00.

Утро 31 декабря 1993 года было посвящено уходу с городских позиций, занятых нашими людьми в некоторых местах. Около 14:00 различные полки подтвердили по радио Генеральному командованию свою готовность. В 17:00 начался обратный отсчет времени — это время было названо «Минус 7». С этого момента полностью прекращалась связь со всеми полками. Следующий радиоконтакт был запланирован на «Плюс 7», 07:00 первого января 1994 года... с теми, кто останется в живых...

... К этим первым минутам 1994 года мы готовились 10 лет. Вот-вот наступит январь 2004 года. Скоро исполнятся 10 лет войны. 10 лет подготовки и 10 лет войны, 20 лет.

Но я не буду сейчас говорить ни о первых 10 годах, ни о последовавших за ними, ни о всех 20 в сумме. Более того, я не буду говорить ни о годах, ни о датах, ни о календарях. Я буду говорить сейчас об одном человеке, о солдате-повстанце, о сапатисте. Я не буду говорить много. Не могу. Пока не могу. Его звали Педро и он погиб в бою. У него было звание субкоманданте и в момент своей гибели он являлся начальником сапатистского генерального штаба и вторым после меня в командовании. Я не буду говорить, что он не умер. Он умер и я не хотел, чтобы он умирал. Но, как и все наши мертвые, Педро бродит по этим местам и время от времени появляется среди нас, и говорит, и шутит, и становится серьезным, и просит еще кофе и зажигает очередную сигарету. Сейчас он здесь. Сейчас 26 октября и это его день рождения. Я говорю ему: «За здоровье именинника». Он поднимает свою чашку с кофе и отвечает мне: «За здоровье, Суб». Я не знаю, зачем я придумал себе имя «Маркос», если никто меня так не называет, все говорят мне «Суб» и разные производные. Мы беседуем с Педро. Я рассказываю ему и он рассказывает мне. Вспоминаем. Смеемся. Становимся серьезными. Иногда я браню его. Я браню его за недисциплинированность, потому что я не приказывал ему, чтобы он умирал, а он умер. Он не подчинился. И поэтому я браню его. Он только шире открывает глаза и говорит мне «что делать». Да, что делать. Тогда я показываю ему карту. Ему всегда нравится смотреть карты. Я показываю ему, как мы выросли. Он улыбается.

Хосуэ подходит, здоровается и поздравляет «с днем рождения товарищ субкоманданте Педро». Педро смеется и говорит: «пока ты все это выговоришь, наступит следующий день рождения». Педро смотрит на Хосуэ и на меня. Я молча соглашаюсь.

Проходит несколько секунд и мы уже не празднуем дня рождения. Втроем мы понимаемся на холм. На привале Хосуэ говорит: «Скоро исполнятся 10 лет с начала войны». Педро ничего не говорит и только зажигает сигарету. Хосуэ добавляет «И 20 лет с рождения САНО. Надо устроить танцы».

«20 и 10, — повторяю я медленно, и добавляю, — и те, что нам остались...».

И вот мы уже на вершине холма. Хосуэ снимает рюкзак. Я зажигаю трубку и показываю рукой вдаль. Педро смотрит туда, встает и говорит себе и нам: «Да, уже виден горизонт...».¹⁴⁹

Уходит Педро. Хосуэ снова поднимает свой рюкзак и говорит мне, что нужно продолжать путь.

Да, конечно же да, нужно продолжать путь...

Это все. Если вы заскучали, приходите завтра, 11 ноября на выставку произведений графического искусства, которые будут разыграны в лотерею в Доме Культуры им. Хесуса Рейеса Эролеса и на танцы 14 числа в Салоне Лос-Анхелес.¹⁵⁰

И если вы и там заскучаете, значит вы уже готовы стать депутатами, сенаторами и кандидатами в президенты Мексики.

Ладно, я уйду, потому что уже звучат первые аккорды «Крапленных карт» и если задержусь еще, то наверняка останусь без моей порции торта и конфет.

Привет! И счастливой встречи с нами и с собой.

С гор юго-востока Мексики

И надувая пузыри, чтобы не рассказывали, что я уже не дышу.

Субкоманданте Маркос

Мексика, ноябрь 2003 г. 20 и 10.

Коммюнике подпольного Революционного Индейского Комитета — Генерального Командования Сапатистской Армии Национального Освобождения.

Мексика.

14 февраля 2004 г.

Народу Мексики

Народам мира

Братья и сестры!

Подпольный Революционный Индейский комитет — Генеральное Командование Сапатистской Армии Национального Освобождения в этот день, посвященный нашим товарищам, павшим в борьбе, говорит свое слово.

В десятую годовщину с начала войны против забвения, САНО обращает свою память к сапатистам павшим за эти 10 лет войны. На частной церемонии, 2 января текущего года, повстанцы, офицеры и команданте почтили их память перед некоторыми из могил и в селениях, являющихся свидетелями рождения, взросления и борьбы наших товарищей.

Сегодня — 14 февраля, день который мы каждый год посвящаем памяти о боли нашей борьбы — памяти наших мертвых.

В связи с этим Генеральное Командование Сапатистской Армии публикует сегодня полный список сапатистов, павших в боях 1994 года, погибших и пропавших без вести

ПЕРВОЕ. В боях в районе Окосинго мы потеряли 34 бойца. Из них двое скончались от ран в наших полевых госпиталях (погибшие в бою, ПБ) и другие 32 пропавшие в бою (ПРБ).

Как известно, по крайней мере пятеро из этих пропавших товарищей были казнены без суда и следствия по приказу в то время бригадного генерала Луиса Умберто Портильо Леаля, начальника Тридцатой военной зоны. Осуществление убийств было поручено в то время майору пехоты Адальберто Пересу Наве, казнившему по крайней мере пятерых индейцев-сапатистов. Приказы генерала Портильо Леаля заключались в том, чтобы не брать пленных и убивать всех без разбора, вооруженных и безоружных. Другие сапатистские бойцы были казнены в то время младшим капитаном пехоты федеральной армии Лодехарио Сальвадором Эстрадой.

Выполняя приказ Портильо Леаля, федеральные войска убили восьмерых человек в больнице мексиканского института социального страхования Окосинго, перепутав их с сапатистами. На самом деле, это были члены полиции службы общественной безопасности штата, раненные при захвате муниципального центра Окосинго, и которым, соблюдая законы войны и кодекс воинской чести, САНО предоставила медицинскую помощь. По обвинению в

¹⁵⁰ 11 ноября на выставку произведений графического искусства, которые будут разыграны в лотерею в Доме Культуры им. Хесуса Рейеса Эролеса и на танцы 14 числа в Салоне Лос-Анхелес — в рамках празднования 20-летия основания САНО и 10-ти летия восстания 1 января 1994 г. в ряде городов Мексики и мира прошли акции по сбору средств в пользу только что созданных Хунт Хорошего Правительства, органиив самоуправления сапатистских общин Чьяпаса. В этом случае речь об организованной графическими художниками Мехико выставке-лотерейном розыгрыше их работ для поддержки социальных программ на сапатистских территориях.

этом преступлении военная полиция казнила младшего лейтенанта пехоты Хименеса Моралеса.

Эта информация была получена из личного дела Хесуса Вальеса Баэны А76-804-703, подписанного Бертой А. Суньигой, иммиграционным судьей исполнительного офиса по вопросам иммиграции департамента Юстиции Соединенных Штатов Америки, датированного 19 марта 1999 года. В этом документе содержится рассказ офицера Хесуса Вальеса Баэны о причинах его дезертирства из рядов федеральной армии после угроз смерти со стороны в то время полковника Бокарандо Бенавидеса. Как и в случае с офицером Вальесом Баэной, были и другие военные, отказавшиеся выполнять приказы об убийствах. О дальнейшей судьбе этих офицеров неизвестно.

В продолжение мы приводим боевые имена, полные имена и места рождения павших в боях в районе Окосинго:

ВТОРОЕ. В боях в районе Лас-Маргаритас у нас был один погибший в бою. Кроме того, в дни последовавшие за взятием Лас-Маргаритас сапатистскими войсками, когда федералы восстановили свой контроль над этим пунктом, офицер федеральной армии майор Теран похитил, подверг пыткам и казнил в колонии Агуа-Приета милисианос Эдуардо Гомеса Эрнандеса и Хорхе Мариано Солиса Лопеса. Нашим товарищам отрезали уши и языки.

В продолжение мы приводим боевые имена, полные имена и места рождения павших в боях в районе Лас-Маргаритас:

Задержанные, подвергнутые пыткам и убитые федеральными войсками в Лас-Маргаритас:

ТРЕТЬЕ. Кроме сапатистов, погибших в боях в районе федеральных казарм Ранчо-Нуэво, в общине Морелия, относившейся тогда к муниципалитету Альтамирано, 7 января 1994 года федеральная армия вошла в общину и похитила Севериано Сантиса Гомеса (60 лет), Эрмелиндо Сантиса Гомеса (65 лет) и Себастьяна Лопеса Сантиса (45 лет), являвшихся участниками гражданской базы поддержки САНО. Через некоторое время были найдены их останки, со следами пыток и очевидными свидетельствами того, что задержанные были казнены. Анализ останков был проведен специалистами из организации «Physicians for Human Rights». В продолжение мы приводим боевые имена, полные имена и место рождения сапатистов, павших в боях в Альтамирано, Ранчо-Нуэво и Морелии:

Задержанные армией, подвергнутые пыткам и убитые федеральными войсками в Альтамирано:

Погибшие или без вести пропавшие в боях в районе Альтамирано и Ранчо-Нуэво:

ЧЕТВЕРТОЕ. В тот же период войска САНО нанесли федеральным силам следующие потери — по крайней мере 27 убитых и 40 раненых. Кроме того, жизнь 180 солдат и полицейских, сдавшихся сапатистам, была сохранена (среди них дивизионный генерал Абсалон Кастельянос Домингес) и вскоре все они были освобождены.

ПЯТОЕ. Через десять лет после начала войны против забвения и в этот день, посвященный нашим павшим в борьбе, САНО чтит память этих сапатистов, в большинстве своем индейцев Чьяпаса, отдавшим жизни ради индейских народов и ради...

Демократии!

Свободы!

Справедливости!

С гор юго-востока Мексики,

от имени Подпольного Революционного Индейского комитета -

Генерального Командования Сапатистской Армии Национального Освобождения.

Субкоманданте Маркос

Памяти Амадо Авенданио

Сапатистская Армия Национального Освобождения.

Мексика.

30 апреля 2004 г.

Донье Консепсьон Вильяфуэрте,

Сан-Кристобаль-де-Лас-Касас,
Чьяпас,
Мексика.

Донья Кончита!

Примите вместе со всей вашей семьей наше объятие, которое, несмотря на все расстояния, не становится от этого менее теплым и братским.

Я отправляю вам письмо и коммюнике.

Это одно из тех писем и одно из тех коммюнике, которые было бы лучше никогда не писать.

И как для нас это обычно, молчание скажет больше, чем слова.

Будьте здоровы и тишина эта пусть обнимет вас.

С гор юго-востока Мексики,

Субкоманданте Маркос

Мексика, апрель 2004 г. 20 и 10.¹⁵¹

КОММЮНИКЕ ПОДПОЛЬНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ИНДЕЙСКОГО КОМИТЕТА — ГЕНЕРАЛЬНОГО КОМАНДОВАНИЯ САПАТИСТСКОЙ АРМИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Мексика.

Апрель 2004 г.

Родственникам и друзьям дона Амадо Авенданьо Фигероа

Народу Мексики

Народам мира

Братья и сестры!

С большой печалью узнали мы о кончине сеньора дона Амадо Авенданьо Фигероа, общественного борца и чьяпасского, то есть мексиканского, журналиста.

Еще задолго до рассвета, с которого началась война против забвения, дон Амадо был небезразличен к боли индейцев Чьяпаса. Вместе с доньей Консепсьон Вильяфуэрте и с теми, кто вместе с ними двоими делал газету «Тьемпо», он сумел услышать, когда большинство были глухи и смог увидеть, когда многие были слепы.

Поэтому с публичного начала нашего восстания мы выбрали его газету, как средство, чтобы представить остальным наше слово. И не из-за того что он, и те, кто с ним работали, были согласны с нами, а потому что они были согласны говорить правду. Некоторое время спустя, дон Амадо был выдвинут на пост губернатора штата Чьяпас. Лишенный победы в результате подлога, он продолжал сопротивляться и в течение периода своего губернаторства он подготовил проект новой государственной конституции для Чьяпаса. Это документ, которым мы сегодня пользуемся. В течение действия своего мандата и после его истечения, он продолжал следить с уважением и вниманием за процессом сапатистской борьбы.

С кончиной дона Амадо Мексика потеряла последовательного борца, Чьяпас — одного из своих лучших сыновей, индейские народы — брата и сапатисты — товарища.

Вечная память дону Амадо.

С гор юго-востока Мексики,

от имени Подпольного Революционного Индейского комитета -

Генерального Командования Сапатистской Армии Национального Освобождения.

Субкоманданте Маркос

Мексика, апрель 2004 г. 20 и 10.

САПАТИСТСКАЯ АРМИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Мексика.

Апрель 2004 г.

151 20 и 10 — В 2004 году исполнилось 10 лет с начала вооруженного восстания 1 января 1994 г и 20 лет со дня создания Сапатистской Армии Национального Освобождения.

Кому дойдет.

Этот вечер был бурого цвета. То есть, казалось, вот-вот он уйдет. Новость скрипучим голосом радиотранзистора хрустнула как сломанная ветка в этой псевдоночи сапатистского апреля. Показалось, что помехи на какие-то секунды прекратились, как раз в момент когда прозвучало: «Дон Амадо уже умер».

Так мне сообщили, что дон Амадо «уже умер». Может быть.

Может быть, дон Амадо уже умер и то, что я услышал как раз в момент, когда апрель сворачивает за угол календаря чтобы пропасть до следующего года, была вовсе не сломанная ветка, а новость о его смерти. Но если это была сломанная ветка, я мог бы подумать, что может быть, дон Амадо не умер, а просто свернул за один из углов, и хотя мы не сможем увидеть его сейчас, в следующем году он к нам вернется.

Мы узнали дон Амадо раньше, чем впервые увидели его.

Мы узнали его благодаря его слову. Его слово было прочно, как на стене, подвешено на листе времени. Мы, тогда еще скрытые, потому что наши лица были открыты, приблизились к этой стене времени и коснулись его сердца, то есть, его слова. Мы видели, что это слово нас увидело. Но не теми, кем мы были тогда и не теми, кто мы сегодня, а наш дом из боли и отчаяния, наше сердце.

Когда мы открылись, скрыв наши лица, мы увидели его. Была глубокая ночь первого января 1994 года. Он пришел, в шарфе, в очках, в куртке или пиджаке (не помню точно) и с записной книжкой. Он задал нам несколько вопросов. Что-то записал. Я спросил его: «Дон Амадо?». Не помню, что он мне ответил. Он почти не говорил. Но его взгляд говорил о многом. Не было в нем ни смертного приговора, который многие нам уже пророчили в те первые часы, ни осуждения, ни одобрения. Было в этом взгляде нечто наподобие... попытки понять. Каждый раз, когда я встречал его потом, его взгляд оставался тем же. Пытаться понять другого — это форма уважать его. И дон Амадо уважал нас.

И это уважение было взаимно. Или есть. Потому что, может быть, он умер. Но может быть, и нет.

После этого, после новости или сломанной ветки, ночь оказалась на редкость долгой. Она как бы растягивалась, но не для того чтобы взбодриться, а с тем чтобы проникнуть во все уголки, даже в те, что скрыты в самой глубине нашего существа.

На следующий день... не помню, давно был этот следующий день или недавно. Время, то есть календарь, часто нас обманывает. Но я рассказываю вам, что на этот самый следующий день в одном из селений сносили один из старых домов. Вскоре от него осталась только груда панелей, досок и собаки с любопытством их обнюхивающие.

Ко мне подошел старик Антонио, все еще не выпуская из рук молотка и мачете, посмотрел на развалины и сказал: «Этот домик уже отжил свое и сейчас остается только его история, история его борьбы и его сопротивления». Старик Антонио принял огонек моей зажигалки поднесенной к его сигарете и продолжил: «То же самое происходит, когда мы умираем, ничего не остается, только история того, что мы сделали и того что сделать не успели... время каждого из нас».

Если дон Амадо умер, он оставил нас без своего дома и нам осталась только его история. Но у дон Амадо была, или есть, одна проблема, которой далеко не каждый может похвастаться. Вместо сердца у него был дом, иногда притворявшийся газетой «Тьемпо», иногда — листом судебного дела, иногда — повстанческим правительством, а иногда — рассказчиком историй.

И в своем доме, то есть, в своем сердце, дон Амадо уже давно открыл окна и двери для тех, кто цвета земли, и с ними разделил он крышу, взгляд, слух и слово.

Мне говорят, что дон Амадо уже умер. Может быть, да. А может быть и нет, может он и не умер. Кто знает.

Может быть, в его сердце, то есть, в его доме, уже не осталось для нас крыши, что он уже не посмотрит на нас в окно, что мы не войдем уже в его дверь и не сядем за стол, как раньше, пока снаружи будет дождь, холод, солнце, тучи. А может быть, и нет, может, он не умер и потом, за каким-нибудь из углов ждет нас еще его дом, то есть, его сердце, с этим шумом, который принято называть «жизнью».

Я, честно говоря, не знаю, умер он или нет, но знаю, что его история, его время находятся здесь, с нами, с теми, кто вошел в его дом, потому что он открыл нам двери и

сделал он это потому что так он решил, так ему захотелось. Потому что есть сердца, которые так велики, что бьются только когда находятся вместе с другими.

Таким был дон Амадо... Или такой он есть... Я, честно говоря, не знаю... Смерть... может быть, да... может быть, нет...

Поэтому, сегодня ночью я лишь подобрал с земли сломанную ветку и посадил ее возле моего дома. Но не потому что думаю что она еще может прорасти, а потому что это знак для дона Амадо, чтобы он знал, что когда вернется из-за того угла за который ушел, среди нас он найдет сердце, то есть, как здесь принято говорить, «дом».

Все, дон Амадо. Счастливо и добро пожаловать.

С гор юго-востока Мексики,

Субкоманданте Маркос

Мексика, апрель 2004 г. 20 и 10.

P.S. Мы остались с чувством, как будто не успели завершить объятие. Как с наступившей внезапно тишиной... Вы слышите?...

ВИДЕО ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Часть 1: Один островок

Под защитой дождя светотень бредет по спирали, вычерчивая на своем пути контуры улитки. Входит? Выходит? Как знать. Кажется, что она говорит или пишет кому-то, кого нет. Посмотрим... Закончился праздник. Музыканты уходят, хотя здесь еще остается немного шума. Завтрашний день будет таким же, как и все остальные в этом месяце: появляющееся время от времени солнце, как будто подглядывает за нами — смотрит, что мы делаем, и после этого тучи, и дождь неожиданно покрывают нас нас с ног до головы, словно играя с нами в игру «замри». До поры, когда солнце поднимется в своей пижаме из облаков, остается пока достаточно времени. И есть еще время до того, как эти облака прольют свои воспоминания и вздохи на тени и свет, встающие снизу. Праздник гаснет понемногу, как бы отступая в ночь, как будто шум (мелодия шагов по луже) спрашивает «кто идет» и тишина отвечает молча «это я». Точно так же понемногу разливается в ночи стрекотание сверчков. Поэтому погоди немного, оставь свою талию на моей руке еще на несколько секунд. Посмотри на беспорядок рассыпанных в небе звезд, небо, умывающее смуглое лицо тени, луну, подмигивающую нам своим светом из-за туч. Слышишь? Остается только стрекотание ночи, последние капли дождя, с очевидным запозданием стучащие по жестяным крышам, пес, имитирующий эхо своего лая при общности других. Иди сюда, давай еще раз пройдемся, превратим наш взгляд в свидетельство. Зажги огонек сознания, сумей увидеть то что видно и чего не видно. Внимание! Вот уже появляются первые буквы.

Предполагается, что должен возникнуть экран, звук, изображение и пульт дистанционного управления. Предполагается, но... вместо экрана и пульта дистанционного управления появляется лист цветного картона, на котором можно прочитать:

САПАТИСТСКАЯ СИСТЕМА МЕЖГАЛАКТИЧЕСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ.....

НОВЕЙШИЙ ИЗ ВИДЕОФИЛЬМОВ!

Светотень меняет это объявление на другое, на котором написано, на этот раз курсивом: **ОТСУТСТВИЕ АУДИО И ИЗОБРАЖЕНИЯ В ВИДЕОФИЛЬМЕ ВЫЗВАНО НЕ НЕДОСТАТКАМИ ТЕХНОЛОГИИ, А ТЕМ, ЧТО НАЗЫВАЕТСЯ «ТЕХНОЛОГИЕЙ СОПРОТИВЛЕНИЯ».**

Ммм, такое вот видео, без изображения и без звука... Начиная с этого момента «альтернативное видео» будет представлено на последующих картонных вывесках, исписанных буквами разного типа, размера и цвета. Постарайтесь сесть поудобнее и читайте...

Жила-была... страна по имени Мексика

Вероятно будущие поколения мексиканцев об этом уже не узнают (благодаря преступной реформе в системе средней школы¹⁵²), но культурная легенда о создании Мексики не имеет ничего общего со смешением наций. Она не связана ни с жестокой испанской конкистой, ни с военными вторжениями, ни с явными или скрытыми вариантами имперских амбиций иных держав — Северо-Американских Соединенных Штатов, Франции, Англии, Германии.

Еще меньше у него общего с глупыми постановлениями (при смене каждого из правительств) о конце истории, которая, как предполагалось, завершалась на каждом из имен их авторов: Агустин де Итурбиде,¹⁵³ Антонио Лопес де Санта Анна,¹⁵⁴ Максимилиан Габсбург,¹⁵⁵ Карлос Салинас де Гортари (или на званиях любого из тех, чья позиция «неважно как меня зовут, но меня знают как кульминацию всех времен»).

Нет, исторический, культурный и символический ориентир этой нации — индейские: на одном островке орел пожирает змею, и пьедесталом ему служит кактус. Этот образ станет щитом, знаменем, синонимом, коллективным зеркалом и культурным якорем мексиканцев, начиная с XIX века и до нынешней зари века XXI. Как гласит легенда, на месте, где был увиден этот знак, мешики¹⁵⁶ основали Теночтитлан.¹⁵⁷ Бог Уицилопочтли¹⁵⁸ (именуемый так же «Синее Небо» и представленный солнцем) победил Копиля.¹⁵⁹ Сердце побежденного было посеяно в землю и превратилось в кактус. Мешики, происходившие из Ацтлана («Обители Цапель») станут известны потом как «ацтеки» и это название превратится через некоторое время синонимом слова «мексиканцы». Поэтому сегодня, когда в атмосфере всеобщего хаоса двадцать первый век лепечет свои первые годы, эти символы напоминают нам, что Мексика была основана на островке. И на том же островке, где она провела всю свою долгую историю, мексиканская нация сталкивается сегодня с очередной попыткой ее разрушения, имеющей сегодня в качестве алиби слово «модернизация». И, как и во всех войнах, атаке власть имущего подвергаются в первую очередь две главные цели — правда... и календарь.

Быстрый просмотр основных сюжетов «национальной жизни», представленных средствами массовой информации (в частности, телевидением), вызывает чувство хаоса, анахронизма и бессмысленности. Действующий календарь отмечает середину 2004 года, но программа напоминает нам то середину века XIX, то середину года 2006.¹⁶⁰

Разница между левыми и правыми заключается в том, что одни из них появляются на видео, а другие нет.

Некоторые повороты дела Аумады не только подтверждают актерские качества руководства Революционно-демократической партии (РДП), их провинциальность, стоящую

152 Реформа в системе средней школы — предложенная президентом Фоксом школьная реформа предполагает сведение к минимуму изучение истории древних культур и цивилизаций.

153 Агустин де Итурбиде — общественный деятель (1783–1824), сын испанца и мексиканки, боровшийся против независимости Мексики от испанской короны. После победы сторонников независимости, попытался стать императором Мексики, но был свергнут.

154 Антонио Лопес де Санта Ана — мексиканский военный и политик (1795–1876), трижды являвшийся президентом, в ходе его военного поражения Мексика лишилась Техаса, поддерживал консервативные аристократические круги и в конце жизни возглавил военный переворот, попытавшись стать диктатором.

155 Максимилиан Габсбург — австрийский принц, которого французские интервенты назначили императором Мексики.

156 мешики — индейский народ, положивший начало культуре ацтеков

157 Теночтитлан — древняя столица империи ацтеков, находившаяся на территории современного Мехико.

158 Уицилопочтли — главный бог мешиков, занимавший центральное место в религии ацтеков. В его честь приносились многочисленные человеческие жертвоприношения

159 Копиль — ацтекский бог, согласно легенде, восставший против Уицилопочтли, чтобы отомстить за смерть своей матери. Победивший его Уицилопочтли вырвал его сердце и бросил его в воды озера Текскоко.

160 2006 год — год следующих президентских выборов в Мексике.

в очереди, чтобы не опоздать на частный самолет растлителя совершеннолетних, их доморощенное упадочничество (ирписты и пээндисты потешались над пластиковыми и матерчатыми сумками и чемоданами, как будто бы не было, говорят, кибернетических финансовых систем и банковских счетов на Каймановых островах) и безотказный метод покрытия одного скандала другим еще большим (заговор — в любом смысле, несомненный — это медийный умывальник).

Отдельное спасибо Аумаде следует сказать за то, что благодаря ему федеральное правительство еще раз показало себя во всей красе, предпочитая судебному разбирательству скандал в прессе, демонстрируя истинную политическую величину (лилипутскую) «динамического дуэта» (Криля и Дербеса¹⁶¹), и обнажая уязвимость мексиканского государства в результате спровоцированного их правительством международного кризиса из-за обострения отношений с правительством Кубы. И самое главное — дело Аумады это лишь один из множества случаев в длинном списке того, чем класс политиков разрушает календарь — 2006 год станет самым длинным годом в истории, и начался он в январе года 2004. Причиной того, что интриги Карлоса Аумады, «видеофила по призванию» (согласно Монсиваису¹⁶²), стали достоянием общественности было отнюдь не стремление к справедливости или жажда правды. Причиной было стремление нанести удар по имиджу Лопеса Обрадора.¹⁶³ Потому что, если речь идет просто о случаях коррупции, скрытых и объявленных — Институционно-революционная партия (ИРП) ничуть не отстает по рейтингу. В так называемом *Пемексгейте* улик более чем достаточно, не хватает только видео. В *грязной войне* Диаса Ордаса-Эчеверрии-Лопеса Портильо-де ла Мадрида-Салинаса де Гортари-Седильо¹⁶⁴ есть неопровержимые доказательства, но правосудие как обычно поспешило скорее перевернуть эту неудобную для всех страницу. В многочисленных фальсификациях результатов выборов нет сомнений, но на скамье подсудимых не осталось свободных мест. У коррупции, ставшей правительством, есть юридические гарантии, которые невозможно превратить в лозунги избирательных кампаний. И партия Национального Действия (ПНД) оспаривает свое место в программе. И случаи с организацией «Вперед, Мексика», Национальной Лотереей¹⁶⁵ и отвлечения средств из общественных фондов для Провиды¹⁶⁶ были, как нам поспешно объясняют, проблемой отделов по связям с общественностью и «скандальной прессы».

К своему величайшему сожалению, три основные политические партии Мексики, борются между собой за лидерство в скандале с той же страстью, с которой раньше они боролись за голоса. И кажется, что некому сделать им отдолжения, проинформировав их о том, что кризис мексиканского государства приводит, кроме всего прочего, и даже прежде всего, к кризису класса политиков. Если период выборов 2006 года оказался перенесен на 2004 — это не по причине неожиданно возникшей в этом потребности, а из-за того, что стремление опередить события перестало быть прерогативой одних только журналистов.

161 Криль и Дербес — Сантьяго Криль — глава правительственного секретариата Мексики, Луис Эрнесто Дербес — министр иностранных дел Мексики

162 Карлос Монсиваис — один из крупнейших писателей, мыслителей и культурологов современной Мексики (1938 г.р.). Симпатизирует сапатистам и неоднократно встречался с Маркосом.

163 Андрес Мануэль Лопес Обрадор — нынешний председатель правительства города Мехико, член РДП, кандидат в президенты страны на будущих выборах, является политиком с одним из самых высоких в стране рейтингов.

164 Диаса Ордаса-Эчеверрии-Лопеса Портильо-де ла Мадрида-Салинаса де Гортари-Седильо — мексиканские президенты времен последнего периода диктатуры ИРП

165 Случай с Национальной Лотереей — скандал, связанный с незаконным перечислением средств со счета государственной лотереи в адрес частного фонда «Вперед, Мексика», возглавляемого супругой президента Фокса

166 Отвлечения средств из общественных фондов для Провиды — правительство Фокса незаконно перечислило частной консервативной католической организации Провида сумму в 3 млн. долларов, «отстегнув» их от средств, предназначенных для покупки лекарств для больных СПИДом

Разница между прошлым и будущим заключается в том, что первое уже побывало в исповедальне.

Если борьба за власть иногда заставляет нас забежать на годы вперед, сегодняшние правые не забывают о своем деле и помогают нам отступить на десятилетия и века назад.

Будучи мировыми чемпионами в области двойной морали, правые силы пытаются навязать мексиканскому обществу систему ценностей, опирающуюся на сектантство вместо интеграции, философию телесериала вместо научного познания, нетерпимость вместо уважения к отличному, расизм вместо человеческих ценностей, подачку вместо справедливости, затхлый угол вместо свежего воздуха, лицемерие вместо честности. То есть — средневековье, но с интернетом и телевидением последних технологий. И если кто-то думает, что сфера деятельности правых сил ограничена областью культуры, в которой она не знала ничего кроме поражений (любое мероприятие или представление бойкотируемое профессиональными правыми имеет гарантированный успех), или встречается исключительно в рядах ПНД и ретроградских иерархиях Католической церкви, то он наивен... и безответственен. Начиная от «Легионеров Христа»¹⁶⁷ и заканчивая «Юнке»,¹⁶⁸ и не забывая, разумеется, об «Опус Деи»¹⁶⁹ и «Провиде», правые силы уже не довольствуются простым завоеванием «умов и сердец». Они захватывают пространство власти, набирают и натаскивают группы ультраправых боевиков и руководят (иногда с открытым цинизмом, а иногда в скрытой форме) политическими, предпринимательскими, медийными и социальными группами.

Вобщем, правые силы растут, множатся и не умирают.

Более того. Правые силы возрождаются при сообщничестве одного просвещенного оппортуниста, являющегося ректором Мексиканского национального автономного университета, УНАМ (и будущим кандидатом в президенты страны) Хуана Рамона де ла Фуэнте, и близких ему университетских групп. После недавнего убийства молодого студента УНАМ Ноэля Павеля Гонсалеса Гонсалеса, кровавая рука правой группы Юнке оказалась укрыта только благодаря пособничеству Генеральной прокуратуры Столичного округа (принадлежащей РДП, считающей себя левой), которая кроме ежедневных появлений по радио, телевидению и в прессе, раздает «самоубийства» как пресс-бюллетени. Вместе с Павелем и его семьей, в ожидании остаются Дигна Очоа и ее близкие. С горечью они сталкиваются с тем, о чем многие молчат — алхимией, представляющей ложь, как юридические истины.

Наблюдая за действиями правителей, можно увидеть, что если раньше борьба между партиями шла за «центр», то сегодня все борются за право быть правым. И, очевидно, что кроме тенденции к коррупции и авторитаризму, политиков объединяет еще одна черта — культ средств массовой информации.

Разница между демократией и рейтингом заключается в... в... в... есть какая-то разница?

Политические изменения в Мексике конца XX века и начала века XXI можно оценить наблюдая за отношениями между правительством и средствами массовой информации. В «золотой век» ирпизма («предмодерность», называют его некоторые) всем правила одна-единственная партия. «Модерность» внесла в средства информации некоторые изменения и стало удобнее править ВМЕСТЕ со средствами массовой информации. Через некоторое время роль коммуникации возросла еще больше и политическая власть оказалась фактически подчинена средствам массовой информации. И сегодня, во времена «постмодерности», средства массовой информации являются инстанцией, КОТОРАЯ правит, а политики — лишь труппа, подчиняющаяся не только законам жанра, но и темам, определяющимся для них телевидением, радио и печатной прессой (в этом порядке и по этому расписанию).

167 «Легионеры Христа» — мексиканская крайне правая и консервативная католическая организация

168 «Юнке» — секретная ультраправая католическая организация, активно участвующая в политической жизни Мексики

169 «Опус Деи» — ультрареакционная конфессия Римской католической церкви, созданная в 1928 году в Испании Хосемарией Эскрива де Балагером, распространенная сегодня по всему миру и занимающая крайне правые и консервативные позиции

Нечто очевидное — национальная повестка дня (то, что является наиболее важным и наиболее срочным для страны, как это должно быть показано, как это должно быть разрешено, при помощи какого метода, в каком порядке приоритетов, и за какое время, то есть, повестка главных национальных тем) уже решается не в узких эксклюзивных кругах класса политиков (как это было раньше), ни тем более внизу, населением (как это никогда не делалось, хотя должно было бы делаться всегда), а на уровне правлений крупных коммуникационных предприятий.

Если раньше телевидение, радио и печатные издания находились в большинстве своем закованными в кандалы авторитарной политической системы, то сейчас, благодаря социальной борьбе и заслугам многих честных журналистов существует некая относительная свобода (жестоко атакуемая со всех сторон, причем так, что профессия журналиста должна была бы считаться сегодня профессией «повышенного риска») для того чтобы затрагивать такие темы о которых раньше и не мечталось и делать это творчески, критически и глубоко (хотя все это вместе встречается не так часто). Поэтому следует воспользоваться случаем, чтобы поприветствовать неравнодушную журналистику (она все еще встречается), которая не раздумывая бросает вызов власти в момент сообщения новостей, передачи репортажа или подготовки хроники.

Увеличив свое влияние и моральный авторитет, эта честная журналистика, привлекла к себе внимание со стороны власти. Различными, более или менее хитрыми путями политики пытаются привлечь ее на свою сторону. Но журналисты, в отличие от политиков, обычно не такие глупцы. Они понимают, что политики не имеют представления о том, что происходит в реальной жизни. Поэтому остаются те, кто продолжает занимать по отношению ко власти все ту же критическую позицию, но есть и те, кто предлагает ей свои услуги. Эти последние, как правило, привыкли называть себя «голосом общества».

«Общественное мнение» — это прикрытие, при помощи которого некоторые средства массовой информации выдают свои частные критерии и интересы одной единственной группы, за пожелания всего населения. Сводки новостей и «столы обозревателей» постепенно подменили собой демократию (правительство народа, для народа и ради народа), включая даже демократию избирательную. Всенародно избираемые посты будут скоро определяться не количеством отдающих голоса, а числом звонков из аудитории (вместо бутерброда, бутылки пепси-колы и кепки или футболки, являвшихся предмодерной атрибутикой того или иного кандидата, в будущем раз сорок напечатывают ваш лотерейный билет для розыгрыша лотереи на право посещения цирка Сан-Ласаро¹⁷⁰).

И речь здесь не о каком-то постоянном злонамеренном обмане, значительное количество журналистов, ведущих политических колонок и обозревателей являются людьми честными, критически мыслящими и действительно озабоченными проблемами общества. Иначе они не пользовались бы уважением телезрителей, радиослушателей и читателей. Но есть и те, кто журналистом вовсе и не является и чье восприятие действительности совпадает со взглядом малой привелигерованной группы, которая видит проблему извне... и сверху.

В ситуации, при которой правительство не правит, постоянно возрастающее значение журналиста в обществе, ставит его в положении эквилибриста, идущего по тонкой линии, отделяющей этику от цинизма. И, наедине с зеркалом, каждый знает о себе, кто он есть.

Жизненно важная роль журналистики оказалась «похищенной» медийными монополиями. Рейтинг средств массовой информации — заслуга работающих в них журналистов, а не авторов рекламных роликов, поставлен на службу политического маркетинга, что особенно заметно во время избирательных периодов (а избирательным сейчас является весь календарь, даже когда в обозримом будущем нет никаких выборов). Таким образом, рекламный имидж заменяет принципы и политические программы и превращается в нечто самое главное и нередко «толкает» целую политическую партию в объятия того, кто «одет» в «самые народные» одежды (так было с ПНД по отношению к Фоксу, так происходит сейчас с РДП по отношению к Лопесу Обрадору и ИРП... ИРП... наверняка скоро кого-нибудь себе найдет).

170 Цирк Сан-Ласаро — имеется в виду Национальный конгресс Мексики, именуемый дворцом Сан-Ласаро

Вывод: Разница между «предмодерностью» и «постмодерностью» заключается в том, что в течение первой у политиков были те, кто им готовил речи, а во время второй у них есть те, кто делает для них рекламные ролики.

Тем не менее, объятия средств массовой информации и класса политиков могут оказаться смертельными... для самих средств массовой информации. Опьяненные прямой привилегированной связью с политической властью журналисты воспринимают ее порой как свой единственный адресат и забывают о своей социальной функции. И если эта тенденция сохранится, не пройдет много времени до той поры, когда единственными заинтересованными в этих новостях останутся только другие журналисты (с сожалением вынужден сообщить им о том, что политики не смотрят, не читают и не слушают новостей, у них всегда есть ответственный или ответственная, который или которая регулярно готовит им резюме). И точно так же, как сегодняшние политики обходятся без тех, кем они правят, так и завтрашние средства массовой информации обойдутся без аудитории. Тогда они поздравят друг друга и, глядя на себя в зеркало другого, скажут себе: «Какие мы важные!»

Разница между прогрессивным и фашистским средством массовой информации заключается в употреблении ими личных местоимений я, мне, меня, со мной...

«Демонстрация против преступности»,¹⁷¹ названная многими «исторической» (хотя эту честь ей удалось удержать всего на несколько дней, пока уход в отставку Дурасо¹⁷² не отправил ее, как говорим мы, журналисты, «во внутрь»), вызвала некоторые дебаты (которые на самом деле оказались интенсивным обменом эпитетами) о роли средств массовой информации.

После угрозы народным восстанием в ответ на в любом случае несправедливый, неоправданный и незаконный процесс по лишению Лопеса Обрадора парламентской неприкосновенности, РДП и ближайшие к ней группы призвали выразить свое возмущение путем организации так называемой «Молчаливой Демонстрации». Эта мобилизация была полным успехом в смысле участия в ней... зажиточных слоев. Столько времени, потраченного на завоевание этого сектора (Джульяни, «вторые этажи», исторический центр города Мехико, строительный бум в Санта-Фе, «Хьюстон» западной части Столичного округа¹⁷³), и в результате он, неблагодарный, выходит на улицы протестовать по поводу роста преступности.

Наступает момент проведения демонстрации и правые, которые всегда готовы к капитализации всего, брошенного левыми, пытаются ею воспользоваться (неудачно, как выяснилось впоследствии). К этому добавляются средства массовой информации. Кстати, огромное большинство манифестантов выходят на улицу благодаря призывам телевидения, радио и прессы. Есть средства информации, которые это делают в рамках «демонстрации силы» перед Лопесом Обрадором и стремятся «приручить» его, и есть другие, делающие это просто из собственной последовательности, считая адресатами демонстрации федеральное, региональное и муниципальное правительства.

Значительная часть участников демонстрации принадлежала к обеспеченным слоям мексиканского общества (улицы, прилегающие к Реформе¹⁷⁴ и историческому центру, занятые автомобилями с шоферами и телохранителями, изнывающими в ожидании, десятки припаркованных автобусов из частных школ, роскошные рестораны, переполненные до, во время и после демонстрации, как сказал мне один свидетель: «это было как торговый центр, но колоссальных размеров»). Конечно же была использована и старая мексиканская традиция по «сгону» и «добровольно-принудительному участию по списку» (крупные магазины торговых центров «освободили» от работы своих служащих, отправившихся на демонстрацию). И тем не менее, требования, прозвучавшие на этой демонстрации оказались

171 «Демонстрация против преступности» — 27 июня 2004 г. в Мехико прошла «Демонстрация против преступности», к участию в которой призывали более 80 различных организаций, в ней участвовало почти 300 тысяч человек

172 Альфонсо Дурасо — личный секретарь президента Фокса и пресс-секретарь правительства

173 Джульяни, «вторые этажи», исторический центр города Мехико, строительный бум в Санта-Фе, «Хьюстон» западной части Столичного округа — богатые дорогие районы мексиканской столицы

174 Реформа — одна из центральных улиц Мехико

вовсе не те, которых ожидали правые. Нет, демонстранты не выступили против экспроприации частных предприятий, налогов на предметы роскоши, законов, заставляющих фирмы платить достойные зарплаты, поддержки нефтью кубинского правительства или с требованием того, чтобы «розовое» правительство ушло в отставку. Вышедшие на улицы люди выступили против преступности. Да, это были отнюдь не массы бедняков, но в таком случае что, пусть свободно грабят, похищают и убивают всех, кто не беден?

В течение многих лет РДП боялась улиц. Любая демонстрация, не направленная в поддержку этой партии или ее руководства, воспринималась ею с ревностью. В результате сатанизации студенческого движения УНАМ в 1999 году (поскольку студенты не позволили РДП руководить собой) и многих лет разрушения социальных организаций, улицы оказываются во власти у тех, кого кого столько пытались ублажить — тех, у кого и власть и возможности.

С другой стороны, успех этой демонстрации в первую очередь оказался сюрпризом для самих средств массовой информации. Телевиса догадалась лишь провести круглый стол на тему «Что будет дальше, после демонстрации?» и попросить трех поросят (Фернандеса де Севальоса, Джексона и Ортегу¹⁷⁵) взять на себя обязательства договориться о совместном плане борьбы с преступностью. Ожидать сегодня чего-то о этих персонажей! Это как верить в НЛО...

Средства массовой информации нередко шли на конфронтацию с правительством города Мехико. Показ видеосъемок в связи с делом Аумады и репортажи на тему преступности — только некоторые из примеров. «Демонстрация Молчания» лишь подлила масла в огонь. От этого до обвинения некоторых средств информации, в частности Телевисы, в том, что они — «черная рука фашизма» оставался всего один шаг..., который незамедлительно был сделан.

Тем не менее, при внимательном прочтении информации, опубликованной некоторыми из средств, можно сделать следующий вывод: «Кроника», «любимая» газета Лопеса Обрадора, по крайней мере уже два шестилетних периода настаивает на том, чего сегодня требует ИРП — чтобы юридические тяжбы проводились не средствами массовой информации, а судебными инстанциями. «Реформа», другая газета, весьма «ценимая» АМЛО,¹⁷⁶ документально продемонстрировало коррупцию не только РДП, но и всего политического спектра. «Эль Универсаль» содержит в своих рядах достойную команду репортеров и обозревателей. «Ла Хорнада» не прекращает выполнения своего долга перед обществом (уже почти 20 лет) и эта газета остается наиболее посещаемой кибернетической аудиторией. Телевиса в последовавшие после демонстрации дни в своих новостях продолжила и углубила тему обвинений Лопеса Обрадора против продаж Банамекса и Банкомера.¹⁷⁷ Через несколько недель репортеры Телевисы провели расследование вопроса об отвлечении средств, изначально направленных на борьбу против СПИДа, на счета правой организации Провида, документально доказали существование практики подпольных абортов в клиниках этой организации, которая, как предполагалось всегда против них боролась. И этих примеров куда больше, чем существующего эфирного времени.

С другой стороны, Телевиса организовала пошлое и вульгарное освещение свадьбы журналистки Летисии с одним из членов испанской королевской семьи (извините, забыл его имя, может быть в туалете...) затратив на это средства, которых не была удостоена тема покушений 11 марта. И приняла участие в освещении сказки для дурачков об НЛО, которых якобы наблюдали мексиканские ВВС. Кроме того, в одном из своих специальных репортажей, посвященных теме уличных торговцев, возглавила новую опасную моду, которой стала криминализация бедности. В репортаже были показаны уличные торговцы и мойщики машин, таким образом, будто большинство из них являются ворами и грабителями. И в качестве подтверждения информации о вручении, сеньор Эбрард¹⁷⁸ (который, если я не

175 Диего Фернандес де Севальос, Энрике Джексон и Хесус Ортега — мексиканские сенаторы

176 АМЛО — прозвище Андреса Мануэля Лопеса Обрадора из инициалов его полного имени

177 Банамекс и Банкомер — мексиканские банки

178 Марсело Эбрард — директор секретариата полиции Мехико

ошибаюсь, является шефом полиции «Города Надежды»¹⁷⁹) отдаст сегодня все находящиеся в его распоряжении силы преследованию и наказанию бедных. Таким образом, борьба с преступностью превращается в борьбу с бедняками... и вновь преследуется всю та же цель — улаживание другой, привилегированной части общества.

Так что, кажется, ни то и ни другое из этих утверждений не соответствуют действительности. Ни Телевиса, ни другие электронные или печатные средства информации не являются авангардом фашизма в Мексике, как заявляет об этом РДП. Однако ни Телевиса, ни другие электронные или печатные средства информации не являются также и социальным и информационным «авангардом демократизации», как привыкли называть себя их ведущие, обозреватели и издатели. Точно так же, правительство Лопеса Обрадора колеблется сейчас между поддержкой неимущих, социальными программами и культурными инициативами, которые можно только приветствовать, с одной стороны, и с другой — авторитаризмом и преследованием бедняков путем проведения полицейских операций, съемки которых напоминают репортажи приходящие из Ирака, оккупированного английскими и североамериканскими войсками. Нет, и одни и другие находятся пока в процессе самоопределения.

Но средства массовой информации и политики заняты не только навязыванием нам идеи о том, что бедность это синоним преступности. Каждый день происходят политические и финансовые скандалы, за которыми не следует ни малейшего уголовного наказания и все сводится лишь к моральному осуждению. Уже давно не обсуждается, был ли тот или иной поступок морально допустимым, вопрос лишь в том, был он легален или же нет. Мексиканская юридическая система вместе со всем государством продолжает погружаться в пучину разложения, в которой и судьями и законами покрывается все, в том числе и преступления против человечества. Физическое устранение противников с последующим сокрытием их тел и репрессии (с участием в них среди прочих президента Эчеверри), финансовые махинации (как в случае с Национальной лотереей), отвлечение средств (как в случае с ПНД в отношении Провиды), грабеж, преподносимый нам в виде юридических соглашений (как в случае, когда жертвой стали трудящиеся государственной системы социального страхования¹⁸⁰) и все, что накопилось в этой сегодняшней программе, все это оказывается разрешено нынешней «властью закона», и в результате чего властями безответственно возвращаются социальная обида.

В это же самое время, скрываясь за надуманной виртуальной повесткой дня средств информации, осуществляется другая, настоящая повестка — разрушение мексиканского государства...

Другая программа?

Вне этой программы есть люди, коллективы, группы и народы, которые понимают, что за этой, предполагаемой «национальной повесткой дня», скрыта другая, реальная, которая заключена, грубо говоря, в разрушении Мексики как страны. Они знают, что стремительное и беспощадное разрушение национального государства, осуществляемое классом политиков, лишенных стыда и воображения (и нередко сопровождаемое некоторыми средствами массовой информации и всей юридической системой) приведет к хаосу и кошмару с которыми не сравнится ни один из фильмов ужасов.

Тонущее в неолиберальном море, мексиканское государство с каждым днем погружается с все глубже и все меньше подходит на себя и все больше становится похожим на ничто. Страна, история создания которой началась на островке посредине озера, тонет в водах, которые являются для нее чужими.

Но есть мексиканки и мексиканцы, которые сопротивляются. Не без трудностей, со множеством ошибок и моментов горечи, неизбежных при выполнении того, что принято считать долгом, они строят маленькие пространства, островки, на которых можно мечтать,

179 «Город Надежды» — распространенное поэтическое название Мехико

180 Случай, когда жертвой стали трудящиеся государственной системы социального страхования — в рамках курса на приватизацию всей социальной сферы, мексиканский конгресс принял закон о сокращении пенсий трудящихся Мексиканского Института Социального Страхования (МИСС)

бороться, работать. Острова, на которых завтрашня Мексика снова станет Мексикой, может быть немного другой, немного более хорошей, но Мексикой.

Мы будем говорить об одном из таких островков сопротивления, не лучшем и не единственном. Мы будем говорить об автономии индейских сапатистских общин. об Улитках и о Хунтах Хорошего Правительства, о наших недостатках, ошибках и о достигнутом, и нашим единственным видеосигналом станет взгляд, принимающий наше слово, и наши единственным аудио станут уши и сердца тех, кто не находясь здесь физически, все равно остаются рядом с нами.

(Продолжение следует...)

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

Мексика, август 2004 г. 20 и 10.

Часть вторая: две нерешенных проблемы

Хорошо, согласен, я был слишком снисходителен по отношению к зеркалу. Но я не хотел этим сказать, что в течение первого года деятельности Улиток и Хунт Хорошего Правительства, у нас было всего две проблемы, ошибки или недостатка, речь здесь пойдет о двух недостатках, которые в нашей политической работе стали уже хроническими (и которые диаметрально противоречат нашим принципам) — это с одной стороны — роль женщин, и с другой — отношения между военно-политической структурой и автономными правительствами.

Те, кто был в контакте с Улитками или Хунтами Хорошего Правительства наверняка назовут и множество других наших недостатков, но одна их часть связана с самой динамикой сопротивления, другая состоит из ошибок, которые, по крайней мере как тенденция, уже находятяся пути к исправлению и третья — это ошибки, таковыми не являющиеся (то есть то, что мы делаем нарочно).

Не думаю, что некоторые из наших ошибок могут быть оправданы войной, сопротивлением и подпольем. Это, например, наша уже традиционная невежливость. Очень часто бывает, что кто-то из тех кто добрался до Улиток и пытается встретиться с Хунтами Хорошего Правительства, проводит долгое время в ожидании ответа на вопрос примут его или нет. Кроме того, часто нам присылают вопросы и ответа на них никогда не приходит («по крайней мере вы должны были бы отвечать, что не ответите» — просило-возмущалось одно «гражданское общество»).

Это может звучать анекдотично, но для того, кто чтобы попасть на наши земли порой должен был пересечь океан (и вовсе не в метафорическом смысле), совершенно не смешно что его не принимают. Я думаю, это на самом деле стало одной из здешних «привычек», но этот вопрос уже решается; недавно была создана специальная комиссия, которая, пока Хунта Хорошего Правительства «перенастраивается», принимает всех, кто к нам приезжает (при условии, что они не от федерального правительства). Тем не менее, работа этой «комиссии по приемам» (состоящей почти всегда из членов ПИРК) была не одинаково эффективной в разных Улитках и более чем одному «гражданскому обществу» приходилось надолго оставаться в ожидании. Но, поверьте, мы осознаем это и стараемся, чтобы этого больше не происходило... или, по крайней мере, не так часто как раньше.

С другой стороны, нельзя забывать, что наше движение — повстанческое и подпольное. Если добавить к этому многие поколения тех, кто становились жертвами обманов и предательств, можно понять естественное недоверие по отношению к новым посетителям, и то что у них заранее просят данные и рекомендации, которые могут помочь прояснить нам добрые или злые намерения вновь прибывших. То, в чем некоторые видят бюрократические тенденции ХХП и автономных советов, является на самом деле логикой поведения атакуемых и преследуемых.

Есть еще одна «ошибка», обнаруженная «гражданскими обществами», особенно неправительственными организациями, которые работают с общинами, которая таковой не является.

Я имею ввиду тот факт, что члены Хунт Хорошего Правительства постоянно меняются. После «дежурства», продолжающегося от 8 до 15 дней (в зависимости от зоны), состав хунты

меняется; те, кто в ней все это время находился, возвращаются к своей работе в автономном совете, а руководить в ХХП начинают другие.

«Когда мы, наконец, договорились с одной командой», говорят «гражданские общества», «ее меняют на другую и надо начинать все заново; нет преемственности правления, потому что после того как в течении одной недели достигается договоренность с одной хунтой, на следующей неделе ее место занимает хунта другая». Есть те, кто не вдается в детали и делает вывод: «Хунты Хорошего Правительства это полный бардак».

Один из членов «комиссии по наблюдению» (команды ПИРК, ответственной за поддержку ХХП в каждой зоне) рассказывал мне: «Нам бывает очень трудно, потому, что когда одна команда наконец начинает разбираться в сути работы хунты, она немедленно заменяется на другую и новым надо опять объяснить все сначала. То есть, как только автономные власти начинают нормально работать, немедленно меняется состав совета и все приходится делать заново». Вы скажете мне, что я пытаюсь выкрутиться, но это на самом деле было задумано именно так. Конечно же план состоял не в том, чтобы хунты были, пользуясь термином «гражданских обществ» бардаком. План заключается в том, чтобы работа ХХП являлась ротационной для всех членов всех автономных советов каждой зоны. Это делается для того, чтобы работа правительства не являлась эксклюзивным занятием какой-то одной группы избранных, чтобы не было «профессиональных» правителей, чтобы это обучение было для как можно большего числа участников, и чтобы избавиться от самой идеи о том, что функции правительства могут осуществляться только какими-то «особыми людьми».

На самом деле, почти всегда, когда уже все члены автономного совета научились быть хорошим правительством, в общинах проходят новые выборы и все власти меняются. Те, кто научились править возвращаются к своей обычной крестьянской работе, а новые начинают постигать все заново.

Если проанализировать это все внимательно, вы увидите, что речь о процессе, в котором целые народы учатся править.

Его преимущества? Одно из них, например, в том, что становится намного сложнее, чтобы кто-то из представителей власти не начал лукавить и с аргументом «сложности» задач правительства не проинформировал бы общины о трате средств или о принятии решений. Чем больше всем известно будет о том, в чем заключается работа правительства, тем труднее станет обман и ложь. И тем больше будет контроль над правительством со стороны тех, кем правят.

Осложняется и коррупция. Если вы смогли коррумтировать одного члена ХХП, то вам придется коррумтировать и все остальные автономные власти, то есть все постоянно меняющиеся команды, потому что «договориться» с кем-то одним вам абсолютно ничего не гарантирует (коррупция тоже требует «преемственности»). Когда вы закончите коррумтировать все советы, вам опять придется начинать все сначала, потому, что к этому моменту уже поменяются власти общин, и то, что было «решено» с предыдущими потеряет всякую силу. Так что на практике вам придется коррумтировать всех взрослых жителей сапатистских общин. Хотя, конечно, возможно, что к моменту, когда вы этого добьетесь, уже подрастут дети и вам придется опять все начинать сначала...

Мы хорошо понимаем, что этот метод усложняет осуществление некоторых проектов, но зато у нас есть школа правительства, которая в будущем даст результаты в виде новой формы делания политики. Кроме того эта «ошибка» помогла нам избежать коррупции, которая возникает обычно у любой власти.

Я знаю, что это займет немало времени. Но для тех, кто как сапатисты, строит свои планы на десятилетия, несколько лет это не совсем так много.

Другая «ошибка», которая таковой не является, связана с тем, что когда порой в Хунту Хорошего Правительства обращаются с просьбой сделать заявление о поддержке того или иного движения или организации, и эта просьба остается неудовлетворенной. Или когда приглашают какую-нибудь из ХХП на политические акции, и на эти приглашения поступает отказ. Это происходит не потому, что хунта не хочет кого-то поддержать или в чем-то участвовать. Это вызвано просто-напросто тем, что в компетенцию Хунт Хорошего Правительства не входит участие в подобных акциях, потому что тогда это представляло бы мнение всех сапатистских общин, а не только тех, которые находятся в юрисдикции одной из хунт, и ХХП не могут брать на себя полномочий, которые им не соответствуют. Кроме того, в

большинстве случаев просьбы или приглашения приходят на имя САНО, но САНО — это одно, а хунты — это другое. Так что не огорчайтесь, все мы учимся. Несмотря на то, что обычно принято думать, настоящие ошибки, лежащие исключительно на нашей ответственности, это те, которые труднее всего исправить.

В начале этой второй части видео я говорил, что одна из проблем, не решенных нами в течение многих лет, связана с ролью женщин. Участие женщин в работе организационного руководства остается низким, и в некоторых автономных советах и ХХП практически нулевым. И хотя это вовсе не является результатом влияния САНО на жизнь общин, мы считаем что решение этой проблемы лежит и на нашей ответственности.

Если в Подпольных Индейских Революционных комитетах зоны процент участия женщин колеблется между 33 и 40 %, в автономных советах и в Хунтах Хорошего Правительства он составляет, в среднем, меньше 1 %. При назначении региональных комиссариатов и муниципальных уполномоченных, женщины по-прежнему остаются неучтенными. Работа правительства до сих пор остается прерогативой мужчин... Нет, мы вовсе не сторонники лозунгов о «завоевании женщинами власти», которые столь в моде сейчас там, наверху, просто до сих пор нами не создано пространства для того, чтобы участие женщин в социальной сапатистской базе было реально отражено должностями в правительстве.

Но не только это. Несмотря на то, что сапатистские женщины играли и играют ключевую роль в нашем сопротивлении, уважение их прав остается, в некоторых случаях, пустыми декларациями на бумаге. Насилие внутри семей уменьшилось, это правда, но произошло это в большей степени из-за ограничений на употребление спиртного, чем в результате новой семейной культуры.

Кроме того, для женщин остается ограниченной возможность их участия в мероприятиях, требующих их выхода из родного селения.

И дело здесь не в каких-то писанных или формальных запретах, просто, о женщине выходящей из селения без сопровождения мужа или без детей, плохо говорят и плохо думают. Я имею в виду даже не «экстрасапатистские» мероприятия, на участие в которых есть серьезные ограничения, распространяющиеся и на мужчин. Я говорю о курсах и встречах, организуемых САНО, ХХП, автономными муниципалитетами, женскими кооперативами и самими селениями.

Это наш позор, но мы стараемся быть честными — на сегодняшний день в отношении уважения к женщине нам гордиться нечем, пока нам не удалось создать условия для ее полноценного человеческого развития, не построено новой культуры, при которой были бы признаны все способности и достоинства, являвшиеся когда-то прерогативой одних мужчин.

Несмотря на то, что судя по всему, решение этой задачи затянется надолго, мы надеемся, что однажды сможем с удовлетворением сказать, что смогли добиться изменения и этого аспекта жизни.

И уже только ради этого, имело смысл все это затевать.

Настоящий «вклад» САНО (плохой, разумеется) в жизнь общин и процесс их автономии — это отношения между военно-политической структурой и гражданскими автономными правительствами.

Изначально наша идея заключалась в том, что САНО должна была сопровождать и поддерживать общины в построении их автономии. Тем не менее, такое сопровождение превращается нередко в руководство, совет в приказ... и помощь в помеху. Я уже говорил, что пирамидальная иерархическая структура не характерна для индейских общин. Но на практике выходит так, что САНО как военно-политическая и подпольная организация до сих пор заражает своим вертикализмом процессы, которые должны и могут быть полностью демократическими. В некоторых хунтах и Улитках были случаи, когда команданте из ПИРК принимали решения, на которые у них нет полномочий и создавали для хунты проблемы. «Править, подчиняться» — это тенденция, которая продолжает сталкиваться с нами самими поднятыми стенами.

Эти две проблемы требуют нашего особого внимания, и, разумеется, принятия мер для их решения. В них нельзя винить ни военное окружение, ни сопротивление, ни врага, ни неолиберализм, ни политические партии, ни средства массовой информации, ни плохое

настроение, сопровождающее нас обычно с утра, когда ночью рядом с нами не было тех, с кем бы хотелось быть...

Это все. Я старался быть очень краток, потому что в признании собственных ошибок следует быть сдержанным... несдержанность лучше проявлять в их решении.

Привет! Счастливо, и я понимаю, что вам пока не понятно. Поэтому я и начал с фразы «терпение — искусство война».

(Продолжение следует...)

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

Мексика, август 2004 г. 20 и 10.

P.S. Вот видите, разве мы не выглядели симпатичнее, когда молчали? Но что делать, мы говорим то, что думаем и чувствуем. Сколько еще людей и организаций могут сказать о себе то же самое?

Часть третья: Три плеча

На плече у ночи появилась луна, но всего на мгновение. Тучи раскрылись, как открываются занавески и ночное тело озарило свой след и свет. В небе остался след как отметина от зубов на плече, когда, в полете страсти, мы не знаем падаем или взлетаем.

20 лет назад с трудом поднявшись на первый холм, чтобы углубиться в горы юго-востока Мексики, я присел на изгибе тропы. Время? Не помню точно, кажется, это был один из тех моментов, когда ночь говорит нам все-хватит-уже-сверчков-лучше-я-пойду-спать, а до рассвета еще очень далеко. То есть, это было глубокой ночью.

Пока я пытался успокоить дыхание и сердцебиение, я думал о том, что хорошо бы выбрать для себя какую-нибудь более спокойную профессию. В конце концов, эти горы прекрасно существовали и до моего прихода и, наверняка, они не будут по мне скучать.

Должен вам признаться, что в тот раз я не разжигал трубку. Более того, я даже не пошелохнулся. И не из-за военной дисциплины, а потому что у меня болело все мое, в те годы прекрасное, тело. Приобретая новую привычку, поддерживаемую мною до сих пор (при помощи железной самодисциплины) я начал проклинать собственную способность впутываться в проблемы.

Во время этого занятия, то есть, среди вздохов и жалоб, я увидел идущего вверх по холму человека со связкой маиса на спине. Связка выглядела тяжелой и человек этот шел сгорбленный. Меня освободили от груза на середине пути, чтобы не задерживать нашего перехода, но тяжестью висел на мне не рюкзак, а вся моя жизнь. Потом, не помню через сколько времени, когда мне вновь позволили присесть передохнуть, я опять увидел этого человека, на этот раз он спускался и уже без груза. Но он продолжал идти сгорбленным. «Да!», — подумал я (единственное, что я мог сделать, не вызывая во всем теле боли), «таким и я со временем стану, я потеряю свой мужественный вид и мое будущее в качестве секс-символа станет как выборы, то есть полным фарсом».

И действительно, всего через несколько месяцев я уже ходил как вопросительный знак. Но не из-за веса рюкзака, а чтобы не цеплять носом ветки и стебли камыша.

Примерно через год я познакомился со Стариком Антонио. Однажды ночью я вышел к его хижине, чтобы взять лепешек и пиноле. В те времена мы не появлялись открыто в селениях и всего несколько индейцев знали о нашем существовании. Старик Антонио предложил проводить меня до лагеря, так что груз был разделен на две части и при помощи мекапалья¹⁸¹ закрепил свою часть на спине. Я затолкал мой мешок в рюкзак, потому что научиться пользоваться мекапалем оказалось совсем не просто. Освещая путь фонариком мы добрались до начала пастбища, где начинались деревья. В ожидании рассвета мы остановились у одного ручья.

Не помню, откуда возникла тема, но Старик Антонио объяснил мне, что индейцы ходят всегда как бы сгорбленными, даже тогда когда не несут никакого груза, потому что носят на своих плечах благо других.

181 мекапаль — лента из плотной материи или кожи, одевающаяся на лоб, чтобы удерживать на спине груз

Я спросил его, что это значит и Старик Антонио рассказал мне, что первые из богов, те, которые создали мир, сделали мужчин и женщин из маиса таким образом, чтобы они всегда двигались вперед только вместе, в коллективе. И он объяснил мне, что двигаться вперед вместе, в коллективе, это значит всегда думать о другом, о товарище. «Поэтому индейцы ходят сгорбленными», сказал Старик Антонио, «потому что носят они на плечах свое сердце и сердце всех». Тогда я подумал, что для такого веса двух плечей должно быть недостаточно.

Прошло время, и вместе с ним произошли известные события. Мы готовились воевать и первое поражение нанесли нам эти индейцы. Мы, как и они, ходили сгорбленными, но мы при этом сгибались под тяжестью нашей самоуверенности, а они — потому, что носили нас на себе (хотя у нас об этом не было ни малейшего понятия). И тогда мы стали ими, а они стали нами. И мы начали идти вместе, сгорбленные, но зная, что для этого веса двух плечей недостаточно. И наконец 1 января 1994 г. мы восстали с оружием в руках... чтобы искать еще одно плечо, которое помогло бы нам двигаться вперед, то есть быть.

ТРЕТЬЕ ПЛЕЧО

Как и у основания мексиканского государства, у современной истории индейских сапатистских общин тоже будет своя легенда об основании — у людей, которые живут на этих землях есть три плеча.

К двум плечам, имеющимся обычно у людей, сапатисты добавили третье — плечо национальных и международных «гражданских обществ». В одной из следующих частей этого «странного» видео я расскажу о том, чего добились сапатистские общины. И будет видно, что этого немало, когда-то мы о таком даже и не мечтали.

Но сейчас я хочу сказать вам, что это стало возможным, благодаря тому, что «кто-то» подставил нам свое плечо.

Мы думаем, что нам повезло. С самого своего начала, наше движение пользовалось поддержкой и симпатией сотен тысяч людей пяти континентов. Эти симпатии и эта поддержка смогли преодолеть препятствия в виде личных трудностей, физических расстройств, культурных и лингвистических различий, границ, паспортов, разницы политических взглядов, преград, созданных федеральным и местным правительствами, военных застав, запугиваний, угроз и вооруженных нападений, нашего недоверия, нашей невежливости, нашего непонимания другого, нашей неуклюжести.

Нет, несмотря на все это (и многое другое, о чем каждый сам знает лично), «гражданские общества» Мексики и мира работали с нами, для и ради нас. И делали они это не в качестве благотворительности, не из жалости, не в силу политической моды, не ради рекламы, а потому что в той или иной степени они сделали своим дело, которое для нас одних оказывается слишком велико — строительство мира, в котором вместятся все миры, то есть, мира, который понесет на себе сердца всех.

Изо всех самых неожиданных уголков Мексики и планеты, с островков, удерживающихся на плаву несмотря на неолиберальный ураган, чтобы посетить Улитки и поговорить с Хунтами Хорошего Правительства (для проектов, взносов, прояснения вопросов или просто чтобы познакомиться с процессом строительства автономии) в течение года сюда прибыли люди и организации из по крайней мере 43 стран, включая нашу, которая называется Мексикой. Мужчины и женщины, как в виде личной инициативы, так и представляя различные организации из Испании, Германии, Страны Басков, Словении, Италии, Швейцарии, Шотландии, Соединенных Штатов Америки, Дании, Бельгии, Финляндии, Австралии, Аргентины, Франции, Канады, Польши, Швеции, Голландии, Норвегии, Бразилии, Гватемалы, Турции, Чили, Колумбии, Сальвадора, Перу, Греции, Португалии, Японии, Северной Африки (так написано в докладе, не знаю какой страны точно), Никарагуа, Англии, Уругвая, Боливии, Австрии, Новой Зеландии, Израиля, Ирана, Чешской республики и изо всех штатов Мексики, подставили свое плечо вместе с двумя плечами общин, чтобы начать радикальное изменение условий жизни индейцев-сапатистов.

Таким образом, в течение одного года, в Улитки и Хунты Хорошего Правительства (ХХП) прибыли (иногда с производственными проектами, иногда с финансовыми взносами, иногда с внимательным и уважительным слухом, иногда с братским словом, иногда с любопытством, иногда с научным интересом и иногда с желанием решать проблемы путем уважительного диалога и поисков договоренности между равными) тысячи людей, как лично

от себя, так и от имени общественных и неправительственных организаций, организаций гуманитарной помощи и по защите прав человека, кооперативов, муниципальных властей из других штатов Мексики и других частей мира, дипломатического корпуса других стран, исследователей, артистов, музыкантов, интеллектуалов, религиозных деятелей, мелких собственников, служащих, рабочих, домохозяек или «домохозяев», сексуальных работниц, рыночных продавцов, уличных торговцев, футболистов, студентов, учителей, врачей, медсестер, предпринимателей, наемных работников, региональных властей и многих других.

Таким образом, например, в случае Овентика, Улитка сообщает, что в ней в течение года были приняты 2921 человек из других стран и 1537 из Мексики, не считая товарищей из сапатистских баз поддержки, которые обращаются к хунте для решения различных проблем.

У третьего плеча сапатистской борьбы много цветов, говорит оно на многих языках, смотрит множеством глаз и идет вместе со многими.

Именно им мы хотим, кроме нашей благодарности, передать сейчас...

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ

Итак, подошел момент подводить счета. Прошу вас о снисходительности, потому что для подготовки этого доклада мне пришлось проверить счета всех хунт, и у каждой из них свой способ составления дебетов и кредитов. В общем, это оказалось совсем не просто, но в любом случае, для уточнения любых деталей вы можете обратиться, начиная с 16 сентября этого года, в любую из Улиток.

Пять Хунт Хорошего Правительства, действующих на сапатистских территориях, докладывают о том, что в общей сложности в течение года ими было получено почти 12 с половиной миллионов песо,¹⁸² потрачено около 10 миллионов и остаток составляет около 2 с половиной миллионов.

В счетах, представленных ХХП, есть серьезные различия. Это вызвано тем, что некоторые из хунт сообщили обо всех деньгах, о которых им известно, то есть они включили в счета то, что получили напрямую они сами и то, что получили Автономные Повстанческие Сапатистские муниципалитеты (Апосаму) с разрешения Хунт Хорошего Правительства. Другие хунты доложили только о том, что было получено ими напрямую, не включая полученного Апосаму.

В объемах полученных разными ХХП сумм тоже есть значительные различия; в некоторых случаях это происходит из-за того, что есть хунты (например хунты Лос-Альтос и Пограничной Сельвы), которые соответствуют очень большой территории, в других — из-за того, что их представительства более известны «гражданским обществам» (Овентик и Ла-Реалидад) и в других — потому что разница между уровнем организационного развития между разными зонами пока еще очень велика.

Так что в приблизительных цифрах (и округленных, потому что компас докладывают с точностью до каждого сентаво), у нас есть следующая информация о финансах каждой из хунт в течение первого года работы:

На что были потрачены эти деньги? Немного позднее я расскажу об этом. Пока лишь хочу заверить, что ни песо из них не ушло на чье-то личное обогащение.

Автономные власти, сменяющие друг друга для руководства Хунтами Хорошего Правительства, в дни пребывания на работе в Улитках удовлетворяют свои личные потребности за счет вкладов жителей наших селений или поддержки САНУ. Средний ежедневный расход на человека (не считая билета для проезда из общины в Улитку и обратно), например, для одного члена хунты в Ла-Гарруче, составляет менее восьми песо (в других местах эта сумма немного выше). В случае Овентика она составляет ноль песо, потому что власти приносят с собой свои лепешки, фасоль и кофе, когда у них есть (когда нет — с ними делятся те, у кого есть).

Сравните это с тем, что, например, получает в Мехико директор МИСС¹⁸³ (которому платят за то, что он избавляет трудящихся этой организации от их социальных завоеваний),

182 песо — в августе 2004 года один доллар США стоил приблизительно 11,4 мексиканских песо

183 МИСС — Мексиканский Институт Социального Страхования

или например с тем, сколько стоят полотенца в резиденции президента нашей страны или например с тем, сколько платят за комплект постельных принадлежностей в доме у среднего функционера фоксистского правительства за границей или с тем, что зарабатывает депутат или сенатор.

Конечно, наши власти не пользуются услугами телохранителей, не оплачивают советников, не покупают себе последние модели автомобилей, не питаются в модных ресторанах и не назначают членов своих семей на руководящие должности. То есть, совершенно не обязательно, чтобы работа по правлению была связана с роскошью.

ПЛЕЧО ИМЕНИННИЦЫ

Упоминание о «третьем плече» было бы не полным, если бы я не вспомнил тех, кто, хотя наше молчание подталкивало стольких к версиям о «потере направления», «хаосе», «внутренних чистках», «исчезновении» или слуху, ставшему в последнее время таким модным, остался внимателен и готов постараться понять суть происходящей здесь борьбы (и формы и сроки, которыми она ведется).

Слышать, то что другой говорит и особенно то, о чем он молчит, возможно только среди тех, кто делит между собой путь и, иногда, груз.

Я имею ввиду тех, кто имея наверняка более важные дела, сохранил время и внимание необходимые для того, чтобы услышать и увидеть тех, кого обычно не слышно и не видно (или только во время «важных» мероприятий).

Тем, о ком я говорю, в сентябре этого года, как и мне, исполнится 20 лет. В первой части я мельком уже упомянул о них, потому что для нас они — это не просто средство массовой информации. Я имею в виду тех, кто работает в мексиканской газете «Ла-Хорнада».

Как и многие мужчины и женщины, поддерживающую борьбу индейских народов (и поэтому сапатистскую борьбу тоже), сотрудники «Ла-Хорнады» не обращаются к теме сапатизма по причине моды или медийного расчета. Их вклад выходит далеко за рамки чисто журналистской деятельности, и соответствует тому, что многие назвали бы «этикой долга», потому что рожден он стремлением к реальным и справедливым переменам, а не поиском экономической или политической выгоды. Было бы несправедливо утверждать, что только сотрудники «Ла-Хорнады» были щедры и честны с нами, хочу только сказать, что они всегда были последовательны и в мире мало, очень мало тех, кто мог бы сказать это о себе и оставаться таким же в течение 20 лет.

Я знаю, что забегаю вперед, но я почти уверен, что в день своего рождения именинница, «Ла-Хорнада», проснетесь со страницами полными поздравлений с двадцатилетием, которые придут ей отовсюду, и вряд ли у нее найдется место для поздравлений, которые пошлем ей мы, самые маленькие из ее братьев. Поэтому мы забегаем вперед и в этот ее «не день рожденья» мы отправляем всем ее сотрудникам и сотрудницам наше объятие, только одно, но из тех, что даются только среди братьев, когда говорятся те вещи, которых обычно не говорится. И вместе с ним идет и мое личное объятие, с надеждой дать его когда-нибудь персонально (желательно не пост мортем) всем и каждому (-ой) из сотрудников «Ла-Хорнады».

И поскольку «кто рано встает, тому лучше синица в руке» (что, не так? извините, просто непоследовательность правительственного кабинета так заразительна), просим для себя того же в момент раздачи торта, который, как мы знаем, как бы велик ни был, всегда меньше сердца, которое несут они на себе. В общем, счастливого дня рождения (и не пейте слишком много, скоро начнут происходить события, которые потребуют вашего внимательного и честного слуха и взгляда).

И всем «гражданским обществам» — поздравления с днем рождения Улиток и Хунт Хорошего Правительства. И спасибо за третье плечо.

Все. Счастливого и если у пиньяты — лицо Буша, передайте мне пожалуйста палку.

(Продолжение следует...)

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

Мексика, август 2004 г. 20 и 10.

P.S. Мой день рожденья пройдет в категории между легким и средним, будет прокисший посоль, и не потому что это мне нравится, а потому что такие вот шутники иногда наши компас.

Часть четвертая: Четыре примера клеветы

(Клевета: обман, подтасовка фактов или ложь с целью причинения кому-то вреда)

На самом деле, их было и будет гораздо больше, но эти четыре оказались главными, сфабрикованными правыми интеллектуалами, судьями, законодателями и правителями, чтобы оправдать несоблюдение Договоренностей Сан-Андреса, инициативы закона Кокопы и дискредитировать выполнение этих договоренностей сапатистскими индейскими общинами путем создания Улиток и Хунт Хорошего Правительства в августе 2003 года.

Они, как сегодняшние пифии, предсказали нам, что результатом этого станет расчленение мексиканского государства, возникновение одного государства «проМаркос» внутри другого (так называлась статья, опубликованная в августе 2003 г. в газете, являющейся собственностью Аумады и не совсем уместно называющейся «Эль-Индепендьенте»), рост конфликтов между общинами и нарушение индивидуальных прав человека из-за осуществления прав коллективных.

Согласно всему этому, САНО занималась подготовкой военно-политического наступления, которое подразумевало нападение на казармы федеральной армии в Сан-Андресе и прочие глупости в том же духе. Многие встревожились, в том числе армия, военно-воздушные силы, флот, федеральная полиция, было введено состояние повышенной боевой готовности, получены приказы об арестах, подготовлены полицейские операции, выделены деньги для покупки молчания и слов. Было сделано немало заявлений, которые спустя несколько минут сами себе противоречили, и после опровергались заявлениями еще более противоречивыми (в этом деле отличились многие, но несомненным чемпионом стал и остался Сантьяго Криль). В атмосфере всеобщей истерии были выслушаны сплетни, выдававшиеся за доклады спецслужб и доклады спецслужб, выдававшиеся за сплетни. В те дни юго-восток Мексики находился всего в нескольких словах от превращения вновь (как в 1994, как в 1995 и как в 1998) в театр военных действий.

Но нашелся некто, кто сверху и извне сказал этим планам нет, объяснив что речь не о военной, а о политической инициативе, и что состоит она ни в чем ином, как осуществление на практике договоренности, достигнутой федеральным правительством и САНО еще в феврале 1996 года, просто делается это на 7 лет позднее.

Кто-то другой посоветовал не мешать этому, дожидаться его провала и приготовить свое «я же вам говорил» одновременно с военным наступлением федеральных сил на сапатистские позиции.

То, о чем я рассказываю, на самом деле произошло примерно год назад в июле и августе, на совещаниях кабинета Висенте Фокса.

Как стало теперь очевидно, они решили просто дожидаться нашего провала. И как обычно, когда по отношению к нам делаются военные или политические просчеты, они ошиблись.

Мы не только не провалились — кроме значительного улучшения условий жизни индейских общин, сегодня у нас есть еще и практические и сравнительные аргументы, чтобы доказать безосновательность клеветнических заявлений, на которых опирается отказ от выполнения Закона Кокопы

РАСЧЛЕНЕНИЕ ГОСУДАРСТВА?

Несколько лет назад, один из членов Верховного Суда страны, этой инстанции для раздачи безнаказанности среди власть имущих (правда, безукоризненно отредактированной юридически), следующим образом аргументировал свою позицию против конституционного признания прав индейцев: *«Это расчленило бы мексиканское государство, на его территории возникло бы множество стран и местных законов в каждой из них. В конце концов, это привело бы к балканизации страны».*

Можно подумать, что он имел ввиду наркобизнес и его связь с властями и судьями, но нет, он говорил о недопустимости признания существования индейских народов Мексики, признания их коллективных прав.

Созданием Улиток и Хунт Хорошего Правительства, мы, сапатисты, решили осуществить на практике Договоренности Сан-Андреса и на деле показать, что мы стремимся быть частью Мексики (которой раньше мы не являлись, если, разумеется, не переставали быть самими собой).

Через год после рождения Улиток и хунт, наша страна действительно расчленена. Но не по причине индейской автономии, а из-за настоящей внутренней войны, безжалостного разрушения основ государства — таких, как контроль над природными ресурсами, социальной политикой, и национальной экономикой. Эти три основы национальной независимости, ослабленные в ходе сепаратистских и имперских войн, подрываются сегодня всеми тремя ветвями государственной власти.

Национальный контроль над нефтью и энергоносителями, например, — одна из целей проекта конституционной реформы, мертвым грузом лежащей сегодня в Конгрессе. Социальная политика (или государство общественного благосостояния) превратилась в нечто смехотворное — институты, занимающиеся этим вопросом сегодня стали всего-навсего благотворительными организациями, занятыми раздачей подачек. В результате секретных пактов, сопровождаемых шумными медийными кампаниями, исчезают важнейшие исторические завоевания трудящихся (случай МИСС — самый последний, но далеко не единственный). Национальная экономика уже давно перестала таковой являться. Сегодняшнее национальное производство — это масса промышленных отходов и воспоминаний, торговля монополизирована крупными транснациональными предприятиями, банковская система пронизана иностранным капиталом, а скачки финансовой спекуляции полностью зависят от мировых и вовсе не национальных факторов.

В переводе — все меньше работы и качество ее все хуже, все больше безработицы и временной занятости, высокие цены, низкие зарплаты, импортируется то, что мы можем производить сами, производство ведется не столько для внутреннего потребления, сколько для мирового рынка, для которого мы — лишь еще один макроэкономический показатель. Бедность уже становится уделом не только трудящихся, но и мелких и средних предпринимателей, богатых мексиканцев становится все меньше, хотя делают они все богаче.

Вывод — федеральное правительство отказалось от выполнения своих функций и национальное государство рухнет от ударов сверху, а не снизу.

Существует только одно слово, способное назвать процесс столь глубоких перемен, навязываемых нашей стране сверху и без попытки малейшей консультации с теми, кто внизу. Это слово — контрреволюция.

Единственный выход из этой ситуации — это воссоздание нашей страны заново. Путем нового общественного пакта, новой Конституции, нового класса политиков и новой формы делания политики. То есть необходима программа действий, но не та, что рекламируют политики и средства массовой информации, а другая, выстроенная снизу, из реальной национальной проблематики. Как вы увидите из этой и последующих частей видео, ничто из сделанного Хунтами Хорошего Правительства и автономными повстанческими сапатистскими муниципалитетами не подтолкнуло национальное государство к расчленению.

ОДНО ГОСУДАРСТВО ВНУТРИ ДРУГОГО?

Тот, кто правит хорошо, должен делать это для всех, а не только для тех, кто ему симпатизирует или участвует в одной с ним организации, не только для тех, кто относится к его народу, культуре, цвету или языку.

Согласно нашему разумению, борьба за включение одного не является борьбой за исключение другого. Поскольку существование метиса не должно предполагать исчезновения индейца, наше признание себя теми, кем мы являемся, не предполагает отрицание тех, кто на нас не похож. Эта же самая логика касается и того, что связано как с индейским так и с сапатистским вопросами.

Хунты Хорошего Правительства — доказательство того, что сапатизм не стремится ни возглавлять, ни причислять под одну гребенку согласно своим идеям и понятиям, мир в котором мы живем.

ХХП родились, чтобы служить и сапатистам, и несапатистам и даже антисапатистам. Их цель — посредничество между властями и гражданами, а также между различными властями разных сфер и уровней. Они это делали и продолжают делать. Год назад, при праздновании рождения Улиток и хунт, команданте Давид пообещал уважение тем, кто будет нас уважать. Мы выполняем это обещание.

В результате, Хунты Хорошего Правительства установили отношения взаимного уважения с различными общественными организациями, со многими из официальных муниципальных правительств, действующих на той же территории что и автономные, и в некоторых случаях даже с правительством штата. С ними происходит постоянный обмен мнениями и ведется совместный поиск путей к решению возникающих проблем путем диалога.

В отличие от федерального правительства, чей «уполномоченный» занят превращением за казенный счет своей функции в посмешище, правительство штата решило не проводить медийных кампаний (против сапатизма) и предпочло дать сигналы доброй воли и терпеливо ждать. Зная, что задачи у сапатизма не местного, а федерального масштаба, правительство Чьяпаса решило не становиться частью проблемы, а наоборот, постараться стать частью ее решения.

Тем временем, как дона Луиса Альвареса дурачат некоторые ловкачи, и заставляя его верить, что у них есть контакт с САНУ, выуживают из него деньги и возят его то в один, то в другой конец, обещая ему личную встречу с «этим самым» (Маркосом), и он безрезультатно пытается создать «крестьянскую силу» для ПНД, раздавая стройматериал и солнечные батареи, правительство штата создало настоящую линию контактов с сапатистскими общинами.

В принципе мы не возражаем, чтобы правительство Фокса платило зарплату самозванному «уполномоченному за мирный процесс», но мы думаем, что оно должно было бы пересмотреть род его деятельности — вместо того, чтобы платить ему за поиск диалога с сапатистами (чего он не делает), ему следовало бы платить с целью экономии расходов антисапатистов.

Хунты Хорошего Правительства действовали вместе с правительством штата Чьяпас как посредники в случаях с похищенными СИОАК в Лас-Маргаритас, в решении вопроса по возмещению ущерба жертвам нападения в Синакантане, в организации выплаты компенсации крестьянам, пострадавшим в результате строительства шоссе в зоне сельвы Цельталь, в решении вопроса о «велотакси» на побережье Чьяпаса и может быть еще в каких-то других вопросах, о которых я сейчас не могу вспомнить. Когда вы откроете отдельные отчеты каждой из хунт, вы все это увидите, здесь нет ничего секретного. Основная наша работа все это время была направлена на то, чтобы избежать столкновений между индейцами.

Сейчас проводятся мероприятия по расследованию случаев недавнего убийства одного товарища из базы поддержки в Поло и изнасилования 11-летней девочки в Чилоне.

Уважение — это прежде всего признание, и Хунты Хорошего Правительства признают существование и юрисдикцию правительства штата и официальных муниципалитетов, и в большинстве случаев, официальные муниципальные власти и правительства штата признают существование и юрисдикцию ХХП. Точно так же Хунты Хорошего Правительства признают существование и законность других организаций, уважают их и требуют к себе уважения.

Только так, с уважением, можно о чем-либо договариваться и затем выполнять эти договоренности.

Несмотря на то, что вначале это заняло немало времени, сегодня, как люди, так и организации, не являющиеся сапатистскими и даже наши противники знают, что для решения любых проблем они могут обратиться в ХХП, что никто их там не арестует и не задержит (ХХП — инстанции диалога, а не наказания), что их вопрос будет рассмотрен и скорее всего удастся найти справедливое решение. Если же кому-нибудь хочется кого-нибудь за что-нибудь наказать, он должен обращаться в официальный или же автономный муниципалитет, но если его цель — поиск решения проблемы путем диалога и договоренности, к его услугам — Хунта Хорошего Правительства.

БОЛЬШЕ КОНФЛИКТОВ?

Такой способ действия ХХП уже начинает давать результаты как в автономных, так и в официальных муниципалитетах. В решении общественных проблем между группами, общинами и организациями сегодня все меньше случаев обращения к силе или обмена заложниками, и все чаще вопросы решаются путем диалога. Таким образом, многие смогли убедиться, что значительная часть этих случаев — это отнюдь не конфликты между организациями, а личные проблемы, представляемые как организационные.

Самое дорогое, что у нас есть — это наше слово. Именно на нем построен моральный авторитет движения, которое стремится, разумеется, не без ошибок и срывов, к новой форме делания политики. Раньше, как нечто само собой разумеющееся, считалось, что любое нападение на нас имело под собой политическую подоплеку, поэтому тотчас же делалось публичное заявление и организовывались демонстрации. Сейчас мы сначала расследуем, замешаны в этом политические причины или же речь всего-навсего об обыкновенных уголовных преступлениях.

Для этого, через Секретариат по индейским народам, ХХП поддерживают постоянный канал связи с правительством штата Чьяпас. Когда происходит нападение на сапатистов и у нас нет возможности никакого контакта с агрессором, с тем, чтобы выяснить в чем была проблема и попытаться решить вопрос путем диалога, Хунты Хорошего Правительства дают автономным властям указание начать собственное расследование и в то же время передают всю им известную информацию властям штата. Пока нам не удастся четко определить, в чем именно заключалась проблема, никто не делает никаких публичных заявлений, нет демонстраций или наказания виновных.

В случае, если проблема является не политической, а уголовной, разумное время мы выжидаем соответствующей реакции правосудия штата. Если этого не происходит, в действие вступает правосудие сапатистское.

В случае, с которыми мы до сих пор имели дело, правосудие правительства Чьяпаса блистало своей медлительностью и неэффективностью. Создается впечатление, что юридический аппарат штата эффективен лишь для того, чтобы наказывать политических противников правительства Чьяпаса. В деле властей Синакантана, преступление которых было раскрыто фактически в момент и на месте его совершения и документально доказано, правительство штата ограничилось выплатой денежных компенсаций пострадавшим, но в том, что касается определения виновных в нападении и применения к ним уголовных санкций, до сих пор ничего не сделано. В случае Чилона, где во время столкновения между сапатистами и несапатистами была изнасилована 11-летняя девочка, проблема, послужившая причиной столкновения уже решена, вся информация о насильниках (включая медицинское заключение, подтверждающее факт изнасилования ребенка) была передана компетентным властям... и ничего (по крайней мере, к моменту, когда я пишу эти строки). Насильники до сих пор разгуливают на свободе, несмотря на то, что организация, к которой они принадлежат, отвернулась от них (решив держаться подальше от этого вопроса).

Тем не менее, надо признать, что главные нападения на сапатистов в этом году происходили не со стороны федеральной армии, и не со стороны сил общественной безопасности штата (в случае убийства товарища в Поло боевиками, сейчас расследуется возможная политическая подоплека).

Как это не парадоксально, самые серьезные проблемы и вооруженные агрессии против нас велись в этом году со стороны организации и властей, принадлежащих к РДП — официальной СИОАК региона Лас-Маргаритас и официальных муниципальных властей Синакантана. В обоих случаях произошли нападения на сапатистов. В Лас-Маргаритас похитили наших товарищей, а в Синакантане по мирной демонстрации был открыт огонь.

Официальная СИОАК зоны Лас-Маргаритас (я делаю это уточнение, потому что с СИОАК других муниципалитетов мы пришли к пониманию и взаимному уважению) хотела просто поддержать свой статус самой коррумпированной в о всем муниципалитете, а руководство ее стремилось оставаться на своих постах за счет властей официальных.

В Синакантане правительство РДП спланировало засаду, в результате которой многие сапатисты получили пулевые ранениями. Погруженная в «кризис видео», общенациональная РДП сохранила сообщническое молчание и едва начало процесс для исключения из партии своего муниципального президента. В закрытых кругах РДП было сказано, что это плата сапатистов за то, что они не поддержали их партию на выборах.

Значит, это и есть их избирательная платформа для всей страны к выборам 2006 года? Всем тем, кто откажет РДП в безусловной поддержке — пули и избияния? Непонятно.

С другими организациями, с которыми были и остаются трения и с которыми раньше отношения выяснялись при помощи следующей логики «возникает проблема, я захватываю одного из твоих, ты захватываешь одного из моих, потом мы их обмениваем и проблема остается нерешенной» (или «ты набираешь столько-то людей, я набираю столько-то, мы деремся и проблема остается нерешенной»), сейчас есть стремление к поиску диалога, происходит выслушивание версий обеих сторон, ищется мирное решение проблемы. Именно так, без столкновений или взаимных похищений. Таким образом были решены проблемы с такими организациями как ОРКАО, АРИК — Независимая, АРИК- ИРП, СНС и многими другими, из тех, что присутствуют на территории, где действуют ХХП и куда распространяется их влияние.

В отличие от предыдущих лет, конфликты между общинами и организациями на территориях Хунт Хорошего Правительства стали реже и сократились показатели преступности и безнаказанности. И дело не только в наказании преступников, главное в том, что устраняются причины возникновения конфликтов. Если вы мне не верите — обратитесь к подшивкам газет, в суды, общественные министерства, к властям тюрем, больниц и кладбищ. Сравните то, что было раньше, с тем, что происходит сейчас и сделайте свои собственные выводы.

СОБСТВЕННАЯ СИСТЕМА ЮСТИЦИИ?

Хорошее правительство не стремится к обеспечению безнаказанности для тех, кто ему симпатизирует и смысл его существования не в том, чтобы наказывать противников его идей и предложений. Иными словами, оно не занимается тем, что делает правительство федеральное, обеспечивающее безнаказанность преступникам, потому что они принадлежат к ПНД (например, Эстрада Кахигаль) или потому что договорилось с ИРП (например, Луис Эчеверриа), и стремящееся наказать одного из своих противников (Лопеса Обрадора) и не допустить его к выборам 2006 года.

Законы, действующие в Автономных Повстанческих Сапатистских муниципалитетах не только не противоречат юридическим нормам федерального и местного законодательства, но и во многих случаях, дополняют их.

Как я уже сказал, хорошее правительство создано не для того, чтобы обеспечивать безнаказанность своим и наказывать чужих.

В качестве примера и иллюстрации у меня в руках копия дела, которое рассматривалось автономным муниципальным судом Сан-Хуан-де-ла-Либертад, Чьяпас, 19 августа 2004 года и было направлено конституционному правительству штата Чьяпас с копиями для председателя муниципалитета Чальчиуитана и для муниципального суда Чальчиуитана. Все отражено в самом тексте (сохраняю его изначальную редакцию):

«Перед этими автономными органами и властями муниципального суда предстал гражданин А., база поддержки САНУ, 17 лет, уроженец Холик'алума, муниципалитета Чальчиуитан, Чьяпас, 14 августа этого года местными властями этой общины, когда совершал 13 августа текущего года уголовное преступление, когда гражданин Б. из Партии Национального Действия (ПНД) вышел из своего дома за покупками на рынок Холитонтик и на обратном пути, когда шел по тротуару столкнулся этим молодым А., который поджидал его, спрятавшись в кустах, вооруженный своим длинноствольным оружием 22-го калибра, который попробовал выстрелить с расстояния 5 метров в гражданина Б. но это оружие является уже негодным.

Находясь в распоряжении автономных муниципальных судей, молодой А. объясняет, что пострадавший Б. сам является зачинщиком этой проблемы, потому что он вырубил 300 кустов кофе хорошего качества, являвшихся собственностью молодого А., и поэтому этот молодой человек был обижен на него в течение года. Мы, автономные судьи, считаем это серьезным преступлением, нарушающим порядок и революционную сапатистскую дисциплину, которое совершил гражданин А., в связи с чем мы подтвердили решение о его немедленном задержании, поскольку существуют доказательства его вины и он должен понести уголовную ответственность, но в момент задержания обвиняемого пострадавший Б. убежал от муниципальных судей, отказавшись таким образом от дачи показаний, как

будто он не пострадавший, а виновный. Мы, автономные власти, готовы решить любой судебный вопрос и раскрыть любое уголовное преступление. В настоящий момент гражданин А. наказан лишением свободы (...). Оружие гражданина А. находится в руках автономных властей Сан-Хуан-де-ла-Либертад, оно в плохом состоянии, потому что уже не годится и будет уничтожено.»

ПРАВА КОЛЛЕКТИВНЫЕ ИЛИ ПРАВА ЛИЧНЫЕ?

Я думаю, уже есть или еще появятся серьезные юридические исследования, доказывающие, что между соблюдением одних и других нет никаких противоречий. Сейчас мы говорим о происходящих на наших глазах фактах и том, что делаем сами, и мы готовы, чтобы любой заинтересованный лично приехал сюда и проверил, влечет ли осуществление наших прав, прав индейских народов, нарушение какого-нибудь личного права.

Коллективные права (такие, как решение об использовании природных ресурсов и обращении с ними) не только не противоречат правам личным, но и дают возможность того, чтобы полное осуществление последних стало реальным для всех, а не только для узкой группы. Как станет видно из части текста, посвященной нашим достижениям, случаи нарушения личных прав на сапатистской территории не возросли. Возросло только качество жизни. Уважаются права на жизнь, на свободный выбор религии, на выбор принадлежности к любой политической партии, на свободу, соблюдаются презумпция невиновности, право на демонстрации, на несогласие, на любые различия, на свободное осуществление права на материнство.

Вместо того чтобы вступать в чисто юридические дискуссии, в этом году мы решили на деле показать, что знамя признания прав индейских народов, которое подняли мексиканские индейцы и вместе с ними многие другие, не несет с собой ни одной из угроз, в которых их пытались обвинить.

На сапатистских землях не происходит расчленения мексиканского государства. Наоборот, здесь рождается возможность его восстановления.

(Продолжение следует...)

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

Мексика, август 2004 г. 20 и 10.

Часть пятая: Пять постановлений хорошего правительства

За первый год существования Хунт Хорошего Правительства были формализованы некоторые внутренние соглашения, достигнутые уже достаточно давно и вышли постановления новые. Они связаны с сохранением лесов, борьбой с наркобизнесом и провозом нелегалов, проездом транспорта через сапатистские зоны и местными выборами муниципальных властей и депутатов в конгресс штата.

1.0 СОХРАНИИИ ЛЕСОВ

Воспроизвожу дословно один из действующих в Хунтах Хорошего Правительства законов. Его редакция может изменяться в зависимости от зоны, но суть остается той же:

Закон о сохранении деревьев, то есть, о защите природы

По решению Хунты Хорошего Правительства Сердце Радуги, этот закон действителен на всех без исключения территориях автономных повстанческих муниципалитетов; этот закон создан для того, чтобы защитить леса, потому что леса сохраняют воду, дают кислород, потому что это наша жизнь и еще это защита диких животных; поэтому все мы должны понять, что необходимо беречь наш лес на всех территориях автономных муниципалитетов.

Как Хунта Хорошего Правительства мы предлагаем каждому муниципалитету создать свой собственный питомник, чтобы помочь в выполнении этого закона.

1. Деревья могут быть срублены только для личных нужд, а не для продажи.

2. Мы обязаны беречь и сохранять леса, у нас есть право использовать деревья для личных потребностей с разрешения автономных властей.

3. За каждое срубленное дерево, их срубивший обязан посадить 2 маленьких деревца и ухаживать за ними.

4. На каждой из автономных территорий нарушение этого закона будет наказываться согласно местному регламенту.

5. Вырубка, без разрешения, одного дерева будет наказываться обязанностью посадить 20 деревьев.

6. Все разрешения будут выдаваться комиссией по земле и территориям.

Есть договоренность о том, что там, где есть место для посадки новых деревьев, каждый муниципалитет это сделает. Будут высажены такие деревья, в каких есть потребность в общине. Пространства, предназначенные для посадки деревьев будут местами удобными для семейных прогулок, например, берега рек.

Например, в Автономном Муниципалитете «17 ноября» у нас есть 4 центра по посадке новых деревьев, всего там было высажено 2 тысячи ростков кедра. Еще ирписты продолжают получать разрешение на 10 лет контракта, хотя мы пытались прекратить его, потому, что видим, что они хотят его использовать как повод для провокаций.

2.0 ПОСЕВАХ, ТРАНСПОРТИРОВКЕ, ПРОДАЖЕ И ПОТРЕБЛЕНИИ НАРКОТИКОВ

Несмотря на то, что закон был принят еще до начала войны, Хунты Хорошего Правительства формализовали запрет на наркобизнес. Дословно:

«Хунта Хорошего Правительства полностью запрещает на сапатистской территории выращивать, транспортировать и потреблять наркотики, те, кто будут это делать, согласно сапатистским законам, будут изгнаны с наших территорий. Базы поддержки сапатистов, у которых будут обнаружены посева этой отравы будут изгнаны из организации и из общины, к которой принадлежат. Также самое наказание будет по отношению к тем, кто потребляет наркотики. Если будет обнаружен участок с посевами какого-либо наркотика, они будут уничтожены путем сжигания. Владелец посева должен будет покрыть все расходы по его уничтожению, такие как расходы на керосин для сжигания и будет исключен из организации. Потребляющий наркотики будет наказан десятью днями принудительных работ и будет на 6 месяцев исключен из организации. По решению Хунты Хорошего Правительства, каждый муниципалитет на ее территории ежегодно будет проводить инспекции, чтобы убедиться, что нет лиц, занимающихся этой нелегальной деятельностью».

3.0 ПРОЕЗДЕ АВОТРАНСПОРТА ЧЕРЕЗ ЗОНЫ, КОНТРОЛИРУЕМЫМИ ХУНТАМИ ХОРОШЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В Хунтах Хорошего Правительства должны быть зарегистрированы все автомобили, проезжающие по сапатистской территории. Это мера для предотвращения нелегальной перевозки людей, наркотиков, оружия и леса. Благодаря этой системе контроля, Хунта Хорошего Правительства может определить автомобиль, используемый в преступной деятельности, провести расследование и, в случае подтверждения нарушения закона, если владельцы автомобиля сапатисты — наказать их согласно нашим законам, и, если они не сапатисты — сообщить об этом официальным властям.

Кроме того, сапатистская регистрация автомобилей позволила упорядочить работу общественного транспорта и помогла избежать конфликтов между различными организациями владельцев транспортных средств.

Для предотвращения превращения сапатистских зон в заповедники для угнанных машин и их последующей разборки на запчасти, ХХП выдают разрешение на проезд только тем водителям у кого в порядке все необходимые документы. То есть для того, чтобы зарегистрировать машину в ХХП, необходимо иметь регистрационный номер и технический паспорт. У водителя должно водительское удостоверение.

4.0 ПРОВОЗЕ НЕЛЕГАЛОВ

Несколько месяцев назад в Хунтах Хорошего Правительства, автономных советах и во всех сапатистских общинах был распространен следующий документ:

«В последнее время увеличилось количество нелегалов, которых незаконно провозят в Соединенные Штаты так называемые «койоты». Эти «койоты» — лица, занятые незаконными перевозками людей, у которых берут большие деньги в обмен на обещание перевезти их для работы в Соединенных Штатах.

В подавляющем большинстве случаев, «койоты» обманывают мужчин и женщин из Мексики и других стран Америки и оставляют их брошенными прямо в тайниках машин или же в пустыне, и эти мужчины и женщины (а иногда и дети) находят там ужасную смерть.

Кроме того известно, что «койоты» договариваются с властями федерального правительства Мексики, которые тоже участвуют в этом бизнесе. Мужчины и женщины, прибывающие сюда из других стран в поисках возможности попасть в Соединенные Штаты на работу, являются, в своем огромном большинстве, людьми бедными и простыми, и их права и достоинство ущемляются «койотами» и властями Мексики и Соединенных Штатов.

Поэтому было решено считать нелегальную перевозку через сапатистскую территорию людей, мексиканцев и иностранцев, тяжелым преступлением. Об этом решении было сообщено всем властям для того чтобы они следили за его выполнением, и все члены САНО, которые будут участвовать, помогать или укрывать тех, кто занимается нелегальной перевозкой людей, будут наказаны и, в крайних случаях, будут исключены из нашей организации. Комиссии по контролю ПИРК и Хунты Хорошего Правительства будут следить за тем, чтобы ни один сапатист, будь то участник баз поддержки, ответственный, член комитета или представитель автономной власти, не участвовал, не поддерживал или не покрывал нелегальной перевозки людей, потому что это преступление против человечества.

Все нелегальные перевозчики людей (или «койоты»), которые будут обнаружены и задержаны на сапатистской территории будут обязаны вернуть своим жертвам все деньги и после предупреждения отпущены. Если они совершат это преступление повторно, будет найден способ их выдачи компетентным властям, для наказания согласно мексиканским законам.

Все лица, мексиканцы или иностранцы, находившиеся в руках нелегальных перевозчиков будут освобождены и, по мере возможности, поддержаны (медицинская помощь, временное проживание и питание), и с ними будет проведена разъяснительная беседа для того чтобы они не позволяли себя обманывать в будущем.

Все люди, вне зависимости от их национальной принадлежности, имеют право свободного перемещения по сапатистским территориям, но обязаны придерживаться при этом законов Хунт Хорошего Правительства, автономных муниципалитетов и индейских общин.

Хунты Хорошего Правительства и автономные повстанческие сапатистские муниципалитеты сообщают об этих рекомендациях всем товарищам из баз поддержки сапатистов и членам других организаций, находящимся на сапатистской территории, нарушение вышеизложенного любым сапатистом повлечет за собой его непризнание, как товарища.»

Результаты? Вот примеры:

Из Хунты Хорошего Правительства в Морелии сообщают следующее:

«Насчет нелегалов без документов — в муниципалитете Эрнесто Че на территории задержали одного «койота», его на два дня арестовали и предупредили, что наказание в следующий раз будет большим, а людям без документов дали ночлег, питание, их предупредили о возможных опасностях дороги, и затем их отпустили. Был рассмотрен случай одного товарища, который продал им посоль по высокой цене, за эту ошибку этот товарищ был наказан.»

Из Ла-Гарручи:

««Койоты», которые будут обнаружены за обманом этих людей без документов будут задержаны для того чтобы они вернули им все деньги. На сапатистской территории полностью запрещена продажа еды, воды и ночлега людям без документов; они бедные как и мы, и мы обязаны не продавать, а дать им воду, еду и временный ночлег. В случае если

кто-то из «койотов» будет задержан повторно, он будет выдан властям негодного правительства.»

Из Ла-Реалидад:

«С центральноамериканскими и латиноамериканскими нелегалами ХХП беседует, объясняя им, зачем она создана и чем занимается. Им объясняют, что ХХП это результат борьбы САНО. Как и гражданские власти и базы поддержки САНО. Им объясняют 7 принципов идеи править подчиняясь и суть автономии. Им объясняют, что они являются автономными властями и что борются против неолиберализма, Плана Пуэбла-Панама, и так далее. Им советуют, чтобы они не покидали свои земли, что безопаснее работать на своем клочке земли, что лучше бороться за демократию, свободу и справедливость в своих странах, что их американская мечта очень ненадежна, потому, что многие умерли по дороге, что с нами нет никаких проблем и что они могут здесь чувствовать себя свободно, потому что мы такие же, как и они, что здесь не будет позволено, чтобы у них крали деньги за эту поездку, потому что таким образом обогащались нечестные предприниматели. Мы им даем пищу, напитки, галеты. Тогда нелегалы начинают нам доверять и рассказывают нам о своей жизни, некоторые из них рассказывают, что слушали Повстанческое радио в своих странах. Они остаются благодарными. У «койотов», которых удастся обнаружить, отбираются все их деньги, которые раздаются в равных частях всем центральноамериканским нелегалам, предупреждая «койота», что если еще раз его застанут за этим занятием, он будет наказан.

В другом случае, когда через нашу территорию пешком переходила группа центральноамериканцев, с ними состоялся разговор и среди них был обнаружен один «койот», который сказал, что он гватемалец и вел с собой гондурасцев, гватемальцев и сальвадорцев и что у них он взял 1500 песо с каждого из 27 центральноамериканцев, его проверили и обнаружили у него сумму в 31905 песо, 700 кецалей и 31 доллар, все это было у него отобрано и распределено поровну среди нелегалов. В настоящее время у нас есть один задержанный перевозчик мексиканских мигрантов, который отбывает наказание 6 месяцев после предупреждения, которое ему однажды уже было сделано.»

5. О МЕСТНЫХ ВЫБОРАХ В ЧЬЯПАСЕ 3 ОКТЯБРЯ 2004 ГОДА

В июле этого года делегаты Государственного Избирательного Института Чьяпаса обратились в различные Хунты Хорошего Правительства, чтобы достичь договоренности, которая позволила бы им провести свою запланированную работу. Вот ответ, который был им направлен:

Государственный Избирательный Институт Чьяпаса, Мексика.

Исполнительный секретариат,

Тукстла-Гутьеррес, Чьяпас, Мексика.

Господа!

Мы пишем, чтобы сообщить вам о следующем:

1. Мы получили ваше любезное письмо, датированное 14 июля 2004 г., в котором вы уважительно обращаетесь к нам с просьбой о том, чтобы наша Хунта Хорошего Правительства оказала вам поддержку для облегчения работы вашего Государственного Избирательного Института на сапатистских землях.

2. Как вам известно, мы не верим в то, что выборы являются настоящим путем к переменам в интересах народа, но мы понимаем, что есть люди, которые до сих пор верят в это, как в путь для решения проблем мексиканского народа. Непопулярность политических партий так велика потому, что они борются только за свои интересы, а интересы большинства им безразличны, но, может быть, есть люди, которые до сих пор думают, что среди тех, кто наверху, остается еще немного порядочности.

3. Наша работа, как Хунты Хорошего Правительства, состоит в том, чтобы обеспечить уважение различных мнений и идей всех проживающих на сапатистских территориях, без различия сапатисты ли это, не сапатисты, или даже антисапатисты. Потому, что мы не хотим, чтобы все стали сапатистами насильно, мы хотим, чтобы каждый был тем, кем он сам хочет быть, но уважая других, и будучи уважаемым, независимо от различия мыслей и идей.

4. Поэтому мы ясно говорим вам, что для проведения вашей работы в общинах, являющихся частью автономных муниципалитетов, объединенных этой Хунтой Хорошего Правительства, и правильный список которых следующий: (список автономных

муниципалитетов) у вас не будет никаких проблем. Мы только просим вас, чтобы точно также как мы уважаем тех, кто хочет голосовать, вы уважали мнение и тех, кто не хочет этого делать и не заставляли никого делать то, чего он делать не хочет.

5. Поэтому у вас уже есть гарантия того, что вы сможете без проблем выполнить свою работу на территории, соответствующей нашей Хунте Хорошего Правительства и вы увидите, что никто не будет чинить вам препятствий, конечно если вы всегда будете уважать волю общин.

В дни предшествующие выборам 3 октября 2004 года и в сам день выборов Государственный Избирательный Институт Чьяпаса сможет без каких бы то ни было препятствий со стороны сапатистских общин провести свою работу на территориях, соответствующих нашей Хунте Хорошего Правительства.

6. Кроме того, мы хотим вам сообщить, что в списке общин, которые вы нам передали вместе с вашим любезным письмом есть некоторые, соответствующие не нашей Хунте Хорошего Правительства, а (название другой ХХП), в связи с чем мы советуем вам обратиться к братьям и сестрам из этой Хунты Хорошего Правительства, чтобы получить их разрешение. Мы уверены, что они отнесутся к вам с тем же вниманием и уважением, как это делаем мы.

7. Как все мы видим, когда с обеих сторон существует взаимное уважение, всегда можно прийти к пониманию. Мы, сапатисты, не хотим никому ничего навязывать, мы хотим только чтобы нас уважали и чтобы те, кто думают по-разному, всегда могли между собой договориться.

Мы благодарим вас за тон вашего письма и приветствуем вас.

С уважением,

(подписи членов соответствующей Хунты Хорошего Правительства).

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

Мексика, август 2004 г. 20 и 10.

Часть шестая: Шесть достижений

Со времен колонии индейские народы Мексики жили в условиях крайней нищеты. Несмотря на то, что они были социальной группой, которая больше других внесла в борьбу за независимость, в войны сопротивления североамериканскому и французскому вторжениям и в мексиканскую революцию (и, если вы мне позволите, в сегодняшнюю демократизацию страны, хотя политики и средства информации оспаривают друг у друга право на собственный протагонизм), долги страны перед ними все это время лишь накапливались. Если кто-то отдавал свои жизни и смерти ради того, чтобы эта страна, называемая Мексикой могла быть построена как суверенная, свободная и независимая нация — это были индейцы.

Ни одно из движений не обернулось посмотреть что с ними случилось после побед или после поражений. Кто бы ни побеждал, индейские народы всегда проигрывали. Тот, кто обещал им лучшую жизнь, заканчивал, превращая их в рабов на своих поместьях. Тот, кто обещал им свободную родину, заканчивал, оставляя их в стороне. Тот, кто обещал им демократии, заканчивал, навязывая им правительства и законы. Но всегда, когда речь заходила о судьбах Мексики, индейцы не колебались и отдавали единственное, что у них было — свою кровь.

С момента приобретения Мексикой независимости до сегодняшнего дня прошло уже почти 200 лет. Прошло 200 лет, и остаются индейские народы, которые работают и умирают в условиях ничем не отличающихся от условий времен колонии. Земли, которые у них когда-то были, сегодня отняты, иногда насилием, а иногда обманом. Цвет, язык, одежда, образ жизни — все это было причиной стыда, насмешек, презрения. Слово «индеец» использовалось как оскорбление, как синоним слова «невежда», как человек с недостатком разума, способностей, рожденный лишь для подчинения, годный только на роли прислуги.

После всего этого единственное, что было бы странно — это если бы они не восстали с оружием в руках. И они это сделали. И несмотря на то, что они всегда были объектом издевательства и презрения со стороны тех, у кого белая кожа, они не превратили свою войну в войну против другого цвета. И несмотря на то, что они всегда были объектом обманов и

жертвой лжи тех, кто говорит по-кастильски, они не направили свою войну против другой культуры. И несмотря на то, что они всегда были лишь прислугой в домах тех, у кого есть все, они не занялись разрушением. Они начали войну, свою войну. Они ведут ее до сих пор. Войну против забвения.

Этой стране повезло. Там, где другие разрушают, эти индейцы строят. Там, где другие разделяют, они объединяют. Там, где другие исключают, они включают. Там, где другие забывают, они помнят. Там, где другие являются тяжелой ношей для всех, они несут на себе, кроме прочего, груз нашей истории. И повезло САНО из-за того, что она получила в свое время по заслугам от этих самых индейцев. Потому, что если бы не...

Если кто-то оглянется посмотреть на них, он увидит обычных людей со множеством ошибок, дефектов, слабостей, падений, то есть, несовершенных. И проблема как раз в этом, потому что, если бы они являлись какими-то сверхмужчинами и сверхженщинами, тогда, конечно, была бы понятна причина того, чего они добились. Но поскольку они такие же как и все... как вам это сказать? Тогда каждый сам говорит себе: *«я тоже должен что-то сделать... потому что никто другой этого за меня не сделает»*.

И именно этим заняты сейчас сапатистские народы. Они не ждут пока правительство разделит среди них обещания и подачки. Они работают, чтобы улучшить условия своей жизни и добиваются этого. Как это ни парадоксально, условия их жизни, хотя и очень далеки пока от идеальных, сегодня уже лучше, чем в тех общинах, которые получают федеральную «поддержку». И в этом можно убедиться воочию (видео, хоть и для чтения, все равно ограничены), и можно проверить.

Об этих достижениях, которые стали возможными благодаря «третьему плечу», я сейчас расскажу вам. Постараюсь при этом распространяться не слишком подробно (всегда я ставлю перед собой эту задачу, но стопка исписанных листков растет помимо моей воли), и предлагаю вам познакомиться с полными текстами докладов каждой из хунт, и, разумеется, посетить Улитки и общины и лично побеседовать с товарищами.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ.

Два из достижений связаны со здравоохранением и образованием. «Забвения» различных федеральных правительств об этой сфере, стали причиной того, что слово «индеец» стало неким синонимом понятия «больной и безграмотный».

Благодаря поддержке «гражданских обществ», ситуация с охраной здоровья в наших общинах начало радикально изменяться. Там, где раньше была только смерть, сейчас начинает утверждаться жизнь. Там, где раньше была только безграмотность, сегодня пробиваются первые ростки знания. В общем там, где раньше совсем ничего не было, теперь начинает рождаться нечто новое и хорошее.

Например, в чьяпасских Лос-Альтос местная система здравоохранения обеспечивает всем бесплатное медицинское обслуживание, и, насколько это позволяют ресурсы, лекарства тоже бесплатны. Это стало возможным благодаря двум факторам:

Первый — это экономическая поддержка гражданского общества, позволяющая получать медицинское оборудование и лекарства.

И второй состоит в том, что вместо того, чтобы сосредотачивать все внимание только на лечении болезней, наша система здравоохранения направлена, в первую очередь, на их профилактику. Цель состоит в том, чтобы сократить количество болезней, и в результате — потребление лекарств. Хотя и не без трудностей, но бесплатное медицинское обслуживание было непрерывным весь год в Хунте Хорошего Правительства Лос-Альтос.

В пяти зонах, где действуют Хунты Хорошего Правительства проводятся кампании по гигиене, разъясняется необходимость пользования туалетами и уборки жилых помещений. Кроме того, ведутся кампании по борьбе с хроническими болезнями (такими как лешманиаз или язва чиклеров), эпидемиями и по своевременному определению рака молочной железы, хотя широкое распространение всего этого только начинается. Это стало возможным благодаря тому, что кроме экономической поддержки проекта по здравоохранению, существует и солидарная (и нередко героическая) помощь врачей-специалистов и медсестер, которые за счет своих отпусков отправляются на эти земли и дарят знания (акушеркам, костоправам, пропагандистам здоровья и работникам лабораторий) и здоровье нашим общинам.

Третье плечо для поддержания жизни.

Строятся региональные и муниципальные клиники, в них завозится оборудование и наши товарищи получают специальное обучение для того, чтобы суметь всем этим пользоваться. 1 августа в зоне тохолабалей была проведена первая хирургическая операция и сейчас готовится к открытию лаборатория по переработке лекарственных растений. Во всех зонах уже созданы аптеки, существующие за счет финансирования проектов и добровольных взносов.

В целом, все Хунты Хорошего Правительства постепенно добиваются того, чтобы в каждом автономном муниципалитете была собственная элементарная структура здравоохранения — пропагандисты здоровья, кампании по гигиене, профилактическая медицина, минигоспитали, аптеки, региональные клиники, врачи и другие специалисты.

Что касается образования, в этой сфере мы стараемся действовать так, как следовало бы действовать и в политике, то есть, снизу вверх. Во всех общинах строятся школы (в этом году на всей сапатистской территории было построено более 50 школ, но этого пока не достаточно) и дооборудуются уже существующие (в этом году около 300), готовятся пропагандисты образования (и проходят курсы по повышению квалификации), создаются центры среднего и технического образования (где, в отличие от официальных, изучаются исторические корни Мексики).

Школьные учителя и инженеры-строители, специалисты по педагогике, мужчины и женщины с обычными именами и лицами, индейцы в масках и без них, поднимают школы и знания там, где раньше была только неграмотность.

Приезжайте. Здесь вы сможете увидеть в различных общинах разных зон, как возникли клиника, аптека, школа, что здесь очень шумно, тому что одна доктор будет сейчас вести осмотр женщин, что «Марийя» уже научилась писать свое имя и может рассказать тебе, что у древних мексиканцев была очень великая культура, а сейчас она хочет попасть в среднюю автономную, но как знать, пошлют ли ее туда, что зубной уже в клинике и сейчас будет вырывать зубы и закрывать в них дырки, что вон там сейчас праздник, потому что приехали школьные доски, тетради, карандаши и книги, что Ленчо должен был умереть, но не умер и он-умрет-своей-смертью-но-потом-то-есть-еще-не-сейчас-то-есть-что-потом-и-не-скоро, что в школе сейчас очень весело, что глазной врач уже приехал, что Андулио уже хнычет, потому что не может найти своего карандаша, что этот врач — педиатр и он объясняет одному товарищу, что он не лечит ноги, что Убер говорит «это не я» хотя никто его не спрашивал, брал ли он карандаш Андулио, что вот невопатолог и он помогает если у кого-то плохо с головой и он падает в обморок, что будут делать прививки всем детям, что в этих автобусах приехали пропагандисты, которые будут читать курс лекций в Улитке, то ли по образованию, то ли по здравоохранению, потому что *«если бы вы знали, как часто здесь бывают то одни, то другие, и если бы вы знали, что раньше так не было, было все по-другому, на дорогах можно было встретить только коров и быков, только вы не обижайтесь... послушайте, а вы в самом деле не отсюда? да, а иногда это видно, но не беспокойтесь, я сейчас сам вам все объясню, понимаете, тогда в 1994 все мы индейцы восстали, то есть как мы говорим здесь, вся чернь... потому что сапатисты... а потом гражданские общества... и послушайте, не хотите посоля? Потому что я вам буду долго рассказывать...»*

ПИТАНИЕ, ЗЕМЛЯ, ЖИЛЬЕ

От срочного к важному. Главным вопросом, которым занято сейчас хорошее правительства чьяпасского Лос-Альтос занимает проблема беженцев (главным образом из Поло). Из почти 3 с половиной миллионов песо, истраченных Овентиком, около 2,5 миллионов были предназначены Поло. Эти деньги ушли не только на питание. Были построены и вступили в действие муниципальный сельскохозяйственный магазин и кооператив женщин-беженцев.

Хорошее правительство смотрит вперед и развивает проект фабрики по выпуску сборных блоков (*«то есть для того чтобы делать блоки для стройки»*), объясняют мне, когда я спрашиваю, не для того ли это чтобы остановить утечку мозгов из кабинета Фокса; я говорил, что вокруг них скитается немало «охотников за головами»).

Проект фабрики по выпуску сборных блоков может вызвать цепную реакцию. Кроме создания источника дохода для компас (которые не могут ходить на свои поля из-за угрозы со стороны боевиков), окажется значительно снижена себестоимость стройматериалов и можно будет повысить качество жилья. Но все это — на будущее, хотя фабрика по блокам в Поло строится уже сегодня.

Чтобы улучшить питание, в пяти зонах начинают действовать кооперативы по разведению свиней («нет, политиков мы не разводим», объясняют мне, упреждая логичный вопрос), кур, баранов («нет-нет, это не депутаты ПНД, голосующие за лишение парламентской неприкосновенности Лопеса Обрадора », говорят мне и до меня наконец доходит, что на этот раз мне лучше ни о чем больше не спрашивать), цыплят, крупных рогатый скот (то есть, коров, волов и прочих быков, разумеется, стараясь никого не обидеть), по выращиванию овощей и фруктовых деревьев.

Из Ла-Гарручи сообщают, что «в наших автономных муниципалитетах были подготовлены пропагандисты агроэкологии, чтобы у них был опыт охранять окружающую среду, такой как выращивать животных, как делать им прививки и как добиваться чтобы возвращенная нам земля стала более плодородной и поэтому у нас есть достижения во всех муниципалитетах ».

Осуществляются проекты по проведению курсов для обучения изготовлению обуви, использованию машин по очищению риса, механике («мы уже починили трактор, теперь не хватает только бензина »), в зоне Ла-Реалидад действует программа под названием «курсы адекватной технологии, здоровья в жилище, экономии электроэнергии и повышения профессиональной квалификации», в рамках которой, кроме распределения баков с водой, производятся печи для экономии дров, во многих зонах даются курсы кузнечного дела, осуществляются проекты по обеспечению питьевой водой, проводятся уроки ткачества и разведения пчел.

Таким образом, в различных сферах и при поддержке «гражданских обществ» улучшаются наши земли, жилье и питание.

Говоря на языке сельвы: «на сегодня мы улучшили немного питание благодаря землям, которые освободились от больших поместий, потому что так мы собираем больше маиса и фасоли и благодаря проектам по агроэкологии. Благодаря нашей организации удалось сильно уменьшить алкоголизм, что нам позволило больше тратить на питание те небольшие ресурсы, которые у нас есть. Еще мы смогли улучшить наши дома, хотя и бедные, но сегодня у нас лучшие крыши, дома теперь чище и участки возле них больше чтобы выращивать фруктовые деревья, овощи, цветы и иметь домашних животных ».

С тремя этими элементами связана и коммерциализация.

Продукция сапатистских территорий перевозится на региональные склады (в зоне Ла-Реалидад один из складов называется «Все для всех», что, на мой взгляд является прямым приглашением к грабежу, другой называется Эль-Караколито», другой — «Дон Дурито»; зону Морелии называют «центром снабжения» и оттуда поступают кофе, панела, сувениры, вышивки, глиняная посуда, свечи, корзины, мебель — все что производится в общинах и все по низким ценам; в Роберто-Барриос есть три региональных склада), в проект развития которых включено приобретение собственного транспорта для перевозки товаров. Таким образом, растет число кооперативных магазинов и народных столовых.

Главные достижения сапатистской автономии периода Хунт Хорошего Правительства связаны, в первую очередь с улучшением условий жизни, но не только...

ПРАВЛЕНИЕ И САМОУПРАВЛЕНИЕ

Но наверное, самое главное из наших достижений — это то, что мы учимся строить, не без ошибок и упущений, хорошее правительство:

«Мы научились решать наши проблемы, договариваться с другими организациями и властями и с нашими собственными общинами, в течении этого времени мы многому научились как править в каждом муниципалитете и мы увидели, что непросто плохим правителям подкупить нас, потому, что мы научились править по очереди и это наша форма правительства, и у всех этот опыт есть и над правительством есть контроль наблюдателя ».

В течении всего года это было для нас большим уроком и теперь нас не купить за бутылку лимонада.

Другое, чему мы научились, это общаться с людьми из других культур и других стран...

«Мы научились посредством работы, решая проблемы, сначала мы волновались, раньше в каждом муниципалитете каждый организовывался по-своему, сейчас мы вместе из разных муниципалитетов научились работать на равных и еще мы научились говорить с другими людьми, которые не из нашей организации. Уже мы знаем, что они не наши враги, дело в том, что они обмануты, но мы видим, что они постепенно начинают понимать и постепенно приближаются к нам...»

«Каждый представитель муниципальной власти приносит в свой муниципалитет то, чему он научился, находясь в хунте, некоторые из нас научились составлять документы о договоренностях, готовить проекты, пользоваться такими аппаратами, как компьютер, интернет, ксерокс, телефон и другими аппаратами, которыми мы учимся пользоваться...»

«Мы ценим, что политически мы имеем преимущества, мы научились работать путем самопожертвования. В отличие раньше у нас было много ошибок, но сейчас мы постепенно учимся.

Выгоды, которые мы видим — все мы были правительством, у нас нет одного лидера, у нас коллективное правительство, так что среди всех мы учим других тому, что каждый из нас знает, есть справедливое распределение проектов, к нам обращаются общественные организации, которые когда не могут решить своих проблем обращаются в наш офис...»

«В Хунте Хорошего Правительства нам не нужен переводчик, мы здесь говорим на разных языках, так что к нам может обратиться любой человек, будь то цельталь, цоциль, тохолабаль или испаноговорящий, мы можем объясниться с ним на его родном языке...»

В этом состоят достижения, которые мы увидели и почувствовали за первых год действия Хунт Хорошего Правительства.

А что если я это все выдумываю, а вдруг я говорю обо всем этом для того, чтобы вы подумали, какие они хорошие и какие у них изменения?..

Поэтому я настаиваю, приезжайте, пройдитесь по нашим селениям и на этот раз уже сами добавьте звук и изображение в это видео...

(Продолжение следует...)

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

Мексика, август 2004 г. 20 и 10.

Часть седьмая: Семь дней на сапатистской территории

ПОНЕДЕЛЬНИК: В УЛИТКЕ МОРЕЛИИ

В Улитке IV были приняты 2 женщины-добровольки Ф. и В., они сообщили, что многому научились за дни пребывания в общинах, и что уезжают бороться в свои родные страны, Италию и Испанию, что увозят цветок слова в свой коллектив.

В Улитке IV, собрались 13 учителей, сотрудничающих с различными муниципалитетами, здесь практиковали обучение согласным буквам: Л — Ч — Х — Б — К — Н — Р — В. Эти буквы были изучены с мотивацией и презентацией естественных и искусственных предметов, слов или высказываний, чтобы научиться определять слоги в каждом слове, и было запланировано следующее собрание, его назначили на дни 20 и 21 в муниципалитете Мигель Идальго.

В муниципалитет Че Гевара отправилась комиссия в составе трех товарищей для расследования проблемы, возникшей в вышеуказанном муниципалитете в связи с посевом наркотика марихуана, их задача — выяснить правда ли то, что в пункте «Х», двое товарищей были задержаны за совершение этих ошибок и помещены в тюрьму муниципалитета Че Гевара. Товарищи операторы сняли произошедшее и передадут видео хунте. Власти этого муниципалитета должны будут решить вопрос о наказании нарушителей и передадут копию своего решения Хунте Хорошего Правительства; задержанные признают расход на проезд комиссии хунты размером в 600 песо.

Мы приняли сеньора И., из страны Алжир, который приехал приготовить блюдо кус-кус, в сопровождении делегации комитета солидарности из Франции.

ВТОРНИК: В УЛИТКЕ РОБЕРТО БАРРИОСА

Мы приняли сестру Н., из Швейцарии, из организации З., она передала вклад в 57 тысяч 790 песо для потребностей общин Северной Зоны, и каждому муниципалитету из этой суммы соответствует 6 тысяч 229, всего 10 муниципалитетов. Если это не появляется в отчете, это потому что мы добавили эту сумму к тому, что нам передал один брат из Мехико, и там все указано вместе.

Собрание комиссии чтобы придумать логотип для машины, которую назвали Непокорный маис, на языке чоль *П'аталь ба ишим* и на цельтале *Тулан ишим*. Участники образовательной программы Солнечное Семя передали нам 2 словаря, два земных шара и мир на подставке.

Мы приняли братьев из Японии, из организации солидарности с сапатистами, которые хотят работать над фресками. Сделали письмо для организации из Голландии о проекте девяти аптек, трех домов здоровья, подготовки медиков и одной машины скорой помощи.

СРЕДА: В УЛИТКЕ ЛА-ГАРРУЧИ

Пришел товарищ Бенито из селения «Х» муниципалитета Франсиско Гомес. Тема: Проблема дров с официальной АРИК. По причине этой проблемы с дровами, женщины подрались в церкви, один мужчина из АРИК ударил одну сапатистскую женщину, а один товарищ из базы начал стычку с неким Артемио из официальной АРИК. Во время этого скандала одна ирпистская женщина разделась перед всеми, чтобы спровоцировать изнасилование. Это не привело к большим проблемам и компа Бенито не стал дожидаться прихода руководителей и прибыл сам.

Пришли сеньор В. и сеньор А. из Окосинго. Тема: сообщить о задержанном такси. Координатор по транспорту региона Окосинго сказал, что такси уже можно вывезти со стоянки, но раньше водитель должен подписать бумагу, где говорится, что он не работает как таксист. ХХП отправило координатору другой документ и копию делегату правительства штата, с тем, чтобы немедленно освободили такси, потому, что если не будут уважать честную работу, тогда люди будут становиться преступниками или политиками, или бедные люди будут собираться и восстанут с оружием как сапатисты в первый день января 94 года, так что пусть уважают работу таксиста.

Пришли в ХХП люди из организации РДП Окосинго, чтобы сообщить о краже 9 коней, 4 седел и 1 мотопилы. ХХП получило расследование автономному повстанческому сапатистскому муниципалитету Франсиско Гомес, и, когда нашли тех, кто украл, позвали хозяев, чтобы вернуть им их животных и вещи; они не согласились принять деньги, которые им предложили принять в обмен на вещи, а тем, кто украл, было сказано, чтобы они больше этого не делали, иначе они могут попасть в тюрьму.

Обратилась в ХХП сеньора Трансита по вопросу проблемы об участке земли с товарищами из базы поддержки из одного квартала Окосинго, площадью 8 на 15 на возвращенных землях; ХХП попросило у нее показать бумаги на собственность на этот участок, она ответила, что у нее нет никакого документа, подтверждающего, что она хозяйка, ХХП провела расследование и выяснилось, что этот участок ей продал тот, кто тоже не был хозяином и поэтому компас и остальные жители квартала разрушили дом, и она обратилась с 4 исками в министерство, тремя против баз поддержки и одним против жителя квартала, который не компа, после долгих переговоров ХХП предложила вернуть ей землю и материалы, если она заберет 4 иска, ей уже возвращены все ее вещи, а она не еще забрала одного из своих исков, того, что направлен против соседа, который н компа, потому, что он распускает о ней плохие слухи, ХХП требует исполнения заключенной договоренности, вне зависимости от того, что говорит или не говорит сосед. До сих пор ожидается выполнение этой договоренности.

Пришло руководство организации «Х», чтобы решить проблему об изнасиловании и о столкновении, вызванном проблемами из-за земли и им было сделано 3 предложения, которые они подписали с нами в виде договора: 1. Проблемой изнасилования займутся

официальные власти, 2. Изгнанные со своих земель вернутся в свои дома и 3. Что все проблемы будут решаться путем мирного диалога.

Из 21 случая есть 16 разрешенных, 4 в ожидании разрешения и 1 не разрешенный.

ЧЕТВЕРГ: В УЛИТКЕ ОВЕНТИКА

Пришла Офелия с доктором чтобы узнать, есть ли уже разрешение для того чтобы показать печи, позволяющие экономить дрова. И мы дали это разрешение.

Приехали из журнала «Ребельдия» и потом из САНО, чтобы передать деньги, полученные в результате кампании, которая называется «20 и 10, пламя слова» и которые предназначены для Хунт Хорошего Правительства. Эти средства отправили САНО для того, чтобы она разделила их поровну между всеми хунтами. Потом с той же целью пришли из Молодежи Альтернативного Сопrotивления из Мехико.

С представителями Альянса был обсужден проект завода по производству строительных блоков в Поло.

Автономный муниципалитет из Сан-Андреса Сакамчен просит отложить 10 тысяч песо для починки машин руководства.

Для помощи нуждающимся беженцам из Синакантана, из СИЕПАКа,¹⁸⁴ из ДЕСМИ,¹⁸⁵ из Германии, из Гранады, из Врачей Мира, из Общины Гражданской Ассоциации, от футболистов Италии из команды, которая называется Интернационале Милано, из США и от частных лиц пришли 616 тысяч 302,26 песо.

ПЯТНИЦА: В УЛИТКЕ ЛА-РЕАЛИДАД

К нам пришла одна сеньора из Сьюдад-дель-Кармен, Кампече, чтобы рассказать о проблеме, которая у нее есть с одним сеньором из города Комитан: ей пообещали, что для нее получат ипотечный кредит и как гарантию договора она должна была передать документацию на свой дом в банк, в результате денег ей не передали, она потребовала возвращения документации, оставленной ею в банке, но ей ничего не вернули, потому что ее деньги все-таки попали в руки исполнителя, но ей ничего не досталось, ХХП посоветовало ей обратиться лучше в одну организацию по защите прав человека, потому, что в этом деле были нарушены ее права, ей порекомендовали Фрайба, и до настоящего момента неизвестно, обратилась она туда или нет.

Солидарные товарищи, которые построили турбину в Ла-Реалидад, приехали посмотреть как она работает и после беседы с ХХП вернулись.

Приехали солидарные люди из Австралии, они хотели знать об автономии и о том, что такое править подчиняясь, мы им подробно объяснили, они выглядели очень удивленными и сказали, что увезут этот опыт для распространения в своей стране. Еще приехали из Аргентины, Франции, Канады и Польши, чтобы побольше узнать об автономии.

Приехали из Страны Басков, чтобы посмотреть что происходит с проектами, которые они поддерживают, они вернулись довольными, потому, что видят, что договоренность выполняется.

Приехали студенты из УНАМ, УПН¹⁸⁶ и Поли, чтобы побеседовать и чтобы им объяснили о том, что значит править подчиняясь и об автономии.

СУББОТА: ОДНОМ САПАТИСТСКОМ СЕЛЕНИИ

Вместе с Роландо мы заходим поздороваться с доньей Хулией. Она проводит меня в свой дом-зал-столовую-кухню-спальню. Она наливает кофе и начинает рассказывать. О

184 СИЕПАК — Система взаимного сообщения сетей электроэнергии между странами Центральной Америки

185 ДЕСМИ — «Социальное экономическое развитие мексиканских индейцев», неправительственная организация

186 УПН — Национальный педагогический университет

детях, внуках, правнуках, о том, как это было, когда к ней в дом вошли солдаты и «я смотрела ему в глаза вот так прямо (и хмурит свои седые брови) и сказала ему «а ну, давай, доставай твой пистолет и стреляй в меня, давай», но он не достал пистолета, иначе я бы вам всего этого здесь не рассказывала ». Она продолжает говорить о том, как ее сын скрывался чтобы носить лепешки повстанцам в горы, о том, как начали организовываться селения, о том как проголосовали за войну, о том как все ушли воевать в город, о том как велось сопротивление, о том как началась создаваться автономия, о том как Улитки... Я уже собрался было достать трубку и табак, как вдруг она замолчала и спросила меня: — «Вы идете говорить с Супом?» я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на Роландо, который начинает чесать усы, пытаюсь скрыть смех. Оставляю трубку и табак в сумке. — «Да », — говорю ей. — «А, тогда когда вы его увидите, передайте ему мои привет и благословение, потому, что непонятно, где этот проклятый шляется, что столько дней ко мне не заходит », — говорит она и дает мне несколько тамалей¹⁸⁷ «для Супа ». Мы прощаемся. Уже на лугу я говорю Роландо: — «Если ты не перестанешь смеяться, ты отсюда не уйдешь ». «Все равно все умрем», — говорит он мне со смехом и уходит вперед. И уже с разумного расстояния кричит мне: — «Не забудь передать привет Супу!». Уже в домике Командования я смотрю на себя в зеркальце и говорю ему и себе: — «Мы уже не те, кем были раньше » и вздыхаю... А что мне еще оставалось делать.

ВОСКРЕСЕНЬЕ: В ОДНОМ ИЗ МЕСТ ГОР ЮГО-ВОСТОКА МЕКСИКИ

Глубокая ночь. Я наткнулся на Моя, который тоже не может уснуть. Войска уже давно отправились на отдых. Вдали лишь угадывается тень часового. Мы говорим с Моим о мертвых, наших мертвых. Я говорю ему, что любой из них был лучше меня. Что сейчас от нас ушел Элеасар, который, казалось, уже начинал выздоравливать и вдруг взял да умер. Потому что смерть сюда никогда не приходит постепенно, она возникает всегда неожиданно, в полный рост, хлопая дверью, и ты всегда остаешься, глядя на ее следы и думая, что лучше она забрала бы тебя, а не его, того, кто умер. Элеасар был лучше меня. Как и Педро, и Уго, и Фреди и Альваро и все, чьих имен я не хочу называть, потому что к чему наследовать мертвых? Элеасар, который в кровати еще пытался по-военному поприветствовать нас и который утром попросил нас поставить ему музыку. Мой говорит мне, что у меня мокрое лицо. Рукавом я смахиваю капли и говорю: — «Это дождь». Мой закуривает сигарету, а я трубку. Небо, которому больно от стольких звезд, не плачет, а просто смотрит в смуглое зеркало луны.

СЕРТИФИКАТ ПОДЛИННОСТИ.

Сказав, увидев и выслушав все предыдущее, находясь в почти здоровом рассудке и более-менее хорошей физической форме, я подтверждаю, что все показанное в этом «очень другом» видео и то, что рассказанное мной о сапатистах является верным, доказуемым и, в данном случае, осуждабельным. Единственное, что может быть отнесено на счет фантазии или воображения, это само существование того, кто это пишет, но поскольку сегодня уже хорошо известно, что мы, привидения, существа вполне безобидные, по крайней мере, до тех пор пока как сказал не помню кто, мы умираем чтобы жить. Подтверждаю.

Видео, показанное для всей галактики из мексиканского юго-восточного штата Чьяпас, в четвертом году XXI века, через 20 лет после рождения и через 10 после начала, когда август становится влажным и у обнимающей нас страны болит надежда (потому что то, что болит у мира в целом — это Буш).

Примечание: У настоящего видео нет авторских прав и оно может быть воспроизведено полностью или частично где вам захочется, столько раз, сколько вам захочется, и с кем вам захочется. Если же вы последуете этому предложению и поведете себя соответствующим образом и вас посадят за это в тюрьму, это уже не будет ответственностью дистрибьютера видео, которым является, как это уже было сказано, Сапатистская Система Интергалактического Телевидения.

¹⁸⁷ тамаль — латиноамериканское блюдо из толченой кукурузы с различными ингредиентами, обычно завернутый в банановый лист

Все. Привет и если чего-то не хватило — добавьте по вкусу.

(Продолжение следует...)

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

Мексика, август 2004 г. 20 и 10.

Часть восьмая: Enter Дурито

Когда, после последних титров, экран становится синим (ладно, я помню что это лист цветного картона, но предполагается, что мы продолжаем эту тему с видео), и остаются совсем немногие из тех, кто не расходится в ожидании чего-то еще (как видите, бывают видео, которые продолжают что-то показывать даже после собственного окончания). И вот теперь, когда его никто (включая меня) не ждет, на экране (то есть, на картонке) возникает жук и произносит следующую речь:

Тише! Тише! Не нужно аплодисментов. Дамы, сдержите свои вздохи, кавалеры, не показывайте своей зависти, дети перестаньте поливать инсектицидом ваши афиши со спайдерменом. Успокойтесь. Потому, что я, великий Дон Дурито Лакандонский пробуду с вами всего несколько секунд и с одной-единственной целью поднять рейтинг этого... видео?

На самом деле эту часть мы добавили только из вредности, чтобы опровергнуть предсказания тех, кто думал, что частей будет всего семь, потому что самые первые из богов и тра-та-та... Так что вот перед вами восьмая и совершенно не исключено, что после нее появится шестая.¹⁸⁸

От имени Руководящего Комитета Сапатистской Системы Интергалактического Телевидения, мы не просим у вас прощения за то, что отвлекли и нарушили ваши планы. Скоро мы опять позволим вам вернуться к этой столь «увлекательной» программе лишений парламентских неприкосновенностей, перерезания ленточек, получения серебряных медалей, неудержимого продвижения «партии стадионной ложки Университетского городка» (согласно тому, что сообщают со щепок галерки) и last but not least,¹⁸⁹ правительственному докладу (хотя не совсем понимаю, зачем вы все это смотрите, если уже и так известен конец этого телесериала).

В маловероятном случае, если кто-то захочет смотреть нашу программу и дальше, у него будет возможность увидеть... в прямой трансляции!.. Сапаааааатистскую Олимпиаду! Да, под девизом «ниже всех, медленнее всех, слабее всех» сапатисты покажут почему они так долго тренировались, чтобы проиграть. Обратитесь только к своей совести и вы это увидите, где бы не находились. Тот, кто позвонит первым получит, кроме права на нашу эксклюзивную программу, афишу (скромных пропорций, то есть, всего пять на пять метров), подписанную самим мной, причем в позе, для определения которой не хватит никаких «иксов» (применяйте ограничения).

Не переключайте, мы вернемся...

(Продолжения не следует... то есть да, но потом)

Из гор юго-востока Мексики

Суп, бегущий в туалет по вине тамалей, стараясь не бежать слишком быстро, чтобы занять второе место (потому что может хотя бы так нас услышат с первого раза).

Мексика, август 2004 г., 20 и 10.

Мы пришли сюда, чтобы спросить у родины, нашей родины, почему она оставила нас одних столько и на столько лет? Почему она оставила нас наедине со столькими смертями? И хотим еще раз, через вас, спросить ее, почему необходимо убивать и умирать для того чтобы вы, и через вас весь мир, услышал Рамону, которая здесь и говорит такие ужасные вещи, как то, что индейские женщины хотят жить, хотят учиться, хотят больниц, хотят лекарства, хотят школ, хотят пищи, хотят уважения, хотят достоинства?

¹⁸⁸ Не исключено, что после нее появится шестая — из-за путаницы в ходе публикаций различных частей этого «видео», после шестой части оказалась опубликованной восьмая, и только после нее — седьмая.

¹⁸⁹ last but not least — последний, но не наименее важный (англ.).

СУБКОНДАНТЕ МАРКОС

*В этот седьмой год войны с забвением,
мы повторяем кто мы.
Мы ветер. Не грудь, что нами дышит.
Мы слово. Не губы, что нас произносят.
Мы шаг. Не ноги, что нами ступают.
Мы биение. Не сердце, что нами стучит.
Мы мост. Не земли, что соединяются.
Мы путь. Не точка прибытия или ухода.
Мы место. Не тот, кто его занимает.
Нас не существует. Мы просто есть.
Мы семикратность седьмого раза.
Мы повторение зеркала. Мы отражение.
Мы рука, едва приоткрывающая окно.
Мы мир, стучащийся в завтрашнюю дверь.*

Сапатистский стих